ПОЛИЦЕЙСКОЕ ПРАВО.

IV
7926

ПОЛИЦЕЙСКОЕ ПРАВО

ПОСОБІЕ ДЛЯ СТУДЕНТОВЪ

В. Ѳ. ДЕРЮЖИНСКАГО

ПРОФЕССОРА С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1911.

БИБЛИОТЕКА
Коммунистической
АКАДЕМИИ
327
36

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ВСТУПЛЕНІЕ 1

Понятіе управленія и отрасли его.—Возникновеніе полицейскаго права.—Понятіе «полиціи» и «полицейскаго» государства.—Деламаръ, Юсти, Зонненфельсъ.—Кризисъ въ развитіи полицейскаго права.—Правовое государство.—Л. фонъ-Штейнъ и ученіе объ управленіи.—Содержаніе полицейскаго права.

I. ПОЛИЦІЯ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРАВО ПЕРЕДВИЖЕНІЯ 21

Личная свобода.—Право передвиженія и его ограниченія.—Свобода передвиженія въ Англіи.—Актъ объ осѣдлости.—Отношеніе къ иностранцамъ.—Законъ 1905 г. объ иммиграціи иностранцевъ.—Ограниченія права передвиженія въ дореволюціонной Франціи.—Паспортная система въ эпоху революціи.—Современное законодательство.—Мѣры въ отношеніи къ иностранцамъ.—Право передвиженія въ Германіи.—Легитимаціонная система 21

Право передвиженія въ Россіи.—Проѣзжія грамоты и Уложеніе 1649 г.—Развитіе паспортной системы при Петрѣ Великомъ.—Паспортные сборы.—Развитіе вопроса о реформѣ паспортнаго законодательства.—Коммисія 1869 г.—Положеніе

Стр.

о видахъ на жительство (1894 г.). — Важнѣйшія постановленія его.—Виды паспортныхъ документовъ.—Отмѣна паспортныхъ сборовъ (1897 г.). — Заграничные паспорты. — Въѣздъ иностранцевъ въ Россію. 38

II. ПОЛИЦІЯ СОЮЗОВЪ И СОБРАНІЙ. 59

Союзы и ихъ значеніе. — Отношеніе государства къ союзамъ и собраніямъ. 59

Публичные митинги и союзы въ Англіи.—Роль митинговъ въ государственной жизни.—Развитіе митинговъ и союзовъ въ XIX вѣкѣ. — Ограниченія въ отношеніи къ союзамъ и митингамъ 62

Очеркъ развитія французскаго законодательства о союзахъ и собраніяхъ. — Уголовный кодексъ 1810 г. и законъ 1834 г.—Вторая республика и вторая Имперія (декретъ 1852 г. и законъ 1868 г.).—Законъ 1881 года о публичныхъ собраніяхъ. — Законъ 1 іюля 1901 г. объ ассоціаціяхъ и религіозныхъ конгрегаціяхъ 71

Развитіе законодательства о союзахъ и собраніяхъ въ Германіи.—Имперскій законъ 19 апрѣля 1908 г. 90

Публичныя собранія и союзы въ Россіи. — Временныя правила 4 марта 1905 г. о собраніяхъ, объ обществахъ и союзахъ. 98

III. ПОЛИЦІЯ ПЕЧАТИ. 114

Пресса и государство.—Система предупредительныхъ мѣръ и система репрессивная. 114

Возникновеніе предварительной цензуры.—Книгопечатаніе и духовенство. — Первые опыты цензуры. — Буллы 1501 и 1515 гг.—Index librorum prohibitorum.—Цензура и свѣтская власть 116

Очеркъ исторіи полиціи печати въ Англіи. — Генрихъ VIII. — Елизавета. — Звѣздная палата и ея декреты (1585 и 1637 гг.). — Цензура и суровыя мѣры полиціи печати. — Отмѣна предварительной цензуры (1695 г.). — Значеніе ея. — Законы о лайбелѣ и судопроизводство по дѣламъ печати. —

Стр.

Функціи присяжныхъ. — Фоксовъ Актъ (1792 г.) и упроченіе свободы печати. — Штемпельный сборъ, залоги, налогъ на объявленія и налогъ на бумагу. — Отмѣна ихъ 123

Очеркъ исторіи полиціи печати во Франціи. — Предварительная цензура и Парижскій университетъ. — Королевскіе цензоры. — Регламентъ 1723 г. — Полиція печати въ XVIII ст. — Свобода печати и эпоха революціи. — Полиція печати при Наполеонѣ I. — Эпоха реставраціи (законы 1819 г.). — Іюльская монархія и революція 1848 г. — Декретъ 1852 г. — Административная система полиціи печати. — Законъ 1868 г. — Третья республика и законъ 1881 г. о свободѣ печати . . . 142

Законодательство о печати въ Германіи. — Эпоха предварительной цензуры. — Законъ о печати 1874 г. 167

Цензура театральныхъ произведеній въ иностранныхъ государствахъ (Англіи. Франціи, Бельгіи, Италіи, Германіи и Португаліи). 169

Историческій очеркъ законодательства о печати въ Россіи. — Первые зачатки полиціи печати при Петрѣ Великомъ. — Начало вольныхъ типографій (1771 г. и 1783). — Дѣятельность Н. И. Новикова. — Судъ надъ А. Н. Радищевымъ. — Организація цензуры въ 1796 г. — Полиція печати при Павлѣ I. — Эпоха Александра I. — Первый цензурный уставъ 1804 г. — Уставъ 1826 г.; его особенности; суровость его постановленій. — Уставъ 1828 г. — Спеціальныя цензуры. — Эпоха „цензурнаго террора“. — Реформы Александра II. — Расширеніе гласности. — А. В. Головнинъ и пересмотръ законодательства о печати. — Временныя правила 12 мая 1862 г. — Законъ 6 апрѣля 1865 г. — Основныя черты его и временныя мѣры 1882 г. — Административныя мѣры и ихъ примѣненіе. — Правила въ руководство цензурѣ. — Типографіи и пр. — Духовная цензура. 179

Временныя правила о печати 1905 и 1906 гг. 221

IV. ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЯ МѢРЫ ПОЛИЦІИ БЕЗОПАСНОСТИ. 232

Мотивы чрезвычайныхъ мѣръ. — Существенныя особенности этихъ мѣръ. — Главные типы чрезвычайныхъ мѣръ. 232

Стр.

Англійское и французское законодательства о безпорядкахъ.—Riot Act.—Отвѣтственность за убытки.—Французскіе законы 1831 и 1848 гг. 236

Осадное положеніе во Франціи и въ Германіи.—Мотивы объявленія осаднаго положенія.—Порядокъ его объявленія.—Послѣдствія его.—Снятіе осаднаго положенія. . . 238

Чрезвычайныя мѣры въ Англіи.—Процедура Habeas Corpus и ея значеніе.—Сущность пріостановки дѣйствія Habeas Corpus Акта.—Анализъ ея послѣдствій.—Актъ объ амнистіи и значеніе этого института.—Предѣлы амнистіи.—Основныя черты различія между пріостановкою Habeas Corpus Акта и осаднымъ положеніемъ.—Примѣненіе пріостановки и другія чрезвычайныя мѣры 246

Чрезвычайныя мѣры въ Россіи.—Обычныя полномочія администраціи по охраненію порядка.—Призывъ войскъ, его порядокъ.—Положеніе о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія.—Усиленная охрана.—Чрезвычайная охрана.—Административная высылка.—Полицейскій надзоръ. 263

V. САНИТАРНАЯ И МЕДИЦИНСКАЯ ПОЛИЦІЯ. . . 280

Государственное значеніе санитарныхъ мѣръ.—Развитіе санитаріи.—Санитарныя мѣры въ Англіи и ихъ результаты.—Санитарное дѣло въ Германіи и во Франціи.—Развитіе санитарно-медицинской полиціи въ Россіи.—Древнее время.—Московская Русь.—Привлеченіе иностранныхъ врачей.—Первыя аптеки.—Аптекарскій приказъ.—Первые русскіе врачи.—Медицинская часть при Петрѣ Великомъ.—Современная организація санитарно-медицинской полиціи въ Россіи.—Врачебныя отдѣленія.—Земскія учрежденія.—Городскія общественныя управленія.—Успѣхи земской медицины.—Неудовлетворительность санитарныхъ условій.—Необходимость улучшенія ихъ. 280

Стр.

VI. ПОЛИЦІЯ НРАВОВЪ 308

Общественная нравственность и государство.—Характеръ и предѣлы воздѣйствія государства.—Органы полиціи нравовъ и ея главные объекты 308

Пьянство и борьба съ нимъ. Пьянство, какъ общественное бѣдствіе.—Вліяніе пьянства.—Борьба съ пьянствомъ.—Общества трезвости въ Америкѣ и въ Англіи.—Готебургская система.—Возникновеніе ея, существенныя черты ея и значеніе.—Международныя общества трезвости.—Ограниченіе торговли спиртными напитками.—Запретительная система въ нѣкоторыхъ штатахъ Сѣверной Америки.—Надзоръ за очисткою спиртныхъ напитковъ.—Леченіе пьянства.—Мѣры противъ пьянства въ Россіи.—Пьянство въ древней Руси.—Пьянство и фискальные интересы.—Откупа. Акцизная система.—Мѣры ограниченія пьянства.—Законъ 1885 года.—Казенная продажа вина.—Задачи и основанія реформы.—Попечительства о народной трезвости и ихъ задачи.—Недостатки организаціи попечительствъ.—Дѣятельность ихъ 311

Мѣры по отношенію къ проституціи.—Историческія данныя о развитіи проституціи.—Мѣры Людовика IX Св. и Маріи Терезіи.—Терпимость со стороны государства.—Мѣры по отношенію къ проституціи.—Санитарная опасность ея.—Регламентація ея въ Россіи.—Врачебно-полицейскій надзоръ въ С.-Петербургѣ.—Съѣздъ сифилидологовъ въ 1897 г. и его заключенія.—Аболиціонизмъ, его развитіе и сущность.—Торговля женщинами въ цѣляхъ разврата и мѣры противъ нея.—Лондонскій конгрессъ 1899 г.—Парижская конференція 1902 г. и ея постановленія.—Конференція 1910 г. 358

VII. НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ 388

Учебныя заведенія.

Общеобразовательныя учебныя заведенія.

Начальныя школы.—Ихъ развитіе.—Школы министерства народнаго просвѣщенія и школы духовнаго вѣдомства.—

Стр.

Прочіе виды начальныхъ школъ. — Данныя о современной постановкѣ начальнаго образованія (число школъ и учащихся; показатели образованія; средства на содержаніе школъ: успѣхи начальнаго образованія въ послѣднее время). 391

Среднія учебныя заведенія.—Гимназія, ихъ развитіе.—Системы средняго образованія. — Классическія гимназіи и прогимназіи. — Реальныя училища. 402

Высшія учебныя заведенія.—Университеты, ихъ развитіе.—Уставы 1804 г., 1835 г., 1863 г. и 1884 г.—Высочайшій Указъ 27 августа 1905 г. — Прочія высшія учебныя заведенія. — Лицеи и Институты 406

Женскія учебныя заведенія. — Низшія, среднія и высшія женскія учебныя заведенія.—Гимназіи и институты.—Высшіе женскіе курсы. — Женскій медицинскій институтъ 415

Духовныя учебныя заведенія. — Духовныя училища. — Духовныя семинаріи. — Духовныя академіи. — Женскія духовно-учебныя заведенія 420

Спеціальныя учебныя заведенія.—I. Техническія и ремесленныя.—II. Земледѣльческіа, лѣсныя и сельскохозяйственныя.—III. Межевыя и топографическія. — VI. Коммерческія. — V. Медицинскія. — VI. Художественныя и музыкальныя.—VII. Военныя и морскія 425

Ученыя учрежденія.

Академія наукъ.—Ученыя общества.—Съѣзды ученыхъ.—Публичныя библіотеки. — Музеи 433

VIII. ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРИЗРѢНІЕ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ. 438

Очеркъ развитія призрѣнія бѣдныхъ. — Право на помощь.—Роль государства въ области призрѣнія бѣдныхъ. — Частная благотворительность. — Мѣры государства. — Эпоха репрессивно-полицейскихъ мѣръ — Зарожденіе общественнаго призрѣнія въ Англіи и во Франціи.—Основныя черты современнаго положенія общественнаго призрѣнія. — Обязательное и факультативное призрѣніе. 438

Стр.

Эльберфельдская система. — Ея сущность, организація и результаты. — Рабочія колоніи и продовольственныя станціи въ Германіи. — Ихъ цѣль, устройство и значеніе. — Объединеніе частной благотворительности и ея взаимодѣйствіе съ общественнымъ призрѣніемъ. — Charity Organisation Society — Office central des oeuvres charitables — Der deutscher Verein fur Armenpflege 452

Историческій очеркъ призрѣнія бѣдныхъ въ Россіи. — Древній періодъ. — Указъ царя Ѳеодора Алексѣевича. — Эпоха Петра Великаго. — Регламенты Главному Магистрату и Духовной Коллегіи. — Мѣры противъ нищенства. — Эпоха Екатерины II. — Воспитательные дома. — Приказы общественнаго призрѣнія. — Ихъ задачи, организація и дѣятельность. — Земство и общественное призрѣніе. — Пересмотръ законодательства объ общественномъ призрѣніи. — Призрѣніе бѣдныхъ у крестьянъ. — Современное состояніе его, его нужды. — Городскія попечительства о бѣдныхъ въ Москвѣ. — Организація ихъ и дѣятельность; значеніе попечительствъ 470

Развитіе частной благотворительности въ Россіи. — Благотворительныя вѣдомства. — Вѣдомство учрежденій Императрицы Маріи. — Попечительство о слѣпыхъ. — Императорское Человѣколюбивое Общество. — Россійское Общество Краснаго Креста. — Попечительство о трудовой помощи 514

IX. ФАБРИЧНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО 524

Понятіе фабричнаго законодательства. — Развитіе фабрично-заводской промышленности въ Россіи. — Эпоха Петра Великаго. — Преемники Петра. — Работныя регулы 1741 г. — Эпоха Екатерины II. — Начало XIX вѣка. — Законъ 1835 г. — Позднѣйшія отдѣльныя мѣропріятія. — Начало развитія мѣръ охраны труда. — Законы 1882, 1884, 1885, 1886, 1897, 1899 и 1903 гг. 524

Порядокъ и условія найма рабочихъ. — Заключеніе договора, его прекращеніе и расторженіе. — Регулированіе взаимныхъ отношеній фабрикантовъ и рабочихъ. — Правила внутренняго распорядка. — Денежныя взысканія съ рабочихъ и нормы, ихъ регулирующія. 533

Стр.

Рабочее время. — Работа малолѣтнихъ, подростковъ, женщинъ, взрослыхъ рабочихъ. — Продолжительность работы. — Ночная работа.—Сверхурочныя работы 539

Фабричная инспекція. — Ея обязанности. — Губернскія и Главное присутствія по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ.—Школьное обученіе малолѣтнихъ.—Врачебная помощь рабочимъ. 541

Законъ 2 іюня 1903 г. о вознагражденіи потерпѣвшихъ отъ несчастныхъ случаевъ. — Положеніе о пенсіонной кассѣ служащихъ на казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ.—Законъ объ учрежденіи старостъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ . . . 544

ВСТУПЛЕНІЕ.

Понятіе управленія и отрасли его. — Возникновеніе полицейскаго права. — Понятіе «полиціи» и «полицейскаго» государства. — Деламаръ, Юсти, Зонненфельсъ.—Кризисъ въ развитіи полицейскаго права.—Правовое государство.—Л. фонъ-Штейнъ и ученіе объ управленіи.—Содержаніе полицейскаго права.

Полицейское право принадлежитъ къ кругу наукъ о государствѣ и предметомъ своимъ имѣетъ изученіе такъ называемаго внутренняго управленія.

Терминомъ „управленіе“ обозначается совокупность различныхъ проявленій дѣятельности государства, направленной къ осуществленію задачъ, присущихъ ему, какъ правомѣрному и культурному союзу.

Соотвѣтственно съ различными задачами государства, управленіе распадается на рядъ отдѣльныхъ отраслей, группировка которыхъ можетъ быть представлена въ слѣдующемъ видѣ. Во-1-хъ, финансовое управленіе, на которомъ лежатъ заботы по изысканію матеріальныхъ средствъ и употребленію ихъ на государственныя цѣли. Во-2-хъ, управленіе внѣшними дѣлами, вытекающее изъ необходимости для каждаго государства установить извѣстныя отношенія къ другимъ государствамъ и озаботиться ихъ регулированіемъ. Въ-3-хъ, военное управленіе, къ области котораго относятся заботы по обезпеченію государства вооруженными силами съ цѣлью охраненія принадлежащей ему территоріи и защиты населенія отъ опасностей, могущихъ угрожать ему извнѣ. Въ-4-хъ, организація правосудія и судебное управленіе, задачами котораго являются обезпеченіе за населе-

ніемъ закономѣрныхъ способовъ защиты гражданскихъ правъ и установленіе цѣлесообразной репрессіи уголовныхъ нарушеній. Наконецъ, въ-5-хъ, внутреннее управленіе въ собственномъ смыслѣ, на долю котораго выпадаетъ оказаніе населенію всевозможнаго содѣйствія къ развитію его культурныхъ интересовъ и удовлетворенію многосложныхъ потребностей его матеріальнаго и духовнаго существованія.

Таковы тѣ отдѣльные элементы, изъ которыхъ составляется полная система ученія объ управленіи. Но многія изъ указанныхъ отраслей управленія уже давно являются предметомъ самостоятельныхъ научныхъ системъ. Такъ, управленіе дѣлами внѣшней политики изучается спеціальной отраслью юриспруденціи — международнымъ правомъ; финансовое управленіе также имѣетъ для своей разработки особую научную систему — финансовое право или науку о финансахъ; ученіе объ организаціи вооруженныхъ силъ и о военномъ управленіи мало-по-малу спеціализируется въ особое военное право; наконецъ, организація правосудія и дѣятельность относящихся сюда учрежденій изучаются спеціальными науками о судоустройствѣ и судопроизводствѣ гражданскомъ и уголовномъ. Вслѣдствіе этого, подъ „ученіемъ объ управленіи“ обыкновенно разумѣютъ науку, предметомъ которой является разработка вопросовъ собственно внутренняго управленія, т. е. той области его, которая задачею своею имѣетъ культурное развитіе народа, обезпеченіе наиболѣе благопріятныхъ условій возможно полнаго удовлетворенія потребностей его духовнаго и матеріальнаго существованія.

Таково, въ краткихъ словахъ, содержаніе той научной системы, которая, подъ названіемъ „ученія объ управленіи“ (Verwaltungslehre) или „административнаго права“ (Verwaltungsrecht), заняла выдающееся мѣсто въ современной схемѣ юридическаго и политическаго образованія, замѣнивъ собою прежнюю систему „полицейскаго права“ (Polizeirecht) или „науки о полиціи“ (Polizeiwissenschaft). Соотношеніе между старою и новою системами выясняется изъ обозрѣнія важнѣйшихъ моментовъ развитія „полицейскаго права“.

Полицейское право возникло въ Германіи въ половинѣ XVIII вѣка. Къ этому времени относится появленіе тѣхъ

систематическихъ ученыхъ работъ, въ которыхъ впервые сдѣланы были попытки научнаго изслѣдованія и освѣщенія вопросовъ, составившихъ предметъ изученія полицейскаго права. Мы имѣемъ въ виду важнѣйшія сочиненія Іоганна Генриха фонъ-Юсти и Іосифа Зонненфельса — двухъ писателей, признаваемыхъ основателями науки полиціи и полицейскаго права. Но писатели эти могли выполнить свою работу лишь благодаря тому, что она была до извѣстной степени подготовлена. Ихъ главная заслуга состоитъ въ томъ, что они дали болѣе или менѣе цѣльную и законченную систему того обширнаго научнаго матеріала, который накоплялся, разработывался и освѣщался уже задолго до нихъ. Этотъ матеріалъ дала прежде всего сама жизнь, жизнь общества и государства, интересы которыхъ и породили потребность въ особой дисциплинѣ для изученія и научной разработки ихъ.

XVI и XVII вѣка являются однимъ изъ самыхъ критическихъ періодовъ въ развитіи западно-европейскихъ континентальныхъ государствъ (въ особенности Франціи и Германіи). Это—періодъ перехода отъ средневѣковаго государства къ новому. Феодализмъ окончательно отживаетъ свое время; сословныя различія, лежавшія въ основѣ общественной и государственной организаціи, мало-по-малу исчезаютъ; отдѣльныя общины и городскіе союзы утрачиваютъ характеръ самоуправляющихся, самостоятельно живущихъ корпорацій. Взамѣнъ безчисленнаго количества маленькихъ союзовъ и государствъ создается мало-по-малу государство единое по крови, по интересамъ и, въ значительной степени, по правамъ его населенія. Верховная власть, до тѣхъ поръ дробившаяся и находившаяся въ рукахъ многихъ отдѣльныхъ лицъ и корпорацій, постепенно сосредоточивается въ одномъ центрѣ, въ одномъ лицѣ, нераздѣльно соединяющемъ въ своихъ рукахъ всю полноту верховной государственной власти. Средневѣковая корпоративная и сословная монархія развивается въ новую форму единаго и абсолютнаго королевства.

По отношенію къ внутренней жизни государства новая форма его выразилась, главнымъ образомъ, въ тѣхъ явленіяхъ, которыя въ совокупности своей обозначаются терми-

номъ „административная централизація“. Къ XVI и XVII вѣкамъ относятся энергическія попытки центральной власти создать сильную организацію различныхъ отраслей внутренняго управленія. Во Франціи это было время административныхъ эдиктовъ и ордонансовъ Франциска I и Генриха IV, за которыми слѣдовала рѣшающая эпоха министерства Ришельё и царствованія Людовика XIV—эпоха окончательнаго насажденія административной централизаціи. Въ Германіи, или, вѣрнѣе, въ тѣхъ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствахъ, на которыя дробилась она въ то время, XVI и XVII вѣка могутъ быть названы вѣками „полицейскихъ регламентовъ“ по преимуществу. Въ основѣ ихъ лежало стремленіе регламентировать различныя стороны народной жизни путемъ созданія цѣлой системы учрежденій, призванныхъ проводить въ жизнь законодательныя предписанія. Какъ на образецъ этихъ законодательныхъ памятниковъ, можно указать на имперскіе полицейскіе регламенты (Reichspolizeiordnungen) 1548 и 1577 гг. Въ нихъ встрѣчаются рядомъ самыя разнообразныя постановленія: о солдатахъ и матросахъ; о торговлѣ евреевъ; объ адвокатахъ и лицахъ, занимающихся извознымъ промысломъ; объ ярмаркахъ и книжной цензурѣ; о бродягахъ и цыганахъ; о преслѣдованіи роскоши въ одеждѣ и напиткахъ и т. д., и т. д.,—однимъ словомъ о всемъ томъ, что входило въ то время въ составъ широкаго понятія „полиціи“.

Терминъ этотъ греческаго происхожденія отъ слова πολιτεία (отъ πόλις—городъ), означавшаго городское, государственное устройство. Въ такомъ первоначальномъ смыслѣ терминъ этотъ перешелъ въ латинскій языкъ, подъ формой politia, и въ такомъ значеніи употреблялся средневѣковыми писателями. Но съ конца XIV вѣка его начали употреблять, сначала во Франціи, а затѣмъ и въ Германіи, въ нѣсколько иномъ смыслѣ; подъ французскимъ терминомъ police, policité [1]

---

[1] Эти термины, какъ кажется, впервые находятъ себѣ примѣненіе въ законодательствѣ Карла VI 1399 г.: «pour le bien et utilité de la chose publique et de la policité de la dicte ville»; въ 1415 г.: «pour garder le bien publique... en très bonne police».

и нѣмецкимъ polizei стали мало-по-малу разумѣть совокупность различныхъ элементовъ общественнаго порядка, общественное благополучіе, а также и правительственную дѣятельность, направленную къ обезпеченію его. Онъ обнималъ собою всю совокупность дѣлъ свѣтскаго управленія — res politicae, въ отличіе отъ res ecclesiasticae, дѣлъ церковныхъ. Сначала терминъ „полиція“ въ этомъ широкомъ смыслѣ вошелъ въ употребленіе въ оффиціальномъ языкѣ законодательства и администраціи, а затѣмъ проникъ и въ научную литературу, представители которой примѣнили его и къ характеристикѣ направленія, въ теченіе долгаго времени господствовавшаго въ исторіи различныхъ государствъ.

Изъ всѣхъ указанныхъ эдиктовъ и ордонансовъ, полицейскихъ регламентовъ и указовъ мало-по-малу составилось колоссальное по своимъ размѣрамъ законодательство, посредствомъ котораго правительства стремились направлять и регламентировать самыя разнообразныя стороны народной жизни. Потребность разобраться въ этомъ матеріалѣ, необходимость изученія его, уже просто, какъ фактора, играющаго такую важную роль, вызвала въ XVII вѣкѣ къ существованію обширную литературу сборниковъ, этюдовъ и трактатовъ, съ цѣлью разъяснить и систематизировать разбросанныя законодательныя предписанія. Многочисленныя явленія этой литературы характеризируютъ собою первый, такъ сказать, подготовительный періодъ въ исторіи полицейскаго права. Наиболѣе крупнымъ событіемъ этого періода было появленіе въ началѣ XVIII вѣка 4-хъ — томнаго трактата о полиціи Деламара [2]. Авторъ этого трактата, занимавшій видный постъ въ полицейской администраціи Парижа, нерѣдко получавшій отъ Людовика XIV важныя административныя порученія (по раскрытію злоупотребленій, по при-

---

[1] Впервые въ указѣ 1492 г.: «zu bestenndigkeit guter polizey und regiments». См. E. Loening, Lehrbuch des deutschen Verwaltungsreshts (Leipzig, 1884), ст. 5

[2] Dalamare, Traitè de la police où l'on trouvera l'histoire de son ètablissement, les fonctions et ies prèrogatives de ses magistrats, toutes les lois et tous les règlements qui la concernent. — Paris, 1705—1739 четыре тома foho.

нятію мѣръ къ обезпеченію народнаго продовольствія и др.), задался цѣлью привести въ систему обширное законодательство своей страны по различнымъ отраслямъ внутренняго управленія, прослѣдить его исторію и провести параллель съ нѣкоторыми иностранными законодательствами. Задача его была выполнена прекрасно. Сочиненіе Деламара вполнѣ основательно считается классическимъ и до сихъ поръ не утратило своего важнаго значенія для исторіи французской администраціи. Будучи самъ практикомъ, обладая замѣчательной опытностью по многимъ отраслямъ управленія, Деламаръ не могъ не наложить особой печати практическаго характера и на свое произведеніе. Теоретическія воззрѣнія занимаютъ у него второстепенное мѣсто и, во всякомъ случаѣ, составляютъ болѣе слабую сторону его трактата. Тѣмъ не менѣе, значеніе его, даже въ области теоретической разработки вопросовъ управленія, чрезвычайно велико. Онъ былъ хорошо извѣстенъ первому нѣмецкому полицеисту Юсти и имѣлъ на него большое вліяніе. Деламаръ является самымъ крупнымъ предшественникомъ нѣмецкихъ полицеистовъ.

Съ половины XVIII вѣка въ Германіи начинаютъ все чаще появляться попытки философской обработки вопросовъ управленія; признается, наконецъ, возможнымъ создать для нея особую систему, спеціальную науку. Въ то время въ нѣмецкой философіи господствовало т. н. эвдемоническое направленіе, во главѣ котораго стоялъ извѣстный Христіанъ Вольфъ. Въ основѣ этого направленія лежало убѣжденіе, что по кореннымъ, прирожденнымъ человѣку правамъ всѣ люди одинаковы, и что различіе ихъ по правамъ относится только къ ихъ пріобрѣтеннымъ, а не кореннымъ правамъ. Отсюда, изъ основныхъ человѣческихъ правъ, выводилось право каждаго стремиться къ усовершенствованію, при чемъ это понятіе было тѣсно связано съ понятіемъ благополучія, какъ основной цѣли государственной жизни. Сознавая недостаточность единичныхъ усилій къ достиженію этого благополучія, люди соединяются въ общественный союзъ, государство, цѣлью котораго и является, такимъ образомъ, обезпеченіе общественнаго благосостоянія и безопасности.

Эти воззрѣнія на задачи государства и легли въ основу

ученія о правительственной дѣятельности, которая считалась призванною путемъ вмѣшательства въ народную жизнь обезпечить осуществленіе этихъ задачъ. Раньше другихъ систематическое изложеніе этого ученія далъ Юсти, впервые употребившій и самый терминъ „наука полиціи“ (Polizeiwissenschaft) въ сочиненіи, вышедшемъ въ 1756 году подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Основныя начала науки полиціи, изложенныя въ раціональной системѣ, основанной на конечной цѣли государства“ [1]. Черезъ нѣсколько лѣтъ эти основныя начала были подвергнуты авторомъ новой переработкѣ и изложены уже болѣе подробно въ большомъ двухтомномъ трактатѣ [2] подъ заглавіемъ: „Основанія могущества и благополучія государствъ, или подробное изложеніе науки полиціи въ ея совокупности“. Затѣмъ, вскорѣ послѣ появленія этого трактата, вышло въ свѣтъ и сочиненіе Іосифа Зонненфельса („Основанія науки полиціи, промышленности и финансовъ“) [3], имя котораго неразрывно связано въ исторіи полицейскаго права съ именемъ Юсти.

Указанныя три сочиненія представляютъ собою наиболѣе важныя попытки построить самостоятельную систему науки полиціи.

Если всмотрѣться въ результаты ихъ, то по отношенію къ тремъ наиболѣе существеннымъ вопросамъ: о задачѣ науки, содержаніи ея и пріемахъ изученія, они могутъ быть выражены въ слѣдующихъ положеніяхъ. Наука полиціи имѣетъ своею задачею изученіе государственной или правительственной дѣятельности, направленной къ обезпеченію общаго благосостоянія, какъ конечной цѣли государства. Отсюда содержаніе ея составляетъ совокупность государственныхъ учрежденій и мѣръ, содѣйствующихъ развитію

---

[1] Iohann Heinrich Gottlobs von Justi: «Grundsatze der Policeiwissenschaft in einen vernunftigen, auf der Endzweck der Polizei gegründeten, Zusammenhange und zum Gebrauch Academischer Vorlesungen abgefasset». Gottingen, 1756.

[2] «Die Grundfeste der Macht und Gluckseligkeit der Staaten, oder ausfuhrliche Darstellung der gessammten Polizeiwissenschaft». I. II. Konigsberg. 1760.

[3] I. Sonnenfels: «Grundsatze der Polizei, Handlung und Finanzwissenschaft». I.—III. Wien 1765. Выдержало семь изданій (7-ое изд. 1804 г.).

въ обществѣ условій безопасности и, одинаково, матеріальнаго и духовнаго его благосостоянія. По своей задачѣ и по своему содержанію, наука полиціи относится, такимъ образомъ, къ кругу наукъ политическихъ и входящіе въ область ея предметы изучаетъ съ точки зрѣнія политической, т. е. съ точки зрѣнія цѣлесообразности устройства государственныхъ учрежденій и ихъ дѣятельности.

Сочиненія Юсти и Зонненфельса оказали большое вліяніе на современное имъ общество. Они выдержали каждое по нѣскольку изданій и, между прочимъ, еще въ царствованіе Екатерины II были переведены на русскій языкъ [1]. Подъ ихъ вліяніемъ наука полиціи сдѣлалась предметомъ усиленной разработки среди нѣмецкихъ ученыхъ и вскорѣ вошла въ кругъ преподаванія юридическихъ факультетовъ. При всемъ томъ, въ ея развитіи на первыхъ же порахъ наступилъ серьезный и продолжительный кризисъ.

Еще въ XVIII-мъ столѣтіи обнаружилось чрезвычайное и въ высшей степени характерное разнообразіе въ пониманіи основныхъ вопросовъ науки полиціи или, какъ ее стали называть иначе, полицейскаго права. Изъ всей массы писателей полицеистовъ трудно найти хотя бы двухъ вполнѣ согласныхъ между собою по столь существеннымъ вопросамъ, какъ задачи науки, опредѣленіе круга явленій, подлежащихъ ея изученію, характера ея и пріемовъ изслѣдованія. Чуть не каждый писатель понималъ ее по своему. Одни болѣе или менѣе тѣсно примыкали къ ученіямъ Юсти и Зонненфельса и считали науку полиціи наукой политической; другіе признавали ее наукой юридической и стремились выработать особую систему юридическихъ нормъ подъ общимъ названіемъ полицейскаго права: третьи пытались согласить обѣ точки зрѣнія—политическую и юридическую и создать параллельно двѣ научныя системы: философскую систему

[1] Второе сочиненіе Юсти было переведено въ 1772 г. И. Богдевскимъ подъ заглавіемъ: „Основаніе силы и благосостоянія царствъ, или подробное начертаніе всѣхъ знаній, касающихся до государственнаго благочинія". Спб. 1772—1773 (изд. въ 3-хъ томахъ). Сочиненіе І. Зонненфельса переведено въ 1787 г. Матвѣемъ Гавриловымъ подъ заглавіемъ: „Начальныя основанія полиціи или благочинія". Москва, 1787 г.

науки полиціи и особую систему полицейскаго права; были, наконецъ, и такіе писатели, которые вполнѣ отрицали даже самую возможность существованія особой науки полицейскаго права.

Причины этого явленія кроются, главнымъ образомъ, въ двухъ весьма важныхъ фактахъ, имѣвшихъ мѣсто во второй половинѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка: во 1-хъ, въ появленіи особой науки—политической экономіи и, во 2-хъ, въ приближеніи новой фазы въ развитіи европейскихъ государствъ, когда такъ называемое полицейское государство уступило свое мѣсто государству правовому.

Изученіе произведеній школы физіократовъ, а главное, появленіе въ 1776 году безсмертнаго творенія Ад. Смита вызвало къ существованію особую науку, которая ставила своею задачею изученіе явленій хозяйственной, экономической жизни и раскрытіе законовъ этихъ явленій. Колоссальный и повсемѣстный успѣхъ ученія Смита и его ближайшихъ послѣдователей, усиленная разработка новой отрасли знанія—политической экономіи—въ литературѣ и на университетскихъ каѳедрахъ,—все это привело къ тому, что наука полиціи увидѣла значительную часть предмета въ ея изученія какъ бы оторванной, перешедшей въ другія руки. Въ самомъ дѣлѣ, большинство вопросовъ, связанныхъ съ условіями развитія матеріальнаго благосостоянія (а оно, какъ указано, составляло одинъ изъ главныхъ предметовъ изученія науки полиціи), отошло въ область политической экономіи. Наука полиціи, такимъ образомъ, какъ бы теряла, по крайней мѣрѣ на половину, смыслъ своего существованія, въ качествѣ особой отрасли знанія. Это обстоятельство послужило первой серьезной причиной нѣкотораго разочарованія въ средѣ полицеистовъ и дало особенно сильный толчекъ къ возникновенію безконечныхъ разногласій по вопросамъ о задачахъ и предметахъ изученія полицейскаго права.

Съ другой стороны, въ жизни европейскихъ государствъ въ концѣ XVIII ст. начинаетъ созрѣвать и получаетъ первыя проявленія новая фаза въ ихъ развитіи. Продолжительный опытъ показалъ, что правительственная опека надъ различными сторонами народной жизни далеко не приводитъ къ

тѣмъ благодѣтельнымъ результатамъ, на которые привыкли разсчитывать сторонники полицейской регламентаціи. Повсюду сталъ ощущаться гнетъ этой опеки, повсемѣстно стали появляться признаки желанія выйти изъ нея. Мало-по-малу и сами правительства перестали смотрѣть на полицейскую регламентацію, какъ на необходимое средство и наилучшій путь къ достиженію общаго благополучія; въ ней, наоборотъ, стали видѣть источникъ многихъ бѣдствій и преграду къ свободному развитію силъ и способностей народа. Въ соотвѣтствіе съ потребностями времени мало-помалу сложилась теорія такъ называемаго правового государства. Въ основу ея, вмѣсто прежней регламентаціи, легла идея свободы, которая должна была перестроить весь государственный механизмъ и кореннымъ образомъ измѣнить воззрѣнія на задачи и характеръ правительственной дѣятельности. Появившись въ концѣ XVIII ст., теорія правового государства въ короткое время успѣла пріобрѣсти господствующее положеніе какъ въ сферѣ правительственной дѣятельности, такъ и въ литературѣ политическихъ наукъ.

Естественно, что прежде всего и сильнѣе всего она должна была отразиться на полицейскомъ правѣ. И дѣйствительно, уже съ конца XVIII ст. вопросъ о предѣлахъ полицейскаго вмѣшательства государства, характерѣ правительственной дѣятельности въ разныхъ отрасляхъ управленія привлекаетъ къ себѣ преимущественное вниманіе полицеистовъ, являясь источникомъ нескончаемыхъ споровъ и вѣчнаго среди нихъ разногласія.

Итакъ, съ одной стороны, появленіе и успѣшная и плодотворная разработка политической экономіи, въ значительной степени лишившей полицейское право его самостоятельнаго значенія, съ другой, радикальная перемѣна въ пониманіи задачъ, предѣловъ и характера полицейской дѣятельности государства, — таковы двѣ существеннѣйшія причины того кризиса, который выпалъ на долю полицейскаго права вскорѣ же послѣ первыхъ опытовъ создать изъ него самостоятельную науку. При такихъ условіяхъ неудивительно, что самому существованію ея стала грозить серьезная опасность, не замедлившая вызвать попытки къ разрѣшенію кризиса.

Однимъ изъ наиболѣе серьезныхъ и интересныхъ опытовъ въ этомъ направленіи является попытка извѣстнаго Роберта фонъ-Моля примирить самостоятельное существованіе науки полиціи съ требованіями теоріи правового государства Хотя эту попытку и нельзя признать удачной и вполнѣ плодотворной, однако трехтомное сочиненіе Моля „Наука полиціи на началахъ правового государства“ [1] представляетъ собою въ высшей степени солидное, не утратившее и понынѣ своего значенія, явленіе въ прошлой исторіи полицейскаго права. Оно въ значительной степени подготовило почву для новаго плодотворнаго движенія, результатомъ котораго была коренная реформа въ системѣ науки.

Однимъ изъ главныхъ и наиболѣе авторитетныхъ выразителей этого движенія справедливо считается извѣстный Лоренцъ фонъ-Штейнъ (умершій въ сентябрѣ 1890 года). Ему принадлежитъ иниціатива господствующаго теперь направленія, которое переработало прежнюю систему науки полиціи и полицейскаго права въ такъ называемое ученіе объ управленіи.

Успѣхъ попытки Штейна объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что онъ отлично понялъ невозможность дальнѣйшаго существованія полицейскаго права въ томъ видѣ, въ какомъ оно было создано полицеистами XVIII вѣка, и, во-вторыхъ, тѣмъ, что онъ умѣло воспользовался работами болѣе раннихъ писателей въ области ученія объ управленіи (Verwaltungslehre).

Подъ этимъ названіемъ въ половинѣ текущаго столѣтія началъ обрабатываться нѣмецкими учеными тотъ отдѣлъ государственной науки, который первоначально изучался въ связи съ общимъ ученіемъ о государствѣ, соединявшимъ въ себѣ какъ изслѣдованіе вопросовъ, связанныхъ съ его устройствомъ, такъ и анализъ вопросовъ управленія. Но затѣмъ, вслѣдствіе все большаго и большаго расширенія

---

[1] Robet von Mohl: «Die Polizeiwissenschaft von den Grundsatzen des Rechtstaates». Три тома. Это сочиненіе выдержало три изданія: 1-е (въ 2-хъ т.) въ 1832 г., 2-ое (въ 3-хъ т.) въ 1844 г. и 3-е (значительно переработанное) въ 1866 году.

круга явленій, входящихъ въ область государственной науки, стала нарождаться потребность въ выдѣленіи ученій о государственномъ устройствѣ и государственномъ управленіи въ особыя научныя отрасли. Мало-по-малу въ литературѣ стали появляться сочиненія, трактовавшія эти ученія отдѣльно одно отъ другого [1]. При этомъ за послѣднія десятилѣтія особенное вниманіе нѣмецкихъ ученыхъ было обращено на разработку вопросовъ управленія.

Въ этомъ отношеніи наука поспѣшила отозваться на потребности, выдвинутыя самою жизнью.

Если вглядѣться въ политическую исторію Германіи въ теченіе XIX ст., то легко замѣтить, что въ началѣ его преобладающими, наиболѣе жгучими вопросами являлись вопросы государственнаго устройства, вопросы о томъ: какъ лучше гарантировать гражданскія и политическія права, сознаніе которыхъ быстро разливалось въ массахъ и вскорѣ сдѣлалось всеобщимъ достояніемъ. Народившаяся потребность въ политическихъ реформахъ и поставленные жизнью запросы естественно наталкивали научную мысль на разработку именно тѣхъ отдѣловъ ученія о государствѣ, которые могли выяснить новыя потребности и указать пути ихъ удовлетворенія. И вотъ на этой почвѣ совершается оживленная работа мысли надъ вопросами о формахъ правленія и сравнительномъ ихъ преимуществѣ, о правахъ гражданъ и способахъ наилучшаго обезпеченія ихъ путемъ той или иной организаціи государственныхъ учрежденій.

Въ результатѣ этой работы явилась богатая, и количественно и качественно, литература вопросовъ государственнаго устройства, литература, оказавшая благотворное вліяніе на успѣхи политическаго развитія общества Но съ удовлетвореніемъ потребности въ политической реформѣ, выразившейся въ созданіи конституціоннаго образа правленія на началахъ народнаго представительства, вопросы организаціи государственныхъ учрежденій отошли на второй планъ; свое преобладающее мѣсто они уступили мно-

---

[1] Интересно, что первая попытка въ этомъ родѣ, насколько намъ извѣстно, принадлежитъ Роберту фонъ-Молю въ его сочиненіи: «Das Staatsrecht des Königreiches Wurtemberg» (1-ое изд. 1829, 2-ое изд. 1840).

гочисленнымъ предметамъ управленія, которые стали привлекать къ себѣ все большее и большее вниманіе какъ практиковъ, такъ и теоретиковъ. Если не считать кратковременнаго періода Штейновскихъ реформъ въ первой четверти XIX ст., то едва ли въ исторіи Германіи найдется эпоха, столь богатая внутренними административными реформами, какою являются послѣднія десятилѣтія. Организація мѣстнаго управленія и административной юстиціи, школьное дѣло и призрѣніе бѣдныхъ, мѣры къ улучшенію быта рабочихъ, желѣзнодорожное хозяйство и многія другія отрасли внутренняго управленія подверглись за это время кореннымъ и болѣе или менѣе плодотворнымъ преобразованіямъ. Явившееся еще ранѣе сознаніе цѣлесообразности выдѣленія ученія объ управленіи изъ общей системы государственной науки стало укореняться все болѣе и болѣе, вызвавъ рядъ попытокъ построенія полныхъ научныхъ системъ его.

Наиболѣе замѣчательная изъ этихъ попытокъ принадлежитъ, какъ сказано, вѣнскому профессору Лоренцу фонъ-Штейну, который въ теченіе послѣднихъ двухъ-трехъ десятилѣтій своей жизни издалъ рядъ сочиненій, заключающихъ въ себѣ цѣльную систему ученія объ управленіи. Исходнымъ пунктомъ, точкой отправленія для всей системы Штейна является слѣдующая мысль, весьма ясно выраженная имъ въ его „Руководствѣ“ [1]: „Чѣмъ далѣе подвигается впередъ современное просвѣщеніе, тѣмъ яснѣе становится положеніе, что центръ тяжести дальнѣйшаго развитія лежитъ въ управленіи. Этимъ я не хочу сказать, чтобы вопросы государственнаго устройства утратили свое значеніе, а то, что при посредствѣ государственнаго устройства мы дошли до управленія. Одна изъ величайшихъ задачъ ближайшаго будущаго,—продолжаетъ Штейнъ,—состоитъ въ томъ, чтобы не только создать это управленіе, но и сдѣлать его, съ его принципами и во всѣхъ его отрасляхъ, вѣчно живою частью общественной жизни. Между тѣмъ какъ до сихъ поръ тре-

[1] Lorenz von Stein: «Handbuch der Verwaltungslehre» Zweite Auflage, Stuttgart, 1876 (Idee der Verwaltungslehre, стр. 1, а также: Vorrede zur ersten Auflage, XII). Въ 1888 г. вышло третье изданіе его.

бовалось, чтобы всякій гражданинъ имѣлъ ясное представленіе объ устройствѣ своего государства, въ будущемъ мы станемъ говорить, что истинное право на участіе въ общественной жизни лежитъ, по крайней мѣрѣ, въ столь же основательномъ и ясномъ пониманіи управленія, его основныхъ началъ, задачъ и его системы". Въ другомъ мѣстѣ Штейнъ высказываетъ увѣренность въ томъ, что „настанетъ время, когда публичное право въ университетскомъ преподаваніи займетъ такое же мѣсто, какое въ жизни нѣмецкаго народа занимаютъ мало-по-малу общественные интересы, и когда образованіе будетъ считаться оконченнымъ не прежде того, какъ вмѣстѣ съ изученіемъ Пандектовъ Трибоніана будетъ пріобрѣтено и точное знаніе управленія, его организма, его исторіи и его великихъ задачъ".

Въ своихъ многочисленныхъ работахъ Штейнъ сдѣлалъ опытъ построенія законченной системы ученія о внутреннемъ управленіи въ его разнообразныхъ отрасляхъ. Ближайшее ознакомленіе съ этою системою выясняетъ близкую преемственную связь между нею и старою системою „науки полиціи". Отъ нея она унаслѣдовала главное, а именно содержаніе: въ существенныхъ своихъ чертахъ обѣ системы охватываютъ тотъ же кругъ явленій. Что же касается до важнѣйшихъ особенностей новой системы, то онѣ могутъ быть выражены въ слѣдующихъ положеніяхъ.

Первою, но далеко не самою важною изъ нихъ, является различіе въ названіи, обусловленное тѣмъ, что прежній терминъ „полиція" устарѣлъ, или, вѣрнѣе, утратилъ первоначальное свое значеніе. Прежде подъ полиціей разумѣли всю внутреннюю политику государства; но, съ теченіемъ времени, это понятіе стало суживаться, и съ нимъ начали соединять представленіе не о всей дѣятельности государства въ области внутренняго управленія, а лишь объ отдѣльной отрасли его.

Во 2-хъ,—и это особенно важно,—въ системѣ полицейскаго права, какою она является въ трудахъ всѣхъ выдающихся полицеистовъ, начиная съ Юсти и кончая Молемъ, органомъ дѣятельности государства признается лишь правительство и правительственныя учрежденія. Ученіе же объ управленіи, впервые въ лицѣ Штейна, а затѣмъ и всѣхъ

его послѣдователей, наряду съ дѣятельностью правительства выдвинуло дѣятельность органовъ самоуправленія и отдѣльныхъ общественныхъ союзовъ и указало на ту существенную роль, какая принадлежитъ какъ тѣмъ, такъ и другимъ въ отношеніи къ различнымъ сторонамъ и интересамъ внутренняго управленія.

Въ 3-хъ, въ прошлыя эпохи развитія науки полиціи она покоилась всецѣло на точкѣ зрѣнія цѣлесообразности и почти игнорировала юридическую сторону. Въ ученіи же объ управленіи юридическій элементъ получаетъ подобающее ему положеніе, и наряду съ цѣлесообразностью принимаемыхъ въ области управленія мѣръ выдвигается точка зрѣнія ихъ правомѣрности, вслѣдствіе чего вся система науки значительно выигрываетъ въ своей полнотѣ и законченности.

Новое направленіе въ разработкѣ полицейскаго права быстро пріобрѣло себѣ многихъ адептовъ. Благодаря ихъ энергическимъ усиліямъ, „ученіе объ управленіи“ въ короткій промежутокъ времени сдѣлало значительные успѣхи и вошло существеннымъ элементомъ въ преподаваніе нѣмецкихъ юридическихъ факультетовъ, окончательно вытѣснивъ изъ нихъ старую систему полицейскаго права, отъ которой однако оно, какъ сказано, унаслѣдовало почти все содержаніе свое.

Заканчивая этимъ краткій обзоръ развитія полицейскаго права въ Германіи, обратимся къ опредѣленію содержанія и задачъ его.

Содержаніе полицейскаго права составляетъ изученіе тѣхъ разнообразныхъ отраслей государственной и общественной дѣятельности, которыя направлены къ обезпеченію наиболѣе благопріятныхъ условій культурнаго развитія народа. Понятіе это обнимаетъ, съ одной стороны, возможно болѣе широкое и всестороннее развитіе матеріальныхъ и духовныхъ силъ общества, а съ другой, возможно болѣе полное удовлетвореніе разнообразныхъ потребностей матеріальнаго и духовнаго существованія отдѣльныхъ членовъ его. Обезпечить условія, благопріятныя развитію этихъ обоихъ видовъ общественнаго и индивидуальнаго благосостоянія, — такова та великая задача, которую государство при-

звано осуществить соединенными усиліями правительства и общества, въ лицѣ какъ органовъ самоуправленія, такъ и отдѣльныхъ общественныхъ союзовъ.

Сообразно съ этимъ, изученію полицейскаго права [1] подлежатъ три большія группы явленій. Во 1-хъ, всѣ тѣ отрасли государственной и общественной дѣятельности, которыя имѣютъ своимъ предметомъ различныя стороны хозяйственной жизни (таковы различные виды промышленности добывающей, обработывающей, торговой; во 2-хъ, тѣ отрасли государственной и общественной дѣятельности, которыя имѣютъ своею задачею содѣйствіе духовно-интеллектуальному развитію населенія (сюда относятся, главнымъ образомъ, заботы государства и общества о народномъ образованіи какъ элементарномъ и общемъ во всѣхъ его стадіяхъ, такъ и профессіональномъ); въ 3-ю группу явленій, изучаемыхъ полицейскимъ правомъ, входятъ тѣ стороны государственной и общественной дѣятельности, которыя по своему характеру не могутъ быть отнесены прямо ни къ одной изъ намѣченныхъ двухъ областей, но которыя, тѣмъ не менѣе, также необходимы въ интересахъ обезпеченія всесторонняго культурнаго развитія какъ цѣлаго общества, такъ и отдѣльныхъ членовъ его. Таковы, прежде всего, тѣ отдѣльныя отрасли государственной дѣятельности, задачи которыхъ состоятъ въ охраненіи общественнаго порядка и спокойствія, какъ важныхъ условій общежитія, которыя въ совокупности своей принято обозначать терминомъ „полиція безопасности“, какъ-то: полиція передвиженія, полиція общественныхъ союзовъ и собраній, исключительныя мѣры полиціи безопасности.

Къ этимъ отдѣламъ тѣсно примыкаютъ ученія о медицинской и санитарной полиціи и о мѣрахъ къ охраненію общественной нравственности (какъ, напр., борьба съ пьянствомъ, какъ соціальнымъ недугомъ, мѣры по отношенію къ проституціи и т. п.).

---

[1] Сохраненіе этого термина въ настоящемъ пособіи вызывается соображеніями исключительно формальнаго характера и прежде всего тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ до сихъ поръ фигурируетъ въ номенклатурѣ предметовъ преподаванія на нашихъ юридическихъ факультетахъ.

Къ третьей же группѣ явленій, изучаемыхъ полицейскимъ правомъ, слѣдуетъ отнести также и такъ называемую полицію печати, т. е. ученіе о тѣхъ внѣшнихъ условіяхъ, въ которыхъ находилась и должна находиться печать, какъ важный факторъ культурнаго развитія.

Къ области полицейскаго права относится, далѣе, и ученіе о нѣкоторыхъ отрасляхъ, имѣющихъ важное значеніе одинаково и для матеріальнаго и для духовнаго развитія общества, каковы: пути сообщенія и средства сношенія (почта, телеграфъ) и, наконецъ, ученіе объ общественномъ призрѣніи бѣдныхъ, или о мѣрахъ, принимаемыхъ государствомъ и обществомъ къ матеріальному обезпеченію бѣднѣйшихъ классовъ населенія.

Таково, въ общихъ чертахъ, содержаніе полицейскаго права. Благопріятныя условія развитія различныхъ сторонъ экономической жизни, содѣйствіе къ развитію духовно-интеллектуальныхъ интересовъ населенія, наконецъ, обезпеченіе цѣлаго ряда условій общественнаго спокойствія и безопасности, — вотъ три основныя группы, на которыя распадается подлежащій изученію полицейскаго права обширный матеріалъ. Главная задача этого изученія сводится къ разсмотрѣнію тѣхъ мѣръ и средствъ, путемъ которыхъ государство и общество осуществляютъ свои задачи по отношенію къ указаннымъ сторонамъ и интересамъ культурнаго развитія населенія. Когда мы говоримъ „государство“, мы имѣемъ въ виду дѣятельность важнѣйшаго органа его, правительства, какъ совокупности различныхъ государственныхъ учрежденій, призванныхъ къ выполненію тѣхъ или иныхъ функцій управленія. Говоря объ „обществѣ“, мы разумѣемъ прежде всего развитые органы самоуправленія (въ Россіи — учрежденія земскаго и городского самоуправленія) и, затѣмъ, различные отдѣльные общественные союзы, не входящіе въ систему управленія, но, несмотря на это, играющіе весьма важную роль по отношенію ко многимъ его интересамъ (можно напр., указать хотя бы на ученыя общества, имѣющія большое значеніе въ дѣлѣ умственнаго развитія государства, или на благотворительныя общества, въ области призрѣнія бѣдныхъ, или, наконецъ, на такія общества, какъ „общество охраненія народнаго здравія“,

могущее оказать большое вліяніе въ области санитарной полиціи).

Изъ предшествующаго изложенія становится яснымъ, какое мѣсто занимаетъ полицейское право въ циклѣ наукъ, входящихъ въ систему юридическаго преподаванія. Оно должно быть отнесено къ области наукъ государственныхъ, при чемъ особенно близко оно примыкаетъ къ наукѣ государственнаго права. Отношеніе между ними не безъ основанія сравниваютъ иногда съ отношеніемъ между анатоміей и физіологіей. Тогда какъ анатомія изучаетъ строеніе человѣческаго организма, изслѣдуетъ отдѣльные составные элементы его, физіологія имѣетъ предметомъ своего изученія жизнь этого организма, разнообразныя проявленія дѣятельности входящихъ въ составъ его элементовъ. Государственное право является какъ бы анатоміею государства: оно изучаетъ его структуру, организацію государственныхъ учрежденій. Полицейское право не касается вопросовъ государственнаго устройства, оно беретъ его, какъ величину данную, и различныя государственныя учрежденія изучаетъ не съ точки зрѣнія ихъ организаціи, а со стороны ихъ дѣятельности, поскольку она направлена къ достиженію извѣстныхъ задачъ государства.

Изъ предшествующаго очерка содержанія полицейскаго права легко усмотрѣть, что многія изъ явленій, изучаемыхъ имъ, трактуются и другими науками. Такъ, различные виды промышленности и другія стороны экономической жизни, которыя составляютъ значительную часть полицейскаго права, изучаются политической экономіей. Вопросы, связанные съ народнымъ образованіемъ, составляютъ предметъ изученія педагогіи, спеціальной науки о воспитаніи. Народное здравіе и медицинская помощь имѣютъ для своей разработки особыя науки—гигіену и цѣлый рядъ медицинскихъ наукъ.

Это явленіе можетъ представиться страннымъ; на первый взглядъ можетъ показаться, что, слѣдовательно, полицейское право не имѣетъ своего собственнаго объекта изученія, что содержаніе его набрано изъ другихъ отраслей знанія. Но это кажется страннымъ лишь на первый, поверхностный взглядъ.

Дѣло въ томъ, что одни и тѣ же явленія могутъ и должны быть изучаемы съ различныхъ сторонъ, различныхъ точекъ зрѣнія и съ различными цѣлями. Политическая экономія главною своею задачею имѣетъ изслѣдованіе явленій хозяйственной жизни съ цѣлью отысканія общихъ началъ, законовъ, управляющихъ этими явленіями. Условія и факторы производства матеріальныхъ благъ, цѣнностей; механизмъ обмѣна и система распредѣленія ихъ; наконецъ, законы потребленія этихъ цѣнностей—вотъ, въ немногихъ словахъ, предметъ изученія политической экономіи. Относящіяся сюда явленія она изслѣдуетъ съ чисто-экономической точки зрѣнія и принимаетъ во вниманіе значеніе ихъ, какъ факторовъ и проявленій исключительно экономической, хозяйственной жизни. Но экономическія явленія не представляются изолированными отъ другихъ сторонъ жизни: напротивъ, они тѣсно связаны, постоянно переплетаются со многими другими сторонами и интересами народной жизни. Напр., крупное фабричное производство есть, прежде всего, очень важное экономическое явленіе. Но, съ другой стороны, оно находится въ очень тѣсной связи съ цѣлымъ рядомъ самыхъ разнообразныхъ интересовъ народной жизни. Фабрика есть средоточіе нерѣдко многихъ тысячъ рабочаго населенія разныхъ половъ, различныхъ возрастовъ. Отношенія между рабочими и предпринимателемъ, взаимныя отношенія между рабочими, условія ихъ совмѣстной жизни, возникающіе отсюда вопросы санитарные, нравственные, школьные—всѣ эти и другія стороны фабричнаго быта имѣютъ чрезвычайно важное значеніе; то или иное отношеніе къ нимъ можетъ сильно отозваться, благопріятно или вредно, на первостепенныхъ интересахъ общества. Указанные вопросы, хотя и вытекающіе изъ экономическихъ условій крупнаго производства, не подлежатъ однако изученію политической экономіи, такъ какъ непосредственнаго отношенія къ ея задачѣ они не имѣютъ. По свойству своему и значенію въ государственной жизни они должны быть отнесены къ области полицейскаго права.

Сказанное вполнѣ примѣняется и къ другимъ сторонамъ полицейскаго права. Школьное дѣло изучается педагогіей прежде всего съ точки зрѣнія цѣлесообразности тѣхъ

или другихъ педагогическихъ системъ. Полицейское же право интересуется народнымъ образованіемъ, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія способовъ и мѣръ, могущихъ обезпечить возможно широкое распространеніе его въ массахъ, и потому преимущественное вниманіе направляетъ на организацію воспитательныхъ и образовательныхъ учрежденій, на мѣры къ ихъ размноженію и лучшей администраціи ихъ и т. д. При этомъ, конечно, полицейское право должно принимать къ руководству различные выводы и положенія педагогической науки точно такъ же, какъ въ вопросахъ экономическихъ оно, при изученіи правительственныхъ и общественныхъ мѣропріятій, должно постоянно имѣть въ виду требованія и выводы экономической науки. — То же самое и въ области народнаго здравія: основываясь на данныхъ и выводахъ общественной гигіены и медицины, полицейское право изыскиваетъ наиболѣе цѣлесообразные способы обезпеченія здоровыхъ условій жизни и организаціи медицинской помощи.

Таковы, въ общихъ чертахъ, предметъ и содержаніе курса полицейскаго права. При изложеніи его наибольшее вниманіе будетъ обращено на изученіе относящихся къ области полицейскаго права явленій нашей жизни, русскаго государства. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы будемъ указывать и на постановку того или другого вопроса въ исторіи и современной дѣйствительности важнѣйшихъ государствъ западной Европы, а именно: Германіи, Франціи и Англіи. Этотъ пріемъ въ отношеніи къ полицейскому праву долженъ быть признанъ наиболѣе цѣлесообразнымъ, такъ какъ относящіеся къ его области вопросы могутъ получить надлежащее освѣщеніе и разъясненіе лишь при сравнительномъ обзорѣ ихъ историческаго прошлаго въ различныхъ государствахъ.

I. ПОЛИЦІЯ БЕЗОПАСНОСТИ и ПРАВО ПЕРЕДВИЖЕНІЯ [1].

Личная свобода. — Право передвиженія и его ограниченія. — Свобода передвиженія въ Англіи. — Актъ объ осѣдлости — Отношеніе къ иностранцамъ. — Законъ 1905 г. объ иммиграціи иностранцевъ. — Ограниченія права передвиженія въ до-революціонной Франціи. — Паспортная система въ эпоху революціи.—Современное законодательство. — Мѣры въ отношеніи къ иностранцамъ. — Право передвиженія въ Германіи. — Легитимаціонная система.

Право передвиженія въ Россіи. — Проѣзжія грамоты и Уложеніе 1649 г.—Развитіе паспортной системы при Петрѣ Великомъ.—Паспортные сборы. — Развитіе вопроса о реформѣ паспортнаго законодательства. — Коммиссія 1869 г. — Положеніе о видахъ на жительство (1894 г.). — Важнѣйшія постановленія его. — Виды паспортныхъ документовъ. — Отмѣна паспортныхъ сборовъ (1897 г.). — Заграничные паспорты. — Въѣздъ иностранцевъ въ Россію.

Право свободнаго передвиженія принадлежитъ къ числу тѣхъ правъ, которыми особенно дорожитъ человѣкъ. Оно представляетъ собою наиболѣе простое и наиболѣе рельефное проявленіе личной свободы — священнаго права каждаго человѣка свободно распоряжаться своею личностью. Нужно ли говорить о значеніи этого права какъ для отдѣльнаго лица, такъ и для цѣлаго общества? Оно лежитъ въ

---

[1] G. Meyer. Lehrbuch des deutschen Verwaltungsrechtes. 3. Aufl. Lpzg. 1909. T. I.—E. Loening. Lehrbuch des deutschen Verwaltungsrechts. Lpzg. 1884. — M. v. Seydel. Die Sicherheitspolizei (въ 3-мъ томѣ Schönbeag's Handbuch der Politischen Oekonomie, 4. Aufl Tub. 1898).—M. Haurion. Précis de droit administratif. 4-e, édition. P. 1901.—H. Berthélemy. Traité élémentaire de droit administratif. 6 édit. P. 1910.—А. Д. Градовскій. Начала русскаго государственнаго права. Собраніе сочиненій, т. 7-й, Спб. 1901.—Отчетъ по дѣлопроизводству Государственнаго Совѣта за сессію 1893—1894 г. Т. I.

основѣ индивидуальной человѣческой дѣятельности, безъ него эта послѣдняя немыслима. Но въ то же время оно является однимъ изъ главныхъ условій устойчивости общественнаго и государственнаго порядка. Оно есть важный залогъ мирнаго, безмятежнаго и успѣшнаго развитія всѣхъ жизненныхъ интересовъ. Неувѣренность въ прочности этого права есть сильный и опасный врагъ всякаго развитія какъ индивидуальнаго, такъ и общественнаго. Неприкосновенность личной свободы есть, такъ сказать, всеобщая и вѣчная потребность. Но если личная свобода и, въ частности, право свободнаго передвиженія всегда имѣло большое значеніе, то въ наше время оно представляется особенно цѣннымъ. Такимъ его дѣлаютъ различныя условія современной общественной жизни: сильное развитіе гражданскаго оборота, многосложныя промышленныя и торговыя сношенія, наконецъ, разнообразныя проявленія духовнаго и интеллектуальнаго общенія. Отсюда понятно повсемѣстное стремленіе обезпечить это право возможно болѣе прочными гарантіями. Во всѣхъ государствахъ личная свобода, способы ея обезпеченія и установленіе строгаго порядка лишенія свободы составляютъ предметъ особыхъ заботъ законодательства.

Но разсмотрѣніе вопросовъ о наилучшихъ способахъ обезпеченія личной свободы не входитъ въ область полицейскаго права. Это одинъ изъ основныхъ вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію въ системѣ государственнаго права; полицейскому же праву приходится изучать этотъ вопросъ съ другой стороны, съ другой точки зрѣнія.

Предполагая извѣстнымъ значеніе личной свободы, необходимость ея обезпеченія и наилучшіе способы къ тому, полицейское право разсматриваетъ ее съ точки зрѣнія тѣхъ ограниченій, которыя могутъ быть полагаемы праву личной свободы, въ особенности праву передвиженія, въ цѣляхъ обезпеченія различныхъ интересовъ государственнаго и общественнаго порядка.

Существуютъ многія причины, по которымъ государство не можетъ относиться безучастно къ различнымъ проявленіямъ права свободнаго передвиженія. Извѣстный контроль надъ нимъ представляется необходимымъ. Его нерѣдко требуютъ, напр., интересы отправленія правосудія: для вы-

зова въ судъ, для взысканія долга, для разныхъ другихъ актовъ гражданскаго и уголовнаго процессовъ необходимо имѣть возможность знать мѣстонахожденіе лицъ, прикосновенныхъ къ тому или другому дѣлу; необходимо это также и въ интересахъ контроля за исполненіемъ со стороны гражданъ лежащихъ на нихъ обязанностей и повинностей (податныхъ тягостей или воинской повинности); наконецъ, нерѣдко бываетъ необходимо констатировать самоличность извѣстнаго лица, для чего, конечно, нужно имѣть возможность сдѣлать это.

Итакъ, необходимость извѣстнаго контроля надъ свободой передвиженія несомнѣнна. Но является вопросъ, какъ организовать этотъ контроль, какъ установить предѣлы, далѣе которыхъ онъ не долженъ идти? Правильное рѣшеніе этого вопроса имѣетъ существенное значеніе. Обезпечивая посредствомъ этого контроля различные интересы общественнаго спокойствія и безопасности, государство, съ другой стороны, никоимъ образомъ не должно безъ нужды стѣснять самую свободу передвиженія, которая такъ необходима для развитія индивидуальнаго и общественнаго. Отсюда ясно, гдѣ слѣдуетъ искать правильное рѣшеніе поставленнаго вопроса: оно лежитъ въ соглашеніи, примиреніи двоякаго рода интересовъ—свободы передвиженія и различныхъ потребностей государственной жизни, вызывающихъ необходимость контроля за нею. Прошлая исторія различныхъ государствъ свидѣтельствуетъ о томъ, что въ различные періоды развитія вопросъ этотъ находилъ и различное рѣшеніе, что зависѣло отъ тѣхъ или другихъ особенностей государственнаго строя въ ту или другую эпоху. Удовлетворительное сочетаніе, соглашеніе указанныхъ двухъ интересовъ есть дѣло новаго времени, результатъ болѣе правильнаго пониманія различныхъ потребностей жизни современныхъ государствъ.

Въ **Англіи** гораздо раньше, чѣмъ въ континентальныхъ государствахъ, былъ признанъ и обезпеченъ принципъ свободнаго передвиженія. Въ этой странѣ, благодаря особенностямъ ея политическаго развитія, ранѣе другихъ былъ поставленъ и удачно разрѣшенъ основной вопросъ о гарантіяхъ

личной свободы. Magna Charta Libertatum 1215 года, Habeas Corpus Act 1679 г. и нѣкоторыя второстепенныя законодательныя мѣры вполнѣ обезпечили личную свободу англичанъ отъ всякаго рода произвольныхъ стѣсненій. Въ числѣ проявленій этой свободы получило прочную гарантію и право свободнаго передвиженія. Оно никогда не встрѣчало тѣхъ стѣсненій, какія на континентѣ повсемѣстно развивались въ сложную паспортную систему. Каждый англичанинъ и прежде могъ и въ настоящее время можетъ безпрепятственно перемѣнять мѣсто своего пребыванія.

Таково общее правило, которое однако допускаетъ нѣкоторыя отступленія. Наиболѣе существенное изъ нихъ относится къ системѣ законодательства о призрѣніи бѣдныхъ, какою она представляется, начиная съ конца XVI вѣка. Возложенная на приходъ (законодательствомъ королевы Елизаветы) обязанность кормить бѣдныхъ членовъ его вызвала важное ограниченіе въ свободѣ перехода изъ одной мѣстности въ другую. Приходы начали допускать въ свою среду лишь тѣхъ лицъ, которыя не простирали къ нимъ требованій о пособіи и призрѣніи. Какъ скоро такое требованіе заявлялось, пришелецъ могъ быть лишенъ свободы и выселенъ въ мѣсто первоначальнаго своего жительства. Взаимныя права приходовъ и новыхъ поселенцевъ были впервые регулированы актомъ объ осѣдлости (Act of Settlement 1662 г.), изданнымъ въ царствованіе Карла II. Этотъ законъ устанавливаетъ, что, кромѣ рожденія, осѣдлость, принадлежность къ извѣстному обществу пріобрѣтается также и непосредственно самымъ фактомъ пребыванія на новомъ мѣстѣ въ теченіе 40 дней, если притомъ поселенецъ владѣетъ или пользуется имуществомъ, съ доходомъ не менѣе 10 фунт. стерл. (теперь это около 100 руб.), или нанимаетъ помѣщеніе цѣною не ниже 10 фунт. ст. въ годъ. Въ такомъ случаѣ онъ становился членомъ прихода и вступалъ со дня водворенія во всѣ политическія и общественныя права свободнаго англичанина. Но если онъ не удовлетворялъ требуемому цензу, то въ теченіе первыхъ 40 дней онъ могъ быть арестованъ и выселенъ по простому заявленію попечителя о бѣдныхъ, что такой-то вновь прибывшій не имѣетъ средствъ пропитанія и можетъ пасть на попеченіе прихода. Въ такомъ

случаѣ мировой судья обязанъ дать немедленно приказъ объ удаленіи, и поселенецъ препровождался по этапу на счетъ общества въ тотъ приходъ, къ которому онъ былъ приписанъ по рожденію или первоначальному мѣсту жительства. Позднѣйшее законодательство (особенно XIX-го вѣка) значительно смягчило строгость права осѣдлости, но въ существенныхъ своихъ чертахъ оно дѣйствуетъ и въ настоящее время, ожидая необходимыхъ дальнѣйшихъ преобразованій.

Помимо этого ограниченія, связаннаго съ системой призрѣнія бѣдныхъ, англичане пользуются широкимъ правомъ перемѣны мѣстожительства и свободнаго передвиженія внутри страны безъ всякихъ паспортовъ. Что касается до переѣздовъ за предѣлы государства, то они также свободны отъ ограниченій; паспорты заграничные, правда, выдаются, но лишь вслѣдствіе того, что въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ они требуются отъ иностранцевъ. Въ прежнее время впрочемъ свобода путешествій за границу подлежала значительнымъ ограниченіямъ. Королевской власти и до сихъ поръ принадлежитъ de jure право воспретить (посредствомъ особаго приказа „writ ne exeat regno“) каждому изъ подданныхъ выѣздъ изъ страны и путешествіе безъ особаго позволенія. Теперь это право представляетъ собою мертвую букву, оно никогда не практикуется на дѣлѣ. Но, напр., въ XVI вѣкѣ королева Елизавета строго воспрещала своимъ лордамъ выѣзжать изъ Англіи безъ ея особаго дозволенія. Въ то время заграничныя поѣздки встрѣчали затрудненіе еще въ высокой цѣнѣ паспортовъ, minimum которой доходилъ до 6 фунт. стерл.; въ настоящее же время заграничный паспортъ стоитъ всего два шиллинга (около 1 руб.).

Говоря о правѣ передвиженія въ какомъ-либо государствѣ, необходимо посмотрѣть также и на положеніе иностранцевъ въ этомъ отношеніи. Англійское законодательство и правительство всегда отличались гуманнымъ отношеніемъ къ иностранцамъ. Имѣвшіе мѣсто въ теченіе XIV-го, XV-го и XVI-го вѣковъ случаи изгнанія иностранцевъ и нѣкоторыя другія стѣснительныя для нихъ мѣры (какъ, напр., особый налогъ на нихъ, „alien tax“) имѣли исключительный характеръ и были вызываемы какими либо случайными при-

чинами [1]. Вообще же иностранцы всегда пользовались особымъ покровительствомъ закона и правительства. Еще Magna Charta обезпечивала иностраннымъ купцамъ свободный пріѣздъ въ Англію и выѣздъ изъ нея въ мирное время; „въ случаѣ же войны", говоритъ статья 41-я Великой Хартіи, „иностранные купцы задерживаются, пока будетъ видно, какое обращеніе встрѣчаютъ англійскіе купцы въ непріятельской странѣ". Въ позднѣйшіе періоды исторіи, каковы бы ни были направленіе политики и международныя отношенія Англіи, иностранцы вообще пользовались такою же личною свободою, какъ и сами англичане. Англія всегда была вѣрнымъ убѣжищемъ для лицъ всѣхъ сословій и состояній, искавшихъ въ ней спасенія отъ преслѣдованій. Она давала убѣжище фламандскимъ выходцамъ, гонимымъ преслѣдованіями герцога Альбы; протестантамъ, бѣжавшимъ отъ преслѣдованій Людовика XIV; наконецъ, католикамъ дворянскаго и духовнаго званія, искавшимъ спасенія отъ гильотины революціонной Франціи [2]. Нѣкоторыя отступленія отъ этой политики по отношенію къ иностранцамъ были сдѣланы лишь въ концѣ XVIII ст.: подъ вліяніемъ событій французской революціи, изъ опасенія, что бѣжавшіе въ Англію крайніе революціонеры могутъ вызвать безпорядки въ странѣ, было признано нужнымъ прибѣгнуть къ исключительнымъ мѣрамъ надзора за иностранцами и даже къ изгнанію ихъ.

---

[1] Такъ, напр., въ 1404 г. парламентъ потребовалъ удаленія иностранцевъ отъ королевскаго двора, во избѣжаніе неблагопріятнаго вліянія ихъ на политику короля. Общины — говоритъ Стебсъ — потребовали удаленія всѣхъ иностранцевъ отъ ближайшаго присутствія при королѣ или королевѣ; изъ среды лордовъ была назначена коммисія для выработки необходимыхъ статей закона, — коммисія, представившая три предложенія: всѣ приверженцы незаконнаго папы подлежатъ изгнанію изъ страны; всѣ нѣмцы (germans) и правовѣрные иностранцы подлежатъ отдачѣ въ мѣстныя гарнизонныя стражи и не должны быть въ тягость государству; всѣ французы, бретонцы, наварцы, ломбардцы и италіанцы подлежатъ удаленію отъ двора, за исключеніемъ лишь въ пользу двухъ дочерей королевы, съ одною женщиною и двумя мужчинами въ качествѣ прислуги. Генрихъ обнаружилъ такую уступчивость, что общины смягчили свою строгость и разрѣшили королевѣ удержать еще десять друзей и слугъ (W. Stubbs, Constitutional History of England, т. III, стр. 46).

[2] Sir T. E May, Constitutional History of England (изд. 1878), т. III, стр. 50.

Значительныя ограниченія въ отношеніи къ въѣзду иностранцевъ въ Соединенное Королевство Великобританіи и Ирландіи установлены закономъ 1905 года (Aliens act), который однако всецѣло сохраняетъ принципъ права убѣжища для иностранцевъ, укрывающихся отъ политическихъ и религіозныхъ преслѣдованій. Изданіе акта 1905 г. вызвано соображеніями, относящимися къ области народнохозяйственной политики. Главная задача его—преградить доступъ въ Соединенное Королевство „нежелательнымъ“ иммигрантамъ, которые могутъ пасть бременемъ на страну [1]. Такими нежелательными (undesirable) иммигрантами признаются по закону иностранцы: 1) не могущіе доказать, что они имѣютъ возможность безбѣдно содержать себя и своихъ близкихъ (особыми правилами установлено, что прибывающіе въ страну должны имѣть не менѣе 5 фун. ст. для себя лично и не менѣе 2 фун. ст. для каждаго изъ сопровождающихъ ихъ лицъ); 2) душевно-больные, идіоты и вообще страдающіе недугами, при которыхъ они могутъ лечь бременемъ на общественныя средства или оказаться тягостными для общества; 3) обвиненные судомъ какого-либо иностраннаго государства, съ которымъ заключенъ договоръ о выдачѣ преступниковъ, за такое преступленіе не-политическаго характера, за которое полагается выдача; 4) тѣ, въ отношеніи къ которымъ будетъ изданъ приказъ о высылкѣ на основаніи этого закона. Въ актѣ 1905 г. особо оговорено, что не можетъ быть отказано въ разрѣшеніи высадиться иммигранту по причинѣ отсутствія у него средствъ или по соображенію вѣроятности, что онъ ляжетъ бременемъ на общество, если онъ докажетъ, что онъ ищетъ доступа въ страну исключительно съ цѣлью укрыться отъ преслѣдованія или наказанія по религіознымъ или политическимъ основаніямъ.

---

[1]) При обсужденіи билля въ Парламентѣ было указано, что уголовная статистика свидѣтельствуетъ о возрастаніи числа преступниковъ-иностранцевъ: въ 1900 г. въ тюрьмы поступило 3.130 иностранцевъ, а въ 1904 г. число ихъ поднялось до 4.774. Съ другой стороны, указано было, что на призрѣніе иностранцевъ органамъ общественнаго призрѣнія пришлось израсходовать въ 1903—1904 году 29.000 фун. ст. См. Sibley and Elias. The Aliens Act and the Right of Asylum. Lond, 1906, стр. 44 и 144.

Подъ словомъ „иммигрантъ“ законъ разумѣетъ иностранца палубнаго пассажира, намѣревающагося высадиться въ Соединенномъ королевствѣ, за исключеніемъ лицъ, прибывающихъ въ королевство съ тѣмъ, чтобы прослѣдовать дальше къ мѣсту назначенія, находящемуся внѣ королевства. Для выполненія требованій акта 1905 г. въ портахъ, поименованныхъ въ законѣ, устанавливаются органы для надзора за высадкою иммигрантовъ и производства соотвѣтственнаго осмотра. Въ отношеніи къ иностранцамъ, проживающимъ въ королевствѣ, законъ предоставляетъ министру внутреннихъ дѣлъ право издавать приказы о высылкѣ въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) если высылка будетъ признана желательною судомъ, удостовѣряющимъ, что иностранецъ обвиненъ имъ за преступленіе, влекущее за собою тюремное заключеніе безъ замѣны послѣдняго денежнымъ взысканіемъ; 2) если въ теченіе года со времени въѣзда иностранца судебнымъ порядкомъ будетъ установлено, что онъ въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ пользовался вспомоществованіемъ отъ прихода, или что онъ скитался, не имѣя явныхъ средствъ къ существованію, или что онъ живетъ въ анти-санитарныхъ условіяхъ, вызываемыхъ скученностью; 3) если обнаружится, что иммигрантъ, въѣхавшій въ королевство послѣ изданія настоящаго акта, обвиненъ судомъ иностраннаго государства, съ которымъ заключенъ договоръ о выдачѣ преступниковъ, за преступленіе не-политическаго характера, влекущее за собою выдачу.

Франція. Въ до-революціонной Франціи, при существованіи крѣпостного права и феодальной системы, право свободнаго передвиженія терпѣло значительныя ограниченія. Они составляли необходимую принадлежность того режима, въ основѣ котораго лежала прикрѣпленность человѣка къ извѣстному мѣсту. Значительнымъ препятствіемъ къ свободной перемѣнѣ мѣста жительства являлись также корпоративная исключительность и различные фискальные интересы. Въ эпоху наибольшаго развитія феодализма, повсемѣстно среди сельскаго населенія обнаружилось стремленіе избавиться отъ тяжкихъ условій деревенской жизни, въ которой гнетъ феодализма чувствовался особенно рѣзко.

Это вызвало усиленное движеніе населенія изъ селъ въ города, которые пользовались значительными привилегіями и въ которыхъ налоговое бремя было не такъ велико. Въ интересахъ фиска, государство прибѣгало къ различнымъ мѣрамъ предупрежденія этого движенія. Такъ, крестьянъ, переселившихся въ города, обязывали платить важнѣйшій налогъ—taille—въ теченіе десяти лѣтъ въ мѣстѣ первоначальнаго ихъ жительства. О своемъ отбытіи они должны были заявлять властямъ. По прибытіи на новое мѣсто, они обязаны были записаться въ городской ратушѣ. Но прежде чѣмъ окончательно водвориться, новымъ поселенцамъ приходилось нерѣдко испытать рядъ стѣсненій со стороны самого городского общества. Въ нѣкоторыхъ городахъ право гражданства давалось не иначе, какъ послѣ настоятельныхъ просьбъ, иногда даже съ колѣнопреклоненіемъ; другіе допускали въ свою среду лишь послѣ предварительнаго искуса въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, по прошествіи которыхъ органы городского управленія рѣшали о принятіи или отверженіи новаго члена; въ третьихъ для полученія права осѣдлости необходимо было дать извѣстную присягу, быть внесеннымъ въ списки городского населенія и доказать свою состоятельность въ уплатѣ податей.

Существованіе контроля какъ надъ путешествующими внутри страны, такъ и надъ отправляющимися за предѣлы ея, относится еще къ началу XV-го столѣтія. Въ 1407 году изданъ указъ (въ слѣдующемъ столѣтіи распространенный на всѣ вообще города), по которому содержатели гостинницъ въ Парижѣ должны ежедневно представлять въ городское управленіе свѣдѣнія объ останавливающихся у нихъ лицахъ. Почти одновременно съ этимъ иностранцамъ воспрещено было нанимать отдѣльные дома: они обязаны были помѣщаться въ гостинницахъ (Hotelleries). Въ предупрежденіе различныхъ опасностей для мира и спокойствія воспрещено было выѣзжать изъ предѣловъ королевства безъ особаго на то дозволенія. Филиппъ Красивый (это, правда, было во время войны) секвестровалъ имущества тѣхъ изъ своихъ подданныхъ, которые отсутствовали изъ Франціи безъ его разрѣшенія. При Людовикѣ XIV (въ 1672 г.) издано было формальное запрещеніе выѣзжать за границу безъ паспорта.

Въ его же царствованіе воспрещено было иностранцамъ въѣзжать въ королевство или проѣзжать черезъ него безъ паспорта и безъ извѣщенія о томъ короля [1]. Переселеніе въ какое-нибудь иностранное государство считалось преступленіемъ, строго наказуемымъ. Родители, соглашавшіеся на бракъ своихъ дѣтей за предѣлами Франціи, присуждались: мужчины—къ работамъ на галерахъ, женщины—къ ссылкѣ и конфискаціи имуществъ.

Хотя, какъ было указано, Франція знала паспорты уже при старомъ порядкѣ, однако паспортная система въ организованномъ видѣ появилась въ ней лишь послѣ революціи 1789 года. Учредительное Собраніе впервые установило паспорты, въ видѣ временной мѣры, тотчасъ послѣ внезапнаго отъѣзда Людовика XVI по направленію къ границѣ. Но послѣ возвращенія его и принесенія имъ присяги конституціи 3 сентября 1791 года, собраніе отмѣнило паспорты и постановило, что впредь не будетъ дѣлаемо никакихъ стѣсненій праву каждаго француза свободно переѣзжать въ предѣлахъ страны и выѣзжать изъ нея. Постановленіе это имѣло своимъ основаніемъ одну изъ статей конституціи, гарантировавшую въ числѣ другихъ „естественныхъ и гражданскихъ правъ“ и право свободнаго передвиженія [2]. Но не прошло и полугода со времени опубликованія этой конституціи, какъ новое Законодательное Собраніе особымъ декретомъ снова установило внутренніе паспорты. „Спасеніе государства„—таковъ мотивъ декрета—“требуетъ самаго бдительнаго надзора, а потому всякій желающій путешествовать по королевству обязанъ до тѣхъ поръ, пока это пред-

---

[1] Въ XVII вѣкѣ, по словамъ Бабо (La ville sous l'ancien régime, стр. 10), въ различныхъ городахъ, особенно пограничныхъ, нерѣдко бывали случаи изгнанія иностранцевъ городскими властями. Такъ, изъ Макона и Булоня были изгнаны всѣ иностранцы, поселившіеся тамъ безъ особаго дозволенія; то же случилось и въ Шармѣ, откуда они были изгнаны въ 24 часа. Въ Рубэ отъ нихъ требовали удостовѣренія въ состоятельности изъ мѣста ихъ родины въ тѣхъ видахъ, чтобы ихъ присутствіе не могло сдѣлаться тягостнымъ для городского общества.

[2] Титулъ I, § 2. «La constitution garantit... la liberté à tout homme d'aller. de rester, de partir, sans pouvoir être arrêté ou detenu que selon les formes arrêtées par la constitution».

писаніе не будетъ отмѣнено, запастись паспортомъ". Такимъ образомъ, законодательство о паспортахъ опять-таки имѣло временный характеръ: „Національное Собраніе, будучи вынуждено снова прибѣгнуть на время къ мѣрамъ общественной безопасности, объявляетъ, что оно озаботится отмѣнить настоящій декретъ тотчасъ же, какъ исчезнутъ вызвавшія его обстоятельства, и общественная безопасность будетъ достаточно упрочена". Этотъ временный характеръ отличаетъ и всѣ дальнѣйшія узаконенія по тому же предмету, пока наконецъ Наполеоновскій декретъ 18 сентября 1807 года не сдѣлалъ паспортной системы учрежденіемъ постояннымъ.

Въ результатѣ отдѣльныхъ законоположеній о передвиженіи, изданныхъ въ разное время, установилась паспортная система, въ основѣ которой до сихъ поръ лежитъ декретъ 10 вандемьера IV-го года (октября 1795 г.), по которому „никто не можетъ оставить территорію своего кантона, ни путешествовать, не будучи снабженъ паспортомъ". Французское законодательство различаетъ паспорты внутренніе и заграничные. Въ Парижѣ и тѣ и другіе выдаются префектомъ полиціи; въ остальныхъ мѣстностяхъ внутренніе паспорты выдаются мэромъ, а заграничные—супрефектомъ. Съ выдачей паспортовъ соединенъ и фискальный интересъ: они являются предметомъ обложенія. За внутренній паспортъ взимается два франка (около 80 коп.), за заграничный—10 франковъ. Заграничные паспорты должны быть, кромѣ того, визированы дипломатическими представителями тѣхъ государствъ, куда намѣрены отправиться ихъ обладатели, что также сопряжено съ нѣкоторыми расходами. Лицамъ, которыя представятъ свидѣтельство о бѣдности (отъ полицейскаго комиссара), выдаются безплатные паспорты, дающіе, сверхъ того, право на такъ называемое дорожное пособіе—secours de route, въ размѣрѣ 15 сантимовъ на каждое льё (4 версты). Паспортъ заключаетъ въ себѣ указаніе имени, фамиліи, возраста, мѣста жительства, профессіи и описаніе примѣтъ. Паспортъ имѣетъ, какъ общее правило, личный характеръ; въ видѣ исключенія, разрѣшается помѣщать въ одномъ паспортѣ мужа и жену и дѣтей не свыше 15-тилѣтняго возраста, а также двухъ сестеръ или двухъ братьевъ, изъ которыхъ одинъ значительно моложе и находится подъ

наблюденіемъ другого. Предъявленія паспорта могутъ требовать всѣ представители общественной власти. Въ такомъ случаѣ, когда мэръ или префектъ не знаетъ лица, испрашивающаго себѣ паспортъ, они обязаны потребовать удостовѣренія двухъ извѣстныхъ и жительствующихъ въ данной мѣстности лицъ, имена которыхъ также помѣчаются на паспортѣ [1].

Одинаковое съ паспортами (для переѣздовъ внутри страны) значеніе имѣютъ также: 1) подорожные листы (feuilles de route) для военныхъ; 2) дипломы, выдаваемые дозволенными обществами взаимнаго вспомоществованія (societés des secours mutuels) членамъ ихъ.

Что касается до пребыванія во Франціи и переѣздовъ по ней иностранцевъ, то свобода ихъ ограничивается двумя существеннѣйшими условіями.

Во-первыхъ, каждый иностранецъ долженъ имѣть паспортъ отъ своего правительства. Однако въ послѣднія десятилѣтія это условіе начало мало-по-малу утрачивать свое значеніе. Такъ, въ 1860 г. французское правительство разрѣшило англійскимъ подданнымъ путешествовать по Франціи безъ особыхъ паспортовъ англійскаго правительства, подъ условіемъ такой же свободы и для французовъ, отправляющихся въ Англію; подобныя же соглашенія заключены и съ нѣкоторыми другими государствами.

Въ настоящее время, въ силу декрета 2 октября 1888 г. отъ иностранцевъ, желающихъ поселиться во Франціи, требуется заявленіе объ этомъ въ мэрію (въ Парижѣ—въ полицейскую префектуру). Въ. связи съ этимъ стоитъ требованіе закона 8 августа 1893 г. по отношенію къ иностранцамъ-рабочимъ, желающимъ заняться профессіональнымъ

---

[1] Въ нѣкоторыхъ случаяхъ паспорты не должны быть выдаваемы, а именно. 1) несовершеннолѣтнимъ и замужнимъ женщинамъ, безъ согласія опекуновъ, попечителей и мужей; 2) находящимся на службѣ солдатамъ, которые должны запасаться особыми подорожными листами (feuilles de route); 3) лицамъ, находящимся подъ надзоромъ полиціи или подъ слѣдствіемъ по дѣламъ, могущимъ повлечь за собою уголовное наказаніе, сопряженное съ лишеніемъ свободы. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ паспорты должны быть выдаваемы, хотя законъ и не указываетъ способовъ понужденія къ тому должностныхъ лицъ, которыя пожелали бы отказать въ выдачѣ паспорта.

трудомъ: они должны подать въ мэрію соотвѣтственное заявленіе, при чемъ росписка въ принятіи такого заявленія служитъ удостовѣреніемъ, которое каждый французъ, принимающій къ себѣ на работу иностранцевъ, непремѣнно долженъ требовать отъ нихъ.

Есть еще одно болѣе существенное условіе, подъ которымъ Франція даетъ гостепріимство иностранцамъ. Оно состоитъ въ правѣ министра внутреннихъ дѣлъ удалять иностранцевъ изъ предѣловъ французской территоріи, препровождая ихъ до границы. Въ проявленіи этого права министръ руководствуется единственно соображеніями и интересами общественнаго порядка и спокойствія. „Очень часто", говоритъ Вивьенъ по этому поводу (Etudes administratives, т. II, стр. 125), „иностранцы принимали участіе въ безпорядкахъ, нарушавшихъ общественное спокойствіе; не представляя одинаковыхъ съ туземцами гарантій матеріальныхъ, личныхъ и нравственныхъ, они не могутъ претендовать и на тѣ права, которыя соединяются съ званіемъ француза". Въ этихъ видахъ, въ различныя эпохи правительству предоставлялось право изгонять ихъ изъ предѣловъ территоріи. Въ теченіе долгаго времени право это имѣло исключительный и временный характеръ. Законъ 3 декабря 1849 года сдѣлалъ его опредѣленнымъ и постояннымъ. Этотъ законъ дѣйствуетъ и въ настоящее время; впрочемъ, примѣняется онъ довольно рѣдко [1].

Подобныя указаннымъ нормы относительно удаленія иностранцевъ знаютъ и другія законодательства, напр. Итальянское (законъ 30 іюня 1889 г.), бельгійское (законъ 6 февраля 1885 г.).

---

[1] Принадлежащее министру внутреннихъ дѣлъ право удалять иностранцевъ изъ предѣловъ французской территоріи не слѣдуетъ смѣшивать съ выдачей ихъ въ томъ случаѣ, когда того требуютъ правительства тѣхъ странъ, къ которымъ они принадлежатъ. Выдача иностранцевъ (extradition) производится по особымъ нормамъ и принципамъ, изученіе которыхъ относится къ области государственнаго и международнаго права. Въ современныхъ государствахъ выдача производится лишь по отношенію къ лицамъ, совершившимъ какія-либо общія преступленія; обязательною она является только по отношенію къ тѣмъ правительствамъ, съ которыми заключены особые трактаты о выдачѣ (traités d'extradition).

Въ заключеніе изложенія французскаго законодательства о правѣ передвиженія, слѣдуетъ замѣтить, что въ настоящее время на практикѣ внутренніе паспорты требуются лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, они почти совершенно вышли изъ употребленія и сохраняются, главнымъ образомъ, въ цѣляхъ преслѣдованія бродяжничества. Вообще же для доказательства личности, если къ тому представляется надобность, можетъ служить любой документъ, который даетъ возможность удостовѣриться въ тождествѣ даннаго лица (въ основѣ современной французской практики лежитъ принципъ такъ называемой легитимаціи).

Германія. Хотя въ старой Германской Имперіи, въ XVI вѣкѣ, законъ и признавалъ за каждымъ имперскимъ подданнымъ право свободнаго передвиженія, перемѣны мѣста жительства и перехода изъ одной территоріи въ другую,— однако это право имѣло болѣе теоретическое, чѣмъ практическое значеніе. Оно встрѣчало значительныя ограниченія, частью въ крѣпостномъ правѣ и въ различіяхъ законодательства отдѣльныхъ государствъ, входящихъ въ составъ Германіи, частью же въ правѣ общинъ отказывать посторонним лицамъ въ поселеніи. Въ вопросѣ о переходѣ изъ одной территоріи въ другую отдѣльныя государства, особенно большія, смотрѣли другъ на друга, какъ на государства иностранныя, и ограничивали право перехода согласіемъ на выселеніе и налоговымъ обложеніемъ. При образованіи Германскаго Союза въ 1815 г. было положено начало устраненію прежнихъ стѣсненій. Впослѣдствіи отдѣльныя государства, какъ напр. Саксонія (въ 1834 г.), Пруссія (въ 1842 г.) стали придерживаться принципа свободнаго передвиженія и допускали ограниченіе его лишь въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ случаяхъ. Наконецъ, конституція Германской Имперіи (Verfassung des deutschen Reichs, ст. 3) всякаго нѣмца въ каждомъ союзномъ государствѣ въ отношеніи къ праву поселенія уравняла съ туземцами. Въ основѣ дѣйствующаго законодательства о поселеніи лежитъ законъ о свободномъ передвиженіи (Freizügigkeitsgesetz) 1-го ноября 1867 г. Изданный еще при существованіи Сѣверо-Германскаго Союза, онъ послѣ объединенія Германіи былъ рас-

пространенъ на всѣ государства, вошедшія въ составъ Имперіи. По этому закону каждый имперскій подданный имѣетъ право пребывать, короткое или продолжительное время, въ любой мѣстности въ предѣлахъ Имперіи, пользуясь всею полнотою гражданскихъ правъ, въ томъ числѣ и правомъ пріобрѣтенія всякаго рода недвижимой собственности. Право свободной перемѣны мѣстожительства можетъ быть ограничиваемо лишь въ закономъ опредѣленныхъ случаяхъ: государственными учрежденіями въ общихъ государственныхъ интересахъ и общинными учрежденіями въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда того требуетъ обезпеченіе призрѣнія бѣдныхъ.

Что касается законодательства относительно передвиженія внутри государства, то, какъ средство контроля за нимъ, и въ Германіи встрѣчается паспортная система. Впервые паспорты появились тамъ въ эпоху, слѣдовавшую за окончаніемъ тридцатилѣтней войны (т. е. въ половинѣ XVII в.). Но они въ теченіе долгаго періода времени не имѣли общаго и обязательнаго характера. Они требовались лишь въ извѣстныхъ случаяхъ и отъ нѣкоторыхъ категорій лицъ. Такъ напр., по правиламъ цеховыхъ статутовъ подмастерья, прежде чѣмъ получить званіе мастера, должны были въ теченіе извѣстнаго времени путешествовать съ цѣлью изученія и усвоенія различныхъ пріемовъ своего мастерства; въ этихъ путешествіяхъ они обязаны были имѣть при себѣ особые виды и свидѣтельства [1]), въ противномъ случаѣ съ ними поступали, какъ съ бродягами. Точно также и евреи во время своихъ переѣздовъ обязаны были имѣть особые паспорты. Во время повальныхъ болѣзней паспорты требовались отъ всѣхъ лицъ, прибывшихъ изъ зараженной мѣстности. Таковы наиболѣе важные случаи, въ которыхъ наличность паспортовъ была обязательна. Вообще же для переѣздовъ внутри страны не требовалось никакихъ документовъ.

Такъ было до конца XVIII столѣтія, когда Германія заимствовала изъ Франціи выработанную тамъ паспортную

---

[1]) Для нихъ были созданы такъ называемыя Wanderbücher, которыя служили имъ одновременно и паспортами, и рабочими книжками.

систему. Вскорѣ же послѣ ея введенія, а именно въ началѣ XIX-го столѣтія, повсемѣстно стали раздаваться жалобы на непривычныя и обременительныя стѣсненія, являвшіяся результатомъ этой системы. Каждый путешественникъ долженъ былъ быть снабженъ паспортомъ (Wanderbuch), который онъ повсюду обязанъ былъ представлять полиціи для просмотра и засвидѣтельствованія. Въ случаѣ болѣе продолжительнаго пребыванія требовалось врученіе паспорта мѣстнымъ полицейскимъ органамъ, а вмѣсто него выдавался особый видъ на жительство (Aufenthaltskarte). Способы примѣненія паспортнаго законодательства нерѣдко еще болѣе увеличивали стѣсненія: отказы въ выдачѣ паспортовъ, проволочки и т. под., налагали тяжкія оковы на свободу передвиженія. Многочисленныя пошлины, которыя нужно было платить за выдачу паспортовъ, за ихъ засвидѣтельствованіе и пр., ложились тяжелымъ бременемъ, особенно на небогатые классы населенія. Мало-по-малу самые ревностные сторонники полицейской регламентаціи начали признавать не удобства паспортной системы. Практика показала, что она далеко не окупаетъ сопряженныхъ съ нею стѣсненій, тѣмъ болѣе, что на дѣлѣ она нерѣдко не достигала своихъ основныхъ цѣлей—контроля за передвиженіемъ опасныхъ членовъ общества, какъ-то бродягъ и пр. Въ 1841 году Пруссія вошла въ переговоры съ нѣкоторыми союзными нѣмецкими государствами съ цѣлью облегченія паспортныхъ стѣсненій. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого, а именно въ 1850 году почти всѣ нѣмецкія государства (въ томъ числѣ и Австрія) заключили между собою спеціальную конвенцію (Passconvention). Въ силу этого договора, вмѣсто паспортовъ были введены такъ называемыя пасскарты (Passkarten); онѣ выдавались срокомъ на одинъ годъ, при чемъ ихъ не нужно было свидѣтельствовать. Эти карты являлись, главнымъ образомъ, средствомъ удостовѣренія личности въ случаяхъ, когда это представлялось необходимымъ. Въ 1865 году былъ сдѣланъ новый шагъ въ томъ же направленіи: заключено было между Баваріей, Виртембергомъ, Саксоніей и Ганноверомъ новое соглашеніе на началахъ полнаго уничтоженія всякихъ паспортныхъ стѣсненій. Къ этому соглашенію примкнули и нѣкоторыя другія нѣмецкія государства, а въ

1867 г. изданъ для всего Сѣверо-Германскаго Союза уже упомянутый выше законъ о полной свободѣ передвиженія. Послѣ объединенія дѣйствіе его распространено на всю нынѣшнюю Германскую Имперію. Законъ этотъ установляетъ общее положеніе, по которому ни отъ имперскихъ подданныхъ, ни отъ иностранцевъ не требуется никакихъ документовъ ни для выѣзда изъ Имперіи, ни для въѣзда въ нее, ни для временныхъ переѣздовъ, ни для постояннаго пребыванія въ предѣлахъ ея. Уничтожая паспортную систему, законодательство замѣнило ее такъ назыв. системой легитимаціи (Legitimationspflicht). Сущность ея заключается въ обязанности, возлагаемой на всѣхъ, находящихся въ предѣлахъ Имперіи (какъ подданныхъ, такъ и иностранцахъ), на оффиціальные запросы предъявлять достаточныя доказательства самоличности, съ сообщеніемъ свѣдѣній объ имени, общественномъ положеніи, мѣстожительствѣ, подданствѣ и т. д. Сверхъ того, за имперскою властью оставлено право издавать въ нѣкоторыхъ случаяхъ распоряженія о временномъ введеніи паспортовъ или для всей Имперіи, или для какой-нибудь отдѣльной мѣстности, или же для поѣздокъ въ извѣстныя иностранныя государства. Эти случаи могутъ имѣть мѣсто, если что-либо угрожаетъ безопасности Имперіи или какого-нибудь союзнаго государства, или общественному порядку и спокойствію, вслѣдствіе ли войны, внутреннихъ волненій или другихъ важныхъ причинъ.

Изъ представленнаго краткаго обзора прошлой исторіи и современнаго законодательства трехъ важнѣйшихъ государствъ западной Европы по вопросу о правѣ передвиженія и контроля за нимъ видно, что въ теченіе долгаго періода времени эти государства практиковали систему усиленнаго строгаго надзора за передвиженіемъ населенія. Въ этихъ цѣляхъ во Франціи, а затѣмъ и въ Германіи было выработано сложное паспортное законодательство, подвергшее значительнымъ ограниченіямъ право передвиженія. Долгій опытъ привелъ оба государства къ убѣжденію въ неудовлетворительности паспортной системы и необходимости уничтоженія ея, что и сдѣлано—въ Германіи посредствомъ радикальной реформы самого законодательства, а во Франціи—путемъ обращенія его въ мертвую букву. Но, упраздняя

паспортную систему, эти государства ничуть не отказались отъ преслѣдованія той цѣли, которой она должна была служить—обезпеченія и охраненія общественнаго спокойствія и безопасности. Они только нашли, послѣ продолжительнаго опыта, другое средство къ достиженію этой цѣли, средство болѣе цѣлесообразное, такъ какъ оно обезпечиваетъ самое важное условіе, наличность котораго необходима для удовлетворительнаго рѣшенія вопроса: они нашли способъ примирить полную свободу передвиженія съ интересами общественнаго спокойствія и безопасности, безъ всякаго ущерба для этихъ обоихъ элементовъ. Это средство заключается въ системѣ легитимаціи, которая является господствующею какъ въ современной Германіи, такъ и во Франціи и въ Англіи, гдѣ она установилась ранѣе, чѣмъ въ другихъ государствахъ, благодаря особенностямъ ея политическаго строя.

Россія. Исторія русскаго законодательства о правѣ передвиженія распадается на два большіе періода. Границею между ними является царствованіе Петра Великаго.

Въ до-петровской Руси весьма рѣзко выступаетъ различіе въ отношеніи государства къ передвиженію коренного населенія и пріѣзжихъ иностранцевъ. Тогда какъ русскіе подданные пользовались правомъ безпрепятственнаго перехода и переѣзда по всей Россіи, для иностранцевъ это право было ограничено. По отношенію къ нимъ развился мало-по-малу институтъ „проѣзжихъ грамотъ“, напоминающій позднѣйшіе паспорты. Наиболѣе раннія извѣстія о „проѣзжихъ“ встрѣчаются въ Новгородѣ еще въ концѣ XIII ст.: тамъ онѣ выдавались иностранцамъ для спокойнаго возвращенія въ ихъ отечество. Съ конца XV-го вѣка уже вполнѣ образуется установленіе проѣзжихъ, по которымъ иноземцы въѣзжали въ Россію, а русскіе подданные отправлялись за границу. Мотивами ихъ установленія являлись отчасти политическія соображенія (чтобы иностранцы не провѣдали русскихъ дѣлъ), отчасти же религіозныя опасенія (чтобы они не внесли въ русскую жизнь ереси и не совратили русскихъ людей изъ православія). Эти соображенія заставляли правительство обязывать проѣзжими и русскихъ,

отправляющихся въ чужеземныя государства. Въ теченіе XVII вѣка безъ особенныхъ жалованныхъ грамотъ, за красною печатью, иностранцы не могли входить внутрь Россіи, а тѣмъ менѣе разъѣзжать по ея городамъ и даже ярмаркамъ.

Что касается до права поѣздокъ русскихъ подданныхъ за границу, то по этому предмету находится рядъ въ высшей степени любопытныхъ постановленій въ Уложеніи Царя Алексѣя Михайловича (гл. 6-я, шесть статей). Всѣхъ, отправляющихся за границу, Уложеніе обязываетъ имѣть „проѣзжія грамоты". Неисполнившимъ этого требованія законъ угрожаетъ строгими наказаніями: смертною казнью, если по возвращеніи отлучившагося „безъ проѣзжія грамоты самовольствомъ" будетъ доказано слѣдствіемъ, что „онъ впрямь ѣздилъ въ иное государство безъ проѣзжія грамоты для измѣны, или для инаго какова лихого дѣла" (ст. 3); если же будетъ обнаружено, что онъ ѣздилъ не съ коварными замыслами, „для торговаго промыслу, а не для измѣны", въ такомъ случаѣ Уложеніе повелѣваетъ „ему за то учинити наказаніе, бити кнутомъ, чтобы на то смотря инымъ неповадно было такъ дѣлати" (ст. 4). Но, угрожая строгими наказаніями за самовольныя отлучки безъ проѣзжихъ грамотъ, Уложеніе, съ другой стороны, принимаетъ мѣры и къ обезпеченію интересовъ отъѣзжающихъ за границу. Оно обязываетъ воеводъ выдавать проѣзжія „безъ всякаго задержанія" (въ Москвѣ отъѣзжающіе за границу должны были „бити челомъ" самому Государю). Если же „которые воеводы проѣзжихъ грамотъ кому вскорѣ давати не учнутъ, и тѣмъ учинятъ кому простой и убытки, и сыщется про то допряма, и воеводамъ за то быти отъ Государя въ великой опалѣ. А что они кому учинятъ убытка, и то на нихъ доправити вдвое, и отдати челобитчикомъ" (ст. 2). Пограничнымъ обывателямъ Уложеніе дозволяетъ ѣздить въ Литовскую и въ Нѣмецкую сторону „безъ проѣзжихъ — для того, что они съ Литовскими и съ Нѣмецкими порубежными людьми живутъ смежно".

Что касается передвиженія русскихъ подданныхъ въ предѣлахъ Россіи, то оно до начала XVIII-го вѣка не подвергалось, вообще, никакимъ ограниченіямъ. Какъ въ древ-

нѣйшія времена, такъ и въ позднѣйшія, общины не могли останавливать движеніе своихъ членовъ: ни выходъ изъ общины, ни вступленіе въ нее не были обставлены ограниченіями. Только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, для предупрежденія дѣйствій безнравственныхъ или преступныхъ со стороны лицъ, неизвѣстныхъ міру, община могла требовать отъ входившихъ въ ея черту, чтобы они указали поручителей—своихъ „знатковъ и знакомцевъ“. Въ концѣ XVII вѣка начинаетъ практиковаться въ Москвѣ также и записываніе въ книги земскаго приказа: въ 1686 году цари Іоаннъ и Петръ утвердили докладъ Стрѣлецкаго приказа, по которому установлено взимать штрафъ съ того, у кого объявятся люди безъ записки, въ 1-й разъ—въ 25 руб. за каждаго пришлаго, во 2-й—въ 50, а въ 3-й разъ—въ 100 руб. Исключеніе изъ общаго правила свободнаго проѣзда дѣлалось въ XVII ст. лишь относительно лицъ духовнаго вѣдомства, которыя не могли отлучаться безъ дозволенія епархіальныхъ архіереевъ, и относительно крестьянъ, которыхъ, съ развитіемъ крѣпостного права, нельзя было ни принимать, ни держать „безъявочно“ и „безъ отпускныхъ“.

При Петрѣ Великомъ право свободнаго передвиженія подверглось значительнымъ ограниченіямъ, вылившимся впослѣдствіи въ сложную паспортную систему. Развитію законодательства о паспортахъ сильно содѣйствовали, съ одной стороны, установленіе подушной подати и рекрутства, съ другой—все большее и большее увеличеніе числа бѣглыхъ, уходившихъ отъ рекрутчины и налоговыхъ тягостей, разбойниковъ и т. под. лицъ, съ которыми государство вынуждено было бороться. Паспорты служили средствомъ контроля надъ путешествующими, путемъ котораго правительство стремилось открыть гулящихъ и подозрительныхъ людей и приписать ихъ къ тяглу. Каждому изъ воеводъ предписано было (въ 1719 г.) „смотрѣть, чтобы въ его провинціи никакіе гулящіе люди не обрѣтались, а увѣчныхъ высылать въ тѣ города и села, кто откуда скажется, а неувѣчныхъ въ службу или въ работу, куда будетъ требоватися, отсылать: такожъ гулящихъ людей безъ проѣзжихъ писемъ не пропускать“. Лица, не имѣющія при себѣ „пашпорта или проѣзжева или прохожева письма“, должны быть призна-

ваемы „за недобрыхъ или за прямыхъ воровъ" (указъ изъ военной коллегіи, 30-го октября 1719 г., о поимкѣ бѣглыхъ драгунъ, солдатъ, матросовъ и рекрутъ). Въ этомъ же указѣ повелѣно было, „чтобы никто никуда безъ проѣзжихъ или прохожихъ писемъ изъ города въ городъ и изъ села въ село не ѣздилъ и не ходилъ; но каждый бы имѣлъ отъ начальниковъ своихъ пашпортъ или пропускное письмо, какъ о томъ Его Царскаго Величества особливые указы повелѣваютъ". Въ 1724 году былъ изданъ рядъ новыхъ законоположеній о паспортахъ, изложенныхъ въ особомъ указѣ подъ названіемъ „Плакатъ". Этотъ указъ касается различныхъ предметовъ: рядомъ съ постановленіями о паспортахъ онъ говоритъ „о сборѣ подушныхъ денегъ, о повинностяхъ земскихъ обывателей въ пользу квартирующихъ войскъ и о наблюденіи полковымъ начальствомъ благочинія и порядка въ селеніяхъ, войсками занимаемыхъ". Уже изъ этого простого перечня видно, что мѣры о паспортахъ стояли въ тѣсной связи съ новыми финансовыми мѣрами государства и его полицейскими потребностями. Правительству необходимо было установить контроль надъ плательщиками. Въ виду этого было повелѣно, чтобы тяглые люди не отлучались изъ мѣстъ своего жительства безъ дозволенія начальства и безъ опредѣленныхъ видовъ. Плакатъ различаетъ, во-1-хъ, покормежныя письма и, во-2-хъ, пропускныя письма. Покормежныя выдавались крестьянамъ, отправлявшимся на работы въ своемъ уѣздѣ. Если же крестьянинъ желалъ отправиться въ другой уѣздъ, то долженъ былъ получить отъ своего начальства пропускное письмо, съ которымъ онъ являлся къ земскому комиссару и получалъ отъ него новое письмо. Срокъ такихъ отпусковъ не могъ превышать трехъ лѣтъ. На паспортѣ велѣно было писать примѣты его обладателя, ему присвоенъ былъ индивидуальный характеръ и лишь съ теченіемъ времени разрѣшено было вписывать въ одинъ паспортъ жену при мужѣ и малолѣтнихъ дѣтей. Первоначально паспортная система касалась, главнымъ образомъ, податныхъ классовъ населенія, но впослѣдствіи ей были подчинены, хотя и не въ одинаковой степени, всѣ вообще подданные.

Изъ дальнѣйшихъ законодательныхъ мѣръ относительно

паспортной системы необходимо указать на установленіе паспортныхъ сборовъ или пошлинъ. Первоначально паспорты не служили у насъ источникомъ государственнаго дохода. Плакатъ 1724 г. устанавливалъ, правда, сборъ съ каждаго „пропускнаго письма“ въ 2 коп., но этотъ сборъ имѣлъ цѣлью только возмѣщеніе расходовъ на бумагу и на запись паспорта въ книгу земскаго комиссара. Впервые фискальное значеніе паспортъ получилъ въ 1763 году, когда установлено было взиманіе денежныхъ сборовъ съ паспортовъ годовыхъ и болѣе краткосрочныхъ въ размѣрѣ 10 коп., съ двухгодовыхъ—50 коп. и съ трехгодовыхъ—по 1 руб. Съ теченіемъ времени, размѣры этихъ сборовъ были повышены; такъ, въ началѣ XIX вѣка сборы за паспорты доходили: для мѣщанъ и крестьянъ за годовой—до 6 руб., за трехгодовой—до 30 р. и за пятилѣтній — до 70 руб. (ассигнаціями). Въ 1825 и 1829 гг. сборы эти были значительно понижены: такъ, за годовой паспортъ взималось 1 р. 45 коп., за двухгодовой— 2 р. 90 коп. и за трехгодовой — 4 р. 35 коп. Въ этихъ размѣрахъ сборы съ паспортовъ взимались до реформы паспортнаго законодательства въ 1894 году

Крупные недостатки паспортной системы [1]) вызвали цѣлый рядъ правительственныхъ мѣръ, состоявшихъ преимущественно во временныхъ льготахъ по выборкѣ паспортовъ или въ упрощеніи и облегченіи установленнаго по этому предмету порядка. Мѣры эти приносили свою долю пользы, но нисколько не затрогивали общихъ началъ паспортной системы, которая, въ существенныхъ своихъ основаніяхъ, сохранилась у насъ до новѣйшаго времени въ объемѣ и духѣ узаконеній XVIII в. По дѣйствовавшей еще въ 1894 г. редакціи устава о паспортахъ, 1 ст. содержала безусловное, заимствованное изъ указа 30 октября 1719 г., правило, что „никто не можетъ отлучаться отъ мѣста постояннаго своего жительства безъ узаконеннаго вида или паспорта“, а по статьѣ 194 того же устава „всѣ отлучающіеся, по установленнымъ билетамъ и паспортамъ, изъ одной губерніи въ другую должны предъявлять оные: во время пути—на учрежденныхъ въ городахъ заставахъ и шлагбаумахъ, а по прибытіи на мѣсто отпуска, въ городахъ—

[1]) См. Сборникъ правовѣдѣнія. Т. 4. М. 1895 г., стр. 41 и сл.

городскимъ полиціямъ, въ уѣздахъ же—уѣздной, волостной или сельской полиціи". Съ другой стороны, въ законѣ сохранялись весьма строгія наказанія за нарушеніе паспортныхъ правилъ. Ст. 317 устава признавала бѣглыми всѣхъ тѣхъ, которые отлучались безъ узаконеннаго вида или далѣе срока, на который онъ выданъ, или за предѣлы района, означеннаго въ паспортѣ. За каждаго пойманнаго бѣглеца, на основаніи ст. 331, выдавалось изъ казны особое денежное вознагражденіе. Лица, не имѣющія узаконенныхъ видовъ, ловились и задерживались полиціею, при чемъ, если докажутъ свое званіе, то отправлялись въ общество по этапу, а буде не имѣли никакихъ средствъ доказать настоящее свое званіе или состояніе, то съ ними поступали, какъ съ бродягами.

Вопросъ о необходимости болѣе коренныхъ измѣненій въ паспортномъ уставѣ былъ поставленъ въ 1847 г. Бывшій министръ государственныхъ имуществъ гр. Киселевъ выразилъ предложеніе о необходимости измѣнить постановленія названнаго устава, касающіяся отлучекъ поселянъ изъ мѣстъ ихъ жительства, „какъ стѣснительныя для самихъ крестьянъ и сельской промышленности". Съ этимъ соглашался и самъ Императоръ Николай I, высказавшій, между прочимъ, слѣдующую мысль: „нельзя ли бы было замѣнить всѣ нынѣ существующіе виды и проч. паспортами двухъ родовъ: полугодовыми и годовыми на выѣздъ изъ своего уѣзда".

Этому предположенію, какъ и предположеніямъ гр. Киселева, суждено было получить осуществленіе лишь въ новомъ (1894 г.) положеніи о видахъ на жительство. Въ 1847 же году предположенія гр. Киселева вызвали возраженія со стороны представителей разныхъ центральныхъ вѣдомствъ, а въ 1849 г. Государственный Совѣтъ, подъ вліяніемъ броженія въ народѣ, рѣшилъ отложить обсужденіе предложенныхъ измѣненій въ паспортномъ уставѣ до общаго пересмотра послѣдняго. Вопросъ объ этомъ общемъ пересмотрѣ паспортнаго устава былъ возбужденъ въ 1859 г. и съ тѣхъ поръ, можно сказать, не сходилъ съ очереди вплоть до самаго послѣдняго времени.

Изъ всѣхъ учреждавшихся паспортныхъ комиссій наиболѣе обращаетъ на себя вниманіе II-я комиссія, образован-

ная въ 1869 г. изъ представителей разныхъ вѣдомствъ подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Сольскаго. „Комиссія эта, какъ говорится въ правительственномъ изданіи (Полож. о вид. на жит. съ изложеніемъ разсужденій, на коихъ оно основано; изданіе государственной канцеляріи, СПБ. 1894 г.), подвергнувъ дѣло самому тщательному и всестороннему изученію, собрала множество матеріаловъ первостепенной важности". Комиссіей были опрошены, между прочимъ, эксперты по полицейской части, съ цѣлью выяснить значеніе паспорта въ полицейскомъ отношеніи. На основаніи показаній этихъ экспертовъ, въ числѣ которыхъ находились начальникъ петербургской сыскной полиціи Путилинъ, бывшій градоначальникъ С.-Петербурга генералъ-адъютантъ Треповъ и управлявшій адресной экспедиціей въ томъ же городѣ полковникъ Фроловъ), комиссія пришла къ слѣдующему единогласному заключенію: „По соображеніи вышеизложенныхъ, спеціалистами по полицейской части заявленныхъ мнѣній, паспортная комиссія, съ своей стороны, не могла не притти къ заключенію, что содержащееся въ дѣйствующемъ паспортномъ уставѣ общее воспрещеніе отлучаться съ мѣста своего постояннаго жительства безъ узаконеннаго вида не представляется необходимымъ для охраненія общественнаго порядка и безопасности, а потому въ отношеніи лицъ, для которыхъ виды имѣютъ значеніе исключительно полицейское (т. е. лицъ, не принадлежащихъ къ податнымъ обществамъ), можетъ, безъ дѣйствительныхъ неудобствъ, быть нынѣ же отмѣнено, съ предоставленіемъ каждому доказывать свою самоличность по требованію полиціи, какъ узаконеннымъ видомъ, такъ и иными способами. Равнымъ образомъ, не оказывается надобности сохранять узаконенія о явкѣ и прописке видовъ, такъ какъ эти узаконенія самими представителями полиціи не признаются ведущими къ цѣли, и притомъ, сколько извѣстно, и нынѣ, за исключеніемъ столицъ и немногихъ мѣстностей, не строго примѣняются".

Съ цѣлью выяснить податное значеніе паспортовъ, комиссіей были опрошены управляющіе казенными палатами, губернаторы и эксперты по крестьянскимъ дѣламъ, которые и выяснили, что „крестьяне отлучаются преимущественно для отработки недоимокъ и что преграждать возможность

отлучаться недоимщикамъ значило бы не облегчать, а затруднять поступленіе сборовъ; что мѣра невыдачи паспортовъ недоимщикамъ, по непонятному заблужденію, доселѣ считающаяся дѣйствительнымъ противъ недоимокъ средствомъ, вела всегда только къ разоренію и къ затяжкѣ недоимки въ тѣхъ, къ счастью, рѣдкихъ случаяхъ, когда прилагалась въ нѣсколько обширныхъ размѣрахъ". Но, несмотря на подобнаго рода отзывы, комиссія пришла къ заключенію, что установленіе новыхъ паспортныхъ правилъ для податныхъ сословій не можетъ получить окончательной обработки впредь до преобразованія податной части, а также рекрутской повинности. Въ 1885 г., вскорѣ послѣ отмѣны подушной подати, была образована особая „подготовительная комиссія", которой и порученъ былъ пересмотръ устава о паспортахъ. Выводы, къ которымъ пришла эта комиссія, рѣзко отличаются отъ заключеній II-ой паспортной комиссіи. Обсуждая вопросъ о полицейскомъ значеніи паспортовъ, подготовительная комиссія признала, что „при существующемъ складѣ нашей общественной жизни, при существующемъ у насъ полицейскомъ устройствѣ, паспортъ представляется необходимымъ какъ по цѣлямъ полицейскимъ, такъ и въ интересахъ самого населенія. Въ полицейскомъ отношеніи—паспорты и прописка ихъ представляются важными въ дѣлѣ наблюденія за передвиженіемъ населенія; въ интересахъ же населенія—желательно сохраненіе паспортовъ, какъ документовъ, признаваемыхъ безспорными, въ видахъ обезпеченія обывателей отъ могущихъ быть недоразумѣній и даже ни на чемъ не основанныхъ придирокъ въ тѣхъ случаяхъ, когда является необходимость въ удостовѣреніи личности". Что же касается податного значенія паспортовъ, то комиссія пришла къ заключенію, что „отбываніе повинностей какъ государственныхъ, такъ земскихъ и общественныхъ, не можетъ служить препятствіемъ свободному передвиженію крестьянъ и мѣщанъ и что какъ тѣ, такъ и другіе, нимало не разрывая своей связи съ обществомъ и безъ вреда для податныхъ интересовъ, могли бы пользоваться тѣмъ же правомъ свободныхъ отлучекъ, какъ и лица всѣхъ другихъ сословій".

Составленный подготовительной комиссіей проектъ былъ

переданъ на разсмотрѣніе учрежденной въ концѣ 1886 г. при министерствѣ финансовъ общей паспортной комиссіи, въ которой и подвергся нѣкоторымъ довольно существеннымъ измѣненіямъ. Но по многимъ наиболѣе важнымъ вопросамъ комиссія не пришла къ единогласному заключенію, вслѣдствіе чего работы и этой комиссіи не привели къ положительнымъ результатамъ.

Между тѣмъ несовершенства паспортнаго устава давали себя знать все болѣе и болѣе, почему Государственный Совѣтъ въ 1891 г., по поводу одного дѣла, возникшаго на почвѣ помянутаго устава и поступившаго въ Совѣтъ изъ Сената, поручилъ министру финансовъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, внести въ возможно скоромъ времени на законодательное разсмотрѣніе предположенія объ измѣненіи устава о паспортахъ. Министры исполнили это порученіе, положивъ въ основу составленнаго проекта тѣ выводы, къ которымъ единогласно пришла общая паспортная комиссія. 9 марта 1893 г. проектъ былъ представленъ въ Государственный Совѣтъ и 3 іюня 1894 г. утвержденъ подъ названіемъ „Положенія о видахъ на жительство“.

Изложенный очеркъ исторіи новаго закона показываетъ, что дѣятельность всѣхъ „паспортныхъ“ комиссій не приводила къ положительнымъ результатамъ. Причину этого явленія усматриваютъ въ сложности предстоящей реформы, такъ какъ паспорты въ Россіи, помимо полицейскихъ цѣлей, преслѣдовали также податныя и фискальныя цѣли. Отказаться отъ выполненія паспортовъ какой-либо изъ этихъ цѣлей правительство не рѣшалось, несмотря на опытъ европейскихъ государствъ и на заключенія нѣкоторыхъ паспортныхъ комиссій. Подъ вліяніемъ этого исторически сложившагося взгляда на значеніе паспортовъ. Государственный Совѣтъ и при обсужденіи новаго положенія высказался, что „о совершенномъ упраздненіи паспорта или узаконеннаго вида въ Россіи не можетъ быть пока еще и рѣчи. Равнымъ образомъ, лишать паспортъ того значенія, которое онъ, въ теченіе почти двухвѣкового своего существованія, пріобрѣлъ у насъ въ податномъ и фискальномъ отношеніяхъ, было бы затруднительно. При этихъ условіяхъ задача паспортной реформы должна заключаться въ томъ, чтобы, не

нарушая въ корнѣ присвоеннаго паспорту значенія, ослабить, по возможности, не вызываемыя необходимостью стѣсненія паспортнаго устава и предоставить населенію всѣ возможныя облегченія въ его отлучкахъ изъ мѣста жительства".

Новое положеніе введено въ дѣйствіе съ 1-го января 1895 г. во всѣхъ мѣстностяхъ Имперіи, за исключеніемъ губерній Царства Польскаго [1]. При этомъ были оставлены въ силѣ слѣдующія узаконенія о паспортахъ: 1) лицъ, состоящихъ на дѣйствительной военной и морской службѣ, а равно лицъ войскового сословія казачьихъ войскъ; 2) иностранныхъ подданныхъ, проживающихъ въ Имперіи; 3) лицъ, отбывающихъ за границу и оттуда возвращающихся; 4) финляндскихъ обывателей; 5) лицъ римско-католическаго духовенства; 6) инородцевъ; 7) лицъ, нанимающихся на золотые промыслы; 8) скопцовъ; 9) лицъ, состоящихъ подъ полицейскимъ надзоромъ, учреждаемымъ по распоряженію административныхъ властей и 10) ссыльно-поселенцевъ, водворенныхъ въ Сибири и другихъ отдаленныхъ мѣстностяхъ.

„Видъ на жительство"—гласитъ 1-я статья закона,— „служитъ удостовѣреніемъ личности, а равно права на отлучку изъ мѣста постояннаго жительства въ тѣхъ случаяхъ, когда это право должно быть удостовѣрено". Мѣстомъ постояннаго жительства новый законъ, подобно старому, считаетъ: 1) для дворянъ, чиновниковъ, почетныхъ гражданъ, купцовъ и разночинцевъ —мѣсто, гдѣ кто по службѣ, или занятіямъ, или промысламъ, или недвижимому имуществу

---

[1] Закономъ 10 Іюня 1902 г. „Положеніе о видахъ на жительство 1894 г. распространено и на губерніи Царства Польскаго, съ нѣкоторыми отступленіями, обусловленными мѣстными особенностями. Важнѣйшее изъ нихъ заключается въ томъ, что въ губерніяхъ Царства Польскаго паспортныя мѣры лишены податнаго характера. При существующей въ этомъ краѣ системѣ обложенія и раскладки казенныхъ и общественныхъ сборовъ, по которой платежною единицею является каждая отдѣльная собственность, безъ круговой поруки обществъ, отлучки владѣльцевъ подлежащихъ сбору имуществъ и предпріятій не влияютъ на правильность податныхъ поступленій, и потому паспортные документы никакого значенія въ фискальномъ отношеніи имѣть не будутъ. Въ виду этого на губерніи Царства Польскаго не распространяются соотвѣтственныя статьи „Положенія" (главнымъ образомъ ст. 43—58).

имѣетъ осѣдлость, либо домашнее обзаведеніе; 2) для мѣщанъ и ремесленниковъ—городъ, посадъ или мѣстечко, къ мѣщанскому или ремесленному обществу которыхъ они причислены; 3) для сельскихъ обывателей—сельское общество или волость, къ коимъ они приписаны (ст. 2). Только что приведенныя постановленія отличаются отъ соотвѣтствующихъ постановленій устава о паспортахъ лишь иной редакціей; но уже слѣдующія двѣ статьи вносятъ въ наше законодательство о паспортахъ нѣчто новое, а именно: въ силу этихъ статей, никто не обязанъ имѣть видъ на жительство въ мѣстѣ постояннаго своего жительства, а равно при отлучкахъ въ предѣлахъ того уѣзда, гдѣ находится это мѣсто постояннаго жительства отлучающагося, а также за предѣлами сего уѣзда не далѣе пятидесяти верстъ отъ названнаго мѣста, если отлучки продолжаются не долѣе шести мѣсяцевъ; отъ лицъ же, нанимающихся на сельскія работы, не требуется видовъ на жительство не только въ означенныхъ мѣстностяхъ, но и въ предѣлахъ волостей, смежныхъ съ тѣмъ уѣздомъ, въ которомъ находится мѣсто постояннаго жительства сихъ лицъ, хотя бы отлучки ихъ изъ этого мѣста и продолжались болѣе шести мѣсяцевъ. Только что приведенныя облегченія къ передвиженію населенія, которыя, какъ было выше упомянуто, проектировалъ отчасти Императоръ Николай I, безспорно полезны; къ сожалѣнію, немаловажныя изъятія изъ этихъ правилъ достаточно парализуютъ ихъ значеніе. Такъ, приведенныя постановленія не распространяются: на цѣлый рядъ городовъ, въ которыхъ содержатели меблированныхъ комнатъ обязаны записывать въ особую книгу паспорты своихъ постояльцевъ (см. 210 ст. уст. о пасп.); на мѣстности, въ которыхъ введено въ дѣйствіе положеніе о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія: наконецъ, на фабрикахъ, заводахъ и мануфактурахъ, на которые распространяется дѣйствіе правилъ о надзорѣ за заведеніями фабрично-заводской промышленности (уст. пром. ст. 47), рабочіе, по требованію фабричной инспекціи или мѣстной полиціи, обязаны имѣть виды на жительство, хотя бы эти фабрики, заводы и мануфактуры и находились въ мѣстѣ постояннаго жительства означенныхъ рабочихъ.

Допуская возможность обходиться въ нѣкоторыхъ случаяхъ безъ какого бы то ни было вида на жительство, новый законъ, въ отличіе отъ стараго, не считаетъ и неимѣнія его за уголовный проступокъ. По старому паспортному уставу, виновные въ совершеніи этого проступка препровождались въ качествѣ бѣглыхъ этапнымъ порядкомъ въ мѣсто постояннаго ихъ жительства, гдѣ и подвергались уголовной отвѣтственности. Такими „бѣглыми" могли оказаться не только лица, случайно потерявшія паспортъ, но и всѣ тѣ, „которые отлучились отъ своихъ обществъ безъ надлежащаго на то дозволенія далѣе срока и мѣста, какія для временныхъ отлучекъ закономъ или въ данныхъ имъ видахъ опредѣлены". Такихъ лицъ предписывалось полиціи и частнымъ лицамъ ловить и задерживать, при чемъ за каждаго пойманнаго выдавалось особое денежное вознагражденіе (ст. 317—343 уст. о пасп. изд. 1890 г.). Совершенно безцѣльная строгость этихъ постановленій, отзывавшаяся, главнымъ образомъ, на массѣ крестьянскаго населенія, нынѣ устранена.

Въ статьяхъ 26—28 разсматриваемаго положенія значится нижеслѣдующее: „При обнаруженіи лица, отлучившагося или проживающаго безъ установленнаго вида, тамъ, гдѣ онъ требуется, или же съ видомъ просроченнымъ, либо ненадлежащимъ, полиція, если лицо сіе докажетъ свою самоличность, выдаетъ ему свидѣтельство на срокъ, достаточный для полученія вида на жительство, и, во всякомъ случаѣ, не долѣе, чѣмъ на шесть мѣсяцевъ. Въ случаѣ истеченія срока выданнаго свидѣтельства, владѣлецъ онаго снабжается полиціею особымъ удостовѣреніемъ, для отбытія въ семидневный срокъ въ мѣсто постояннаго жительства. И лишь лицо, не отбывшее туда въ указанный срокъ, высылается въ оное мѣрами полиціи; причемъ высылка эта производится соотвѣтственно званію или состоянію высылаемаго, на основаніи особой инструкціи, утвержденной министромъ внутреннихъ дѣлъ". Постановленія устава о паспортахъ примѣняются, такимъ образомъ, къ лицамъ, оказавшимся безъ всякаго вида на жительство, лишь въ томъ случаѣ, если они не въ состояніи доказать какимъ-либо образомъ свою самоличность (ст. 30). По поводу этого

остатка старины, Государственный Совѣтъ высказалъ совершенно понятное желаніе, „чтобы законы о преслѣдованіи бѣглыхъ и бродягъ были подвергнуты пересмотру въ видахъ ближайшаго ихъ согласованія съ дѣйствительною потребностью и основаніями новыхъ постановленій о правѣ перехода и переѣзда“.

Изъ другихъ „общихъ положеній“ новаго положенія заслуживаютъ вниманія статьи 10 и 19, въ силу которыхъ: 1) сыновья и мужскаго пола родственники, пріемыши и лица, состоящія подъ опекою, по достиженіи всѣми ими 18 лѣтъ, и 2) незамужнія дочери, родственницы и пріемыши женскаго пола, а равно дѣвицы, состоящія подъ опекою, по достиженіи всѣми ими 21 года, включаются въ видъ получателя, при которомъ жили, не иначе, какъ съ ихъ согласія (ст. 10). „Неотдѣленнымъ членамъ крестьянскихъ семействъ, хотя бы и совершеннолѣтнимъ, виды на жительство выдаются и возобновляются не иначе, какъ съ согласія хозяина крестьянскаго двора. Въ случаѣ отказа съ его стороны, виды на жительство могутъ быть выдаваемы означеннымъ лицамъ по распоряженію земскаго начальника, мирового посредника, непремѣннаго члена уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, чиновника, либо коммисара по крестьянскимъ дѣламъ или замѣняющихъ ихъ должностныхъ лицъ, по принадлежности. Распоряженіе сего рода обжалованію не подлежитъ“ (ст. 19). Съ изданіемъ приведенныхъ постановленій паспорты перестаютъ служить орудіемъ родительской власти, какимъ служили прежде.

Слѣдуетъ еще отмѣтить постановленіе 22 статьи. До изданія закона 1894 г. лицамъ, состоявшимъ на основаніи 48, 49 и 51 ст. улож. о нак. подъ надзоромъ полиціи или обществъ, выдавались паспорты, въ которыхъ дѣлалась отмѣтка о ихъ судимости съ обозначеніемъ существа судебнаго приговора и тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ владѣлецъ вида не имѣлъ права появляться; кромѣ того, на паспортъ налагался особый знакъ о судимости. Сохраненіе всѣхъ упомянутыхъ отмѣтокъ до изданія разсматриваемаго узаконенія не было ограничено какимъ-либо срокомъ. Теперь же наложеніе краснаго знака отмѣнено, а „волчьи паспорты“,— какъ окрестилъ народъ виды, на которыхъ сдѣланы отмѣтки

о судимости, — замѣняются по окончаніи надзора новыми, безъ отмѣтокъ о судимости, „если на исключеніе таковыхъ отмѣтокъ послѣдуетъ разрѣшеніе губернскаго начальства".

Наконецъ статья 31 положенія точно опредѣляетъ порядокъ принесенія жалобъ на дѣйствія и распоряженія по дѣламъ, касающимся видовъ на жительство.

Кромѣ общихъ положеній новаго закона, въ немъ содержатся спеціальныя постановленія, относящіяся только до извѣстныхъ классовъ населенія. Всѣ эти классы разсматриваемое положеніе подраздѣляетъ на двѣ большія группы. Для первой группы, въ которую входятъ неслужащіе дворяне, лица, уволенныя отъ государственной службы, офицерскіе чины запаса, чиновники запаса, почетные граждане, купцы и разночинцы, — для всѣхъ этихъ классовъ видами на жительство служатъ безсрочныя паспортныя книжки, обложенныя сборомъ въ доходъ казны (ст. 33). Аттестаты объ окончаніи курса въ учебныхъ заведеніяхъ и т. п. документы, замѣнявшіе до сихъ поръ паспорты, должны были быть замѣнены къ 1 января 1897 г. упомянутыми книжками.

Болѣе крупнымъ и многочисленнымъ измѣненіямъ подверглись постановленія устава о паспортахъ, касающіяся другой группы населенія—мѣщанъ, ремесленниковъ и сельскихъ обывателей. Для этихъ классовъ видами на жительство служатъ: паспортныя книжки, паспорты и безплатные виды на отлучку (ст. 39). Паспортныя книжки выдаются на пять лѣтъ, тогда какъ нынѣ упраздненные „плакатные" паспорты выдавались лишь на три года. Получить паспортную книжку можетъ всякій исправный и полноправный членъ общества (ст. 41—42). Мѣщанамъ и ремесленникамъ, за коими числятся недоимки по общественнымъ сборамъ, паспортныя книжки выдаются не иначе, какъ съ согласія ихъ обществъ (ст. 43). Сельскіе обыватели, за коими числятся недоимки по тѣмъ изъ государственныхъ, земскихъ и мірскихъ сборовъ, поступленіе которыхъ обезпечивается круговою порукою подлежащихъ сельскихъ обществъ, могутъ получать паспортныя книжки лишь съ согласія обществъ, къ коимъ они приписаны (ст. 44) Этой статьей власти крестьянскихъ обществъ надъ своими членами поставленъ нѣкоторый предѣлъ, хотя, съ другой стороны,

власть эта новымъ закономъ нѣсколько усилена, такъ какъ, съ отмѣной 1-го пункта 129 ст. положенія о выкупѣ, отлучки недоимщиковъ поставлены въ исключительную зависимость отъ согласія общества, вмѣшиваться и контролировать которое полиція не имѣетъ права.

При выдачѣ паспортной книжки, установленіе, ее выдающее, обозначаетъ въ книжкѣ годовой размѣръ вышеупомянутыхъ сборовъ, причитающихся по послѣдней раскладкѣ съ лица, получающаго книжку. Эту „сумму годовыхъ сборовъ“ владѣльцы паспортной книжки обязаны ежегодно уплачивать: сельскіе обыватели — или въ подлежащія по мѣсту ихъ приписки установленія, или въ казначейства, находящіяся въ мѣстахъ ихъ временнаго пребыванія; мѣщане же и ремесленники — исключительно въ подлежащія по мѣсту ихъ приписки общественныя установленія. Если сумма сборовъ, уплаченныхъ отлучившимся за время пользованія книжкою, окажется несоотвѣтствующею суммѣ дѣйствительно причитавшихся съ него по раскладкѣ за означенное время платежей, то, по истеченіи срока книжки, а равно при утратѣ владѣльцемъ книжки права пользоваться ею, — недоплаченныя отлучившимся суммы уплачиваются имъ обществу, а произведенныя переплаты принимаются въ зачетъ причитающихся съ него платежей, по раскладкѣ общества, на будущее время (ст. 45—48). Если, при предъявленіи паспортной книжки въ полицію, окажется, что владѣльцемъ книжки указанные въ ней сборы не уплачены въ установленный срокъ, то полиція отбираетъ отъ него книжку; послѣдняя можетъ быть отобрана также и въ томъ случаѣ, если отлучившійся оставитъ безъ всякаго призрѣнія членовъ семьи или воспитателей, нуждающихся въ средствахъ къ жизни и не могущихъ снискивать себѣ пропитаніе своимъ трудомъ. Отъ сельскихъ обывателей отобраніе полиціей паспортныхъ книжекъ допускается сверхъ того: а) по требованію хозяина двора, къ которому отлучившійся принадлежитъ, и б) въ случаѣ избранія отлучившагося на одну изъ должностей, означенныхъ въ ст. 112 общаго положенія о крестьянахъ. Для отобранія паспортной книжки въ послѣднихъ трехъ случаяхъ требуется приговоръ подлежащаго общества. Приговоръ объ отобраніи паспортной книжки

отъ мѣщанъ и ремесленниковъ утверждается губернскимъ правленіемъ, а въ градоначальствахъ — градоначальниками. Приговоръ объ отобраніи паспортной книжки отъ сельскихъ обывателей представляется земскому начальнику, мировому посреднику, непремѣнному члену уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія или чиновнику, либо комиссару по крестьянскимъ дѣламъ, по принадлежности. Должностныя лица сіи, разсмотрѣвъ приговоръ по существу, если удостовѣрятся въ его правильности, дѣлаютъ на приговорѣ отмѣтку о неимѣніи препятствій къ приведенію онаго въ исполненіе. Въ противномъ случаѣ, приговоръ представляется, вмѣстѣ съ заключеніемъ означенныхъ должностныхъ лицъ, въ уѣздный съѣздъ, въ съѣздъ мировыхъ посредниковъ, въ уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе и въ другія учрежденія, по принадлежности (ст. 56). Учрежденія сіи, разсмотрѣвъ дѣло по существу, или утверждаютъ приговоръ общества, или отмѣняютъ его. О приведеніи въ исполненіе приговора объ отобраніи паспортной книжки названныя должностныя лица и учрежденія сообщаютъ подлежащимъ полицейскимъ установленіямъ по мѣсту пребыванія отлучившагося, съ препровожденіемъ копіи приговора (ст. 54—56).

Что касается паспортовъ, то они выдаются на одинъ годъ, на шесть и на три мѣсяца; при этомъ мѣщане, ремесленники и сельскіе обыватели могутъ получать паспорты независимо отъ лежащихъ на нихъ недоимокъ по какимъ-либо сборамъ. Лица эти не могутъ, однако, возобновлять паспорты безъ согласія общества, если не уплатятъ всѣхъ, по указаннымъ въ статьяхъ 43 — 44 сборамъ, недоимокъ, числящихся на нихъ по 1 января того года, въ которомъ заявлено ими ходатайство о возобновленіи паспортовъ (ст. 59—60). Паспорты, срокъ коихъ истекъ, отсрочиваются полиціею по жѣланію владѣльцевъ, въ мѣстахъ временнаго ихъ пребыванія (ст. 61).

Заключительныя статьи (66—73) положенія содержатъ въ себѣ постановленія о сборахъ съ паспортовъ.

Размѣръ этихъ сборовъ былъ нѣсколько пониженъ (за годовой—до 1 руб., вмѣсто 1 руб. 45 коп.) и вмѣстѣ съ тѣмъ впервые установленъ былъ денежный сборъ за паспорты съ

лицъ привилегированныхъ сословій: паспортныя книжки, выдаваемыя имъ, были обложены сборомъ въ 1 руб. въ годъ, при чемъ этотъ сборъ долженъ былъ оплачиваться паспортными марками.

Не прошло однако и трехъ лѣтъ со времени изданія закона 1894 года, какъ въ отношеніи къ сборамъ за паспорты была произведена коренная реформа: закономъ 7 апрѣля 1897 г. отмѣнены сборы, взимаемые въ казну съ видовъ на жительство какъ краткосрочныхъ, такъ и долгосрочныхъ. Этимъ закономъ положенъ конецъ фискальному значенію внутреннихъ паспортовъ, на уничтоженіе котораго давно уже въ нашей печати указывалось, какъ на мѣру крайне необходимую. Какъ средство извлеченія государственнаго дохода, паспортный сборъ не имѣлъ особеннаго значенія: въ 1895 г. доходъ по этой статьѣ бюджета составилъ 4,1 милліона руб., т. е. весьма ничтожную часть поступленій при милліардномъ бюджетѣ. Между тѣмъ для необезпеченныхъ классовъ населенія паспортные сборы, при всей ихъ сравнительной незначительности, являлись нерѣдко тяжелымъ бременемъ, тѣмъ болѣе, что уплата этихъ сборовъ производилась обыкновенно именно тогда, когда положеніе плательщика особенно затруднительно. Въ мотивахъ къ закону 1897 года вполнѣ основательно указаны слѣдующія соображенія:

„Отправляясь на заработки, простолюдинъ вынужденъ дѣлать различныя затраты: ему необходимо запастись деньгами на дорогу и на прожитіе до пріисканія работы, оставить своей семьѣ средства на пропитаніе и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, обезпечить уплату слѣдующихъ съ него сборовъ. При такихъ условіяхъ взысканіе даже невысокой относительно пошлины, въ размѣрѣ отъ 15-ти коп. до 1-го руб., какъ это установлено Положеніемъ 3-го іюня 1894 г., не можетъ не почитаться для него чувствительнымъ. Между тѣмъ заработанныя на сторонѣ деньги иногда служатъ, при тѣснотѣ земельныхъ надѣловъ сельскаго населенія и при незначительности доходности послѣднихъ, главнѣйшимъ средствомъ къ существованію и къ уплатѣ причитающихся съ этого населенія разнаго рода сборовъ. Уплата паспортныхъ сборовъ является тѣмъ болѣе ощутительною для на-

шихъ рабочихъ, что, отправляясь на заработки, они отнюдь не могутъ быть увѣрены въ возможности отыскать подходящую работу".

Съ другой стороны, нельзя не отмѣтить еще одной особенности нашихъ современныхъ условій, дѣлающей паспортный сборъ обременительнымъ и несправедливымъ для значительной части населенія. Дѣло въ томъ, что въ отступленіе отъ коренного положенія о необязательности видовъ въ мѣстѣ постояннаго жительства, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ имперіи выборка видовъ на жительство, ихъ прописка и, слѣдовательно, уплата паспортныхъ пошлинъ обязательна не только для пришлаго, но даже и для мѣстнаго населенія. Въ силу ст 3 Пол. 3-го іюня 1894 г. постановленіе о томъ, что никто не обязанъ имѣть видъ на жительство въ мѣстѣ постояннаго своего жительства, не распространяется на мѣстности, находящіяся подъ усиленною охраною. Взиманіе паспортныхъ пошлинъ съ этой части населенія едва ли можетъ быть чѣмъ-нибудь оправдано.

Въ изложенное законодательство о паспортахъ для крестьянъ существенныя измѣненія внесены Именнымъ Высочайшимъ Указомъ 5 октября 1906 года объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ ограниченій въ правахъ сельскихъ обывателей и лицъ другихъ бывшихъ податныхъ состояній. За воспослѣдованіемъ манифестовъ отъ 6 августа и 17 октября 1905 г., призвавшихъ сельское населеніе къ участію въ законодательствѣ, нѣкоторыя сохранявшіяся еще ограниченія были признаны несоотвѣтствующими основнымъ положеніямъ и общему духу упомянутыхъ манифестовъ, а частью утратившими уже первоначальное свое значеніе за отмѣною круговой поруки и выкупныхъ платежей. Въ ряду этихъ ограниченій, отмѣненныхъ указомъ 5 октября 1906 г., устранены нѣкоторыя существенныя стѣсненія въ отношеніи къ свободѣ избранія мѣста постояннаго жительства сельскими обывателями и къ выборкѣ ими паспортныхъ документовъ.

Раздѣломъ V названнаго Указа сельскимъ обывателямъ и лицамъ другихъ бывшихъ податныхъ состояній предоставлена свобода избранія мѣста постояннаго жительства на сдѣлкахъ основаніяхъ съ лицами другихъ состояній. Согласно этому постояннымъ мѣстомъ ихъ жительства от-

нынѣ признается не мѣсто приписки, а мѣсто, гдѣ они по службѣ или занятіямъ, или промысламъ, или недвижимому имуществу имѣютъ осѣдлость либо домашнее обзаведеніе. Въ качествѣ видовъ на жительство этимъ лицамъ надлежитъ выдавать безсрочныя паспортныя книжки какъ въ мѣстахъ приписки — отъ сословныхъ учрежденій, такъ и въ мѣстахъ постояннаго жительства — отъ полицейскихъ управленій, а въ столицахъ — отъ участковыхъ приставовъ. При этомъ отмѣнены и другія ограничительныя правила о паспортахъ лицъ бывшихъ податныхъ состояній.

Оканчивая этимъ разсмотрѣніе законодательства о паспортахъ для передвиженія внутри Имперіи, переходимъ къ краткому обзору законоположеній о *заграничныхъ* паспортахъ и выдачѣ паспортовъ иностранцамъ, прибывающимъ въ Россію. Каждый, намѣревающійся отбыть за границу, кто бы и какого бы званія ни былъ, обязанъ подать о томъ прошеніе губернатору и представить при немъ отъ полиціи свидѣтельство, удостовѣряющее, что никакого законнаго препятствія къ отъѣзду его нѣтъ. При отсутствіи этихъ законныхъ препятствій, губернаторы разрѣшаютъ выдачу паспортовъ безъ замедленія. По общему правилу, заграничные паспорты могутъ быть выдаваемы русскимъ подданнымъ только по достиженіи ими 20-лѣтняго возраста. Многочисленныя изъятія изъ этого правила касаются обоюдныхъ на границахъ помѣщиковъ, купцовъ, ихъ приказчиковъ, шкиперовъ, вольныхъ матросовъ, молодыхъ людей изъ купеческихъ семействъ (которымъ, по достиженіи 17-тилѣтняго возраста, разрѣшается отправляться на шесть лѣтъ за границу для практическихъ занятій въ иностранныхъ купеческихъ конторахъ), лицъ, отправляющихся для излеченія болѣзни, полученія наслѣдства и т. д. Существуютъ особыя мѣры контроля за отбытіемъ воинской повинности. Заграничные паспорты выдаются на извѣстный срокъ, „съ возвратомъ“; паспорты для выѣзда безъ возврата выдаются всѣмъ иностранцамъ, оставляющимъ Россію. Срокъ дозволеннаго пребыванія всѣхъ вообще русскихъ подданныхъ за границею, съ узаконеннымъ паспортомъ, назначается пятилѣтній. Въ цѣломъ рядѣ случаевъ допускаются отсрочки (для художниковъ, для коммерсантовъ и, въ частности, купцовъ, тор-

гующихъ на востокѣ, и т. д.). Заграничные паспорты подлежатъ двоякаго рода сборамъ: 1) за напечатаніе для нихъ бланкетовъ [1] и 2) сбора, обращаемаго въ составъ инвалиднаго капитала. Первый взимается при выдачѣ паспортовъ, въ размѣрѣ 50 коп. за каждый; второй взимается или при выдачѣ паспорта, или при возвращеніи изъ-за границы, по расчету десяти [2] рублей за каждые шесть мѣсяцевъ или 20 руб. за годъ и т. д., смотря по времени пребыванія за границей. Именнымъ указомъ Правительствующему Сенату 28 іюля 1900 г. установленъ былъ временный дополнительный сборъ съ заграничныхъ паспортовъ (по 5 руб. въ полугодіе) для подкрѣпленія средствъ Россійскаго Общества Краснаго Креста, по усиленной дѣятельности его „по обезпеченію быстрой помощью и должнымъ уходомъ больныхъ и раненыхъ въ рядахъ дѣйствующихъ на Дальнемъ Востокѣ войскъ". Сборъ этотъ, хотя и былъ установленъ временно и для опредѣленной цѣли, не отмѣненъ, однако, и за миновaніемъ обстоятельствъ, его вызвавшихъ. — Пограничныя таможни обязаны строжайше наблюдать, чтобы всѣ выѣзжающіе за границу имѣли установленные паспорты. „Безъ паспорта", говоритъ законъ, „никто, ни по какой причинѣ, ниже ради богомолья, изъ предѣловъ Имперіи выпускаемъ быть не долженъ, и всякаго такового, по задержаніи, надлежитъ отсылать на прежнее его жилище".

Что касается иностранцевъ, прибывающихъ въ Россію, то они пропускаются какъ по паспортамъ, выдаваемымъ россійскими миссіями и консульствами въ иностранныхъ государствахъ, такъ и по національнымъ паспортамъ и вандербухамъ (дорожныя книжки), засвидѣтельствованнымъ русскими миссіями и консульствами. Каждый иностранецъ,

---

[1] Заграничные паспорты выдаются въ формѣ книжки съ двумя талонами, изъ коихъ одинъ отрѣзывается на таможнѣ, при выѣздѣ пассажира заграницу, а другой при возвращеніи его оттуда. Въ каждомъ паспортѣ означаются имя, фамилія и званіе предъявителя, кѣмъ паспортъ выданъ, время выдачи и нумеръ; въ приложеніи къ книжкѣ печатаются дѣйствующія о заграничныхъ паспортахъ правила. Паспорты пишутся на трехъ языкахъ: русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ.

[2] Съ 1887 г. (прежде, съ 1856 г. по 1887 г. взималось по 5-ти руб. за полгода).

пріѣхавшій въ Россію съ законнымъ паспортомъ, долженъ явиться въ первомъ лежащемъ на пути [1] губернскомъ городѣ къ мѣстному губернатору и, представя ему свой паспортъ, получить взамѣнъ его паспортъ для жительства и переѣздовъ въ Россіи. При предъявленіи иностранцемъ заграничнаго паспорта, для полученія русскаго паспорта, отъ него отбираются обычныя показанія о его личности, продолжительности его пребыванія, цѣли его и т. д. Паспорты на жительство и переѣзды въ Имперіи выдаются иностранцамъ срокомъ на одинъ годъ и облагаются установленнымъ гербовымъ сборомъ; по наступленіи срока, иностранецъ обязанъ испросить новый паспортъ у начальника той губерніи, въ предѣлахъ которой онъ будетъ находиться при истеченіи этого срока. Значительныя облегченія дѣлаетъ законъ для пограничныхъ жителей, имѣющихъ надобность въ дѣловыхъ сношеніяхъ. Эти облегченія касаются одинаково какъ иностранцевъ, пріѣзжающихъ въ Россію, такъ и пограничныхъ русскихъ подданныхъ для ихъ кратковременныхъ отлучекъ за границу.

---

[1] Ѣдущіе въ почтовыхъ каретахъ и по желѣзнымъ дорогамъ освобождаются отъ обязанности предъявлять свои паспорты въ лежащихъ на пути губернскихъ городахъ, а могутъ отправляться со своими паспортами до тѣхъ пунктовъ, до которыхъ взяты ими мѣста въ каретахъ и вагонахъ.

II. ПОЛИЦІЯ СОЮЗОВЪ И СОБРАНІЙ [1].

Союзы и ихъ значеніе — Отношеніе государства къ союзамъ и собраніямъ.

Публичные митинги и союзы въ Англіи.—Роль митинговъ въ государственной жизни.—Развитіе митинговъ и союзовъ въ XIX вѣкѣ.—Ограниченія въ отношеніи къ союзамъ и митингамъ.

Очеркъ развитія французскаго законодательства о союзахъ и собраніяхъ. — Уголовный кодексъ 1810 г. и законъ 1834 г. — Вторая республика и вторая Имперія (декретъ 1852 г. и законъ 1868 г.).—Законъ 1881 года о публичныхъ собраніяхъ.—Законъ 1 іюля 1901 г. объ ассоціаціяхъ и религіозныхъ конгрегаціяхъ.

Развитіе законодательства о союзахъ и собраніяхъ въ Германіи.— Общеимперскій законъ 19 апр. 1908 г. о союзахъ и собраніяхъ.

Публичныя собранія и союзы въ Россіи. — Временныя правила 4 марта 1905 г. о собраніяхъ, объ обществахъ и союзахъ.

Подъ союзомъ или ассоціаціей разумѣется вообще всякое добровольное и расчитанное на продолжительное существованіе соединеніе извѣстнаго количества лицъ, имѣющихъ въ виду преслѣдованіе какой-нибудь цѣли посред-

---

[1] Кромѣ указанныхъ выше (стр. 21) работъ Meyer, Loening, Seidel Berthélemy Hauriou – А. В. Дайси. Основы государственнаго права Англіи. Пер. съ англ. подъ ред. проф. П. Г. Виноградова. Спб. 1891 г.—J. W. Blagg, The Law as to Public Meetings, Lond. 1888.—Delius. Das preussische Vereins- und Versammlungsrecht 3 Aufl. B. 1905.—Muller und Schmid Vereinsgesetz v. 19 Apr. 1908. Munchen, 1908. E. Loening. Vereins- und Versammlungsfreiheit (въ VI томѣ Handworterbuch der Staatswissenschaften). - G.-D. Weill. Le droit d'association et le droit de réunion devant les chambres et les tribunaux. Par 1893.— C. Constant. Code des réunions publiques. Commentaire pratique de la loi du 30 juin 1881 Par 1881. — J. Grumbach. Les associations et les cercles depuis la loi du 1 juillet 1901. Par 1904 —Французскій законъ 1 іюля 1901 г. объ ассоціаціяхъ и религіозныхъ конгрегаціяхъ („Журналъ Министерства Юстиціи“ 1901 г, октябрь, стр. 270—296)—В. Ѳ. Матвѣевъ. Право публичныхъ собраній. СПБ. 1909

ствомъ общихъ совмѣстныхъ усилій. Жизнь выработала самые разнообразные типы такихъ союзовъ, значительно различающіеся между собою какъ по своимъ задачамъ, такъ и по своей организаціи. Союзы и общества для веденія различныхъ промышленныхъ предпріятій; ассоціаціи, устраиваемыя въ интересахъ взаимной помощи; благотворительныя, ученыя, литературныя и художественныя общества; ассоціаціи политическія—таковы наиболѣе распространенные въ современныхъ государствахъ типы союзовъ. Организація ихъ, устройство и пріемы дѣятельности ихъ представляютъ нерѣдко весьма существенныя различія. Въ однихъ союзахъ (особенно тамъ, гдѣ замѣшанъ матеріальный интересъ) вступленіе въ ихъ составъ совершается въ силу извѣстнаго договора, налагающаго на каждаго вступающаго опредѣленныя обязательства; въ другихъ можетъ быть достаточнымъ простое изъявленіе желанія или согласія. Въ однихъ дѣло ведется небольшимъ количествомъ довѣренныхъ лицъ, такъ что всѣ члены союза собираются лишь изрѣдка; въ другихъ, наоборотъ, собранія имѣютъ мѣсто часто черезъ короткіе промежутки времени. Въ однихъ—собранія происходятъ публично; другіе не допускаютъ присутствія постороннихъ лицъ и т. д.

Существованіе различнаго рода союзовъ и ассоціацій—явленіе не новое. Они составляютъ естественную принадлежность общежитія, неизбѣжное проявленіе всякой сколько-нибудь развитой общественной жизни. Ихъ знали уже древнія государства, Греція и Римъ; еще болѣе развились они въ средневѣковой Европѣ; наконецъ, грандіозное развитіе получили они въ новое время, подъ вліяніемъ тѣхъ благопріятныхъ условій, какія обезпечиваетъ за ними все болѣе и болѣе осложняющаяся общественная жизнь. Исторія свидѣтельствуетъ о томъ, что значеніе различнаго рода промышленныхъ, ученыхъ, литературныхъ и политическихъ союзовъ было велико и, въ общемъ, благодѣтельно. Они являлись и являются однимъ изъ важныхъ факторовъ прогресса. Секретъ ихъ значенія кроется въ той силѣ, какую представляетъ собою комбинація отдѣльныхъ силъ, направленная къ какой-нибудь общей цѣли. Она обезпечиваетъ скорѣйшее и важнѣйшее осуществленіе того, что можетъ

быть не по силамъ отдѣльнымъ лицамъ, недостижимо для разрозненныхъ усилій ихъ.

По отношенію къ союзамъ изученію полицейскаго права подлежитъ вопросъ о томъ, какъ должно относиться къ нимъ государство? Можетъ оно предоставить имъ полную свободу существованія, или же ихъ устройство и дѣятельность должны подлежать контролю его въ той или другой формѣ? Смотря по тѣмъ цѣлямъ, которыя они преслѣдуютъ, союзы являются могущественнымъ орудіемъ въ дѣлѣ развитія и удовлетворенія различныхъ матеріальныхъ и духовныхъ потребностей населенія. Стѣсняя ихъ образованіе и дѣятельность, государство рискуетъ парализовать значеніе важнаго фактора прогресса, поставить преграду осуществленію различныхъ задачъ культурнаго развитія общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ, политикой стѣсненій государство подвергаетъ себя опасности въ томъ отношеніи, что присущая каждому обществу потребность въ соединеніи отдѣльныхъ силъ для совмѣстной дѣятельности въ общихъ интересахъ, находя на пути своего удовлетворенія препятствія, можетъ развиваться тайно и искать себѣ удовлетворенія въ формѣ тайныхъ обществъ, существованіе которыхъ всегда и всюду представлялось источникомъ бѣдствій для общества и государства. Но если чрезмѣрныя стѣсненія могутъ приводить къ неблагопріятнымъ послѣдствіямъ, то, съ другой стороны, можетъ быть опаснымъ и вреднымъ и полное отсутствіе всякаго контроля за дѣятельностью союзовъ. Якобинскіе клубы въ эпоху французской революціи — лучшій примѣръ тѣхъ крайне печальныхъ послѣдствій, къ которымъ можетъ привести ничѣмъ неограниченная свобода союзовъ.

Таковы тѣ основныя соображенія, которыя должны быть приняты во вниманіе при опредѣленіи отношенія государства къ союзамъ. Не стѣсняя ихъ образованія и дѣятельности, государство не можетъ и не должно отказываться отъ извѣстнаго контроля за ними, контроля, который обезпечивалъ бы возможность предупрежденія и преслѣдованія опасныхъ для общественнаго порядка проявленій ихъ дѣятельности. Опредѣленіе границъ этого контроля не всегда и не вездѣ одинаково. Это зависитъ отъ общихъ политическихъ условій, въ какихъ находится въ тотъ или въ другой пе-

ріодъ своего развитія то или другое государство. Изъ многоразличныхъ типовъ союзовъ наибольшее вниманіе возбуждаютъ ассоціаціи и общества политическія. Ихъ главнымъ образомъ имѣетъ въ виду публично-правовое законодательство; имъ же будетъ посвящено преимущественное вниманіе въ дальнѣйшемъ изложеніи. Что касается союзовъ, имѣющихъ своею задачею интересы экономическіе (промышленные союзы, акціонерныя компаніи, торговыя товарищества и т. п.), то они регулируются нормами частнаго права, къ области котораго и относится ихъ изученіе.

Въ тѣсной связи съ законодательствомъ о союзахъ находятся законоположенія объ общественныхъ или народныхъ собраніяхъ. Нерѣдко они регулируются однѣми и тѣми же нормами. Это и понятно, такъ какъ мотивы допущенія свободы собраній и основанія къ ея ограниченіямъ тѣ же, что и въ области союзовъ.

Англія.

Въ Англіи нѣтъ положительнаго закона, который нормировалъ бы свободу собраній и союзовъ. Право составлять союзы, ассоціаціи и право устраивать публичныя собранія, митинги, не имѣетъ характера особаго самостоятельнаго права (какъ это мы видимъ, напр., во Франціи, Бельгіи, Италіи и др.), а есть не что иное, какъ одно изъ проявленій личной свободы. „Въ Англіи“,—говоритъ проф. А. Дайси [1],—„нѣтъ особаго закона, который дозволялъ бы А, В и С сойтись на открытомъ воздухѣ или въ иномъ какомъ-нибудь мѣстѣ для какой-либо законной цѣли, но право А итти, куда онъ хочетъ, лишь бы только онъ не совершилъ какого-либо преступленія, и право сказать В что ему угодно, лишь бы только его слова не были клеветою или возмущеніемъ, право В сдѣлать тоже самое по отношенію къ А и существованіе такихъ же правъ у С, D, Е и F и т. д. ad infinitum, приводитъ къ тому послѣдствію, что А, В, С, D, тысяча и десятки тысячъ другихъ лицъ могутъ (какъ общее правило) схо-

[1] A. Dicey. Lectures introductory to the Study of the Law of the Constitution. Lond. 1886 (стр. 285). Русскій переводъ. стр. 206.

диться въ любомъ мѣстѣ, гдѣ каждый изъ нихъ имѣетъ право быть законнымъ образомъ и для законныхъ цѣлей.... Другими словами—A, B, C, D и десятки тысячъ такихъ же лицъ имѣютъ право составить публичный митингъ". Но предметъ митинга можетъ быть противозаконный, какъ, наприм., заговоръ противъ королевской власти: въ такомъ случаѣ и самое собраніе становится противозаконнымъ. Далѣе, способъ веденія митинга, образъ дѣйствій собравшихся можетъ угрожать нарушеніемъ порядка, общественнаго спокойствія: въ такомъ случаѣ опять-таки митингъ будетъ противозаконнымъ. Въ этихъ случаяхъ лица, входящія въ составъ собранія, подлежатъ опредѣленной закономъ отвѣтственности въ порядкѣ уголовнаго преслѣдованія. — Сказанное о собраніяхъ относится также и къ союзамъ. Свобода ихъ образованія и дѣятельности основывается на личной свободѣ; ограниченія ея лежатъ въ уголовномъ законодательствѣ.

Впервые [1] въ англійской политической жизни союзы и собранія развились во второй половинѣ XVIII-го вѣка въ эпоху общественнаго возбужденія (1768—1770), вызваннаго незаконнымъ отверженіемъ Палатою Общинъ вполнѣ законнаго избранія одного изъ ея членовъ—Уилькса. Это возбужденіе выразилось въ различныхъ формахъ, но наиболѣе замѣчательною особенностью его являются публичные митинги, которые съ этого времени начали принимать характеръ политическаго учрежденія. Въ семнадцати графствахъ были устроены митинги съ цѣлью протеста противъ дѣйствій Палаты Общинъ. Это была новая фаза въ развитіи общественнаго мнѣнія. Къ эпохѣ этого возбужденія относится также и образованіе первой политической ассоціаціи—

---

[1] Подробный обзоръ исторіи публичныхъ митинговъ въ Англіи, въ связи съ характеристикою политическихъ и общественныхъ движеній, даетъ сочиненіе—Генри Джефсона, Платформа, ея возникновеніе и развитіе (Исторія публичныхъ митинговъ въ Англіи). Перев. съ англ. подъ ред. проф. В. Ѳ. Дерюжинскаго. Два тома. Спб. 1901. Изложеніе этого сочиненія см. въ статьѣ проф. В. Ѳ. Дерюжинскаго, вошедшей въ сборникъ его подъ заглавіемъ „Изъ исторіи политической свободы въ Англіи и Франціи Спб. 1906.

„Общества для поддержанія билли о правахъ“ (Society for supporting the Bill of Rights).

Впослѣдствіи, особенно когда поставленъ былъ вопросъ о парламентской реформѣ, публичные митинги и ассоціаціи получили еще большее значеніе въ государственной жизни. Въ общихъ чертахъ роль публичныхъ митинговъ въ системѣ англійскихъ политическихъ учрежденій представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Митинги являются прежде всего выразителями нуждъ и интересовъ народа, который при посредствѣ ихъ заявляетъ о томъ, что въ данное время тяготитъ, безпокоитъ или волнуетъ его. Если населеніе или извѣстная доля его ощущаетъ вредныя послѣдствія какихъ-либо законоположеній, или если какія-нибудь особенныя обстоятельства пагубно отражаются на его положеніи, или если въ общественномъ сознаніи созрѣваетъ потребность выдвинуть какой-нибудь новый вопросъ, — собираются митинги, на которыхъ и заявляются эти нужды, интересы и потребности. Они такимъ образомъ становятся извѣстными и обществу, и правительству, которое вслѣдствіе этого получаетъ возможность имѣть всегда отчетливое представленіе о нуждахъ населенія и сообразно съ ними дѣйствовать не ощупью, а вполнѣ сознательно направлять свою дѣятельность въ ту или иную сторону. Эта функція публичныхъ митинговъ тѣсно связана съ основными задачами дѣятельности народныхъ представителей, засѣдающихъ въ Парламентѣ: митинги даютъ матеріалъ и опору для предложеній, вносимыхъ ими въ законодательное собраніе, служатъ важнымъ аргументомъ и хорошей иллюстраціей своевременности или настоятельности тѣхъ или другихъ вопросовъ, возбуждаемыхъ въ Парламентѣ. Еще большее значеніе имѣютъ, — въ особенности имѣли въ разные періоды XIX стол., — митинги, организуемые въ тѣхъ кругахъ населенія, которые или вовсе не представлены, или представлены слабѣе другихъ въ законодательномъ собраніи; въ такихъ случаяхъ митинги служатъ главнымъ орудіемъ мирной и законномѣрной борьбы такихъ слоевъ населенія за свои права.

Въ тѣсной связи съ указаннымъ значеніемъ публичныхъ митинговъ находится другое, не менѣе важное: не

ограничиваясь заявленіемъ о своихъ нуждахъ, населеніе на такихъ собраніяхъ подвергаетъ эти нужды подробному обсужденію. И эта роль ихъ нимало не уменьшается отъ того, что дѣятельное обсужденіе текущихъ вопросовъ совершается и другими путями,—особенно въ печати. Въ этомъ отношеніи оба указанные органа общественнаго мнѣнія,—пресса и митинги—взаимно другъ друга дополняютъ, другъ другу помогаютъ. Иногда печать выдвигаетъ на очередь вопросы, которые затѣмъ даютъ поводъ къ оживленнымъ проявленіямъ общественнаго движенія въ формѣ митинговъ; иногда же митингамъ принадлежитъ иниціатива въ возбужденіи вопросовъ, которые становятся темою дѣятельнаго обсужденія на столбцахъ и страницахъ періодической и непериодической печати. Въ дѣлѣ выясненія и дебатированія различныхъ вопросовъ на сторонѣ митинговъ нерѣдко оказывается значительное преимущество передъ печатью въ томъ отношеніи, что они являются болѣе непосредственнымъ и болѣе внушительнымъ выраженіемъ взглядовъ и желаній населенія. Особенно рельефно выступаетъ это преимущество въ тѣхъ случаяхъ, когда митинги служатъ ареною для выясненія тѣхъ или другихъ вопросовъ руководителями и видными дѣятелями общественныхъ группъ или политическихъ партій, когда ораторами передъ многолюднымъ собраніемъ выступаютъ Гладстонъ и Морлей, или Сольсбери и Чемберленъ, выясняющіе справедливость, своевременность и общественную пользу того или другого рѣшенія какого-нибудь важнаго вопроса.

Можно отмѣтить еще одно существенное значеніе публичныхъ митинговъ въ Англіи. Они служатъ тамъ органомъ контроля страны надъ управленіемъ какъ внѣшними, такъ и внутренними дѣлами. Облекая своего представителя въ Парламентѣ обширными полномочіями участія въ рѣшеніи жизненныхъ вопросовъ, населеніе подвергаетъ его предварительному испытанію, которое и совершается, главнымъ образомъ, при посредствѣ публичныхъ митинговъ: избиратели подаютъ свои голоса въ пользу того изъ кандидатовъ, программа котораго полнѣе и вѣрнѣе выражаетъ ихъ интересы и стремленія, на котораго они спокойнѣе могутъ возложить защиту этихъ интересовъ. Ввѣривъ ее сво-

ему представителю, избиратели и впослѣдствіи зорко слѣдятъ за его дѣятельностью въ Парламентѣ; по крайней мѣрѣ однажды въ годъ каждый членъ Палаты Общинъ считаетъ своимъ долгомъ отдать избирателямъ отчетъ въ своемъ образѣ дѣйствій, что и совершается опять-таки на публичныхъ митингахъ. Контролируя своихъ представителей и вліяя на нихъ, населеніе этимъ самымъ осуществляетъ постоянный надзоръ надъ дѣйствіями Парламента, а слѣдовательно и всей правительственной системы, сила которой покоится на довѣріи страны; въ оцѣнкѣ же степени этого довѣрія весьма большую роль играютъ именно публичные митинги.

При такихъ условіяхъ понятно, что публичные митинги и, наряду съ ними, всевозможныя ассоціаціи и союзы являются важнымъ политическимъ институтомъ, значеніе котораго отчетливо выступаетъ въ исторіи Англіи, начиная съ половины XVIII ст. Изъ многихъ поучительныхъ примѣровъ достаточно указать хотя нѣкоторые.

Такъ, въ ряду союзовъ, игравшихъ видную роль, обращаетъ на себя вниманіе, еще въ эпоху XVIII ст., основанная въ 1787 г. ассоціація съ цѣлью уничтоженія торговли невольниками. Это общество соединило въ своихъ рядахъ представителей всѣхъ классовъ, безъ различія политическихъ и религіозныхъ направленій. Во главѣ его стали наиболѣе выдающіеся по уму и образованію дѣятели того времени. Пропаганда великой гуманной идеи велась безъ всякихъ насилій, путемъ убѣжденія, путемъ ея разъясненія и распространенія сознанія необходимости реформы при посредствѣ печати, публичныхъ рѣчей и парламентскихъ петицій. Черезъ двадцать лѣтъ благородная цѣль была достигнута: торговля невольниками была отмѣнена законодательнымъ путемъ (въ 1807 году).

Исторія Англіи въ XIX вѣкѣ представляетъ длинный рядъ чрезвычайно важныхъ политическихъ и общественныхъ реформъ. Проведеніе ихъ въ жизнь есть въ значительной степени дѣло ассоціацій и публичныхъ митинговъ. Парламентская реформа 1832 года, имѣвшая столь благодѣтельныя послѣдствія для политическаго развитія Англіи, надолго была бы отсрочена, если бы не энергическая дѣя-

тельность многочисленныхъ союзовъ, выяснившихъ необходимость этой реформы, сдѣлавшихъ сознаніе ея достояніемъ общественнаго мнѣнія и тѣмъ подготовившихъ ея осуществленіе законодательнымъ путемъ. То же слѣдуетъ сказать и о послѣдующихъ двухъ парламентскихъ реформахъ 1867 и 1884 гг.

Далѣе, всѣмъ конечно извѣстна исторія отмѣны въ 1846 году хлѣбныхъ законовъ, имѣвшей огромное значеніе для экономической политики не одной только Англіи, но и многихъ другихъ государствъ. Когда въ 1838 году была образованя Лига съ цѣлью отмѣны хлѣбныхъ законовъ (Anti-Corn-Law League), обѣ палаты Парламента, выдающіеся государственные дѣятели всѣхъ партій, лэндлорды и фермеры упорно стояли за запретительныя пошлины на хлѣбъ; купцы, мануфактуристы и большинство городского населенія въ общемъ были совершенно равнодушны къ дѣлу свободной торговли. Ассоціація дѣятельно принялась за распространеніе своихъ идей, употребляя съ этой цѣлью всѣ бывшія въ ея распоряженіи средства. Появилась масса періодическихъ изданій, памфлетовъ и брошюръ, проникнутыхъ началами свободной торговли. Устраивались повсемѣстно публичные митинги, на которыхъ эти начала развивались и разъяснялись въ живой рѣчи. И черезъ нѣсколько лѣтъ мирная, спокойная, прибѣгавшая лишь къ законнымъ средствамъ агитація Лиги, во главѣ которой стояли извѣстные Кобденъ и Брайтъ, увѣнчалась полнымъ успѣхомъ; въ 1846 году хлѣбные законы были отмѣнены парламентскимъ актомъ.

Къ числу знаменательныхъ реформъ, осуществленію которыхъ сильно содѣйствовали союзы и собранія, надо отнести также и эманципацію католиковъ (въ 1829 году), уравнявшую ихъ въ отношеніи политическихъ правъ съ членами англиканской церкви.

Но, наряду съ указанными фактами, англійская политическая жизнь минувшихъ столѣтій представляетъ нѣсколько примѣровъ противоположнаго характера. Таковы дѣятельность нѣкоторыхъ демократическихъ обществъ въ эпоху французской революціи, затѣмъ нѣсколько разъ возобновлявшаяся (въ 1830—31, 1840, 1843, 1848 гг.) въ Ирландіи агитація въ пользу отдѣленія ея отъ Англіи, наконецъ, дви-

женіе среди рабочихъ классовъ въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, извѣстное подъ названіемъ „Чартизма“ (Chartism, 1837—1848 гг.). Всѣ эти движенія сопровождались крайними проявленіями возбужденія, нерѣдко принимавшаго революціонный характеръ и представлявшаго серьезную опасность для общественнаго спокойствія и государственнаго порядка. Эти крайнія проявленія вызывали рѣзкій отпоръ какъ со стороны правительства, такъ и со стороны самого общества. Они послужили поводомъ къ цѣлому ряду законодательныхъ ограниченій свободы союзовъ и собраній. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣли временный характеръ, другія остаются въ силѣ и по настоящее время.

Большая часть относящихся сюда законоположеній изданы въ царствованіе Георга III; они были вызваны различными проявленіями крайней радикальной партіи, дѣйствовавшей въ значительной степени подъ вліяніемъ французской революціи. Таковы статуты 1797 и 1799 гг., дополненные и видоизмѣненные въ послѣдующіе годы царствованія Георга III, а также отчасти и въ царствованіе королевы Викторіи. Въ силу этихъ законоположеній [1] признаются противозаконными союзами (unlawful combinations) всѣ общества, члены которыхъ примутъ на себя клятвенное обязательство (an oath or engagement) участвовать въ какомъ-либо мятежномъ предпріятіи, или не обнаруживать какого-либо противозаконнаго общества, или не давать показаній о комъ-либо изъ членовъ такого союза и т. п. Противозаконными признаются, далѣе, всѣ тѣ общества, въ которыхъ будутъ члены, имена коихъ не будутъ извѣстны всему составу общества, а также и тѣ общества, которыя имѣютъ развѣтвленія и путемъ особыхъ комиссій или делегацій вступаютъ въ сношенія съ другими обществами. Лица, дѣлающіяся членами такихъ противозаконныхъ обществъ или содѣйствующія имъ, поощряющія или поддерживающія ихъ, подлежатъ уголовному преслѣдованію, результатомъ котораго можетъ быть тюремное заключеніе на срокъ не свыше двухъ лѣтъ или

[1] Stephen. New Commentaries on the Laws of England. 14 Edit. by E. Jenks. Lond. 1903. Томъ IV, стр. 166 и слѣд.

такъ называемая penal servitude [1] на срокъ не болѣе семи и не менѣе трехъ лѣтъ. Принужденіе, насиліе въ принятіи клятвенныхъ обязательствъ, о которыхъ было упомянуто, не можетъ служить оправданіемъ, если въ четырехдневный промежутокъ времени послѣ того данное лицо не сообщитъ обо всемъ случившемся мировому судьѣ или ближайшему своему начальнику, если это лицо принадлежитъ къ войску или флоту. Подъ указанныя запрещенія не подходятъ дозволенныя масонскія ложи, общества, созданныя на началахъ дѣйствующихъ законовъ, собранія квакеровъ, а также ассоціаціи религіознаго, научнаго или благотворительнаго характера. Съ другой стороны, постановленія о клятвенныхъ обязательствахъ не распространяются ни на какія заявленія, разъ только они одобрены двумя мировыми судьями.

Таковы существеннѣйшія черты немногосложнаго англійскаго законодательства о союзахъ.

Что касается собраній или публичныхъ митинговъ, то въ этомъ отношеніи требованія англійскаго права отличаются значительною неопредѣленностью. Въ Англіи нѣтъ спеціальнаго законодательства о митингахъ, которое предписывало бы опредѣленныя условія для ихъ устройства. Какъ выше сказано, право устраивать публичные митинги составляетъ тамъ одно изъ проявленій основного права индивидуальной, личной свободы. Предѣлы пользованія этимъ правомъ устанавливаются не особымъ законодательствомъ, а общимъ принципомъ отвѣтственности предъ судомъ каждаго отдѣльнаго лица и любой группы лицъ за ихъ дѣйствія. Поэтому границы этого права слѣдуетъ искать въ судебной практикѣ, въ судебныхъ прецедентахъ. Не вдаваясь въ подробности, отмѣтимъ лишь наиболѣе существенныя положенія въ этомъ отношеніи, главнымъ образомъ, по вопросу о законности или незаконности собраній (митинговъ). Незаконнымъ митингомъ по англійскому праву считается „собраніе лицъ, которыя имѣютъ намѣреніе произвести нарушеніе общественнаго спокойствія, или дѣйствительно производятъ его, или

[1] Водвореніе въ какой-либо опредѣленной мѣстности, при чемъ обвиненный можетъ быть подвергаемъ различнаго рода принудительнымъ работамъ (Stephen, IV, стр. 398 и сл.).

же побуждаютъ другихъ основательно опасаться такого нарушенія". Это дѣйствительное или предполагаемое нарушеніе спокойствія есть, такъ сказать, существенный признакъ или „свойство", заключающееся въ терминѣ „незаконное собраніе". На основѣ этого признака можно составить болѣе точное опредѣленіе „незаконнаго собранія". „Оно можетъ быть опредѣлено, какъ собраніе трехъ или болѣе человѣкъ, которые: 1) собираются, чтобы нарушить, или, собравшись, нарушаютъ общественное спокойствіе; или 2) собираются съ цѣлью совершить открытой силою преступленіе; или 3) собираются для какой нибудь общей цѣли (безъ различія, будетъ ли она законна или нѣтъ) такъ, что даютъ спокойнымъ людямъ основательныя причины бояться нарушенія спокойствія, или, наконецъ, 4) собираются съ явною цѣлью вызвать недовольство въ подданныхъ, презрѣніе къ установленнымъ законамъ, конституціи и правительству государства, съ тѣмъ, чтобы привести въ исполненіе противозаконный заговоръ или приготовиться къ его исполненію" (Дайси, русс. пер. с. 350).

Извѣстныя ограниченія въ отношеніи къ устройству митинговъ подъ открытымъ небомъ вытекаютъ изъ обязанности органовъ власти охранять свободу движенія на улицахъ, площадяхъ и пр. Въ ограженіе этой свободы могутъ быть недопускаемы и могутъ подлежать разсѣянію какія-либо сборища въ мѣстахъ публичнаго движенія. Въ виду этого практикою выработано обыкновеніе, по которому при устройствѣ шествій и вообще въ случаѣ политическихъ демонстрацій организаторы ихъ предварительно заявляютъ о нихъ органамъ полиціи и входятъ съ ними въ соглашеніе относительно времени и пути слѣдованія процессіи. Въ связи съ этимъ можно указать на законъ 1872 г. о паркахъ (Parks Regulation Act.), который предусматриваетъ потребность въ предоставленіи части парка для публичныхъ собраній, для чего администрація парка устанавливаетъ извѣстныя правила.

Нѣкоторое ограниченіе въ отношеніи къ мѣсту публичныхъ митинговъ заключаетъ въ себѣ актъ 1817 г., который объявляетъ незаконнымъ собраніе въ числѣ свыше пятидесяти человѣкъ, происходящее на улицѣ, въ скверѣ или на площади въ разстояніи одной мили отъ воротъ парламент-

скаго зданія во время засѣданій парламента или одной изъ его палатъ.

Франція.

Въ декларацiи правъ человѣка и гражданина нѣтъ упоминанія о свободѣ союзовъ и собраній [1]. Право устраивать собранія получаетъ признаніе впервые въ декретѣ 14 декабря 1789 г. объ устройствѣ муниципалитетовъ. Въ силу 62 ст. этого декрета, „граждане имѣютъ право собираться, мирно и безъ оружія, въ частныя собранія, для составленія обращеній и петицій, подлежащихъ представленію въ муниципальный совѣтъ, или въ управленія департамента и округа, или въ законодательный корпусъ, или королю,— подъ условіемъ извѣщенія муниципальныхъ властей о времени и мѣстѣ этихъ собраній, причемъ послѣднія, для представленія этихъ обращеній и петицій, могутъ избирать депутаціи въ числѣ не болѣе 10 человѣкъ“. О свободѣ собраній—и также союзовъ—находимъ категорическое упоминаніе въ законѣ, изданномъ въ концѣ 1790 года (онъ былъ изданъ по поводу частнаго случая, но заключаетъ въ себѣ норму общаго характера): „граждане имѣютъ право собираться мирнымъ образомъ и составлять изъ себя свободныя общества, подъ условіемъ соблюденія общихъ законовъ“. Наконецъ, конституція 3 сентября 1791 г. гарантируетъ „за гражданами свободу собираться мирно и безъ оружія, съ условіемъ соблюденія полицейскихъ законовъ (en satisfaisant aux lois de police)“. Но никакого „полицейскаго закона“ по этому предмету не было издано, и фактически свобода собраній ничѣмъ не была ограничена.

Союзы и собранія начали быстро развиваться и, по мѣрѣ развитія революціоннаго движенія, пріобрѣтать все болѣе и болѣе агрессивный характеръ. Учредительное Собраніе нашло нужнымъ подвергнуть ихъ нѣкоторымъ ограниченіямъ. Такъ, уже законами 1791 г. (въ маѣ и сентябрѣ)

---

[1] Ее однако можно вывести изъ постановленія ст. 11 декларацiи: „Свободное сообщеніе мыслей и взглядовъ есть одно изъ драгоцѣннѣйшихъ правъ человѣка“.

оно воспретило обществамъ представлять коллективныя петиціи, публиковать свои обсужденія, присвоивать себѣ политическое существованіе, призывать къ себѣ (mander à leur barre) должностныхъ лицъ или даже простыхъ гражданъ и вообще затруднять дѣйствія установленныхъ властей; нарушителямъ этихъ требованій законъ угрожаетъ исключеніемъ на два года изъ списковъ полноправныхъ гражданъ, съ лишеніемъ права въ теченіе этого времени отправлять какія бы то ни было общественныя функціи.

Въ 1793 году, какъ извѣстно, наступила страшная эпоха террора, безграничнаго произвола крайнихъ демагоговъ. Умѣренные элементы Законодательнаго Собранія, стремившіеся сдержать въ границахъ законности и порядка потокъ революціоннаго движенія, были побѣждены и должны были уступить руководящую роль крайнему направленію партіи якобинцевъ. Управленіе государствомъ,—если только можно приложить этотъ терминъ къ тому режиму, подъ которымъ жила въ то время Франція,—перешло въ руки безконечнаго ряда обществъ и клубовъ, во главѣ которыхъ находился извѣстный Club des Jacobins. Они сдѣлались фактически органами правительства, повсемѣстно они слѣдили за дѣятельностью должностныхъ лицъ, донося комитету общественнаго спасенія о всѣхъ тѣхъ, гражданскія чувства которыхъ (le civisme) представлялись сомнительными. Этимъ обществамъ приходилось нерѣдко встрѣчать рѣзкій отпоръ со стороны мѣстныхъ властей. Въ виду этого и былъ изданъ драконовскій декретъ 25 іюля 1793 года, установившій строжайшія наказанія (десять лѣтъ каторжной работы) для тѣхъ должностныхъ лицъ, которыя осмѣлятся воспрепятствовать собраніямъ или закрывать народныя общества.

Но уже въ томъ же 1793 году началась реакція противъ безграничной свободы, которая была предоставлена союзамъ и проявила себя въ цѣломъ рядѣ безпорядковъ. Законъ 30 октября (9 brumaire an II) запрещаетъ клубы и общества женщинъ и, съ другой стороны, дѣлаетъ засѣданія всякаго рода обществъ публичными. Декретъ 1794 года (25 вандемьера года III) установилъ еще большія ограниченія. Онъ запрещаетъ всякаго рода соединенія, федераціи, а также и коллективныя сношенія между обществами. Онъ

возстановляетъ также запрещеніе подавать коллективныя петиціи. Этотъ декретъ не уничтожилъ, однако, свободы ассоціаціи; всякое общество имѣетъ право собираться, но лишь подъ условіемъ изолированности. Главная цѣль этого закона состояла въ томъ, чтобы прекратить федерацію различныхъ обществъ, которыя угрожали обратиться въ сложную и опасную организацію въ разныхъ частяхъ Франціи. Декретъ обязываетъ бюро каждаго общества немедленно же составить подробный списокъ всѣхъ членовъ и представить экземпляръ его мѣстной власти. Этотъ законъ является оружіемъ, которымъ Національный Конвентъ имѣлъ въ виду сломить якобинскую партію, стремившуюся выставить противъ Конвента новую силу, при посредствѣ безконечнаго ряда аффиліацій, которыя якобинскій клубъ разсѣялъ по всей территоріи.—Въ томъ же году якобинскій клубъ былъ закрытъ.

Конституція 1795 года (5 фруктид. год. III) заключаетъ въ себѣ рядъ постановленій о союзахъ, которыя воспроизводятъ существенныя черты прежнихъ ограничительныхъ законовъ. Не могутъ быть образуемы корпораціи и союзы, противные общественному порядку, при чемъ никакое собраніе гражданъ не можетъ присвоивать себѣ названіе „народнаго“ (société populaire). Ни одно общество, занимающееся вопросами политическими, не можетъ ни сноситься съ другими, ни соединяться (s'affilier) съ ними; на публичныхъ засѣданіяхъ не должно быть проводимо различіе между членами общества и посѣтителями (sociétaires et assistants); членамъ воспрещается носить какіе-либо внѣшніе знаки того общества, къ которому они принадлежатъ. Въ силу того положенія, которымъ конституція воспрещаетъ всякія общества, противныя общественному порядку, на другой же день по обнародованіи конституціи изданъ былъ декретъ о закрытіи клубовъ и такъ назыв. sociétés populaires. Изложенныя ограниченія имѣли въ виду, главнымъ образомъ, политическіе союзы; общества же, служащія цѣлямъ научнымъ, литературнымъ и художественнымъ, пользовались полною свободой.

Консульская и императорская конституція ничего не говорятъ о союзахъ, и новое законодательство по этому пред-

мету появилось лишь въ 1810 году. Въ этомъ году былъ изданъ уголовный кодексъ (Code pénal), который въ рядѣ статей (291—294) устанавливалъ слѣдующій режимъ. Правительственное дозволеніе необходимо для всѣхъ союзовъ, которые состоятъ не менѣе, чѣмъ изъ 20 лицъ, и имѣютъ цѣлью собираться ежедневно или въ опредѣленные дни для занятія предметами религіозными, литературными, политическими или другими. Общество обязано подчиниться условіямъ, какія найдетъ нужнымъ установить для него государственная власть. Общество, образованное безъ дозволенія или нарушившее установленныя для него условія, подлежитъ закрытію, а его руководители или администраторы подвергаются, сверхъ того, штрафу.

Уголовный кодексъ говоритъ лишь объ ассоціаціяхъ; что же касается собственно собраній (réunions), то они продолжали регулироваться принципомъ свободы [1]).

Постановленія кодекса объ ассоціаціяхъ были изложены въ такой формѣ, которая открывала возможность легкаго отступленія отъ закона. Многія общества, не разсчитывавшія получить правительственное разрѣшеніе, дробились на мелкія группы, каждая съ числомъ членовъ менѣе установленной нормы (20-ти), чтобы такимъ образомъ избѣжать примѣненія къ себѣ постановленій уголовнаго кодекса. Въ первые же годы іюльской монархіи одно революціонное общество (Société de Droits de l'homme) быстрыми успѣхами своего развитія обратило на себя серьезное вниманіе правительства, которое и выработало особыя нормы, съ цѣлью устранить возможность отступленія отъ закона. Законъ 10-го

---

[1] Полагали, что свобода собраній покоится на принципахъ 1789 г. и на указанномъ выше постановленіи конституціи 1791 г. и что издававшіеся въ разное время ограничительные декреты имѣли лишь временный характеръ. Правительство, замѣчаетъ по этому поводу проф. Бертелеми, не отвергая этой аргументаціи, указывало, что внесенное въ текстъ закона 1791 г. постановленіе („en satisfaisant aux lois de police") даетъ ему право воспретить, полицейскимъ распоряженіемъ, любое публичное собраніе. Этимъ правомъ воспользовался Гизо для противодѣйствія кампаніи „національныхъ банкетовъ", предпринятой въ 1848 г. оппозиціей. Это, какъ извѣстно, послужило однимъ изъ главныхъ поводовъ къ революціи, низвергшей Людовика-Филиппа. См. Berthélemy, стр. 281—282.

апрѣля 1834 г. распространилъ постановленія уголовнаго кодекса и на тѣ ассоціаціи, которыя представляются раздѣленными на мелкія группы, въ совокупности своей превышающія установленную норму. Съ другой стороны, уголовный кодексъ въ своихъ карательныхъ постановленіяхъ предусматривалъ ассоціаціи, собранія которыхъ происходятъ ежедневно или въ опредѣленные дни. Этимъ обстоятельствомъ также пользовались для отступленія отъ закона, путемъ устройства собраній въ неправильные періоды и въ не указываемые заранѣе дни. Поэтому законъ 1834 года требуетъ правительственнаго разрѣшенія и для тѣхъ ассоціацій, которыя имѣютъ свои собранія и не въ опредѣленные дни. Этотъ законъ увеличиваетъ также размѣръ отвѣтственности за неисполненіе его требованій и распространяетъ ее не только на руководителей и администраторовъ ассоціаціи, но и вообще на членовъ ея. Наконецъ, по этому закону „данное правительствомъ разрѣшеніе можетъ быть во всякое время взято обратно", такъ что ассоціаціи могли быть упраздняемы дискреціонною властью правительства, безъ указанія мотивовъ и безъ права обжалованія такихъ распоряженій.

Послѣ февральской революціи конституція 1848 года провозгласила свободнымъ право гражданъ составлять союзы и собираться „мирнымъ образомъ и безъ оружія". Предѣломъ этой свободы конституція объявляетъ „права или свободу другихъ и общественную безопасность". Вскорѣ, однако, эта свобода была значительно ограничена, сначала предоставленнымъ правительству законами 1849, 1850 и 1851 годовъ правомъ „воспрещать клубы и другія общественныя собранія, которыя по характеру своему способны компрометировать общественную безопасность", а затѣмъ спеціальнымъ декретомъ 25-го марта 1852 года, возстановившимъ прежнія ограниченія. Вотъ существеннѣйшія черты новаго законодательства, имѣвшаго примѣненіе одинаково какъ къ союзамъ, какъ и къ собраніямъ. Во 1-хъ, всякіе политическіе союзы, такъ тайные, такъ и открыто существующіе, а также клубы и публичныя политическія собранія подлежатъ безусловному воспрещенію; во 2-хъ, всякіе союзы и публичныя собранія, число членовъ которыхъ свыше 20-ти, ка-

ковы бы ни были ихъ предметы и задачи (религіозныя, экономическія, научныя, литературныя и даже избирательныя), должны необходимо получить предварительное разрѣшеніе правительства; въ 3-хъ, свободными отъ него являются лишь союзы и собранія, число членовъ которыхъ не превышаетъ 20-ти.

Во второй половинѣ царствованія Наполеона III былъ предпринятъ рядъ реформъ въ либеральномъ духѣ. Между прочимъ онѣ коснулись и занимающаго насъ предмета. Законъ 6-го іюня 1868 г. въ значительной степени устраняетъ тѣ стѣснительныя условія, въ которыхъ находились собранія. Въ силу этого закона, въ нѣкоторыхъ случаяхъ собранія могутъ имѣть мѣсто безъ предварительнаго разрѣшенія правительства. Необходимость этого разрѣшенія сохраняется только для тѣхъ собраній, которыя имѣютъ своимъ предметомъ обсужденіе политическихъ или религіозныхъ вопросовъ. Исключеніемъ въ этомъ отношеніи являются лишь собраніе избирательныя, которыя могутъ имѣть мѣсто безъ предварительнаго разрѣшенія въ періодъ времени, слѣдующій за обнародованіемъ декрета о созывѣ избирательной коллегіи и до пятаго дня по окончаніи выборовъ. Что касается до всѣхъ прочихъ собраній, имѣющихъ своимъ предметомъ вопросы научные, литературные, художественные, промышленные и пр., то они могутъ имѣть мѣсто безъ предварительнаго разрѣшенія. Отъ нихъ требуется лишь заблаговременное заявленіе (не менѣе, какъ за три дня), съ обозначеніемъ времени и мѣста собранія, а также и предмета его, за подписью семи лицъ, имѣющихъ жительство въ той общинѣ, гдѣ предполагается собраніе. Собраніе должно происходить непремѣнно въ закрытомъ помѣщеніи и имѣть бюро (изъ предсѣдателя и двухъ ассистентовъ), на обязанности котораго лежитъ наблюденіе за порядкомъ.

Законъ 1868 года имѣетъ въ виду лишь собранія — réunions publiques; что же касается до союзовъ, ассоціацій, то они продолжали регулироваться постановленіями уголовнаго кодекса (ст. 291—294) и закона 1834 года до изданія спеціальнаго закона 1 іюля 1901 года объ ассоціаціяхъ. Право же устройства собраній регулируется въ настоящее

время закономъ 30 іюня 1881 года (La loi sur les réunions publiques).

Сущность этого закона выражена слѣдующимъ образомъ въ докладѣ, который сопровождалъ внесеніе его въ законодательное собраніе: „новый законъ даетъ гражданамъ возможность собираться, когда они хотятъ, гдѣ они хотятъ, и обсуждать все то, что они пожелаютъ. Сохраняемыя закономъ формальности представляютъ собою не преграды, а гарантіи какъ для самихъ гражданъ, такъ и для правительства".

По этому закону, общественныя собранія, каковъ бы ни былъ предметъ ихъ, не подлежатъ болѣе предварительному разрѣшенію правительства. Законъ ограничивается лишь требованіемъ заблаговременнаго заявленія, за 24 часа до начала собранія, со стороны двухъ лицъ, изъ которыхъ одно должно имѣть мѣстожительство въ данной общинѣ. Это заявленіе представляется въ Парижѣ—префекту полиціи, въ департаментахъ и округахъ—префекту и супрефекту, а въ прочихъ мѣстахъ—мэру общины. Въ представленіи этихъ заявленій выдается расписка. Суточный срокъ представленія заявленія сокращается до двухъ часовъ для собраній избирательныхъ.

Въ заявленіи должна быть указана цѣль собранія—имѣетъ ли оно своимъ предметомъ публичное чтеніе (conférence), или публичное обсужденіе какого-нибудь вопроса, или же избирательныя цѣли. Собранія не могутъ имѣть мѣста на улицахъ или дорогахъ (sur la voie publique); но, съ другой стороны, не требуется, какъ это было ранѣе (по зак. 1868 г.), чтобы оно непремѣнно происходило въ закрытомъ помѣщеніи. Такимъ образомъ, они могутъ имѣть мѣсто и на открытомъ воздухѣ, однимъ словомъ въ любомъ мѣстѣ, лишь бы оно не составляло voie publique. Здѣсь законъ имѣетъ въ виду предупрежденіе безпорядковъ, могущихъ произойти отъ стѣсненія уличнаго движенія. Собранія не могутъ происходить позднѣе 11 часовъ вечера, за исключеніемъ лишь тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ означенъ болѣе поздній часъ для закрытія публичныхъ мѣстъ (кафе, ресторановъ и т. п.).

Каждое собраніе должно имѣть избираемое имъ бюро, по крайней мѣрѣ, изъ трехъ лицъ. На обязанности его лежитъ соблюденіе порядка, предотвращеніе нарушенія законовъ, сохраненіе за собраніемъ характера его, указаннаго въ заявленіи, а также воспрещеніе произносить рѣчи, противныя общественному порядку и добрымъ нравамъ или представляющія собою возбужденіе къ совершенію какого-либо преступленія.

Правительственные органы (префектъ, супрефектъ или мэръ) могутъ командировать для присутствованія въ собраніи должностное лицо административное или судебное. Оно имѣетъ право закрыть собраніе, но лишь въ двухъ случаяхъ: во 1) если того требуетъ бюро; во 2) въ случаѣ насилій (collisions et voies de fait).

Въ изложенныя нормы закономъ 28 марта 1907 г. внесено существенное измѣненіе: отмѣнена обязательность предварительнаго заявленія о собраніи. По этому закону—„публичныя собранія, каковъ бы ни былъ ихъ предметъ, могутъ быть устраиваемы безъ предварительнаго заявленія". Всѣ остальныя детали закона 1881 г. сохраняютъ свою силу.

Что касается союзовъ, ассоціацій, то они въ настоящее время регулируются закономъ 1 іюля 1901 года, существенно измѣнившимъ тотъ режимъ, которому до сихъ поръ подлежали всякаго рода союзы, преслѣдующіе не-матеріальныя задачи.

По ст. 1 закона 1901 г., „ассоціація есть соглашеніе двухъ или нѣсколькихъ лицъ, по которому они отдаютъ свои познанія или свои силы на постоянное служеніе какой либо цѣли, не имѣющей въ виду извлеченія выгодъ. Условіемъ законности ассоціаціи является подчиненіе ея основнымъ правовымъ началамъ, имѣющимъ примѣненіе къ договорамъ и обязательствамъ".

Изъ опредѣленія, выраженнаго въ этой статьѣ, вытекаетъ, что закономъ 1901 г. регулируются всякаго рода союзы, преслѣдующіе не-матеріальныя задачи, каковы союзы политическіе, научные, литературные, художественные, благотворительные и др. (общества и товарищества промышленныя, торговыя и иныя, преслѣдующія какія либо матеріальныя выгоды, регулируются особыми законодательными нор-

мами гражданскаго кодекса, торговаго кодекса, которыя ни въ чемъ не измѣняются закономъ объ ассоціаціяхъ).

Всякаго рода ассоціаціи могутъ быть образуемы свободно безъ особаго разрѣшенія, лишь бы не имѣлось въ виду „что либо недозволенное (illicite), противное законамъ и добрымъ нравамъ, или направленное къ причиненію ущерба цѣлости національной территоріи или республиканской формѣ правленія"; въ противномъ случаѣ ассоціація почитается „недѣйствительною" (est nulle et de nul effet).

Законъ 1901 г. различаетъ три вида ассоціацій: 1) ассоціаціи незаявленныя, 2) ассоціаціи заявленныя и 3) ассоціаціи заявленныя и признанныя общественно-полезными.

Ассоціаціи незаявленныя образуются простымъ соглашеніемъ участвующихъ въ нихъ лицъ безъ предварительнаго заявленія и какихъ либо формальностей, но такія ассоціаціи не пользуются никакими юридическими правами (вчинять судебные иски, отвѣчать по нимъ, владѣть недвижимостью и т. п.).

Объ ассоціаціи, желающей пользоваться юридическими правами, должно быть представлено предварительное заявленіе (déclaration préalable) въ префектуру того департамента или въ супрефектуру того округа, въ которомъ будетъ находиться управленіе ассоціаціи. Въ заявленіи должны быть указаны названіе и задача ассоціаціи, мѣсто нахожденія ея учрежденій, а также имена, профессіи и мѣста жительства тѣхъ лицъ, на которыхъ въ какомъ либо качествѣ возлагается завѣдываніе или управленіе ассоціаціею. При заявленіи долженъ быть представленъ уставъ ассоціаціи въ двухъ экземплярахъ. Несоблюденіе этихъ требованій карается денежною пенею отъ 16 до 200 франковъ, а при повтореніи—пенею въ двойномъ размѣрѣ. Тою же пенею карается несоблюденіе дальнѣйшаго требованія ст. 5 объ обязанности доводить до свѣдѣнія, въ трехмѣсячный срокъ, о всѣхъ перемѣнахъ въ управленіи ассоціацій, а также о всѣхъ измѣненіяхъ, вносимыхъ въ ихъ уставы.

Заявленныя ассоціаціи, становясь юридическими лицами, могутъ, безъ какого-либо спеціальнаго разрѣшенія, вчинять иски и отвѣчать по нимъ, а также пріобрѣтать, владѣть и управлять, помимо пособій отъ государства, де-

партаментовъ и коммунъ: 1) взносами своихъ членовъ или суммами, уплачиваемыми единовременно взамѣнъ этихъ взносовъ, при чемъ суммы эти не могутъ превышать 500 фр.; 2) помѣщеніемъ для администраціи ассоціаціи и для собраній членовъ послѣдней; 3) недвижимостями вполнѣ необходимыми (strictement necessaires) для осуществленія задачъ, которыя ставятъ себѣ ассоціаціи.

Ассоціаціи могутъ пріобрѣсти болѣе широкія права путемъ признанія ихъ „общественно-полезными“ (d'utilité publique) въ силу декретовъ, издаваемыхъ въ формѣ административныхъ регламентовъ.

Важнѣйшимъ преимуществомъ такихъ ассоціацій является право получать дары и легаты на условіяхъ, предусматриваемыхъ ст. 910 гражданскаго кодекса и закономъ 4 февраля 1901 г. [1] Не разрѣшается принимать дары движимые или недвижимые подъ условіемъ сохраненія за дарителями пожизненнаго пользованія.

Ассоціаціи, признанныя общественно-полезными, могутъ совершать всѣ акты гражданскаго оборота, не воспрещаемые ихъ уставами, но онѣ не могутъ имѣть въ своемъ владѣніи или пріобрѣтать какія-либо недвижимости кромѣ необходимыхъ для цѣлей, ими преслѣдуемыхъ. Всѣ цѣнности ассоціаціи должны быть помѣщены въ именныхъ бумагахъ.

Закрытіе ассоціаціи можетъ быть или добровольное по соглашенію участниковъ ея, или вынужденное, путемъ вмѣшательства власти.

По отношенію къ вынужденному закрытію ассоціаціи законъ устанавливаетъ судебный порядокъ. Административная власть можетъ закрыть ассоціацію лишь въ исключительныхъ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ статьею 12-ю.

Разсмотримъ сначала нормальныя условія закрытія ассоціаціи въ судебномъ порядкѣ.

---

[1] Ст. 910 гражданскаго кодекса обусловливаетъ полученіе дара или легата особымъ разрѣшеніемъ (décret d'autorisation). Законъ 4 февраля 1901 г. устанавливаетъ необходимость разрѣшенія префекта для принятія даровъ и легатовъ въ формѣ движимости безъ ограниченія суммы, а въ формѣ недвижимости—цѣнностью до 3.000 фр. Для принятія недвижимости цѣнностью свыше 3.000 фр. необходимъ декретъ.

По статьѣ 7-й, „въ случаяхъ недѣйствительности, предусматриваемой статьею 3-й, о закрытіи ассоціаціи постановляется рѣшеніе гражданскаго суда, либо по прошенію всякаго заинтересованнаго лица, либо по представленію прокурорскаго надзора. Въ случаѣ нарушенія постановленій ст. 5, закрытіе ассоціаціи можетъ послѣдовать по просьбѣ всякаго заинтересованнаго лица или прокурорскаго надзора".

Въ послѣднемъ случаѣ мѣра закрытія является факультативною, и примѣненіе ея зависитъ отъ признанія судомъ существеннымъ или несущественнымъ того нарушенія, которое подастъ поводъ къ возбужденію ходатайства; въ менѣе важныхъ случаяхъ судъ можетъ ограничиться наложеніемъ денежной пени за несоблюденіе требованій ст. 5.

Что касается перваго случая, то мѣра закрытія ассоціаціи представляется обязательною тогда, когда передъ судомъ выяснено, что ассоціація подходитъ подъ одно изъ условій недѣйствительности, предусматриваемыхъ статьею 3-ю, т. е. когда она преслѣдуетъ „что либо недозволенное, противное законамъ, добрымъ нравамъ или имѣетъ своей цѣлью причиненіе ущерба цѣлости національной территоріи и республиканской формѣ правленія".

При обсужденіи въ Парламентѣ этой статьи имѣли мѣсто интересныя пренія, вызвавшія разъясненіе нѣкоторыхъ вопросовъ, существенныя для надлежащаго пониманія текста статьи.

Термины „что либо недозволенное, противное законамъ, добрымъ нравамъ" заимствованы изъ постановленій ст. 1131 и 1133 Гражданскаго Кодекса, устанавливающихъ условія, которымъ должны отвѣчать договоры и обязательства въ отношеніи къ ихъ цѣли. По ст. 1131, обязательство, имѣющее своею цѣлью нѣчто недозволенное (cause illicite), не можетъ имѣть никакой силы, а ст. 1133 даетъ опредѣленіе понятія cause illicite: „la cause est illicite quand elle est prohibée par la loi, contraire aux bonnes moeurs et à l'ordre public".

Это опредѣленіе было внесено въ первоначальный проектъ ст. 3 полностью со включеніемъ словъ „противное общественному порядку". Однако въ Палатѣ депутатовъ уже при общемъ обсужденіи проекта были высказаны доводы противъ включенія этого выраженія, какъ слишкомъ общаго и черезчуръ широкаго указанія, которое можетъ дать поводъ къ произвольному распространительному толкованію и вызвать стѣсненія свободы ассоціацій. Депутатъ Рено-Морьеръ сказалъ: „когда говорятъ объ общественномъ порядкѣ примѣнительно къ гражданскимъ договорамъ, то знаютъ, что это значитъ, но когда дѣло идетъ объ ассоціаціяхъ, то я не знаю такой, которая не оказывалась бы въ извѣстной мѣрѣ противной обще-

ственному порядку, кромѣ развѣ ассоціацій чисто литературныхъ, научныхъ или художественныхъ". Развивая свои доводы, ораторъ замѣтилъ, что когда основывается ассоціація для проведенія какой нибудь идеи, то есть полное вѣроятіе, что эта идея окажется нарушающею существующій порядокъ вещей. И можно опасаться, какъ бы не нашлись суды, склонные признать такую задачу противною общественному порядку.

На это Вальдекъ-Руссо, которымъ былъ внесенъ проектъ закона, объяснилъ, что ассоціація есть договоръ подобный другимъ, что всякій договоръ предполагаетъ цѣль дозволенную и не можетъ возникнуть, если онъ нарушаетъ норму общественнаго порядка (une règle d'ordre public). При редактированіи ст. 3 была заимствована формула Гражданскаго Кодекса о договорахъ, и выраженіе „ordre public" должно быть понимаемо не въ смыслѣ „общественнаго спокойствія" (tranquillité publique), а въ томъ узкомъ и точномъ смыслѣ, въ которомъ оно употреблено въ статьяхъ 1108, 1131 и 1133 Гражданскаго Кодекса. Сказанное примѣнимо и къ словамъ „дозволенная цѣль" и „добрые нравы". Нечего поэтому опасаться впасть въ область произвола, такъ какъ недозволеннымъ или противнымъ общественному порядку, въ силу указанныхъ статей, является рядъ дѣйствій воспрещаемыхъ, а дозволеннымъ и согласнымъ съ общественнымъ порядкомъ рядъ дѣйствій, предписываемыхъ тѣми положительными законами, которые нашли себѣ мѣсто въ кодексахъ. Сославшись на мнѣніе Гюкъ (Huc), одного изъ послѣднихъ комментаторовъ Гражданскаго Кодекса, Вальдекъ-Руссо резюмировалъ свою теорію о томъ, что должно почитаться недозволеннымъ, въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) „недозволимо дѣйствовать въ нарушеніе законовъ, касающихся личнаго состоянія (état des personnes); 2) недозволимо дѣйствовать въ нарушеніе законовъ, имѣющихъ цѣлью гарантированіе имущества; 3) недозволимо уклоняться отъ соблюденія законовъ уголовныхъ".

При постатейномъ обсужденіи законопроекта снова были сдѣланы возраженія противъ включенія въ текстъ закона словъ „ordre public". Кромѣ ранѣе высказанныхъ доводовъ было замѣчено, что слова эти излишни послѣ общаго указанія на „противное законамъ". Тѣмъ, что недѣйствительною объявляется ассоціація, противная закону, объявляется недѣйствительною и ассоціація, противная законамъ общественнаго порядка. Соглашаясь съ этимъ замѣчаніемъ и идя на встрѣчу желанію устранить поводъ къ какому либо произвольному толкованію, Вальдекъ-Руссо призналъ возможнымъ устранить слова „общественный порядокъ" изъ текста 3-й статьи, подчеркнувъ однако, что и при отсутствіи этихъ словъ въ самомъ текстѣ „законы, охраняющіе общественный порядокъ, примѣнимы къ ассоціаціямъ въ такой же мѣрѣ, какъ и обыкновенные законы". Докладчикъ коммисіи, депутатъ Трулье, прибавилъ, что договоръ ассоціаціи подлежитъ всѣмъ предписаніямъ статьи 1133 Гражданскаго Кодекса, какъ въ силу обсуждаемаго текста, такъ и вслѣдствіе выраженнаго въ концѣ 1-й статьи закона общаго указанія о соблюденіи ассоціаціями правовыхъ началъ, установленныхъ для договоровъ и обязательствъ. Поэтому ассоціація, образованная въ цѣляхъ, противныхъ общественному порядку, должна быть признана недѣйствительною и подлежитъ закрытію по рѣшенію суда.

Авторъ другой поправки, депутатъ Перро, предлагалъ къ словамъ „имѣющая въ виду что либо недозволенное" прибавить слова: какъ, напр., призывъ къ уничтоженію права собственности" (tel que la provocation à l'abolition du droit de propriété). Предлагая эту поправку, Перро заявилъ, что его цѣль — доставить правительству поводъ разсѣять одно недоумѣніе и дать объясненія о значеніи предложеннаго имъ текста. Въ этихъ видахъ онъ обратилъ вниманіе на то, что въ объяснительной запискѣ къ первоначальному проекту, который былъ выработанъ Вальдекомъ-Руссо въ 1883 году, дано было примѣрное перечисленіе ассоціацій недозволенныхъ. „Такимъ образомъ,—говорилось въ этой запискѣ,—должны быть признаны недозволенными ассоціаціи, имѣющія цѣлью организовать сопротивленіе законамъ, возстаніе противъ республиканскихъ законовъ и учрежденій, призывать (provoquer) къ уничтоженію права собственности, семьи, свободы совѣсти, индивидуальной свободы". Между тѣмъ въ томъ перечнѣ, который дается въ мотивахъ къ проекту 1899 года, не упоминается о призывѣ къ „уничтоженію права собственности". Является ли умышленнымъ этотъ пропускъ? Значитъ ли это, что такія ассоціаціи уже не считаются болѣе недозволенными и что должны почитаться законными такія ассоціаціи, которыя создаются съ цѣлью пропагандировать доктрины, идущія въ нарушеніе принципа, освѣщеннаго въ ст. 545 Гражданскаго Кодекса, по которому никто не можетъ быть лишенъ своей собственности, хотя бы въ цѣляхъ общаго интереса, безъ справедливаго и предварительнаго вознагражденія?

Вальдекъ-Руссо, замѣтивъ, что въ редакціи постановленія проекта 1899 г. воспроизводится текстъ проекта 1883 г., сказалъ, что ассоціація, цѣлью которой было бы нанесеніе ущерба праву собственности, какъ это право освящено закономъ, подпадала бы подъ дѣйствіе статьи 1133; но онъ призналъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что нанесеніе ущерба имѣло бы мѣсто лишь при наличности дѣйствій, совершенныхъ въ нарушеніе требованій писаннаго закона. Поэтому не будетъ противозаконною ассоціація, которая образуется съ цѣлью развивать идею реформы въ области права собственности, и наоборотъ—противозаконною будетъ ассоціація, образованная съ цѣлью призыва къ такимъ дѣйствіямъ, которыя нарушаютъ право собственности. Развивая ту же основную мысль, докладчикъ Трулье высказалъ слѣдующее: „можетъ ли быть запрещаемо въ демократіи возбужденіе вопросовъ политической философіи, обсужденіе экономическихъ тезисовъ, каковы вопросы о свободномъ обмѣнѣ или протекціонизмѣ, о коллективной собственности и собственности индивидуальной? Можетъ ли имѣть здѣсь мѣсто преступленіе? Преступнымъ, поймите это хорошо, является побужденіе не къ регулярному измѣненію законовъ, а къ нарушенію закона; таковымъ было бы образованіе ассоціаціи, которая имѣла бы цѣлью отобрать силою собственность частную или общественную, разрушить, конфисковать собственность. Но обсужденіе какого либо философскаго или экономическаго тезиса никоимъ образомъ не можетъ быть запрещаемо". Послѣ этихъ объясненій поправка была взята назадъ авторомъ ея, который призналъ себя удовлетвореннымъ.

Въ Сенатѣ тотъ же вопросъ возникъ по поводу поправки Рамбо, предложившаго внести въ текстъ 3-й статьи прямое упоминаніе о нанесеніи

ущерба „праву индивидуальной собственности и свободѣ труда“. Поправка эта была однако отклонена за признаніемъ ея излишнею въ виду объясненій, представленныхъ сенаторомъ Валле, докладчикомъ. „Ясно, — сказалъ онъ, что всякая ассоціація, имѣющая въ виду не обсуждать вопросъ о собственности или вопросъ о свободѣ труда, а разрушать собственность или препятствовать работѣ, является ассоціаціею противною закону и преслѣдующею недозволенную цѣль“.

Въ отношеніи къ упоминанію, въ концѣ ст. 3, о „цѣлости національной территоріи и республиканской формѣ правленія“, слѣдуетъ замѣтить что упоминаніе о нанесеніи ущерба этимъ условіямъ, какъ о проявленіи противномъ законамъ, не представлялось необходимымъ. Оно было признано желательнымъ лишь въ виду *особой важности* предусматриваемыхъ обстоятельствъ. Такъ какъ конституція является важнѣйшимъ закономъ, то ассоціаціи, какъ и отдѣльныя лица, должны уважать „республиканскую форму правленія“, которую устанавливаютъ конституціонные законы. Признано было желательнымъ и опредѣленное указаніе на то, что свобода ассоціацій не должна оправдывать „сепаратистскіе происки“, въ виду чего и упомянуто о „цѣлости національной территоріи“. Въ Сенатѣ Рамбо предлагалъ прибавить къ этому слова „включая сюда Алжиръ и колоніи“, но Валле заявилъ, что такая поправка безполезна, такъ какъ въ понятіе „національная территорія“ конечно входятъ всѣ французскія владѣнія.

Такимъ образомъ, по словамъ докладчика законопроекта въ Палатѣ депутатовъ Трульо, „право образовывать ассоціаціи, какъ ни существенно оно, постановленіями ст. 3-й ставится въ предѣлы, опредѣляемые охраненіемъ общественнаго строя“ (maintien de l'ordre social).

Въ дебатахъ по поводу ст. 7-й, предусматривающей закрытіе ассоціаціи рѣшеніемъ гражданскаго суда, возникъ вопросъ о томъ, можетъ ли санкція закрытія быть примѣнена къ такой ассоціаціи, которая, будучи основана съ цѣлью дозволенною, уклонилась бы отъ своей цѣли, обратилась бы къ дѣйствіямъ, воспрещеннымъ закономъ, или же подъ внѣшними формами легальнаго скрыла бы свою дѣйствительную недозволенную цѣль. Было замѣчено, что хотя о закрытіи ассоціаціи долженъ постановить гражданскій судъ, эта мѣра по существу является съ характеромъ уголовной кары, а въ области уголовнаго преслѣдованія все должно обусловливаться точнымъ указаніемъ закона; въ виду этого едва ли возможно распространять на случаи, подобные выше указаннымъ, текстъ закона, устанавливающій репрессію въ отношеніи къ ассоціаціи, образуемой ради цѣли, противной закону. Такимъ образомъ въ ст. 7 обнаруживается неполнота.

Сенаторъ Валле не согласился съ этимъ взглядомъ и доказывалъ, что гражданскій судъ обязанъ обращать вниманіе не только на внѣшнюю форму и на задачу ассоціаціи, какъ она указана въ уставѣ, но также и на то, не преслѣдуетъ ли ассоціація, въ дѣйствительности, въ нарушеніе своего устава, какую либо недозволенную цѣль. Въ такомъ случаѣ, по его признанію, судъ долженъ постановить о закрытіи ассоціаціи. Въ компетенцію суда входитъ закрытіе такой ассоціаціи, которая, образовавшись ради цѣли законной,

видоизмѣнитъ ее и превратится въ ассоціацію, противную законамъ и общественному строю.

Выше было упомянуто, что за административною властью законъ 1901 года предусматриваетъ право закрытія ассоціацій въ исключительныхъ случаяхъ. О нихъ говоритъ ст. 12: „Ассоціаціи, въ составѣ которыхъ большинство иностранцы, а также тѣ, въ которыхъ завѣдующими являются иностранцы или которыя имѣютъ свое управленіе заграницею, если онѣ въ дѣятельности своей нарушаютъ нормальныя условія обмѣна цѣнностей или товаровъ, либо угрожаютъ внутренней или внѣшней безопасности государства, въ условіяхъ, предусмотрѣнныхъ статьями 75—101 Уголовнаго Кодекса, могутъ быть закрыты декретомъ Президента Республики, прошедшимъ черезъ Совѣтъ Министровъ".

При обсужденіи въ палатахъ этой статьи также имѣли мѣсто интересные дебаты, въ теченіе которыхъ выяснены были различные вопросы по существу устанавливаемаго порядка и его толкованія.

По поводу нѣсколькихъ поправокъ, которыми имѣлось въ виду обставить образованіе ассоціацій, съ участіемъ иностранцевъ, стѣснительными условіями, Вальдекъ-Руссо высказалъ слѣдующія соображенія.

Онъ прежде всего заявилъ, что современныя условія, расширившія сферу общенія между народами, выдвигаютъ необходимость того, что онъ назвалъ „интернаціонализмъ идей". Въ самомъ дѣлѣ, дѣятельность нѣкоторыхъ смѣшанныхъ ассоціацій вызвала устройство ряда конгрессовъ, которые содѣйствовали выработкѣ и принятію международныхъ конвенцій, столь важныхъ, по охранѣ литературной, художественной, промышленной собственности. Нѣкоторые успѣхи въ области экономической и въ частности въ организаціи труда могутъ быть прочно осуществлены только путемъ международнымъ. Но это новое теченіе общественнаго мнѣнія, не допускающее возможности ставить внѣ закона ассоціаціи со смѣшаннымъ составомъ французовъ и иностранцевъ, не должно приводить къ примѣненію нормъ общаго права ко всѣмъ ассоціаціямъ безъ различія. Ошибочно было бы подчинять ихъ единообразному порядку; нужно принять во вниманіе, что онѣ дѣлаютъ, и не нужно ли государству принять мѣры самозащиты. „Какъ несправедливо было бы, сказалъ Вальдекъ-Руссо, запрещать заранѣе или подчинять суровымъ условіямъ ассоціаціи, въ составъ которыхъ входятъ иностранцы, такъ, съ другой стороны, непредусмотрительно было бы создавать законодательство, разрѣшающее образованіе такихъ ассоціацій, въ которыхъ будетъ преобладать элементъ иностранный, которыя поставятъ себѣ цѣлью не только пропагандировать доктрины, распространять идеи, добиваться для всей страны и всего человѣчества какихъ либо реформъ, но кромѣ того еще и дѣйствовать въ сферѣ экономической, влять черезъ это на финансы страны, на ея рынокъ, на свободное пріобрѣтеніе или свободное распоряженіе предметами первой необходимости и сырьемъ".

По мнѣнію нѣкоторыхъ ораторовъ, ст. 12 представляется опасною для свободы изложенная въ общихъ выраженіяхъ, она вооружаетъ правительство дискреціонною властью и не даетъ заинтересованнымъ никакого средства защиты противъ мѣры, направленной противъ нихъ. Указывали, между прочимъ, и на то, что нѣтъ основанія предоставлять правительству право закрывать смѣшанныя ассоціаціи по соображеніямъ неотложности, устраняющей обращеніе къ судебному порядку, такъ какъ такія же соображенія могутъ быть примѣнимы ко всякаго рода ассоціаціямъ, безразлично къ тому, имѣются ли въ ихъ составѣ иностранцы или нѣтъ, когда эти ассоціаціи представляютъ непосредственную опасность общественному порядку.

Этимъ замѣчаніямъ Вальдекъ-Руссо и докладчикъ Трульо противопоставили слѣдующіе доводы. Закрытіе, постановляемое судебною властью, въ данномъ случаѣ является средствомъ недостаточнымъ для обезпеченія національной безопасности. Безъ сомнѣнія, это право представляетъ извѣстныя гарантіи, такъ какъ оно даетъ возможность правительству вызвать закрытіе всякихъ союзовъ, образованныхъ съ недозволенными цѣлями, и возбудить преслѣдованіе противъ ихъ членовъ въ случаѣ незаконнаго возобновленія закрытой ассоціаціи. Но, когда дѣло идетъ объ ассоціаціи, имѣющей цѣлью дѣятельность противную интересамъ внутренней или внѣшней безопасности государства, при наличности преобладанія иностраннаго вліянія, необходимо дѣйствовать быстро для защиты угрожаемыхъ интересовъ. Между тѣмъ, возбужденіе вопроса о закрытіи ассоціаціи въ судѣ сопряжено съ проволочками, неизбѣжными при той процедурѣ, которая должна быть соблюдена, а эти проволочки могутъ оказаться очень вредными для государства. Но и постановленное судомъ рѣшеніе не тотчасъ подлежитъ исполненію, замѣтилъ Вальдекъ-Руссо. „апелляціонная жалоба вызываетъ новое производство во второй инстанціи, съ новыми проволочками, новыми дебатами; затѣмъ, если судебная палата утвердитъ приговоръ о закрытіи, возможно кассаціонное обжалованіе, и дѣло перейдетъ въ кассаціонный судъ. Пройдетъ годъ, въ теченіе котораго ассоціація, въ которой окажутся иностранцы, занимающіеся не только спекуляціею, но и организаціею опасныхъ предпріятій, будетъ имѣть возможность окрѣпнуть и упрочиться".

Далѣе было указано на неосновательность упрека въ томъ, что ст. 12 изложена въ слишкомъ общихъ, произвольныхъ выраженіяхъ. Невозможно было бы дать перечень всѣхъ тѣхъ дѣйствій, которыя могли бы явиться опасными для національныхъ интересовъ. Такой перечень былъ бы или не полонъ, или черезчуръ широкъ, а при созданіи новаго закона о свободѣ ассоціацій вовсе не имѣлось въ виду создавать какіе нибудь новые виды преступленій. Поэтому признано было болѣе умѣстнымъ сдѣлать простую ссылку на дѣйствующія постановленія Уголовнаго Кодекса.

Тѣ дѣйствія, которыя являются основаніемъ для закрытія ассоціаціи распоряженіемъ административной власти, опредѣленно указаны въ ст. 12 и распадаются на двѣ группы.

Къ первой группѣ относятся дѣйствія, нарушающія нормальныя условія обмѣна цѣнностей или товаровъ". Эта формула обнимаетъ дѣйствія или попытки, направленныя къ пониженію или повышенію цѣнъ на

предметы или припасы выше или ниже тѣхъ цѣнъ, которыя опредѣляются условіями естественнаго соперничества и свободной торговли (ст. 419 Уголовнаго Кодекса). Сюда войдутъ всякаго рода попытки нанести ущербъ государственному и частному кредиту или нормальнымъ экономическимъ условіямъ.

Ко второй группѣ относятся дѣйствія, составляющія угрозу интересамъ „внутренней или внѣшней безопасности въ условіяхъ, предусмотрѣнныхъ ст. 75 - 101 Уголовнаго Кодекса". Эти статьи имѣютъ въ виду тяжкія преступленія (crimes) и преступленія (délits) противъ общественныхъ интересовъ (contre la chose publique).

Къ категоріи „crimes" относятся покушенія, направленныя противъ внѣшней политической безопасности, противъ цѣлости территоріи государства и его международнаго положенія; поднятіе оружія противъ отечества; акты измѣны или шпіонства по отношенію къ Франціи или ея союзникамъ, дѣйствующимъ противъ общаго врага; враждебныя дѣйствія, вызвавшія объявленіе войны со стороны какой либо иностранной державы. Къ категоріи „délits" относятся покушенія противъ государственнаго строя или внутренней безопасности государства; комплоты съ цѣлью ниспроверженія или измѣненія существующей формы правленія, или возбужденія гражданъ къ вооруженному сопротивленію государственной власти; покушенія, направленныя къ возбужденію гражданской войны, незаконное примѣненіе вооруженной силы, общественные погромы и грабежи (la dévastation et le pillage publics).

Въ заключеніе слѣдуетъ замѣтить, что декретъ о закрытіи ассоціаціи можетъ быть обжалованъ, въ порядкѣ административно-спорнаго производства, въ Государственный Совѣтъ, какъ высшій административный судъ, вѣдающій жалобы на превышеніе власти.

Въ случаѣ закрытія ассоціаціи, имущества ея переходятъ согласно постановленіямъ устава или, при отсутствіи такихъ постановленій, по правиламъ, установленнымъ на общемъ собраніи членовъ ассоціаціи.

Отдѣльное мѣсто въ законѣ 1901 г. занимаютъ постановленія о религіозныхъ конгрегаціяхъ. Подъ этимъ терминомъ во французскомъ правѣ разумѣются ассоціаціи людей, соединяющихся для совмѣстной религіозной жизни, либо въ видахъ болѣе строгаго соблюденія ученія церкви, либо для распространенія религіозныхъ доктринъ посредствомъ примѣра, обученія или проповѣди.

Въ постановленіяхъ закона 1901 года о религіозныхъ конгрегаціяхъ подробно регулируются порядокъ обязательнаго для всѣхъ такихъ союзовъ разрѣшенія, которое будетъ даваться каждый разъ спеціальнымъ закономъ, далѣе порядокъ и условія дѣятельности конгрегацій, установляются

имущественныя права ихъ, наконецъ правила ликвидаціи имуществъ, принадлежащихъ упраздненнымъ конгрегаціямъ. Въ основѣ важнѣйшихъ изъ постановленій новаго закона о конгрегаціяхъ лежатъ принципы, которые уже давно были выработаты французскимъ законодательствомъ, но которые въ своемъ осуществленіи на практикѣ нерѣдко встрѣчали затрудненія и прямое или косвенное противодѣйствіе со стороны конгрегацій. Положенія закона 1 іюля 1901 г. (и особенно правила, устанавливаемыя декретами 16 августа), имѣютъ въ виду создать болѣе дѣйствительныя мѣры контроля надъ образованіемъ и дѣятельностью религіозныхъ конгрегацій и предупредить возможность возникновенія недозволенныхъ конгрегацій и скопленія въ ихъ рукахъ, въ большихъ размѣрахъ, недвижимой собственности, которая, дѣлаясь неотчуждаемымъ достояніемъ ихъ, извлекается изъ гражданскаго оборота [1].

Важнѣйшія изъ постановленій о религіозныхъ конгрегаціяхъ заключаются въ слѣдующемъ.

Никакая религіозная конгрегація не можетъ быть образована безъ разрѣшенія, даваемаго особымъ закономъ, въ которомъ должны быть опредѣлены условія ея функціонированія [2].

Конгрегація не можетъ создать ни одного новаго учрежденія иначе, какъ на основаніи декрета государственнаго совѣта.

Конгрегаціи, получившія разрѣшеніе, пользуются правами юридическихъ лицъ (подобно ассоціаціямъ, признаннымъ общественно-полезными). Каждая конгрегація ведетъ опись своихъ приходовъ и расходовъ и ежегодно составляетъ финансовый отчетъ за истекшій годъ и инвентарную опись своихъ имуществъ движимыхъ и недвижимыхъ. Въ

---

[1] По даннымъ послѣдняго времени, общая цѣнность недвижимыхъ имуществъ, принадлежащихъ 1,517 конгрегаціямъ, составляетъ 1 милліардъ 33 милліона франковъ. Изъ этой суммы 431 милліонъ принадлежитъ 744 конгрегаціямъ непризнаннымъ (non reconnues). Послѣднихъ конгрегацій при дѣйствіи новаго закона не можетъ быть вовсе.

[2] По указанію проф. Бертелеми, это положеніе является повтореніемъ предписаній законовъ, изданныхъ въ 1790 г., въ XII т. и въ 1817 г. Berthélemy, стр. 311.

мѣстѣ управленія конгрегаціи долженъ находиться полный списокъ ея членовъ, съ указаніемъ ихъ родовыхъ именъ, а также именъ, которыми они обозначаются въ конгрегаціи, ихъ національности, возраста и мѣста рожденія. Эти отчеты, описи и списки должны быть, по всякому требованію префекта, представляемы ему или его уполномоченному для обозрѣнія на мѣстѣ. Представители или директора конгрегаціи, которыми будутъ сдѣланы ложныя заявленія или которые откажутся исполнить указанное требованіе префекта, подвергаются уплатѣ штрафа въ размѣрѣ отъ 16 фр. до 5.000 фр. и тюремному заключенію отъ 6 дней до одного года.

Упраздненіе конгрегаціи или закрытіе какого-либо учрежденія можетъ послѣдовать по декрету совѣта министровъ [1].

Одною изъ главныхъ задачъ при изданіи закона 1 іюля 1901 г. было обезпечить закрытіе, упраздненіе неразрѣшенныхъ конгрегацій, такъ какъ имѣлось въ виду положить конецъ терпимости, подъ покровомъ которой размножались эти союзы, въ сущности запрещенные [2].

Конгрегація, образованная безъ разрѣшенія, объявляется противозаконною. Входящія въ составъ ея лица подвергаются уплатѣ штрафа въ размѣрѣ отъ 16 фр. до 5.000 фр. и тюремному заключенію отъ 6 дней до одного года; учредители или администраторы такой конгрегаціи подвергаются тому же наказанію въ двойномъ размѣрѣ.

Ликвидація имуществъ, принадлежащихъ упраздненнымъ конгрегаціямъ, производится судебнымъ порядкомъ по правиламъ, установленнымъ въ законѣ 1901 года.

---

[1] Декретъ этотъ есть актъ дискреціонный. Онъ можетъ быть обжалованъ лишь по нарушенію требуемыхъ формъ. Berthélemy, стр. 312.

[2] Въ виду того значенія, какое конгрегаціи всегда имѣли въ области школьнаго дѣла, весьма важною является статья 14-я закона 1901 г., въ силу которой никто не можетъ быть допущенъ къ управленію учебнымъ заведеніемъ, какого бы рода оно ни было, ни непосредственно, ни черезъ подставное лицо, если онъ принадлежитъ къ неполучившей разрѣшенія религіозной конгрегаціи. Виновные въ нарушеніи этого постановленія подвергаются уплатѣ штрафа отъ 16 фр. до 5.000 фр. и тюремному заключенію отъ 6 дней до одного года. Въ обвинительномъ приговорѣ можетъ быть, сверхъ того, постановлено о закрытіи учрежденія.

Таковы постановленія закона 1 іюля 1901 г. объ ассоціаціяхъ. Отмѣняя ст. 291—294 уголовнаго кодекса и законъ 10 апрѣля 1834 г., новый законъ составляетъ значительный шагъ впередъ въ отношеніи ко всякого рода свѣтскимъ союзамъ, освобождая ихъ отъ разрѣшенія правительственной власти и даже отъ предварительнаго объ образованіи ихъ заявленія въ тѣхъ случаяхъ, когда они не имѣютъ въ виду пользоваться правами юридическихъ лицъ. Во французской литературѣ съ этимъ новымъ порядкомъ связываются ожиданія широкаго развитія общественной иниціативы.—Постановленія о религіозныхъ конгрегаціяхъ, и въ особенности ихъ рѣшительное примѣненіе на практикѣ, вызвали энергическіе протесты въ нѣкоторыхъ слояхъ французскаго общества, недовольныхъ тѣми ограниченіями, которыя установлены для конгрегацій. Цѣлесообразность и правомѣрность этихъ ограниченій едва-ли, однако, могутъ вызывать серьезныя сомнѣнія, если принять во вниманіе безспорно принадлежащее государству право противодѣйствовать развитію учрежденій, не соотвѣтствующихъ его потребностямъ и интересамъ. А такими именно учрежденіями являлись нѣкоторыя религіозныя конгрегаціи, въ дѣятельности своей нерѣдко уклонявшіяся отъ прямыхъ задачъ своихъ. Что же касается другихъ конгрегацій, то новый законъ не дѣлаетъ ихъ существованія невозможнымъ, а только ставитъ ихъ въ болѣе опредѣленныя условія и подчиняетъ ихъ контролю, въ обезпеченіе общегосударственныхъ интересовъ.

Германія.

Въ средніе вѣка въ Германіи признавалась въ принципѣ свобода союзовъ и собраній. Еще имперское законодательство XVI вѣка ограничивалось воспрещеніемъ лишь тѣхъ обществъ, которыя преслѣдуютъ явно противозаконныя и недозволенныя цѣли (указъ 1555-го года). Впервые полицейскія ограниченія свободы союзовъ появились подъ вліяніемъ римскаго права, многія положенія котораго путемъ такъ называемой рецепціи получили характеръ дѣйствую-

щаго законодательства. Подъ сильнымъ вліяніемъ юристовъ, разрабатывавшихъ римское право, сложилась теорія, по которой считались непозволительными, незаконными всѣ союзы, не имѣющіе прямого разрѣшенія на существованіе. Дальнѣйшія ограниченія свободы союзовъ и собраній появились въ теченіе XVII и XVIII столѣтій, съ развитіемъ полицейскаго государства. Кодексъ прусскаго общаго провинціальнаго права 1794 года (Allgemeines Landrecht für die preussischen Staaten) предоставилъ правительству право воспрещать всякіе союзы посредствомъ административныхъ распоряженій; законодательнымъ же порядкомъ были воспрещены тѣ союзы, цѣли которыхъ направлены противъ общаго спокойствія, безопасности и порядка (gemeinen Ruhe, Sicherheit und Ordnung), а также и всѣ тайныя общества. Нѣсколько позднѣе (эдиктомъ 1798 г.), подъ впечатлѣніемъ событій французской революціи, это воспрещеніе было распространено на всѣ политическіе союзы. Эта мѣра была возобновлена и впослѣдствіи, послѣ образованія Сѣверо-Германскаго Союза: закономъ 1832 года были безусловно воспрещены союзы съ политическими тенденціями, а для всякаго рода общественныхъ собраній и народныхъ празднествъ (Volksversammlungen und Volksfeste) сдѣлано обязательнымъ предварительное правительственное разрѣшеніе. Что же касается союзовъ, преслѣдующихъ хозяйственныя, интеллектуальныя и общежительныя цѣли, то образованіе ихъ въ большинствѣ нѣмецкихъ государствъ допускалось безъ полицейскаго дозволенія.

Таковы основныя черты законодательства, дѣйствовавшаго до 1848 года, когда впервые въ Германіи былъ признанъ законодательнымъ путемъ принципъ свободы союзовъ и собраній. Онъ получилъ признаніе какъ въ „основныхъ правахъ“ нѣмецкаго народа (Reichsverfassung 1849 года), такъ и въ конституціяхъ отдѣльныхъ государствъ. Эти послѣднія признали въ принципѣ право подданныхъ собираться и образовывать союзы безъ предварительнаго дозволенія правительства; особые законы должны были установить ограниченія свободы союзовъ и собраній и опредѣлить полномочія властей по отношенію къ тѣмъ и другимъ. Образцомъ для этого законодательства послужилъ французскій

законъ 1848 года, который былъ примѣняемъ во Франціи лишь въ теченіе короткаго промежутка времени.

Конституція Германской Имперіи 16 Апрѣля 1871 г. (ст. 4, § 16) включила въ кругъ компетенціи имперскаго законодательства и нормированіе союзовъ (Bestimmungen über das Vereinswesen). Но только 19 Апрѣля 1908 года былъ изданъ общеимперскій законъ о союзахъ (Vereinsgesetz), въ который включены и нормы, касающіяся публичныхъ собраній. До изданія этого закона союзы и собранія регулировались въ каждомъ союзномъ государствѣ особыми законоположеніями, представлявшими нѣкоторыя различія, иногда довольно существенныя. Имперскими законодательными органами были однако изданы въ разное время нѣкоторыя постановленія, касающіяся союзовъ и имѣющія силу для всей Имперіи. Важнѣйшія изъ нихъ слѣдующія:

1) Въ силу § 152 Промышленнаго устава (Gewerbeordnung), не требуется предварительнаго разрѣшенія для образованія союзовъ рабочихъ, преслѣдующихъ задачи улучшенія своего положенія.

2) По военному закону 2 Мая 1874 года (§ 49) военнымъ, состоящимъ на дѣйствительной службѣ, воспрещается участіе въ политическихъ союзахъ и собраніяхъ.

3) Въ силу статей 128 и 129 Уголовнаго Уложенія, воспрещаются подъ угрозою наказанія образованіе и принадлежность къ такимъ союзамъ, существованіе, организація или цѣль которыхъ сохраняются въ тайнѣ отъ правительства, а также такихъ союзовъ, къ цѣлямъ или къ проявленіямъ которыхъ относится противодѣйствіе, незаконными средствами, мѣрамъ управленія или приведенія въ исполненіе законовъ.

4) По закону 11 Декабря 1899 года, предоставлено союзамъ всякаго рода право вступать въ связь другъ съ другомъ и отмѣнены противорѣчащія этому законодательныя постановленія отдѣльныхъ государствъ.

Изложенныя нормы сохраняютъ свою силу и по изданіи закона 10 Апрѣля 1908 года.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію постановленій новаго имперскаго закона, необходимо замѣтить, что онъ не внесъ особенно существенныхъ измѣненій въ законодатель-

ство, регулировавшее союзы и собранія. Въ большинствѣ государствъ, вошедшихъ въ составъ Германской Имперіи, и до 1908 года усвоена была явочная система устройства союзовъ и собраній. Новый законъ точнѣе опредѣлилъ условія примѣненія этой системы и далъ болѣе ясныя (а для нѣкоторыхъ государствъ и болѣе льготныя, сравнительно съ прежнимъ законодательствомъ) нормы относительно закрытія союзовъ и собраній. Съ другой стороны, въ новомъ законѣ не имѣютъ мѣста ограниченія въ отношеніи права участія женщинъ въ политическихъ союзахъ и собраніяхъ.

По закону 19 Апрѣля 1908 года, всѣ подданные Имперіи имѣютъ право въ цѣляхъ, не противныхъ уголовнымъ законамъ, образовывать союзы и собираться. Это право, въ полицейскомъ отношеніи, подлежитъ только тѣмъ ограниченіямъ, которыя содержатся въ этомъ законѣ.

Союзъ, цѣль котораго противна законамъ, можетъ быть закрытъ.

Закрытіе союза производится въ порядкѣ административномъ, а не судебномъ (какъ во Франціи по закону 1901 года).

Въ виду неупоминанія въ законѣ о томъ, какой органъ власти уполномоченъ на закрытіе союзовъ, этотъ вопросъ разрѣшается въ отдѣльныхъ государствахъ инструкціями обыкновенно въ томъ смыслѣ, что компетентною является административная или полицейская власть того округа, гдѣ союзъ имѣетъ пребываніе.

Распоряженіе о закрытіи союза можетъ быть обжаловано въ порядкѣ административной юстиціи, а гдѣ таковой нѣтъ—въ порядкѣ обращенія съ жалобою въ присутственное мѣсто, которому непосредственно подчиненъ органъ, постановившій о закрытіи.

Союзы политическіе или такіе, которые, по выраженію закона, „имѣютъ въ виду воздѣйствіе на политическія дѣла“, должны имѣть уставъ и правленіе. Правленіе обязано въ двухнедѣльный срокъ по основаніи союза доставить компетентному по мѣсту нахожденія союза полицейскому учрежденію уставъ и списокъ членовъ правленія. Равнымъ образомъ должно быть заявлено о всякомъ измѣненіи устава, а

также о всякомъ измѣненіи въ составѣ правленія въ теченіе двухнедѣльнаго срока по наступленіи измѣненія.

Въ законѣ 1908 года не дается опредѣленія понятій „политическій союзъ“ и „политическія дѣла“. Поэтому въ отношеніи къ признакамъ этихъ понятій могутъ имѣть значеніе разъясненія, сдѣланныя ранѣе Имперскимъ и Высшимъ административнымъ судами.

„Политическими интересами“, согласно разъясненіямъ Имперскаго суда и Высшаго административнаго суда, признаются тѣ, которые касаются государства, его законодательства и управленія, отношенія государства къ его подданнымъ и отношенія государствъ другъ къ другу. Въ частности, къ области политическихъ интересовъ принадлежатъ выборы въ Рейхстагъ и Ландтагъ, выборы общинныхъ представителей, членовъ промышленныхъ судовъ, далѣе вопросы національно-экономическіе и соціально-политическіе, вопросы о рабочихъ отношеніяхъ вобще, о введеніи нормальнаго рабочаго дня, воскреснаго отдыха, объ избирательныхъ правахъ женщинъ, о разрѣшеніи рабочаго вопроса, о повышеніи пошлинъ, о законодательствѣ по охранѣ труда и т. п.

Политическими союзами, по прямому указанію закона, не считаются (и слѣдовательно свободны отъ изложенныхъ ограниченій) общества лицъ, которыя соединяются на время, чтобы по порученію избирателей заняться приготовленіями къ опредѣленнымъ выборамъ въ публичныя корпораціи, основанныя на законѣ или распоряженіи начальства, со дня оффиціальнаго извѣщенія о днѣ выборовъ до окончанія выборнаго пропзводства.

Въ политическихъ союзахъ не могутъ участвовать лица, которымъ еще не исполнилось восемнадцать лѣтъ. Они не могутъ также присутствовать ни въ собраніяхъ такихъ союзовъ, если только они не устроены съ цѣлями развлеченія, ни въ публичныхъ политическихъ собраніяхъ.

Существовавшія ранѣе ограниченія для женщинъ, воспрещавшія участіе ихъ въ политическихъ союзахъ и собраніяхъ, въ новомъ законѣ не сохранены, какъ не отвѣчающія требованіямъ времени и условіямъ широкаго участія женщинъ въ различныхъ отрасляхъ общественной и экономической жизни.

Въ отличіе отъ французскаго закона 1901 года, трактующаго о правахъ юридическаго лица тѣхъ или другихъ ассоціацій, германскій имперскій законъ 1908 года этой стороны жизни союзовъ не касается вовсе. Въ Германіи пріобрѣтеніе союзами гражданской правоспособности, лишеніе ихъ правоспособности и вообще вся гражданско-правовая сторона союзовъ опредѣляется постановленіями гражданскаго уложенія.

Въ отношеніи къ *публичнымъ политическимъ собраніямъ* законъ 1908 года устанавливаетъ слѣдующія нормы.

Кто желаетъ устроить публичное собраніе для обсужденія политическихъ дѣлъ, долженъ, по крайней мѣрѣ за 24 часа до начала собранія, сдѣлать заявленіе объ этомъ компетентному полицейскому учрежденію съ указаніемъ мѣста и времени собранія. О сдѣланномъ заявленіи полицейское учрежденіе должно немедленно выдать безплатное удостовѣреніе.

Заявленіе не нужно для собраній, о которыхъ была сдѣлана публикація. Условія публикаціи опредѣляетъ центральное учрежденіе каждаго союзнаго государства.

Заявленіе не нужно также для собраній избирателей по проведенію выборовъ въ публичныя корпораціи, основанныя на законѣ или распоряженіи начальства, со дня оффиціальнаго извѣщенія о днѣ выборовъ до окончанія выборнаго производства.

То же самое имѣетъ мѣсто въ отношеніи собраній промышленниковъ, ремесленныхъ помощниковъ, подмастерьевъ, фабричныхъ рабочихъ, владѣльцевъ и рабочихъ рудниковъ, солеваренъ, вспомогательныхъ учрежденій по горному промыслу, подземныхъ каменоломень и шахтъ для обсужденія соглашеній и соединеній съ цѣлью добиться благопріятныхъ условій вознагражденія и труда, въ особенности посредствомъ прекращенія работъ или увольненія рабочихъ.

Для устройства публичныхъ собраній подъ открытымъ небомъ и процессій по улицамъ или площадямъ общаго пользованія требуется разрѣшеніе полицейскаго учрежденія. Разрѣшеніе должно быть испрошено устроителемъ по меньшей мѣрѣ за 24 часа до начала собранія или процессіи, съ означеніемъ мѣста и времени. Разрѣшеніе должно быть

облечено въ письменную форму, и отказано въ немъ можетъ быть только въ томъ случаѣ, если устройство собранія или процессіи можетъ угрожать общественной безопасности. Въ случаѣ отказа устроителю должно быть тотчасъ выдано безплатно постановленіе съ указаніемъ основаній отказа.

Центральному учрежденію союзнаго государства предоставляется опредѣлить условія, при которыхъ для собраній подъ открытымъ небомъ и процессій разрѣшеніе замѣняется заявленіемъ или публикаціею. Для обычныхъ проводовъ покойниковъ, равно какъ для свадебныхъ процессій, гдѣ таковыя заведены, не требуется ни заявленія, ни разрѣшенія Центральному учрежденію союзнаго государства предоставляется опредѣлить, что и для другихъ процессій не нужно ни заявленія, ни разрѣшенія и что о процессіяхъ, которыя проходятъ черезъ многія мѣстечки, достаточно заявить только одному полицейскому учрежденію и отъ него получить разрѣшеніе.

Каждое публичное политическое собраніе должно имѣть руководителя. Устроитель собранія имѣетъ право принять на себя руководительство, передать его другому или предоставить собранію избрать руководителя. Руководитель, а пока его нѣтъ, устроитель долженъ заботиться о спокойствіи и порядкѣ въ собраніи. Онъ имѣетъ право закрыть собраніе.

Въ публичномъ собраніи или процессіи, которая должна имѣть мѣсто на улицахъ или площадяхъ общаго пользованія, никто не можетъ появиться вооруженнымъ, за исключеніемъ имѣющихъ право на ношеніе оружія въ силу публичной должности или получившихъ разрѣшеніе отъ власти на появленіе съ оружіемъ.

Сужденія въ публичныхъ собраніяхъ должны происходить на нѣмецкомъ языкѣ. Это не имѣетъ примѣненія къ международнымъ конгрессамъ, а также къ собраніямъ избирателей въ Рейхстагъ и законодательныя учрежденія союзныхъ государствъ и Эльзаса-Лотарингіи со дня оффиціальнаго извѣщенія о днѣ выборовъ до окончанія выборнаго производства.

Допустимость дальнѣйшихъ изъятій устанавливаетъ мѣстное законодательство. Однако же въ тѣхъ частяхъ страны,

въ которыхъ ко времени вступленія въ силу настоящаго закона существуютъ коренныя части населенія не-нѣмецкаго природнаго языка, если только онѣ по даннымъ послѣдней переписи превосходятъ 60% всего населенія, допускаются въ теченіе первыхъ двадцати лѣтъ по вступленіи въ силу этого закона употребленіе и не-нѣмецкаго языка при томъ условіи, чтобы руководитель публичнаго собранія по меньшей мѣрѣ за трое сутокъ до его начала сдѣлалъ полицейскому учрежденію заявленіе о томъ, что сужденія будутъ происходить на не-нѣмецкомъ языкѣ и на какомъ именно.

Уполномоченные, которыхъ полицейское учрежденіе посылаетъ въ публичное собраніе, должны заявить о себѣ, указавъ свое качество, руководителю или, пока его нѣтъ, устроителю собранія. Уполномоченнымъ должно быть предоставлено соотвѣтственное мѣсто. Полицейское учрежденіе не можетъ посылать болѣе двухъ уполномоченныхъ.

Уполномоченные полицейскаго учрежденія имѣютъ право, съ объясненіемъ основаній, объявить собраніе закрытымъ въ слѣдующихъ случаяхъ: если не можетъ быть предъявлено удостовѣреніе о надлежащемъ увѣдомленіи относительно употребленія не-нѣмецкаго языка; если не дано разрѣшенія, когда оно требуется по закону; если отказано въ допущеніи уполноченныхъ полицейскаго учрежденія; если не удалены вооруженныя лица, не имѣющія права присутствовать въ собраніи: если въ собраніи обсуждаются предложенія или заявленія, содержащія подстрекательство или склоненіе къ преступленію или къ преслѣдуемому не въ порядкѣ частнаго обвиненія проступку; если ораторы, пользующіеся не-нѣмецкимъ языкомъ, не будутъ, по требованію уполномоченныхъ полицейскаго учрежденія, лишены слова руководителемъ или устроителемъ собранія.

Если собраніе объявлено закрытымъ, то полицейское учрежденіе должно письменно сообщить руководителю собранія по его требованію, заявленному въ теченіе трехъ дней, основанія закрытія собранія съ указаніемъ на факты.

Распоряженіе о закрытіи собранія можетъ быть обжаловано въ порядкѣ административной юстиціи, а гдѣ ея нѣтъ—

путемъ принесенія жалобы начальству лица, закрывшаго собраніе.

Неисполненіе отдѣльныхъ требованій настоящаго закона карается денежнымъ штрафомъ до 150 марокъ и до 300 марокъ, замѣняемыхъ при невозможности взыскать штрафъ арестомъ.

Изложенный законъ вступилъ въ дѣйствіе 15 Мая 1908 года.

Россія.

До послѣдняго времени въ Россіи, по условіямъ государственнаго строя ея, не было ни политическихъ союзовъ, ни народныхъ собраній, или публичныхъ митинговъ, которые, главнымъ образомъ, имѣются въ виду разсмотрѣнными нами законодательствами. Что же касается всякаго рода другихъ союзовъ и обществъ (промышленныхъ, ученыхъ, благотворительныхъ и т. под.), то въ основѣ законодательства о нихъ лежала необходимость предварительнаго разрѣшенія на ихъ образованіе со стороны правительственныхъ органовъ [1]. Учредители всякаго общества для полученія этого разрѣшенія должны были представить на разсмотрѣніе и утвержденіе правительства свой уставъ, въ которомъ должны быть подробно указаны какъ цѣль общества, такъ и его организація и порядокъ дѣятельности. Всякія измѣненія въ уставѣ также должны были подлежать разсмотрѣнію и утвержденію правительственныхъ органовъ.

Право свободнаго устройства союзовъ и собраній даровано русскимъ гражданамъ Манифестомъ 17 октября 1905 года. Осуществленіе этихъ правъ, впредь до изданія постояннаго по этому предмету закона, нормируется временными правилами, изданными 4-го марта 1906 года.

---

[1] Запрещается всѣмъ и каждому заводить и вчинать въ городѣ общество, товарищество, братство или иное подобное собраніе безъ вѣдома или согласія правительства (ст. 116 уст. о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, изд. 1890 года).

Правила о публичныхъ собраніяхъ.

Право устройства публичныхъ собраній было признано и получило регулированіе на новыхъ началахъ еще за нѣсколько дней до изданія названнаго Манифеста. 12-го октября 1905 г. былъ изданъ Именной Высочайшій Указъ, которымъ, „въ виду неполноты дѣйствующихъ постановленій о собраніяхъ", признано было нужнымъ, впредь до изданія общаго о собраніяхъ узаконенія, установить временныя по этому предмету правила. Эти временныя правила о собраніяхъ 12-го октября 1905 г. были затѣмъ подвергнуты пересмотру и взамѣнъ ихъ 4 марта 1906 г. были изданы новыя, также временныя, правила о собраніяхъ. Пересмотръ былъ вызванъ сознаніемъ необходимости провести болѣе точное разграниченіе понятій частнаго и публичнаго собранія въ виду обнаружившагося на практикѣ стремленія, въ обходъ ограниченій закона для публичныхъ собраній, придавать характеръ собраній частныхъ „многолюднымъ и крайне опаснымъ по своимъ послѣдствіямъ собраніямъ".

При выработкѣ правилъ о собраніяхъ имѣлись въ виду образцы западно-европейскаго законодательства по этому предмету (болѣе всего прусскій законъ 1850 г., отчасти французскій 1881 г.), при чемъ особенное вниманіе составителей правилъ сосредоточивалось на изысканіи мѣръ огражденія порядка.

Общій характеръ правилъ о собраніяхъ 4 марта 1906 г. выступаетъ изъ тѣхъ соображеній, которыя были высказаны при обсужденіи ихъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Въ разъясненіе выработанныхъ правилъ предсѣдателемъ совѣта министровъ (гр. Витте) было заявлено, „что возвѣщенная манифестомъ 17 октября 1905 г. свобода собраній отнюдь не должна быть понимаема какъ полная и ничѣмъ не ограниченная возможность всѣхъ и каждаго собираться въ любомъ мѣстѣ и по всякому поводу, съ какими бы то ни было цѣлями. Ни одно иностранное законодательство не понимаетъ такъ свободы собраній. Осуществленіе свободы собраній возможно лишь въ предѣлахъ, очерченныхъ закономъ, и не должно угрожать общественному спокойствію и безопасности. Поэтому и пересматриваемый нынѣ законъ о собра-

ніяхъ имѣетъ ближайшею своею задачею установленіе такихъ правилъ, которыя, ограждая населеніе отъ излишнихъ стѣсненій, вмѣстѣ съ тѣмъ давали бы и прочныя гарантіи тому, что свобода собраній не послужитъ въ ущербъ государственнымъ и общественнымъ интересамъ". Въ другомъ мѣстѣ соображеній Государственнаго Совѣта высказано было, что „правила проекта о собраніяхъ имѣютъ своею цѣлью дать и населенію, и администраціи возможно болѣе точныя указанія на то, какія собранія могутъ считаться частными, допускаемыми безъ всякихъ разрѣшеній, и какія — публичными, подлежащими дѣйствію проектированныхъ правилъ. Въ самомъ законѣ должно быть опредѣлено, кто не допускается въ публичныя собранія и гдѣ они не могутъ разрѣшаться во избѣжаніе напрасныхъ обвиненій въ произвольныхъ дѣйствіяхъ административнаго начальства и въ цѣляхъ объединенія исходящихъ отъ органовъ управленія распоряженій". Наконецъ, вліяніе обстоятельствъ бурнаго времени сказалось и въ слѣдующей общей характеристикѣ того отношенія, какое встрѣтилъ проектъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Послѣдній нашелъ, „что въ общемъ предначертанныя правила соотвѣтствуютъ намѣченной задачѣ и условіямъ еще продолжающагося въ населеніи броженія. Правила эти, само собою разумѣется, не имѣютъ въ виду стѣснить и ограничить свободу собраній, не преслѣдующихъ цѣлей, противныхъ закону. Предоставленіе всякому права устройства собранія по правиламъ проекта подачею письменнаго заявленія на имя высшихъ представителей мѣстной полицейской власти и широкое право обжалованія ихъ распоряженій должно служить достаточнымъ обезпеченіемъ той свободы, которою каждый въ правѣ пользоваться на основаніи и въ предѣлахъ законовъ".

Правила 4 марта 1906 г. создаютъ слѣдующія нормы въ отношеніи къ устройству публичныхъ собраній (собранія, не почитаемыя публичными, дозволяется свободно устраивать безъ заявленія и разрѣшенія правительственной власти).

Понятіе „публичнаго собранія" опредѣляется такъ: „Публичными собраніями признавать собранія, доступныя неопредѣленному числу лицъ, или хотя бы опредѣленному

числу лицъ, но лично неизвѣстныхъ устроителямъ собранія. Собранія же, въ коихъ участвуютъ одни члены законно существующаго общества или союза и постороннія лица не присутствуютъ, не считать публичными. Собранія, устраиваемыя въ театрахъ, концертныхъ и выставочныхъ залахъ, въ зданіяхъ общественныхъ и сословныхъ учрежденій и въ помѣщеніяхъ, спеціально для публичныхъ собраній приспособленныхъ, или отдаваемыхъ для этой цѣли въ наемъ, признавать публичными".

Въ отношеніи къ мѣсту или помѣщеніямъ, въ которыхъ могутъ быть устраиваемы публичныя собранія, правила создаютъ рядъ ограниченій. Во 1-хъ, въ помѣщеніяхъ, занимаемыхъ учебными заведеніями, могутъ быть устраиваемы публичныя собранія только учебнаго характера или такія, которыя разрѣшены дѣйствующими уставами учебныхъ заведеній или изданными о нихъ правилами. Во 2-хъ, публичныя собранія всякаго рода подъ открытымъ небомъ допускаются, съ соблюденіемъ настоящихъ правилъ, не иначе, какъ съ особаго, каждый разъ, разрѣшенія губернатора или градоначальника, или начальника мѣстной полицейской власти, по принадлежности. Въ 3-хъ, не допускается совершенно устройство публичныхъ собраній въ закрытыхъ помѣщеніяхъ на разстояніи полуверсты, а подъ открытымъ небомъ на разстояніи двухъ верстъ отъ мѣста дѣйствительнаго пребыванія Государя Императора или отъ мѣста засѣданій Государственнаго Совѣта и Государственной Думы во время ихъ сессій. Въ 4-хъ, публичныя собранія не могутъ быть устраиваемы въ гостинницахъ, ресторанахъ, общественныхъ столовыхъ, кухмистерскихъ, трактирахъ и тому подобныхъ заведеніяхъ. Послѣднее ограниченіе нельзя не признать излишне стѣснительнымъ для публики, а соображенія въ пользу такого ограниченія, высказанныя въ Государственномъ Совѣтѣ, неосновательными. Устройство публичныхъ собраній въ названныхъ помѣщеніяхъ, „гдѣ постоянно сбираются посѣтители для совершенно иныхъ цѣлей, можетъ вызывать нежелательныя послѣдствія нарушенія общественной тишины и спокойствія и чрезвычайно затруднило бы административную власть въ надзорѣ за таковыми собраніями". Интересы посѣтителей ресторановъ и отелей

нимало не пострадали бы отъ того, что въ особыхъ залахъ происходили бы собранія, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ опытъ другихъ странъ, гдѣ именно чаще всего въ названныхъ мѣстахъ устраиваются публичныя собранія. Указаніе на затруднительность надзора также не выдерживаетъ критики: такія собранія могли бы устраиваться, конечно, не иначе какъ при соблюденіи общаго требованія заявленія, и слѣдовательно административная власть всегда могла бы осуществить свое право надзора; извѣстная же затруднительность послѣдняго никоимъ образомъ не можетъ служить разумнымъ и правомѣрнымъ основаніемъ для лишенія населенія тѣхъ или иныхъ удобствъ въ осуществленіи имъ признаннаго за нимъ права.

Желающій устроить публичное собраніе обязанъ письменно заявить о томъ начальнику мѣстной полиціи (градоначальнику, оберъ полицеймейстеру либо полицеймейстеру или исправнику либо соотвѣтствующему ему должностному лицу) не позднѣе какъ за трое сутокъ до открытія собранія; если о собраніи предполагается дать публикацію, то заявленіе должно быть представлено за трое сутокъ до такого оглашенія. Срокъ подачи заявленій удлиняется до семи сутокъ для собраній, созываемыхъ не въ мѣстѣ постояннаго пребыванія начальника полиціи. Въ заявленіи должны быть точно указаны день, часъ, мѣсто и предметъ занятій собранія, а также имя, отчество, фамилія и мѣсто жительства устроителя или устроителей собранія. Если въ собраніи назначено выслушаніе доклада, сообщенія или рѣчи заранѣе опредѣленнаго лица, то и его имя, отчество, фамилія и мѣсто жительства должны быть указаны въ заявленіи.

Начальнику полиціи предоставлено воспрещать публичныя собранія, цѣль или предметъ занятій которыхъ противны уголовнымъ законамъ, либо общественной нравственности, или устройство которыхъ угрожаетъ общественнымъ спокойствію и безопасности, либо не можетъ быть допущено въ мѣстахъ, въ которыхъ правилами не допускается устройство публичныхъ собраній. О воспрещеніи собранія, съ указаніемъ, по какому изъ перечисленныхъ основаній оно послѣдовало, устроители извѣщаются за однѣ сутки до предположеннаго открытія собранія или оглашенія о немъ.

На публичныя собранія не допускаются лица вооруженныя, за исключеніемъ тѣхъ, которымъ ношеніе оружія присвоено по закону, а также учащіеся въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, безъ разрѣшенія ихъ учебнаго начальства, и вообще малолѣтніе. Для военныхъ установлены особыми правилами ограниченія по участію ихъ въ публичныхъ собраніяхъ.

Губернатору или начальнику мѣстной полиціи предоставляется назначать для присутствія на публичномъ собраніи должностное лицо, которому. по его указанію, распорядителями собранія отводится мѣсто.

Надзоръ за соблюденіемъ порядка въ публичномъ собраніи возлагается на устроителей его, которые могутъ изъ своей среды выбрать одного или нѣсколькихъ распорядителей, при чемъ имена послѣднихъ до открытія собранія должны быть сообщены начальнику мѣстной полиціи или назначенному для присутствія на собраніи должностному лицу. Если собраніемъ избранъ предсѣдатель, то обязанности надзора переходятъ къ нему.

При наличности всякихъ противозаконныхъ проявленій со стороны участниковъ собранія лицо, на которое возлагается надзоръ за порядкомъ, обязано устранять такія проявленія и немедленно принимать мѣры къ возстановленію порядка. На обязанность надзирающаго за порядкомъ возлагается распорядиться закрытіемъ собранія, если послѣ двукратнаго предупрежденія порядокъ въ собраніи не будетъ возстановленъ, въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) когда оно явно уклонится отъ предмета его занятій; 2) когда въ собраніи высказываются сужденія, возбуждающія вражду одной части населенія противъ другой; 3) когда въ собраніи производятся неразрѣшенные денежные сборы; 4) когда въ немъ оказываются лица, въ собранія не допускаемыя, и эти лица не покинутъ собранія или не будутъ изъ него удалены; 5) когда нарушенъ порядокъ собранія мятежными возгласами либо заявленіями, восхваленіемъ либо оправданіемъ преступленій, возбужденіемъ къ насилію либо неповиновенію властямъ, или же распространеніемъ преступныхъ воззваній либо изданій, и, вслѣдствіе того, собраніе приняло характеръ, угрожающій общественному спокойствію и безопасности.

При наличности этихъ условій должностное лицо, присутствующее на собраніи, требуетъ закрытія его и, при неисполненіи этого требованія, по двукратномъ предупрежденіи, закрываетъ собраніе своею властью.

Публичное собраніе, состоявшееся безъ предварительнаго заявленія или требуемаго правилами разрѣшенія, или же вопреки воспрещенію, закрывается полиціею. По объявленіи собранія закрытымъ участники его обязаны разойтись; при неисполненіи этого они удаляются мѣрами полиціи.

Изложенныя правила имѣютъ примѣненіе и къ публичнымъ собраніямъ съѣздовъ, при чемъ разрѣшеніе съѣздовъ, если порядокъ ихъ созыва не установленъ закономъ или Высочайше утвержденнымъ уставомъ, предоставляется министру внутреннихъ дѣлъ по соглашенію съ подлежащими министрами или главноуправляющими.

Распоряженія и дѣйствія должностныхъ лицъ по воспрещенію или закрытію публичныхъ собраній могутъ подлежать обжалованію въ общеустановленномъ порядкѣ. Такія жалобы, въ случаѣ подачи ихъ тому должностному лицу, дѣйствія котораго обжалованы, представляются по начальству, вмѣстѣ съ необходимымъ объясненіемъ, въ трехдневный со времени подачи срокъ; если жалоба подана непосредственно начальству, объясненія должны быть представлены въ трехдневный срокъ по истребованіи объясненій. Разсмотрѣніе жалобъ производится безъ всякаго промедленія (однако срокъ отвѣта по жалобѣ не установленъ, и этимъ дается возможность произвольно раздвигать рамки „промедленія“).

Закономъ 4 марта 1906 г. установлены и карательныя нормы для нарушителей его предписаній. Арестомъ на срокъ не свыше трехъ мѣсяцевъ или денежнымъ взысканіемъ не свыше трехсотъ рублей наказываются виновные въ устройствѣ собранія безъ надлежащаго заявленія или собранія, завѣдомо неразрѣшеннаго, а равно устроители, распорядители или предсѣдатель законно состоявшагося собранія, виновные въ неисполненіи обязанностей, возлагаемыхъ на нихъ правилами. Тому же наказанію подлежатъ: 1) лица, явившіяся вооруженными въ публичное собраніе, если этимъ лицамъ ношеніе оружія не присвоено по закону,

и 2) лица, которыя будутъ продолжать занятія въ публичномъ собраніи послѣ того, какъ оно завѣдомо объявлено закрытымъ. Меньшее наказаніе, арестъ на срокъ не свыше одного мѣсяца или денежное взысканіе не свыше ста рублей угрожаетъ виновнымъ въ участіи въ публичныхъ собраніяхъ, завѣдомо созванныхъ безъ надлежащаго заявленія или завѣдомо неразрѣшенныхъ или воспрещенныхъ, а также и лицамъ, участвовавшимъ хотя и въ законно созванномъ собраніи, но во время занятій его своими противозаконными дѣйствіями или рѣчами вызвавшимъ закрытіе собранія. Упомянутыя наказанія налагаются въ тѣхъ случаяхъ, когда виновные не подлежатъ болѣе строгому наказанію за учиненное ими преступное дѣяніе.

Дѣла о нарушеніи правилъ о собраніяхъ отнесены къ вѣдѣнію мировыхъ судей, а въ мѣстностяхъ, въ которыхъ введено положеніе объ участковыхъ земскихъ начальникахъ—уѣздныхъ членовъ окружныхъ судовъ.

Въ законѣ особо оговорено, что дѣйствіе установленныхъ имъ правилъ не распространяется на религіозныя и молитвенныя собранія, а также на происходящія въ обычномъ порядкѣ похоронныя шествія, крестные ходы и другія религіозныя процессіи, о мѣстѣ и времени которыхъ въ столицахъ и городахъ предваряется мѣстная полицейская власть.

Дѣйствіе правилъ 4 марта 1906 г. не распространяется также на подготовительныя къ выборамъ въ Государственную Думу собранія выборщиковъ. По закону 11 декабря 1905 г. о выборахъ въ Государственную Думу, въ собраніи выборщиковъ чины полиціи не присутствуютъ, но наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы постороннія лица не имѣли доступа въ помѣщеніе, въ которомъ происходитъ собраніе. Что касается подготовительныхъ собраній избирателей, то наиболѣе существеннымъ облегченіемъ для нихъ является установленіе лишь суточного срока для подачи заявленія начальнику мѣстной полиціи. Такія подготовительныя собранія могутъ происходить лишь въ закрытыхъ помѣщеніяхъ; участвовать въ нихъ могутъ лишь тѣ избиратели, которые принадлежатъ къ составу даннаго избирательнаго съѣзда или участка.

Правила объ обществахъ и союзахъ.

Манифестомъ 17 октября 1905 г. свобода союзовъ была возвѣщена какъ одно изъ тѣхъ началъ, на которыхъ зиждутся основы дарованной манифестомъ гражданской свободы. Необходимость установить нормы осуществленія права населенія устраивать общества, потребность въ чемъ выступила съ особою яркостью въ новыхъ условіяхъ жизни страны, побудила правительство озаботиться изданіемъ временнаго закона по этому предмету, впредь до изданія постояннаго закона въ новомъ законодательномъ порядкѣ. Выработанный проектъ временныхъ правилъ былъ подвергнутъ обсужденію въ Государственномъ Совѣтѣ, и 4 марта 1906 г. правила эти получили Высочайшее утвержденіе.

Законъ этотъ заключаетъ въ себѣ двѣ главныя части: 1) общія правила объ обществахъ и союзахъ и 2) правила о профессіональныхъ обществахъ, учреждаемыхъ для лицъ, занятыхъ въ торговыхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ, или для владѣльцевъ этихъ предпріятій.

Законъ прежде всего опредѣляетъ самое понятіе „общества“ и „союза“. Обществомъ почитается соединеніе нѣсколькихъ лицъ, которыя, не имѣя задачею полученіе для себя прибыли отъ веденія какого-либо предпріятія, избрали предметомъ своей совокупной дѣятельности опредѣленную цѣль, а союзомъ — соединеніе двухъ или нѣсколькихъ такихъ обществъ, хотя бы черезъ посредство ихъ уполномоченныхъ.

„Общества и союзы, — гласитъ ст. 2 временныхъ правилъ, — могутъ быть образуемы безъ испрошенія на то разрѣшенія правительственной власти, съ соблюденіемъ правилъ, изложенныхъ въ нижеслѣдующихъ статьяхъ“. Выраженный въ этомъ положеніи принципъ встрѣчаетъ въ правилахъ весьма существенныя ограниченія, при наличности которыхъ весьма скромною оказывается область свободы, нормированной новымъ порядкомъ взамѣнъ прежней системы „разрѣшенія правительственной власти“.

Регламентированіе этого новаго порядка предварено указаніями относительно того, на какія общества не распространяется дѣйствіе временныхъ правилъ, какія общества воспрещаются, а также, какимъ ограниченіямъ подлежатъ

отдѣльныя категоріи лицъ по устройству обществъ и союзовъ.

Дѣйствіе временныхъ правилъ 4 марта 1906 г. не распространяется: 1) на союзы и общества, преслѣдующія религіозныя цѣли (такія общества регулируются иными узаконеніями) и 2) на общества, образуемыя, съ разрѣшенія учебнаго начальства, учащимися въ учебныхъ заведеніяхъ изъ своей среды. Съ другой стороны, уставы обществъ и союзовъ, образуемыхъ на основаніяхъ, не соотвѣтствующихъ правиламъ настоящаго узаконенія, должны быть представляемы, въ проектахъ, подлежащему министру или главноуправляющему для утвержденія ихъ въ установленномъ порядкѣ.

Общее указаніе о томъ, какого рода общества не дозволяются, выражено такъ: „Воспрещаются общества: а) преслѣдующія цѣли, противныя общественной нравственности, или воспрещенныя уголовнымъ закономъ, или же угрожающія общественнымъ спокойствію и безопасности, и б) управляемыя учрежденіями или лицами, находящимися заграницею, если общества эти преслѣдуютъ политическія цѣли".

Несовершеннолѣтніе и учащіеся въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ вовсе не допускаются ни къ образованію обществъ, ни къ участію въ нихъ. Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ могутъ быть допускаемы къ образованію обществъ, дѣйствующихъ внѣ учебныхъ заведеній, и къ участію въ такихъ обществахъ лишь на основаніяхъ, особо опредѣляемыхъ въ уставахъ подлежащихъ заведеній. Въ отношеніи къ состоящимъ на военной службѣ сохранены особыя правила 16 декабря 1905 г.

Значительное вниманіе удѣлено нормированію правъ по устройству обществъ служащими въ правительственныхъ установленіяхъ и нѣкоторыхъ предпріятіяхъ общаго пользованія. Служащимъ, хотя бы по вольному найму, въ правительственныхъ установленіяхъ или на казенныхъ и частныхъ желѣзныхъ дорогахъ или въ телефонныхъ предпріятіяхъ общаго пользованія, предоставляется образовывать въ своей средѣ общества для цѣлей благотворительныхъ или для удовлетворенія духовныхъ и матеріальныхъ своихъ потребностей, но не иначе, какъ на основаніи уставовъ, утвер-

ждаемыхъ начальствомъ. Такія общества не могутъ въ своей дѣятельности преслѣдовать цѣли политическія или же несовмѣстныя съ требованіями служебнаго долга, съ служебными отношеніями и съ существующимъ порядкомъ и условіями службы. Соединеніе обществъ служащихъ въ союзы воспрещается. Министръ или главноуправляющій можетъ закрыть такія общества, если усмотритъ, что дѣятельность ихъ отклонилась отъ ихъ устава. Означеннымъ служащимъ образованіе обществъ внѣ ихъ среды и участіе въ такихъ обществахъ можетъ быть воспрещено, если это будетъ признано ихъ начальствомъ несоотвѣтствующимъ требованіямъ службы.

Завѣдываніе дѣлами объ открытіи, регистраціи, воспрещеніи и закрытіи обществъ и союзовъ ввѣряется губернскимъ и областнымъ по дѣламъ объ обществахъ присутствіямъ. Составъ ихъ тотъ же, что и составъ губернскихъ по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствій. По отношенію къ производству дѣлъ въ названныхъ присутствіяхъ можно отмѣтить слѣдующія нормы, вносящія нѣкоторыя новыя детали въ порядокъ дѣятельности этихъ органовъ административной юстиціи у насъ. О днѣ слушанія дѣла въ присутствіи извѣщаются заинтересованныя въ немъ лица; неявка ихъ въ засѣданіе не останавливаетъ разсмотрѣнія дѣла, а явившіяся допускаются къ представленію словесныхъ объясненій. Опредѣленія присутствія могутъ быть обжалованы заинтересованными лицами въ двухнедѣльный со времени объявленія имъ опредѣленія срокъ, въ первый департаментъ Правительствующаго Сената, при чемъ жалобы подаются въ присутствіе и представляются въ Сенатъ губернаторомъ съ объясненіями присутствія. Губернатору или градоначальнику предоставляется возможность парализировать рѣшеніе присутствія. Онъ, если не признаетъ возможнымъ согласиться съ рѣшеніемъ большинства членовъ присутствія, пріостанавливаетъ исполненіе такого рѣшенія и представляетъ дѣло министру внутреннихъ дѣлъ, который либо предлагаетъ губернатору о приведеніи рѣшенія въ исполненіе, либо входитъ въ Правительствующій Сенатъ съ представленіемъ объ отмѣнѣ рѣшенія. Первый департаментъ

Правительствующаго Сената разрѣшаетъ всѣ дѣла объ обществахъ окончательно.

Въ отношеніи къ процедурѣ образованія обществъ имѣется нѣкоторое различіе въ зависимости отъ того, намѣревается ли общество пользоваться правами юридическаго лица, а именно правами пріобрѣтать и отчуждать недвижимое имущество, образовывать капиталы, заключать договоры, вступать въ обязательства, искать и отвѣчать на судѣ. Въ отношеніи къ обществамъ съ правами юридическихъ лицъ необходимымъ условіемъ является регистрація на основаніи особаго устава.

Наличность особаго устава не представляется необходимою при образованіи обществъ, не ищущихъ правъ юридическаго лица. Устроители такого общества обязаны представить губернатору или градоначальнику письменное о томъ заявленіе (съ указаніемъ въ немъ цѣли общества, именъ, званій и адреса учредителей, района дѣйствій общества, порядка избранія распорядителей его или правленія, порядка вступленія и выбытія членовъ). Губернаторъ или градоначальникъ, если встрѣчаетъ препятствіе къ образованію общества, передаетъ заявленіе на разсмотрѣніе присутствія. При этомъ, если въ теченіе двухъ недѣль со времени полученія заявленія губернаторомъ, лицамъ, подавшимъ заявленіе, не будетъ сообщено опредѣленіе присутствія объ отказѣ, съ точнымъ указаніемъ основаній къ послѣднему, общество можетъ открыть свои дѣйствія.

При образованіи обществъ съ правами юридическихъ лицъ, заявленіе представляется учредителями общества съ нотаріальнымъ засвидѣтельствованіемъ ихъ законной правоспособности и подлинности подписей и съ приложеніемъ завѣреннаго ими проекта устава, въ двухъ экземплярахъ, а также денегъ на напечатаніе въ сенатскихъ объявленіяхъ и мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ публикацій объ образованіи общества. Присутствіе обязано разсмотрѣть проектъ устава въ теченіе мѣсячнаго срока со дня подачи заявленія губернатору или градоначальнику. Присутствіе разрѣшаетъ регистрацію или отказываетъ въ ней. Въ послѣднемъ случаѣ учредители могутъ обжаловать рѣшеніе въ Сенатъ въ указанномъ выше порядкѣ. Въ случаѣ положительнаго рѣше-

нія присутствія, по вступленіи его въ законную силу регистрація производится посредствомъ внесенія общества въ реестръ установленной формы, который ведется при дѣлопроизводствѣ присутствія. Съ момента внесенія въ реестръ общество можетъ приступить къ пользованію правами, указанными въ его уставѣ. Въ отношеніи къ публичнымъ собраніямъ, устраиваемымъ обществами, оговорено, что такія собранія подчиняются дѣйствующимъ о нихъ постановленіямъ. О составѣ правленія или о распорядителяхъ, немедленно по ихъ избраніи, должно быть сообщено губернатору или градоначальнику или начальнику мѣстной полиціи; такія же письменныя заявленія должны быть дѣлаемы и о каждомъ измѣненіи въ составѣ распорядителей или правленія, объ открытіи или закрытія отдѣленій общества и о закрытіи самого общества.

Для измѣненія въ условіяхъ дѣятельности общества или въ уставѣ зарегистрированнаго общества, долженъ быть соблюдаемъ тотъ же порядокъ, что и при открытіи общества.

Нарушеніе обществомъ требованій закона, уклоненіе отъ указанныхъ въ уставахъ или въ заявленіяхъ условій дѣятельности даютъ основаніе губернатору или градоначальнику предложить на разрѣшеніе присутствія о закрытіи общества. Въ этихъ случаяхъ губернатору или градоначальнику предоставляется, до внесенія дѣла о закрытіи общества въ присутствіе, предложить самому обществу, въ назначенный срокъ, принять мѣры къ устраненію допущенныхъ обществомъ неправильностей. Губернатору или градоначальнику, кромѣ того, предоставляется право пріостановить собственною властью дѣйствія общества, если дѣятельность его угрожаетъ общественной безопасности и спокойствію или принимаетъ явно безнравственное направленіе. Дѣлая распоряженіе о пріостановкѣ дѣйствій общества, губернаторъ или градоначальникъ о закрытіи его предлагаетъ на разрѣшеніе присутствія. Относительно обществъ, въ которыхъ образованы отдѣленія, а также союзовъ широкія полномочія законъ даетъ министру внутреннихъ дѣлъ: ему предоставляется во всякое время, по ближайшему своему усмотрѣнію, закрывать упомянутыя общества и союзы, если дѣятель-

ность ихъ признается имъ утрожающею общественному спокойствію или безопасности.

Въ случаѣ прекращенія дѣйствій общества, имущество его, если въ уставѣ нѣтъ указаній о его назначеніи, поступаетъ, за удовлетвореніемъ долговъ общества, въ вѣдѣніе правительства для употребленія на цѣли, наиболѣе отвѣчающія задачамъ закрытаго общества. Если же имущество служило для личныхъ удобствъ и выгодъ его членовъ и если оно, по постановленію общаго собранія, не было пожертвовано для какой-либо благотворительной цѣли, то, по закрытіи общества, оставшееся за удовлетвореніемъ долговъ его имущество распредѣляется поровну между всѣми членами, входящими въ составъ общества во время его закрытія.

Профессіональныя общества выдѣлены въ законѣ 4 марта 1906 г. особо, при чемъ и къ нимъ примѣнимы многія изъ изложенныхъ постановленій, а именно: о правахъ юридическаго лица, объ условіяхъ закрытія и о ликвидаціи имущества.

Данное въ законѣ опредѣленіе понятія „профессіональныхъ обществъ“ охватываетъ какъ общества рабочихъ и служащихъ, такъ и общества владѣльцевъ предпріятій торговыхъ и промышленныхъ. „Профессіональныя общества имѣютъ цѣлью выясненіе и согласованіе экономическихъ интересовъ, улучшеніе условій труда своихъ членовъ или поднятіе производительности принадлежащихъ имъ предпріятій“. Въ законѣ перечисляются тѣ интересы, которые такія общества могутъ ставить себѣ цѣлью, а именно: 1) изысканіе способовъ къ устраненію, посредствомъ соглашенія или третейскаго разбирательства, недоразумѣній, возникающихъ на почвѣ договорныхъ условій между нанимателями и нанимаемыми; 2) выясненіе размѣровъ заработной платы и другихъ условій труда въ различныхъ отрасляхъ промышленности и торговли; 3) выдачу пособій своимъ членамъ; 4) устройство кассъ похоронныхъ, приданыхъ, взаимопомощи и т. п.; 5) устройство библіотекъ, профессіональныхъ школъ, курсовъ и чтеній; 6) доставленіе своимъ членамъ возможности выгоднаго пріобрѣтенія предметовъ первой необходимости и орудій производства: 7) оказаніе

содѣйствія по пріисканію работы или рабочихъ рукъ, и 8) оказаніе юридической помощи своимъ членамъ.

Профессіональныя общества подлежатъ непремѣнной регистраціи по уставамъ, въ которыхъ предусматриваются всѣ подробности назначенія, организаціи и способовъ дѣятельности общества. Заявленія объ образованіи общества профессіональнаго подаются старшему фабричному инспектору или окружному горному инженеру, а этими лицами передаются въ губернское или городское по дѣламъ объ обществахъ присутствіе для разсмотрѣнія и дальнѣйшаго движенія въ описанномъ выше порядкѣ.

Профессіональныя общества могутъ открывать отдѣленія для опредѣленыхъ мѣстностей или для опредѣленныхъ группъ своихъ членовъ съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы такія отдѣленія не имѣли особаго отъ общества управленія. Соединеніе двухъ или нѣсколькихъ профессіональныхъ обществъ въ союзъ воспрещается. Воспрещаются также профессіональныя общества, управляемыя учрежденіями или лицами, находящимися за-границею.

Въ составъ профессіональнаго общества могутъ входить только тѣ лица обоего пола, которыя занимаются въ торговыхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ одинаковыми или имѣющими между собою связь работами или промыслами, а также владѣльцы одинаковыхъ, однородныхъ либо имѣющихъ между собою связь предпріятій. Несовершеннолѣтніе могутъ вступать въ профессіональное общество, если въ уставѣ его не имѣется ограничительныхъ въ этомъ отношеніи постановленій.

Въ законъ 4 марта 1906 г. объ обществахъ и союзахъ внесена и ст. 124 уголовнаго уложенія 1903 т., въ редакціи, измѣненной въ соотвѣтствіе съ измѣнившимися условіями образованія и дѣятельности обществъ. Арестомъ на срокъ не свыше трехъ мѣсяцевъ или денежною пенею не свыше трехсотъ рублей наказывается виновный въ образованіи или участіи въ обществѣ или союзѣ, съ нарушеніемъ установленныхъ закономъ правилъ, а также служащій, виновный въ нарушеніи законнаго распоряженія власти, запрещающаго ему образованіе общества или участіе въ немъ. Болѣе тяжкое наказаніе, а именно заключеніе въ крѣпости

на срокъ не свыше одного года или заключеніе въ тюрьмѣ угрожаетъ въ тѣхъ случаяхъ, если виновный образовалъ общество или союзъ или участвовалъ въ немъ: 1) завѣдомо, что общество или союзъ преслѣдуетъ цѣли, воспрещенныя закономъ уголовнымъ или противныя нравственности или угрожающія общественному спокойствію или безопасности, или же завѣдомо, что общество служащихъ преслѣдуетъ цѣли политическія или несовмѣстныя со служебнымъ долгомъ; 2) завѣдомо, что общество или союзъ, съ политическими цѣлями, или профессіональное общество управляются учрежденіями или лицами, находящимися за-границею; 3) завѣдомо, что общество или союзъ не разрѣшенъ, воспрещенъ или закрытъ подлежащею властью, или что дѣйствіе его пріостановлено; 4) завѣдомо, что общество или союзъ принимаетъ особыя мѣры для сокрытія своего существованія или преслѣдуемыхъ имъ цѣлей или порядка его управленія, или лицъ, принимающихъ участіе въ управленіи. Тому же наказанію подлежатъ виновные въ образованіи союза обществъ служащихъ или союза профессіональныхъ обществъ, а также въ участіи въ такихъ союзахъ.

Дѣла о преступныхъ дѣяніяхъ, предусмотрѣнныхъ ст. 124. подлежатъ вѣдѣнію окружныхъ судовъ.

III. ПОЛИЦІЯ ПЕЧАТИ [1].

Пресса и государство.—Система предупредительныхъ мѣръ и система репрессивная.

Возникновеніе предварительной цензуры.—Книгопечатаніе и духовенство.—Первые опыты цензуры.—Буллы 1501 и 1515 гг.—Index librorum prohibitorum.—Цензура и свѣтская власть.

Очеркъ исторіи полиціи печати въ Англіи.—Генрихъ VIII.—Елизавета.—Звѣздная палата и ея декреты (1585 и 1637 гг.)—Цензура и суровыя мѣры полиціи печати.—Отмѣна предварительной цензуры (1695 г.).—Значеніе

---

[1] Кромѣ указанныхъ выше (стр. 21) Meyer, Loening, Seydel, Berthélemy—P. Kloeppel Das Reichspressrecht. Lpzg. 1894.—Lorenz von Stein. Die Verwaltungslehre VI (1868): Die allgemeine Bildung und die Presse.—Barbier. Traité général de la police, de la presse et du délit des publications, 2 vol. Par. 1876.—G. Le Poittevin Traité de la presse. 3 vol. Par. 1902—1904.—H Avenel. Histoire de la presse française depuis 1789 jusqu'à nos jours Par. 1900.—Fisher and Strahan. The Law of the Press. Lond. 1891.—Sir. J-F. Stephen. A. History of the Criminal Law of England (Lond 1883). Томъ II, стр. 298—395.—А. Дайси. Основы государственнаго права Англіи. Пер. съ англ. Спб. 1891.—В. Ѳ. Дерюжинскій. Изъ исторіи политической свободы въ Англіи и Франціи. Спб. 1906 (Статьи. „Свобода печати и судъ присяжныхъ въ Англіи" и „Печать во Франціи при Наполеонѣ I").—И. Я. Фойницкій. Моменты въ исторіи законодательства о печати (въ „Сборникѣ государственныхъ знаній", т. II и въ книгѣ „На досугѣ", Спб. 1900).—М. И. Сухомлиновъ. Изслѣдованія и статьи. Т. I.: Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Императора Александра I (Спб. 1883).—А. М. Скабичевскій. Очерки по исторіи русской цензуры. Спб. 1892.—К. К. Арсеньевъ. Законодательство о печати. Спб. 1903.—А. Д. Градовскій. О свободѣ русской печати. Спб. 1905.—Вл. Розенбергъ и В. Якушкинъ. Русская печать и цензура въ прошломъ и настоящемъ М. 1905.—М. Лемке. Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX столѣтія. Спб. 1904.—М. Лемке. Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—1865 годовъ. Спб. 1904.—Историческія свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи. Спб. 1862.—Сборникъ постановленій и распоряженій по цензурѣ съ 1720 по 1862 г. Спб. 1862.—Уставъ о цензурѣ и печати (съ разъясненіями, изд. В. П. Ширкова, Спб. 1900).

A Cahuet. La liberté du théâtre en France et á l'étranger. Histoire, fonctionnement et discussion de la censure dramatique. Par. 1902.

ел.—Законы о лайбелѣ и судопроизводство по дѣламъ печати.—Функціи присяжныхъ.—Фоксовъ Актъ (1792 г.) и упроченіе свободы печати.—Штемпельный сборъ, залоги, налогъ на объявленія и налогъ на бумагу.—Отмѣна ихъ.

Очеркъ исторіи полиціи печати во Франціи.—Предварительная цензура и Парижскій университетъ.—Королевскіе цензоры.—Регламентъ 1723 г.—Полиція печати въ XVIII ст.—Свобода печати и эпоха революціи.—Полиція печати при Наполеонѣ I.—Эпоха реставраціи (законы 1819 г.)—Іюльская монархія и революція 1848 г.—Декретъ 1852 г.—Административная система полиціи печати.—Законъ 1868 г.—Третья республика и законъ 1881 г. о свободѣ печати.

Законодательство о печати въ Германіи.—Эпоха предварительной цензуры.—Законъ о печати 1874 г.

Цензура театральныхъ произведеній въ иностранныхъ государствахъ (Англіи, Франціи, Бельгіи, Италіи, Германіи и Португаліи).

Историческій очеркъ законодательства о печати въ Россіи.—Первые зачатки полиціи печати при Петрѣ Великомъ.—Начало вольныхъ типографій (1771 г. и 1783 г.).—Дѣятельность Н. И. Новикова.—Судъ надъ А. Н. Радищевымъ. — Организація цензуры въ 1796 г. — Полиція печати при Павлѣ I.—Эпоха Александра I.—Первый цензурный уставъ 1804 г.—Уставъ 1826 г.; его особенности; суровость его постановленій.—Уставъ 1828 г.—Спеціальныя цензуры. — Эпоха „цензурнаго террора". — Реформы Александра II.—Расширеніе гласности.—А. В. Головнинъ и пересмотръ законодательства о печати.—Временныя правила 12 мая 1862 г.—Законъ 6 апрѣля 1865 г.—Временныя мѣры 1882 г.—Административныя мѣры и ихъ примѣненіе.—Типографіи и пр.—Духовная цензура.

Временныя правила о печати 1905 и 1906 г.г.

Подъ общимъ терминомъ „печать", „пресса" разумѣется совокупность различныхъ способовъ выраженія мысли, дѣлающихъ произведенія ея доступными одновременно большому количеству людей. Являясь главнымъ факторомъ просвѣщенія и могущественнымъ орудіемъ прогресса во всѣхъ отрасляхъ народной жизни, печать можетъ осуществлять свое назначеніе лишь при наличности благопріятныхъ условій, которыя гарантировали бы ея свободное развитіе. Установленіе этихъ условій есть одна изъ важнѣйшихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ труднѣйшихъ задачъ государственнаго управленія. Трудность ея вызывается главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что на-ряду съ обезпеченіемъ свободы печати государству надлежитъ имѣть въ виду возможность злоупотребленій свободою. Сообразно съ различными видами такихъ злоупотребленій, государству необходимо создать

систему соотвѣтственныхъ мѣръ, которыя, съ одной стороны, могли бы предупреждать ихъ, съ другой—устанавливали бы отвѣтственность за эти злоупотребленія. Совокупность такихъ мѣръ и обозначаютъ терминомъ „полиція печати", разумѣя слово „полиція" въ широкомъ смыслѣ.

Прошлая исторія и современная дѣйствительность раскрываютъ самыя разнообразныя комбинаціи условій, въ какихъ печати приходилось и приходится развиваться. При всемъ своемъ разнообразіи, мѣры государства по отношенію къ печати могутъ быть сведены къ двумъ главнымъ типамъ. Это, во 1-хъ, система предупредительныхъ мѣръ, въ основѣ которой лежитъ институтъ предварительной цензуры, и во 2-хъ, система репрессивная, въ основу которой полагаются не предупредительныя мѣры, а судебное преслѣдованіе возникающихъ въ области печати или при ея посредствѣ преступленій и правонарушеній. Съ каждой изъ этихъ системъ ознакомитъ обзоръ тѣхъ условій, въ какихъ находилась печать въ различныхъ государствахъ въ различные періоды ихъ исторіи.

Возникновеніе предварительной цензуры.

Первыя попытки установить предварительную цензуру для произведеній печати явились вскорѣ послѣ изобрѣтенія книгопечатанія. Это изобрѣтеніе, великое значеніе котораго на первыхъ же порахъ не подлежало никакому сомнѣнію, стало быстро распространяться. Выгоды и преимущества новаго способа выраженія мысли, облегчавшаго и упрощавшаго ея распространеніе, благодаря возможности въ короткое время воспроизвести большое количество экземпляровъ и вслѣдствіе этого удешевить ихъ стоимость, были очевидны и возбуждали восторгъ и удивленіе въ людяхъ того времени, имѣвшихъ до тѣхъ поръ въ своемъ распоряженіи лишь рукописную литературу. Несмотря на то, что она, подъ вліяніемъ давно уже начавшагося оживленія мысли, получила сильное развитіе, и производство рукописей приняло огромные размѣры, сдѣлалось даже промысломъ, занимавшимъ не малое количество рукъ, несмотря на это,

цѣна манускриптовъ была все-таки очень высока. Они были доступны лишь богатымъ людямъ, къ тому же и количество экземпляровъ по необходимости было весьма ограничено.

Около 1450 года типографское искусство возникло въ Майнцѣ и оттуда стало распространяться по умственнымъ центрамъ западной Европы: въ 1467 г. оно появляется въ Римѣ, въ 1469 г.—въ Венеціи, въ 1470 г.—въ Парижѣ. Къ концу XV-го вѣка въ разныхъ странахъ насчитываютъ уже болѣе 200 городовъ, имѣющихъ свои типографіи.

Если принять во вниманіе, что средніе вѣка вообще и въ особенности XV и XVI столѣтія были эпохой оживленія религіозной мысли по преимуществу, что къ этой эпохѣ относятся ожесточенныя богословскіе споры и распри, привлекавшіе къ себѣ вниманіе образованныхъ людей того времени, что тогдашняя литература и наука носили теологическій характеръ,—если принять все это во вниманіе, то неудивительнымъ представится тотъ фактъ, что первыя попытки вмѣшательства въ область печати съ цѣлью ограничить свободное выраженіе мысли были предприняты органами церковной власти.

Одинъ изъ наиболѣе раннихъ опытовъ устройства предварительной цензуры имѣлъ мѣсто въ Кёльнѣ. Органомъ ея является мѣстный университетъ, какъ свидѣтельствуютъ помѣтки [1] на книгахъ, напечатанныхъ въ Кёльнѣ въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ XV столѣтія (главнымъ образомъ въ 1479—1483 г.г., а одна въ 1475 г.).

Въ 1486 году установлена была цензура тамъ, гдѣ зародилось самое искусство книгопечатанія, въ Майнцѣ. Въ этомъ году Бертольдъ, архіепископъ Майнцкій, издалъ приказъ, воспрещавшій печатать переводы на нѣмецкій языкъ, особенно богословскихъ книгъ, безъ предварительнаго разсмотрѣнія и одобренія ихъ духовными властями [2]. Эта мѣра

---

[1] Цензурныя помѣтки дѣлались въ слѣдующей формѣ: Admissum (или temptatum или examinatum admissumque ac approbatum ab alma Universitate studii civitatis Colonıensis, de consensu et voluntate spectabilis et egregii viri pro tempore rectoris ejusdem. Fr. Reusch. Der Index der verbotener Bücher. I Band. (Bonn, 1883), стр. 56.—Kloeppel, стр. 15.

[2] Вотъ какъ мотивировано это воспрещеніе во вступленіи къ приказу: „При тѣхъ удобствахъ, какія божественное искусство книгопечатанія

имѣла лишь мѣстное значеніе, такъ какъ дѣйствіе ея распространялось лишь въ предѣлахъ Майнцкаго діоцеза. Весьма возможно, что и въ другихъ мѣстностяхъ представители духовной власти принимали подобныя же мѣры.

Въ началѣ XVI вѣка встрѣчаемъ мѣропріятіе болѣе общаго характера. Это—булла папы Александра VI-го (изд. въ 1501 году), которая установила правильную духовную цензуру въ четырехъ нѣмецкихъ провинціяхъ: Кёльна, Майнца, Трира и Магдебурга. Поводомъ къ изданію этой буллы послужило напечатаніе въ разныхъ мѣстностяхъ, а особенно въ названныхъ областяхъ „многихъ книгъ и трактатовъ, заключающихъ въ себѣ различныя ложныя и пагубныя доктрины, даже противныя святой христіанской вѣрѣ". "Желая безъ дальнѣйшаго промедленія остановить это гнусное

дало для пріобрѣтенія знаній, нашлись нѣкоторыя лица, злоупотребляющія этимъ изобрѣтеніемъ, употребляющія во вредъ человѣческому роду то, что предназначено къ его просвѣщенію. Въ самомъ дѣлѣ, книги о религіозныхъ обязанностяхъ и доктринахъ переводятся съ латинскаго языка на нѣмецкій и распространяются въ народѣ къ безчестію самой религіи, а нѣкоторые даже возымѣли дерзость сдѣлать на обыкновенномъ языкѣ невѣрные переводы церковныхъ каноновъ, составляющихъ область науки столь трудной, что она одна можетъ занять всю жизнь самаго ученаго мужа. Возможно ли думать, что нашъ нѣмецкій языкъ можетъ выразить то, что великіе авторы писали на греческомъ и латинскомъ языкахъ о глубочайшихъ тайнахъ вѣры христіанской и о наукѣ вообще? Конечно, это невозможно, а потому эти люди вынуждены изобрѣтать новыя слова или употреблять старыя въ извращенномъ смыслѣ,—вещь опасная, особенно, когда дѣло идетъ о Священномъ Писаніи. Ибо кто можетъ повѣрить, чтобы необразованные мужи или женщины, въ руки которыхъ попадутъ эти переводы, могли найти истинный смыслъ Евангелія или Посланій апостола Павла? Еще менѣе способны они разобраться въ вопросахъ, которые даже среди католическихъ писателей вызываютъ разногласіе. И такъ какъ это искусство изобрѣтено въ городѣ Майнцѣ, и мы по истинѣ можемъ сказать, съ Божественною помощью, и такъ какъ мы обязаны сохранить его во всей его славѣ, мы строго воспрещаемъ всѣмъ и каждому переводить на нѣмецкій языкъ или переведя распространять какія бы то ни было книги по какому то ни было вопросу, написанныя на языкахъ греческомъ, латинскомъ и другихъ иначе, какъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы эти переводы до ихъ напечатанія и до поступленія въ продажу были одобрены четырьмя нами назначенными докторами, подъ страхомъ отлученія отъ церкви, конфискаціи книгъ и штрафа, въ размѣрѣ ста золотыхъ флориновъ, въ пользу нашей казны". (H. Hallam, Histoire de la littérature de l'Europe pendant les XV, XVI et XVII siècles, trad. de l'anglais. Paris. 1839. Томъ I, стр. 253—254.

зло", папа счелъ нужнымъ воспретить, подъ страхомъ отлученія отъ церкви и денежныхъ штрафовъ, печатаніе какихъ-либо сочиненій безъ особаго на каждый разъ формальнаго дозволенія со стороны органовъ церковной власти.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ (въ 1515 г.) издана была папою Львомъ X новая булла, повелѣвающая, въ силу постановленія Латеранскаго собора, установить цензуру и въ другихъ мѣстностяхъ. „Отнынѣ и впредь на вѣчныя времена,— гласила эта булла „Inter sollicitudines:—никто не смѣетъ ни въ Римѣ, ни въ какихъ либо другихъ городахъ и діоцезахъ напечатать или поручить напечатать какую-либо книгу или какое-либо сочиненіе иначе какъ по тщательномъ разсмотрѣніи и по собственноручномъ подписаніи одобренія въ Римѣ нашего викарія и магистра священнаго двора, въ другихъ городахъ и діоцезахъ епископа или иного, свѣдущаго въ соотвѣтственной наукѣ и епископомъ на то уполномоченнаго лица и инквизитора того города или діоцеза, въ которомъ книга будетъ печататься, каковое одобреніе надлежитъ давать, подъ угрозою отлученія, безплатно и безъ замедленія". Нарушителямъ этого предписанія грозитъ, сверхъ отобранія книгъ и ихъ публичнаго сожженія, а также уплаты ста дукатовъ въ папскую казну и закрытія типографіи на одинъ годъ, отлученіе отъ церкви; въ случаѣ же упорства епископомъ или викаріемъ на виновныхъ могутъ быть наложены такія наказанія, „чтобы другіе не осмѣливались поступать по ихъ примѣру" [1].

Таковы первые опыты учрежденія цензуры надъ произведеніями печати. Иниціатива ихъ принадлежала представителямъ духовной власти, которые чувствовали себя особенно заинтересованными въ томъ, чтобы установить контроль надъ произведеніями мысли. Критическое направленіе ея, преимущественно въ области религіозныхъ вопросовъ, все болѣе и болѣе усиливалось и получило, наконецъ, свое величественное выраженіе въ движеніи Реформаціи. Стремленіе остановить это движеніе, а затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ оно разросталось, подавить его побуждало католицизмъ къ изысканію всевозможныхъ къ тому средствъ; въ числѣ

[1] Reusch, стр. 55—56.

ихъ далеко нѐ послѣднее значеніе придавалось предупредительнымъ и карательнымъ мѣрамъ по отношенію къ печати. Мало-по-малу въ короткій, сравнительно, періодъ времени предварительная цензура сдѣлалась явленіемъ повсемѣстнымъ въ западно-европейскихъ государствахъ.

Кромѣ цензуры католическое духовенство прибѣгало нерѣдко еще къ другому средству борьбы съ печатью, а именно къ изданію каталоговъ или списковъ запрещенныхъ книгъ—Index librorum prohibitorum. Случаи осужденія книгъ, признававшихся еретическими, имѣли мѣсто уже въ первые вѣка по установленіи христіанской церкви (при Константинѣ Вел. осужденію и сожженію подвергнуты были сочиненія Арія). Этотъ пріемъ еще болѣе развился въ средніе вѣка, когда весьма нерѣдки были случаи осужденія отдѣльныхъ сочиненій (напр. въ XII вѣкѣ сочиненія Абеляра). Въ 1415 г. Констанцскій соборъ опредѣлилъ воспретить чтеніе сочиненій Виклефа и Гуса. Съ развитіемъ еретическихъ книгъ эти мѣры сдѣлались еще болѣе частыми и энергичными.

Первый „каталогъ“ запрещенныхъ книгъ былъ изданъ въ 1546 году богословскимъ факультетомъ Лувенскаго университета, по распоряженію Карла V. Повелѣніемъ его въ 1550 году былъ изданъ новый каталогъ, оказавшій значительное вліяніе на дальнѣйшее развитіе этой мѣры борьбы съ печатью. Подобные же каталоги издавались и въ другихъ мѣстностяхъ.

Первымъ отъ имени папы опубликованнымъ каталогомъ запрещенныхъ книгъ является „Index“, изготовленный инквизиціею и изданный папою Павломъ IV въ Римѣ въ 1559 году [1]. Въ немъ книги распредѣлены въ алфавитномъ порядкѣ на три разряда: къ первому отнесены писатели, сочиненія которыхъ, какъ уже изданныя, такъ и тѣ, которыя будутъ ими написаны, подвергнуты безусловному запрещенію, хотя бы даже въ нихъ ничего не говорилось противъ религіи или о религіи; ко второму разряду отнесены писатели, нѣкоторыя изъ сочиненій которыхъ подвергались за-

[1] Полное названіе его—Index auctorum et librorum, qui tanquam haeretici aut suspecti aut perniciosi ab Officio S. Romanae Inquisitionis reprobantur et in universa Christiana Republica interdicuntur.—Reusch, I, стр. 258.

прещенію по причинѣ заключающихся въ нихъ еретическихъ ученій (между прочимъ книги объ астрологіи, о ворожбѣ и т. п.); къ третьему разряду отнесены книги анонимныя, содержащія въ себѣ вредныя ученія.

Для составленія и пополненія „индексовъ“ папою Піемъ V создано было въ 1571 г. особое учрежденіе—Sancta Congregatio Indicis. При посредствѣ его папская курія осуществляла свое наблюденіе за печатью въ послѣдующіе вѣка. Учрежденіе это существуетъ и въ настоящее время. Послѣдніе „Index“ были изданы въ 1897 и 1900 гг., при чемъ папа Левъ XIII нашелъ нужнымъ составить и опубликовать новый регламентъ о воспрещеніи и цензурѣ книгъ—Constitutio apostolica de prohibitione et censura librorum [1].

Въ связи съ указанными средствами борьбы съ печатью нерѣдко практиковалось публичное сожженіе сочиненій, а иногда вмѣстѣ съ ними и авторовъ, признанныхъ вредными. Исторія разныхъ государствъ занесла на свои страницы не малое количество такихъ фактовъ. Это было излюбленное средство, къ которому прибѣгали одинаково какъ ревностные католики, такъ и приверженцы протестантизма: въ Англіи, напр., при Генрихѣ VIII жгли послѣдовательно книги того и другого направленія,—то было время еще неустановившихся воззрѣній: при Эдуардѣ VI сожженію подлежали католическія сочиненія; при Маріи, наоборотъ, пылали костры сожигаемыхъ протестантскихъ сочиненій.

Свѣтская власть стала принимать дѣятельное участіе въ полиціи печати уже значительно позднѣе духовной. Еще въ 1513 году (т. е. черезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ изданія буллы Александра VI) французскій король Людовикъ XII издаетъ декларацію, въ которой очень наглядно выступаетъ самое дружелюбное отношеніе къ печати. Въ этой декларації король освобождаетъ отъ уплаты вводившагося тогда налога цѣлую категорію лицъ, такъ или иначе прикосновенныхъ къ дѣлу книгопечатанія. Изъятіе это мотивируется

[1] Латинскій текстъ и французскій переводъ его напечатаны въ брошюрѣ Index. Constitutions de Sa Sainteté Léon XIII (1897) et de Benoit XIV (1753) relatives à l'examen et à l'interdiction des livres. Par. 1897.

„соображеніемъ того великаго блага, которое принесло нашему королевству искусство печатанія, изобрѣтеніе котораго представляется скорѣе бежественнымъ, чѣмъ человѣческимъ“; благодаря ему, продолжаетъ декларація, „наша святая католическая вѣра сильно возвысилась и окрѣпла, правосудіе лучше понимается и отправляется и божественная служба совершается съ большимъ тщаніемъ и великолѣпіемъ; благодаря ему на пользу всѣхъ и каждаго выражено и распространено много хорошихъ и благотворныхъ ученій, вслѣдствіе чего наше королевство превосходитъ всѣ другія, и иныя неисчислимыя блага проистекали и проистекаютъ отъ него каждодневно, во славу Бога и къ возвеличенію нашей католической вѣры“.

Первый законодательный актъ свѣтской власти въ области полиціи печати мы встрѣчаемъ въ Германіи въ 1521 году, когда былъ изданъ направленный противъ Лютера Вормскій эдиктъ. Глава 36-я этого эдикта санкціонируетъ изданныя по отношенію къ печати распоряженія духовныхъ властей. Вскорѣ послѣ того Имперскій указъ, изданный въ Нюренбергѣ въ 1524 г., возложилъ на свѣтскихъ князей и ихъ правительства обязанность наблюдать за книгопечатаніемъ, а черезъ пять лѣтъ послѣ этого (Имперскими указами въ Шпейерѣ въ 1529 г. и въ Аугсбургѣ въ 1530 г.) установлена правильная цензура. Въ Англіи наиболѣе раннее предписаніе королевской власти о цензурѣ относится къ 1530 году, во Франціи—къ 1538 году.

Послѣ этихъ замѣчаній о появленіи цензуры въ западно-европейскихъ государствахъ, обратимся къ болѣе подробному обзору исторіи полиціи печати, главнымъ образомъ, въ двухъ странахъ—въ Англіи и во Франціи. Англія представляетъ особенный интересъ въ виду того, что тамъ ранѣе всѣхъ другихъ государствъ развилась свободная печать и установились тѣ основы, на которыхъ зиждется господствующее въ настоящее время законодательство о печати. Прослѣдить же судьбу тѣхъ разнообразныхъ системъ и мѣръ, которыя практиковались по отношенію къ печати во Франціи въ различные періоды ея исторіи важно потому, что нигдѣ полиція печати не являлась предметомъ столь усиленныхъ заботъ законодательства и администраціи. Озна-

комленіе съ ея исторіей въ этой странѣ можетъ дать довольно полное представленіе о совокупности тѣхъ мѣръ, которыя въ разное время и при различныхъ условіяхъ государственной жизни составляютъ систему полиціи печати. Знакомство съ исторіей французскаго законодательства о печати необходимо для насъ еще и потому, что оно не разъ являлось образцомъ для русскихъ законовъ о печати. Въ виду этого, для разъясненія многихъ условій, въ которыхъ находилась наша печать, далеко не безполезно будетъ обратиться къ тому источнику, откуда они заимствованы.

Очеркъ исторіи полиціи печати въ Англіи.

Въ то время, когда въ Англіи появилось и стало распространяться книгопечатаніе, католицизмъ былъ еще въ полной силѣ. И здѣсь, какъ это было во всѣхъ католическихъ странахъ, духовенство сосредоточило въ своихъ рукахъ наблюденіе за печатью и преслѣдованіе тѣхъ произведеній, въ которыхъ замѣчалось уклоненіе отъ истинныхъ началъ католицизма. Оно нашло себѣ энергичную поддержку и въ королевской власти. При Генрихѣ VIII изданы были, начиная съ 1526 года, девять списковъ книгъ, объявлявшихся запрещенными. Въ видѣ примѣра можетъ служить опубликованный въ 1529 году списокъ 85 „книгъ лютерской секты“, которыя приверженцами этой секты привезены были въ Лондонъ; въ числѣ ихъ названы 22 сочиненія Лютера, 11 сочиненій Цвингли и т. д. [1].

Въ 1530 году издано было первое королевское распоряженіе о предварительномъ разсмотрѣніи книгъ: королевская прокламація, составленная по совѣщаніи съ примасомъ, теологами обоихъ университетовъ и другими лицами, объявляя запрещенными всѣ напечатанныя за-границею англійскія книги и предписывая въ 14-дневный срокъ доставить ихъ епископамъ, повелѣвала, чтобы новыя англійскія книги, касающіяся Священнаго Писанія, печатались съ одобренія епископа и не-анонимно [2].

---

[1] Reusch, т. I, стр. 91.

[2] Ibidem, стр. 88—89.

Преобладающую роль въ области полиціи печати духовенство сохраняло до царствованія королевы Елизаветы, когда дѣятельнымъ органомъ ея становится государство—свѣтская власть, принявшая на себя заботы по наблюденію за печатью и осуществленію тѣхъ задачъ, которыя первоначально составляли почти исключительно предметъ заботъ церкви. Духовенство, однако, не было вполнѣ устранено отъ этого дѣла: утративъ свою преобладающую роль, оно все же являлось весьма дѣятельнымъ помощникомъ государства.

Уже въ первый годъ царствованія Елизаветы (въ 1559 г.) королевскимъ совѣтомъ (Privy Council) былъ изданъ указъ, по которому никто не можетъ напечатать какую либо книгу или брошюру безъ предварительнаго разрѣшенія королевскаго совѣта или епископа. Мало-по-малу какъ цензура, такъ и вообще вся совокупность мѣропріятій по отношенію къ печати были сосредоточены въ рукахъ Звѣздной Палаты. Такъ назывался комитетъ королевскаго совѣта, надѣленный чрезвычайно обширными полномочіями и являвшійся въ теченіе цѣлаго вѣка страшнымъ орудіемъ деспотизма въ рукахъ Тюдоровъ и Стюартовъ. Имя Звѣздной Палаты сдѣлалось для англичанъ синонимомъ всякаго рода насилій и произвола, воспоминаніе о которыхъ неразрывно связано съ исторіей этого учрежденія. Во второй половинѣ XVI вѣка неограниченныя полномочія его, главнымъ образомъ, въ сферѣ судебнаго преслѣдованія, были расширены на новую область—полицію печати. Въ 1585 году Звѣздная Палата издаетъ первый подробный ордонансъ съ цѣлью урегулировать печать, подчинивъ строгому режиму какъ произведенія печати со стороны ихъ содержанія, такъ и самый промыселъ книгопечатанія и книжной торговли. Изданіе этого ордонанса мотивируется, въ предисловіи къ нему, тѣми „безобразіями и злоупотребленіями со стороны безпорядочныхъ лицъ, занимающихся искусствомъ печатанія и книжнаго промысла“, которыя все болѣе и болѣе увеличиваются, несмотря на принятыя мѣры, что и приписывается недостаточности наказаній, примѣнявшихся до тѣхъ поръ. Ордонансъ 1585 г. воспрещаетъ печатать что-либо безъ предварительнаго разсмотрѣнія и дозволенія Архіепископа Кентерберійскаго или Лондонскаго Епископа; для напечатанія же произведеній,

имѣющихъ отношеніе къ законодательству, необходимо разрѣшеніе Главныхъ Судей (входившихъ также въ составъ Звѣздной Палаты). Всякому, уличенному въ продажѣ книгъ, напечатанныхъ безъ соблюденія требованій этого ордонанса, угрожаетъ тюремное заключеніе въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Очевидно, съ цѣлью облегчить надзоръ за печатью и поставить преграду ея развитію, число типографій было ограничено: кромѣ находящихся въ Лондонѣ, разрѣшались только двѣ—въ университетскихъ городахъ, Оксфордѣ и Кембриджѣ, по одной въ каждомъ. Каждый содержатель типографіи обязанъ объявить о количествѣ имѣющихся у него станковъ „Компаніи типографовъ (Stationer's Company). Эта компанія была учреждена за нѣсколько времени передъ тѣмъ и получила отъ правительства монополію печатнаго дѣла, сдѣлавшись вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельнымъ органомъ этого по наблюденію за печатью. Въ случаѣ неисполненія этого требованія ему грозитъ уничтоженіе его станковъ и тюремное заключеніе въ продолженіе одного года. Ни одна типографія не можетъ быть открыта вновь до тѣхъ поръ, пока чрезмѣрное количество ихъ не будетъ уменьшено и не дойдетъ до того числа, какое будетъ признано архіепископомъ Кентерберійскимъ и епископомъ Лондонскимъ достаточнымъ; если же понадобится увеличить число занимающихся книгопечатаніемъ, то Компанія типографовъ должна указать лицъ, пригодныхъ для этого, при чемъ эти лица, сверхъ того, должны быть одобрены представителями духовной власти. Помимо всего этого, ордонансъ уполномочиваетъ указанную компанію производить обыски въ домахъ и магазинахъ содержателей типографій и книгопродавцевъ, забирать всѣ книги, напечатанныя въ противность требованіямъ этого ордонанса, уничтожать типографскіе станки, арестовывать виновныхъ и препровождать ихъ въ королевскій совѣтъ.

Такимъ образомъ, съ одной стороны—предварительная цензура, съ другой стороны — всевозможныя мѣры, направленныя къ стѣсненію самаго промысла книгопечатанія, установленіе строгаго надзора и наложеніе тяжкихъ наказаній за малѣйшее уклоненіе отъ предписанныхъ требованій—таковы тѣ условія, въ которыя была поставлена англійская печать въ концѣ XVI-го вѣка. Между тѣмъ какъ въ

царствованіе католички Маріи преслѣдовалось и сжигалось все то, что носило въ себѣ духъ критики католицизма, при Елизаветѣ, наоборотъ, безпощадному преслѣдованію подлежало все благосклонное католицизму. Лишь однимъ изъ многихъ является примѣръ Джона Стеббса, которому отсѣкли правую руку по обвиненію его въ государственной измѣнѣ, выразившейся въ изданіи сочиненія, написаннаго въ духѣ пуританизма, котораго онъ былъ ревностнымъ приверженцемъ. Разсказываютъ, что въ тотъ моментъ, какъ у него отсѣчена была правая рука, бывшая орудіемъ „измѣны", онъ, съ помощью лѣвой, снялъ шляпу и воскликнулъ громогласно: „God save the Queen" (Боже, храни королеву).

Преслѣдованіе доктринъ пуританизма составляло въ то время главный предметъ заботъ въ области полиціи печати. Противъ появленія новыхъ произведеній достаточной гарантіей была установленная цензура. Съ цѣлью же изъятія изъ обращенія вышедшихъ ранѣе книгъ также принимались мѣры, образецъ которыхъ представляетъ собою королевская прокламація 1589 года. Она повелѣваетъ всѣмъ, имѣющимъ у себя какія-либо сочиненія, написанныя противъ существующаго управленія англійской церки или противъ ея обрядовъ и церемоній, немедленно представить ихъ епархіальному епископу. Тотъ, у кого находили такого рода книги, подлежалъ строгимъ уголовнымъ карамъ. Въ этомъ, между прочимъ, историки видятъ одну изъ причинъ, почему сохранилось такъ мало пуританскихъ памфлетовъ.

Ближайшая за царствованіемъ Елизаветы эпоха Стюартовъ была столь же мало благопріятна развитію печати. Строгости по отношенію къ ней не уменьшились, а наоборотъ, еще усилились. „Ни въ чемъ такъ рѣзко не выразилось тираническое направленіе первыхъ двухъ Стюартовъ", говоритъ историкъ Мей, „какъ въ ихъ варварскомъ преслѣдованіи авторовъ, издателей и ввозителей запрещенныхъ книгъ; ничто, съ другой стороны, не свидѣтельствуетъ столь знаменательно о любви къ свободѣ, какъ то геройское мужество и твердость, съ которыми переносились эти преслѣдованія". Рядомъ съ религіозными вопросами, на почвѣ которыхъ прежде почти исключительно сосредоточивалась борьба съ печатью, теперь столь же, если не болѣе усердное вниманіе

было обращено и на вопросы политическаго характера. Въ то время Англія переживала критическій моментъ, когда рѣшалась дальнѣйшая судьба ея политическаго развитія, когда долженъ былъ окончательно опредѣлиться характеръ ея государственнаго строя. Въ борьбѣ за политическую свободу, которой угрожала серьезная опасность, однимъ изъ могущественныхъ орудій явилась печать, которая, подъ вліяніемъ потребностей времени, выработала новыя формы. Обширные трактаты, тяжелые фоліанты, являвшіеся до тѣхъ поръ господствующимъ типомъ литературныхъ произведеній, представляли собою значительныя неудобства для цѣлей начинавшейся борьбы политическихъ идей. Форма эта была неудобна какъ для самихъ авторовъ, такъ и для публики. Она не даетъ двухъ существенныхъ условій, при которыхъ только и возможно распространить печатное слово—небольшой размѣръ и дешевизна. И вотъ, рядомъ съ обширными трактатами, появляются мелкія произведенія, брошюры; мало-по-малу начинаетъ зарождаться и періодическая пресса (появленіе первой газеты, еженедѣльной, The Weekly Newes—относится къ 1622 году).

Полиція печати по прежнему находилась въ рукахъ Звѣздной Палаты, которая въ эпоху первыхъ Стюартовъ дошла до высшей степени злоупотребленія своими обширными полномочіями. Обычными орудіями преслѣдованія ея были: тюрьма, позорный столбъ, клейменіе, изувѣченіе и другія наказанія, примѣнявшіяся съ чрезвычайною жестокостью. Въ 1637 г., по внушенію архіепископа Лоуда, были преданы суду Звѣздной Палаты трое писателей, издавшихъ нѣсколько памфлетовъ по религіознымъ вопросамъ въ духѣ пуританизма. Всѣ трое были осуждены и подвергнуты четыремъ видамъ наказаній: штрафу въ размѣрѣ 5000 фунт. ст. каждый, выставленію къ позорному столбу, отрѣзанію ушей и пожизненному тюремному заключенію въ отдаленныхъ и глухихъ мѣстахъ, въ которыхъ они были на вѣки удалены отъ прочаго міра. А одному изъ осужденныхъ, сверхъ того, на щекахъ были выжжены съ помощью раскаленнаго желѣза буквы S L (Seditiosus Libeller—возмутительный клеветникъ). Этотъ приговоръ и жестокое исполненіе его произвели сильное впечатлѣніе, выразившееся въ цѣломъ

рядѣ протестовъ. На улицахъ появились листки, изображавшіе архіепископа въ видѣ „начальника арміи дьявола въ его войнѣ со святыми“, копія съ декрета Звѣздной Палаты была прибита къ доскѣ, углы ея были срѣзаны, какъ отрѣзаны были уши у жертвъ Лоуда, вокругъ имени его былъ сдѣланъ большой чернильный знакъ, въ объясненіе котораго особая надпись гласила: „человѣкъ, выставляющій къ деревянному позорному столбу святыхъ, стоитъ здѣсь у позорнаго столба изъ чернилъ“.[1]

Подъ вліяніемъ этихъ событій рѣшено было усилить строгость мѣръ по отношенію къ печати, установить болѣе правильную систему предварительной цензуры, увеличить надзоръ за типографіями и принять мѣры противъ развитія тайнаго книгопечатанія. Въ этихъ видахъ и былъ изданъ въ 1637 году декретъ Звѣздной Палаты о книгопечатаніи (Decree of Starre Chamber concerning Printing). Этотъ декретъ, являющійся самымъ замѣчательнымъ документомъ въ исторіи полиціи печати въ Англіи, представляетъ собою подробное развитіе началъ, положенныхъ въ основу изданнаго при Елизаветѣ ордонанса. Мы разсмотримъ наиболѣе существенныя постановленія 33-хъ статей его примѣнительно къ тремъ важнѣйшимъ сторонамъ полиціи печати: организаціи предварительной цензуры, регламентаціи промысла книгопечатанія и, наконецъ, мѣрамъ по отношенію къ тайному книгопечатанію и привозу книгъ изъ-за границы.

Прежде всего декретъ объявляетъ въ общей формѣ воспрещеніе печатать, ввозить, продавать или имѣть у себя какія-либо „возмутительные, схизматическіе или соблазнительные“ книги или памфлеты, заключающіе въ себѣ „злословіе по отношенію къ религіи, церкви или правительству, или по отношенію къ правителямъ церкви или государства, или какой-либо корпораціи, или же къ частному лицу и лицамъ“. Виновнымъ въ этомъ угрожаетъ: во 1-хъ, отобраніе всѣхъ такихъ книгъ и памфлетовъ, во 2-хъ, такое „строгое наказаніе, въ видѣ штрафа, тюремнаго заключенія или какого-либо иного тѣлеснаго наказанія“, какое, смотря по обстоятельствамъ, Звѣздная Палата или Судъ Верховной

[1] Gardiner, History of England (1603—1642). Томъ VIII, стр. 224—234.

Коммисіи (исключительный трибуналъ, вѣдавшій, главнымъ образомъ, религіозныя дѣла) найдутъ нужнымъ назначить". Никто не можетъ напечатать какую-либо книгу или памфлетъ прежде, чѣмъ эта книга или памфлетъ, а также и всякаго рода предисловія, посвященія и т. п. не будутъ, во 1-хъ, разсмотрѣны и разрѣшены назначенными для этого лицами, и во 2-хъ, занесены въ реестровыя книги Компаніи типографовъ.

По отношенію къ организаціи предварительной цензуры былъ примѣненъ принципъ спеціализаціи: обязанности разсмотрѣнія печатаемыхъ произведеній распредѣлены между различными лицами, смотря по ихъ содержанію. Книги юридическаго содержанія (касающіяся общаго права—Common Laws of this Realm) подлежатъ одобренію лордовъ верховныхъ судей или кого-либо по ихъ назначенію; книги по исторіи Англіи, а также и по современнымъ государственнымъ вопросамъ разсматриваются главными государственными секретарями (министрами) или кѣмъ-либо по ихъ назначенію; книги по геральдикѣ, о почетныхъ титулахъ и т. п. будутъ разсматриваться оберъ-гофмаршаломъ (Earle Marschall) или кѣмъ-либо по его назначенію; наконецъ, всѣ остальныя книги, содержаніемъ своимъ касающіяся богословія, естествознанія, философіи, поэзіи и т. д., подлежатъ разсмотрѣнію и одобренію архіепископа Кентерберійскаго или епископа Лондонскаго, или кого-либо по ихъ назначенію, или же, наконецъ, канцлера или вице-канцлера обоихъ университетовъ. По отношенію къ этимъ послѣднимъ декретъ оговариваетъ, что ихъ разсмотрѣнію подлежатъ только книги, печатаемыя въ предѣлахъ обоихъ университетовъ, при чемъ они не должны касаться книгъ юридическаго и политическаго содержанія.

Рукописи должны быть представлены въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ отдается въ распоряженіе собственника рукописи, а другой остается у цензора, въ видѣ гарантіи отъ позднѣйшихъ передѣлокъ и измѣненій. На обоихъ экземплярахъ цензоръ долженъ собственноручно засвидѣтельствовать, что въ такой-то книгѣ „нѣтъ ничего противнаго христіанской религіи, догматамъ и дисциплинѣ англійской церкви, или государству и правительству, ни

добродѣтельной жизни или добрымъ нравамъ", смотря по содержанію книги. Это одобреніе должно быть напечатано въ началѣ книги съ присовокупленіемъ имени цензора.

На каждомъ произведеніи печати (книгахъ, брошюрахъ, картахъ, портретахъ, и т. под.) должны быть напечатаны имена типографа, издателя, а также автора и заказчика.

По отношенію къ типографіямъ декретъ заключаетъ въ себѣ слѣдующія мѣры. Число типографій остается ограниченнымъ 20-ю въ Лондонѣ и по одной въ обоихъ университетскихъ городахъ (Оксфордѣ и Кембриджѣ). Собственниками типографій въ Лондонѣ являются члены „Компаніи типографовъ", имена которыхъ перечислены въ самомъ декретѣ. Если кто-либо изъ нихъ, вслѣдствіе смерти или по иной причинѣ, вынужденъ оставить занятіе книгопечатаніемъ, то освобождающаяся вакансія замѣщается по усмотрѣнію архіепископа Кентерберійскаго или епископа Лондонскаго, которые по этому предмету должны войти въ соглашеніе съ шестью другими членами Верховной Коммисіи (High Commissioners).

Въ цѣляхъ „лучшаго открытія тайнаго печатанія недозволенныхъ произведеній" директору и надзирателямъ (Master and Wardens) Компаніи или двумъ собственникамъ типографамъ, по назначенію архіепископа Кентерберійскаго или епископа Лондонскаго, дается „право и власть, взявъ себѣ помощь, какую они признаютъ необходимою, обыскивать дома и лавки (въ какое время они признаютъ нужнымъ), особенно же типографскія заведенія, смотрѣть, что печатается, и требовать цензурнаго дозволенія (license), чтобы видѣть, разрѣшено ли это или нѣтъ, и если нѣтъ, то забирать напечатанное вмѣстѣ съ виновными лицами и представлять ихъ для дальнѣйшихъ распоряженій архіепископу Кентерберійскому или епископу Лондонскому".

Означеннымъ досмотрщикамъ (searchers) дозволяется также—„если при обыскѣ они найдутъ какую-либо книгу или книги, или часть книги или книгъ, которыя по ихъ предположенію заключаютъ въ себѣ вещи, противныя доктринѣ и дисциплинѣ англійской церкви, или государству, или правительству—забирать, при этомъ подозрѣніи, такія

книги и представлять ихъ для дальнѣйшихъ распоряженій указаннымъ лицамъ".

Всѣ книги, привозимыя изъ-за границы, задерживаются на таможнѣ и подлежатъ предварительному разсмотрѣнію архіепископа Кентерберійскаго, епископа Лондонскаго или кого-либо по ихъ назначенію.

Черезъ четыре года послѣ изданія этого декрета постановленіемъ парламента, извѣстнаго въ исторіи подъ именемъ Долгаго, Звѣздная Палата была упразднена (въ іюлѣ 1641 года), а вмѣстѣ съ нею утратили силу и всѣ изданные ею въ разное время ордонансы и декреты. Печать освободилась отъ давившихъ ее оковъ и стала быстро развиваться, принимая дѣятельное участіе въ открывшейся борьбѣ между королемъ и парламентомъ [1]. Но это продолжалось недолго, и вскорѣ тотъ же самый Парламентъ, который упразднилъ Звѣздную Палату, принимаетъ цѣлый рядъ мѣропріятій въ смыслѣ ограниченія свободы печати. Въ 1643 году была возстановлена предварительная цензура [2], а въ послѣдующіе годы и многія другія изъ практиковавшихся Звѣздною Палатою мѣръ по отношенію къ печати. Въ 1653 году издается предписаніе, въ силу котораго ни одно политическое извѣстіе или сообщеніе не можетъ быть опубликовано безъ разрѣшенія государственнаго секретаря. Въ 1654 и 1656 годахъ усилено наблюденіе за политическою печатью. Въ эти годы Кромвелевской республики всѣ эти мѣры имѣли цѣли совершенно обратныя тѣмъ, какія преслѣдовались раньше: прежніе гонители обмѣнялись ролями съ гонимыми.

Послѣ реставраціи Стюартовъ печать подверглась новымъ стѣсненіямъ. На этотъ разъ они были облечены въ законную форму: въ 1662 году былъ изданъ парламентскій статутъ, изданіе котораго мотивировано тѣмъ, что, благодаря „общей распущенности послѣднихъ временъ, многія злона-

[1] Въ двадцатилѣтній промежутокъ времени между 1640 г. и реставраціею Стюартовъ появилось до 30.000 политическихъ памфлетовъ и газетъ. Они собраны и переплетены въ 2 000 томовъ, хранящихся въ Британскомъ Музеѣ. May. II, 241.

[2] Эта мѣра послужила знаменитому Мильтону основаніемъ выступить съ горячею защитою свободы печати въ памфлетѣ, изданномъ въ 1644 г.: «Areopagttika. For the Liberty of Unlicenced Printing».

мѣренныя лица осмѣлились печатать и распространять книги еретическія и мятежнаго содержанія". Этотъ статутъ почти цѣликомъ воспроизводитъ содержаніе уже разсмотрѣннаго выше декрета Звѣздной Палаты, изданнаго въ 1637 году. Возстановляя предварительную цензуру, онъ, какъ и прежде, ввѣряетъ обязанности ея различнымъ лицамъ (канцлеру, главнымъ судьямъ, министрамъ и т. д.), смотря по содержанію предназначающихся къ печати произведеній. Число типографій по-прежнему ограничивается 20-ю; Лондонъ, Оксфордъ, Кембриджъ и, кромѣ того, Іоркъ—четыре города, въ которыхъ разрѣшено книгопечатаніе. Этотъ статутъ примѣнялся съ чрезвычайною жестокостью. Авторы и издатели вредныхъ сочиненій, не говоря уже о тюремномъ заключеніи и огромныхъ штрафахъ, нерѣдко были подвергаемы смертной казни чрезъ повѣшеніе, четвертованію и другимъ мучительнымъ тѣлеснымъ наказаніямъ, сочиненія же ихъ сжигались палачомъ.

Статутъ этотъ, извѣстный подъ именемъ Lincensing Act, представлялъ собою временную мѣру: онъ былъ изданъ на три года. Но вскорѣ же дѣйствіе его было возстановлено; онъ былъ дважды продленъ до 1679 года. Въ слѣдующемъ году въ оффиціальномъ изданіи („London Gasette„) было объявлено о томъ, что королевскіе судьи признали единогласно, что „король можетъ воспретить печатаніе и распространеніе всѣхъ новыхъ книгъ и вообще всякихъ произведеній печати, не получившихъ предварительнаго разрѣшенія королевской власти„, и что по этому предмету изготовляется королевскій указъ. Появившись въ томъ же 1680 году, онъ вызвалъ горячія нападки на него въ Парламентѣ. Въ 1685 году прежніе законы о цензурѣ были возстановлены на семь лѣтъ; затѣмъ въ 1692 году еще разъ на два года. Въ 1694 году истекъ срокъ дѣйствія послѣдняго Licensing Act'а, продленіе котораго на новый срокъ встрѣтило на этотъ разъ сильную оппозицію и было отвергнуто Парламентомъ. Съ тѣхъ поръ Англія не знаетъ предварительной цензуры.

Любопытно, что отмѣна цензуры прошла совершенно незамѣченною среди событій сравнительно неважныхъ, сосредоточивавшихъ на себѣ общественное вниманіе того

времени. Въ числѣ другихъ текущихъ дѣлъ въ сессію 1694—1695 г. Парламенту предстояло рѣшить вопросъ о продленіи дѣйствія нѣсколькихъ временныхъ статутовъ, среди которыхъ былъ и актъ о цензурѣ. Палата общинъ высказалась противъ его продленія на новый срокъ. Палата лордовъ не согласилась съ этимъ и въ представленный на ея разсмотрѣніе билль внесла поправку, признавъ необходимымъ, рядомъ съ другими временными мѣрами, продлить и дѣйствіе акта о цензурѣ. Общины отвергли эту поправку и назначили изъ среды себя комиссію, которая изготовила для представленія верхней палатѣ записку, излагающую соображенія, побудившія нижнюю палату отвергнуть Licensing Act. „Эта записка", говоритъ лордъ Маколей, одинъ изъ первыхъ историковъ, обратившихъ на нее должное вниманіе, „показываетъ, какъ далеки были члены палаты общинъ отъ сознанія того, что они дѣлаютъ, какую революцію совершаютъ они, какую силу вызываютъ къ существованію. Всѣ возраженія ихъ противъ статута относятся къ вопросамъ второстепеннымъ. О великомъ принципіальномъ вопросѣ, составляетъ ли свобода печати благодѣяніе для общества или зло, не сказано ни слова. Licensing Act осуждается не потому, чтобы онъ представлялся негоднымъ по существу своему, а потому, что онъ влечетъ за собою рядъ мелкихъ неудобствъ и затрудненій, торговыя стѣсненія, вмѣшательство въ личную свободу. Онъ объявляется вреднымъ потому, что даетъ возможность компаніи привилегированныхъ типографовъ (Company of Stationers) вымогать деньги у издателей, потому, что онъ уполномочиваетъ правительственныхъ агентовъ производить домовые обыски на основаніи такъ называемыхъ general warrants (т. е. общихъ, безъ обозначенія лицъ, предписаній), потому, что онъ ограничиваетъ иностранную книжную торговлю однимъ лондонскимъ портомъ, потому, что онъ такъ долго задерживаетъ на таможнѣ цѣнные тюки съ книгами, что онѣ, наконецъ, портятся отъ сырости. Общины жалуются, далѣе, на неопредѣленность платежей, которые можетъ требовать цензоръ; на то, наконецъ, что актъ подъ угрозой отвѣтственности воспрещаетъ таможеннымъ чиновникамъ открывать пришедшій изъ-за границы ящикъ съ книгами иначе, какъ въ присутствіи

одного изъ цензоровъ. „Какимъ же образомъ, спрашиваетъ записка, чиновникъ можетъ знать, что въ данномъ ящикѣ книги, прежде чѣмъ онъ откроетъ его?“ Вотъ аргументы, выдвинутые общинами противъ акта о цензурѣ (редакцію изложенной записки приписываютъ знаменитому философу Джону Локау). При вторичномъ разсмотрѣніи билля, палата лордовъ не протестовала противъ рѣшенія нижней палаты и вопросъ о продленіи акта о цензурѣ былъ разрѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ.

Съ отмѣною цензуры одно за другимъ стали возникать новыя періодическія изданія; сильное развитіе получили также брошюры и памфлеты. Но не только въ количественномъ, матеріальномъ отношеніи оказались благіе результаты исчезновенія цензуры. Послѣдствіемъ его явилось повышеніе нравственнаго уровня печати. Маколей, говоря объ отмѣнѣ цензуры, имѣвшей мѣсто въ срединѣ царствованія Вильгельма III, между прочимъ обращаетъ вниманіе на тотъ замѣчательный фактъ, что нападки на короля и его правительство во вторую половину его царствованія были гораздо менѣе рѣзки и злобны, чѣмъ въ первую половину его. Причину этого онъ видитъ въ томъ, что печать, несвободная въ первую половину царствованія Вильгельма III, во вторую стала свободною. Пока существовала цензура, ни одно произведеніе, порицающее — хотя бы къ самыхъ умѣренныхъ и приличныхъ выраженіяхъ — образъ дѣйствій какой-либо отрасли управленія, не могло появиться въ печати съ одобреніемъ цензора. Печатать же такое произведеніе безъ разрѣшенія цензуры было противозаконно. Такимъ образомъ, наиболѣе почтенные и умѣренные представители оппозиціи, не будучи въ состояніи оглашать свои взгляды законнымъ путемъ и не считая себя въ правѣ или не рѣшаясь прибѣгать къ способу незаконному, уступили мѣсто другимъ, предоставивъ критику дѣйствій администраціи или упорнымъ фанатикамъ своихъ идей, или грубымъ и невѣжественнымъ наемнымъ писакамъ. Въ результатѣ, люди честные, умѣренные и здравомыслящіе являлись лишь рѣдкими исключеніями среди писавшихъ противъ правительства. „Да и привычка писать противъ правительства“, замѣчаетъ Маколей, „сама по себѣ имѣетъ вредное

вліяніе. Ибо у того, кто привыкъ писать противъ правительства, входитъ въ привычку нарушеніе закона; а привычка нарушать хотя и безсмысленный законъ способна развивать въ людяхъ полнѣйшее беззаконіе. Какъ бы ни былъ нелѣпъ таможенный тарифъ, контрабандистъ есть все-таки мошенникъ".

Эмансипація печати произвела благотворную перемѣну: „лучшіе и даровитые люди въ рядахъ оппозиціи, говоритъ Маколей, принялись за дѣло, которое до того времени было предоставлено людямъ безпринципнымъ или горячимъ головамъ. Брошюры противъ правительства стали писаться стилемъ, никого не шокирующимъ, и даже произведенія болѣе горячаго класса недовольныхъ стали значительно менѣе рѣзкими, чѣмъ въ дни цензуры". Нравственный уровень печати поднялся, и это, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія, подъ вліяніемъ взглядовъ большого количества образованныхъ людей, передъ которыми выступало и хорошее, и дурное, и которые были свободны выбирать между тѣмъ и другимъ.

Но, несмотря на уничтоженіе предварительной цензуры, англійской печати пришлось пережить еще долгій періодъ разнаго рода стѣсненій, прежде чѣмъ окончательно установились современныя условія ея свободы на началахъ репрессивной системы. Правда, принципіально, теоретически свобода ея была признана уже самымъ фактомъ упраздненія цензуры: каждый могъ предпринять любое изданіе безъ всякаго на то разрѣшенія, каждый былъ свободенъ печатать, что ему угодно. Но на практикѣ эта свобода подлежала значительнымъ ограниченіемъ, которыя нерѣдко совершенно парализовали ее. Ограниченія эти имѣли характеръ репрессивный и состояли, главнымъ образомъ, въ различныхъ мѣрахъ преслѣдованія, которыя, вслѣдствіе своей неопредѣленности, давали широкій просторъ произволу и нерѣдко ставили печать въ условія, въ высшей степени стѣснительныя.

Наиболѣе стѣснительнымъ для печати условіемъ являлись уголовные законы о пасквилѣ (такъ называемые laws of libel) и порядокъ судопроизводства по дѣламъ печати. Дѣло въ томъ, что понятіе пасквиля, libel, было въ высшей

степени неопредѣленно, туманно, шатко и допускало чрезвычайно широкій произволъ въ толкованіи его. Даже такое компетентное лицо, такой знатокъ англійскаго права, какъ старшій Питтъ, говорилъ: „что касается до меня, то я никогда не могъ понять, что́ такое пасквиль“.

При такой неопредѣленности этого понятія, враги печати пользовались имъ крайне широко и дѣлали изъ него орудіе ея преслѣдованія. Жертвою этого преслѣдованія являлась, главнымъ образомъ, мелкая литература политическихъ памфлетовъ и брошюръ и, особенно, періодическая печать, получившая сильное развитіе съ начала XVIII вѣка. Быстро росло ея вліяніе среди различныхъ классовъ общества и она вскорѣ сдѣлалась однимъ изъ сильнѣйшихъ орудій борьбы между партіями. Каждая изъ нихъ, видя все болѣе и болѣе растущее значеніе печати, старалась обезпечить за собою поддержку въ ней и имѣла своихъ писателей, служившихъ ея интересамъ. На почвѣ взаимной борьбы враждовавшихъ между собою партій и выросла та система преслѣдованій печати, которая господствовала въ теченіе всего XVIII столѣтія и выразилась въ длинномъ рядѣ уголовныхъ процессовъ, оканчивавшихся обыкновенно примѣненіемъ жестокихъ каръ. Пользуясь неопредѣленностью и шаткостью закона, господствующая партія преслѣдовала своихъ противниковъ путемъ обвиненія ихъ въ пасквилѣ, лайбелѣ.

Помимо неопредѣленности этого понятія, два обстоятельства являлись главными причинами того произвола и жестокости, съ которыми велись эти преслѣдованія. Во 1-хъ, присяжные не имѣли права рѣшать вопросъ о виновности лица, обвиняемаго въ пасквилѣ, а должны была ограничиваться лишь констатированіемъ факта опубликованія его обвиняемымъ, рѣшеніе же вопроса о виновности принадлежало судьямъ. Во 2-хъ, лицо, обвиняемое въ клеветѣ, не имѣло права доказывать справедливость и достовѣрность тѣхъ фактовъ, которые опубликованы имъ и которые служили къ обвиненію его въ клеветѣ.

Таковы тѣ двѣ аномаліи, съ которыми въ теченіе долгаго времени боролись лучшіе юристы и политическіе дѣятели Англіи. И много усилій было приложено къ тому, чтобы

устранить ихъ изъ англійскаго права. Наиболѣе вѣскіе доводы въ пользу расширенія компетенціи присяжныхъ развиты были Эрскиномъ, однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ адвокатовъ Англіи. Ему пришлось выступить, въ качествѣ защитника, во многихъ важныхъ литературныхъ процессахъ въ реакціонный періодъ царствованія Георга III. Рѣчи его до сихъ поръ считаются образцами и авторитетными комментаріями вопросовъ судопроизводства по дѣламъ печати. Особенно памятною является рѣчь Эрскина въ процессѣ Стокдэля: по отзыву лорда Кэмпбелля, это „лучшая рѣчь, когда-либо произнесенная съ адвокатской каѳедры и навсегда упрочившая свободу печати въ Англіи".

Сторонники доктрины, ограничивавшей функціи присяжныхъ, находили, что во всякомъ уголовномъ процессѣ о „лайбелѣ" судья долженъ ставить три вопроса: 1) дѣйствительно ли подсудимый опубликовалъ инкриминируемое произведеніе; 2) являются ли доказанными тѣ намеки и утвержденія, на которыхъ строится обвиненіе; 3) есть ли это лайбель, или нѣтъ, и, слѣдовательно, виновенъ ли въ преступленіи подсудимый. Первые два вопроса подлежатъ рѣшенію присяжныхъ; послѣдній — судьи, какъ вопросъ права, а не факта. Далѣе признавалось, что разъ данныя слова и выраженія, взятыя помимо всякихъ дальнѣйшихъ поясненій, будучи прочитаны судьею, признаются оскорбительными, они составляютъ преступленіе per se, и всѣ побочныя обстоятельства, хотя бы они и были доказаны, могутъ явиться, самое большее — смягчающимъ обстоятельствомъ, до котораго присяжнымъ нѣтъ дѣла. На эти соображенія Эрскинъ возражалъ, что о виновности подсудимаго нельзя судить по отдѣльнымъ словамъ и выраженіямъ, выбраннымъ изъ произведенія и занесеннымъ въ обвинительный актъ, что эти слова не могутъ быть признаваемы оскорбительными до тѣхъ поръ, пока не выяснятся всѣ побочныя обстоятельства и общій смыслъ и значеніе инкриминируемаго произведенія. Если они основательны, добросовѣстны и приличны, подсудимый долженъ быть оправданъ. Лайбель, какъ рядъ оскорбительныхъ выраженій, по мнѣнію Эрскина, не можетъ, какъ и рана на тѣлѣ, быть признаваемъ преступленіемъ per se, пока не будутъ выяснены всѣ обстоя-

тельства, показывающія намѣреніе. Рана на тѣлѣ можетъ явиться вслѣдствіе самозащиты или желанія предупредить какое-либо другое преступленіе; точно также и слова, смотря по ихъ объекту и намѣренію, времени, мѣсту, обычаямъ и другимъ обстоятельствамъ, могутъ быть признаны соотвѣтственными и достопными уваженія. Выясненіе и оцѣнка обстоятельствъ, сопровождающихъ нанесеніе раны и произнесеніе извѣстныхъ словъ, не могутъ быть признаваемы вопросами права, которые вѣдаетъ судья. Это — вопросы, подлежащіе разрѣшенію присяжныхъ, которымъ должно принадлежать рѣшеніе вопроса не только о фактѣ опубликованія обвиняемымъ инкриминируемаго произведенія, но и вопросъ о томъ, есть ли это преступленіе и виновно ли въ немъ лицо, опубликовавшее данное произведеніе.

Эти доводы наконецъ восторжествовали и были положены въ основаніе Libel Act'a 1792 г., проведеніе котораго въ парламентѣ составляетъ заслугу Фокса (по имени его этотъ актъ часто называется Fox's Act). Законъ этотъ окончательно установилъ за присяжными право рѣшать вопросы не только о фактѣ опубликованія инкриминируемаго произведенія, но и объ общемъ смыслѣ его и намѣреніи подсудимаго, а слѣдовательно и общій вопросъ о виновности.

Изданіемъ акта 1792 г. закончился процессъ развитія свободы печати, упрочившейся не съ отмѣною цензуры въ концѣ XVII вѣка, какъ это не рѣдко утверждаютъ, а столѣтіемъ позднѣе, когда дано было правильное рѣшеніе вопроса о компетенціи присяжныхъ въ дѣлахъ о преступленіяхъ печати. Какое важное значеніе придается въ Англіи именно роли суда присяжныхъ въ этой области, видно изъ слѣдующаго положенія, высказаннаго главнымъ судьею лордомъ Кеніономъ при разсмотрѣніи одного литературнаго процесса. „Сущность вопроса о свободѣ печати, говорилъ онъ, очень проста, если отбросить отъ нея всевозможныя словесныя украшенія, и всякій здравомыслящій человѣкъ легко поймете ее. Это ни болѣе, ни менѣе, какъ то, что каждый можетъ огласить въ печати все, чего двѣнадцать его согражданъ не считаютъ предосудительнымъ, и съ другой стороны— что подлежитъ наказанію всякій, оглашающій то, что въ глазахъ присяжныхъ является предосудительнымъ".

Что касается до второго изъ указанныхъ недостатковъ англійскаго права, то онъ былъ устраненъ еще позднѣе, уже въ царствованіе королевы Викторіи. Въ 1843 году изданъ, по предложенію лорда Кэмпбелля, актъ „въ цѣляхъ болѣе дѣйствительнаго обезпеченія свободы печати и въ видахъ лучшаго предупрежденія злоупотребленій въ пользованіи этой свободой“. Въ силу этого акта, лицо, обвиняемое въ клеветѣ, можетъ въ защиту свою представить доказательство справедливости тѣхъ обстоятельствъ, которыя составляютъ предметъ обвиненія, а также и того, что эти обстоятельства опубликованы имъ въ интересахъ общественной пользы. Если ему удастся убѣдить присяжныхъ въ этомъ, онъ получаетъ оправдательный вердиктъ; въ противномъ же случаѣ, онъ подлежитъ установленнымъ наказаніямъ.

Въ теченіе долгаго времени въ Англіи практиковались нѣкоторыя второстепенныя ограничительныя мѣры, затруднявшія развитіе прессы, особенно періодической печати; таковы—штемпельный сборъ, залоги и налогъ на объявленія.

Штемпельный сборъ (Stamp duty), которому подлежали періодическія изданія, былъ установленъ впервые въ царствованіе королевы Анны въ 1714 году. Позднѣе размѣръ его былъ увеличенъ до 4-хъ пенсовъ съ каждаго нумера и экземпляра газеты, такъ что сборъ этотъ представлялъ собою очень тяжкій налогъ. Цѣлью его было отчасти доставить казнѣ лишній источникъ дохода, отчасти же парализовать развитіе дешевой періодической прессы. Между тѣмъ, по мѣрѣ успѣховъ общественнаго и политическаго развитія, потребность въ общедоступныхъ повременныхъ изданіяхъ чувствовалась все болѣе и болѣе и вызывала къ существованію обширную литературу въ видѣ разныхъ мелкихъ изданій и брошюръ, въ которыхъ печатались сообщенія и разсужденія о политическихъ вопросахъ. Они до извѣстной степени замѣняли собою періодическія изданія и получили широкое распространеніе среди менѣе состоятельныхъ классовъ населенія. Чтобы положить предѣлъ развитію этой, неоплачиваемой штемпельнымъ сборомъ, литературы, въ 1820 году парламентскій актъ распространилъ штемпельный сборъ и на брошюры и, вообще, на всѣ мелкія изданія, не превышающія объемомъ своимъ двухъ печатныхъ листовъ,

или продаваемыя не дороже 6 пенсовъ за экземпляръ. Но потребность въ дешевыхъ и общедоступныхъ изданіяхъ была черезчуръ велика: несмотря на принятыя мѣры и строгость преслѣдованія за ихъ нарушеніе, контрабандныя изданія, т. е. такія, которыя выпускались безъ уплаты штемпельнаго сбора, получали все большее и большее развитіе. Особенно сильное распространеніе контрабандная печать получила въ эпоху первой парламентской реформы (1832 года), когда появилось множество дешевыхъ и неоплаченныхъ штемпельнымъ сборомъ газетъ, предназначенныхъ для бѣднѣйшихъ классовъ населенія. Несмотря на усиленныя преслѣдованія, сопровождавшіяся уголовными наказаніями и тяжелыми штрафами (въ пятилѣтній промежутокъ между 1831 и 1835 гг. было 728 случаевъ такого рода преслѣдованій и около 500 случаевъ тюремнаго заключенія), явленіе это продолжало упорно развиваться. Въ концѣ концовъ законодательство было вынуждено уступить народившейся потребности, и въ 1836 году размѣръ штемпельнаго сбора былъ пониженъ до одного пенса, а въ 1855 г. этотъ сборъ былъ окончательно отмѣненъ.

Въ концѣ XVIII вѣка, въ эпоху реакціоннаго направленія, вызваннаго событіями французской революціи, былъ установленъ рядъ полицейскихъ мѣръ, имѣвшихъ цѣлью, съ одной стороны, увеличить контроль за періодической прессой, съ другой—поставить новую преграду ея развитію. Въ силу акта 1798 года, издатели газетъ обязаны были представить залогъ въ размѣрѣ 400 фунт. ст. (въ нѣкоторыхъ случаяхъ—300 ф. ст.); мотивомъ къ этому выставлена была необходимость гарантировать уплату денежныхъ штрафовъ, вознагражденія за убытки и другія издержки по могущимъ возникнуть процессамъ. Въ 1820 году внесеніе залоговъ, въ размѣрѣ 300 фун. (въ нѣкоторыхъ случаяхъ—200 ф. ст.), было установлено и для издателей брошюръ и вообще мелкихъ изданій, не свыше двухъ печатныхъ листовъ. Издатель газеты обязанъ былъ, далѣе, подъ страхомъ штрафа въ размѣрѣ 50 ф. ст. за каждый просроченный день, представить въ главное штемпельное управленіе письменное объявленіе, заключающее въ себѣ точное названіе газеты, указаніе типографіи, гдѣ она печатается и выдается,

а также имена, званія и мѣста жительства типографщика, редактора и издателя. Въ концѣ каждаго нумера, подъ страхомъ штрафа въ размѣрѣ 20 ф. ст., должны быть указаны имя, фамилія, званіе и адресъ типографщика и издателя, мѣсто изданія и дата выпуска. Указаніе типографіи и представленіе одного экземпляра въ теченіе закономъ опредѣленнаго срока предписывается подъ страхомъ штрафа въ размѣрѣ 100 ф. ст. Залоги были отмѣнены въ 1869 году.

Налогъ на объявленія былъ установленъ въ 1714 г., одновременно со штемпельнымъ сборомъ; каждое объявленіе, печатаемое въ газетахъ, облагалось сборомъ въ 1 шиллингъ. Въ 1757 году размѣръ этого сбора былъ удвоенъ, а въ 1804 г. налогъ на объявленія опредѣленъ былъ въ $3^1/_2$ шиллинга съ каждаго. Въ 1833 г. размѣръ его пониженъ до $1^1/_2$ шил., а въ 1853 г. состоялась отмѣна этого налога.

Значительнымъ тормозомъ въ развитіи періодической печати и, особенно, дешевой прессы являлся налогъ на бумагу, который былъ отмѣненъ лишь въ 1861 году, благодаря настояніямъ Гладстона.

Съ отмѣною указанныхъ ограничительныхъ мѣръ въ Англіи установилась въ чистомъ видѣ репрессивная система, въ основѣ которой лежитъ свобода печати, въ предѣлахъ, указываемыхъ общими началами гражданской и уголовной отвѣтственности за преступленія и проступки, совершаемые путемъ печати. Изъ числа предупредительныхъ мѣръ сохраняются лишь тѣ, которыя имѣютъ своею цѣлью обезпечить возможность судебнаго преслѣдованія въ случаѣ совершенія путемъ печати какого-либо преступленія. Таковы постановленія объ обязанности издателей обозначать на всѣхъ произведеніяхъ печати (какъ на книгахъ, такъ и на періодическихъ изданіяхъ) имя и мѣстожительство типографа, а также объ обязанности содержателей типографій сохранять письменныя свѣдѣнія объ именахъ и мѣстожительствѣ ихъ заказчиковъ.

Очеркъ исторіи полиціи печати во Франціи.

Въ предшествующемъ изложеніи упомянуто о декларації Людовика XII (въ 1513 г.), предоставлявшей нѣкоторыя привилегіи лицамъ, занимающимся промысломъ книгопечатанія, въ виду тѣхъ благъ, которыя приноситъ это „божественное“ искусство. Но вскорѣ отношеніе правительства къ печати измѣнилось. Сознаніе пользы отъ нея какъ бы стушевалось, въ ней стали видѣть опасное орудіе вреда для общества. Произведенія печати начали все болѣе и болѣе являться предметомъ усиленнаго надзора и строгихъ преслѣдованій. Это произошло, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ Реформаціи. Новыя религіозныя доктрины быстро распространялись, не замедливъ проникнуть и во Францію. Здѣсь онѣ встрѣтили рѣзкій отпоръ: представители ихъ стали жертвою самыхъ ужасныхъ преслѣдованій. Изыскивая различныя мѣры борьбы съ новымъ ученіемъ, нѣкоторые ожесточенные враги его пришли даже къ мысли о необходимости уничтожить во Франціи книгопечатаніе. Въ этомъ смыслѣ въ 1533 году представлена была Франциску I петиція, авторы которой старались доказать вредъ „еретическихъ книгъ“ и убѣдить его, что „если онъ хочетъ спасти потрясаемую со всѣхъ сторонъ религію, то безусловно необходимо, путемъ изданія строгаго эдикта, уничтожить навсегда во Франціи искусство книгопечатанія, благодаря которому ежедневно является масса книгъ, столь пагубныхъ для нея“. Отъ рѣшимости послѣдовать этому совѣту король былъ удержанъ доводами людей болѣе спокойныхъ и благоразумныхъ, доказывавшихъ, что и „сохранивъ это столь драгоцѣнное искусство, онъ можетъ принять дѣйствительныя мѣры къ устраненію злоупотребленій, составляющихъ предметъ вполнѣ основательныхъ жалобъ“.

Важнѣйшею изъ этихъ мѣръ является предварительная цензура, которая принадлежала въ то время Парижскому Университету. Это учрежденіе въ теченіе долгаго періода времени сосредоточивало въ своихъ рукахъ главный надзоръ за книгопечатаніемъ и книжной торговлей.

Происхожденіе правъ Университета въ этомъ отношеніи слѣдуетъ искать еще задолго до изобрѣтенія книгопеча-

танія. Какъ извѣстно, потребности умственной жизни уже въ XI и XII вв. вызвали къ существованію рукописную литературу. Сочиненія классическихъ и современныхъ писателей распространялись въ манускриптахъ, изготовленіе которыхъ мало-по-малу приняло большіе размѣры, получивъ характеръ настоящаго промысла. Все болѣе и болѣе развивавшееся производство рукописей, въ связи съ усиленіемъ спроса на нихъ, породило мало-по-малу новый промыселъ—торговлю ими, явились книгопродавцы, существованіе которыхъ въ Парижѣ уже въ началѣ XIII-го вѣка представляется несомнѣннымъ. Университетъ былъ главнымъ, даже единственнымъ средоточіемъ умственной жизни того времени, а потому вполнѣ естественно, что близъ него пріютились книгопродавцы, одною изъ главныхъ задачъ которыхъ было снабжать учащихся въ Университетѣ необходимыми руководствами.

Уже въ концѣ XIII вѣка королевскій ордонансъ (Филиппа Смѣлаго, въ 1275 г.) ставитъ книгопродавцевъ въ зависимость отъ Университета, а ихъ дѣятельность—подъ ближайшій контроль его. На основаніи предоставленной ему власти, Университетъ въ теченіе XIII и XIV вв. издаетъ рядъ статутовъ, которые регулируютъ отношенія книгопродавцевъ къ Университету, излагаютъ ихъ обязанности и вообще регламентируютъ дѣло книжной торговли. Въ ряду постановленій этихъ статутовъ особенно любопытными являются мѣры, установившія своего рода предварительную цензуру. Дѣло въ томъ, что нерѣдко переписчиками были люди недостаточно образованные, вслѣдствіе чего рукописи бывали переполнены массою ошибокъ, а иногда и существенныхъ искаженій текста. Въ интересахъ устраненія этого зла, Университетъ уже въ 1323 году воспрещаетъ книгопродавцамъ пускать въ обращеніе экземпляры, не провѣренные и не исправленные предварительно университетскими властями. Кромѣ того, ректору предоставляется объявить во всеобщее свѣдѣніе, чтобы, если кто-либо найдетъ искаженные экземпляры, эти послѣдніе приносились къ ректору для соотвѣтственнаго исправленія или уничтоженія ихъ и для наказанія книгопродавца, у котораго они оказались. Благодаря этимъ мѣрамъ, а также въ силу позднѣйшихъ статутовъ

установился общій порядокъ, по которому рукописи могутъ поступать въ обращеніе не иначе, какъ послѣ предварительнаго просмотра, исправленія и одобренія ихъ соотвѣтственнымъ факультетомъ Университета.

Право предварительнаго просмотра рукописей, принадлежавшее Университету въ теченіе ряда столѣтій, впослѣдствіи, когда начались преслѣдованія печати, превратилось въ право предварительной цензуры. Въ половинѣ XVI-го вѣка Парижскій Университетъ издаетъ регламентъ, воспрещающій всѣмъ типографіямъ Франціи издавать книги иначе, какъ подъ условіемъ предварительнаго увѣдомленія ректора и декановъ факультета; ректоръ избираетъ изъ состава каждаго факультета двухъ преподавателей, на которыхъ и возлагается обязанность просмотра и цензурованія новыхъ книгъ, каждаго по предметамъ его спеціальности.

Дѣятельную роль въ области полиціи печати [1]) Парижскій Университетъ сохранялъ до начала XVII-го вѣка, когда предварительная цензура была передана въ руки правительственныхъ органовъ. Въ 1624 году королевскій указъ предоставляетъ Университету лишь право просмотра книгъ богословскаго содержанія, назначая для этого четырехъ докторовъ богословскаго факультета и возлагая на нихъ отвѣтственность за одобреніе. Цензура остальныхъ произведеній печати была поручаема особымъ лицамъ. Назначеніе ихъ было предоставлено (ордон. 1629 г., Code Michaud) канцлеру, который поручаетъ просмотръ новыхъ произведеній въ рукописяхъ лицамъ, по его мнѣнію, наиболѣе компетентнымъ,

[1]) Вотъ перечень важнѣйшихъ законодательныхъ мѣръ, относящихся къ этой области. 1) декларація Генриха II (1547 г.), обязывающая въ началѣ каждой книги выставлять имена и мѣстожительства автора и типографа; 2) ордонансъ Карла IX (1566 г.), извѣстный въ исторіи подъ названіемъ Ordonnance de Moulins, воспрещающій печатаніе книгъ безъ предварительнаго разрѣшенія и особыхъ lettres de privilège за государственною печатью; 3) ордонансъ Карла IX (1571 г.), повелѣвающій, сверхъ прежнихъ предписаній, выставлять на произведеніяхъ печати сертификатъ лицъ, просматривавшихъ ихъ; 4) ордонансъ Генриха III (1587 г.), предоставляющій ректору Университета право осмотра книжныхъ лавокъ и изъятія изъ продажи книгъ вредныхъ (mauvais livres), преимущественно въ религіозномъ отношеніи, которыя должны быть передаваемы синдику богословскаго факультета.

смотря по предмету и содержанію книги. Эти лица не были, однако, постоянными цензорами: они исполняли, такъ сказать, порученія канцлера, дававшаго имъ каждый разъ въ видѣ спеціальнаго приказа.

Учрежденіе же постоянныхъ цензоровъ, правильнаго института „censeurs royaux" относится лишь къ началу XVIII-го вѣка (въ 1714 г.). Несмотря, однако, на принятыя мѣры, нерѣдко появлялись печатныя произведенія безъ дозволенія, вслѣдствіе чего мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ законодательныхъ предписаній, возобновлявшихъ воспрещеніе издавать книги безъ одобренія цензуры. Въ 1723 году былъ изданъ весьма подробный регламентъ (Réglement pour la librairie et imprimerie de Paris), представляющій собою цѣлый кодексъ законоположеній о книжной торговлѣ и книгопечатаніи. Малѣйшія подробности названныхъ профессій предусмотрѣны и регламентированы этимъ кодексомъ, сохранявшимъ свое дѣйствіе въ теченіе всего XVIII-го вѣка. Между прочимъ, рядъ статей этого регламента воспроизводитъ прежнія постановленія о печати. Ни одно произведеніе печати не можетъ быть издано и распространяемо иначе, какъ по полученіи предварительнаго дозволенія, съ приложеніемъ большой печати (lettres scellées du grand sceau); дозволеніе же это можетъ быть выдано лишь по представленіи канцлеру рукописнаго или печатнаго экземпляра и по одобреніи королевскими цензорами. Это требованіе было обязательно и для мелкой прессы (такъ назыв. feuilles volantes et fugitives), а также для брошюръ, объемомъ не свыше 2-хъ печатныхъ листовъ, съ тою разницей, что здѣсь требовалось дозволеніе отъ высшаго полицейскаго начальства (lieutenant-général de police), которое избирало особыхъ компетентныхъ лицъ для просмотра этихъ произведеній. Въ составѣ подлежащаго вѣдѣнію канцлера управленія находилось особое Bureau pour les affaires de librairie, директоръ котораго имѣлъ по отношенію ко всѣмъ произведеніямъ печати самыя неограниченныя полномочія. Онъ былъ главнымъ руководителемъ предварительной цензуры какъ отдѣльныхъ книгъ, такъ и періодическихъ изданій [1].

[1] По свѣдѣніямъ, относящимся къ 1742 году, число „королевскихъ цензоровъ" доходило въ то время до 78. По каждой отрасли существовало

Не останавливаясь на разсмотрѣніи отдѣльныхъ узаконеній о печати, весьма многочисленныхъ въ теченіе XVIII столѣтія, отмѣтимъ наиболѣе характерныя черты, изъ которыхъ слагалась въ то время система полиціи печати. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ указать общія воспрещенія печатать и распространять произведенія печати, признававшіяся вредными по тѣмъ или другимъ соображеніямъ. То это воспрещеніе касается произведеній, „противныхъ религіи и папскимъ булламъ, уваженію къ папѣ, епископамъ и королевской власти“, а также сочиненій „клонящихся къ нарушенію государственнаго спокойствія или къ порчѣ нравовъ подданныхъ“ (декларація 1728 г.); то запрещается составлять, издавать и распространять произведенія, касающіяся „споровъ о взаимныхъ отношеніяхъ между духовной и свѣтской властью“ (указъ королевскаго совѣта 1731 г.). За нарушеніе этихъ и другихъ предписаній угрожаютъ строгія наказанія, въ видѣ изгнанія изъ предѣловъ королевства, осужденія на галеры и т. под. А одна изъ декларацій половины XVIII ст. (1757 года) объявляетъ смертную казнь „всѣмъ, кто будетъ уличенъ въ составленіи и печатаніи сочиненій, заключающихъ въ себѣ нападки на религію или клоняшихся къ возбужденію умовъ, оскорбленію королевской власти и колебанію порядка и спокойствія государства“. Иногда воспрещенію подвергались даже книги, получившія требуемое дозволеніе. Такъ было, напр., съ знаменитою Энциклопедіей Дидро и д'Аламбера. Уже послѣ того, какъ появились первые два тома ея, былъ изданъ указъ королевскаго совѣта (Arrêt du Conseil), воспретившій какъ новое изданіе и перепечатку этого произведенія, такъ и продажу оставшихся экземпляровъ; указъ угрожаетъ издателямъ штрафомъ въ 1000 ливровъ, а типографамъ и книгопродавцамъ воспрещеніемъ заниматься этими промыслами. Въ періодъ времени между 1711 и 1775 г.г. насчитываютъ 364 воспрещенія раз-

---

опредѣленное число цензоровъ: изъ 78 цензоровъ, дѣйствовавшихъ въ 1742 г. для цензуры богословскихъ сочиненій было 10 лицъ, для юридическихъ книгъ—также 10, и т. д.; наибольшее число цензоровъ было для изящной словесности (belles-lettres)—35 чел. Въ 1774 году общее число цензоровъ доходитъ до 119, изъ которыхъ около половины (53 ч.) занимались цензурой произведеній изящной словесности.

личныхъ произведеній печати. До 1752 года наибольшее число запрещеній падаетъ на книги богословскаго содержанія. Въ слѣдующемъ періодѣ книги философскаго содержанія составляютъ наибольшій контингентъ запрещеній. Наконецъ, съ 1770 года всего чаще преслѣдуются книги политическаго содержанія.

Руководимая въ своей дѣятельности началами полицейской регламентаціи, королевская власть не ограничивалась контролемъ за внутреннимъ содержаніемъ произведеній печати, но иногда вмѣшивалась и въ чисто внѣшнія условія печатнаго дѣла. Въ этомъ отношеніи весьмо интересенъ указъ королевскаго совѣта 1725 года. Онъ требуетъ, чтобы дозволеніе печатать новыя или переиздавать уже напечатанныя ранѣе книги выдавалось не иначе, какъ по представленіи образца бумаги и шрифта (épreuve du papier et des caractères), которыми проситель желаетъ пользоваться: онъ обязанъ представить два напечатанные экземпляра листа, которые должны быть одобрены министромъ юстиціи; одинъ изъ нихъ прикрѣпляется къ выдаваемому разрѣшенію, другой представляется въ синдикальную палату, гдѣ сказанное разрѣшеніе регистрируется съ тѣмъ, чтобы служить образцомъ, съ которымъ сличается все изданіе въ присутствіи представителя отъ министра юстиціи; всѣ экземпляры, несогласные съ образцами, арестуются и конфискуются, а виновный подвергается, сверхъ того, штрафу въ размѣрѣ 1000 ливровъ. Тотъ же указъ обязываетъ типографовъ и книгопродавцевъ обращать особенное вниманіе на то, чтобы издаваемыя ими книги были „безусловно безъ ошибокъ (absolument correctes), подъ страхомъ: a) конфискаціи тѣхъ, по отношенію къ которымъ очевидна небрежность корректуры, и b) отнятія разрѣшенія и привилегій у тѣхъ, кто окажется виновнымъ въ такомъ проступкѣ [1].

[1] Во избѣжаніе злоупотребленія довѣріемъ публики, этотъ указъ разрѣшаетъ открытіе подписокъ лишь для значительныхъ сочиненій (ouvrages considérables), которыя не могутъ быть напечатаны безъ этой помощи и притомъ лишь съ согласія министра юстиціи, если эти сочиненія, въ цѣломъ, будутъ одобрены цензоромъ; это дозволеніе облекается въ письменную форму за подписью и печатается на особомъ листкѣ (prospectus), въ которомъ обозначаются условія изданія, порядокъ выхода и т. д.

Въ заключеніе очерка полиціи печати въ до-революціонной Франціи нельзя не отмѣтить еще одной черты ея, а именно ограниченія числа типографій въ интересахъ большей легкости контроля за печатью. Впервые эта мѣра предпринята была по отношенію къ Парижу въ 1686 году, когда число типографій тамъ было ограничено 36-ю. Въ началѣ XVIII-го столѣтія (въ 1704 г.) эта мѣра была распространена на все королевство: въ 210 городахъ, имѣвшихъ свои типографіи, число ихъ было ограничено 278-ю (впослѣдствіи, въ 1739 г. эта мѣра была пересмотрѣна, число типографій въ тѣхъ же 210 городахъ ограничено было 250-ю). Ограниченіе числа типографій опредѣленнымъ количествомъ просуществовало до 1792 года.

Съ тѣхъ поръ, какъ первая революція разрушила основы стараго порядка, Франціи пришлось пережить длинный рядъ политическихъ переворотовъ, изъ которыхъ каждый сопровождался болѣе или менѣе значительной ломкой ея политическихъ и общественныхъ учрежденій. Менѣе чѣмъ въ одно столѣтіе, Франція находилась поперемѣнно подъ режимомъ одиннадцати конституцій, представляющихъ собою значительное разнообразіе въ степени устойчивости: продолжительность ихъ существованія колеблется между нѣсколькими мѣсяцами и 40 годами (нынѣшняя, третья республика). Эта безпрестанная смѣна режимовъ рѣзко отражалась, между прочимъ, и на положеніи печати, значеніе которой представлялось для нихъ всѣхъ одинаково весьма существеннымъ. Сообразно съ характеромъ того или другого режима измѣнялось и положеніе печати: временами она находилась въ условіяхъ полной свободы отъ всякихъ предупредительно-полицейскихъ мѣръ, временами же считали нужнымъ возстановлять въ полной силѣ систему предварительной цензуры и другія предупредительныя мѣры. Въ результатѣ всего этого, за періодъ отъ первой революціи и до настоящаго времени, накопилось огромное, по своимъ размѣрамъ, собраніе законодательныхъ и административныхъ распоряженій по дѣламъ о печати.

Съ первыхъ же дней революціи произнесенъ былъ приговоръ прежней предупредительной системѣ печати и объявлена была полная свобода ея. „Декларація правъ чело-

вѣка и гражданина“ (26 августа 1789 г.) въ слѣдующихъ выраженіяхъ формулируетъ ее: „свободное сообщеніе мыслей и мнѣній есть одно изъ наиболѣе драгоцѣнныхъ правъ человѣка; а потому каждый гражданинъ можетъ свободно говорить, писать и печатать, лишь подъ условіемъ отвѣтственности за злоупотребленіе этою свободой въ случаяхъ, опредѣленныхъ закономъ (ст. 11). Воспроизводя эту статью декларации, конституція 1791 года въ числѣ другихъ „правъ естественныхъ и гражданскихъ“ гарантируетъ и „свободу всякаго говорить, писать, печатать и публиковать свои мысли безъ того, чтобы онѣ подлежали какой-либо цензурѣ или надзору до ихъ опубликованія“.

Установивъ эту общую гарантію свободы печати, конституція 1791 года опредѣляетъ и границы этой свободы, перечисляя въ одной изъ статей тѣ случаи, въ которыхъ должно быть возбуждаемо судебное преслѣдованіе. Возбужденіе къ неповиновенію закону, оскорбленію установленныхъ властей, сопротивленію дѣйствіямъ ихъ, возбужденіе къ какимъ-либо дѣяніямъ, которыя законъ объявляетъ преступленіями, клевета по отношенію къ должностнымъ лицамъ, наконецъ, оскорбленіе частныхъ лицъ,—таковы тѣ преступленія печати, которыя влекутъ за собою судебное преслѣдованіе и соотвѣтственныя наказанія. Далѣе, постановлено было, что дѣла, возбуждаемыя по обвиненію въ преступленіяхъ, совершаемыхъ путемъ печати, подлежатъ вѣдѣнію суда присяжныхъ, рѣшенію которыхъ принадлежитъ какъ вопросъ о томъ, есть ли налицо преступленіе въ инкриминируемомъ произведеніи, такъ и вопросъ о виновности преслѣдуемаго.

Таковы основныя черты новой репрессивной системы, подъ дѣйствіемъ которой печать, свободная отъ прежнихъ стѣсненій, стала быстро развиваться; въ одномъ 1789 году появилось до 250 періодическихъ изданій, а въ слѣдующемъ году число ихъ возросло до 350-ти. Но недолго просуществовали указанныя условія, обезпечивавшія одинаково какъ свободу печати, такъ и разумный контроль за нею. Послѣдовавшій за упраздненіемъ монархіи разгулъ революціонныхъ страстей тяжело отразился на положеніи печати. По отношенію къ ней онъ выразился въ жестокомъ преслѣ-

дованіи извѣстнаго направленія, съ существованіемъ котораго не желали примириться тѣ, въ чьихъ рукахъ находилась въ то время власть. Какъ на характерный примѣръ мѣропріятій якобинцевъ, укажу на декретъ Конвента (1793 года), въ силу котораго предаются суду исключительнаго трибунала и подлежатъ смертной казни авторы и издатели всякаго рода произведеній печати, высказывающихся за роспускъ народнаго представительства или въ пользу возстановленія королевской или иной власти, несогласной съ народнымъ суверенитетомъ. Жертвой этого декрета погибъ на эшафотѣ не одинъ десятокъ журналистовъ и писателей.

Директорія, установленная конституціей 1795 года, проявила по отношенію къ печати не меньшую жестокость. Вопреки постановленіямъ конституціи (въ силу которыхъ никому не можетъ быть воспрещено высказывать словесно или печатно свои мысли, при чемъ отвѣтственность за опубликованное имѣетъ мѣсто лишь въ закономъ предусмотрѣнныхъ случаяхъ), Директорія предписала (въ 1797 году) разстрѣливать немедленно всякаго, кто сдѣлаетъ попытку къ возстановленію королевской власти; въ то же время были подвергнуты тюремному заключенію многіе писатели, обвиненные въ заговорѣ противъ республики. Вскорѣ послѣ этого были сосланы, безъ всякаго суда, сорокъ пять газетныхъ издателей и редакторовъ, а сорокъ двѣ газеты были закрыты. И все это дѣлалось въ то время, когда основные законы говорили о свободѣ печати.

Какъ извѣстно, въ 1799 году послѣ переворота 18 брюмера власть перешла въ руки Наполеона Бонапарта, сначала въ качествѣ перваго консула. Въ конституціи 1799 года, учредившей консулатъ, весьма искусно былъ обойденъ вопросъ о печати. Это умолчаніе было истолковано въ томъ смыслѣ, что регулированіе положенія печати принадлежитъ правительственной власти и не требуетъ участія законодательныхъ собраній, что судьба печати и ея дѣятелей можетъ рѣшаться путемъ административныхъ распоряженій. Соотвѣтственно съ этимъ толкованіемъ, 17 января 1800 года появился „консульскій указъ о газетахъ“ (arrêt consulaire sur les journaux). Мотивируя его тѣмъ, что многія газеты

являются лишь „орудіемъ въ рукахъ враговъ республики“ и что правительство облечено народомъ обязанностями „заботиться объ его безопасности“, консулы сочли нужнымъ закрыть шестьдесятъ газетъ изъ 73, издававшихся въ Парижѣ и Сенскомъ департаментѣ. На министра полиціи возложена была обязанность слѣдить, чтобы „не печаталось ни одной новой газеты какъ въ Сенскомъ, такъ и въ другихъ департаментахъ“. Черезъ нѣсколько времени послѣ изданія этого указа, первый консулъ пригласилъ министра полиціи Фуше озаботиться, чтобы „редакторы газетъ были неподкупной нравственности и патріотизма“. Въ видахъ этого, было учреждено при министерствѣ полиціи особое бюро печати, которое и должно было посредствомъ полицейскихъ агентовъ слѣдить за газетами и книгами.

Этими мѣропріятіями открывается длинный рядъ декретовъ, указовъ и циркуляровъ, которые должны были регламентировать печать. Положеніе ея, однако, было въ высшей степени неопредѣленно. Правильно организованной цензуры не существовало вплоть до 1810 года, и наблюденіе за прессой, а также и постигавшія ее кары сосредоточивались почти исключительно въ рукахъ полиціи. Наполеонъ, особенно въ первое время, не былъ склоненъ возстановить цензуру, представленіе о которой слишкомъ тѣсно связывалось съ воспоминаніями о старомъ режимѣ. Но, съ другой стороны, онъ поставилъ своею задачею водворить строгій контроль надъ всѣмъ, что печаталось, въ особенности же въ области политики. Чтобы осуществить эту задачу, признано было наиболѣе удобнымъ предоставить широкій просторъ административнымъ мѣропріятіямъ сильнаго въ то время министерства полиціи. Что касается книгъ, брошюръ и вообще не-періодическихъ изданій, то въ первые годы консулата они продолжали еще пользоваться нѣкоторою свободою: книги печатались безъ предварительнаго просмотра и разрѣшенія полиціи. Но уже въ въ 1803 году была учреждена при министерствѣ юстиціи особая „комиссія для просмотра“, въ которую, „въ видахъ обезпеченія свободы печати“, книгопродавцы обязаны были представлять всѣ сочиненія, и затѣмъ уже эта комиссія разрѣшала продажу и свободное обращеніе ихъ.

18 мая 1804 года Бонапартъ сдѣлался императоромъ французовъ. Какъ бы въ видѣ уступки либеральнымъ элементамъ, но въ сущности съ цѣлью замаскировать произвольныя мѣры по отношенію къ печати, въ органическій сенатусконсультъ 18 мая (конституцію новой имперіи) были включены четыре статьи (64—67), долженствовавшія гарантировать свободу печати. Этими статьями создавалась „сенатская комиссія о свободѣ печати“ изъ семи членовъ, избираемыхъ сенаторами изъ ихъ среды. Комиссіи этой ставилось въ обязанность „блюсти свободу печати“. Къ ней могутъ обращаться авторы, издатели и книгопродавцы съ жалобами „на стѣсненія къ напечатанію или свободному обращенію сочиненій“. Если комиссія признаетъ, что стѣсненія не оправдываются „государственнымъ интересомъ“, то она приглашаетъ министра, сдѣлавшаго эти стѣснительныя распоряженія, отмѣнить ихъ. Если послѣ трехъ послѣдовательныхъ приглашеній стѣсненія не прекращаются, комиссія чрезъ посредство президента Сената созываетъ общее собраніе его, которое, въ случаѣ надобности, и постановляетъ свое рѣшеніе въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „есть серьезные признаки, что свобода печати нарушена“ (Il y a de fortes présomptions que la liberté de la presse est violée). Но за все время существованія Имперіи Сенатъ ни разу не примѣнилъ указаннаго постановленія, и конечно не потому, что бы не было случаевъ нарушенія свободы печати. Ничтожность изложенныхъ гарантій этой свободы выступитъ еще рельефнѣе, если принять во вниманіе оговорку того же сенатусконсульта, что „вѣдѣнію сенатской комиссіи не подлежатъ абонементныя и періодическія изданія“. Періодическая печать была предоставлена безграничному произволу, безъ всякихъ „гарантій“, Декретомъ 10 іюля 1804 года была сдѣлана первая попытка создать цензуру, хотя это слово все еще не было произнесено; при министерствѣ полиціи учреждено было особое „консультаціонное бюро“, на которое и возложена была обязанность просматривать газеты, политическія и литературныя изданія, а также и театральныя пьесы.

Безпорядочность режима, въ которомъ находилась печать, неопредѣленность вѣдомства тѣхъ органовъ, которые

слѣдили за прессой, породили потребность въ систематическомъ законѣ о печати, который и былъ изданъ 5-го февраля 1810 года. Этотъ декретъ создалъ систему, грозную и для журналистовъ, и для писателей, издателей и книгопродавцевъ. Ограниченіе числа типографій изъ опасенія, что, за недостаткомъ работы, онѣ станутъ печатать опасныя для правительства сочиненія; строгое и непрестанное наблюденіе за прессой, ввѣренное агентамъ министерствъ внутреннихъ дѣлъ и полиціи; право главноуправляющаго дѣлами о печати уничтожать типографскіе станки; конфискаціи; штрафы; тюремное заключеніе; аресты—вотъ тѣ элементы, изъ которыхъ сложилась система, созданная или, вѣрнѣе, увѣнчанная декретомъ 1810 года. Вотъ главнѣйшія постановленія его.

При министерствѣ внутреннихъ дѣлъ учреждается „главное управленіе дѣлами книгопечатанія и книжной торговли“ (direction générale de l'imprimerie et de la librairie). Число типографій въ Парижѣ и департаментахъ ограничивалось, при чемъ столичныя могли имѣть четыре станка, провинціальныя—только два. Право на содержаніе типографіи выдается лишь тому, кто докажетъ „свою правоспособность, добрые нравы и преданность отечеству и суверену“. Воспрещается печатать все, что противно „обязанностямъ подданныхъ къ суверену и государственному интересу“. Содержатель типографіи долженъ сообщать префекту о каждой книгѣ, которую онъ намѣренъ печатать; префектъ же каждый разъ даетъ знать объ этомъ министру полиціи. Главноуправляющій можетъ, въ случаѣ если найдетъ нужнымъ, потребовать къ себѣ сочиненіе и отсрочить его напечатаніе. Въ такомъ случаѣ оно посылается одному изъ назначенныхъ верховною властью цензоровъ, и затѣмъ, сообразно его заключенію, главноуправляющій предлагаетъ автору сдѣлать нужныя сокращенія и измѣненія; въ случаѣ отказа автора сдѣлать ихъ, онъ запрещаетъ продажу сочиненія и уничтожаетъ уже отпечатанные экземпляры. Такимъ образомъ, декретъ 5-го февраля не установляетъ обязательной цензуры, а предоставляетъ рѣшать вопросъ о томъ, должна ли быть цензурована книга, доброй волѣ главноуправляющаго.— Другая статья, въ видѣ гарантіи авторовъ и содержателей типографій, предоставляетъ имъ право отдать сочиненіе, до

его напечатанія, на предварительный просмотръ.—На свободную продажу каждаго изданія должно быть особое разрѣшеніе; если такового нѣтъ, сочиненіе подлежитъ изъятію изъ обращенія. Впрочемъ, той же участи могло подвергнуться и разрѣшенное сочиненіе, такъ какъ слѣдующая статья предоставляетъ министру полиціи право задерживать продажу и свободное обращеніе *всякаго* сочиненія, хотя бы авторъ или издатель и представили разрѣшеніе. И дѣйствительно, задержаніе полиціей сочиненій, прошедшихъ черезъ цензуру и получившихъ право свободнаго обращенія, было зауряднымъ явленіемъ. Такая судьба постигла, между прочимъ, извѣстное сочиненіе г-жи Сталь „De l'Allemagne". Таковы существеннѣйшія черты той системы полиціи печати, которая господствовала въ эпоху первой Имперіи.

Послѣ паденія Наполеона 1-го, французскій престолъ былъ возвращенъ династіи Бурбоновъ въ лицѣ Людовика XVIII-го и была выработана конституціонная форма правленія. Можно было думать, что печать получитъ теперь нормальныя условія существованія, что положеніе ея сдѣлается болѣе устойчивымъ. Конституціонная хартія 1814 года давала полное основаніе ожидать этого. Въ одной изъ своихъ статей она какъ бы устанавливаетъ принципъ свободы печати, подвергая ее ограниченіямъ лишь въ случаяхъ злоупотребленія ею. Но не прошло и полугода со времени опубликованія хартіи, какъ изданъ былъ законъ (21-го октября 1814 г.), постановленія котораго находятся въ прямомъ противорѣчіи съ объявленнымъ принципомъ. Вмѣсто репрессивной системы, законъ этотъ установилъ рядъ предупредительныхъ мѣръ. Онъ, во 1-хъ, требуетъ для всѣхъ періодическихъ изданій предварительнаго разрѣшенія правительства, во-2-хъ, подвергаетъ предварительной цензурѣ всѣ сочиненія, вообще всѣ изданія, объемомъ своимъ не превышающія 20 печатныхъ листовъ; въ 3-хъ, для занятія типографскимъ дѣломъ и книжной торговлей онъ ставитъ два условія—полученіе особаго патента и принесеніе присяги. Кромѣ того, содержатель типографіи обязанъ объявлять заблаговременно, что онъ предполагаетъ печатать, и не можетъ выпустить въ продажу ни одного изданія, прежде чѣмъ представитъ въ установленныя учрежденія извѣстное количество

экземпляровъ. Нарушеніе этихъ предписаній, а также и требованія, чтобы на каждомъ изданіи было выставлено имя и мѣстожительство содержателя типографіи, карается значительнымъ штрафомъ (отъ одной до шести тысячъ фр.).

Въ ряду этихъ мѣръ наиболѣе любопытно впервые проведенное здѣсь различіе между изданіями, превышающими 20 печатныхъ листовъ и недостигающими этого объема. Не трудно понять мотивы, положенные въ основу этого различія, а также почему одни изданія были освобождены отъ цензуры, а другія подвергнуты ей. Дѣло въ томъ, что произведеніе небольшого объема не требуетъ какъ для составленія, такъ и для напечатанія такихъ усилій и затратъ, какія необходимы для написанія и изданія большихъ книгъ. Мелкія изданія, будучи дешевле, получаютъ болѣе легкій сбытъ и находятъ себѣ большій кругъ читателей, а потому на нихъ и обращено особенное вниманіе. Это различіе изъ Франціи было заимствовано многими другими законодательствами, въ томъ числѣ и нашими законами о печати 1865 года.

Въ 1815 году, какъ извѣстно, Наполеонъ бѣжалъ съ о. Эльбы и въ теченіе нѣкотораго времени занималъ французскій престолъ. Уступая духу времени и требованіямъ общества, онъ рѣшился положить въ основу своего управленія либеральные принципы. Въ теченіе стодневнаго періода его вторичнаго господства цензура была упразднена и печать пользовалась полной свободой.

Съ возвращеніемъ Людовика XVIII, печать была поставлена въ прежнія условія, съ тою лишь разницею, что была упразднена цензура не-періодическихъ изданій, объемомъ хотя бы и менѣе 20 печатныхъ листовъ. Періодическая пресса подлежала прежнимъ ограниченіямъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ была выработана цѣлая система печати, въ основу которой былъ положенъ принципъ репрессіи. Изъ трехъ законовъ о печати, изданныхъ въ 1819 году, два посвящены установленію точнаго понятія преступленій, совершаемыхъ путемъ печати, и порядку ихъ преслѣдованія; важнѣйшія изъ нихъ были предоставлены вѣдѣнію суда присяжныхъ, что являлось наиболѣе существенной гарантіей отъ произвола.

Но рядомъ съ репрессивными мѣрами были установлены и нѣкоторыя предупредительныя. Такою является, во-первыхъ, обязательное для періодическихъ изданій предварительное заявленіе (déclaration), которое должно быть представляемо правительственнымъ органамъ, съ указаніемъ имени и мѣста жительства, по крайней мѣрѣ, одного собственника или отвѣтственнаго редактора, а также и типографіи, въ которой будетъ печататься предполагаемое изданіе. Вмѣстѣ съ этою мѣрою, которая является вполнѣ разумною и нимало не стѣснительною, такъ какъ она представляетъ собою лишь средство обезпеченія правосудія и отвѣтственности представителей печати, была примѣнена и другая, ставившая періодическую печать въ стѣснительныя условія: это—требованіе залога (cautionnement) отъ собственниковъ и отвѣтственныхъ издателей періодическихъ изданій. Размѣръ этого залога доходитъ до 10-ти тысячъ франковъ ренты или до 140 тыс. фр. капитала. Дѣйствительнымъ мотивомъ этой мѣры являлось желаніе устранить нѣкоторые элементы изъ области періодической прессы.

Но системѣ 1819 году не суждено было пустить корни. Въ слѣдующемъ же году правительство, подъ впечатлѣніемъ убійства герцога Беррійскаго, снова обратилось къ крутымъ мѣрамъ по отношенію къ печати: для періодическихъ изданій съ политическимъ характеромъ возстановлены требованіе правительственнаго разрѣшенія и предварительная цензура. Въ теченіе послѣдующаго десятилѣтія французская печать находилась въ крайне неустойчивомъ положеніи: цензура нѣсколько разъ была отмѣняема и возстановляема, а одинъ изъ законовъ установилъ такъ называемое преслѣдованіе за „направленіе“. Этимъ закономъ (17 марта 1822 г.) создавался какъ бы новый видъ преступленія, совершаемаго путемъ печати—délit de tendance: если изъ цѣлаго ряда статей какого-либо періодическаго изданія усмотрѣно будетъ, что направленіе его по характеру своему представляется опаснымъ для общественнаго спокойствія, несогласнымъ съ должнымъ уваженіемъ къ государственной религіи и другимъ признаннымъ во Франціи вѣроисповѣданіямъ, къ королевской власти и устойчивости конституціонныхъ учрежденій и т. под., то подлежащія судебныя учре-

жденія постановляютъ рѣшеніе о пріостановкѣ изданія на извѣстное время (не свыше одного мѣсяца въ первый разъ и трехъ мѣсяцевъ во второй). Въ случаѣ повторенія, изданіе можетъ быть прекращено окончательно.

Вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими причинами, попытка возстановить предварительную цензуру (указомъ 25 іюля 1830 года), незадолго передъ тѣмъ отмѣненную, привела къ такъ называемой іюльской революціи, свергнувшей послѣдняго короля династіи Бурбоновъ и передавшей французскій престолъ Людовику-Филиппу Орлеанскому.

Конституціонная хартія 1830 года возстановила свободу печати, при чемъ въ текстъ ея было внесено, между прочимъ, постановленіе о томъ, „что цензура не можетъ быть никогда возстановлена“ (La censure ne pourra jamais être retablie). Затѣмъ, въ послѣдующіе годы (1830, 1831, 1834 и 1835 гг.) былъ изданъ рядъ законовъ, установившихъ для печати систему, основныя черты которой сводятся къ слѣдующему. Система эта представляетъ собою соединеніе двоякаго рода мѣръ — предупредительныхъ и репрессивныхъ. Къ разряду мѣръ предупредительно-полицейскаго характера относятся: во 1-хъ, обязательное для всѣхъ періодическихъ изданій представленіе предварительнаго заявленія, которое должно заключать въ себѣ: названіе изданія и сроки выпуска, имена всѣхъ собственниковъ его, ихъ адресы и долю участія каждаго изъ нихъ; имена и мѣста жительства отвѣтственныхъ редакторовъ, а также доказательства того, что всѣ эти лица отвѣчаютъ условіямъ, требуемымъ закономъ [1]), наконецъ, указаніе типографіи, въ которой будетъ печататься изданіе. Во 2-хъ, представленіе денежнаго залога. Размѣръ его былъ пониженъ до 2400 франковъ годовой ренты. Впослѣдствіи законъ 1835 г. измѣнилъ какъ размѣръ залога, такъ и природу его; съ тѣхъ поръ онъ долженъ былъ вноситься не рентою, а капитальной суммой. Онъ вносится въ казначейство, которое и платитъ приходящіеся съ него проценты по особой таксѣ [2]). Рядомъ съ залогами установленъ былъ и

[1] 980 ст. Code pènal· «mâle, majeur, sujet du roi, jouissant des droits civils»:

[2] Для періодическихъ изданій, выходящихъ болѣе 2-хъ разъ въ недѣлю, размѣръ залога опредѣленъ въ 100,000 фр. Этотъ максимальный раз-

штемпельный сборъ, которому подлежали всѣ періодическія изданія. Наконецъ, въ 3-хъ, къ разряду предупредительныхъ мѣръ относится еще необходимость предварительнаго разрѣшенія муниципальнаго управленія для производства разносной торговли періодическими изданіями.

Что касается второй категоріи мѣръ, репрессивныхъ, то изъ нихъ мы укажемъ слѣдующія. Преступленія печати распредѣлены на четыре группы: покушеніе на государственную безопасность, преступленія общаго права, преступленія, наказуемыя исправительнымъ порядкомъ, и нарушенія различныхъ требованій законовъ о печати. Важнѣйшія преступленія вѣдаются судомъ съ участіемъ присяжныхъ; менѣе важныя — судомъ безъ ихъ участія.

Изложенная система полиціи печати просуществовала безъ измѣненія до февральской революціи 1848 года. Неограниченная свобода, которою пользовалась печать въ дни революціоннаго возбужденія, вызвала своими крайностями рядъ новыхъ ограничительныхъ мѣръ: возстановленіе залоговъ (размѣръ ихъ былъ понижень—24.000 франковъ составляли maximum для парижскихъ политическихъ изданій) и штемпельнаго сбора, а также нѣкоторыя новыя ограниченія разносной торговли: возстановлены далѣе прежнія постановленія о преслѣдованіи преступленій печати, но съ обратными цѣлями: тогда какъ прежде они были направлены къ защитѣ отъ нападокъ на монархическую форму правленія, теперь они должны были служить для отраженія нападокъ на республиканскія учрежденія. Въ 1850 г. была предпринята еще новая мѣра полиціи печати—требованіе авторской подписи подъ статьями политическаго, религіознаго и философскаго содержанія.

Какъ извѣстно, 2-го декабря 1851 года принцъ Бонапартъ, бывшій президентомъ второй республики, совершилъ государственный переворотъ, въ результатѣ котораго явилась Вторая Имперія съ Наполеономъ III во главѣ. Начавшаяся еще ранѣе реакція по отношенію къ печати теперь получила болѣе рѣзкое выраженіе. Главное вниманіе было обращено

мѣръ понижается по мѣрѣ сокращенія сроковъ выхода и уменьшенія количества населенія того города, гдѣ выходитъ изданіе. Свободны отъ внесенія залога изданія, посвященныя научнымъ и промышленнымъ цѣлямъ.

на періодическую печать, которую имѣлось въ виду поставить подъ дѣйствительный и строгій контроль администраціи. Въ этихъ видахъ было предложено возстановить предварительную цензуру. Но цензура являлась учрежденіемъ весьма непопулярнымъ въ глазахъ представителей самыхъ разнообразныхъ направленій, и правительство предпочло ей новую систему, выработанную извѣстнымъ дѣятелемъ второй Имперіи — Руэромъ (Rouher) [1]). Эта система, не прибѣгая

[1] Изобрѣтеніе системы административнаго воздѣйствія на періодическую печать приписывалось нѣкоторыми де-Персиньи. Между тѣмъ это авторство должно быть признано за Руэромъ, какъ выясняетъ Гранье де-Кассаньякъ въ „Souvenirs du second Empire“. Новѣйшій историкъ французской печати Авнель (Histoire de la presse francaise depuis 1789 jusqu'à nos jours, Par. 1900, p. 450) разсказываетъ слѣдующее: „Руэръ не сразу дошелъ до этого открытія. Сначала въ средѣ правительства имѣлось въ виду собрать, координировать и кодифицировать всѣ законы о печати, чтобы, путемъ согласованія и сшитія во-едино отдѣльныхъ мѣръ, извлечь изъ этого хаоса соотвѣтственные пріемы направленія и обузданія журналистики. Эта кодификаціонная работа была возложена на Руэра. Попытку эту онъ считалъ безплодною, полагая, что способы, оказавшіеся въ прошломъ непригодными для обузданія печати, не могутъ явиться и въ будущемъ надежными орудіями. Однако, онъ представилъ принцу Людовику-Наполеону свою работу, сказавъ при этомъ: „вотъ, ваше высочество, работа, вами на меня возложенная. Позвольте мнѣ добавить къ этому совѣтъ — пробѣжавъ ее, бросьте ее въ печку“. Въ послѣдовавшихъ затѣмъ подготовительныхъ совѣщаніяхъ Барошъ, человѣкъ практическій и рѣшительный, предложилъ установить цензуру въ отношеніи къ вопросамъ политическимъ. Руэръ выступилъ противъ этого предложенія и придумалъ комбинацію, при посредствѣ которой главные редакторы газетъ, за которыми сохранялась полная свобода говорить все, сами ставились въ положеніе цензоровъ своихъ изданій, подъ угрозою предостереженій, изъ которыхъ третье влекло за собою пріостановку. Такимъ путемъ ничто не подлежало цензурѣ, а между тѣмъ все находилось подъ зоркимъ наблюденіемъ самихъ же журналистовъ, ибо интересы безопасности изданія являлись тормазомъ, при посредствѣ котораго обуздывалась дерзость журналиста. Гранье де-Кассаньякъ разсказываетъ, что когда Руэръ, встрѣтивъ Бароша въ Государственномъ Совѣтѣ, предложилъ эту комбинацію, Барошъ съ восторгомъ принялъ ее и обнялъ ея автора. По словамъ Кассаньяка, черезъ нѣсколько дней по опубликованіи декрета 17 февраля 1852 г., знаменитый журналистъ, главный редакторъ Journal des Dèbats, Арманъ Бертенъ, обѣдалъ у графини Ле-Гонъ. Разговоръ коснулся новаго режима печати, и у Бертена спросили его мнѣнія по этому предмету. „О декретѣ, отвѣтилъ онъ, можно сказать все, что угодно, кромѣ одного, — что авторъ его глупъ. Этотъ декретъ заставляетъ меня наблюдать за уклоненіями моей собственной газеты и дѣлаетъ изъ

къ цензурѣ, обезпечивала за администраціей возможность самаго бдительнаго контроля надъ періодической печатью. Имѣя въ основѣ различнаго рода административныя мѣры контроля и репреесіи, она носитъ названіе системы административной. Разсмотримъ существеннѣйшіе элементы этой системы, какъ она изложена въ декретѣ 17 февраля 1852 года.

Всякое періодическое изданіе политическаго и общественно-экономическаго содержанія можетъ быть основано и издаваемо не иначе, какъ съ предварительнаго дозволенія правительства. Предварительное разрѣшеніе его должно быть испрашиваемо и въ случаѣ также всякаго рода перемѣнъ въ личномъ персоналѣ редакторовъ и собственниковъ изданія. Собственники періодическихъ изданій, посвященныхъ вопросамъ политическимъ и общественно-экономическимъ, обязаны внести въ казначейство наличными деньгами залогъ. Размѣръ его, доходящій до 50000 франковъ для изданій, выходящихъ болѣе трехъ разъ въ недѣлю въ Парижѣ и трехъ наиболѣе населенныхъ департаментахъ, постепенно понижается, смотря по уменьшенію сроковъ выхода и населенности городовъ, въ которыхъ изданія выходятъ (наименьшій размѣръ его—7500 фр. для изданій, выходящихъ менѣе трехъ разъ въ недѣлю въ городахъ съ населеніемъ менѣе 50 тысячъ жителей). Возвысивъ размѣръ залога, декретъ 1852 года возвышаетъ также и штемпельный сборъ, опредѣляя его въ 6 и 3 сантима, смотря по величинѣ листовъ; штемпельному сбору подлежатъ и не-періодическія изданія [1], объемомъ менѣе 10 печатныхъ листовъ.

Далѣе, декретъ 1852 года всѣ преступленія, совершаемыя путемъ печати, исключаетъ изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ

меня дарового чиновника, призваннаго противодѣйствовать нападкамъ противъ конституціи и охранять порядокъ къ выгодѣ правительства. Могутъ возникнуть сомнѣнія по вопросу о томъ, окажется ли эта система дѣйствительною, но никакъ нельзя отрицать того, что она очень искусно задумана".

[1] Опять-таки политическаго и общественно-экономическаго содержанія. Впослѣдствіи (законами 28 марта 1852 г. и 2 мая 1861 г.) отъ уплаты штемпельнаго сбора были освобождены періодическія изданія, имѣющія исключительнымъ своимъ содержаніемъ литературу, науки, искусства и земледѣліе.

и передаетъ ихъ въ вѣдѣніе суда безъ присяжныхъ. Кромѣ того, онъ создаетъ какъ бы новую категорію преступленій, налагая значительный штрафъ за сообщеніе или воспроизведеніе ложныхъ извѣстій; если же эти сообщенія дѣлаются завѣдомо недобросовѣстно и по характеру своему представляются опасными для общественнаго спокойствія, то они наказуются, помимо штрафа, еще тюремнымъ заключеніемъ отъ одного мѣсяца до одного года. Декретъ категорически воспрещаетъ давать отчеты о засѣданіяхъ Законодательнаго Корпуса и Сената, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и Государственнаго Совѣта; воспрещается также печатать судебные отчеты о процессахъ по дѣламъ печати.

Въ изложенныхъ до сихъ поръ требованіяхъ декретъ 1852 года не представляетъ ничего особенно оригинальнаго: мы уже ранѣе видѣли практику предварительныхъ разрѣшеній, залоговъ, штемпельнаго сбора и т. д. Оригинальную сторону новой системы составляетъ рядъ постановленій о правительственныхъ сообщеніяхъ, предостереженіяхъ, пріостановкахъ и закрытіи періодическихъ изданій.

Каждый редакторъ обязанъ печатать во главѣ своего изданія всякіе оффиціальные документы, отношенія, свѣдѣнія, отвѣты и поправки, которые будутъ доставлены въ редакцію кѣмъ-либо изъ представителей государственной власти. Печатаніе этихъ документовъ должно быть безвозмезднымъ. Это требованіе снабжало администрацію весьма опаснымъ правомъ, которое, не будучи къ тому же ничѣмъ ограничено, могло являться источникомъ злоупотребленій. Далѣе, декретъ 1852 года предоставляетъ правительству право дѣлать такъ называемыя предостереженія (avertissements), при чемъ третье предостереженіе влечетъ за собою пріостановку изданія на срокъ не свыше двухъ мѣсяцевъ. Изданіе можетъ быть пріостановлено и въ томъ случаѣ, когда редакторъ его будетъ обвиненъ въ какомъ-либо преступленіи печати. Въ этомъ случаѣ правительство можетъ также предписать окончательное закрытіе изданія. Закрытіе изданія, кромѣ того, является необходимымъ послѣдствіемъ обвиненія редактора его за какое-либо преступленіе, отнесенное къ категоріи важнѣйшихъ (crime).

Прекращеніе изданія можетъ имѣть мѣсто и безъ на-

личности такихъ фактовъ, какъ судебное преслѣдованіе редактора; оно можетъ быть примѣнено въ видѣ мѣры общей безопасности (mesure de sûreté générale), т. е. по простому усмотрѣнію правительства. Въ такомъ случаѣ необходимъ лишь особый декретъ, который долженъ быть напечатанъ въ Bulletin des lois.

Такова, въ существеннѣйшихъ своихъ чертахъ, система полиціи печати въ эпоху Второй Имперіи. Она создала для печати, главнымъ образомъ періодической, крайне обременительныя условія, сдѣлавшія ее вполнѣ зависимой отъ администраціи. Ставя журналистовъ подъ угрозу предостереженій, пріостановокъ и закрытія ихъ изданій, авторы этой системы имѣли въ виду заставить ихъ цензуровать самихъ себя. Избавляя правительство отъ неудобствъ цензуры, они въ то же время старались обезпечить ея результаты. Эта цѣль дѣйствительно была достигнута этой системой, автору которой нельзя отказать въ большомъ остроуміи и изобрѣтательности.

Въ концѣ второй имперіи положеніе печати нѣсколько измѣнилось къ лучшему. Административный режимъ ея уступилъ свое мѣсто репрессивной системѣ. Закономъ 11 мая 1868 года предварительное разрѣшеніе было замѣнено уже извѣстнымъ намъ требованіемъ заблаговременнаго заявленія; упразднена была и система административныхъ предостереженій и пріостановокъ. Залоги были сохранены, но штемпельный сборъ пониженъ. Новое законодательство, какъ говорилъ мотивированный проектъ его, „прекращаетъ для газеты административную опеку и предоставляетъ ея судьбу лишь вѣдѣнію закона и судьи: законъ опредѣляетъ право, судья караетъ за его нарушеніе“.

Мы не будемъ останавливаться на рядѣ отдѣльныхъ законовъ, изданныхъ въ періодъ времени, слѣдующій за паденіемъ Второй имперіи въ сентябрѣ 1870 года. Большая часть ихъ постановленій вошла въ законъ 29 іюля 1881 года, подъ дѣйствіемъ котораго французская печать находится въ настоящее время. Этотъ законъ представляетъ собою цѣлый кодексъ, собравшій воедино разбросанныя въ отдѣльныхъ законахъ постановленія и внесшій въ законодательство о печати ту цѣльность, настоятельная потребность въ

которой уже давно давала себя чувствовать. Въ 1876 году особая коммисія Палаты Депутатовъ приступила къ выработкѣ органическаго закона о свободѣ печати. Черезъ четыре года (въ 1880 г.) эта коммисія представила Палатѣ обширный докладъ, послужившій предметомъ продолжительныхъ и оживленныхъ преній, которыя вызвали рядъ измѣненій въ изготовленномъ законопроектѣ. Составленный такимъ образомъ законъ былъ обнародованъ 29 іюля 1881 г.

Подобно предшествовавшимъ законамъ о печати, законъ 1881 года различаетъ произведенія печати періодическія и не-періодическія. Въ силу особаго своего характера, благодаря которому они способны оказывать болѣе сильное вліяніе на общество, періодическія изданія подвергнуты большимъ ограниченіямъ сравнительно съ не-періодическими.

Всякое произведеніе печати должно: во 1-хъ, носить указаніе имени и мѣстожительства содержателя типографіи, въ которой оно напечатано, и во 2-хъ, въ моментъ выпуска въ свѣтъ оно должно быть представлено въ двухъ экземплярахъ въ соотвѣтственныя учрежденія (въ Парижѣ—въ министерство внутреннихъ дѣлъ, въ провинціяхъ—въ префектуру, су-префектуру или мэрію). Экземпляры эти предназначаются для національныхъ коллекцій. При ихъ представленіи должно быть указано число напечатанныхъ экземпляровъ. Таковы тѣ два условія, которымъ подлежатъ не-періодическія произведенія печати.

Что касается періодическихъ изданій, то по отношенію къ нимъ новое законодательство также озаботилось уничтоженіемъ излишнихъ преградъ къ свободному изданію ихъ. Оно не только не требуетъ предварительнаго разрѣшенія для нихъ, но и освобождаетъ ихъ отъ штемпельнаго сбора и залоговъ. Ограниченія, которымъ законъ 1881 года подвергаетъ періодическую прессу, сводятся къ слѣдующему.

Во 1-хъ, всякое періодическое изданіе должно имѣть своего завѣдывающаго (gérant), на котораго прежде всего падаетъ отвѣтственность въ случахъ совершенія путемъ печати какого-либо преступленія. Вотъ необходимыя условія, которымъ должно отвѣчать это лицо: французское подданство, совершеннолѣтіе, пользованіе всею полнотою граж-

данскихъ правъ; женщины могутъ быть въ роли „gérant“. Прежнее законодательство (зак. 1849 г. и 1868 г.) объявляло несовмѣстимымъ званіе отвѣтственнаго редактора газеты съ званіемъ депутата и сенатора. Новый законъ уничтожаетъ эту несовмѣстимость.

Во 2-хъ, прежде чѣмъ какое-либо періодическое изданіе начнетъ выходить, должно быть представлено мѣстному прокурору письменное заявленіе на гербовой бумагѣ съ обозначеніемъ названія изданія и порядка его выпуска, имени и мѣстожительства отвѣтственнаго редактора (gérant, наконецъ, типографіи, въ которой изданіе будетъ печататься. О всякой перемѣнѣ въ указанныхъ условіяхъ и порядкѣ изданія должно быть сообщаемо въ пятидневный срокъ. Прежде законъ устанавливалъ извѣстный промежутокъ времени (двѣ недѣли по закону 1868 года) между подачей заявленія и моментомъ выхода изданія въ свѣтъ. Новое законодательство молчитъ объ этомъ, вслѣдствіе чего выпускъ изданія можетъ послѣдовать непосредственно за представленіемъ заявленія.

Въ 3-хъ, въ моментъ выпуска каждаго нумера періодическаго изданія два экземпляра его должны быть представлены органамъ судебнаго вѣдомства (а тамъ, гдѣ нѣтъ лицъ прокурорскаго надзора, въ мэрію), и два—органамъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Въ 4-хъ, всѣ экземпляры каждаго нумера періодическаго изданія должны имѣть подпись отвѣтственнаго завѣдующаго.

Таковы тѣ ограниченія предупредительнаго характера, которымъ подлежатъ періодическія изданія по современному французскому законодательству о печати. Единственная цѣль ихъ—обезпечить возможность судебнаго преслѣдованія въ случаяхъ совершенія путемъ печати какихъ-либо преступленій.

Разносная продажа всякихъ вообще произведеній печати освобождена отъ стѣснявшихъ ее ранѣе условій. Отъ лицъ, занимающихся этимъ промысломъ, требуется, подъ угрозою штрафа, лишь заблаговременное представленіе (въ префектуру, иногда въ мэрію) заявленія съ обозначеніемъ имени, профессіи, возраста, мѣста родины и мѣстожительства.

Установленная закономъ 1881 года свобода печати не является однако неограниченною. Обезпечивая ее отъ стѣсненій, законъ принялъ во вниманіе и другую сторону дѣла, а именно возможность злоупотребленія этой свободой въ ущербъ интересамъ общественной и личной безопасности. Отказавшись отъ многихъ предупредительныхъ мѣръ, законъ кладетъ въ основу принципъ репрессіи на началахъ права и суда. Значительнѣйшая часть его постановленій (изъ 70 статей 48) заключаетъ въ себѣ подробную классификацію и перечисленіе преступленій, совершаемыхъ путемъ печати, и регламентацію порядка судебнаго преслѣдованія ихъ. Постановленія закона 1881 года пополнены въ этомъ отношеніи позднѣйшими законами, изъ которыхъ важнѣйшими являются законы 12 декабря 1893 г. и 29 іюля 1894 г., вызванные пропагандою и апологіею анархическихъ идей.

По закону 1881 года, совершаемыя путемъ печати преступленія распадаются на четыре категоріи.

Къ первой относятся дѣйствія, представляющія собою возбужденіе къ совершенію различнаго рода преступленій (provocation aux crimes et délits), какъ, напр., убійства, грабежа и т. д.; къ этой же категоріи отнесены и всякаго рода мятежные крики и пѣсни въ общественныхъ мѣстахъ, а также и возбужденіе тѣмъ или инымъ путемъ войскъ къ уклоненію ихъ отъ своихъ обязанностей или къ неповиновенію властямъ.

Вторую категорію составляютъ преступленія противъ общественныхъ интересовъ (contre la chose publique). Сюда относятся: оскорбленіе президента республики, какъ главы государства; опубликованіе или воспроизведеніе ложныхъ сообщеній, если оно дѣлается злонамѣренно и сопровождается нарушеніемъ общественнаго спокойствія; наконецъ, оскорбленіе общественной нравственности, куда отнесено, между прочимъ, распространеніе и выставленіе непристойныхъ гравюръ, картинъ, эмблемъ и т. п.

Третью категорію составляютъ преступленія противъ личности—диффамація и оскорбленіе частныхъ лицъ.

Наконецъ, четвертую группу составляютъ оскорбленія иностраныхъ государей и дипломатическихъ представителей иностранныхъ державъ.

Совершаемыя посредствомъ печати преступленія подлежатъ судебному преслѣдованію на общемъ основаніи. Большая часть ихъ вѣдается судомъ присяжныхъ; другія, менѣе значительныя,—судами безъ участія присяжныхъ.

По даннымъ уголовной статистики за двадцать лѣтъ (1880—1900), опубликованнымъ осенью 1902 года, со времени изданія закона 1881 года суду присяжныхъ подлежали 797 дѣлъ этой категоріи, по которымъ были привлечены къ суду 1.345 обвиняемыхъ. По отдѣльнымъ годамъ эти числа распредѣляются неравномѣрно. Почти четвертая часть общаго числа преслѣдованій за двадцать лѣтъ приходится на одинъ 1894 г., когда ихъ число доходило почти до 200. Это объясняется примѣненіемъ закона 12 декабря 1893 года объ анархистскихъ происках и агитаціи, установившаго новый видъ преступленія печати—апологію въ печати преступныхъ дѣйствій. Въ силу закона 29 іюля 1894 г., изданнаго послѣ убійства президента республики Карно, преступленія этой категоріи подлежатъ вѣдѣнію судовъ исправительныхъ (т. е. суда безъ участія присяжныхъ), а не ассизовъ.—Въ общемъ, за указаннымъ отступленіемъ, суду присяжныхъ приходилось рѣшать дѣла по преступленіямъ печати, въ среднемъ, въ количествѣ 30 въ годъ, при чемъ подсудимыхъ было въ среднемъ 54 въ годъ.

Данныя статистики показываютъ, между прочимъ, что въ послѣдніе годы судъ присяжныхъ проявляетъ большую, чѣмъ прежде, суровость въ дѣлахъ репрессіи преступленій печати. Число оправдательныхъ приговоровъ, составлявшее 47% въ пятилѣтіе 1881 — 1885 гг., въ 1891 — 1900 падаетъ до 31%.

Современное французское законодательство о печати представляетъ собою типъ, къ которому болѣе или менѣе близко подходятъ всѣ остальныя западно-европейскія государства. Въ основѣ ихъ законодательствъ лежатъ два главные принципа: во 1-хъ, свобода печати отъ всякихъ стѣснительныхъ предупредительно-полицейскихъ ограниченій; во 2-хъ, судебное преслѣдованіе преступленій, совершаемыхъ путемъ печати.

Законодательство о печати въ Германіи.

Установленіе регулярной цензуры въ Германіи относится къ 1529—30 гг., хотя нѣкоторые имперскіе указы и ранѣе этого, именно въ 1521 и 1524 гг., возлагаютъ на свѣтскія правительства обязанность надзора за книгопечатаніемъ. Законодательство XVI и XVII вв. еще болѣе расширило предупредительныя мѣры по отношенію къ печати. Для лучшаго и болѣе правильнаго надзора за нею, Рудольфъ II учредилъ въ 1608 г. во Франкфуртѣ-на-Майнѣ особое книжное коммисаріатство (Büchercommissariat), которое должно было наблюдать за приведеніемъ въ исполненіе имперскихъ законовъ и полномочія котораго были еще болѣе расширены послѣдующими королевскими патентами XVIII вѣка. Какъ извѣстно, Германія распадалась въ то время на рядъ мелкихъ, болѣе или менѣе самостоятельныхъ владѣній. Правители ихъ примѣняли имперское законодательство о печати не вездѣ одинаково: иные съ большей, другіе съ меньшей строгостью. Такъ, напр., въ Бранденбургѣ правильная цензура, и то лишь для богословскихъ произведеній, была введена впервые только въ 1654 году; для всѣхъ же книгъ вообще она была установлена лишь въ 1749 году.

Во второй половинѣ XVII вѣка, подъ вліяніемъ идей свободной философіи, въ нѣкоторыхъ маленькихъ государствахъ (въ Голштиніи, Брауншвейгѣ, Саксенъ-Веймарѣ и др). цензура была совершенно упразднена. Но затѣмъ, главнымъ образомъ, подъ впечатлѣніемъ событій французской революціи, стѣсненія печати снова усилились и сдѣлались повсемѣстными. Въ 1815 году союзный актъ объявилъ, что въ первой же сессіи союзнаго собранія будетъ выработано однообразное для всѣхъ государствъ союза законодательство о свободѣ печати. Это обѣщаніе не было исполнено; вмѣсто того въ 1819 году изданъ былъ законъ о печати, по которому всѣ періодическія изданія, а также и книги, объемъ которыхъ не достигалъ 20 печатныхъ листовъ, подлежали предварительной цензурѣ (составители этого закона, очевидно, находились подъ сильнымъ вліяніемъ французскаго законодательства о печати 1814 года).

Въ періодъ времени, слѣдовавшій за революціоннымъ возбужденіемъ 1848 года, въ конституціонныхъ хартіяхъ большинства германскихъ государствъ былъ санкціонированъ принципъ свободы печати; онъ былъ положенъ въ основу отдѣльныхъ законовъ о печати, изданныхъ въ то время. Позднѣе Германскій Союзъ (въ положеніи 1854 года) снова подвергъ печать цѣлому ряду полицейскихъ ограниченій, хотя и не рѣшился возстановить цензуру. Впрочемъ, это положеніе не было введено въ Пруссіи, Баваріи и нѣкоторыхъ мелкихъ государствахъ. Въ 1870 году, послѣ франко-прусской войны, Сѣверо-Германскій союзъ превратился въ Германскую Имперію, при чемъ компетенціи имперскаго законодательства была распространена и на область печати. 7 мая 1874 года былъ изданъ имперскій законъ о печати, который для большинства германскихъ государствъ представлялъ значительный шагъ впередъ. Подъ режимомъ этого закона нѣмецкая печать находится и по настоящее время.

Созданное этимъ закономъ положеніе печати въ существенныхъ чертахъ представляется почти тождественнымъ съ изложенными современными условіями печати во Франціи. Нѣкоторыя ограниченія установленной закономъ 1874 года свободы печати явились въ такъ называемомъ „законѣ о соціалистахъ“ 1878 года. Онъ былъ изданъ вслѣдствіе крайнихъ проявленій соціалистической и анархической агитаціи, выразившейся, между прочимъ, въ двукратномъ покушеніи на жизнь императора Вильгельма. Заключающіяся въ немъ исключительныя мѣры должны были имѣть временный характеръ, при чемъ, по наступленіи срока дѣйствія этого закона, онъ дважды былъ продленъ, такъ что сохранялъ силу до 1890 г., когда императоръ Вильгельмъ II не призналъ нужнымъ предложить рейхстагу продлить дѣйствіе закона на новый срокъ. Въ числѣ этихъ исключительныхъ мѣръ находились, между прочимъ, и мѣры по отношенію къ печати. На мѣстныя полицейскія учрежденія возложена была обязанность воспрещать всякаго рода произведенія печати, въ которыхъ проявляются соціалистическія тенденціи, клонящіяся къ ниспроверженію государственнаго и общественнаго строя и могущія угрожать

общественному спокойствію. Воспрещеніе заграничныхъ изданій поставлено было въ зависимость отъ имперскаго канцлера, при чемъ его распоряженія были обязательны для всѣхъ государствъ, входящихъ въ составъ Имперіи.

Цензура театральныхъ произведеній въ иностранныхъ государствахъ.

Наряду съ законодательствомъ о печати надлежитъ остановиться на разсмотрѣніи нормъ, регулирующихъ такъ называемую цензуру театральныхъ произведеній. Эта цензура имѣетъ ту особенность, что она касается лишь публичнаго представленія драматическихъ и иныхъ произведеній на сценѣ, но никоимъ образомъ не затрогиваетъ судьбы этихъ произведеній въ отношеніи къ ихъ напечатанію. Послѣднее можетъ имѣть мѣсто, на основаніи общихъ законовъ о печати, хотя бы данное произведеніе и не было разрѣшено къ представленію на сценѣ. Такимъ образомъ цензура театральныхъ произведеній принадлежитъ къ области не законодательства о печати, а полиціи театровъ и зрѣлищъ. Вслѣдствіе этого и нормы, регулирующія театральную цензуру, представляются въ западно-европейскихъ государствахъ совершенно обособленными отъ законодательства о печати.

Что касается Россіи, то правила „о цензурѣ драматическихъ сочиненій, назначаемыхъ къ представленію на театрахъ“, входятъ въ Уставъ о цензурѣ и печати; посвященный этой цензурѣ отдѣлъ названнаго устава сохранилъ свою силу и послѣ отмѣны предварительной цензуры печатныхъ произведеній и изданія временныхъ правилъ о печати (1905—1906 гг.), внесшихъ коренныя измѣненія въ наше законодательство о печати (о нихъ см. ниже). Самая цензура драматическихъ произведеній осуществляется органами управленія по дѣламъ печати. Въ виду этихъ обстоятельствъ и для надлежащаго уясненія института театральной цензуры необходимо основательно ознакомиться съ постановкою его въ иностранныхъ государствахъ.

Весьма интереснымъ представляется то обстоятельство,

что цензура театральныхъ произведеній продолжаетъ существовать даже тамъ, гдѣ уже съ давнихъ поръ твердо упрочилась свобода печати.

Такъ, въ *Англіи* цензура театральныхъ пьесъ, существовавшая издавна, была урегулирована уже послѣ отмѣны предварительной цензуры (въ 1695 г.), а именно въ 1737 году. Дѣйствующее законодательство по этому предмету относится къ 1843 г. Цензура театральныхъ пьесъ принадлежитъ къ компетенціи Lord Chamberlain'a (лорда-камергера, одного изъ высшихъ сановниковъ королевскаго двора) и осуществляется особымъ цензоромъ пьесъ (Licenser of plays). Въ силу акта 1843 года, текстъ каждой новой пьесы или сцены, или дополненія къ старой пьесѣ, предназначаемой къ постановкѣ на какомъ-либо театрѣ Великобританіи, долженъ быть представленъ лорду-камергеру за семь дней до дня, намѣченнаго для постановки пьесы. Въ случаѣ запрещенія ея въ этотъ семидневный промежутокъ (или и по прошествіи его), пьеса не можетъ быть представлена Въ случаѣ же постановки недозволенной пьесы, или пьесы воспрещенной, содержатель театра лишается права содержать его и можетъ быть подвергнутъ штрафу до 50 фунтовъ стерлинговъ. При доставленіи текста пьесы на просмотръ уплачивается пошлина въ размѣрѣ одной гинеи (21 шил.) для пьесъ, въ которыхъ менѣе трехъ дѣйствій, и двухъ гиней (42 шил.) для пьесъ, въ которыхъ не менѣе трехъ дѣйствій. Актъ 1843 г. даетъ формулу мотивовъ, по которымъ лордъ-камергеръ можетъ запретить пьесу: по соображеніямъ „охраненія добрыхъ нравовъ (good manners), приличія (decorum) и общественнаго спокойствія (public peace)".

Въ 1893 г., Комитетъ Палаты Общинъ занялся разработкою вопроса о мѣрахъ для обезпеченія безопасности публики въ театрахъ, но, въ заключеніе, коснулся и вопроса о цензурѣ, и слѣдующимъ образомъ подчеркнулъ въ концѣ доклада свои соображенія: „мы полагаемъ, что цензура пьесъ дѣйствовала удовлетворительно, и что нежелательно было бы ея устраненіе; напротивъ, желательно, чтобы она была распространена, поскольку возможно, на представленія въ „Music-halls" и другихъ увеселительныхъ мѣстахъ".

Во *Франціи* театральная цензура, въ теченіе долгаго времени, не получала твердой и постоянной организаціи. Въ теченіе XVI и XVII столѣтій встрѣчаются лишь отдѣльныя попытки установить предварительную цензуру пьесъ. Любопытно, что эти попытки дѣлались не органами королевской администраціи, а высшимъ судебнымъ учрежденіемъ (парламентомъ); со стороны же королей эти попытки нерѣдко встрѣчали противодѣйствіе. Даже въ эпоху Людовика XIV по крайней мѣрѣ въ первую половину его царствованія, нерѣдки были случаи разрѣшенія королемъ тѣхъ пьесъ, которыя подвергались запрещенію; напримѣръ, „Тартюфъ“ Мольера (въ 1669 г.).

Окончательное созданіе предварительной драматической цензуры во Франціи относится къ 1706 г. Она осуществлялась тогда спеціальными цензорами.

Въ эпоху революціи предварительная театральная цензура была отмѣнена, но ненадолго:—въ 1794 г. она снова возродилась и окрѣпла въ эпохи Наполеона I и реставраціи Бурбоновъ.

Въ 1830 г. она снова была упразднена, но въ 1835 г. опять возстановлена. Еще болѣе кратковременно было упраздненіе драматической цензуры въ 1848 г.:—уже въ 1850 г. она была вновь возстановлена.

Наконецъ, всего нѣсколькими мѣсяцами ограничивается пріостановка драматической цензуры въ 1870 году.

Во Франціи въ настоящее время драматическая цензура регулируется декретомъ 1 Февраля 1874 г. и закономъ 24 Іюня того же года, а также циркулярами 1872, 1879, 1880 и 1887 годовъ.

Со времени закона 1874 г., высшая власть въ отношеніи къ драматической цензурѣ принадлежитъ министру народнаго просвѣщенія и изящныхъ искусствъ. Осуществленіе этой власти ввѣряется дирекціи (департаменту) изящныхъ искусствъ, которая дѣйствуетъ чрезъ посредство театральной инспекціи.

Драматическія произведенія должны быть представляемы въ „commission d'examen“, въ составъ которой входятъ четыре чиновника—„инспекторы театровъ“. Новыя пьесы, предназначаемыя для постановки на сценѣ, должны

быть представляемы въ департаментъ изящныхъ искусствъ директоромъ театра въ двухъ экземплярахъ за подписью директора, по крайней мѣрѣ за двѣ недѣли до перваго представленія. Коммисія, разсмотрѣвъ пьесу, постановляетъ о разрѣшеніи ея или объ отказѣ въ этомъ разрѣшеніи. Разрѣшеніе дается или безусловное, или подъ условіемъ измѣненій и исправленій. Инспекціею театровъ выдается удостовѣреніе (visa).

Въ силу распоряженія префекта парижской полиціи отъ 16 Мая 1881 г., директоры театровъ не могутъ анонсировать на своихъ афишахъ первое представленіе пьесы иначе, какъ представивъ полицейскому коммисаріату даннаго участка удостовѣреніе въ предварительномъ выполненіи изложенныхъ формальностей.

Постановленіе цензурной коммисіи можетъ быть обжаловано министру, которому принадлежитъ разрѣшеніе щекотливыхъ вопросовъ внѣшней политики, могущихъ возникнуть въ отношеніи къ представленію на сценѣ какой либо пьесы. Министру принадлежитъ также рѣшающее слово и въ тѣхъ случаяхъ, когда не установится соглашенія между авторами и членами коммисіи въ отношеніи къ тѣмъ измѣненіямъ, которыхъ требуетъ коммисія; послѣдняя представляетъ въ такихъ случаяхъ министру мотивированный докладъ.

Рѣшеніе министра народнаго просвѣщенія и изящныхъ искусствъ окончательное и не можетъ быть обжаловано передъ Государственнымъ Совѣтомъ (высшимъ административнымъ судомъ). Съ другой стороны, рѣшеніе министра, въ качествѣ административнаго акта, въ которомъ онъ осуществляетъ свои функціи, въ мѣрѣ предоставленныхъ ему полномочій, не можетъ послужить основаніемъ къ отысканію въ судебномъ порядкѣ убытковъ.

Функціи цензуры не исчерпываются разрѣшеніемъ текста. По крайней мѣрѣ за 24 часа до перваго представленія должна состояться генеральная репетиція или „répétition de censure“. Эта репетиція, къ присутствію на которой, за три дня до назначеннаго времени, приглашается инспекція театровъ, должна быть производима съ декораціями, костюмами, аксессуарами, при полномъ освѣщеніи

сцены,—словомъ такъ, чтобы можно было установить всѣ сценическіе эффекты. Присутствующій на репетиціи инспекторъ театровъ можетъ потребовать новыхъ измѣненій; если эти перемѣны очень значительны, администрація можетъ потребовать второй репетиціи, въ части, или во всемъ объемѣ пьесы.

Окончательная „visa“ дается лишь послѣ генеральной репетиціи. Одинъ изъ двухъ экземпляровъ манускрипта пьесы передается директору театра съ записью о разрѣшеніи, сдѣланною директоромъ изящныхъ искусствъ отъ имени министра. Дежурный по театру полицейскій комиссаръ можетъ, по простому заявленію, предложить представить ему этотъ экземпляръ. Второй экземпляръ пьесы хранится въ архивѣ управленія театрами.

Если на представленіи разрѣшенной пьесы возникаютъ какіе либо непредвидѣнные безпорядки, то администрація можетъ, по соображеніямъ общественнаго порядка, пріостановить представленіе пьесы и даже предписать временное закрытіе театра.

Драматическое произведеніе, запрещенное въ Парижѣ, этимъ самымъ воспрещается и для всей Франціи. Въ интересахъ соблюденія этого установленъ (циркуляромъ 3 Августа 1850 г.) и потвержденъ циркуляромъ 9 Ноября 1887 г. [Спюллеръ] слѣдующій порядокъ. Префекты должны ежегодно сообщать въ управленіе изящныхъ искусствъ репертуары, которые директоры мѣстныхъ театровъ обязаны представлять на ихъ одобреніе въ началѣ каждаго театральнаго сезона. Эти репертуары должны немедленно быть возвращаемы имъ съ помѣткою (visa) инспекціи театровъ и со всѣми указаніями для разъясненія могущихъ быть нужными мѣръ.

Представленіе пьесы, одобренной въ Парижѣ, можетъ быть воспрещено префектами въ городахъ ихъ департаментовъ, если оно будетъ ими признано опаснымъ по мѣстнымъ условіямъ.

Контролю „commission d’examen“ подлежатъ всякаго рода пьесы — простыя сценки, балеты, пѣсни (chansons) и монологи, словомъ, всѣ произведенія, даваемыя на сценѣ. Впрочемъ, практикою установлено, что особаго разрѣшенія

не требуется для такъ называемыхъ „représentations foraines“ (ярмарочныя развлеченія). За полиціею, однако, въ такихъ случаяхъ сохраняется право останавливать представленія, вызывающія нарушеніе общественнаго порядка или оскорбляющія добрые нравы.

Что касается cafés-concerts, то директоры ихъ въ Парижѣ обязаны представлять инспекціи театровъ очередныя программы (des programmes journaliers) съ указаніемъ названія всѣхъ пьесокъ. Печатные экземпляры или рукописи этихъ пьесокъ должны быть приложены къ программамъ. Тѣ и другіе, съ цензурною помѣтою, должны быть вручаемы, передъ каждымъ представленіемъ, агенту полицейской префектуры, на котораго возложенъ надзоръ за заведеніемъ. Если что либо добавляется къ программѣ или къ пьескѣ, префекту полиціи, единолично рѣшающему вопросъ объ умѣстности преслѣдованія за такой проступокъ, предоставляется остановить спектакль. Въ провинціи соотвѣтственныя права принадлежатъ префектамъ департаментовъ.

Нельзя не замѣтить, что общія условія республиканскаго режима, разумѣется, въ значительной степени умѣряютъ суровость и придирчивость цензуры. Однако, нѣсколько разъ имѣли мѣсто случаи запрещенія пьесъ, вызывавшіе горячіе протесты въ печати и парламентѣ. Такъ, въ 1891 г., послѣ запрещенія пьесы Гонкура „La fille Elisa“, въ палатѣ депутатовъ былъ возбужденъ принципіальный вопросъ о цензурѣ. Со стороны правительства подробно высказался Леонъ Вуржуа, бывшій министръ народнаго просвѣщенія. Между прочимъ онъ съ особенною силою подчеркнулъ доводы, говорящіе о незначительности и даже сомнительоости тѣхъ преимуществъ, которыя дало бы упраздненіе предварительной цензуры. Съ ея отмѣною дѣятельную роль въ театрѣ пришлось бы уѣдѣлить органамъ административнаго надзора по обезпеченію интересовъ порядка и спокойствія. Нарушеніе этихъ интересовь вызывало бы необходимость пріостановки спектакля или даже и совершеннаго снятія со сцены пьесы, которая возбудила бы какой либо безпорядокъ. „Гдѣ же найти“, указывалъ онъ, „тотъ безспорный критерій, руководство которымъ можно было бы вмѣнить въ обязанность органамъ административнаго надзора? Явился

бы большой рискъ широкаго развитія усмотрѣнія и произвола. И въ результатѣ все дѣло свелось бы къ тому, что усмотрѣніе и произволъ *до* спектакля смѣнились бы произволомъ *послѣ* спектакля. Что же выиграли бы драматическіе авторы? И нѣтъ ли основанія опасаться, что дѣйствія административныхъ органовъ карательной цензуры оказались бы, можетъ быть, гораздо болѣе произвольными, чѣмъ заключенія людей, близко знакомыхъ съ литературою, ея требованіями, съ самою средою авторовъ и артистовъ, которые въ такой сильной степени запечатлѣны духомъ свободы?"

Эти соображенія раздѣляются очень многими; они въ значительной степени подрываютъ силу доводовъ сторонниковъ полной отмѣны театральной цензуры во Франціи.

Въ *Бельгіи* не существуетъ предварительной цензуры драматическихъ произведеній, представляемыхъ на сценѣ. Полиція спектаклей находится въ вѣдѣніи городскихъ общественныхъ управленій (коммунальный законъ 30 Марта 1836 г.), которымъ предоставляется издавать обязательныя постановленія по предметамъ, касающимся общественныхъ зрѣлищъ. Распорядительнымъ органомъ является городская управа (бургомистръ и эшевены), которая можетъ воспретить всякое представленіе въ интересахъ обезпеченія общественнаго порядка и спокойствія.

Въ *Италіи* существуетъ предварительная цензура. Она, въ противоположность французской системѣ централизаціи, организована на началахъ децентрализаціи.

Законодательство по этому предмету изложено въ законѣ 23 Декабря 1888 г. объ общественной безопасности, въ отдѣленіи II, въ которомъ содержатся постановленія, касающіяся сценическихъ представленій и другихъ предметовъ. Статья 40 этого закона гласитъ: „Оперы, драматическія произведенія, балеты и иныя театральныя произведенія не могутъ быть исполняемы или декламируемы публично, не будучи предварительно сообщены префекту провинціи. Префектъ можетъ воспретить публичное представленіе или чтеніе [1], въ огражденіе нравственности или общественнаго

[1]) Публичное „чтеніе" драматическаго произведенія не предусматривается во Франціи ни законодательствомъ, ни циркулярами и едва ли мо-

порядка, мотивированнымъ распоряженіемъ, которое можетъ быть обжаловано заинтересованнымъ лицомъ передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, рѣшеніе котораго окончательно". Затѣмъ, согласно статьѣ 41 того же закона, „мѣстная власть, которой ввѣрено охраненіе общественной безопасности, можетъ пріостановить публичное представленіе или чтеніе, даже уже начавшееся, какого либо произведенія, если по мѣстнымъ обстоятельствамъ оно даетъ поводъ къ безпорядкамъ. О такомъ пріостановленіи немедленно дается знать префекту".

Кромѣ этихъ основныхъ положеній интересно отмѣтить еще слѣдующія постановленія: по статьѣ 43, — „мѣстная власть, которой ввѣрено охраненіе общественной безопасности, обязана присутствовать, въ лицѣ своихъ чиновниковъ или агентовъ, на всѣхъ представленіяхъ съ самаго начала ихъ и до конца, чтобы наблюдать за порядкомъ и общественною безопасностью. Въ случаѣ волненій или значительныхъ безпорядковъ или серьезной опасности для общественнаго спокойствія, упомянутые въ предыдущей статьѣ чиновники пріостанавливаютъ или прекращаютъ спектакль, предлагая, въ случаѣ надобности, очистить помѣщеніе". По статьѣ 45, — „начатыя уже представленія не могутъ быть пріостановлены или замѣнены безъ согласія присутствующаго должностнаго лица".

Въ системѣ, существующей въ Италіи, нѣкоторымъ преимуществомъ, сравнительно съ французскою, является то обстоятельство, что запрещеніе пьесы въ столицѣ, въ Римѣ, не парализуетъ возможности поставить ее въ какомъ либо другомъ городѣ. Но это преимущество едва ли перевѣшиваетъ тѣ неудобства, съ которыми сопряжена децентрализація въ этомъ дѣлѣ. Въ Италіи столько театральныхъ цензуръ, сколько городовъ—центровъ провинціальнаго управленія. Запрещенное въ Туринѣ или Миланѣ дозволяется

жетъ быть признаваемо „спектаклемъ". Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Théâtre Antoine была прочитана передъ многолюдною аудиторіею пьеса Бріе „Les Avariés", постановка которой на сценѣ была запрещена. Вопросъ о томъ, не составляетъ ли такое чтеніе уголовнаго нарушенія, не возникъ въ данномъ случаѣ, быть можетъ, потому, что аудиторія состояла изъ лицъ, получившихъ личное приглашеніе.

во Флоренціи или Неаполѣ. Въ примѣненіи указаній закона встрѣчаются нерѣдко случаи произвола. Фактически цензура пьесъ поручается кому либо изъ совѣтниковъ префектуры, въ средѣ которыхъ безъ сомнѣнія очень мало людей компетентныхъ для выполненія этой трудной задачи, выпадающей на ихъ долю наряду съ чисто хозяйственными функціями ихъ въ области мѣстнаго управленія.

Въ *Германіи* нѣтъ обще-имперскаго законодательства по этому предмету, но во всѣхъ государствахъ, входящихъ въ составъ Имперіи, имѣются постановленія, регулирующія предварительное разсмотрѣніе драматическихъ произведеній для ихъ постановки. Въ общемъ можно сказать, что въ Германіи театральная цензура относится къ области полицейскаго управленія, къ сферѣ заботъ объ охраненіи порядка и добрыхъ нравовъ. Въ Пруссіи театральная цензура регулируется полицейскимъ регламентомъ 10 Іюля 1851 г. и декретами министра внутреннихъ дѣлъ отъ 28 Іюля 1884 г. и 5 Декабря 1899 г. Предназначаемая для представленія пьеса должна быть заблаговременно сообщена въ полицейское управленіе для разсмотрѣнія, задачею котораго является обезпеченіе требованій общественнаго порядка и добрыхъ нравовъ. Въ декретѣ 1899 г. указывается, что театръ служитъ средствомъ не только развлеченія, но и воспитанія народа; поэтому необходимо ввѣрять цензуру людямъ компетентнымъ, которые обладаютъ знаніемъ, опытностью, и вѣрностью въ оцѣнкѣ, могущими быть достаточными гарантіями противъ ошибокъ. Въ одномъ изъ рѣшеній высшаго административнаго суда (1902 года) указывается, что цензорамъ не слѣдуетъ входить въ оцѣнку тенденцій, проявляющихся въ разсматриваемыхъ ими пьесахъ, что они не должны касаться тѣхъ намѣреній, которыя могъ имѣть авторъ произведенія, и что имъ надлежитъ судить о пьесѣ съ той общей точки зрѣнія, которою они должны руководиться, выясняя вопросъ о необходимости въ каждомъ данномъ случаѣ вмѣшательства полиціи. Авторъ неразрѣшенной къ представленію пьесы можетъ обратиться съ жалобою къ министру внутреннихъ дѣлъ (извѣстная пьеса Зудермана „Sodoms Ende“, первоначально запрещенная, была затѣмъ разрѣшена министромъ въ отмѣну полицейскаго распоря-

женія).—Въ зависимости отъ общихъ условій отдѣльныхъ государствъ цензура принимаетъ болѣе или менѣе суровый характеръ. Такъ, въ Баваріи, центрѣ католицизма, въ области театральной цензуры нерѣдко получаютъ выраженіе ультрамонтанскія тенденціи, вызывающія неудовольствіе многихъ; съ другой стороны, однако, тамошняя цензура, при всей своей строгости, возбуждаетъ противъ себя постоянные упреки въ слабости и снисходительности отъ ярыхъ католиковъ.

Изъ другихъ государствъ Западной Европы значительный интересъ представляетъ *Португалія*. Въ ней установленъ, декретомъ 29 Марта 1890 г., слѣдующій порядокъ, въ основу котораго положено начало факультативности предварительнаго разсмотрѣнія театральныхъ пьесъ. По этому декрету, административная власть можетъ воспретить публичныя зрѣлища или театральныя представленія въ случаяхъ нападокъ противъ государственныхъ учрежденій или оскорбленія ихъ представителей и агентовъ, призыва къ преступленію, оскорбительныхъ сужденій (critiques injurieuses) о системѣ монархическаго представительнаго правленія, карикатурныхъ изображеній или имитацій отдѣльныхъ лицъ, прямыхъ намековъ на общественныхъ дѣятелей или частныхъ лицъ, или изображеній противонравственныхъ или безстыдныхъ.

Воспрещеніе административной власти можетъ быть обжаловано въ комиссію театральной цензуры, состоящую изъ четырехъ литераторовъ, подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ. Рѣшенія коммисіи окончательны.

Антрепренеры публичныхъ спектаклей могутъ представлять въ цензурную коммисію подлинники пьесъ или подробную программу спектакля. Послѣ выданнаго разрѣшенія административная власть уже болѣе не можетъ воспретить представленіе иначе какъ въ случаѣ, если будетъ измѣненъ текстъ, представленный цензурѣ, или если будутъ допущены изображенія лицъ въ карикатурномъ видѣ, или если будетъ оскорблена общественная нравственность.

Изложенная система представляетъ многія преимущества въ смыслѣ устраненія тѣхъ неудобствъ и проволочекъ, съ которыми сопряженъ обязательный просмотръ предста-

вляемыхъ пьесъ для авторовъ и антрепренеровъ. Если они опасаются возможности запрещенія, то они представляютъ пьесу на просмотръ и одобреніе. Разъ пьеса одобрена, имъ нечего опасаться вмѣшательства администраціи. Если же они не желаютъ обезпечить себѣ предварительнаго разрѣшенія, они будутъ дѣйствовать на собственный рискъ и страхъ, и если представленія не вызовутъ безпорядка и въ нихъ не обнаружится признаковъ изложенныхъ нарушеній, спектакли будутъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока пьеса нравится публикѣ.

Декретомъ 1890 г. въ Португаліи осуществленъ порядокъ факультативной цензуры, за который, съ несущественными варіантами, высказывались нѣкоторыя лица во Франціи и въ 1849 г., и въ 1891 г., при разсмотрѣніи вопроса о театральной цензурѣ.

Сдѣланный обзоръ положенія театральной цензуры въ различныхъ иностранныхъ государствахъ позволяетъ установить съ достаточною опредѣленностью, что между предварительною цензурою печатныхъ произведеній и цензурою театральною существуетъ глубокое, коренное различіе. Пьеса, не разрѣшенная къ представленію на сценѣ, можетъ быть, однако, напечатана. Театральная цензура не можетъ явиться орудіемъ стѣсненія или ограниченія свободнаго творчества. Какъ произведеніе мысли, недопущенная къ представленію пьеса не умираетъ; какъ литературное произведеніе, она появляется на свѣтъ безпрепятственно. Ограниченія, создаваемыя театральною цензурою, прочно существующею въ странахъ самой широкой политической свободы, относятся не къ области стѣсненія свободы мысли и печати, а къ области охраненія интересовъ общественнаго порядка и спокойствія или, по старой терминологіи нашего административнаго законодательства, — интересовъ благочинія.

Историческій очеркъ законодательства о печати въ Россіи.

Законодательство о печати въ Россіи не имѣетъ такой продолжительной исторіи, какъ разсмотрѣнныя законодательства западно-европейскихъ государствъ. Первыя зачатки

полиція печати въ Россіи встрѣчаются лишь въ началѣ XVIII вѣка. Объясняется это, главнымъ образомъ, болѣе позднимъ появленіемъ и распространеніемъ у насъ самаго искусства книгопечатанія, въ связи съ болѣе низкимъ уровнемъ культурнаго развитія, сравнительно съ западно-европейскими государствами.

Впервые повидимому вопросъ объ устройствѣ въ Москвѣ типографіи былъ возбужденъ въ началѣ XVI вѣка. Сохранилось преданіе, что аѳонскій монахъ Максимъ Грекъ, призванный въ Россію для исправленія церковныхъ книгъ, совѣтовалъ великому князю Василію Іоанновичу ввести книгопечатаніе, указывая „на многую грубость и нерадѣніе переписующихъ". Позднѣе, въ 1548 году саксонцу Шмидту поручено было пригласить въ Россію разныхъ европейскихъ мастеровъ, въ томъ числѣ и типографщиковъ, но правительство Ливонскаго ордена не пропустило ихъ.

Первая типографія въ Москвѣ была устроена въ началѣ шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтія: 1 марта 1564 года окончено было печатаніе первой въ Россіи книги „Дѣянія Апостольска и посланія соборная и святаго апостола Павла посланія". Первыми типографами у насъ были діаконъ Московскаго Никольскаго Гостунскаго собора Иванъ Ѳедоровъ и его товарищъ Петръ Тимофеевъ Мстиславецъ. Въ 1565 году ими была напечатана книга „Часовникъ", но вскорѣ затѣмъ они вынуждены были бѣжать изъ Москвы изъ опасенія преслѣдованій со стороны черни, такъ какъ въ народѣ ихъ считали еретиками. Возобновленіе книгопечатанія въ Москвѣ послѣдовало лишь около 1587 года.

Въ теченіе XVII вѣка въ Московской типографіи печатались почти исключительно церковныя и богослужебныя книги, и государственной власти не было повода выступать съ мѣрами надзора за книгопечатаніемъ.

Одною изъ наиболѣе раннихъ законодательныхъ мѣръ по отношенію къ печати является Сенатскій указъ 1720 г. Этотъ указъ предписываетъ печатать церковныя книги лишь по объявленіи „объ оныхъ въ Духовной Коллегіи" (такъ первоначально назывался Святѣйшій Синодъ) и съ ея позволенія, „дабы не могло въ такихъ книгахъ никакой въ церкви Восточной противности и съ великороссійскою печатью не-

согласія произойти". Поводомъ къ изданію этого указа послужило появленіе нѣкоторыхъ книгъ: одной — въ духѣ раскола, другой—заключающей въ себѣ „многую Люторскую противность", и третьей, въ которой Кіево-Печерскій монастырь названъ „Ставропигіею Вселенскаго Константинопольскаго Патріарха, чего бы печатать не надлежало, для того, что Кіево-Печерскій монастырь отъ многихъ лѣтъ учиненъ въ Ставропигіи Святѣйшихъ Россійскихъ Патріарховъ, а отъ Константинопольскаго уволенъ". Въ слѣдующемъ году въ Регламентѣ Духовной Коллегіи (1721 г.) установлена была общая мѣра относительно предварительнаго разсмотрѣнія богословскихъ книгъ: „Аще кто о чемъ богословское письмо сочинитъ, и тое бъ не печатать, но первѣе презентовать въ коллегіумъ. А коллегіумъ разсмотрѣть должно, нѣтъ ли каковаго въ письмѣ ономъ погрѣшенія, ученію православному противнаго".

До второй половины XVIII вѣка печатать книги можно было только въ казенныхъ типографіяхъ при мѣстахъ правительственныхъ. Первая частная типографія была устроена въ Петербургѣ въ 1771 году, когда иностранцу Гартунгу дана была привилегія на учрежденіе „вольной" типографіи, впрочемъ, для печатанія лишь на однихъ иностранныхъ языкахъ. Печатать русскія книги въ вольной, частной типографіи было запрещено, „дабы прочимъ казеннымъ типографіямъ въ доходахъ ихъ подрыву не было". Печатать въ вольной типографіи книги повелѣно было не иначе, какъ со свидѣтельствомъ Академіи Наукъ и съ дозволенія полиціи, чтобы не выходили въ свѣтъ книги, противныя христіанскому закону, правительству и добронравію. Черезъ нѣсколько лѣтъ (въ 1776 г.) разрѣшено было книгопродавцамъ Вейтбрехту и Шнору учредить новую вольную типографію для печатанія книгъ и на русскомъ языкѣ,—„однакожъ, прибавляетъ указъ, такихъ, кои непредосудительны православной грековосточной церкви, ни правительству, ниже добронравію". Въ концѣ указа говорится о предписаніи „главной полицеймейстерской канцеляріи, дабы она съ своей стороны имѣла наблюденіе, чтобы безъ вѣдома ея никакихъ объявленій въ помянутой типографіи въ печать издаваемо не было;

а дабы и въ печатаемыхъ книгахъ ничего по вышеписанному первому пункту привиллегіи предосудительнаго вкрасться не могло, оное поручить въ особое надзираніе, въ разсужденіи духовныхъ книгъ опредѣленному отъ Святѣйшаго Синода, а свѣтскихъ Академіи Наукъ".

Въ 1783 году, Именнымъ указомъ Сенату отъ 15 января, типографское дѣло объявлено свободнымъ: „всемилостивѣйше повелѣваемъ типографіи для печатанія книгъ не различать отъ прочихъ фабрикъ и рукодѣлій, и вслѣдствіе того позволяемъ, какъ въ обѣихъ столицахъ нашихъ, такъ и во всѣхъ городахъ Имперіи нашей, каждому по своей собственной волѣ заводить оныя типографіи, не требуя ни отъ кого дозволенія, а только давать знать о заведеніи таковомъ управѣ благочинія того города, гдѣ онъ ту типографію имѣть хочетъ". Въ типографіяхъ предоставляется печатать книги на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, не исключая и восточныхъ, „съ наблюденіемъ, однакожъ, чтобъ ничего въ нихъ противнаго законамъ Божіимъ и гражданскимъ, или же къ явнымъ соблазнамъ клонящагося издаваемо не было, чего ради отъ управы благочинія отдаваемыя въ печать книги свидѣтельствовать, и ежели что въ нихъ противное сему нашему предписанію явится, запрещать; а въ случаѣ самовольнаго напечатыванія таковыхъ соблазнительныхъ книгъ, не только книги конфисковать, но и о виновныхъ въ подобномъ самовольномъ изданіи недозволенныхъ книгъ сообщать, куда подлежитъ, дабы оные за преступленіе законно наказаны были".

Такимъ образомъ указъ этотъ ввѣряетъ предварительное разсмотрѣніе печатаемыхъ книгъ управѣ благочинія, не дѣлая при этомъ различія между свѣтскими и духовными книгами. Послѣднее обстоятельство породило недоразумѣніе на практикѣ, какъ видно изъ доклада петербургскаго губернатора (18 апрѣля 1786 г.), который, упомянувъ о предписаніи указа 1783 года „отъ управы благочинія отдаваемыя въ печать книги свидѣтельствовать", испрашивалъ у Императрицы указанія по вопросу—„повелѣно ль будетъ впредь книги къ духовнымъ особамъ отсылать"? Императрица положила резолюцію: „книги, касатель-

ныя закона (очевидно, закона Божія, т. е. духовныя), посылать, а о прочихъ поступать по уставу благочинія“ [1].

Изданіе указа 1783 г. оживило книжное дѣло въ Россіи. Частныя типографіи стали быстро размножаться, предпринимая изданіе новыхъ книгъ. Особенную энергію въ дѣлѣ изданія оригинальныхъ и переводныхъ сочиненій проявилъ въ Москвѣ извѣстный Н. И. Новиковъ. Еще въ 1779 году Новиковъ снялъ въ арендное содержаніе типографію Московскаго университета съ книжною при ней лавкою, а также изданіе „Московскихъ Вѣдомостей“. Найдя типографію въ запущенномъ состояніи, Новиковъ энергично принялся за ея упорядоченіе и развитіе издательскаго дѣла. О его дѣятельности имѣется интересный отзывъ Карамзина. По словамъ его, „Новиковъ былъ въ Москвѣ главнымъ распространителемъ книжной торговли. Взявъ на откупъ университетскую типографію, онъ умножилъ механическіе способы книгопечатанія, отдавалъ переводить книги, завелъ лавки въ другихъ городахъ, всѣми способами старался пріучить публику къ чтенію, угадывалъ общій вкусъ и не забывалъ частнаго. Онъ торговалъ книгами, какъ богатый голландскій или англійскій купецъ торгуетъ произведеніями всѣхъ земель, т. е. съ умомъ, съ догадкою, съ дальновиднымъ соображеніемъ. Прежде расходилось „Московскихъ Вѣдомостей“ не болѣе 600 экземпляровъ; г. Новиковъ сдѣлалъ ихъ гораздо богатѣе содержаніемъ, прибавилъ къ политическимъ разныя другія статьи и, наконецъ, выдавалъ при Вѣдомостяхъ безденежно „Дѣтское чтеніе“, которое новостью своего предмета и разнообразіемъ матеріи нравилось публикѣ. Число субскрибентовъ,— прибавляетъ Карамзинъ,—ежегодно умножалось и лѣтъ черезъ 10 дошло до 4.000“. Цифра подписчиковъ—по тому времени и по тогдашнему уровню нашего общественнаго развитія огромная (въ то время такое число подписчиковъ было незаурядным и въ болѣе развитой западно-европейской прессѣ; еще въ 1815 г. Лондонскій Times имѣлъ лишь 5.000 подписчиковъ).

Реакціонное направленіе конца царствованія Екатерины II выразилось, между прочимъ, въ подозрительномъ отно-

[1] Полн. Собр. Зак. т. XXII, № 16378.

шеніи къ широкой дѣятельности Новикова въ области книжнаго дѣла. Въ концѣ 1785 года Именнымъ Указомъ Главнокомандующему въ Москвѣ, графу Брюссу, повелѣно войти въ соглашеніе съ мѣстнымъ Архіепископомъ „объ опредѣленіи одного или двухъ изъ духовныхъ особъ, вмѣстѣ съ свѣтскими, для освидѣтельствованія книгъ, выходящихъ изъ Новиковой и другихъ вольныхъ типографій, гдѣ что-либо касается до вѣры, или дѣлъ духовныхъ, и для наблюденія, чтобы таковыя печатаны не были, въ коихъ какія-либо колобродства, нелѣпыя умствованія и расколъ скрываются". Указъ этотъ изданъ былъ „въ разсужденіе того, что изъ типографіи Новикова выходятъ многія странныя книги", вслѣдствіе чего и повелѣно было „книги его типографіи освидѣтельствовать и, что окажется, Намъ донести и Синодъ Нашъ увѣдомить"; самого же Новикова приказано „испытать въ законѣ Нашемъ".

Разслѣдованіе это не установило однако какихъ либо существенныхъ отступленій отъ закона въ дѣятельности Новикова. Обнаружено было, что за 1779—1785 г. въ университетской типографіи напечатано было очень значительное число изданій (356 названій и 55 оказались въ печати), но изъ нихъ только шесть [1] повелѣно было „въ продажу выпускать запретить, покуда ближайшее разсмотрѣніе и дальнѣйшее приказаніе послѣдуетъ, а прочія книги распечатать (онѣ всѣ были опечатаны) и продажу ихъ дозволить". Въ томъ же указѣ повелѣно было „помянутому Новикову да и вообще содержателямъ вольныхъ типографій въ Москвѣ строжайше подтвердить, чтобы они остерегалися издавать книги, наполненныя подобными странными мудрованіями, или, лучше сказать, сущими заблужденіями, подъ опасеніемъ не только конфискованія тѣхъ книгъ, но и лишенія права содержать типографію и книжную лавку, а

[1] Вотъ заглавія шести запрещенныхъ книгъ: 1) О заблужденіи и истинѣ; 2) Апологія, или защищеніе вольныхъ каменщиковъ; 3) Братское увѣщаніе; 4) Хризомандеръ, Аллегорическая и Сатирическая повѣсть; 5) Карманная книжка; 6) Парацельса Химическая Псалтырь (Полн. собр. зак. т. XXII, № 16362).

при томъ и законнаго взысканія“ (именной Указъ Главнокомандующему въ Москвѣ гр. Брюссу 27-го марта 1786 г.). [1].

Къ концу царствованія Екатерины II относится еще одинъ изъ важнѣйшихъ фактовъ въ исторіи полиціи печати въ Россіи—преслѣдованіе Радищева за книгу „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“, которую онъ издалъ съ дозволенія управы благочинія, при чемъ однако добавилъ послѣ цензуры нѣсколько листовъ. Въ этой книгѣ Радищевъ касается различныхъ общественныхъ вопросовъ, предлагаетъ проектъ освобожденія крестьянъ, говоритъ противъ самовластія и злоупотребленій администраціи, высказывается противъ цензуры, возстаетъ противъ многихъ обычаевъ и пороковъ общества и т. д. Изложенныя въ книгѣ Радищева мысли представляли собою развитіе тѣхъ основныхъ принциповъ, которые вызывали прежде сочувствіе и поддержку Екатерины II. Но отношеніе ея къ нимъ значительно измѣнилось, и то, чему она прежде покровительствовала, теперь подвергалось преслѣдованію.

Радищевъ былъ обвиненъ „въ преступленіи противу присяги его и должности подданнаго изданіемъ книги, подъ названіемъ: „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“, наполненной самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобъ произвести въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства, и, наконецъ, оскорбительными и неистовыми израженіями противу сана и власти; учинивъ сверхъ того лживый поступокъ прибавкою послѣ цензуры многихъ листовъ въ ту книгу, въ собственной его типографіи напечатанную, въ чемъ и признался добровольно“. Радищевъ былъ приговоренъ Палатою уголовныхъ дѣлъ С.-Петербургской губерніи, а затѣмъ и Сенатомъ къ смертной казни; но Императрица, по случаю заключенія мира со Швеціею, замѣнила это наказа-

[1] Послѣ ряда новыхъ преслѣдованій Новиковъ въ 1792 г. былъ подвергнутъ заключенію въ Шлиссельбургской крѣпости, изъ которой онъ былъ освобожденъ при Павлѣ I. Послѣдніе годы жизни (онъ умеръ 1818 г.) Новиковъ провелъ въ деревнѣ, гдѣ продолжалъ свои любимыя литературныя занятія.

ніе лишеніемъ чиновъ, ордена Св. Владиміра, дворянскаго достоинства и ссылкой въ Сибирь въ Илимскій острогъ „на десятилѣтнее безъисходное пребываніе“ [1].

Въ концѣ царствованія Екатерины II послѣдовала организація цензуры, какъ спеціальнаго учрежденія „въ прекращеніе разныхъ неудобствъ, которыя встрѣчаются отъ свободнаго и неограниченнаго печатанія книгъ“ (16 сент. 1796 г.). Въ Петербургѣ, Москвѣ—подъ вѣдѣніемъ Сената, въ Ригѣ, Одессѣ и при Радзивилловской таможнѣ—подъ наблюденіемъ губернскихъ начальствъ учреждены были цензурныя управленія, каждое изъ трехъ лицъ, одного духовнаго и двухъ свѣтскихъ [2]. Никакія книги не могутъ быть издаваемы „безъ осмотра отъ одной изъ цензуръ“ и „одобренія, что въ таковыхъ сочиненіяхъ или переводахъ ничего Закону Божію, правиламъ государственнымъ и благонравію противнаго не находится“. Эти правила должны быть соблюдаемы и для привозимыхъ изъ-за границы книгъ, „подвергая сожженію тѣ изъ нихъ, кои найдутся противными“ указаннымъ требованіямъ. Частныя типографіи, „въ разсужденіи злоупотребленій, отъ того происходящихъ“, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ, „кои по особому дозволенію устроены“, повелѣно „упразднить, тѣмъ болѣе, что для печатанія полезныхъ и нужныхъ книгъ имѣется достаточное количество таковыхъ типографій, при разныхъ училищахъ устроенныхъ“ [3].

---

[1] Въ началѣ царствованія Павла I Радищевъ былъ возвращенъ изъ Сибири и жилъ въ деревнѣ, а при Александрѣ I былъ вызванъ въ Петербургъ для участія въ работахъ законодательной коммисіи.—Запрещеніе съ сочиненія Радищева снято было въ 1868 году.

[2]) Вскорѣ послѣ изданія этого закона Сенатскій указъ предписалъ, что „Цензуры должны состоять изъ трехъ особъ—одной духовной, по избранію Синода, одной гражданской, по назначенію Сената, и одной ученой, по избранію Академіи Наукъ и Московскаго Университета“.

[3] Какъ видно изъ доклада Сената 1797 г., цензуры были созданы только въ Петербургѣ, Москвѣ и Ригѣ; въ Одессѣ же и Радзивилловѣ Сенатъ призналъ это излишнимъ въ виду того, что Императоръ Павелъ повелѣлъ: 1) тарифъ и привозъ иностранныхъ книгъ въ исполненіи его впредь до указа остановить; 2) таможни и заставы упразднить. Въ 1798 г. дозволенъ привозъ иностранныхъ книгъ исключительно черезъ Радзивилловъ, для чего и была тамъ учреждена въ томъ же году цензура.

Верховное управленіе цензурой сосредоточено въ Сенатѣ, но книги, признаваемыя недозволенными и даже сомнительными, повелѣно (уже при Павлѣ I) представлять на одобреніе Императорскаго Совѣта. Черезъ нѣсколько времени учреждена была цензура въ Вильнѣ, назначены цензоры для западныхъ губерній, а также повелѣно устроить цензуру во всѣхъ портахъ для просмотра привозимыхъ на корабляхъ книгъ, газетъ и пр. [1]. Въ 1799 году учреждена въ Москвѣ при Донскомъ Ставропигіальномъ монастырѣ особая „Духовная цензура“ „для освидѣтельствованія, разсмотрѣнія и исправленія переводовъ, касающихся до церкви и церковнаго ученія, а также и сочиненій, издаваемыхъ какъ учрежденіями Соборными, такъ и въ Духовныхъ Училищахъ и частными духовными людьми“. Мотивами къ учрежденію въ Москвѣ, какъ центральномъ мѣстѣ, особой духовной цензуры Синодъ выставляетъ, съ одной стороны, обремененность членовъ Синода многочисленными обязанностями по епархіальному управленію, съ другой—пространство Имперіи и возрастающіе успѣхи въ наукахъ, вслѣдствіе чего является необходимость особеннаго управленія для разсмотрѣнія издаваемыхъ сочиненій.

Къ кратковременному царствованію Павла относятся еще нѣкоторыя весьма крутыя мѣры по отношенію къ печати, принятыя въ теченіе одного 1800 года. Всѣ провинціальныя цензурныя управленія утратили всякое значеніе,

---

[1] Вотъ мотивы этой мѣры, какъ они изложены въ Именномъ Указѣ Сенату (17 мая 1798 г.): „Правительство, нынѣ во Франціи существующее, желая распространить безбожныя свои правила во всѣ устроенныя государства, ищетъ развращать спокойныхъ обитателей оными сочиненіями, наполненными зловредными умствованіями, стараясь тѣ сочиненія разными образами разсѣявать въ обществѣ, наполняя даже оными и газеты свои. Подтверждая нынѣ прежде сего состоявшіеся указы о сочиненіяхъ Французскихъ, подъ именемъ Монитера извѣстныхъ, да и другихъ такого рода издаваемыхъ вообще въ областяхъ, подъ обладаніемъ Французскимъ состоящихъ, видя также, что многіе газетчики отступаютъ отъ прямой цѣли должности своей и ищутъ, по подущенію ли Французовъ, или же по собственнымъ своимъ дурнымъ расположеніямъ, подражать имъ и что, къ сожалѣнію, Власти нѣкоторыя взираютъ на сіе спокойнымъ духомъ, за нужное признаемъ повелѣть Сенату Нашему“, и т. д. (Полн. Собрн. Зак. т. XXV № 18524).

лишены были рѣшающей роли: они были подчинены цензурѣ петербургской, безъ одобренія которой не могла явиться ни одна книга. Далѣе повелѣно было „запретить впускъ изъ-за границы всякаго рода книгъ, на какомъ бы языкѣ оныя ни были, безъ изъятія... равномѣрно и музыку". Принятіе этой мѣры было мотивировано тѣмъ, что „чрезъ вывозимыя изъ-за границы разныя книги наносится развратъ вѣры, гражданскаго закона и благонравія". Наконецъ, въ томъ же году всѣ частныя типографіи велѣно запечатать.

Послѣднія двѣ мѣры были отмѣнены вскорѣ по вступленіи на престолъ Александра I (указъ 31 марта 1801 года). Отмѣняя запрещеніе относительно ввоза изъ-за границы книгъ и музыкальныхъ произведеній и разрѣшая вновь частныя типографіи, указъ этотъ выражаетъ сознаніе монархомъ „пользы вѣрноподданныхъ" и „желаніе доставить имъ всѣ возможные способы къ распространенію полезныхъ наукъ и художествъ". По отношенію къ цензурному управленію возстановлено въ полной силѣ законодательство 1796 года. Но вскорѣ послѣ этого былъ изданъ (9 февр. 1802 г.) новый указъ, отмѣнившій принятыя въ 1796 г. мѣры, въ виду того, что вызвавшія ихъ „внѣшнія обстоятельства... прешли и нынѣ уже не существуютъ" и что пятилѣтній опытъ доказалъ, что „средство сіе было и весьма недостаточно къ предполагаемой имъ цѣли". По этимъ соображеніямъ признано было „справедливымъ, освободивъ сію часть отъ препонъ, по времени содѣлавшихся излишними и безполезными, возвратить ее въ прежнее ея (до 1796 г.) положеніе". Хотя цензурныя управленія и были уничтожены („цензуры всякаго рода въ городахъ и при портахъ учрежденныя, яко уже не нужныя, упразднить"), предварительное одобреніе книгъ къ печати признано однако необходимымъ и возложено на гражданскихъ губернаторовъ, которые должны были поручать его директорамъ народныхъ училищъ; въ типографіяхъ же, существующихъ при ученыхъ обществахъ, академіяхъ, университетахъ и казенныхъ мѣстахъ, цензура издаваемыхъ книгъ возложена на отвѣтственность этихъ учрежденій. Ввозъ въ Россію иностранныхъ

книгъ объявленъ свободнымъ [1]); книгопродавцевъ, торгующихъ иностранными книгами, повелѣно лишь обязывать подпиской, „чтобъ не продавали книгъ, законамъ Божіимъ и гражданскимъ противныхъ и къ соблазну явному клонящихся, подъ опасеніемъ строгаго отвѣта и взысканія по законамъ".

Но не долго просуществовала цензура въ этомъ видѣ. По учрежденіи министерства народнаго просвѣщенія, ему предоставлена была, между прочимъ, и цензура книгъ, которую оно поручило университетамъ въ тѣхъ учебныхъ округахъ, гдѣ они были учреждены. Въ Петербургѣ, до открытія тамъ университета, учрежденъ особый цензурный комитетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, для единообразнаго руководства всѣхъ цензоровъ, изданъ былъ 9-го іюля 1804 года первый Цензурный Уставъ. Сравнительно съ позднѣйшими цензурными уставами первый отличается значительною краткостью: въ немъ всего 47 статей. По этому уставу, при университетахъ учреждаются цензурные комитеты, изъ профессоровъ и магистровъ, находящіеся подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ самихъ университетовъ. Издаваемыя различными правительственными учрежденіями книги цензуруются ихъ начальствами. Книги духовнаго содержанія разсматриваются духовной цензурой (для этой цѣли въ 1808 г. были учреждены спеціальные духовные цензурные комитеты). По сравненію съ позднѣйшими уставами Уставъ 1804 г. отличается осторожнымъ и бережнымъ отношеніемъ къ печати. „Сими постановленіями,—говорилъ гр. Завадовскій въ докладѣ Государю объ уставѣ,— нимало не стѣсняется свобода мыслить и писать; но токмо взяты пристойныя мѣры противъ злоупотребленія оной". Уставъ 1804 г. не заключаетъ въ себѣ подробныхъ указаній цензорамъ, правилъ, которыми они должны руководствоваться при разсмотрѣніи книгъ (что мы увидимъ въ позднѣйшихъ уставахъ). Онъ предписываетъ имъ лишь въ общихъ выраженіяхъ наблюдать, „чтобы ни-

[1]) Въ томъ же году особый указъ подтвердилъ предписаніе о безпрепятственномъ ввозѣ книгъ, не запрещенныхъ указомъ 8 февраля въ виду жалобъ, что провозъ иностранныхъ книгъ въ нѣкоторыя мѣста Россіи нынѣ еще подверженъ многимъ затрудненіямъ.

чего не было въ оныхъ противнаго Закону Божію, правленію, нравственности и личной чести какого-либо гражданина". Послѣднія слова указываютъ на новую заботу, впервые возложенную на цензурныя установленія. Разсмотрѣніе книгъ иностранныхъ поручено тѣмъ же комитетамъ, но представленіе ихъ въ цензуру не объявлено обязательнымъ, а предоставлено на волю книгопродавцевъ, если они для огражденія себя отъ отвѣтственности пожелаютъ получить разрѣшеніе сомнѣній о книгахъ.

Предписывая изложенныя ограниченія, уставъ 1804 г. стремится предупредить возможность злоупотребленія ими въ смыслѣ излишняго стѣсненія печати. Этимъ стремленіемъ проникнуты особенно двѣ статьи его, характерныя по своему содержанію: „Впрочемъ цензура", говоритъ ст. 21-я, „въ запрещеніи печатанія или пропуска книгъ и сочиненій руководствуется благоразумнымъ снисхожденіемъ, удаляясь всякаго пристрастнаго толкованія сочиненій или мѣстъ въ оныхъ, которыя по какимъ-либо мнимымъ причинамъ кажутся подлежащими запрещенію. Когда мѣсто, подверженное сомнѣнію, имѣетъ двоякій смыслъ, въ такомъ случаѣ лучше истолковать оное выгоднѣйшимъ для сочинителя образомъ, нежели его преслѣдовать". Скромное и благоразумное изслѣдованіе", гласитъ ст. 22-я, „всякой истины, относящейся до вѣры, человѣчества, гражданскаго состоянія, законоположенія, управленія государственнаго или какой бы то ни было отрасли правленія, не только не подлежитъ и самой умѣренной строгости цензуры, но пользуется совершенною свободою тисненія, возвышающею успѣхи просвѣщенія".

Довольно существенное измѣненіе въ положеніе цензурнаго управленія внесено было съ учрежденіемъ министерства полиціи (1811 г.), которому предоставлены были обширныя полномочія въ этомъ дѣлѣ, хотя прежняя организація цензуры и сохранялась. Въ числѣ прочихъ обязанностей министерства полиціи, на него былъ возложенъ не только надзоръ за тѣмъ, чтобы въ публикѣ не обращались сочиненія запрещенныя и недозволенныя, но ему же предоставлено и право принимать мѣры въ отношеніи къ книгамъ, хотя бы и одобреннымъ предварительной цензурой.

Министръ полиціи, если замѣтитъ, что въ книгахъ и сочиненіяхъ, изданныхъ съ одобренія цензуры, допущены мѣста, и выраженія, „подающія поводъ къ превратнымъ толкованіямъ, общему порядку и спокойствію противнымъ“, обязанъ со своими замѣчаніями вносить ихъ на Высочайшее усмотрѣніе. Такимъ образомъ министръ полиціи являлся какъ бы высшимъ органомъ, контролирующимъ дѣятельность цензурныхъ установленій.

Во вторую половину царствованія Александра I значительно усилилась строгость цензуры, въ чемъ отразилась общая перемѣна въ направленіи правительства, принявшемъ характеръ реакціонный. Вотъ нѣсколько эпизодовъ, дающихъ понятіе о цензурныхъ стѣсненіяхъ — эпизодовъ, приведенныхъ въ обзорѣ, составленномъ въ 1862 году и напечатанномъ по распоряженію министерства народнаго просвѣщенія подъ заглавіемъ „Историческія свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи“.

Карамзину Высочайше дозволено было печатать свою исторію безъ цензуры. Печаталась она въ военной типографіи, но въ 1816 году бывшій дежурный генералъ А. А. Закревскій пріостановилъ печатаніе, требуя цензурнаго разрѣшенія. Карамзинъ же обратился по этому поводу съ жалобою къ министру народнаго просвѣщенія кн. Голицыну. „Академики и профессоры, писалъ онъ, не отдаютъ своихъ сочиненій въ публичную цензуру; государственный историографъ имѣетъ, кажется, право на такое же милостивое отличіе. Онъ долженъ разумѣть, что и какъ писать: надѣюсь, что въ моей книгѣ нѣтъ ничего противъ вѣры, Государя и нравственности; но быть можетъ, что цензоры не позволятъ мнѣ, напримѣръ, говорить свободно о жестокости Царя Іоанна Васильевича. Въ такомъ случаѣ, что будетъ исторія?“ Желаніе Карамзина было удовлетворено.

Въ 1822 г. Жуковскій горько жаловался на цензора Бирукова и на петербургскій цензурный комитетъ вообще за запрещеніе его баллады „Смальгольмскій баронъ“. „Я очень равнодушно соглашаюсь,—писалъ онъ,—признать эту балладу незаслуживающею вниманія бездѣлкою; но слышать, что ее не печатаютъ, потому что она можетъ быть *вредна* для читателей, это совсѣмъ иное! Съ такимъ грозно-неспра-

ведливымъ приговоромъ я не могу и не долженъ соглашаться". Министръ тоже не согласился съ этимъ приговоромъ, но совѣтывалъ однако Жуковскому измѣнить нѣкоторыя выраженія.

Въ 1823 г. Кн. Вяземскій жаловался въ Главное Правленіе училищъ на цензора Красовскаго за запрещеніе одной критической статьи его и, между прочимъ, выражалъ неудовольствіе по поводу тѣхъ измѣненій, которыя сдѣлалъ въ статьѣ цензоръ. „Въ тѣхъ мѣстахъ, кои подвергаются совершенному его (цензора Красовскаго) исключенію, не ясно ли видно, что г. цензоръ принимаетъ на себя въ отношеніи ко мнѣ обязанность рецензента и съ учительскою заботливостью наставляетъ меня искусству писать по своему, замѣняя слова мои своими и выкидывая выраженія, по мнѣнію его, видно некрасивыя или неправильныя. Да позволено мнѣ будетъ обратить вниманіе главнаго правленія училищъ на нѣкоторые тому примѣры. Въ одномъ мѣстѣ вмѣсто *завѣщаетъ* г. Красовскій ставитъ *упрекаетъ*; въ другомъ не позволяетъ мнѣ сказать, что Карамзинъ *слѣдовалъ благоразумію*; въ третьемъ, прибавляетъ къ словамъ *строгимъ приговоромъ— но справедливымъ*, и такимъ образомъ, предугадывая и насильствуя мое литературное мнѣніе, хочетъ, чтобы я волею или неволею почиталъ за справедливое въ словесности то, что онъ справедливымъ почитаетъ. Далѣе вмѣсто выраженія моего: *полемической тактики* ссужаетъ меня выраженіемъ *спорной тактики*, которое едва ли имѣетъ какой либо извѣстный смыслъ" [1]....

---

[1] Цензоръ Красовскій извѣстенъ и болѣе причудливыми проявленіями по своей продолжительной цензорской дѣятельности. По словамъ составителя „Историческихъ свѣдѣній о цензурѣ въ Россіи",—„личность эту достаточно опредѣляетъ слѣдующій, можно сказать безъ преувеличенія, цензурный куріозъ, повторяемый какъ преданіе между литераторами и сохраненный цензурными архивами". При разсмотрѣніи стиховъ „Стансы къ Элизѣ", которые малоизвѣстный поэтъ Олинъ заимствовалъ изъ Вальтеръ-Скотта, Красовскій обратилъ особое вниманіе на нѣкоторые стихи, сдѣлавъ по поводу ихъ свои замѣчанія. Напр.:

„Улыбку устъ твоихъ небесную ловить".

Замѣч. Крас.: „Слишкомъ сильно сказано. женщина недостойна того, чтобъ улыбку ея называть небесною".

Ко второй половинѣ царствованія Александра I относится появленіе новаго требованія въ области цензуры, которое оказалось очень стѣснительнымъ для печати — требованія относительно предварительнаго просмотра статей, касающихся различныхъ частей государственнаго управленія, тѣми вѣдомствами, до которыхъ онѣ касались. Впервые это требованіе установлено было, повидимому, въ 1817 году, когда по поводу одной статьи объ откупахъ министръ народнаго просвѣщенія кн. Голицынъ предписалъ цензурнымъ комитетамъ не пропускать „ничего, относящагося до правительства, не испросивъ прежде на то согласія отъ того министерства, о предметѣ котораго въ книжкѣ разсуждается". Распоряженіе это впослѣдствіи часто подтверждалось, внесено было въ уставы 1826 и 1828 гг и надолго сдѣлалось однимъ изъ основныхъ правилъ цензуры, получившимъ наименованіе „множественности цензуры".

Въ 1824 году министромъ народнаго просвѣщенія назначенъ былъ адмиралъ Шишковъ, который еще въ 1815 году заявлялъ о недостаточности цензурнаго устава 1804 г. и необходимости измѣнить и дополнить его. Въ этомъ направленіи уже съ 1820 г. предприняты были годготовительныя

„И молча на тебѣ покоить взоры"

Замѣч. Крас.: „Тутъ есть какая-то двусмысленность".

„Что въ мнѣньи мнѣ людей? Одинъ твой нѣжный взглядъ
„Дороже для меня вниманья всей вселенной"

Замѣч. Крас. „Сильно сказано; къ тому же во вселенной есть и цари и законныя власти, вниманіемъ которыхъ дорожить должно".

„О, какъ бы я желалъ пустынныхъ странъ въ тиши,
„Безвѣстный близъ тебя къ блаженству пріучаться".

Замѣч. Крас.: „Это значитъ, что авторъ не хочетъ продолжать своей службы государю, для того только, чтобъ быть всегда съ своею любовницей; сверхъ сего, къ блаженству можно только пріучаться близъ Евангелія, а не близъ женщины".

„О, какъ бы я желалъ всю жизнь тебѣ отдать"...

Замѣч. Крас.: „Что же останется Богу?"

Тотъ же Красовскій не пропустилъ статьи „О вредности грибовъ", мотивируя свое запрещеніе тѣмъ, что „грибы постная пища православныхъ, и писать о вредности ихъ—значитъ подрывать вѣру и распространять невѣріе".

работы, которыми и воспользовался Шишковъ. Его планамъ помогло реакціонное настроеніе, вызванное событіями, которыми ознаменовалось вступленіе на престолъ Николая I. 10-го іюня 1826 года утвержденъ былъ новый уставъ о цензурѣ, который характеризуется чрезвычайною суровостью и стремленіемъ не только удерживать въ извѣстныхъ предѣлахъ свободное развитіе мысли, но и дать ей сообразное опредѣленнымъ цѣлямъ направленіе.

„Цѣль учрежденія цензуры,—гласитъ 1-я статья новаго устава,—состоитъ въ томъ, чтобы произведеніямъ словесности, наукъ и искусствъ ... дать полезное или, по крайней мѣрѣ, безвредное для блага отечества направленіе".

Главное управленіе цензурою ввѣряется министру народнаго просвѣщенія. Въ пособіе ему въ разрѣшеніи важнѣйшихъ по цензурѣ дѣлъ и для высшаго руководства цензоровъ учрежденъ Верховный Цензурный Комитетъ, состоящій, кромѣ министра народнаго просвѣщенія, изъ министровъ внутреннихъ дѣлъ и иностранныхъ дѣлъ. Составъ этотъ опредѣленъ сообразно съ „тремя главнѣйшими въ отношеніи къ цензурѣ попеченіями, а именно: а) о наукахъ и воспитаніи юношества, б) о правахъ и внутренней безопасности и в) о направленіи общественнаго мнѣнія согласно съ настоящими политическими обстоятельствами и видами правительства". Какъ видно уже изъ этого, Уставъ 1826 г. ставитъ цензурѣ очень широкія цѣли, приписывая ей въ значительной степени педагогическую, воспитательную роль.

Для цензуры книгъ учреждены четыре Комитета: въ Петербургѣ, Москвѣ, Дерптѣ и Вильнѣ. Въ дѣятельности своей эти Комитеты руководствуются указаніями Верховнаго Цензурнаго Комитета, на обязанности котораго лежитъ общее направленіе цензуры и разрѣшеніе важнѣйшихъ обстоятельствъ, встрѣчающихся при разсматриваніи предполагаемыхъ къ изданію въ свѣтъ сочиненій. Верховный Комитетъ составляетъ ежегодно „наставленіе Цензорамъ, долженствующее содержать въ себѣ особыя указанія и руководства для точнѣйшаго исполненія нѣкоторыхъ статей Устава, смотря по обстоятельствамъ времени". Впрочемъ, и въ самомъ уставѣ значительная часть статей посвящена

изложенію правилъ, которыми должны руководствоваться цензоры.

Въ этихъ правилахъ уставъ 1826 года идетъ далеко за предѣлы обычныхъ запрещеній пропускать къ печатанію что-либо противное религіи, существующей формѣ правленія, добрымъ нравамъ, чести и т. п. Цензору, между прочимъ, вмѣняется въ обязанность не пропускать такихъ произведеній, въ которыхъ явно нарушаются правила и чистота русскаго языка, а при разсмотрѣніи каталоговъ имѣющихся въ продажѣ книгъ наблюдать, „чтобы приписываемыя имъ похвалы не противорѣчили справедливости, дабы любители чтенія не могли быть чрезъ то приводимы къ неосновательному желанію пріобрѣтать книги, не заслуживающія ихъ вниманія“.—„Всѣ, вообще, отрывки изъ поэмъ, повѣстей, романовъ, рѣчей, разсужденій, театральныхъ сочиненій и проч., не имѣющіе полноты содержанія въ отношеніи къ нравственной, полезной или, по крайней мѣрѣ, безвредной цѣли, подвергаются запрещенію“.—Статьи подъ названіемъ критикъ и анти-критикъ должны быть основаны на безпристрастныхъ сужденіяхъ; и въ такомъ случаѣ, хотя бы содержали въ себѣ непріятныя, но справедливыя возраженія и нужныя для пользы языка и словесности обличенія въ погрѣшностяхъ, безпрепятственно одобряются къ напечатанію“. — Запрещается пропускать къ напечатанію „всякія частныхъ людей предположенія о преобразованіи какихъ-либо частей государственнаго управленія или измѣненія правъ и преимуществъ“ разныхъ сословій и состояній; повелѣно не пропускать также “ничего неуважительнаго или обиднаго“ для дружественныхъ державъ; но „само собою разумѣется“, говоритъ одна изъ статей, „что скромнаго и пристойнаго разсужденія о предметахъ управленія иностранныхъ государствъ воспрещать не слѣдуетъ“.—„Статьи, касающіяся до государственнаго управленія, не могутъ быть напечатаны безъ согласія того министерства, о предметахъ коего въ нихъ разсуждается“.—При разсмотрѣніи произведеній словесности цензорамъ предписывается наблюдать „въ особенности, чтобы въ сочиненіяхъ сего рода сохранялась чистая нравственность и не замѣнялась бы однѣми красотами воображенія“.—„Исторія не должна за-

ключать въ себѣ произвольныхъ умствованій, которыя не принадлежатъ къ повѣствованію"; запрещены описанія бывшихъ въ разныхъ государствахъ возмущеній, если сочинитель „всѣхъ горестныхъ послѣдствій возмущенія не представляетъ въ спасительное поученіе современникамъ и потомкамъ".—Кромѣ учебныхъ, логическихъ и философическихъ книгъ, необходимыхъ для юношества, прочія сочиненія сего рода, наполненныя безплодными и пагубными мудрованіями новѣйшихъ временъ, вовсе печатаемы быть не должны".—Что касается до дидактатическихъ умозрительныхъ сочиненій о правахъ и законахъ, заключающихъ въ себѣ теоріи о правѣ естественномъ, народномъ, гражданскомъ и уголовномъ, изложенныхъ въ видѣ метафизическихъ изысканій, то всякая вредная теорія, таковая, какъ, напр., о первобытномъ звѣрскомъ состояніи человѣка, будто бы, естественномъ, о мнимомъ составленіи первобытныхъ гражданскихъ обществъ посредствомъ договоровъ, о происхожденіи законной власти не отъ Бога и тому подобныя отнюдь не должны быть одобряемы къ напечатанію„.—Въ сочиненіяхъ по медицинскимъ и естественнымъ наукамъ воспрещены „всѣ произвольныя и безполезныя отступленія, кои отвлекаютъ читателей и учащихся отъ вещественнаго къ духовному, нравственному или гражданскому міру. Примѣненія и переходы сіи, обыкновенно, доводятъ до заблужденія и нимало не способствуютъ къ основательному изученію естественныхъ и медицинскихъ наукъ". Особая статья прибавляетъ: „по отношенію къ медицинскимъ наукамъ въ особенности слѣдуетъ наблюдать, чтобы вольнодумство и невѣріе не употребило нѣкоторыхъ изъ нихъ орудіями къ поколебанію или, по крайней мѣрѣ, къ ослабленію въ умахъ людей неопытныхъ, достовѣрности священнѣйшихъ для человѣка истинъ, таковыхъ, какъ духовность души, внутреннюю его свободу и высшее опредѣленіе къ будущей жизни. А потому и поставляется въ обязанность цензоровъ, чтобы они тщательно отсѣкали въ разсматриваемыхъ ими сочиненіяхъ и переводахъ всякое къ тому покушеніе".

Отвѣтственность цензоровъ по соблюденію требованій устава чрезвычайно велика, но и эта отвѣтственность признается не вполнѣ достаточнымъ обезпеченіемъ. Одна изъ

статей устава гласитъ, что и по пропускѣ цензоромъ сочиненія авторъ его можетъ быть подвергнутъ преслѣдованію, „ибо гораздо виноватѣе тотъ, кто, занимаясь на свободѣ однимъ только сочиненіемъ своимъ, обдумываетъ въ тишинѣ кабинета что-либо вредное для общественной безопасности и нравовъ и потомъ издаетъ въ свѣтъ, нежели цензоръ, разсматривавшій сочиненіе его, по обязанности своей, на ряду со многими другими".

Право содержать типографію и литографію можетъ быть пріобрѣтено не иначе, какъ „по представленіи просителемъ достаточныхъ свидѣтельствъ о благонадежности". Свидѣтельства эти разсматриваются министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, отъ котораго, по сношеніи съ министерствомъ народнаго просвѣщенія, и дается письменное позволеніе.

Право издавать въ свѣтъ повременное изданіе „можетъ быть предоставлено только человѣку добрыхъ нравовъ, извѣстному на поприщѣ отечественной словесности, доказавшему сочиненіями хорошій образъ мыслей и благонамѣренность свою и способному направлять общественное мнѣніе къ полезной цѣли". Соотвѣтственное ходатайство, съ надлежащими свѣдѣніями и приложеніями (между прочимъ „прежнихъ просителя печатныхъ сочиненій", „послужного списка и другихъ свидѣтельствъ, если онъ имѣетъ ихъ, о ревностномъ исполненіи обязанностей, понесенныхъ, въ разное время, по званію, какое онъ занималъ въ обществѣ"), подается въ мѣстный цензурный комитетъ. Послѣдній прежде, чѣмъ направить ходатайство къ высшей власти, удостовѣряется, что „предполагаемое къ изданію повременное сочиненіе, при точномъ соблюденіи предначертаннаго плана, не только не можетъ имѣть никакого вреднаго на нравы, или на общественное мнѣніе, дѣйствія, но и должно принести пользу по отношенію къ просвѣщенію или благонравію".

Наличность цензорскаго наблюденія за всѣмъ, что печаталось въ повременныхъ изданіяхъ, оказывалась еще недостаточною гарантіею благонамѣренности ихъ, и въ уставѣ предусматривается запрещеніе повременнаго изданія по слѣдующему основанію: „если цензурный комитетъ, по немалому числу запрещенныхъ имъ статей, удостовѣрится, что

издатель повременнаго сочиненія не имѣетъ хорошаго образа мыслей и намѣренъ давать своему изданію вредное для читателей направленіе, то, сдѣлавъ изъ таковыхъ статей выписку, представляетъ, чрезъ кого слѣдуетъ, министру народнаго просвѣщенія, съ мнѣніемъ, о воспрещеніи, уличенному такимъ образомъ въ неблагонамѣренности, писателю продолжать изданіе повременнаго своего сочиненія".

Таковы существенныя черты Устава о цензурѣ 1826 г. Онъ представляетъ собою одинъ изъ наиболѣе интересныхъ памятниковъ исторіи цензурнаго законодательства вообще, а въ Россіи—кульминаціонный пунктъ въ развитіи стремленія обезпечить полицейское воздѣйствіе на печать. Онъ создавалъ для печати условія крайне тягостныя, да и цензурные органы ставилъ въ рѣшительную невозможность исполнять требованія закона, облекая ихъ не контрольными функціями надзора, а совершенно неумѣстными и неосуществимыми широкими дидактическими полномочіями. Практика вскорѣ же выяснила необходимость радикальнаго измѣненія цензурнаго устава. Ближайшій толчекъ ему былъ данъ рѣшеніемъ пересмотрѣть правила объ иностранной цензурѣ, которая до тѣхъ поръ не была соединена съ цензурою внутреннею и которую предположено было подчинить тому же вѣдомству, такъ чтобы она являлась отдѣленіемъ общей цензуры. Общему пересмотру устава содѣйствовало то обстоятельство, что въ 1827 году адмирала Шишкова, главнаго творца устава 1826 года, замѣнилъ кн. Ливенъ, не раздѣлявшій взглядовъ своего предшественника на цензуру. Въ томъ же году изготовленъ былъ новый проектъ цензурнаго устава, который и былъ утвержденъ 22 апрѣля 1828 г.

Въ основное начало цензурнаго законодательства новый уставъ внесъ существенное измѣненіе. Тогда какъ по уставу 1826 г. цензура призывалась къ тому, чтобы давать извѣстное направленіе печати, по уставу 1828 г. задачи цензуры выражены болѣе узкими и болѣе опредѣленными полномочіями. „Ей не поставляется уже въ обязанность,—гласятъ соображенія Государственнаго Совѣта,—давать какое либо направленіе словесности и общему мнѣнію: она долженствуетъ только запрещать изданіе или продажу тѣхъ про-

изведеній словесности, наукъ и искусствъ, кои въ цѣломъ составѣ или въ частяхъ своихъ вредны въ отношеніи къ вѣрѣ, престолу, добрымъ нравамъ и личной чести гражданъ. Она представляется какъ бы таможнею, которая не производитъ сама добротныхъ товаровъ и не мѣшается въ предпріятія фабрикантовъ, но строго наблюдаетъ, чтобы не были ввозимы товары запрещенные, и клеймитъ лишь тѣ, коихъ провозъ и употребленіе дозволены тарифомъ". Такая постановка дѣла опредѣляетъ и иной характеръ обязянностей цензоровъ. „Они уже не поставлены судьями достоинства или пользы разсматриваемой книги. Они только отвѣтствуютъ на вопросъ: не вредна ли та книга, — и все ихъ дѣйствіе ограничивается простымъ рѣшительнымъ на сей вопросъ отвѣтомъ. Проектъ новаго устава даетъ менѣе свободы собственному произволу цензоровъ и тѣмъ способствуетъ успѣхамъ истиннаго просвѣщенія, но въ то же время даетъ имъ возможность запретить всякую вредную книгу на основаніи положительнаго закона и не входя въ предосудительныя пренія съ писателями".

Намѣреніе смягчить цензурныя стѣсненія опредѣленно сказывается въ самой редакціи нѣкоторыхъ статей, заключающихъ въ себѣ указаніе, чего не должны дѣлать цензоры и что на нихъ возлагалъ уставъ 1826 г. Такова напр. ст. 15: „цензура не имѣетъ права входить въ разборъ справедливости и неосновательности частныхъ мнѣній и сужденій писателя, если только оныя не противны общимъ правиламъ цензуры; она не можетъ входить въ сужденія о томъ, полезно или безполезно разсматриваемое сочиненіе, буде только оно невредно, и не должна поправлять слога или замѣчать ошибокъ автора въ литературномъ отношеніи, если только явный смыслъ рѣчи не подлежитъ запрещенію".

На почвѣ новаго устава строгости цензуры значительно смягчились. Къ тому же и высшая инстанція на первыхъ порахъ нерѣдко проявляла благосклонное отношеніе къ печати и удовлетворяла литераторовъ, обращавшихся съ жалобой на цензоровъ и цензурные комитеты въ Главное управленіе цензуры, замѣнившее собою Верховный Цензурный Комитетъ 1826 года. Заслуживаетъ вниманія и то обстоятельство, что во время управленія министерствомъ кн. Ли-

вена разрѣшались безъ особенныхъ затрудненій новыя періодическія изданія.

Однако этотъ періодъ смягченія цензурныхъ условій продолжался недолго. Положеніе печати стало осложняться различными дополненіями къ уставу въ видѣ многочисленныхъ административныхъ распоряженій, которыя отражали на себѣ все болѣе реакціонный характеръ эпохи. Развитіе реакціоннаго настроенія въ значительной степени вызывалось впечатлѣніями отъ событій, имѣвшихъ мѣсто на Западѣ, главнымъ образомъ, іюльской революціи 1830 г. во Франціи и революціонными движеніями 1848 г. во многихъ государствахъ западной Европы.

Помимо усиленія цензурной строгости, особенно по отношенію къ періодической печати, затруднено было полученіе права на изданіе новыхъ журналовъ и газетъ, для разрѣшенія которыхъ съ 1832 г. требовалось соизволеніе Высочайшей власти [1]. Съ другой стороны, крайне широкое развитіе получила множественность цензуръ. Различныя вѣдомства одно за другимъ получили право цензурнаго разсмотрѣнія произведеній, касающихся ихъ компетенціи. Вслѣдъ за министерствами военнымъ, финансовъ, Императорскаго двора, это право предоставлено было почтовому вѣдомству, главному управленію путей сообщенія, управленію военно-учебныхъ заведеній, Кавказскому комитету, II Отдѣленію Собственной Его Величества Канцеляріи, Археографической комиссіи, главному попечителю дѣтскихъ пріютовъ, С.-Петербургскому оберъ-полицеймейстеру, управленію государственнаго коннозаводства. „Если сосчитать всѣхъ лицъ, завѣдующихъ цензурою, — говоритъ въ своихъ запискахъ академикъ Никитенко, — ихъ окажется больше, чѣмъ книгъ, печатаемыхъ въ теченіе года". Всѣ эти спеціальныя цензуры нимало не избавляли отъ цензуры общей, и какое-нибудь изданіе, съ разнообразнымъ содержа-

---

[1] А въ 1836 г. министръ народнаго просвѣщенія въ предложеніи попечителю Московскаго учебнаго округа заявилъ: „представленія о дозволеніи новыхъ періодическихъ изданій на нѣкоторое время воспрещаются". Сборникъ постан. и распор. по цензурѣ. Стр. 227.

ніемъ могло проходить послѣдовательно черезъ нѣсколько цензуръ.

Подъ вліяніемъ событій 1848 года, имѣвшихъ мѣсто въ западно-европейскихъ государствахъ, еще болѣе усилилась строгость цензурныхъ правилъ. Всѣ иностранныя книги, привозимыя въ Россію, были обложены пошлиною. Установлены новыя строгія формальности при осмотрѣ привозимыхъ книгъ; лица и учрежденія, которымъ дозволялось выписывать книги безъ цензуры, подвергнуты ограниченіямъ въ выпискѣ ихъ и пользованія ими. Въ 1850 году преобразованъ составъ главнаго управленія цензуры. Цензорами повелѣно было назначать не университетскихъ профессоровъ, какъ это было по уставу 1828 г., а чиновниковъ, получившихъ образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ или инымъ способомъ пріобрѣвшихъ основательныя въ наукѣ свѣдѣнія съ тѣмъ, чтобы они, занимая должность цензора, не несли никакихъ другихъ обязанностей.

Въ 1848 году созданъ былъ особый комитетъ, на который, первоначально, возложена была обязанность „разсмотрѣть, правильно ли дѣйствуетъ цензура и издаваемые журналы соблюдаютъ ли данныя каждому журналу программы". Вскорѣ задачи комитета были расширены, и онъ явился, подъ предсѣдательствомъ Бутурлина, органомъ „для высшаго надзора въ нравственномъ и политическомъ отношеніи за духомъ и направленіемъ книгопечатанія" (по выраженію составителя „Историческихъ свѣдѣній о цензурѣ"). Подъ именемъ „Комитетъ 2 Апрѣля", это установленіе просуществовало до конца 1855 года и являлось главнымъ руководителемъ полиціи печати за это время, которое получило наименованіе эпохи „цензурнаго террора".

Комитетъ этотъ проявлялъ самый дѣятельный надзоръ за печатью и цензурными учрежденіями, которымъ онъ нерѣдко давалъ указанія и внушенія. Главнѣйшее вниманіе его обращено было на между-строчный смыслъ сочиненій, не столько на „видимую", какъ указывалъ уставъ 1828 года, сколько на предполагаемую цѣль автора". Комитетъ, а подъ его воздѣйствіемъ и общія цензурныя учрежденія стремились къ осуществленію той задачи, которую ставилъ уставъ 1826 г.—сообщенія литературѣ желательнаго направленія.

Неудивительно, что при такихъ условіяхъ [1] цензурная опека приняла самые широкіе размѣры

По вступленіи на престолъ Императора Александра II, положеніе печати значительно измѣнилось къ лучшему. Перемѣна сказалась прежде всего въ смягченіи суровостей цензурной практики. Въ печати не могло не отразиться общественное, оживленіе, вызванное, съ одной стороны, обнаруженіемъ многихъ недочетовъ и злоупотребленій въ эпоху Восточной войны, и съ другой—рѣшеніемъ правительства предпринять рядъ реформъ въ различныхъ отрасляхъ управленія и суда. Особенно дѣятельное участіе приняла печать въ обсужденіи крестьянской реформы, важнѣйшія стороны которой были тщательно выяснены компетентными писателями. Допущенную свободу обсужденія правительство стремилось, однако, поставить въ извѣстныя рамки путемъ цѣлаго ряда распоряженій, свидѣтельствующихъ о томъ, что еще сильны были традиціонныя опасенія цензурнаго характера [2]. Въ 1859 г. послѣдовало въ Совѣтѣ Министровъ общее

---

[1] Составитель „Историческихъ свѣдѣній о цензурѣ", указавъ на увеличившуюся въ это время строгость цензуры, прибавляетъ, что „она сдѣлалась то того подозрительною, что одинъ цензурный комитетъ вступилъ съ ходатайствомъ о назначеніи въ его составъ музыканта для разсмотрѣнія нотъ, ибо, представилъ онъ, необходимо бываетъ опредѣлить, „дѣйствительно ли представляемыя ноты содержатъ въ себѣ музыкальную пьесу, а не какое-либо безнравственное и вредное сочиненіе, написанное въ видѣ нотъ, знаками, составленными по извѣстному ключу". Одинъ цензоръ, имѣя, безъ сомнѣнія, въ виду выговоръ, сдѣланный за пропущеніе въ словарѣ непристойныхъ словъ, просматривая словарь Рейфа, подвергъ исключенію многія иностранныя слова, одни—по причинѣ ихъ неблагопристойнаго смысла, другія—по причинѣ ихъ созвучія съ русскими неблагопристойными словами, третьи—по разнымъ своимъ соображеніямъ; такъ, между прочимъ, замѣтивъ, что нѣмецкое слово Litanei было переведено словами „литія, молебенъ, скучный разсказъ", онъ вычеркнулъ послѣднее. Издатель словаря, жалуясь главному управленію, объяснялъ, что хуже будетъ, если русскій ученикъ, встрѣтивъ на нѣмецкомъ языкѣ это слово въ смыслѣ „скучнаго разсказа", станетъ переводить его словами „литія, молебенъ".—„Истор. свѣд. о ценз.", стр. 72—73.

[2] Въ январѣ 1858 г. Высочайшимъ повелѣніемъ объявлены были особыя правила „для руководства внутренней цензуры для разсмотрѣнія о пропускѣ къ напечатанію статей, относящихся до предпринятаго нынѣ освобожденія крѣпостного состоянія: а) статей, гдѣ будутъ разбирать, осуждать

сужденіе по вопросу о гласности. При этомъ „найдено было, что оглашеніе въ печатныхъ сочиненіяхъ и журнальныхъ статьяхъ о существующихъ безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ можетъ быть полезнымъ въ томъ отношеніи, что этимъ способомъ предоставляется правительству возможность получать свѣдѣнія независимо отъ оффиціальныхъ источниковъ, и нѣкоторыя изъ этихъ свѣдѣній могутъ служить поводомъ къ повѣркѣ свѣдѣній оффиціальныхъ и къ принятію надлежащихъ по усмотрѣнію мѣръ".

Вслѣдъ за измѣненіемъ характера цензурной практики естественно долженъ былъ выдвинуться и вопросъ объ из-

---

и критиковать распоряженія правительства по этому дѣлу, къ напечатанію не допускать. б) Не позволять также печатать тѣхъ статей, преимущественно литературнаго содержанія, гдѣ въ формѣ разсказа, или какой-либо другой, помѣщаются событія и сужденія, могущія возбудить крестьянъ противу помѣщиковъ. в) Затѣмъ, всѣ сочиненія и статьи, чисто ученыя, теоретическія, историческія и статистическія, гдѣ будутъ разбираться и разсматриваться вопросы хозяйственные о теперешнемъ и будущемъ устройствѣ помѣщичьихъ крестьянъ, дозволять печатать, какъ отдѣльными книжками, такъ и во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ, съ тѣмъ только: а) чтобы при этомъ не было допускаемо разсужденій и толкованій о главныхъ началахъ, Высочайшими рескриптами предписанныхъ въ руководство Комитетамъ, по губерніямъ учрежденнымъ; б) чтобы при пропускѣ всѣхъ подобнаго рода статей и сочиненій въ точности соблюдались общія правила, цензурнымъ уставомъ предписанныя; в) чтобы обращено было особое вниманіе на духъ и благонамѣренность сочиненія, и г) статьи, писанныя въ духѣ правительства, допускать къ печатанію во всѣхъ журналахъ" (Сборн. постан. и распор. по цензурѣ, стр. 422—423).—Черезъ нѣсколько дней новымъ Высочайшимъ повелѣніемъ опредѣлено было правила эти „распространить и на прочіе предметы современныхъ государственныхъ вопросовъ и правительственныхъ распоряженій".

Для опредѣленія предѣловъ дозволенной свободы обсужденія характерно также слѣдующее распоряженіе (14 ноября 1857 г.) по цензурѣ „относительно появляющихся въ періодическихъ изданіяхъ сужденій слишкомъ смѣлыхъ, касающихся вопросовъ государственныхъ и стремящихся къ нововведеніемъ". „Цензоры обязаны съ неослабною прозорливостью вникать въ духъ сочиненій и, покровительствуя науку, не давать хода вреднымъ умозрѣніямъ; конечно, не должно смѣшивать благородныя желанія улучшеній съ *тенденціями* къ политическимъ преобразованіямъ, но сіи послѣднія нерѣдко облекаются въ благовидныя наружныя формы. Оттого цензоры должны усугубить просвѣщенную строгость при разсмотрѣніи подобныхъ статей" (Тамъ же, стр. 418).

мѣненіи законодательства о печати. Впервые еще въ 1857 году министру народнаго просвѣщенія Норову была объявлена Высочайшая воля о необходимости составить новый уставъ о цензурѣ. Это предположеніе однако не осуществилось и при преемникѣ Норова, Ковалевскомъ. Послѣднимъ, правда, былъ изготовленъ и даже внесенъ въ Государственный Совѣтъ проектъ цензурнаго устава, но онъ былъ возвращенъ „по причинѣ болѣе обширныхъ, задуманныхъ въ то время по предмету этому, преобразованій“ [1].

Оживленныя работы по реформѣ законодательства о печати начались со вступленія А. В. Головнина въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ концѣ 1861 г. Прежде всего предприняты были работы по приведенію въ ясность цензурныхъ постановленій и цензурной практики, а затѣмъ приступлено къ пересмотру этихъ постановленій и составленію проекта „устава о книгопечатаніи“, для чего учреждена была (въ мартѣ 1862 г.) особая комиссія, подъ предсѣдательствомъ князя Д. Оболенскаго. „Въ то же время—говоритъ А. В. Головнинъ въ одномъ оффиціальномъ документѣ [2], дабы узнать желанія и мысли самихъ литераторовъ о лучшемъ устройствѣ цензуры, многіе изъ этихъ лицъ приглашены были къ доставленію министерству народнаго просвѣщенія ихъ соображеній, которыя составили особую книжку, при чемъ разрѣшено было разсуждать въ періодическихъ изданіяхъ о лучшемъ устройствѣ цензуры“. Проведены были отдѣльныя мѣры съ цѣлью доставить литературѣ возможныя льготы и облегченія, каковы: отмѣна спеціальныхъ цензуръ, которыя были особенно тягостны для петербургскихъ періодическихъ изданій; дозволеніе всѣмъ газетамъ и журналамъ печатать частныя объявленія; разрѣшеніе многимъ изъ нихъ получать изъ-за границы книги и періодическія изданія безъ цензуры; облегченія въ пересылкѣ газетъ и т. п. Цѣль всѣхъ этихъ мѣропріятій состояла, по словамъ того же документа, въ томъ, чтобы „идти къ большему простору печатнаго слова, при чемъ преступ-

[1] Историч. свѣд. о ценз. въ Россіи, стр. 111.

[2] Отношеніе министра народнаго просвѣщенія министру внутреннихъ дѣлъ отъ 7 декабря 1863 г.

ленія онаго карались бы судомъ (въ то время ожидалось проведеніе судебной реформы въ ближайшемъ будущемъ) и выводился бы болѣе и болѣе произволъ изъ области цензуры".

„Исполненіе этого плана—продолжаетъ названный документъ—начало уже ознаменовываться весьма благотворными результатами. Въ обсужденіи многихъ важныхъ вопросовъ общественнаго нашего устройства литература заговорила спокойнымъ, обдуманнымъ тономъ и многіе ея органы, вмѣсто того, чтобы упорствовать въ безплодной оппозиціи правительству, старались служить ему опорою. Конечно, существовали печальныя уклоненія отъ этого правила; иногда нѣкоторые писатели вдавались въ излишества и неумѣренность, но можно сказать утвердительно, что всякій разъ они встрѣчали себѣ отпоръ въ той же самой литературѣ. Къ несчастью, въ то самое время, какъ печать наша заявляла такъ успѣшно о достаточной зрѣлости своей для пользованія разумною свободою, произошли событія, не дозволившія расширить ея права. Извѣстныя прокламаціи—произведеніе тайныхъ типографій, дѣйствія заграничныхъ агитаторовъ и открывшіеся въ разныхъ мѣстахъ имперіи происки революціонной пропаганды, общей и въ частности польской, заставили обратить вниманіе на періодическую литературу, какъ на средство, которымъ старались воспользоваться злоумышленники и на которое они весьма много разсчитывали. Обстоятельства сіи усилили по необходимости строгость цензуры и отдалили предположенія о дарованіи литературѣ большаго простора. Въ то же время оказалось, что судебная реформа не можетъ вскорѣ осуществиться и что самый трудъ коммисіи о книгопечатаніи не можетъ быть оконченъ къ тому сроку, какъ сначала предполагалось, и потому явилась необходимость въ изданіи временныхъ правилъ, которыя, по разсмотрѣніи въ Совѣтѣ министровъ, удостоились Высочайшаго утвержденія".

Правила эти (12 мая 1862 г.) имѣли своею задачею дать болѣе ясное и точное опредѣленіе предметовъ государственнаго управленія, которые разрѣшалось обсуждать въ печати. Сверхъ того они должны были замѣнить многія

изъ постановленій по цензурѣ, изданныя за предшествующія десятилѣтія [1].

Въ концу 1862 г. коммисія кн. Оболенскаго изготовила проектъ новаго законодательства о печати. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ, при которомъ Головнинъ представилъ этотъ проектъ, имъ высказаны существенныя замѣчанія о немъ, характерныя съ точки зрѣнія дальнѣйшей судьбы проекта. Въ началѣ доклада указывается на всеобщее неудовольствіе на цензуру. „Съ самаго учрежденія у насъ цензуры, ввѣренной министерству народнаго просвѣщенія, не прекращались жалобы со стороны литературы на крайнюю стѣснительность цензурныхъ правилъ и на излишнюю строгость и произволъ въ цензурной практикѣ, и въ то же время не прекращались требованія высшихъ полицейскихъ властей о введеніи большей и большей строгости, съ указаніемъ на упущенія цензоровъ. Въ послѣдніе годы общее направленіе правительственнаго образа дѣйствій и рядъ мѣръ, имъ предпринятыхъ, при предоставленіи общественному мнѣнію большаго участія въ обсужденіи этихъ мѣръ, должны были по необходимости вызвать, съ одной стороны, большія жалобы на строгость и произволъ цензуры, съ другой—болѣе разнообразныя требованія надзора за печатными произведеніями со стороны высшихъ полицейскихъ властей. Мѣнялись высшіе и низшіе исполнители цензурныхъ законовъ, издавались различныя правила, повторялись безпрерывно строгія подтвержденія, но цѣль не достигалась и всѣ были недовольны, не исключая и самихъ цензоровъ, которые, выражая полную готовность исполнять намѣренія правительства, жаловались на крайнюю неопредѣлительность цензурныхъ правилъ“.

Причину указаннаго явленія Головнинъ усматривалъ „въ самомъ свойствѣ системы предварительной цензуры. Литература наша уже достаточно развилась, чтобъ ежедневно дѣйствіе цензурнаго произвола сдѣлалось для нея крайне тягостнымъ, и оттого происходятъ безпрестанныя жалобы на цензоровъ. Цензура, по самому свойству предмета, под-

[1] Этими правилами были отмѣнены, за немногими исключеніями, состоявшіяся съ 1828 г. по 1 января 1862 г. постановленія и распоряженія по цензурѣ.

лежащаго ея дѣйствію, т. е. разнообразнѣйшему проявленію человѣческой мысли, не можетъ найти въ законѣ опредѣленной, точной границы между тѣмъ, что можетъ быть дозволено, и тѣмъ, что должно быть запрещено, и потому руководствуется большимъ или меньшимъ тактомъ каждаго цензора. Дѣятельность, основанная не на точномъ и ясномъ указаніи закона, никого не можетъ удовлетворить, и оттого ни при одномъ министрѣ народнаго просвѣщенія не прекращалось общее неудовольствіе администраціи, общества и литературы на дѣйствія цензуры, а цензоровъ на требованія отъ нихъ тѣхъ и другихъ. Очевидно, что необходимо стараться выйти изъ этого положенія и перейти къ порядку, болѣе удовлетворительному. Таковымъ представляется въ литературѣ *установленіе цензуры обратной, при которой* свободное печатное слово подвергается взысканію по суду за каждый случай злоупотребленія свободой".

Установленіе такого порядка, т. е. репрессивной системы, признавалось однако невозможнымъ тогда „по неимѣнію судовъ, которые пользовались бы въ достаточной степени довѣріемъ и общества и правительства". Упомянутый порядокъ долженъ быть, тѣмъ не менѣе, цѣлью, къ которой слѣдуетъ стремиться, „*приближаясь къ ней посредствомъ* переходныхъ мѣръ отъ нынѣшняго, крайне неудовлетворительнаго, состоянія законовъ о книгопечатаніи".

Изысканіе такихъ переходныхъ мѣръ и составляло задачу коммиссіи при разработкѣ ея проекта. Въ немъ Головнинъ признавалъ извѣстныя достоинства, но въ отношеніи къ системѣ мѣръ взысканія, проектированныхъ для предупрежденія могущихъ быть злоупотребленій со стороны писателей и редакторовъ, онъ высказалъ рѣшительный неодобрительный отзывъ. По проекту, періодическимъ изданіямъ предоставлялся выборъ между цензурою предварительной и цензурой обратной, съ условіемъ подчиниться въ послѣднемъ случаѣ административнымъ взысканіямъ. Важнѣйшія изъ нихъ: двукратное публичное предвареніе (предостереженіе); временное отъ 1 до 6 мѣсяцевъ прекращеніе изданія; подчиненіе изданія вновь цензурѣ; совершенное прекращеніе изданія.

Имѣя въ виду проектированную систему взысканій,

Головнинъ въ заключеніе своего отзыва находилъ, что „представленный Коммиссіею проектъ проникнутъ какимъ то враждебнымъ литературѣ направленіемъ, состоя только изъ мѣръ преслѣдовательныхъ, карательныхъ, и вовсе не представляетъ мѣръ, которыя имѣли бы цѣлію развитіе литературы, поощреніе, содѣйствіе оной. Проектъ сей составленъ очевидно подъ вліяніемъ событій послѣдняго времени и потому безъ надлежащаго хладнокровія и безпристрастія". Въ концѣ доклада Головнинъ предлагалъ, чтобы проектъ введенія другой системы цензуры представленъ былъ Высочайшей власти въ то время, когда уже совершится преобразованіе судебной части.

Однако въ началѣ 1863 года, по предложенію министра народнаго просвѣщенія, послѣдовала передача всѣхъ цензурныхъ учрежденій въ министерство внутреннихъ дѣлъ, къ которому перешло и дальнѣйшее направленіе пересмотра законодательства о печати. Министръ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевъ образовалъ новую коммиссію для разсмотрѣнія изготовленнаго проекта и окончательнаго редактированія его. Принятыя ранѣе основанія новаго законодательства (освобожденіе отъ предварительной цензуры печатаемыхъ въ столицахъ книгъ значительнаго объема и періодическихъ изданій, съ условіемъ подчиненія ихъ административнымъ взысканіямъ) были сохранены въ окончательномъ проектѣ. Разосланный первоначально на заключеніе вѣдомствъ [1], проектъ этотъ въ началѣ 1865 года былъ обсужденъ въ Государственномъ Совѣтѣ, гдѣ онъ подвергся не-

[1] Изъ высказанныхъ представителями вѣдомствъ заключеній особый интересъ и значеніе имѣютъ отзывы министра народнаго просвѣщенія А. В. Головнина и главноуправляющаго II отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи барона М. А. Корфа. Оба они нашли нужнымъ остановиться въ своихъ замѣчаніяхъ на опасеніяхъ, которыя вызывала въ нихъ проектированная система административныхъ взысканій. „Сознавая важныя достоинства новаго устава,—говорилъ А. В. Головнинъ въ цитированномъ уже отношеніи министру внутреннихъ дѣлъ отъ 7 дек. 1863 г.,—я считаю вмѣстѣ съ тѣмъ долгомъ указать на тѣ стороны его, которыя нуждаются, по моему мнѣнію, въ измѣненіяхъ. Къ нимъ принадлежитъ, прежде всего, система административныхъ взысканій. Система эта получила господство въ тѣхъ странахъ (Головнинъ имѣлъ здѣсь въ виду, прежде всего, Францію), гдѣ. по существующимъ условіямъ, невозможно было воз-

значительнымъ измѣненіямъ. Распубликованіе новаго закона о печати состоялось 6 апрѣля 1865 года, когда были изданы — Именной указъ „о дарованіи нѣкоторыхъ облегченій и удобствъ отечественной печати“ и Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта“ о нѣкоторыхъ перемѣнахъ и дополненіяхъ въ дѣйствующихъ нынѣ цензурныхъ постановленіяхъ“.

Законъ 1865 года составилъ основу законодательства, дѣйствовавшаго непрерывно до изданія въ 1905 и 1906 гг. временныхъ правилъ о печати (о нихъ см. ниже). Въ 1882 г. изданы были временныя мѣры, усилившія систему административныхъ взысканій.

Главную особенность закона 1865 г. составляютъ освобожденіе отъ предварительной цензуры нѣкоторыхъ категорій произведеній печати и установленіе системы административныхъ взысканій. Образцомъ при выработкѣ этой системы послужило французское законадательство эпохи Наполеона III (декретъ 1852 г.).

становить цензуру предварительную, но вмѣстѣ съ тѣмъ являлось желаніе приблизиться къ ней какъ можно болѣе. Въ новомъ уставѣ, напротивъ, система административныхъ взысканій является переходною мѣрою, т. е. такою, при существованіи которой литература должна пріобрѣсти извѣстную опытность, извѣстное самообладаніе и воздержность для умѣнья пользоваться разумною свободою. Мнѣ кажется, что система, о которой идетъ рѣчь, не въ состояніи развить въ литературѣ этихъ качествъ: опытъ убѣждаетъ, что, подобно предварительной цензурѣ, она возбуждаетъ въ обществѣ то раздраженіе, тотъ духъ упорной и даже преднамѣренной оппозиціи, устраненіе которыхъ должно преимущественно имѣть въ виду. Не достигая, слѣдовательно, цѣли, какъ переходная мѣра, административныя предостереженія создаютъ много важныхъ неудобствъ для правительства: при существующемъ порядкѣ, цензоръ не допускаетъ появленія въ свѣтъ вредной статьи, и какъ дѣйствія цензора, такъ и статья, подвергнувшаяся запрещенію, становятся извѣстны лишь весьма ограниченному кружку лицъ. При системѣ же взысканій, административная кара постигаетъ статью уже тогда, когда она проникла въ публику: взысканіе не ослабляетъ произведеннаго ею впечатлѣнія, — напротивъ, вниманіе публики еще болѣе привлекается къ ней, и она получаетъ такое значеніе, на которое часто не имѣла никакого права. Публика становится, въ такихъ случаяхъ, какъ бы судьею между правительствомъ и журналистикою и принимаетъ почти всегда сторону послѣдней. Мнѣ кажется, что подобное положеніе весьма невыгодно для правительственныхъ органовъ; уже по одному этому если бы даже существовала у насъ система административныхъ предостереженій, то ради

Отъ предварительной цензуры были изъяты: а) *въ обѣихъ столицахъ:* 1) всѣ оригинальныя сочиненія, объемомъ не менѣе десяти печатныхъ листовъ, и 2) всѣ переводы, объемомъ не менѣе двадцати печатныхъ листовъ; б) *повсемѣстно:* 1) повременныя или періодическія изданія, получившія отъ министра внутреннихъ дѣлъ разрѣшеніе на выходъ безъ предварительной цензуры; 2) всѣ изданія правительственныя; 3) всѣ изданія академій, университетовъ и ученыхъ обществъ и установленій; 4) всѣ изданія на древнихъ классическихъ языкахъ и переводы съ этихъ языковъ; 5) чертежи, планы и карты.

Освобожденныя отъ предварительной цензуры изданія, въ случаѣ нарушенія въ нихъ законовъ, подвергались судебному преслѣдованію; кромѣ того, въ случаѣ замѣченнаго въ нихъ вреднаго направленія, они подлежали и дѣйствію нѣкоторыхъ административныхъ мѣръ и взысканій. Этимъ послѣднимъ могли впрочемъ подлежать и подцензурныя изданія. Административныя мѣры по отношенію къ печати слѣдующія.

1) **Предостереженія и временная пріостановка.** — Министру внутреннихъ дѣлъ предоставлялось право дѣлать повремен-

---

ограждения интересовъ и достоинства правительства нужно было бы стремиться къ ея отмѣненію" Головнинъ, въ заключеніе своего отзыва, говорилъ. „послѣ опыта послѣднихъ лѣтъ я вообще нахожу предварительную цензуру несостоятельною для достиженія цѣлей правительства и потому полагаю, что всего бы полезнѣе вовсе отмѣнить оную, замѣнивъ прямо взысканіями по суду; но такъ какъ мнѣніе это не раздѣляется весьма многими и нѣтъ ни малѣйшей надежды осуществить такое предположеніе, то я и допускаю вышеизложенныя переходныя мѣры, какъ временную уступку обстоятельствамъ". — Съ другой стороны, бар. М. А. Корфъ выразился объ административныхъ взысканіяхъ слѣдующимъ образомъ. „Административныя взысканія—это новая язва, заключающая въ себѣ такую массу вреда, произвола и несправедливости, что противъ нихъ протестовали и протестуютъ всѣ благоразумные люди. Система административныхъ взысканій еще болѣе заражена произволомъ и несправедливостью, нежели предварительная цензура, ибо наказываетъ за вину, не предвидѣнную никакимъ положительнымъ закономъ. Она могла оказаться необходимостью тамъ, гдѣ правительство, уже лишенное предварительной цензуры, не считало возможнымъ къ ней возвращаться; но что вынуждаетъ подражать въ этомъ отношеніи примѣру другихъ, когда мы желаемъ не утѣсненія, а расширенія свободы слова?"

нымъ безцензурнымъ изданіямъ предостереженія, съ указаніемъ на статьи, подавшія поводъ къ этому. Третье предостереженіе пріостанавливало изданія на срокъ, назначаемый министромъ, но не свыше шести мѣсяцевъ. Это правило распространялось въ одинаковой силѣ и на повременныя изданія, арендуемыя у правительственныхъ или ученыхъ учрежденій.

Съ истеченіемъ срока, на который было пріостановлено изданіе, подвергшееся третьему предостереженію, оно возобновлялось на тѣхъ же основаніяхъ, но съ 1882 года установленъ былъ для такихъ случаевъ новый порядокъ, создававшій для безцензурныхъ изданій особую процедуру цензурнаго просмотра передъ выходомъ въ свѣтъ нумеровъ такого изданія. Въ 1882 году „впредь до измѣненія, въ законодательномъ порядкѣ, дѣйствующихъ постановленій о печати, Высочайше повелѣно: редакціи выходящихъ въ свѣтъ не менѣе одного раза въ недѣлю повременныхъ изданій, вызвавшихъ третье предостереженіе, обязываются, по истеченіи срока пріостановки и по возобновленіи, представлять нумера ихъ для просмотра въ цензурные комитеты не позже одиннадцати часовъ вечера наканунѣ дня выпуска въ свѣтъ, при чемъ цензорамъ предоставляется право, въ случаяхъ усматриваемаго ими значительнаго вреда отъ распространенія такого повременнаго изданія, пріостанавливать выходъ его въ свѣтъ, не возбуждая судебнаго преслѣдованія противъ виновныхъ. Порядокъ представленія таковыхъ повременныхъ изданій въ цензуру для просмотра, а также срочность или безсрочность сего обязательства, установляются по ближайшему усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ“.

Въ теченіе долгаго времени въ законѣ не была предусмотрѣна срочность предостереженій, вслѣдствіе чего первое и второе предостереженія тяготѣли надъ изданіями въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Въ первыя пятнадцать лѣтъ со времени изданія закона 6 апрѣля 1865 г. неудобства, возникавшія вслѣдствіе этого, отчасти смягчались тѣмъ, что за этотъ промежутокъ времени три раза (въ 1866, 1872 и 1877 г.), по Высочайшему повелѣнію, слагались съ повременныхъ изданій предостереженія.. Послѣ 1877 года случа-

евъ такой амнистіи не было, и одной изъ газетъ второе предостереженіе было сдѣлано черезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ перваго. Лишь въ 1901 году изданъ былъ законъ, установившій срочность предостереженій. Въ силу Высочайше утвержденнаго 4 іюня 1901 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта, первое предостереженіе сохраняло свою силу въ теченіе одного года со дня его полученія повременнымъ изданіемъ, если за этотъ срокъ не будетъ объявлено второго предостереженія. Если въ теченіе одного года повременное изданіе получало два предостереженія, то дѣйствіе ихъ сохраняло свою силу въ теченіе двухъ лѣтъ со дня объявленія изданію второго предупрежденія, если за этотъ срокъ не послѣдовало третьяго предостереженія. По истеченіи означенныхъ сроковъ. изданіе освобождалось отъ полученныхъ предостереженій, и слѣдующее за симъ предостереженіе вновь считалось первымъ.—Законъ распространилъ дѣйствіе изложеннаго правила на предостереженія, объявленныя повременнымъ изданіямъ до утвержденія настоящаго узаконенія.

Временной пріостановкѣ періодическое изданіе, выходящее безъ предварительной цензуры, могло быть подвергнуто и безъ предостереженія. Такая мѣра находится въ связи съ предоставленнымъ министру внутреннихъ дѣлъ правомъ (ст. 140 Уст. ценз.) дѣлать распоряженіе (черезъ главное управленіе по дѣламъ печати) объ извѣщеніи редакторовъ безцензурныхъ изданій о томъ, что „по соображеніямъ высшаго правительства“ признается „неудобнымъ оглашеніе или обсужденіе въ печати, въ теченіе нѣкотораго времени, какого-либо вопроса государственной важности“ (законъ 16 іюня 1873 г.). Въ случаѣ неисполненія редакторомъ повременнаго изданія такого распоряженія, министру внутреннихъ дѣлъ предоставлялось (ст. 156) пріостановить выпускъ въ свѣтъ такого изданія на срокъ не свыше трехъ мѣсяцевъ.

Наконецъ, пріостановкѣ на срокъ не долѣе восьми мѣсяцевъ могло быть подвергнуто и подцензурное періодическое изданіе, въ силу предоставленнаго министру внутреннихъ дѣлъ права (ст. 154) примѣнять эту мѣру „въ случаѣ вреднаго направленія“ такого изданія.

2) **Прекращеніе изданія.** По закону 6 апрѣля 1865 года окончательное прекращеніе изданія можетъ послѣдовать по рѣшенію Перваго Департамента Правительствующаго Сената, въ который министръ внутреннихъ дѣлъ входитъ съ представленіемъ, „если послѣ третьяго предостереженія онъ признаетъ нужнымъ, независимо отъ предварительнаго пріостановленія повременнаго изданія на извѣстный срокъ, вовсе прекратить это изданіе". Этотъ нормальный порядокъ не былъ отмѣненъ общимъ законодательнымъ путемъ, и изложенное постановленіе входило въ ст. 148 Уст. о ценз. и печ. Но она не примѣнялась съ 1882 г., когда положеніемъ комитета министровъ установленъ былъ новый порядокъ прекращенія повременныхъ изданій: „Въ 1882 году, впредь до измѣненія, въ законодательномъ порядкѣ, дѣйствующихъ постановленій о печати, Высочайше повелѣно: вопросы о совершенномъ прекращеніи повременныхъ изданій (не исключая и арендуемыхъ у правительственныхъ и ученыхъ учрежденій), выходящихъ какъ подъ предварительною цензурою, такъ и безъ нея, или о пріостановкѣ ихъ безъ опредѣленія срока ея, съ воспрещеніемъ редакторамъ и издателямъ оныхъ быть впослѣдствіи редакторами или издателями какихъ-либо другихъ періодическихъ изданій, предоставляются сококупному обсужденію и разрѣшенію министровъ внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и юстиціи и оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, при участіи, сверхъ того, и тѣхъ министровъ или главноуправляющихъ отдѣльными частями, коими возбуждаются подобные вопросы".

3) **Воспрещеніе выпуска въ свѣтъ.** Если распространеніе освобожденной отъ предварительной цензуры книги или нумера повременнаго изданія, выходящаго безъ цензуры рѣже одного раза въ недѣлю, министромъ внутреннихъ дѣлъ признано будетъ особенно вреднымъ, то онъ могъ, сдѣлавъ распоряженіе о предварительномъ задержаніи такого произведенія, представить о воспрещеніи выпуска онаго въ свѣтъ на окончательное разрѣшеніе комитета министровъ. При этомъ экземпляры такихъ книгъ и нумеровъ періодическихъ изданій немедленно отбирались, по распоряженію подлежащихъ учрежденій по дѣламъ печати, отъ типографщи-

ковъ, издателей, авторовъ, переводчиковъ и редакторовъ (ст. 19 и 150).

4) **Воспрещеніе печатать частныя объявленія.** Министру внутреннихъ дѣлъ предоставлялось (ст. 155), по его личному усмотрѣнію, прекращать въ періодическихъ изданіяхъ, получившихъ право печатанія частныхъ объявленій, помѣщеніе таковыхъ объявленій на время отъ двухъ до восьми мѣсяцевъ (Высоч. пов. 12 мая 1863 г.).

5) **Воспрещеніе розничной продажи.** Эта мѣра не была включена въ то отдѣленіе Уст. о ценз., въ которомъ перечисляются административныя взысканія, но въ практическомъ примѣненіи она получила характеръ и значеніе административной кары за вредное направленіе. Распоряженія о воспрещеніи розничной продажи періодическихъ изданій, встрѣчавшіяся въ практикѣ довольно часто, основывались на ст. 178 уст. о ценз. и печ., включенной въ отдѣленіе Устава „о книжной торговлѣ“ изъ Высоч. утвержд. полож. комит. мин. 14 іюня 1868 г. При изданіи его, очевидно, не имѣлось въ виду дополнить имъ систему административныхъ взысканій Въ самомъ дѣлѣ, ст. 178 гласитъ: „министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется указывать мѣстнымъ полицейскимъ начальствамъ, при выдачѣ онымъ дозволенія, на розничную продажу на улицахъ, площадяхъ, станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и въ другихъ публичныхъ мѣстахъ и торговыхъ заведеніяхъ разнаго рода дозволенныхъ книгъ и повременныхъ изданій отдѣльными нумерами, тѣ періодическія изданія и отдѣльныя брошюры, которыя не должны быть допускаемы въ розничной продажѣ“. Въ виду такого текста значительную долю основательности слѣдуетъ признать за высказаннымъ въ печати [1] соображеніемъ, что „указаннымъ порядкомъ можетъ быть воспрещена розничная продажа періодическихъ изданій не вообще, а только лицамъ, производящимъ уличную и разносную (слѣдовало бы прибавить—и въ другихъ публичныхъ мѣстахъ) торговлю произведеніями печати. Полицейскія дозволенія, о которыхъ идетъ рѣчь въ положеніи 14 іюня, требуются только для лицъ, занимающихся этимъ промысломъ (ст. 177). Ни ре-

[1] В. Розенбергъ. Въ мірѣ случайностей (статья въ сборникѣ „На славномъ посту“. Спб. 1901 г., стр. 240).

дакціи газетъ, ни книжные магазины не должны испрашивать подобныхъ дозволеній, такъ какъ выдача разрѣшеній на періодическое изданіе и книжные магазины производится особымъ порядкомъ и на мѣстное полицейское начальство не возлагается. Повидимому именно такъ понималось это узаконеніе въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ по его обнародованію. Но съ 1870 г. оно получило болѣе широкое толкованіе" (въ этомъ году впервые было объявлено распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ о воспрещеніи розничной продажи одной газеты).

Изложенныя административныя взысканія составляли главную, съ точки зрѣнія полиціи печати, часть законодательства о ней, дѣйствовавшаго до конца 1905 года [1]. Въ

[1] Авторъ названной статьи „Въ мірѣ случайностей" сдѣлалъ интересный опытъ сводки оффиціальныхъ свѣдѣній о примѣненіи административныхъ взысканій за время съ 1865 по 1899 г., воспользовавшись для этого соотвѣтственными распоряженіями, опубликованными въ правительственныхъ изданіяхъ (въ „Сѣверной Почтѣ" за 1865—1868 гг. и „Правительственномъ Вѣстникѣ" за 1869—1899 гг.). Общее число административныхъ взысканій съ 1865 по 1899 г. г. Розенбергъ опредѣляетъ цифрою 615 (по его указанію, данныя, которыми онъ располагалъ, представляются неполными). Имъ подверглось 139 изданій.

По пятилѣтіямъ взысканія распредѣляются слѣдующимъ образомъ.

Годы:	Число взысканій:	Годы:	Число взысканій:
1865—69	60	1885—89	58
1870—74	102	1890—94	47
1875—79	157	1895—99	100
1880—84	91	—	—

Наиболѣе многочисленными изъ взысканій были предостереженія: они были объявлены 251 разъ 66 повременнымъ изданіямъ. — Второе мѣсто занимаетъ воспрещеніе розничной продажи: съ 1870 г. эта мѣра была принята 192 раза по отношенію къ 65 изданіямъ. — Временная пріостановка была примѣнена 126 разъ; этой мѣрѣ подверглись 82 изданія (изъ нихъ по 1 разу 55 изданій, по 2 раза 17 изд., по 4 раза 6 изд., по 4 раза 2 изд., 5 разъ 1 изд. („Гражданинъ") и 6 разъ 1 изд. („Голосъ"); изъ указаннаго общаго числа въ 45 случаяхъ временная пріостановка была примѣнена къ подцензурнымъ изданіямъ. — Запрещеніе печатанія частныхъ объявленій примѣнялось 26 разъ по отношенію къ 20 изданіямъ. — Полному прекращенію за 1865—1899 г. подверглись 17 изданій; изъ нихъ 5 (въ 1866—1878 г.) въ особомъ порядкѣ, 2 (въ 1868 и 1878 гг.) по рѣшенію Правительствующаго Сената и 10 (въ 1883 — 1899 г.) по постановленію особаго совѣщанія министровъ, въ порядкѣ, созданномъ по Пот. Ком. Мин. 1882 года.

интересахъ полноты очерка этого послѣдняго надлежитъ остановиться и на нѣкоторыхъ другихъ его частяхъ, прежде всего на порядкѣ разрѣшенія и условіяхъ выхода періодическихъ изданій.

Разрѣшеніе это выдается министромъ внутреннихъ дѣлъ, отъ котораго зависитъ дозволить выпускъ въ свѣтъ такого изданія или безъ цензуры, или подъ условіемъ предварительной цензуры. Прошенія о разрѣшеніи подаются въ главное управленіе по дѣламъ печати, съ указаніемъ подробностей, касающихся предполагаемаго изданія (названія, программы, сроковъ выхода, подписной цѣны), а также имени и мѣстожительства издателя и отвѣтственнаго редактора, съ приложеніемъ документовъ о личности ихъ. Издатели безцензурныхъ повременныхъ изданій обязаны внести въ главное управленіе залогъ. Размѣръ его опредѣляется: а) для ежедневной газеты или выходящей въ свѣтъ не менѣе шести разъ въ недѣлю—въ 5.000 руб.; b) для всѣхъ прочихъ повременныхъ изданій въ 2.500 руб. Отъ залога освобождены подцензурныя изданія, далѣе, изданія съ содержаніемъ чисто ученымъ, хозяйственнымъ или техническимъ, изданія правительственныя, а также академій, университетовъ и ученыхъ обществъ и установленій. Залогъ отвѣтствуетъ за денежныя взысканія, налагаемыя на повременное изданіе. Повременныя изданія обязаны печатать безотлагательно и безденежно оффиціальныя опроверженія или исправленія сообщенныхъ ими извѣстій, а также возраженія и поправки частныхъ лицъ (также безплатно, если они занимаютъ мѣста не болѣе, какъ вдвое противъ статьи, на которую служатъ отвѣтомъ).

Органы надзора за печатью. Организація надзора за печатью представлялась, до конца 1905 г., въ слѣдующемъ видѣ.

Завѣдываніе дѣлами печати и цензуры сосредоточивается въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, подъ высшимъ наблюденіемъ министра, въ главномъ управленіи по дѣламъ печати.

Цензура раздѣляется на внутреннюю, для произведеній печати, издаваемыхъ въ предѣлахъ Имперіи, и иностранную, для произведеній печати, привозимыхъ изъ-за границы.

Внутренняя цензура возлагается на цензурные Комитеты (въ Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Тифлисѣ) и на отдѣльныхъ цензоровъ (въ Ригѣ, Ревелѣ, Дерптѣ (Юрьевѣ), Митавѣ, Кіевѣ, Вильнѣ, Одессѣ и Казани). Цензированіе частныхъ періодическихъ изданій въ губернскихъ городахъ, въ которыхъ нѣтъ цензурныхъ учрежденій, возлагается, безъ производства особаго вознагражденія, на вице-губернаторовъ.—Цензура иностранная возложена на состоящій въ С.-Петербургѣ центральный комитетъ цензуры иностранной, а также на Рижскій и Одесскій комитеты цензуры иностранной и на отдѣльныхъ цензоровъ въ городахъ: Москвѣ, Кіевѣ, Вильнѣ и Ревелѣ.

Запрещенію цензуры подлежатъ произведенія словесности, наукъ и искусствъ: 1) когда въ нихъ содержится что-либо клонящееся къ поколебанію ученія православной церкви, ея преданій и обрядовъ или, вообще, истинъ и догматовъ христіанской вѣры; 2) когда въ нихъ содержится что-либо нарушающее неприкосновенность Верховной Самодержавной Власти или уваженіе къ Императорскому Дому и что-либо противное кореннымъ государственнымъ постановленіямъ; 3) когда въ нихъ оскорбляются добрые нравы и благопристойность и 4) когда въ нихъ оскорбляется честь какого-либо лица непристойными выраженіямм или предосудительнымъ обнародованіемъ того, что относится до его нравственности или домашней жизни, а тѣмъ болѣе клеветою (ст. 4).

На обязанности цензуры лежитъ наблюденіе за произведеніями печати, выходящими безъ разрѣшенія предварительной цензуры, обнаруженіе нарушенія въ нихъ установленныхъ правилъ и возбужденіе судебнаго преслѣдованія въ указанныхъ закономъ случаяхъ.

Кромѣ разсмотрѣнныхъ постановленій уставъ о цензурѣ и печати заключалъ въ себѣ постановленія о порядкѣ производства дѣлъ въ цензурныхъ учрежденіяхъ, правила въ руководство цензурѣ, о цензурѣ драматическихъ сочиненій, о типографіяхъ, литографіяхъ и проч., о книжной торговлѣ, наконецъ—о духовной цензурѣ.

Порядокъ производства дѣлъ. Относящіяся сюда постановленія опредѣляли техническую сторону цензурной прак-

тики (порядокъ представленія рукописей, выдачи цензурнаго дозволенія, условій напечатанія и выпуска изъ типографіи и пр.); порядокъ дѣлопроизводства по цензурѣ иностранной изложенъ особо.

Правила въ руководство цензурѣ представляли болѣе подробное развитіе общихъ указаній (см. выше) относительно подлежащихъ запрещенію произведеній печати. Большая часть относящихся къ этому отдѣлу постановленій заимствованы были изъ временныхъ правилъ 16 мая 1862 года и цензурнаго устава 1828 года. Сохраненіе ихъ, въ особенности послѣднихъ, плохо согласовалось съ современными воззрѣніями и развитіемъ различныхъ отраслей знанія и литературы. Нѣкоторыя постановленія являлись положительнымъ анахронизмомъ. Напр. ст. 94 (бывшая ст. 8 устава 1828 г.): „цензура обязана отличать благонамѣренныя сужденія и умозрѣнія, основанныя на познаніи Бога, человѣка и природы, отъ дерзкихъ и буйственныхъ мудрованій, равно противныхъ истинной вѣрѣ и истинному любомудрію. Она должна притомъ различать творенія дидактическія и ученыя, назначаемыя для употребленія однихъ ученыхъ, съ книгами, издаваемыми для общенароднаго пользованія“. Или ст. 105 (ст. 7 устава 1828 г.): „При разсматриваніи книгъ нравственнаго содержанія, цензура не дѣлаетъ привязки къ словамъ и отдѣльнымъ выраженіямъ; однако наблюдаетъ, чтобы въ сихъ словахъ или выраженіяхъ о предметахъ важныхъ и высокихъ упоминаемо было съ должнымъ уваженіемъ и приличіемъ“. Или, наконецъ, ст. 109 (ст. 13 устава 1828 г.): „Цензура въ произведеніяхъ изящной словесности должна отличать безвредныя шутки отъ злонамѣреннаго искаженія истины и отъ существенныхъ оскорбленій нравственнаго приличія, и не требовать въ вымыслахъ той строгой точности, каковая свойственна описанію предметовъ высокихъ и сочиненіямъ важныхъ“. Въ связи съ послѣднею статьею можно отмѣтить также безъ сомнѣнія устарѣвшее указаніе относительно цензуры иностранныхъ книгъ (ст. 186): „Романы, повѣсти и другія сего рода произведенія иностранной словесности долженствуютъ быть разсматриваемы съ большею противъ иныхъ книгъ строгостію, въ отношеніи къ нравственности ихъ содержанія“.

Цензура драматическихъ сочиненій. Къ представленіямъ на театрахъ драматическія сочиненія дозволяются состоящими при главномъ управленіи по дѣламъ печати особыми цензорами. Разсмотрѣніе поступившей пьесы начальникъ главнаго управленія поручаетъ одному изъ такихъ цензоровъ, который дѣлаетъ на ней надпись о дозволеніи къ представленію ея на театрѣ и вноситъ заглавіе пьесы въ алфавитный реестръ. Если цензоръ признаетъ нужнымъ сдѣлать въ пьесѣ, для представленія на сценѣ, нѣкоторыя измѣненія или исключенія, то онъ отмѣчаетъ соотвѣтственныя мѣста въ рукописи и о всѣхъ возникающихъ при этомъ сомнѣніяхъ представляетъ въ главное управленіе по дѣламъ печати. Если цензоръ не признаетъ возможнымъ дозволить пьесу къ представленію, то составляетъ объ этомъ записку съ изложеніемъ побудительныхъ причинъ и представляетъ ее, вмѣстѣ съ пьесою, въ главное управленіе по дѣламъ печати. Запрещеннымъ пьесамъ ведется особый реестръ, сообщаемый для свѣдѣнія губернаторамъ. Печатные списки дозволенныхъ пьесъ высылаются всѣмъ содержателямъ театровъ.

О типографіяхъ, литографіяхъ и о книжной торговлѣ. Въ особой, посвященной имъ, главѣ устава о цензурѣ и печати изложены постановленія о надзорѣ за этими заведеніями, порядкѣ ихъ открытія и условіяхъ дѣятельности. Для надзора за типографіями и другими заведеніями тисненія, а также за книжною торговлею, въ столицахъ и нѣкоторыхъ большихъ городахъ назначаются особые инспектора, а въ прочихъ мѣстахъ функціи надзора возлагаются на чиновниковъ особыхъ порученій при губернаторахъ. Дозволеніе, необходимое для открытія типографій и пр. заведеній тисненія, испрашивается въ С.-Петербургѣ у градоначальника, въ Москвѣ—у генералъ-губернатора, въ прочихъ мѣстахъ—у губернаторовъ. Тотъ же порядокъ долженъ быть соблюдаемъ и по отношенію къ открытію книжныхъ магазиновъ, лавокъ и кабинетовъ для чтенія. Въ 1884 году, по отношенію къ открытію и содержанію публичныхъ библіотекъ и кабинетовъ для чтенія установлены, въ видѣ временной мѣры, слѣдующія правила: 1) желающіе открыть библіотеку или кабинетъ для чтенія, при заявленіи надлежащей власти своего

по сему предмету ходатайства, обязаны указать, кто, именно, будетъ считаться въ заведеніи отвѣтственнымъ лицомъ. По открытіи библіотеки или кабинета для чтенія, замѣна одного отвѣтственнаго лица другимъ можетъ послѣдовать также не иначе, какъ съ разрѣшенія власти, выдавшей дозволеніе на открытіе; 2) начальствующія лица, коимъ предоставлена власть разрѣшать открытіе библіотекъ и читаленъ, въ случаѣ возникающаго у нихъ сомнѣнія въ политической благонадежности уполномоченныхъ на управленіе сими заведеніями лицъ и, вообще, всѣхъ служащихъ при оныхъ, обязаны собственною властью устранять этихъ лицъ изъ библіотекъ и кабинетовъ; 3) министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется право: а) указывать мѣстнымъ начальникамъ тѣ произведенія печати, которыя не должны быть допускаемы къ обращенію въ публичныхъ библіотекахъ и общественныхъ читальняхъ, и б) закрывать всякаго рода публичныя библіотеки и общественныя читальни въ случаѣ признанной въ томъ необходимости.

Духовная цензура представляетъ собою учрежденіе особое, стоящее внѣ вѣдомства главнаго управленія по дѣламъ печати и министерства внутреннихъ дѣлъ. По ст. 31 уст. о ценз., „книги собственно духовнаго содержанія, то есть заключающія въ себѣ изложеніе догматовъ вѣры, толкованія Священнаго Писанія, проповѣди и т. п. на славянскомъ и русскомъ языкахъ разсматриваются и одобряются духовною цензурою, состоящею въ вѣдѣніи Святѣйшаго Синода". Кромѣ того, если въ книгѣ, подлежащей свѣтской цензурѣ, „встрѣтятся мѣста совершенно духовнаго содержанія, относящіяся или къ догматамъ вѣры или къ священной исторіи, то свѣтская цензура передаетъ оныя, отдѣльно отъ прочаго, на уваженіе духовной цензуры и поступаетъ сообразно ея заключенію". Независимо отъ этого, свѣтская цензура входитъ въ сношеніе съ цензурою духовною всякій разъ, когда можетъ возникнуть сомнѣніе, не подлежитъ ли книга, въ цѣлости или отчасти, разсмотрѣнію той цензуры, хотя бы по прямому закону она и должна поступить на разсмотрѣніе одной свѣтской цензуры". Такимъ образомъ уставъ о цензурѣ широко опредѣляетъ тѣ случаи, когда и въ отноше-

ніи къ произведеніямъ свѣтской литературы возможны случаи передачи ихъ на разсмотрѣніе духовной цензуры.

Постановленія „о духовной цензурѣ по вѣдомству православнаго исповѣданія“ выдѣлены въ особую главу устава о цензурѣ. Органами этой цензуры являются С.-Петербургскій, Московскій, Кіевскій и Казанскій духовные цензурные комитеты. Первый состоитъ изъ трехъ и второй—изъ четырехъ членовъ, назначаемыхъ изъ числа духовныхъ лицъ, по представленіямъ мѣстныхъ Митрополитовъ, и утверждаемыхъ въ должности Святѣйшимъ Синодомъ. Составъ Кіевскаго и Казанскаго комитетовъ не опредѣленъ въ уставѣ о цензурѣ. Послѣдніе два надѣляются компетенціею менѣе широкою, чѣмъ столичные комитеты. Такъ, „Кіевскій цензурный комитетъ принимаетъ на разсмотрѣніе и одобряетъ къ напечатанію сочиненія, представляемыя только лицами, подвѣдомственными Кіевской Духовной Академіи и преимущественно служащими въ ней наставниками“. Цензурный комитетъ, учрежденный при Казанской Академіи, ограничивается разсматриваніемъ мелкихъ сочиненій, какъ-то: небольшихъ разсужденій, словъ и программъ, которыя въ оный будутъ поступать отъ лицъ собственно ихъ (?) училищнаго вѣдомства“. Казанскій комитетъ, „въ случаѣ изданія въ его вѣдомствѣ періодическихъ сочиненій, для удобности можетъ получать, съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода, право и на разсмотрѣніе таковыхъ изданій; духовныя же сочиненія и переводы передаются на разсмотрѣніе комитетовъ С.-Петербургскаго или Московскаго, по желанію сочинителей и издателей“.

Изложенныя выше постановленія объ организаціи учрежденій надзора за печатью (съ соотвѣтственными перемѣнами въ ихъ наименованіи), а также о цензурѣ драматическихъ сочиненій и о типографіяхъ сохранили свою силу и послѣ измѣненій, проведенныхъ временными законами 1905 и 1906 г.г.

Вопросъ о коренномъ пересмотрѣ нашего законодательства о печати выступилъ на очередь почти за годъ до возвѣщенія „свободы слова“ въ ряду основныхъ началъ гражданской свободы, объявленныхъ манифестомъ 17 октября

1905 г. Въ Именномъ Высочаишемъ Указѣ 12 декабря 1904 г. о предначертаніяхъ къ усовершенствованію государственнаго порядка, въ пунктѣ 8, выражено было верховною властью признаніе „неотложнымъ—устранить изъ нынѣ дѣйствующихъ о печати постановленій излишнія стѣсненія и поставить печатное слово въ точно опредѣленные закономъ предѣлы, предоставивъ тѣмъ отечественной печати, соотвѣтственно успѣхамъ просвѣщенія и принадлежащему ей вслѣдствіе сего значенію, возможность достойно выполнять высокое призваніе быть правдивою выразительницею разумныхъ стремленій на пользу Россіи".

При сужденіи о порядкѣ выполненія намѣченной задачи въ комитетѣ министровъ были высказаны интересныя соображенія о характерѣ и предѣлахъ предположеннаго устраненія „излишнихъ стѣсненій". Комитетомъ было признано, что дѣйствующіе законы о печати создали не мало стѣснительныхъ условій для проявленія мысли въ печатномъ словѣ и, при всемъ томъ, не предупредили появленія и распространенія вредныхъ ученій. Комитетъ признаетъ наличность „органическихъ недостатковъ нынѣ дѣйствующихъ правилъ", которыя нуждаются, въ цѣломъ своемъ, въ пересмотрѣ для согласованія съ выяснившимися потребностями жизни. Цѣлью этого пересмотра ставится „созданіе новаго основного о всѣхъ отрасляхъ печатнаго слова законоположенія, которое, сообразно признанному съ высоты престола значенію печати, сообщило бы ей соотвѣтственное положеніе и создало бы условія менѣе для ея развитія стѣснительныя, но и охраняющія въ должной мѣрѣ интересы общественнаго порядка".

Въ дальнѣйшихъ сужденіяхъ комитета министровъ нашло себѣ признаніе многое изъ того, что давно и часто указывалось въ литературѣ и къ чему въ правительственной средѣ оставались глухи. Въ нихъ говорится объ отсутствіи устойчивости въ положеніи печати и объ излишней зависимости ея отъ административнаго усмотрѣнія; о легкости запрещенія печати вовсе не касаться того или другого вопроса, при которой „министерство внутреннихъ дѣлъ нерѣдко ставило цѣлыя области русской жизни внѣ освѣщенія ихъ въ печати, хотя бы и самаго, съ точки зрѣнія

правительственной, правильнаго и благонамѣреннаго; благодаря такимъ ненормальнымъ условіямъ, печать далеко не являлась дѣйствительнымъ отраженіемъ государственныхъ потребностей и общественнаго мнѣнія". Комитетъ министровъ устанавливаетъ, что въ отношеніи провинціальныхъ изданій условія были еще менѣе нормальными, ибо имъ приходилось считаться не только съ указаніемъ центральныхъ властей, но и съ разнообразными вкусами и воззрѣніями мѣстныхъ представителей администраціи.

Въ результатѣ сужденій комитета по журналу, Высочайше утвержденному 21 января 1905 г., признано было необходимымъ учредить особое совѣщаніе—„для пересмотра дѣйствующихъ о цензурѣ и печати постановленій и для составленія проекта новаго по сему предмету уставу". Тѣмъ же актомъ были отмѣнены нѣкоторыя стѣсненія, созданныя въ прежніе годы положеніями комитета министровъ (такъ, отмѣнено было положеніе о предоставленіи министру внутреннихъ дѣлъ прекращать помѣщеніе въ повременныхъ изданіяхъ объявленій, что нерѣдко практиковалось въ качествѣ мѣры административнаго воздѣйствія на печать; отмѣнено было изданное въ 1897 г. крайне стѣснительное требованіе разрѣшенія при переходѣ изданій отъ одного лица къ другому; ограничено было примѣненіе воспрещенія розничной продажи). Наконецъ, предоставлено было пересмотрѣть нѣкоторыя отдѣльныя стѣснительныя мѣры и предположеніямъ по этому предмету дать движеніе для безотлагательнаго разсмотрѣнія ихъ въ Государственномъ Совѣтѣ.

Во исполненіе послѣдняго указанія 23 мая 1905 г. дѣйствительно былъ изданъ законъ „объ измѣненіи и дополненіи нѣкоторыхъ изъ дѣйствующихъ законоположеній о печати". Скромности этого наименованія соотвѣтствуетъ и крайняя скудость содержанія этого закона. Наиболѣе существенною въ немъ была отмѣна примѣчанія къ ст. 148 уст. о ценз. и печ. о предоставленіи вопросовъ о совершенномъ прекращеніи повременныхъ изданій совокупному обсужденію четырехъ министровъ. Взамѣнъ этого министру внутреннихъ дѣлъ предоставлялось, въ видахъ огражденія общественнаго порядка и спокойствія, въ случаѣ надобности, представлять Правительствующему Сенату (по первому де-

партаменту) о прекращеніи повременнаго изданія. Этимъ какъ бы возобновлялось дѣйствіе порядка, установленнаго закономъ 1865 г., но парализованнаго временными правилами 1882 г. Однако новымъ закономъ этотъ порядокъ существенно измѣнялся предоставленіемъ министру возможности возбуждать вопросъ о прекращеніи изданія, „хотя бы ему не было сдѣлано ни одного предостереженія", тогда какъ по закону 1865 г. примѣненіе этой мѣры могло имѣть мѣсто „послѣ третьяго предостереженія". Прочія постановленія закона 23 мая 1905 г. имѣютъ весьма несущественное значеніе.

Образованное въ началѣ 1905 г. особое совѣщаніе съ указанною выше задачею тотчасъ приступило къ работѣ, которая осенью того же года завершилась редактированіемъ проекта новаго устава о печати на началахъ отмѣны предварительной цензуры и установленія системы отвѣтственности по суду, съ полнымъ устраненіемъ административныхъ взысканій. Проектъ этотъ не могъ однако получить дальнѣйшаго направленія въ прежнемъ законодательномъ порядкѣ, за совершившимися коренными измѣненіями въ строѣ нашего государственнаго управленія. Онъ послужилъ лишь матеріаломъ при изготовленіи тѣхъ временныхъ правилъ о печати, которыя были изданы въ концѣ 1905 и въ 1906 г.

Въ октябрѣ и ноябрѣ 1905 года, въ періодъ крутого перехода отъ стараго строя къ новому порядку, съ особою яркостью сказались въ положеніи печати тяжкія послѣдствія упорнаго сохраненія устарѣлыхъ законодательныхъ нормъ, стоящихъ въ рѣшительномъ противорѣчіи съ потребностями времени и измѣняющимися условіями жизни.

Возвѣщеніе манифестомъ 17 октября 1905 г. „свободы слова" подрывало въ корнѣ авторитетность законовъ о печати, въ основѣ которыхъ лежало отрицаніе свободы слова. На почвѣ этого отрицанія выросла грозная система грубаго административнаго произвола, который дѣлалъ невозможнымъ усвоеніе печатью разумныхъ началъ отвѣтственности, могущихъ войти въ сознаніе и въ традицію лишь при условіи закономѣрнаго положенія печати. Одно изъ главныхъ преимуществъ такого закономѣрнаго положенія составляетъ

опредѣленное указаніе въ законѣ предѣловъ свободы, нарушеніе которыхъ становится не проявленіемъ свободы, а злоупотребленіемъ ею. Такого преимущества лишена была наша печать при системѣ административнаго произвола. А между тѣмъ этому произволу наступалъ конецъ провозглашеніемъ начала „свободы слова", какъ одного изъ главныхъ устоевъ дарованной Манифестомъ 17 октября гражданской свободы. Соотвѣтственнаго новому положенію закона, который являлся бы авторитетнымъ регуляторомъ свободы, не было,—и результатомъ всего этого оказались совершенно ненормальныя отношенія между печатью и государственною властью. У послѣдней не было твердой опоры, и органы ея были безсильны сдержать проявленія той безпредѣльной свободы, которую фактически стали осуществлять органы печати.

Уже въ разгаръ октябрьской политической забастовки, вызвавшей между прочимъ и прекращеніе выпуска газетъ, представители значительной части ихъ образовали „Союзъ въ защиту свободы печати". 13 октября намѣчена была слѣдующая программа его дѣйствій: игнорированіе цензурныхъ требованій, однодневная забастовка всѣхъ газетъ въ случаѣ, если какая-нибудь газета подвергнется задержанію, организація добровольной дружины газетныхъ разносчиковъ, одновременное печатаніе въ газетахъ тождественныхъ сообщеній о совершающихся событіяхъ и т. д. Избранному бюро поручено было выработать и другія мѣры и въ частности заняться вопросомъ о круговой порукѣ на случай цензурныхъ каръ. Съ другой стороны, совѣтъ рабочихъ депутатовъ постановилъ, чтобы рабочіе въ области печатнаго дѣла производили работу лишь при осуществленіи редакторами и издателями газетъ полной свободы слова путемъ рѣшительнаго игнорированія учрежденій по надзору за печатью.

Въ такой обстановкѣ 17 октября была возвѣщена свобода слова. Начавшееся уже раньше фактическое осуществленіе полной и безпредѣльной свободы печати не могло быть введено въ рамки правомѣрности циркулярнымъ сообщеніемъ главнаго управленія по дѣламъ печати отъ 21 октября. Въ сообщеніи этомъ имѣлось въ виду выяснить, въ какихъ предѣлахъ, послѣ манифеста, можетъ быть

нынѣ же осуществляема свобода печатнаго слова. „Высочайшій Манифестъ вызоветъ въ ближайшемъ будущемъ изданіе новаго закона въ измѣненіе дѣйствующаго цензурнаго устава,—заявляло сообщеніе. Впредь до изданія этого закона всѣ законоположенія, опредѣляющія дѣятельность учрежденій и лицъ цензурнаго вѣдомства, оставляются въ полной силѣ; самое же отношеніе цензуры къ произведеніямъ печати должно кореннымъ образомъ измѣниться, въ соображеніи съ волею Государя, ясно и опредѣленно выраженною въ манифестѣ". Эти указанія, въ самомъ существѣ своемъ противорѣчивыя, не могли оказаться достаточно авторитетнымъ факторомъ упорядоченія печатнаго дѣла, которое продолжало безудержно развиваться въ условіяхъ фактическаго осуществленія свободы печати, крайніе органы которой усвоили себѣ характеръ,—въ полномъ смыслѣ слова—революціонныхъ изданій. Нимало не преувеличенную, а скорѣе слишкомъ умѣренную характеристику создавшагося положенія выразили въ слѣдующихъ словахъ соображенія къ проекту временныхъ правилъ о періодической печати, изданныхъ 24 ноября 1905 г. въ формѣ Высочайшаго Указа. „Фактически захвативъ полную свободу, періодическая пресса, въ лицѣ нѣкоторыхъ ея органовъ, нерѣдко пользуется ею съ нарушеніемъ предѣловъ, необходимыхъ для охраны общественнаго порядка и спокойствія. Распространяя волнующія общество статьи, освѣщая факты съ предвзятой точки зрѣнія, проповѣдуя крайнія ученія, органы повременной печати поддерживаютъ смуту, затрудняя правительству самое возстановленіе порядка".

Изданіемъ указа 24 ноября закрѣпленъ важный шагъ впередъ въ развитіи нашего законодательства о печати. Постановленіями этого указа полицейскій режимъ административнаго усмотрѣнія уступилъ мѣсто системѣ правового положенія печати на основѣ судебной отвѣтственности за злоупотребленія свободою слова. Временныя правила 20 ноября 1905 г. регулируютъ положеніе періодической печати; печать не-періодическая нормируется позднѣе изданными правилами (Высочайшій Указъ 26 апрѣля 1906 г.).

Въ основу правилъ 24 ноября положена отмѣна главныхъ устоевъ полицейскаго режима печати. Отмѣнена пред-

варительныя какъ общая, такъ и духовная цензура выходящихъ въ городахъ Имперіи повременныхъ изданій, а равно эстамповъ, рисунковъ, и другихъ изображеній, помѣщаемыхъ въ этихъ изданіяхъ или выпускаемыхъ ими отдѣльными листами; отмѣнены правила о залогахъ для повременныхъ изданій; отмѣнены постановленія объ административныхъ взысканіяхъ; отмѣнено право министра внутреннихъ дѣлъ воспрещать оглашеніе или обсужденіе въ печати какого-либо вопроса государственной важности. Отвѣтственность за преступныя дѣянія, совершенныя посредствомъ печати въ повременныхъ изданіяхъ, опредѣлена въ порядкѣ судебномъ.

Для выпуска въ свѣтъ повременнаго изданія установлены слѣдующія условія. Желающій выпускать изданіе въ одномъ изъ городовъ Имперіи обязанъ подать мѣстному губернатору или градоначальнику заявленіе съ указаніемъ: а) города, въ которомъ изданіе будетъ выходить; б) наименованія изданія, его программы, сроковъ выхода въ свѣтъ и подписной цѣны; в) имени, отчества, фамиліи и мѣста жительства издателя и отвѣтственнаго редактора, если издатель не принимаетъ этой обязанности на себя, а если редакторовъ нѣсколько, то имена, отчества и фамиліи и мѣста жительства каждаго изъ нихъ и г) типографіи, въ которой изданіе будетъ печататься.

Отъ принимающаго на себя обязанности отвѣтственнаго редактора требуется подача заявленія, что онъ принимаетъ на себя завѣдываніе изданіемъ въ полномъ объемѣ или въ части и въ какой именно, а также, что онъ удовлетворяетъ условіямъ, установленнымъ для отвѣтственныхъ редакторовъ. Условія же эти слѣдующія: таковыми редакторами могутъ быть только русскіе подданные, достигшіе двадцати пяти лѣтъ, обладающіе общею гражданскою правоспособностью и не подходящіе подъ условія, указанныя въ ст. 7 положенія о выборахъ въ Государственную Думу [1]).

[1] Подвергавшіеся суду за преступленія, влекущія за собою лишеніе правъ состоянія или ихъ ограниченіе, либо исключеніе изъ службы; отрѣшенные по судебнымъ приговорамъ отъ должности, состоящіе подъ слѣдствіемъ или судомъ по обвиненіямъ въ преступленіяхъ, сопряженныхъ съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ состоянія или влекущихъ отрѣшеніе отъ должности; подвергшіеся несостоятельности до опредѣленія свойства ея,

Не позднѣе двухъ недѣль со дня подачи упомянутыхъ заявленій выдается свидѣтельство, въ двухъ экземплярахъ. Свидѣтельство не выдается, если въ заявленіи помѣщены не всѣ требуемыя свѣдѣнія, а также если наименованіе или программа изданія заключаютъ въ себѣ что-либо противное нравственности или уголовному закону. На отказъ въ выдачѣ свидѣтельства могутъ быть приносимы жалобы Правительствующему Сенату. Одинъ изъ экземпляровъ свидѣтельства передается для храненія въ типографію; безъ такого свидѣтельства ни одна типографія не въ правѣ приступить къ набору и печатанію изданія.

Дальнѣйшія постановленія указа 24 ноября 1905 г. опредѣляютъ мѣры, направленныя къ обезпеченію возможности своевременнаго обнаруженія преступленій печати, способовъ привлеченія виновныхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, средствъ къ пресѣченію распространенія тѣхъ нумеровъ, въ содержаніи которыхъ заключаются признаки преступныхъ дѣяній, предусмотрѣнныхъ уголовнымъ закономъ. Эти постановленія надлежитъ разсмотрѣть въ связи съ нормами Высочайшаго указа 18 марта 1906 г. объ измѣненіи и дополненіи временныхъ правилъ о повременной печати. Дополнительныя нормы были изданы въ виду того, гласитъ указъ, что правила 24 ноября, „какъ опытъ ихъ примѣненія свидѣтельствуетъ, оказываются недостаточными для борьбы съ нарушеніями предписанныхъ для повременныхъ изданій требованій“.

Каждый нумеръ повременнаго изданія, одновременно съ выпускомъ его изъ типографіи, представляется издателемъ мѣстному установленію или должностному лицу по дѣламъ печати въ установленномъ числѣ экземпляровъ. По дополнительнымъ правиламъ обязанность представленія нумеровъ возлагается на содержателей типографій или управляющихъ ими, чѣмъ въ большей степени обезпечивается соблюденіе установленнаго требованія. По отношенію къ нумерамъ съ эстампами, рисунками и другими изображеніями дополни-

---

лишенные духовнаго сана или званія за пороки или же исключенные изъ среды обществъ и дворянскихъ собраній по приговорамъ тѣхъ сословій, къ которымъ они принадлежатъ; осужденные за уклоненіе отъ воинской повинности.

гельныя правила обязываютъ представлять ихъ (или отдѣльные оттиски упомянутыхъ изображеній) не позднѣе какъ за двадцать-четыре часа до выпуска нумера изъ типографіи. Эта мѣра была издана въ видахъ упрощенія борьбы съ политическою сатирою, развитіе которой приняло значительные размѣры. Соотвѣтственно съ этою цѣлью дополнительными правилами установлена повышенная отвѣтственность содержателей типографій: за выпускъ изъ типографіи нумера съ рисунками до истеченія установленнаго срока виновный наказывается денежнымъ взысканіемъ отъ 50 до 300 руб., а въ случаѣ повторенія—отъ 300 до 1000 руб. Сверхъ того суду въ этомъ случаѣ предоставляется постановить о закрытіи типографіи на срокъ до шести мѣсяцевъ и о лишеніи виновнаго права содержать подобное заведеніе въ теченіе того же срока.

Въ каждомъ нумерѣ повременнаго изданія должны быть напечатаны фамилии отвѣтственнаго редактора и издателя, а также обозначена типографія, въ которой нумеръ этотъ напечатанъ, равно какъ и адресъ редакціи.

На отдѣльные нумера можетъ быть наложенъ арестъ по распоряженію установленія или должностного лица по дѣламъ печати, съ одновременнымъ возбужденіемъ судебнаго преслѣдованія виновныхъ: а) когда въ содержаніи такихъ нумеровъ заключаются признаки преступнаго дѣянія, предусмотрѣннаго уголовнымъ закономъ, за исключеніемъ преслѣдуемыхъ въ порядкѣ частнаго обвиненія или не иначе, какъ по жалобамъ, сообщеніямъ или объявленіямъ потерпѣвшаго, и б) когда въ выпущенномъ нумерѣ нѣтъ указаній редактора, издателя и типографіи. Распоряженіе объ арестѣ представляется немедленно на разрѣшеніе подлежащаго судебнаго установленія, которое разсматриваетъ дѣло въ первомъ же за симъ распорядительномъ засѣданіи. Судъ, утверждая арестъ, можетъ постановить о пріостановленіи повременнаго изданія до судебнаго приговора. Независимо отъ указаннаго случая ареста до начатія судебнаго преслѣдованія судомъ можетъ быть налагаемъ арестъ на подвергнутое судебному преслѣдованію изданіе, по представленію судебнаго слѣдователя или по предложенію про-

курорскаго надзора; кромѣ того судъ можетъ пріостановить такое изданіе до судебнаго приговора.

Дополнительными правилами 18 марта 1906 г. область примѣненія ареста расширена. Онъ можетъ быть наложенъ и въ случаяхъ выпуска нумера безъ соблюденія требованій, обязывающихъ типографію не печатать изданія безъ свидѣтельства и представлять каждый нумеръ одновременно съ выпускомъ изъ типографіи. Арестъ можетъ быть наложенъ также на всѣ экземпляры предназначеннаго къ распространенію нумера, содержащаго эстампы или рисунки, съ текстомъ или безъ текста, когда въ этомъ нумерѣ заключаются признаки преступнаго дѣянія, при чемъ арестъ налагается въ этомъ случаѣ и на стереотипы и другія принадлежности тисненія, заготовленныя для печатанія арестуемаго нумера.

Судебное преслѣдованіе по преступнымъ дѣяніямъ, совершаемымъ посредствомъ печати, за исключеніемъ преступленій, преслѣдуемыхъ въ порядкѣ частнаго обвиненія или не иначе, какъ по жалобамъ, сообщеніямъ и объявленіямъ потерпѣвшихъ, возбуждается или по сообщеніямъ установленій и должностныхъ лицъ по дѣламъ печати, или по непосредственному предложенію прокурорскаго надзора.

Серію временныхъ правилъ о печати завершаетъ Высочайшій Указъ 26 апрѣля 1906 г. Въ немъ даны временныя правила для неповременной печати (книгъ, брошюръ).

Въ основу этихъ правилъ также положена отмѣна предварительной цензуры какъ общей, такъ и духовной, и административныхъ взысканій; отвѣтственность за преступныя дѣянія опредѣлена въ порядкѣ судебномъ.

Съ отмѣною цензуры учрежденія надзора за печатью подвергнуты переименованію. Цензурные комитеты именуются комитетами по дѣламъ печати; цензоры—члены цензурныхъ комитетовъ—членами комитетовъ по дѣламъ печати; отдѣльные цензоры—инспекторами по дѣламъ печати.

Въ отношеніи къ выпуску неповременныхъ изданій установлена обязанность содержателей типографіи или управляющихъ ими представлять узаконенное число экземпляровъ мѣстному комитету или инспектору по дѣламъ печати. Самое время представленія опредѣлено въ зависимости отъ

размѣра изданія. Изданія объемомъ болѣе пяти печатныхъ листовъ должны представляться одновременно съ выпускомъ изъ типографіи; изданія же объемомъ не болѣе пяти печатныхъ листовъ выпускаются изъ типографіи не ранѣе какъ по прошествіи для изданій объемомъ не болѣе одного листа—двухъ дней, а для изданій объемомъ свыше одного и до пяти листовъ—семи дней со времени представленія экземпляровъ соотвѣтственному органу надзора.

Органъ надзора можетъ наложить арестъ на всѣ экземпляры изданія, когда въ немъ заключаются признаки преступнаго дѣянія, преслѣдуемаго въ порядкѣ публичнаго обвиненія. Арестъ заключается въ отобраніи экземпляровъ; при этомъ арестъ налагается также на стереотипы и другія принадлежности тисненія, заготовленныя для печатанія арестованнаго изданія. Одновременно съ наложеніемъ ареста органъ надзора долженъ передать вопросъ объ арестѣ на рѣшеніе судебнаго установленія и возбудить въ подлежащихъ случаяхъ уголовное преслѣдованіе. Въ отношеніи къ подробностямъ процедуры ареста на неповременныя изданія распространены правила, установленныя для періодической печати.

Дѣла о преступныхъ дѣяніяхъ, совершенныхъ посредствомъ печати, отнесены къ вѣдѣнію мировыхъ судей и уѣздныхъ членовъ окружныхъ судовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда за преступленіе положено взысканіе денежное не свыше трехсотъ рублей; прочія дѣла о преступленіяхъ, караемыхъ болѣе значительнымъ взысканіемъ или же арестомъ и тюремнымъ заключеніемъ, отнесены къ вѣдѣнію окружныхъ судовъ.

IV. ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЯ МѢРЫ ПОЛИЦІИ БЕЗОПАСНОСТИ [1].

Мотивы чрезвычайныхъ мѣръ.—Существенныя особенности этихъ мѣръ —Главные типы чрезвычайныхъ мѣръ

Англійское и французское законодательства о безпорядкахъ.—Riot Act.—Отвѣтственность за убытки.—Французскіе законы 1831 и 1848 гг.

Осадное положеніе во Франціи и въ Германіи.—Мотивы объявленія осаднаго положенія.—Порядокъ его объявленія.—Послѣдствія его — Снятіе осаднаго положенія.

Чрезвычайныя мѣры въ Англіи.—Процедура Habeas Corpus и ея значеніе.—Сущность пріостановки дѣйствія Habeas Corpus Акта.—Анализъ ея послѣдствій.—Актъ объ амнистіи и значеніе этого института.—Предѣлы амнистіи.—Основныя черты различія между пріостановкою Habeas Corpus Акта и осаднымъ положеніемъ.—Примѣненіе пріостановки и другія чрезвычайныя мѣры.

Чрезвычайныя мѣры въ Россіи.—Обычныя полномочія администраціи по охраненію порядка.—Призывъ войскъ, его порядокъ.—Положеніе о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія.—Усиленная охрана.—Чрезвычайная охрана.—Административная высылка.—Полицейскій надзоръ.

„Опытъ народовъ, самыхъ свободныхъ, какіе когда-либо существовали на землѣ“, говоритъ Монтескье [2], „заставляетъ меня признать, что бываютъ случаи, когда нужно на нѣко-

---

[1] Seydel. Die Polizei der Volksbewegungen (III томъ Schonberg's Handbuch der Politischen Oekonomie).—Meyer. Lehrbuch des deutschen Verwaltungrechts.—Th. Reinach. De l'état de siège. Por. 1885.—А. В. Дайси Основы государственнаго права Англіи, пер. съ англ. СПБ. 1891.—В. Ѳ. Дерюжинскій. Habeas Corpus Актъ и его пріостановка по англійскому праву. Очеркъ основныхъ гарантій личной свободы въ Англіи и ихъ временнаго ограниченія. Юр. (б. Деритъ) 1895. — В. М. Гессенъ. Исключительное положеніе. Спб. 1908.

[2] Esprit des lois, livre XII, chap. XIX.

торое время набросить на свободу покрывало, какъ нѣкогда покрывали статуи боговъ".—„Когда существованію государства или его спокойствію грозитъ что-либо", читаемъ у современнаго авторитетнаго писателя по административному праву, проф. Лёнинга [1]) „спасеніе государства отъ угрожающихъ опасностей составляетъ важнѣйшую задачу государственной власти. Для того, чтобы быть въ состояніи выполнить эту задачу, органы государственной власти должны быть облечены обширными полномочіями. Ограниченія, которыя ставятъ имъ законы объ охранѣ личной свободы, должны быть временно пріостановлены."—„Государство есть существо столь высокаго порядка", говоритъ извѣстный публицистъ, проф. Блюнчли[2]), „что сохраненіе его существованія, забота о которомъ составляетъ первую обязанность правительства, можетъ, въ крайнемъ случаѣ, оправдывать нарушеніе индивидуальныхъ правъ и отступленіе отъ обычнаго порядка. Когда дѣло идетъ дѣйствительно о спасеніи государства и когда это спасеніе невозможно безъ нарушенія существующихъ правъ отдѣльныхъ лицъ или даже цѣлыхъ классовъ населенія, правительство не можетъ и не должно, щадя эти права, обрекать государство на гибель: непреклонно слѣдуя принципу—salus populi suprema lex esto, оно должно сдѣлать все, что необходимо для сохраненія и спасенія государства. Для того, чтобы спасти корабль во время бури, искусный капитанъ безъ колебанія предоставляетъ имущество своихъ пассажировъ на произволъ бушующихъ волнъ; чтобы доставить арміи побѣду въ сраженіи или обезпечить ей благополучное отступленіе, полководецъ рѣшается подвергнуть вѣрной гибели отдѣльные баталіоны, если это—единственное къ тому средство. Государственный мужъ, правитель, не можетъ поступить иначе въ томъ случаѣ, когда государство является въ крайней опасности".

Таковы тѣ обычныя соображенія, которыми въ континентальной политико-юридической литературѣ мотивируется

---

[1]) E. Loening. Lehrbuch des deutschen Verwaltungsrechts. Lpzg. 1884 стр. 290

[2]) Bluntschli, Allgemeines Staatsrecht. 3. Aufl., München 1863; т. II, стр. 112—113.

необходимость такъ наз. чрезвычайныхъ мѣръ полиціи безопасности. Съ болѣе или менѣе существенными измѣненіями они повторяются въ любомъ руководствѣ или трактатѣ по государственному или административному праву, когда автору приходится касаться осаднаго или военнаго положенія, этого главнаго типа исключительныхъ мѣръ, знакомаго большинству континентальныхъ государствъ западной Европы. Необходимость ихъ обусловливается наличностью серьезной опасности, предотвращенія которой требуютъ высшіе интересы государства.

Наиболѣе рѣзкою особенностью чрезвычайныхъ мѣръ является ограниченіе нѣкоторыхъ основныхъ гражданскихъ и политическихъ правъ, какъ-то: личной свободы, неприкосновенности жилища, права публичныхъ собраній, свободы печати; часто къ этому присоединяется замѣна для многихъ преступленій обыкновенныхъ судовъ судами исключительными, нерѣдко съ существенными измѣненіями въ порядкѣ и формахъ судопроизводства; широкія полномочія по примѣненію исключительныхъ мѣръ сосредоточиваются въ рукахъ немногихъ правительственныхъ органовъ, обыкновенно представителей военной власти.

Въ виду такихъ важныхъ послѣдствій, какими сопровождаются исключительныя мѣры, нарушая нормальное теченіе жизни, необходима большая осторожность въ пользованіи ими. Несмотря на общее признаніе этой необходимости, какъ въ теоріи, такъ и въ законодательной практикѣ существуетъ значительное разногласіе по отношенію къ условіямъ и предосторожностямъ, соблюденіе которыхъ желательно въ этомъ дѣлѣ.

Прежде всего является вопросъ о томъ, должно ли законодательство заранѣе предвидѣть возможность такого положенія, которое требуетъ чрезвычайныхъ мѣръ, и заблаговременно организовать ихъ, другими словами, долженъ ли существовать общій законъ по этому предмету, или же слѣдуетъ предпочесть изданіе особыхъ мѣръ всякій разъ, какъ явится въ томъ надобность?

Противники организованной диктатуры считаютъ опаснымъ заблужденіемъ заблаговременное регулированіе исключительныхъ мѣръ. Самый просвѣщенный законодатель —

аргументируютъ они — не въ силахъ предвидѣть заранѣе всѣхъ комбинацій и случайностей, которыя могутъ явиться въ дѣйствительности; наиболѣе тщательные разсчеты могутъ оказаться ошибочными, предположенныя мѣры—недѣйствительными или недостаточными.

Съ другой стороны, разъ законъ даетъ свою санкцію исключительному положенію и уполномочиваетъ создавать его, является опасеніе, что этимъ правомъ могутъ воспользоваться тогда, когда положеніе дѣлъ не представляетъ ничего чрезвычайнаго: изъ оружія оборонительнаго эти мѣры могутъ быть обращены въ оружіе наступательное.

Но этимъ соображеніямъ, обыкновенно, противопоставляютъ доводы иного характера. Для того, чтобы предупредить возможныя злоупотребленія, законъ точно опредѣляетъ случаи, въ которыхъ можетъ быть временно установленъ исключительный режимъ, и тѣ послѣдствія, которыми онъ сопровождается. Законодательство, составленное обдуманно и съ полнымъ спокойствіемъ, имѣетъ несомнѣнное преимущество передъ мѣрами, принимаемыми наскоро въ разгаръ кризиса, подъ неизбѣжнымъ вліяніемъ событій, вызывающихъ возбужденное состояніе.

Въ большей части государствъ имѣются особыя законодательныя предписанія о мѣрахъ, принимаемыхъ въ исключительныхъ случаяхъ. Смотря по степени опасности, угрожающей государству, эти мѣры распадаются на двѣ категоріи. Къ первой относятся мѣры, принимаемыя въ случаяхъ менѣе важныхъ, когда дѣло идетъ объ устраненіи опасности преходящаго характера: таково, напр., французское законодательство о безпорядкахъ въ общественныхъ мѣстахъ (loi sur les attroupements), англійское законодательство о бунтѣ (Riot-Act). Ко второй группѣ относятся чрезвычайныя мѣры въ собственномъ смыслѣ, примѣняемыя въ такихъ крайнихъ случаяхъ, какъ внѣшняя война или вооруженное возстаніе. Совокупность этихъ мѣръ обозначается обыкновенно терминомъ „осадное положеніе“ (Etat de siège—во Франціи, Belagerungszustand—въ Германіи, Standrecht—въ Австріи), иногда пріостановкою конституціонныхъ гарантій; въ Англіи, которая не знаетъ осаднаго положенія континентальныхъ государствъ, мы встрѣчаемъ, въ качествѣ исключительной мѣры,

пріостановку основной гарантіи личной свободы — Habeas Corpus Act'a.

Англійское и французское законодательства о безпорядкахъ.

Въ основѣ англійскаго законодательства по этому предмету лежитъ актъ, изданный въ царствованіе Георга I въ 1714 году и извѣстный подъ именемъ Riot-Act. Въ силу этого закона, если двѣнадцать или болѣе лицъ собрались съ противозаконными и мятежными цѣлями, то мѣстные мировые судьи, шерифъ или мэръ обязаны пригласить ихъ мирно разойтись. Это требованіе выражается въ торжественномъ прочтеніи среди мятежниковъ, или въ возможной близости отъ нихъ, прокламаціи, именемъ короля повелѣвающей собравшимся немедленно разойтись по домамъ [1]. Если по прошествіи одного часа послѣ этого мятежники не разойдутся, то они подвергаются аресту и подлежатъ уголовному преслѣдованію. Смертная казнь, установленная для виновныхъ актомъ 1714 года, въ 1837 году замѣнена тюремнымъ заключеніемъ съ принудительными работами. Послѣ прочтенія прокламаціи, должностныя лица могутъ потребовать отъ всякаго англійскаго подданнаго активной помощи для задержанія и арестованія бунтовщиковъ. Если для прекращенія безпорядковъ обыкновенныя полицейскія силы признаются недостаточными, то всякій гражданинъ можетъ быть назначенъ временнымъ констэблемъ (special constable). При этомъ никто не имѣетъ права отказываться отъ этого: лица, уклоняющіяся отъ этого и не явившіяся на назначенный имъ постъ, могутъ быть присуждаемы къ штрафу, въ размѣрѣ отъ 1-го до 5-ти фунт. стерл. [2] Въ крайнемъ случаѣ,

[1] Вотъ текстъ этой прокламаціи „Его величество король (или королева) повелѣваетъ всѣмъ собравшимся немедленно разойтись и мирно направиться въ свои дома или обратиться къ своимъ обычнымъ занятіямъ подъ страхомъ наказаній, изложенныхъ въ актѣ короля Георга о предотвращеніи безпорядковъ и мятежныхъ собраній. Богъ да хранитъ короля". Прочтеніе этого обращенія носитъ въ англійской практикѣ не совсѣмъ точное названіе „чтеніе акта о бунтѣ" (reading the Riot Act).

[2] Въ 1848 году въ Лондонѣ, съ цѣлью предупрежденія безпорядковъ, вслѣдствіе движенія Чартистовъ, къ обычному контингенту полицейскихъ

для прекращенія мятежа, законъ уполномочиваетъ обращаться къ содѣйствію военной силы. Эта мѣра практикуется съ большою осторожностью и очень рѣдко.

Въ англійскомъ законодательствѣ о безпорядкахъ слѣдуетъ отмѣтить еще одно обстоятельство, это—отвѣтственность за убытки, причиняемые безпорядками общественной и частной собственности. Въ теченіе извѣстнаго срока лица потерпѣвшія имѣютъ право предъявлять иски, которые номинально обращаются къ органамъ мѣстной полицейской власти. Иски эти разсматриваются въ особыхъ сессіяхъ мировыхъ судей, которые, въ случаѣ признанія ихъ основательности, дѣлаютъ распоряженіе объ уплатѣ присужденной суммы изъ средствъ мѣстнаго управленія. Выданныя суммы возмѣщаются особымъ сборомъ, который и раскладывается между мѣстными жителями. Въ основѣ этой отвѣтственности лежитъ презумпція того, что мѣстные жители содѣйствовали возникновенію безпорядковъ или, по крайней мѣрѣ, не приняли достаточныхъ мѣръ къ ихъ предотвращенію.

Французское законодательство 1831 и 1848 гг. объявляетъ воспрещеннымъ всякое вооруженное сборище въ публичномъ мѣстѣ (attrouppement armé formé sur la voie publique) [1]. Запрещается въ публичномъ мѣстѣ и всякое невооруженное сборище (atrouppement non armé), которое можетъ нарушить общественное спокойствіе. Лица, составляющія его, обязаны разойтись по первому требованію [2] должностныхъ лицъ (мэра или его помощника, префекта или супрефекта, полицейскаго комиссара). Если сборище не разсѣевается, приглашеніе разойтись, предваряемое барабан-

---

силъ было прибавлено 170.000 временныхъ изъ разныхъ слоевъ общества констэблей; въ числѣ ихъ находился и проживавшій въ то время въ Лондонѣ, въ качествѣ простого гражданина, принцъ Бонапартъ, впослѣдствіи императоръ Наполеонъ III.

[1] Признаки „вооруженнаго сборища" выступаютъ изъ слѣдующаго опредѣленія: „L'attroupement est armé: 1) quand plusieurs individus sont porteurs d'armes apparentes ou cachées; 2) quand un seul individu, porteur d'armes apparentes, n'est pas spontanément expulsé de l'attroupement". M. Hauriou. Précis de droit administratif, 4-ème éd. Par. 1901; стр. 87.

[2] Вотъ формула этого требованія (sommation), установленная еще въ 1791 г.: „Obeissance à la loi: on va faire usage de la force; que les bons citoyens se retirent".

нымъ боемъ или трубнымъ сигналомъ, повторяется три раза. Въ случаѣ неисполненія троекратнаго требованія, для разсѣянія толпы и возстановленія порядка можетъ быть употреблена военная сила.

Подобно англійскому законодательству, французское также предусматриваетъ вопросъ о способахъ возмѣщенія убытковъ, которые могутъ явиться въ результатѣ безпорядковъ. Отвѣтственность возлагается закономъ на общину, въ предѣлахъ которой имѣли мѣсто эти безпорядки [1].

Въ другихъ государствахъ, по отношенію къ прекращенію безпорядковъ, мы встрѣчаемъ законодательныя мѣры почти тождественныя съ указанными.

Осадное положеніе во Франціи и въ Германіи.

Наиболѣе распространенною, типичною, изъ мѣръ чрезвычайныхъ является осадное положеніе. Впервые законодательство объ осадномъ положеніи развилось во Франціи съ конца XVIII в., откуда оно было заимствовано большинствомъ европейскихъ государствъ. Существо этой мѣры выяснится

---

[1] Отвѣтственность коммунъ регулируется ст. 106—107 закона 5 апрѣля 1884 г. Hauviou (стр. 167): *Conditions de la responsabilité.*—1) Dégâts et dommages, même moraux, pourvu qu'ils soient appréciables, envers les personnes ou les propriétés publiques et privées; 2) résultant de crimes ou délits commis à force ouverte ou par violence; 3) sur le territoire de la commune; 4) par des attroupements armés ou non armés. Peu importe le motif du mouvement; aurait-il un motif politique, cela ne décharge pas la commune de sa responsabilité, et c'est le bon moyen pour arrêter dès le début les émeutes; 5) si les attroupements ou rassemblements ont été formés d'habitants de plusieurs communes, chacune d'elles est responsable des dégats et dommages causés dans la proportion qui sera fixée par les tribunaux. Dans ce cas, une commune peut être responsable de dégâts qui n'ont pas été commis sur son territoire. Il y a solidarité".—*Exceptions au principe de la responsabilité.* „Les dispositions des art. 106 et 107 ne sont pas applicables: 1) lorsque la commune peut prouver que toutes les mesures qui étaient en son pouvoir ont été prises, à l'effet de prévenir les attroupements ou rassemblements et d'en faire connaître les auteurs; 2) dans les communes où la municipalité n'a pas la disposition de la police locale (въ Парижѣ и Лионѣ, гдѣ существуютъ préfets de police) ou de la force armée; 3) lorsque les dommages causés sont le résultat d'un fait de guerre (art 108).

изъ сравнительнаго очерка дѣйствующаго права французскаго и германскаго.

Осадное положеніе во Франціи регулируется законами 9 августа 1849 г. и 3 апр. 1878 г. [1], въ Германіи—прусскимъ закономъ 4 іюня 1851 г. [2], на которомъ въ сильной степени отразилось вліяніе французскаго закона 1849 г., частью имперскою конституціею 1871 года. Въ дальнѣйшемъ изложеніи разсматриваются послѣдовательно важнѣйшіе моменты изучаемой мѣры, какими являются: поводы и порядокъ объявленія осаднаго положенія, полномочія, даваемыя имъ администраціи, въ отступленіе отъ общаго законнаго порядка, и проистекающія отсюда ограниченія обычныхъ правъ гражданъ.

Во Франціи, по закону 1878 г., осадное положеніе можетъ быть объявлено не иначе, какъ въ случаѣ непосредственно угрожающей опасности, возникающей вслѣдствіе внѣшней войны или вооруженнаго возстанія (insurrection à main armée). Право объявленія осаднаго положенія принадлежитъ законодательнымъ палатамъ. Только законъ можетъ объявить осадное положеніе, гласитъ ст. I закона 1878 г.

Это общее правило терпитъ, однако, нѣкоторыя ограниченія, необходимость которыхъ усматривается въ томъ, что потребность въ чрезвычайныхъ мѣрахъ можетъ возникнуть тогда, когда законодательныя палаты не засѣдаютъ. Исключенія эти обставляются предосторожностями, съ цѣлью предупредить возможность злоупотребленія ими. При этомъ законъ проводитъ различіе между тѣмъ случаемъ, когда палаты не засѣдаютъ вслѣдствіе простой отсрочки или перерыва между двумя сессіями, и тѣмъ, когда палата депутатовъ распущена, вслѣдствіе-ли истеченія законнаго срока ея полномочій или роспуска ея главою исполнительной власти. Въ первомъ случаѣ президентъ республики можетъ объявить осадное положеніе съ одобренія совѣта министровъ, но при этомъ законъ предоставляетъ палатамъ собраться по праву (en plein droit. т. е. безъ созыва) въ двухдневный срокъ. Въ

[1] Loi du 9 août 1849, sur l'état de siège; loi du 3 avril 1878, relative à l'état de siège.

[2] Gesetz uber den Belagerungszustand, v. 4 Juni 1851.

случаѣ же роспуска палаты депутатовъ и до полнаго окончанія новыхъ выборовъ, осадное положеніе, вообще, не можетъ быть объявлено президентомъ республики, хотя бы и временно, за однимъ исключеніемъ: въ случаѣ внѣшней войны, президентъ, съ одобренія совѣта министровъ, можетъ объявить осадное положеніе, однако лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ, которымъ угрожаетъ непріятельское вторженіе; кромѣ того, въ качествѣ необходимаго условія, законъ предписываетъ немедленное производство выборовъ и созваніе палатъ въ возможно скорѣйшій промежутокъ времени [1]. Мотивомъ къ ограниченію права исполнительной власти объявлять осадное положеніе во время роспуска палаты лишь такимъ чрезвычайнымъ случаемъ, какъ непріятельское вторженіе, является стремленіе предупредить злоупотребленія, легко возможныя при производствѣ выборовъ при дѣйствіи исключительнаго положенія, которое можетъ служить опаснымъ орудіемъ стѣсненія свободы выборовъ.

Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда объявленіе осаднаго положенія производится президентомъ республики, окончательное рѣшеніе вопроса всетаки принадлежитъ законодательнымъ палатамъ. Тотчасъ же по ихъ собраніи онѣ постановляютъ либо о сохраненіи этой мѣры, либо объ ея отмѣнѣ [2]. Въ виду того, что для всякаго закона, слѣдовательно и закона объ установленіи осаднаго положенія, необходимо согласіе обоихъ законодательныхъ собраній—палаты депутатовъ и сената, согласіе ихъ обоихъ необходимо и при рѣшеніи вопроса о сохраненіи объявленнаго положенія. Если по этому вопросу взгляды палатъ расходятся, осадное положеніе въ силу этого снимается само собою.

Въ законѣ, а также и въ президентскомъ декретѣ, объявляющемъ осадное положеніе, должны быть точно обозна-

---

[1] Однако, предѣльною нормою этого промежутка являются три мѣсяца.

[2] Для возбужденія вопроса о сохраненіи или снятіи осаднаго положенія палаты не должны ожидать иниціативы со стороны правительства; этотъ вопросъ ставится ими самими передъ какимъ бы то ни было предложеніемъ или какими-либо другими дебатами и рѣшается ими безъ промедленія. Такое разъясненіе находится въ докладѣ, сопровождавшемъ представленіе законопроекта 1878 года.

чены мѣстности (коммуны, округа и департаменты), гдѣ оно получаетъ примѣненіе. Законъ долженъ опредѣлить также продолжительность его дѣйствія. Это требованіе закона 1878 г. представляетъ собою нововведеніе, сравнительно съ прежнимъ французскимъ законодательствомъ объ осадномъ положеніи, нововведеніе, которое сильно оспаривалось. Сенатская комиссія отвергла его, признавая его, во-первыхъ, безполезнымъ, такъ какъ осадное положеніе можетъ быть снято въ любое время законодательнымъ актомъ, иниціативу изданія котораго можетъ принять на себя каждый членъ парламента, и во-вторыхъ, опаснымъ, въ виду того будто бы, что заранѣе невозможно опредѣлить вѣроятную продолжительность кризиса, вызвавшаго объявленіе осаднаго положенія. Несмотря на эти возраженія, постановленіе о срокѣ было принято, очевидно, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ опыта 1871 до 1876 гг., въ теченіе которыхъ большая часть французской территоріи находилась подъ режимомъ осаднаго положенія, опыта, показавшаго, по мѣткому выраженію Дюфора, что осадное положеніе гораздо легче установить, чѣмъ отмѣнить [1]. Возраженія сенатской комиссіи теряютъ всякое значеніе, особенно въ виду того, что законъ 1878 г. предусматриваетъ возможность случая, когда назначенный срокъ окажется недостаточнымъ; новый законъ можетъ продлить дѣйствіе осаднаго положенія на новый срокъ, если въ этомъ есть надобность.

Въ законодательствѣ Германіи нѣтъ такихъ предосторожностей по отношенію къ условіямъ и порядку объявленія осаднаго положенія. Право объявленія его принадлежитъ въ Германской Имперіи не законодательному собранію, а единственно императору. По статьѣ 68 имперской конституціи,

---

[1] Говоря о сохраненіи осаднаго положенія уже послѣ того, какъ исчезла потребность, его вызвавшая, Альберъ Греви замѣтилъ (въ 1875 г.): „d'une loi de salut public exceptionnelle et temporaire on a fait un moyen de gouvernement normal et permanent; ce n'est plus pour la défense de la patrie en danger, c'est pour la commodité de l'administration que la loi martiale fonctionne". **Reinach.** De l'état de siége, стр. 119. Ту-же мысль Рейнакъ выразилъ въ слѣдующей характеристикѣ исключительнаго положенія, издаваемаго безъ строго опредѣленнаго срока: c'est un mol oreiller sur lequel risque de s'endormir la paresse des gouvernants. Ibid., стр. 282.

императоръ можетъ, въ случаѣ, если что-либо угрожаетъ общественному спокойствію въ предѣлахъ союза, объявить въ военномъ или осадномъ положеніи (въ германскомъ правѣ это синонимы) любую часть его территоріи. Впредь до изданія обще-имперскаго закона по этому предмету, форма объявленія и послѣдствія его опредѣляются прусскимъ закономъ 4-го іюня 1851 г., съ тѣми ограниченіями, которыя вызываются нѣкоторыми особыми условіями [1].

Осадное положеніе въ Германіи, согласно съ постановленіями закона 1851 г., можетъ быть объявлено, во 1-хъ, если, въ случаѣ войны, какой-либо мѣстности угрожаетъ или если въ ней уже произошло непріятельское вторженіе, и во 2-хъ, въ случаѣ возстанія, явно угрожающаго общественной безопасности. Рѣшеніе вопроса о наличности условій, требующихъ или позволяющихъ произвести объявленіе осаднаго положенія, принадлежитъ исключительно императору. Объявленіе совершается черезъ изданіе императорскаго указа, который контрассигнируется имперскимъ канцлеромъ. Указъ публикуется въ оффиціальномъ органѣ, и, сверхъ того, о немъ поставляются въ извѣстность всѣ тѣ мѣстности, которыя объявляются въ осадномъ положеніи, путемъ публичнаго прочтенія указа, сопровождаемаго барабаннымъ боемъ и трубными звуками, а также расклейки его въ общественныхъ мѣстахъ и напечатанія въ газетахъ. Относительно срока, на который объявляется осадное положеніе, германское законодательство не заключаетъ никакихъ постановленій.

---

[1] Дѣйствію ст. 68 конституціи и закона 1851 г. не подлежитъ Баварія По договору 23-го ноября 1870 г., порядокъ объявленія и послѣдствія осаднаго положенія въ какой-либо изъ ея областей долженъ быть опредѣленъ имперскимъ закономъ; такого закона до сихъ поръ не издано, и Баварія является, поэтому, изъятою отъ дѣйствія ст. 68 конституціи и въ отношеніи къ чрезвычайнымъ мѣрамъ безопасности руководствуется единственно своимъ собственнымъ законодательствомъ (P. Laband: „Das Staatsrecht des deutschen Reiches“, 1880, т. III ч. I, стр. 48. А. Д. Градовскій: „Германская конституція“, ч. II, 1876 г. стр. 60). Съ другой стороны, по отношенію ковсѣмъ другимъ государствамъ, кромѣ Пруссіи, постановленія закона 1851 г. примѣняются съ тѣми изъятіями, которыя вызываются различіями конституціонныхъ законовъ и государственныхъ учрежденій этихъ государствъ, сравнительно съ Пруссіей (Laband, ibid., стр. 42).

Что касается тѣхъ послѣдствій, которыми сопровождается объявленіе осаднаго положенія, то во Франціи они опредѣляются и въ настоящее время закономъ 1849 г. Съ объявленіемъ осаднаго положенія, принадлежащія гражданской власти полномочія для поддержанія порядка и обезпеченія безопасности—pour le maintien de l'ordre et de la police—переходятъ въ полномъ объемѣ къ военной власти. Эти полномочія обнимаютъ собою какъ общую (т. н. предупредительную) полицію, которая въ обыкновенное время находится въ рукахъ членовъ административнаго вѣдомства, такъ и полицію судебную, отправляемую органами судебнаго вѣдомства. Такимъ образомъ, военная власть получаетъ право изданія распоряженій, съ цѣлью охраненія общественнаго порядка, а также право производства обысковъ, выемокъ, арестовъ и т. д. Законъ, правда, оговариваетъ, что „гражданскія власти продолжаютъ осуществлять тѣ изъ обычныхъ полномочій, которыя за ними будутъ оставлены военною властью". Послѣдняя однако въ любое время, въ теченіе дѣйствія осаднаго положенія, можетъ взять на себя осуществленіе такихъ полномочій.

Помимо общаго постановленія относительно перехода къ военной власти полномочій по охраненію порядка и безопасности, французское законодательство установляетъ и рядъ отдѣльныхъ полномочій, предоставляемыхъ военной власти въ отступленіе отъ обычнаго законнаго порядка. Задача ихъ—ограниченіе нѣкоторыхъ основныхъ гражданскихъ и политическихъ правъ. Въ законѣ 1849 г. (ст. 9) эти полномочія выражены въ четырехъ пунктахъ. Во 1-хъ, военная власть надѣляется правомъ производить обыски днемъ и ночью въ жилищѣ гражданъ, чѣмъ ограничивается одно изъ самыхъ важныхъ гражданскихъ правъ—неприкосновенность жилища. Во 2-хъ, личная свобода встрѣчаетъ ограниченіе въ предоставляемомъ военной власти правѣ высылки или удаленія лицъ, подвергавшихся наказанію, а также и лицъ, не имѣющихъ постояннаго жительства въ мѣстностяхъ, объявленныхъ въ осадномъ положеніи. Въ 3-хъ, военная власть получаетъ право предписывать выдачу оружія и военныхъ снарядовъ, производить розыски и отбирать ихъ. Въ 4-хъ, осадное положеніе влечетъ за собою существенныя

ограниченія свободы печати и права собраній. Съ момента объявленія осаднаго положенія военная власть получаетъ право „воспрещать печатныя изданія (les publications—общій терминъ, обнимающій, одинаково, какъ періодическую прессу, такъ и не-періодическія изданія) и собранія, которыя она признаетъ способствующими возбужденію безпорядка или его поддержанію“ [1].

Кромѣ указанныхъ ограниченій, осадное положеніе во Франціи влечетъ за собою еще одно весьма важное послѣдствіе, а именно, изъятіе изъ компетенціи обыкновенныхъ судовъ длиннаго ряда преступленіе и предоставленіе ихъ вѣдѣнію судовъ военныхъ. „Военные суды“, гласитъ ст. 8 закона 1849 г., „могутъ быть уполномочены вѣдать преступленія противъ безопасности республики, противъ конституціи, противъ общественнаго порядка и спокойствія, каково бы ни было положеніе (qualité) главныхъ виновниковъ и ихъ сообщниковъ“. Выраженіе „могутъ быть“ какъ бы ограничиваетъ значеніе этихъ изъятій, такъ какъ оно даетъ основаніе думать, что компетенція обыкновенныхъ судовъ можетъ и быть сохранена въ неприкосновенности. Но это ограниченіе является только кажущимся; оно не имѣетъ никакого положительнаго значенія въ виду того, что вопросъ относительно передачи вѣдѣнія тѣхъ или другихъ

[1] Какъ показываетъ прошлая практика осаднаго положенія во Франціи, этимъ правомъ ограниченія свободы пользуются, обыкновенно, въ очень широкихъ размѣрахъ. По статистическимъ даннымъ, представленнымъ въ 1875 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ, которыя онъ, впрочемъ, самъ признавалъ недостаточно полными, за двухлѣтній періодъ 29 газетъ были пріостановлены на срокъ, опредѣленный военной властью, 30 подвергнуты пріостановкѣ безъ указанія срока, 163-мъ была воспрещена розничная продажа. Нерѣдко, при пользованіи широкими полномочіями относительно печати, военная власть принимала мѣры, произвольно возстановлявшія учрежденія, отмѣненныя основными законами. Такъ, въ 1849 г. одинъ генералъ установилъ предварительную цензуру въ департаментѣ Дромъ, несмотря на то, что по дѣйствовавшимъ тогда основнымъ законамъ (ст. 8 конституціи 4 ноября 1848 г.), „печать ни въ какомъ случаѣ не можетъ подлежать цензурѣ“; въ 1871 г. парижскій комендантъ воспретилъ публикованіе безъ предварительнаго разрѣшенія какихъ-либо новыхъ періодическихъ изданій, трактующихъ о политическихъ и соціально-экономическихъ предметахъ, несмотря на то, что условіе предварительнаго разрѣшенія было отмѣнено еще закономъ 1868 г. о печати.

преступленій военнымъ судамъ рѣшается не кѣмъ инымъ, какъ военною же властью, которая, какъ показалъ опытъ, пользовалась предоставляемою ей возможностью во всей полнотѣ и съ большою энергіей.

Въ отношеніи къ послѣдствіямъ осаднаго положенія, французское законодательство почти буквально воспроизводится прусскимъ закономъ 1851 года, такъ что и въ Германіи объявленіе осаднаго положенія сопровождается: во 1-хъ, переходомъ обычныхъ функцій гражданской исполнительной власти въ руки военнаго начальства; во 2-хъ, пріостановкою дѣйствія конституціонныхъ гарантій, неприкосновенности жилища, личной свободы, свободы печати и собраній и другихъ правъ; наконецъ, въ 3-хъ, въ передачѣ ряда преступленій изъ компетенціи обыкновенныхъ судовъ въ вѣдѣніе судовъ военныхъ.

Существенною особенностью германскаго законодательства являются постановленія относительно состава этихъ судовъ. Тогда какъ во Франціи военные суды состоятъ исключительно изъ лицъ военныхъ, въ Германіи къ военному элементу этихъ судовъ присоединяется элементъ гражданскій: изъ пяти членовъ въ нихъ три офицера, по назначенію командующаго войсками, и двое гражданскихъ судей, назначаемыхъ президентомъ мѣстнаго суда. Одинъ изъ послѣднихъ является предсѣдательствующимъ въ военномъ судѣ. Введеніе въ трибуналы гражданскаго элемента, представители котораго обладаютъ большею процессуальною опытностью и бо̀льшимъ спокойствіемъ, имѣетъ въ виду внести въ дѣятельность такихъ судовъ духъ правомѣрности и умѣренность, которая, до извѣстной степени, можетъ замѣнить или сгладить отсутствіе обычныхъ гарантій правосудія.

Снятіе осаднаго положенія въ Германіи происходитъ тѣмъ же порядкомъ, какъ и объявленіе его, т. е. въ силу императорскаго указа. Вслѣдъ за нимъ возстановляется обычный законный порядокъ; въ частности, дѣятельность военныхъ судовъ прекращается, и подлежащія ихъ вѣдѣнію дѣла передаются обыкновеннымъ судамъ. Во Франціи снятіе осаднаго положенія сопровождается тѣми же послѣдствіями; но дѣла, поступившія на разсмотрѣніе военныхъ судовъ еще при дѣйствіи исключительнаго положенія, и

по прекращеніи его подлежатъ ихъ вѣдѣнію, впредь до разрѣшенія.

Чрезвычайныя мѣры въ Англіи.

Чрезвычайныя мѣры полиціи безопасности по англійскому праву рѣзко отличаются отъ порядка, господствующаго въ этомъ отношеніи въ другихъ европейскихъ государствахъ. Въ качествѣ важнѣйшей изъ такихъ мѣръ считаютъ такъ называемую пріостановку дѣйствія Habeas Corpus Акта. При этомъ въ континентальной политической и юридической литературѣ довольно широко распространилось воззрѣніе на пріостановку, какъ на мѣру вполнѣ анологическую, весьма сходную, а по утвержденію нѣкоторыхъ писателей—даже какъ на тождественную съ осаднымъ положеніемъ. Такъ, Лоренцъ Штейнъ при изложеніи ученія объ осадномъ положеніи (Das Recht des Belagerungszustandes) сближаетъ съ нимъ пріостановку Habeas Corpus Акта [1]. По утвержденію французскаго писателя, Мориса Блока, „пріостановка Habeas Corpus Акта равносильна осадному положенію“; при этомъ, упомянувъ, что пріостановка можетъ быть объявляема лишь посредствомъ закона, Блокъ прибавляетъ [2]: „въ крайнемъ случаѣ министерство можетъ предпринять эту мѣру подъ своею отвѣтственностью съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи испросить билль объ амнистіи“ (какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія, это утвержденіе лишено всякаго основанія). Покойный проф.

---

[1] Lorenz v. Stein, Innere Verwaltungslehre. Das Polizeirecht (Stuttgart 1867), стр. 130: „In England ercheint der Belagerungszustand als Aufhebung der Habeas-Corpus-Akte“. Тамъ-же характеризуя различныя системы порядка объявленія осаднаго положенія, Штейнъ говоритъ: „Entweder kann der Belagerungszustand nur durch den Beschluss des Reichsvertretung eingefuhrt werden wie in England. oder er kann durch Verordnung des Ministeriums“ и т. д.

[2] Maurice Block, Dictionnaire de l'administration française. 2-e édition, Par. 1877, стр. 920: „Dans le Royanme Uni la suspension de l'Habeas Corpus Act équivant â l'état de siège. Cette suspension ne peut être declarée que par une loi. En cas d'urgence, le ministère pourrait prendre la mesure sous sa responsabilité, quitte à demander un bill d'indemnité“.

И. Е. Андреевскій, указавъ на то, что „положительныя законодательства по отношенію къ мѣрамъ предупрежденія возстаній и возмущеній не представляютъ значительныхъ различій“, говоритъ, что въ Англіи пріостановкою Habeas Corpus Акта „мѣстной администраціи и органамъ исполнительной власти предоставляется полная свобода дѣятельности“ [1]. Въ чемъ состоитъ и въ чемъ выражается эта „полная свобода дѣятельности“, онъ, правда, не объясняетъ; но у прочитавшаго эти строки, естественно, является представленіе о томъ, что съ пріостановкою Habeas Corpus Акта въ рукахъ администраціи сосредоточиваются весьма обширныя полномочія.

Такое сближеніе и даже отождествленіе пріостановки дѣйствія Habeas Corpus Акта съ континентальнымъ осаднымъ положеніемъ въ значительной степени произвольно: оно порождаетъ совершенно неправильное представленіе о характерѣ и значеніи пріостановки. Для уясненія ея необходимо сначала остановиться на разсмотрѣніи того, въ чемъ состоитъ самая процедура Habeas Corpus.

Процедура Habeas Corpus [2] есть основная гарантія личной свободы; задача ея состоитъ въ томъ, чтобы всѣмъ, подвергшимся неправильному или противозаконному лишенію свободы, доставить средства къ быстрому и полному возстановленію нарушеннаго права. Сущность этой процедуры заключается въ слѣдующемъ. Всякій, считающій себя лишеннымъ свободы неправильно или незаконно, можетъ обратиться въ судъ съ просьбой о выдачѣ ему приказа

---

[1] И. Е. Андреевскій. Полицейское право. Изд. 2-ое. Спб. 1874 т. I, ст. 276.

[2] Происхожденіе ея относится къ эпохѣ среднихъ вѣковъ; въ половинѣ XV в. приказъ Habeas Corpus былъ уже въ частомъ употребленіи какъ средство защиты отъ произвольнаго лишенія свободы. Однако значеніе процедуры долгое время парализовалось возможностью произвольныхъ отказовъ въ выдачѣ приказа Habeas Corpus и отсутствіемъ надлежащихъ гарантій дѣйствительнаго выполненія требованій приказа. Окончательное обезпеченіе процедура получила въ Актѣ 1679 года, полное названіе котораго — „Актъ въ видахъ лучшаго обезпеченія свободы личности и предупрежденія заключеній за моремъ“ (т. е. внѣ предѣловъ собственно Англіи); обычное же обозначеніе акта—Habeas Corpus Act.

Habeas Corpus [1], въ силу котораго пострадавшій долженъ быть немедленно представленъ въ судъ; по разсмотрѣніи причинъ и обстоятельствъ его задержанія, судъ или освобождаетъ его совершенно, или отпускаетъ на свободу подъ поручительствомъ, или же отсылаетъ его обратно въ заключеніе.

Для того, чтобы процедура Habeas Corpus являлась дѣйствительной гарантіей противъ незаконнаго нарушенія свободы, законодательство, главнымъ образомъ Habeas Corpus Актъ 1679 года, озаботилось предупрежденіемъ всякаго произвола при примѣненіи ея. Такъ, часто лишенный свободы можетъ быть поставленъ въ затрудненіе и даже полную невозможность обратиться въ судъ съ подлежащею просьбою. Предвидя возможность такихъ случаевъ, законъ и не требуетъ, чтобы прошеніе исходило непосредственно отъ самого заключеннаго. Оно можетъ быть составлено и предъявлено его повѣреннымъ, другомъ, родственникомъ, вообще всякимъ лицомъ, дѣйствующимъ въ его интересахъ [2]. Далѣе, при

[1] Названіе свое этотъ приказъ, а затѣмъ и вся процедура получили отъ словъ Habeas Corpus ad subjiciendum, въ которыхъ выражается требованіе суда доставить личность (тѣло—corpus) заключеннаго. Происхожденіе этого названія относится еще къ тому времени, когда въ англійской судебной практикѣ господствовалъ латинскій языкъ. Несмотря на то, что, съ замѣною латинскаго языка англійскимъ, въ формулѣ приказа указанныя слова замѣнены соотвѣтственнымъ англійскимъ выраженіемъ (you have the body), названіе процедуры и самого приказа осталось прежнее.

[2] Въ видѣ иллюстраціи того, что Habeas Corpus можетъ быть выданъ не только по требованію пострадавшаго, но и по просьбѣ совершенно посторонняго лица, можно указать изъ англійской судебной практики одинъ замѣчательный случай, извѣстный подъ названіемъ „дѣла о Готтентотской Венерѣ“. Въ 1810 г. въ Лондонѣ показывалась публикѣ, подъ этимъ именемъ, негритянка изъ южной Африки, отличавшаяся оригинальнымъ тѣлосложеніемъ. Нѣкоторыя лица, думая, что она является жертвою эксплоатаціи своего хозяина, который держитъ ее въ цѣляхъ наживы и противъ ея воли, обратились въ судъ съ просьбою о выдачѣ приказа Habeas Corpus, чтобы такимъ образомъ удостовѣриться, не находится ли она дѣйствительно въ состояніи вынужденнаго лишенія свободы. Судъ уже сдѣлалъ предварительныя распоряженія и отправилъ нѣсколькихъ должностныхъ лицъ съ цѣлью собрать нѣкоторыя свѣдѣнія о негритянкѣ. Но тутъ оказалось, что она прибыла изъ Африки и была показываема публикѣ съ ея собственнаго согласія, по контракту, въ силу котораго ей выдѣлялась извѣстная часть сбора. Получивъ эти свѣдѣнія, судъ конечно призналъ излишнимъ выдавать Habeas Corpus, такъ какъ неправильнаго лишенія свободы здѣсь не было.

прошеніи о выдачѣ Habeas Corpus должна быть, въ извѣстныхъ случаяхъ, представляема копія съ предписанія объ арестѣ (безъ такого предписанія ни одинъ тюремный смотритель не имѣетъ права принять арестованнаго). Выдача копіи съ него по требованію обвиняемаго или иного лица, дѣйствующаго въ его интересахъ, обязательна для тюремнаго смотрителя, его помощника и вообще всѣхъ лицъ, подъ стражей которыхъ находится заключенный. Отказъ въ выдачѣ копіи влечетъ за собою отвѣтственность, которая выражается: въ первый разъ, въ формѣ штрафа въ размѣрѣ 100 ф. ст., въ случаѣ вторичнаго отказа, штрафа въ 200 ф. ст. и отрѣшенія отъ должности безъ права вновь занять ее.

По разсмотрѣніи предъявленнаго прошенія, судъ немедленно выдаетъ требуемый приказъ. Отказать въ выдачѣ его судъ можетъ только въ томъ случаѣ, когда основаніемъ къ лишенію свободы является обвиненіе въ государственной измѣнѣ или въ тяжкомъ уголовномъ преступленіи, обвиненіе, ясно и точно формулированное въ предписаніи объ арестѣ. Выдача приказа въ такихъ случаяхъ не имѣла бы смысла, такъ какъ при наличности указаннаго обвиненія законность лишенія свободы не можетъ представлять никакого сомнѣнія.

Немедленно по полученіи приказа Habeas Corpus, то лицо, къ которому онъ обращенъ, обязано доставить заключеннаго въ судъ и представить данныя о времени, причинахъ и обстоятельствахъ его задержанія. Скорѣйшее выполненіе этого требованія есть одно изъ важнѣйшихъ условій дѣйствительности всей процедуры. А потому вполнѣ цѣлесообразными являются мѣры, которыя принимаетъ законодательство въ предотвращеніе возможныхъ здѣсь проволочекъ и злоупотребленій. Въ этихъ видахъ, во 1-хъ, установленъ извѣстный срокъ для выполненія требованія приказа (отъ 3-хъ до 20-ти дней); во 2-хъ, неисполненіе этого требованія карается значительнымъ штрафомъ (въ 100 и 200 ф. ст.) и можетъ повлечь за собою судебное преслѣдованіе за неповиновеніе распоряженіямъ суда.

Тотчасъ же по приведеніи заключеннаго и по представленіи отзыва о причинахъ его ареста, судъ приступаетъ къ изслѣдованію обстоятельствъ дѣла. Судебное разбира-

тельство по Habeas Corpus производится сокращеннымъ порядкомъ и, обыкновенно, тянется очень недолго, нерѣдко заканчиваясь въ одномъ засѣданіи. Рѣшеніе суда, смотря по обнаружившимся обстоятельствамъ дѣла, принимаетъ одну изъ слѣдующихъ трехъ формъ. Судъ или вовсе освобождаетъ арестованнаго, или отпускаетъ его на свободу подъ поручительствомъ, или же, наконецъ, отправляетъ его обратно въ заключеніе. Полное освобожденіе имѣетъ мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда данныя, представленныя на судъ, обнаружили противозаконность ареста и отсутствіе всякихъ основаній къ дальнѣйшему задержанію. Если же арестъ произведенъ съ соблюденіемъ законныхъ формъ и при наличности достаточнаго основанія, т. е. вслѣдствіе какого-либо преступленія, и если это преступленіе по своему характеру допускаетъ освобожденіе подъ поручительствомъ, то судъ отпускаетъ арестованнаго на свободу, отдавая его на поруки, съ обязательствомъ явиться въ судъ въ назначенный срокъ. То же самое имѣетъ мѣсто и въ тѣхъ случаяхъ, когда преступленіе не вполнѣ доказано, и у суда остается на этотъ счетъ болѣе или менѣе сильное сомнѣніе. Если же, наконецъ, преступленіе, въ которомъ обвиняется арестованный, надлежащимъ образомъ установлено и судъ не считаетъ возможнымъ отпустить его подъ поручительствомъ, то составляется рѣшеніе объ обратной отсылкѣ его въ мѣсто заключенія.

Отказывая въ выдачѣ Habeas Corpus лицамъ, обвиняемымъ въ государственной измѣнѣ и другихъ тяжкихъ уголовныхъ преступленіяхъ, этотъ актъ устанавливаетъ по отношенію къ нимъ рядъ мѣръ, въ обезпеченіе одного изъ существеннѣйшихъ интересовъ правосудія—быстроты его. Обвиняемый въ этихъ преступленіяхъ можетъ просить судъ разобрать его дѣло въ ближайшую сессію; если этого не послѣдуетъ, судъ обязанъ отпустить его на свободу, на поруки съ тѣмъ, чтобы онъ явился въ слѣдующую затѣмъ сессію; если же и тогда дѣло его не будетъ разобрано, то онъ вовсе освобождается отъ преслѣдованія. При такихъ условіяхъ, максимальный періодъ предварительнаго заключенія обвиняемаго въ какомъ бы то ни было преступленіи не превышаетъ пяти-шести мѣсяцевъ.

Таковы процедура Habeas Corpus и существеннѣйшія постановленія акта 1679 года, гарантирующаго пользованіе ею. Временная пріостановка дѣйствія Habeas Corpus Акта является тою исключительною мѣрою, которую парламентъ устанавливалъ въ тѣхъ случаяхъ, когда для обезпеченія государственнаго порядка и общественной безопасности обычныя полномочія органовъ управленія признавались, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, недостаточными. Въ этихъ видахъ издавался особый актъ, каждый разъ на извѣстный, точно обозначенный срокъ.

Сущность тѣхъ исключительныхъ полномочій, которыя санкціонируются этою мѣрою, далеко не точно выражается обыденнымъ ея названіемъ „Habeas Corpus Suspension Act“ (актъ о пріостановкѣ Habeas Corpus) — названіемъ не оффиціальнымъ, установившимся лишь ради удобства, для краткости. Полное же наименованіе его таково: „актъ объ уполномоченіи его величества задерживать и подвергать заключенію тѣхъ лицъ, которыхъ онъ будетъ подозрѣвать въ злоумышленіяхъ противъ его особы и правительства“.

Въ большинствѣ актовъ о пріостановкѣ даже вовсе нѣтъ прямого упоминанія о статутѣ 1679 года. Въ дѣйствительности пріостанавливается лишь дѣйствіе одной статьи акта 1679 г. (а именно VII), которая касается государственной измѣны и которая гарантируетъ за лицами, обвиняемыми въ государственной измѣнѣ, право быть судимыми въ теченіе ограниченнаго и точно опредѣленнаго времени. Актъ о пріостановкѣ надѣляетъ высшую администрацію правомъ такихъ обвиняемыхъ, а также подозрѣваемыхъ въ государственной измѣнѣ лицъ держать въ заключеніи, не придавая ихъ суду, въ теченіе всего того періода, пока длится пріостановка. Всѣ остальныя гарантіи, предусматриваемыя статутомъ 1679 г., сохраняютъ свою силу, при чемъ даже отчасти и указанная статья VII, поскольку она касается общихъ тяжкихъ преступленій (felony).

Съ другой стороны, и санкціонируемыя отступленія отъ обычнаго законнаго порядка обезпеченія личной свободы акты о пріостановкѣ ставятъ въ извѣстныя рамки, обусловливая необходимость для приказовъ объ арестѣ подписи министра либо шести членовъ королевскаго со-

вѣта, и этимъ предотвращая или ограничивая возможность опрометчивыхъ произвольныхъ дѣйствій.

Такимъ образомъ единственное юридическое послѣдствіе пріостановки Habeas Corpus Акта заключается въ пріостановкѣ освобожденія обвиняемыхъ или подозрѣваемыхъ въ государственной измѣнѣ лицъ, хотя бы они и имѣли законное на то право. Лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ признавалось необходимымъ сверхъ этого санкціонировать возможность другихъ отступленій отъ законнаго порядка. Такъ, въ актъ 1799 г. (и позднѣйшіе) найдено было нужнымъ включить дополнительныя полномочія относительно перемѣщенія заключенныхъ изъ одной тюрьмы въ другую, что вообще запрещается ст. IX акта 1679 г. подъ угрозою штрафа; при этомъ однако точно устанавливались предѣлы пользованія правомъ перемѣщенія арестованныхъ во избѣжаніе злоупотребленій, могущихъ произойти въ ущербъ законнымъ правамъ и интересамъ лицъ заключенныхъ. Съ другой стороны, въ практикѣ пріостановокъ было нѣсколько случаевъ, когда къ главной задачѣ этой мѣры, ограниченію правъ личной свободы, присоединялись и извѣстныя ограниченія нѣкоторыхъ имущественныхъ правъ лицъ, противъ которыхъ были направлены исключительныя мѣры. Таковы постановленія акта 1695 г. (и нѣсколькихъ позднѣйшихъ) относительно забиранія лошадей у лицъ, подозрѣваемыхъ въ злоумышленіяхъ, съ цѣлью отнять у нихъ одно изъ средствъ къ осуществленію злыхъ умысловъ. Однако даваемыя администраціи полномочія въ этомъ отношеніи ставились въ весьма опредѣленныя рамки, при чемъ мѣстнымъ органамъ администраціи предоставлялось пользоваться этими полномочіями лишь въ предѣлахъ очень непродолжительнаго времени: уже для задержанія лошадей на срокъ свыше трехъ недѣль требовалось особое распоряженіе за подписью шести членовъ Тайнаго совѣта, что опять-таки не могло не быть существенною предосторожностью противъ слишкомъ широкаго и произвольнаго пользованія чрезвычайными полномочіями.

Ограниченность исключительныхъ полномочій, предоставляемыхъ пріостановкою Habeas Corpus Акта, съ полною ясностью выступаетъ и изъ института амнистіи или, вѣр-

нѣе, сложенія отвѣтственности за неправильныя и незаконныя дѣйствія, совершенныя въ эпоху пріостановки. Дѣло въ томъ, что полномочія, даваемыя пріостановкою, при всей ихъ исключительности, не открываютъ администраціи полной свободы дѣйствія; она остается ограниченной рамками законности, обычныя требованія которой сохраняютъ свою силу. И при наличности временной пріостановки основной гарантіи свободы произвольные аресты и иныя злоупотребленія являются дѣйствіями противозаконными, такъ что лица, совершающія ихъ, подлежатъ отвѣтственности за нихъ по искамъ и обвиненіямъ, которые могутъ быть предъявлены противъ нихъ пострадавшими, лишь только они получатъ къ тому возможность съ прекращеніемъ чрезвычайнаго положенія. Освобожденіе отъ этой отвѣтственности и составляетъ главную задачу актовъ объ амнистіи или, точнѣе,—о ненаказуемости тѣхъ неправильныхъ и противозаконныхъ дѣйствій, которыя могли быть совершены при осуществленіи на практикѣ полномочій, даваемыхъ актомъ о пріостановкѣ. Такіе акты издавались въ большинствѣ случаевъ пріостановки, за нѣсколько времени до наступленія ея предѣльнаго срока.

Проф. Дайси даетъ слѣдующую характеристику соотношенія между пріостановкою и актами объ амнистіи. „Предположимъ,—говоритъ онъ, что государственный секретарь или его подчиненные, во время дѣйствія акта о пріостановкѣ, арестуютъ и подвергнутъ заключенію совершенно невиннаго человѣка безъ всякой иной причины, кромѣ развѣ того убѣжденія, что въ интересахъ общественнаго спокойствія важно, чтобы извѣстное лицо, положимъ, какой-нибудь вліятельный предводитель партіи, въ родѣ Уилькса, Фокса или О'Коннелля, въ эпоху даннаго кризиса былъ заключенъ въ тюрьму и, такимъ образомъ, лишенъ вліянія. Предположимъ, далѣе, что арестъ по предписанію исполнительной власти совершается при обстоятельствахъ, которыя влекутъ за собою противозаконное вторженіе въ частное жилище, нанесеніе ущерба частной собственности и т. п. Въ каждомъ изъ этихъ случаевъ и во многихъ другихъ, которые легко себѣ представить, государственный секретарь, издающій предписаніе объ

арестѣ, и должностныя лица, приводящія его въ исполненіе, нарушаютъ законъ. Они могутъ дѣйствовать такъ bona fide, въ добросовѣстномъ убѣжденіи, что ихъ образъ дѣйствій оправдывается необходимостью обезпечить сохраненіе порядка. Но само по себѣ это еще не освобождаетъ лицъ, произведшихъ такіе аресты, отъ уголовной и гражданской отвѣтственности, все равно, пріостановленъ ли Habeas Corpus Актъ или нѣтъ. Правда, эта пріостановка лишаетъ лицъ, подвергшихся аресту, возможности начать судебное преслѣдованіе противъ государственнаго секретаря или лицъ, дѣйствовавшихъ по его предписаніямъ: пострадавшіе, конечно, подвергаются заключенію по обвиненію или подозрѣнію въ государственной измѣнѣ и, такимъ образомъ, пока длится пріостановка, они не могутъ добиться освобожденія. Но съ момента прекращенія дѣйствія акта о пріостановкѣ они, конечно, могутъ просить о выдачѣ имъ приказа Habeas Corpus и добиться, чтобы путемъ преданія ихъ суду или инымъ образомъ произвольное заключеніе ихъ прекратилось. Въ предположенныхъ нами случаяхъ заключенный не былъ виновенъ ни въ какомъ преступленіи; на самомъ дѣлѣ виновными являются государственный секретарь и его подчиненные. Въ результатѣ они, по истеченіи срока дѣйствій акта о пріостановкѣ, подлежатъ отвѣтственности по гражданскимъ искамъ или уголовному преслѣдованію за ихъ противозаконный образъ дѣйствій, при чемъ они не могутъ искать защиты въ томъ фактѣ, что, когда незаконный арестъ имѣлъ мѣсто, Habeas Corpus Актъ не былъ въ силѣ. Между тѣмъ весьма вѣроятно, что, такъ какъ пріостановка Habeas Corpus Акта даетъ правительству возможность, въ теченіе извѣстнаго времени, держать подозрительныхъ лицъ въ заключеніи безъ преданія ихъ суду, то большее или меньшее количество противозаконныхъ актовъ будетъ совершено, если не самими членами министерства, то, во всякомъ случаѣ, его агентами. Мы можемъ пойти далѣе и сказать, что скрытая цѣль пріостановки Habeas Corpus Акта состоитъ въ томъ, чтобы дать правительству возможность совершать дѣйствія, которыя, будучи съ политической точки зрѣнія цѣлесообразными, могутъ быть не вполнѣ законными. Разъ парламентъ пріоста-

навливаетъ одну изъ главныхъ гарантій личной свободы, онъ долженъ быть того мнѣнія, что при возникшемъ кризисѣ государственные интересы должны быть поставлены выше правъ отдѣльныхъ лицъ. Актъ о пріостановкѣ не достигалъ бы своей главной цѣли, если бы должностныя лица не получили увѣренности въ томъ, что пока они держатся политики, рекомендуемой этимъ актомъ, добросовѣстно и безъ какихъ-либо злобныхъ или преступныхъ мотивовъ, они будутъ защищены отъ отвѣтственности за образъ дѣйствій, который, хотя и представляется съ формальной стороны нарушеніемъ закона, на самомъ дѣлѣ есть не что иное, какъ пользованіе, въ интересахъ общественнаго блага, тѣми исключительными полномочіями, которыми имѣетъ въ виду надѣлить исполнительную власть актъ о пріостановкѣ Habeas Corpus. Эта увѣренность и основывается на ожиданіи, что до истеченія срока дѣйствія акта о пріостановкѣ парламентъ издастъ актъ объ амнистіи (Act of Indemnity), защищающій всѣхъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ силу закона о пріостановкѣ. И ожиданіе это сбывалось. За актомъ о пріостановкѣ Habes Corpus постоянно слѣдовало изданіе акта объ амнистіи".

Въ замѣчаніяхъ этихъ заключается въ общемъ правильная характеристика внутренней связи между пріостановкою и амнистіею. Слѣдуетъ однако имѣть въ виду, что, вопреки утвержденію проф. Дайси, далеко не всѣ случаи пріостановки сопровождались изданіемъ актовъ объ амнистіи. Изъ общаго числа такихъ случаевъ, двѣнадцати (не считая актовъ о продленіи пріостановки за самостоятельные), въ шести случаяхъ акта объ амнистіи не было издано.

Съ другой стороны, важное значеніе имѣетъ то обстоятельство, что изданіе акта объ амнистіи не есть непремѣнное слѣдствіе пріостановки, на которое можно было бы разсчитывать съ твердою увѣренностью. Надежду на освобожденіе отъ отвѣтственности администрація, въ виду прецедентовъ, можетъ питать при примѣненіи исключительныхъ полномочій. Но рядомъ съ этою надеждою не малую роль, въ качествѣ мотива и регулятора дѣйствій администраціи, должно играть вполнѣ твердое сознаніе, что осуществленію надежды на ненаказуемость будетъ неизбѣжно предшество-

вать ревизія принятыхъ мѣръ со стороны парламента, какъ естественный спутникъ обсужденія билля объ амнистіи.

Послѣдняя можетъ явиться лишь въ результатѣ провѣрки парламентомъ практическаго примѣненія чрезвычайныхъ полномочій, а перспектива такого контроля не можетъ, конечно, не являться весьма существенною сдержкою въ возможномъ стремленіи давать черезчуръ распространительное толкованіе этимъ полномочіямъ или примѣнять ихъ легкомысленно, опрометчиво, безъ достаточно уважительныхъ основаній. И, какъ показываетъ исторія проведенія актовъ объ амнистіи 1801 и 1818 г., принятію билля о ненаказуемости дѣйствительно предшествовало подробное разсмотрѣніе данныхъ о примѣненіи исключительныхъ полномочій. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ вотированіе ненаказуемости опиралось на удостовѣреніе парламентскихъ коммиссій въ томъ, что полномочія были примѣняемы „осторожно и умѣренно“, о чемъ коммиссія (1801 г.) судила не только по „сравнительно малому числу задержанныхъ лицъ“, но и на основаніи „тщательнаго и подробнаго разсмотрѣнія“ причинъ и обстоятельствъ, при которыхъ производилось лишеніе свободы, что основаніями для этого служили либо „ясныя и положительныя обвиненія, подкрѣпленныя присягою“, либо „достовѣрные документы“, либо наконецъ „столь солидные поводы подозрѣнія, которые вполнѣ оправдывали мѣру“; заключенія коммиссіи 1818 г. также удостовѣряютъ, что примѣненіе исключительныхъ полномочій совершалось „съ должною осторожностью и умѣренностью“, „съ умѣренностью и снисходительностью“.

Нельзя далѣе не обратить вниманія и на то обстоятельство, что значеніе акта объ амнистіи можетъ быть ограниченнымъ уже въ силу самой формулировки его постановленій, которыя могутъ давать болѣе широкую и болѣе ограниченную защиту. Къ тому же толкованіе этихъ постановленій и разрѣшеніе могущихъ возникнуть вопросовъ и сомнѣній по примѣненію постановленій о ненаказуемости тѣхъ или другихъ дѣйствій, совершенныхъ въ эпоху пріостановки, принадлежатъ общимъ судамъ. По актамъ 1801 и 1818 гг., въ случаѣ возбужденія иска или преслѣдованія, заявленіе отвѣтчика о его безотвѣтственности подлежитъ

провѣркѣ суда или судьи, при чемъ распоряженіе о прекращеніи дѣла ставится въ зависимость отъ признанія судомъ или судьею достаточными доказательствъ въ пользу права отвѣтчика воспользоваться актомъ о ненаказуемости.

Въ качествѣ иллюстраціи того ограниченнаго значенія, какое имѣютъ акты о ненаказуемости дѣяній, совершенныхъ въ періодъ исключительныхъ мѣръ, интересенъ слѣдующій случай, который представляется тѣмъ болѣе характернымъ, что онъ имѣлъ мѣсто въ Ирландіи, въ критическую эпоху, непосредственно передъ соединеніемъ ея съ Англіей. Въ 1798 г. для подавленія возстанія, вспыхнувшаго въ Ирландіи, въ ней были приняты экстренныя мѣры. Одинъ изъ энергичныхъ администраторовъ, Фитцжеральдъ, шерифъ Типперари, примѣняя чрезвычайныя полномочія, распорядился подвергнуть жестокому сѣченію Райта, учителя французскаго языка. Поводомъ къ этому послужило подозрѣніе Райта въ злыхъ умыслахъ—подозрѣніе, какъ оказалось, неосновательное. Въ 1799 г. былъ изданъ актъ о ненаказуемости всѣхъ нарушеній закона (breaches of the law), совершенныхъ при подавленіи возстанія. Тѣмъ не менѣе Райтъ возбудилъ противъ Фитцжеральда искъ; отвѣтчикъ въ свое оправданіе сослался на актъ объ амнистіи, но судъ не призналъ, что она покрываетъ произвольное обращеніе его съ истцомъ. Резюмируя дѣло, судья Чемберленъ сказалъ, между прочимъ: „присяжные не должны воображать, что законодательная власть, предоставляя должностнымъ лицамъ право защиты биллемъ объ амнистіи, освобождала бы ихъ отъ чувствъ гуманности или разрѣшала бы имъ пользоваться властью опрометчиво, хотя бы это и было для подавленія возстанія. Во всѣхъ случаяхъ должно быть тщательное и серьезное разслѣдованіе образа дѣйствій предполагаемаго преступника, и въ каждомъ рѣшеніи должно обнаруживаться стремленіе раскрыть вину, а не причинить мученіе. Подъ разслѣдованіемъ онъ не разумѣетъ непремѣнно такого разслѣдованія, какимъ судъ занятъ въ настоящее время, но во всякомъ случаѣ такое разсмотрѣніе, какое только допускаютъ свойства каждаго дѣла и наличныя обстоятельства. Что именно таково намѣреніе законодательной власти, ясно изъ выраженія „должностныя и всѣ другія лица“, откуда

вытекаетъ, что такъ какъ каждому,—должностному лицу или нѣтъ, безразлично,—было закономъ предоставлено подавлять возстаніе и приводить этотъ законъ въ оправданіе своихъ дѣйствій, требуется, чтобы онъ не переступалъ необходимости, предоставившей ему это право, и чтобы онъ въ свое оправданіе могъ указать на принятіе имъ всѣхъ возможныхъ средствъ для удостовѣренія вины, вызвавшей со стороны его наказаніе; а превыше всего, въ его образѣ дѣйствій не должно быть отклоненія отъ общихъ началъ гуманности". Судъ присудилъ взыскать съ Фитцжеральда въ пользу пострадавшаго 500 фун. ст.; отвѣтчикъ вслѣдъ затѣмъ обратился въ ирландскій парламентъ съ ходатайствомъ о распространеніи на него амнистіи, но ходатайство это было оставлено безъ уваженія.

Несмотря на всю ограниченность исключительныхъ полномочій, санкціонируемыхъ пріостановкою Habeas Corpus Акта, обращеніе къ этой мѣрѣ нерѣдко вызывало рѣшительныя возраженія и опасенія и всегда—стремленіе ограничить ея дѣйствіе возможно болѣе краткимъ періодомъ времени. Въ литературѣ часто можно встрѣтить утвержденіе, что пріостановка Habeas Corpus Акта производится обыкновенно на годичный срокъ, который и считается какъ бы нормальнымъ періодомъ дѣйствія этой мѣры. На самомъ же дѣлѣ это утвержденіе не имѣетъ за себя основаній. Чаще всего пріостановка издавалась на сроки гораздо менѣе продолжительные. Если случаи продленія пріостановокъ принимать за самостоятельные, то всѣ двадцать-два случая, по степени продолжительности, можно распредѣлить такъ: въ 12 случаяхъ продолжительность пріостановки не превышала 6 мѣсяцевъ (изъ нихъ въ четырехъ случаяхъ она не превышала двухъ мѣсяцевъ); въ 8 случаяхъ продолжительность ея колебалась отъ 6 мѣсяцевъ до 9 мѣс. 10 дней; въ одномъ случаѣ она достигла 11 мѣсяцевъ и, наконецъ, въ одномъ—превысила годичный срокъ (одинъ годъ и семь дней, въ 1722—1723 г.). Послѣдній случай представляетъ особенный интересъ въ томъ отношеніи, что годичный срокъ даже не можетъ считаться предѣльнымъ: во время преній, сопровождавшихъ вотированіе пріостановки 1722 г., оппозиція съ опасеніемъ указывала, что она, будучи принята на

свышегодичный срокъ, можетъ послужить въ другомъ случаѣ прецедентомъ для пріостановки на два года.

Ближайшій анализъ пріостановки Habeas Corpus Акта, въ сопоставленіи его съ осаднымъ положеніемъ по тѣмъ послѣдствіямъ, которыми оно сопровождается, не можетъ не привести къ заключенію, что между этими двумя институтами гораздо больше различія, чѣмъ сходства. Оба они, безъ сомнѣнія, являются мѣрами чрезвычайными, къ которымъ обращаются лишь въ случаяхъ исключительныхъ: но этимъ и ограничивается сходство между ними. Различіе же между ними весьма значительно и состоитъ не только въ деталяхъ, но и въ самомъ существѣ.

Основною чертою осаднаго положенія слѣдуетъ признать *репрессивный* характеръ его. Передавая исполнительную власть во всѣхъ ея важнѣйшихъ проявленіяхъ въ руки военной администраціи, надѣляя эту послѣднюю обширными полномочіями, неопредѣленность которыхъ дѣлаетъ ихъ de facto безпредѣльными и допускаетъ возможность безграничнаго произвола, отмѣняя гарантіи самыхъ существенныхъ правъ и санкціонируя всевозможныя изъятія и отступленія отъ законнаго порядка суда и управленія, осадное положеніе создаетъ цѣлую систему репрессіи; практическое примѣненіе ея, къ тому же, не встрѣчаетъ никакого контроля и фактически не сопряжено съ отвѣтственностью за злоупотребленія, ибо эта послѣдняя, существуя de jure, не можетъ имѣть серьезнаго значенія въ виду подсудности всякаго рода жалобъ на дѣйствія администраціи (и во Франціи, и въ Германіи) не общимъ, а административнымъ судамъ.

Пріостановка Habeas Corpus Акта, наоборотъ, не вноситъ рѣшительно никакихъ измѣненій въ обычную систему репрессіи, устанавливаемую общими законами страны. Эти послѣдніе и въ эпоху исключительныхъ условій остаются непреложною мѣрою всѣхъ дѣйствій администраціи, которой предстоитъ за всякое отступленіе отъ требованій закона нести обычную отвѣтственность передъ общими судами. Какъ мы видѣли, перспектива освобожденія ея отъ этой отвѣтственности не можетъ имѣть существеннаго значенія въ смыслѣ фактическаго расширенія полномочій. И во вся-

комъ случаѣ, хотя бы надежда на снятіе отвѣтственности и могла служить соблазномъ къ принятію произвольныхъ мѣръ, эти послѣднія всегда будутъ сдерживаемы въ скромныхъ границахъ, и не только въ силу ограниченности и полной опредѣленности даваемыхъ пріостановкою полномочій, но и особенно потому, что осуществленіе этихъ полномочій стоитъ подъ контролемъ независимаго суда, съ участіемъ присяжныхъ, и свободной печати.

Не внося измѣненій въ строй законнаго порядка суда и управленія, пріостановка Habeas Corpus Акта и не можетъ преслѣдовать никакихъ репрессивныхъ цѣлей. Основная черта ея—*предупредительный* характеръ, и въ этомъ именно состоитъ глубокое отличіе ея отъ осаднаго положенія, дѣлающее совершенно произвольнымъ отождествленіе или даже сближеніе этихъ институтовъ между собою.

Но если пріостановка Habeas Corpus Акта столь существенно отличается отъ осаднаго положенія, то не является-ли близкимъ къ нему другой институтъ, извѣстный въ англійскомъ правѣ подъ названіемъ Martial law, т. е. военнаго права или военнаго положенія, какъ его обыкновенно переводятъ. Но этимъ терминомъ обозначается нѣчто совершенно отличное отъ военнаго или осаднаго положенія въ обычномъ смыслѣ. Подъ Martial law въ англійскомъ правѣ разумѣется не что иное, какъ употребленіе военной силы для подавленія какого-либо серьезнаго нарушенія спокойствія. Право прибѣгать къ нему не есть чрезвычайное полномочіе, а присущая коронѣ и ея служителямъ, въ силу общаго права, власть, какъ одно изъ средствъ осуществленія задачъ управленія. Пользованіе этимъ правомъ стоитъ въ обычныхъ условіяхъ и границахъ отвѣтственности. Оно можетъ быть названо экстренною мѣрою администраціи лишь въ томъ смыслѣ, что прибѣгать къ ней возможно только въ крайнихъ случаяхъ.

Законодательная практика нѣкоторыхъ колоній вызвала въ 1867 г. авторитетное разъясненіе того, что подъ Martial law никакимъ образомъ не должно разумѣть чрезвычайнаго положенія, которое шло бы въ разрѣзъ съ обычнымъ законнымъ порядкомъ. Разъясненіе это сдѣлано было въ циркулярной депешѣ на имя губернаторовъ колоній. Указавъ на

то, что въ колоніи Антигоа изданъ былъ актъ, „который имѣетъ въ виду облечь исполнительное правительство постояннымъ правомъ пріостанавливать обыкновенное законодательство колоніи, устранять гарантіи жизни и собственности и заранѣе узаконять мѣры, которыя могутъ быть признаны способствующими поддержанію порядка военнымъ начальствомъ, обязаннымъ прекращать безпорядки", депеша заявляетъ, что „это всецѣло противорѣчитъ духу англійскаго права", и предлагаетъ озаботиться, чтобы упомянутый актъ былъ отмѣненъ законодательнымъ собраніемъ колоніи. Циркуляръ вмѣстѣ съ тѣмъ оговариваетъ, что въ этихъ указаніяхъ „правительства ея величества не должно быть усматриваемо безусловное воспрещеніе прибѣгать къ martial law, подъ давленіемъ крайнихъ обстоятельствъ и въ разсчетѣ на актъ о ненаказуемости. Однако оправданіе такого образа дѣйствій должно обусловливаться потребностью минуты, и губернаторъ никакими инструкціями не можетъ быть освобожденъ отъ обязанности, въ такихъ крайнихъ обстоятельствахъ, самому рѣшать. въ какомъ случаѣ отвѣтственность его будетъ больше, въ случаѣ примѣненія martial law, или въ случаѣ воздержанія отъ этого".

Имѣвшія мѣсто въ исторіи Англіи пріостановки Habeas Corpus Акта могутъ быть раздѣлены на двѣ группы. Первую группу составляетъ рядъ пріостановокъ Habeas Corpus Акта, обусловленныхъ борьбою съ Якобитами,—приверженцами Іакова II и его потомства, которые не разъ пытались вызвать внутреннія замѣшательства, осложненныя поддержкою Франціи, съ цѣлью вернуть англійскій престолъ династіи Стюартовъ. Эти случаи относятся къ періоду 1689—1746 г.—Вторую группу образуетъ рядъ пріостановокъ, главнымъ мотивомъ которыхъ являлась борьба съ демократическимъ движеніемъ, принимавшимъ характеръ опасный, съ точки зрѣнія правительства, для интересовъ государственнаго и общественнаго спокойствія. Эти случаи относятся къ 1794—1818 г. [1].

[1] Можно отмѣтить также актъ о пріостановкѣ, изданный въ 1777 году по случаю борьбы съ американскими колоніями. Актъ этотъ стоитъ однако особнякомъ, тѣмъ болѣе, что дѣйствіе его даже вовсе не распространялось на Англію: онъ былъ изданъ по поводу войны съ американскими колоніями

Послѣ 1818 года Англія не практиковала этой мѣры: обычныя полномочія администраціи и, главнымъ образомъ, изложенныя нами ранѣе мѣры на случай безпорядковъ признавались вполнѣ достаточными средствами къ обезпеченію общественнаго спокойствія даже въ такія критическія эпохи, какъ агитація въ періодъ парламентской реформы 1832 года и во время движенія Чартистовъ.

Только что сказанное относится собственно къ Англіи и Шотландіи. Что же касается до третьей составной части Соединеннаго Королевства, Ирландіи, то въ ней въ теченіе XIX столѣтія пріостановка Habeas Corpus Акта практиковалась весьма часто. Кромѣ того, по отношенію къ ней примѣнялись неоднократно и другія исключительныя мѣры, подъ именемъ принудительныхъ актовъ (Coercion Acts), актовъ о предупрежденіи преступленій (Prevention of Crime Acts), объ охраненіи спокойствія (Peace Preservation Acts) и т. д. Эти мѣры, надѣляя администрацію чрезвычайными полномочіями, имѣютъ гораздо болѣе серьезныя послѣдствія. Какъ на примѣръ, можно указать на принудительный актъ 1881 года. Онъ предоставляетъ лорду-намѣстнику Ирландіи замѣнять, въ извѣстныхъ случаяхъ, судъ присяжныхъ особымъ судомъ, составляемымъ изъ трехъ главныхъ судей Ирландіи: для нѣкоторыхъ преступленій устанавливаетъ новыя, болѣе строгія наказанія; высшей администраціи предоставляется право воспрещать митинги, задерживать и конфисковать отдѣльные нумера газетъ, совершать домовые обыски даже въ ночное время, съ цѣлью отобранія оружія и т. п. Дѣйствіе этого и аналогичныхъ актовъ было ограничиваемо извѣстнымъ, заранѣе опредѣленнымъ промежуткомъ времени (обыкновенно, одинъ годъ). Какъ видно изъ

и имѣлъ въ виду задержаніе „лицъ, обвиняемыхъ или подозрѣваемыхъ въ преступленіяхъ государственной измѣны, совершенныхъ въ какой-либо изъ королевскихъ колоній или плантацій въ Америкѣ или въ открытомъ морѣ, или же въ пиратствѣ". Для того, чтобы не было никакихъ сомнѣній относительно района дѣйствія этого акта, въ него включена была спеціальная статья о томъ, что постановленія этого акта не распространяются на какія либо преступленія, совершенныя въ предѣлахъ королевства —Впослѣдствіи въ теченіе пяти тѣтъ подърядъ были изданы акты о продолженіи пріостановки, каждый разъ на одинъ годъ до 1 Января 1783 года.

приведеннаго примѣра, эти исключительныя мѣропріятія болѣе приближаются къ обычнымъ послѣдствіямъ осаднаго положенія. Отъ него, однако, они рѣзко отличаются въ трехъ отношеніяхъ: во 1-хъ, они издаются каждый разъ особо, и характеръ ихъ обусловливается потребностями каждаго отдѣльнаго случая: во 2-хъ, исключительныя полномочія ввѣряются всегда органамъ гражданской власти, въ 3-хъ англійское законодательство не знаетъ военныхъ судовъ, расширеніе юрисдикціи которыхъ составляетъ неизбѣжное послѣдствіе осаднаго положенія въ другихъ государствахъ.

Чрезвычайныя мѣры въ Россіи.

Въ русскомъ законодательствѣ предусматриваются, съ одной стороны, чрезвычайныя мѣры, которыя могутъ быть принимаемы администраціей въ силу обыкновенныхъ полномочій, предоставляемыхъ ей общими законами, съ другой, исключительныя мѣры въ собственномъ смыслѣ, имѣющія временный характеръ и предусматриваемыя особыми законоположеніями. Первыя регулируются отчасти Уставомъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій (Т. XIV Св. Зак. изд. 1890 г.), отчасти Сводомъ общихъ губернскихъ учрежденій (т. II ч. 1 Св. Зак.), вторыя особымъ положеніемъ о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія 14 августа 1881 года.

Въ силу 1-й ст. Уст. о предуп. и пресѣченіи преступленій, губернаторы, мѣстныя полицейскія учрежденія, и вообще всѣ начальствующія мѣста и лица обязаны всѣми зависящими отъ нихъ средствами предупреждать и пресѣкать всякія дѣйствія, клонящіяся къ нарушенію общественнаго спокойствія, порядка, благочинія, безопасности. Къ мѣрамъ предупрежденія и пресѣченія преступленій законъ относитъ: отдачу подъ надзоръ полиціи, воспрещеніе жительства въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, а также высылку иностранцевъ за границу. Эти мѣры въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ быть примѣняемы безъ формальнаго производства суда, т. е. порядкомъ административнымъ. Для охраненія и возстановленія порядка, тишины и внутреннеи безопасности,

при недостаточности полицейскихъ средствъ, администраціи предоставляется право призывать войска.

Порядокъ призыва войскъ для содѣйствія гражданскимъ властямъ регулируется правилами Высочайше утвержденными 7 февраля 1906 г. Эти правила, сравнительно съ ранѣе дѣйствовавшими, отличаются большими подробностями въ отношеніи къ перечню случаевъ и основаній призыва войскъ, самой процедуры призыва, а также къ способамъ дѣйствія оружіемъ, при чемъ признано было нужнымъ особо оговорить, что „для предупрежденія неповинующейся толпы ни стрѣльба вверхъ, ни стрѣльба холостыми патронами не должна быть допускаема“ (прим. къ ст. 30 правилъ).

Войска могутъ быть призываемы для содѣйствія гражданскимъ властямъ лишь въ крайней необходимости и при недостаточности полицейскихъ средствъ. Вотъ перечень болѣе важныхъ случаевъ, въ которыхъ, при наличности указанныхъ условій, могутъ быть призываемы войска: для прекращенія угрожающихъ общественной безопасности народныхъ безпорядковъ, массовыхъ сопротивленій гражданскимъ властямъ и насильственнаго похищенія и разрушенія имущества (разгромовъ); для задержанія ушедшихъ арестантовъ и для поимки разбойниковъ и другихъ преступниковъ, при ихъ многочисленности или ожидаемомъ вооруженномъ сопротивленіи; для прекращенія безпорядковъ среди арестантовъ въ мѣстахъ заключенія, если средства тюремнаго надзора и стражи окажутся недостаточными; для преслѣдованія скопищъ вооруженныхъ контрабандистовъ, если наличныя силы пограничной или таможенной стражи окажутся недостаточными [1].

Право призыва войскъ принадлежитъ сенаторамъ во время производства ими ревизіи, генералъ губернаторамъ,

[1] Кромѣ того войска могутъ быть призываемы въ слѣдующихъ случаяхъ для содержанія карауловъ, для присутствованія при исполненіи судебныхъ приговоровъ; для содѣйствія судебнымъ властямъ; для сопровожденія казенныхъ имуществъ и транспортовъ; для охраненія благочинія при церковныхъ торжествахъ; при тушеніи всякаго рода пожаровъ, не исключая и лѣсныхъ, охранѣ имущества на пожарахъ, разливѣ рѣкъ, истребленіи вредныхъ животныхъ и насѣкомыхъ, землетрясеніяхъ и вообще явленіяхъ, угрожающихъ народными бѣдствіями.

губернаторамъ, градоначальникамъ, оберъ-полицеймейстерамъ. Этимъ лицамъ предоставляется право непосредственно обращаться съ требованіями о нарядѣ войскъ къ начальникамъ ближайшихъ гарнизона или войсковой части. Сверхъ того, съ согласія губернатора или градоначальника, могутъ вызывать войска слѣдующія должностныя лица: начальники мѣстной полиціи въ городахъ и уѣздахъ, начальники жандармскихъ полицейскихъ управленій желѣзныхъ дорогъ, начальники отдѣленій этихъ управленій и начальники важнѣйшихъ мѣстъ заключенія (къ числу такихъ мѣстъ отнесены С.-Петербургскій домъ предварительнаго заключенія, московская исправительная тюрьма, исправительныя арестантскія отдѣленія, пересыльныя и каторжныя тюрьмы и тюремные замки). Однако и эти лица, при крайней необходимости, не допускающей возможности ожидать требуемаго разрѣшенія, могутъ обращаться къ ближайшему начальнику воинской части съ требованіемъ о присылкѣ войскъ, при чемъ они доносятъ о томъ губернатору или градоначальнику.

Требованіе о призывѣ войскъ должно быть предъявлено письменно. Въ случаяхъ же, не терпящихъ отлагательства, требованія эти могутъ быть предъявляемы: 1) словесно или самимъ вызывающимъ воинскую часть или посланнымъ имъ довѣреннымъ лицомъ, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ лицо, предъявившее требованіе, оставляется при части войскъ и слѣдуетъ вмѣстѣ съ нею до прибытія на мѣсто происшествія и разъясненія обстоятельствъ призыва войскъ, и 2) всякимъ инымъ способомъ, лишь бы начальникъ гарнизона или воинской части имѣлъ надлежащее убѣжденіе въ томъ, что требованіе о вызовѣ войскъ сдѣлано лицомъ, имѣющимъ на то право, и точно зналъ мѣсто, куда долженъ отправить войска. Въ этихъ случаяхъ требованія о вызовѣ войскъ должны быть подтверждены письменно не позже слѣдующаго дня.

При требованіи войскъ, призывающія ихъ власти должны сообщать, для чего именно необходимо содѣйствіе воинской части, примѣрную величину ея и прочія свѣдѣнія, разъясняющія положеніе дѣла. Окончательное опредѣленіе рода и количества посылаемыхъ войскъ зависитъ отъ усмо-

трѣнія военнаго или морского начальства. Недоразумѣнія между гражданскими и военными или морскими властями по вызову войскъ разрѣшаются командующими войсками въ округахъ. При нарядѣ войскъ для прекращенія массовыхъ безпорядковъ наблюдается, чтобы войска были наряжаемы въ составѣ не менѣе одной роты, эскадрона или сотни, а артиллерія въ составѣ не менѣе двухъ орудій.

Во всѣхъ случаяхъ вызова войскъ гражданскія власти выясняютъ прибывшему съ командой начальнику положеніе дѣла и указываютъ задачу, которая возлагается на войска.

Если ко времени прибытія войскъ, вызванныхъ на мѣсто безпорядковъ, послѣдніе не прекратятся, то гражданскія власти безъ замедленія, сдѣлавъ послѣднее увѣщаніе, уполномочиваютъ начальника команды выполнить тѣ мѣропріятія, которыя могутъ повести къ прекращенію безпорядка, разсѣянію толпы или захвату ея. При выполненіи этихъ мѣропріятій военное начальство распоряжается самостоятельно, пока не признаетъ свою задачу выполненною. Начальникъ команды, получивъ указанное полномочіе, дѣйствуетъ по своему усмотрѣнію всѣми тѣми способами, которые признаетъ соотвѣтственными положенію дѣла, прибѣгая и къ увѣщаніямъ, если таковыя будутъ признаны имъ возможными. При отсутствіи гражданскихъ властей на мѣстѣ безпорядковъ, начальникъ прибывшей команды обязанъ распорядиться по своему усмотрѣнію до прибытія гражданской власти.

Въ правилахъ 1906 г. изложены подробныя указанія о самомъ употребленіи оружія (холоднаго или огнестрѣльнаго). Оружіе можетъ быть употребляемо: 1) По передачѣ полномочій со стороны гражданскихъ властей и послѣ троекратнаго предупрежденія сигналомъ на трубѣ или барабанъ—1) для разсѣянія неповинующейся толпы; 2) противъ толпы, препятствующей движенію войскъ. II) Не ожидая передачи полномочій со стороны гражданскихъ властей, но съ установленнымъ троекратнымъ предупрежденіемъ—противъ толпы, оскорбляющей войска словами.

Безъ всякаго предупрежденія и не ожидая передачи полномочій со стороны гражданскихъ властей оружіе можетъ быть употребляемо: 1) противъ толпы или арестантовъ, на-

падающихъ на войска или совершающихъ какія-либо враждебныя противъ нихъ дѣйствія; 2) противъ производящихъ въ присутствіи войска насилія надъ личностью, насильственное разрушеніе имущества (разгромъ), зажигательство или убійство; 3) противъ препятствующихъ или оказывающихъ сопротивленіе къ задержанію лицъ, подлежащихъ арестованію.

При этомъ оговорено, что для предупрежденія неповинующейся толпы ни стрѣльба вверхъ, ни стрѣльба холостыми патронами не должны быть допускаемы. Дѣйствіе огнестрѣльнымъ оружіемъ должно быть допускаемо лишь въ случаѣ неизбѣжной необходимости, когда никакими другими способами нельзя прекратить безпорядокъ.

Во время дѣйствія войскъ гражданская власть сохраняетъ всѣ предоставленныя ей по закону права и возложенныя на нее обязанности, насколько они не касаются распоряженій дѣйствующими военными частями и не препятствуютъ достиженію опредѣленной цѣли.

Войска прекращаютъ свои дѣйствія по водворенію порядка лишь по распоряженію военнаго или морскаго начальства. Когда начальство это усмотритъ, что цѣль дѣйствія военной силы достигнута, то заявляетъ о томъ гражданской власти, которая, если безпорядокъ прекращенъ и новаго порученія не можетъ быть немедленно дано войскамъ, предоставляетъ имъ возвратиться съ мѣста дѣйствія въ свои квартиры.

Таковы, въ общихъ чертахъ, существеннѣйшія мѣры, которыя въ чрезвычайныхъ случаяхъ могутъ быть принимаемы въ силу обыкновенныхъ полномочій администраціи. Эти обыкновенныя полномочія часто однако признавались недостаточными и въ разное время они получали значительное расширеніе. Законодательство объ исключительныхъ мѣрахъ получило особенно сильное развитіе во второй половинѣ XIX стол., подъ вліяніемъ потребностей, вызванныхъ борьбою съ соціально-революціоннымъ движеніемъ. Въ 1881 году, вскорѣ послѣ злодѣянія 1-го марта, признано было необходимымъ [1] „подвергнуть совокупному пересмотру

[1] Высочайшій указъ Правительствующему Сенату 4-го сентября 1881 года.

всѣ временные законы, изданные въ послѣднее время, и начертать, взамѣнъ сихъ узаконеній, особое „Положеніе“, въ которомъ были бы указаны съ большею, чѣмъ нынѣ, точностью, съ одной стороны, предѣлы полномочій административныхъ начальствъ при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, а съ другой—сущность обязанностей, возлагаемыхъ на населеніе исключительными обстоятельствами государственной жизни“. Главнымъ мотивомъ къ составленію этого Положенія послужило то соображеніе, что „въ изданныхъ разновременно узаконеніяхъ для облегченія борьбы съ крамолой, сущность и предѣлы полномочій административныхъ начальствъ указаны не съ достаточною, въ семъ отношеніи, опредѣлительностью“. Составленный особою коммисіею проектъ, по разсмотрѣніи его въ Комитетѣ Министровъ, 14-го августа 1881 года получилъ Высочайшее утвержденіе и былъ опубликованъ подъ названіемъ: „Положеніе о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія“. Съ введеніемъ въ дѣйствіе нѣкоторыхъ частей этого Положенія, повелѣно, вмѣстѣ съ тѣмъ, прекратить дѣйствіе всѣхъ прочихъ исключительныхъ узаконеній [1].

Положеніе 14-го августа 1881 года состоитъ изъ 36-ти статей, распредѣленныхъ между пятью раздѣлами: I. Общія правила; II. Правила о положеніи усиленной охраны; III. Правила о положеніи чрезвычайной охраны; IV. Правила для мѣстностей, не объявленныхъ въ исключительномъ положеніи; V. Правила объ административной высылкѣ.

Въ интересахъ установленія единства въ правительственной дѣятельности по обезпеченію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, Положеніе сосредоточиваетъ въ рукахъ министра внутреннихъ дѣлъ „высшее направленіе дѣйствій къ охраненію его“. Средствами для осуществленія такого руководства являются: обязательность относящихся къ указаннымъ предметамъ требованій министра внутреннихъ дѣлъ, которыя „подлежатъ немедленному исполненію всѣми мѣстными начальствами“, право отмѣны

[1] Высочайшій указъ 4-го сентября отмѣнилъ дѣйствіе 21-го узаконеній и правительственныхъ распоряженій, изданныхъ съ 1870 года.

тѣхъ распоряженій административныхъ начальствъ, „которыя будутъ признаны имъ несоотвѣтствующими цѣли“, право возбужденія, въ сокращенномъ законодательномъ порядкѣ, вопросовъ о принятіи новыхъ мѣръ и, наконецъ, право непосредственныхъ распоряженій въ опредѣленныхъ случаяхъ (ст. 1—3). „Въ тѣхъ случаяхъ, когда проявленія преступной дѣятельности лицъ, злоумышляющихъ противъ государственнаго порядка и общественной безопасности, принимаютъ въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ столь угрожающій характеръ, что вызываютъ необходимость особыхъ мѣропріятій, направленныхъ къ прекращенію сихъ проявленій, мѣстности эти объявляются, въ установленномъ порядкѣ, въ исключительномъ положеніи“ (ст. 4). Положеніе устанавливаетъ двѣ степени чрезвычайныхъ мѣръ и опредѣляетъ признаки, свидѣтельствующіе о необходимости обратиться къ той или другой изъ нихъ. Положеніе объ усиленной охранѣ, представляющее собою низшую степень, можетъ быть объявляемо, „когда общественное спокойствіе въ какой-либо мѣстности будетъ нарушено преступными посягательствами противъ существующаго государственнаго строя или безопасности частныхъ лицъ и ихъ имуществъ или подготовленіемъ таковыхъ, такъ что для охраненія порядка примѣненіе дѣйствующихъ постоянныхъ законовъ окажется недостаточнымъ“. Положеніе же чрезвычайной охраны, какъ высшая степень исключительныхъ мѣръ, можетъ быть объявляемо тогда, когда указанными „посягательствами населеніе извѣстной мѣстности будетъ приведено въ тревожное настроеніе, вызывающее необходимость принятія исключительныхъ мѣръ для безотлагательнаго возстановленія нарушеннаго порядка“ (ст. 6).

Исключительныя положенія вводятся въ дѣйствіе чрезъ Высочайше утвержденное положеніе Совѣта Министровъ; но положеніе усиленной охраны можетъ быть примѣняемо и непосредственно министромъ внутреннихъ дѣлъ, а также и генералъ-губернаторами (съ утвержденія министра внутреннихъ дѣлъ), съ условіемъ немедленнаго о томъ донесенія Правительствующему Сенату и представленіемъ о принятой мѣрѣ на Высочайшее благоусмотрѣніе. При объявленіи исключительныхъ положеній должны быть въ точ-

ности опредѣляемы мѣстности, на которыя распространяется ихъ дѣйствіе Срокъ дѣйствія положенія усиленной охраны—одинъ годъ; положенія чрезвычайной охраны—шесть мѣсяцевъ. Дѣйствіе ихъ однако можетъ быть продолжаемо на новые сроки, каждый разъ въ силу особаго положенія Совѣта Министровъ.

Введеніе въ дѣйствіе того и другого положенія влечетъ за собою слѣдующее. Въ общемъ, состояніе усиленной охраны характеризуется расширеніемъ власти органовъ администраціи. Высшимъ представителямъ ея, генералъ-губернаторамъ, губернаторамъ и градоначальникамъ, дается право издавать обязательныя постановленія по предметамъ, относящимся къ предупрежденію нарушенія порядка и безопасности, устанавливать за нарушеніе такихъ постановленій взысканія (арестъ не свыше 3-хъ мѣсяцевъ и штрафъ до 500 руб.), и дѣла по этимъ нарушеніямъ разрѣшать въ административномъ порядкѣ. Эти же органы получаютъ право: 1) воспрещать всякія народныя, общественныя и даже частныя собранія; 2) дѣлать распоряженія о закрытіи различныхъ торговыхъ и промышленныхъ заведеній; 3) воспрещать отдѣльнымъ личностямъ пребываніе въ мѣстностяхъ, объявленныхъ въ положеніи усиленной охраны. Отъ генералъ-губернаторовъ, а въ губерніяхъ, имъ не подчиненныхъ, отъ министра внутреннихъ дѣлъ зависитъ—передавать на разсмотрѣніе военныхъ судовъ отдѣльныя дѣла о преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ общими уголовными законами, когда они признаютъ это необходимымъ въ видахъ огражденія общественнаго порядка и спокойствія, для сужденія ихъ по законамъ военнаго времени, а также требовать разсмотрѣнія, при закрытыхъ дверяхъ, всѣхъ тѣхъ дѣлъ, публичное разсмотрѣніе которыхъ можетъ послужить поводомъ къ возбужденію умовъ и нарушенію порядка. Приговоры военныхъ судовъ по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ, о сопротивленіи властямъ и т. д. утверждаются генералъ-губернаторами, а въ мѣстностяхъ, имъ не подчиненныхъ, командующими войсками.

Полномочія второстепенныхъ административныхъ органовъ также значительно расширяются. Мѣстные полицейскіе органы (исправники, полицеймейстеры, начальники

жандармскихъ управленій и ихъ помощники) получаютъ право производить предварительные аресты, не долѣе, однако, двухъ недѣль [1], всѣхъ лицъ, внушающихъ основательное подозрѣніе въ совершеніи государственныхъ преступленій или прикосновенныхъ къ нимъ, а также и въ принадлежности къ противозаконнымъ сообществамъ; имъ предоставляется также производить, во всякое время и во всѣхъ безъ исключенія помѣщеніяхъ, обыски и налагать аресты на всякаго рода имущества, указывающія на преступность дѣйствіи или намѣреній заподозрѣннаго лица. Рядъ правилъ о положеніи усиленной охраны заключается постановленіемъ объ усиленной отвѣтственности административныхъ лицъ за бездѣйствіе власти: размѣръ установленныхъ взысканій можетъ быть повышенъ на одну и даже на двѣ степени, сравнительно съ высшей мѣрой ихъ.

Положеніе чрезвычайной охраны, кромѣ указанныхъ послѣдствій, влечетъ за собой дальнѣйшее расширеніе полномочій административныхъ властей. Генералъ-губернаторамъ могутъ быть присвоиваемы права главнокомандующихъ арміей въ военное время. Въ мѣстностяхъ, имъ не подчиненныхъ, назначаются особыя лица съ званіемъ главноначальствующаго. Сверхъ правъ, предоставляемыхъ положеніемъ усиленной охраны, съ введеніемъ положенія чрезвычайной охраны, эти высшіе административные органы получаютъ рядъ новыхъ правъ. Наиболѣе существенныя изъ нихъ: право изъятія изъ общей подсудности дѣлъ объ извѣстнаго рода преступленіяхъ и проступкахъ и предоставленіе ихъ вѣдѣнію военнаго суда или же подчиненіе ихъ административному разрѣшенію; право налагать секвестръ на недвижимыя и арестъ на движимыя имущества и доходы съ нихъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда путемъ распоряженія такими имуществами или доходами съ нихъ достигаются преступныя цѣли; право подвергать въ административномъ порядкѣ лицъ заключенію въ тюрьмѣ или крѣпости или аресту на 3 мѣсяца или денежному штрафу до 3000 руб.

[1] Чины полиціи и жандармскаго корпуса обязаны безотлагательно доносить о заарестованіи мѣстному губернатору или градоначальнику, по письменному распоряженію которыхъ срокъ предварительнаго ареста можетъ быть продолженъ до одного мѣсяца со дня задержанія.

какъ за нарушеніе обязательныхъ постановленій, такъ и за проступки, изъятые изъ вѣдомства судовъ; право устранять отъ должности на время дѣйствія положенія чрезвычайной охраны чиновниковъ всѣхъ вѣдомствъ (за исключеніемъ занимающихъ должности первыхъ трехъ классовъ) и служащихъ по выборамъ въ сословныхъ, городскихъ и земскихъ учрежденіяхъ; право пріостанавливать и закрывать собранія сословныхъ, городскихъ и земскихъ учрежденій; право пріостанавливать періодическія изданія на время чрезвычайнаго положенія; право закрывать учебныя заведенія на срокъ не долѣе одного мѣсяца.

Одновременно съ объявленіемъ какой либо мѣстности въ исключительномъ положеніи, въ другихъ смежныхъ губерніяхъ и областяхъ или даже во всѣхъ остальныхъ мѣстностяхъ государства могутъ быть, въ силу положенія совѣта министровъ, введены правила, надѣляющія органы администраціи болѣе широкими полномочіями (начальникамъ полиціи и жандармскихъ управленій предоставляется подвергать лицъ, подозрѣваемыхъ въ совершеніи государственныхъ преступленій или въ прикосновенности къ нимъ, а равно въ принадлежности къ противозаконнымъ сообществамъ, предварительному аресту не болѣе семи дней и производить у такихъ лицъ обыски и выемки; расширяются также полномочія губернаторовъ и градоначальниковъ; министру внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министромъ юстиціи, предоставляется за преступленія государственныя, а также за вооруженное сопротивленіе властямъ, отъ правительства установленнымъ, или нападеніе на чиновъ войска и полиціи и на всѣхъ вообще должностныхъ лицъ, при исполненіи ими обязанностей службы или же вслѣдствіе исполненія этихъ обязанностей, коль скоро преступленія эти сопровождались убійствомъ или покушеніемъ на убійство, нанесеніемъ ранъ, увѣчій, тяжкихъ побоевъ или поджогомъ, предавать военному суду лицъ гражданскаго вѣдомства для сужденія ихъ по законамъ военнаго времени).

Одною изъ наиболѣе часто практикуемыхъ мѣръ, при дѣйствіи исключительнаго положенія, является высылка административнымъ порядкомъ лицъ, признаваемыхъ вредными для государственнаго и общественнаго спокойствія, въ

какую либо мѣстность Европейской или Азіатской Россіи, съ обязательствомъ безотлучнаго въ ней пребыванія въ теченіе назначеннаго срока. Подлежащая власть, убѣдившись въ необходимости высылки даннаго лица, представляетъ объ этомъ министру внутреннихъ дѣлъ съ подробнымъ объясненіемъ основаній къ принятію этой мѣры, а также предположеній о срокѣ высылки. Представленія этого рода разсматриваются въ особомъ совѣщаніи, образуемомъ при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, подъ предсѣдательствомъ завѣдывающаго полиціей товарища министра, изъ четырехъ членовъ—двухъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ и двухъ отъ министерства юстиціи. Постановленія этого совѣщанія представляются на утвержденіе министра внутреннихъ дѣлъ. Для безвыѣзднаго пребыванія въ мѣстѣ, для высылки опредѣленномъ, устанавливается срокъ въ размѣрѣ отъ одного года до пяти лѣтъ.

Въ связи съ административною высылкою находится полицейскій надзоръ, учреждаемый по распоряженію административныхъ властей. Онъ регулируется постановленіями положенія комитета министровъ 12 марта 1882 г. (Прилож. II къ ст. 1 уст. о пред. и пресѣч. преступл.). Полицейскій надзоръ, какъ мѣра предупрежденія преступленій противъ существующаго государственнаго порядка, учреждается надъ лицами, вредными для общественнаго спокойствія, тѣмъ же порядкомъ, какой установленъ для административной высылки. Полицейскій надзоръ учреждается надъ административнымъ порядкомъ высланными въ силу самаго водворенія и на срокъ, для него опредѣленный, но онъ можетъ быть учрежденъ и надъ лицомъ въ мѣстѣ его жительства, на срокъ не свыше пяти лѣтъ.

Подвергнутыя полицейскому надзору лица подчиняются слѣдующимъ правиламъ.

Отъ поднадзорнаго отбираются документы о его званіи и видъ на жительство, взамѣнъ которыхъ ему выдается свидѣтельство на проживаніе въ назначенной ему мѣстности, безъ означенія однако въ немъ того, что данное лицо находится подъ надзоромъ полиціи. Поднадзорный не имѣетъ права, безъ надлежащаго разрѣшенія, отлучаться изъ опредѣленнаго ему мѣста. Временныя отлучки поднадзорнаго

могутъ быть разрѣшаемы по особо уважительнымъ причинамъ и при одобрительномъ поведеніи; въ предѣлахъ уѣзда—мѣстнымъ начальникомъ полиціи: въ предѣлахъ губерніи—губернаторомъ, въ другія губерніи—министромъ внутреннихъ дѣлъ. Такія отлучки могутъ быть разрѣшаемы только на извѣстный срокъ и въ точно опредѣленную мѣстность, безъ права останавливаться въ пути, за исключеніемъ случаевъ болѣзни или другихъ непреодолимыхъ причинъ, о чемъ поднадзорный долженъ немедленно заявить полицейскому начальству той мѣстности, гдѣ онъ былъ вынужденъ остановиться для удостовѣренія справедливости его заявленія и подлежащей отмѣтки на проходномъ свидѣтельствѣ, которое выдается ему передъ отправленіемъ его въ путь. Въ проходномъ свидѣтельствѣ обозначаются имя, отчество, фамилія и особыя примѣты даннаго лица, мѣсто, куда разрѣшена отлучка, срокъ, на который она разрѣшена, и указывается обязанность поднадзорнаго явиться не позже сутокъ со времени его прибытія на мѣсто отлучки къ мѣстной полицейской власти и предъявить ей это свидѣтельство. Кромѣ того, отлучающемуся поднадзорному выдается маршрутъ, въ которомъ точно и подробно описывается путь, по которому обязанъ слѣдовать поднадзорный. Передъ отправленіемъ въ путь и по возвращеніи изъ отлучки поднадзорный обязанъ явиться къ мѣстной полицейской власти, которая въ первомъ случаѣ дѣлаетъ отмѣтку о времени отправленія въ путь, а во второмъ—принимаетъ отъ него проходное свидѣтельство и маршрутъ. Поднадзорный можетъ быть возвращенъ изъ отлучки и ранѣе истеченія ея срока, если то будетъ признано необходимымъ лицами, разрѣшившими отлучку, или если поведеніе его въ мѣстѣ временнаго пребыванія будетъ признано мѣстными властями предосудительнымъ.

Поднадзорный въ мѣстѣ своего жительства и временнаго пребыванія обязанъ являться въ полицію по первому ея требованію. Мѣстная полицейская власть имѣетъ право входа въ квартиру поднадзорнаго во всякое время. Полиціи предоставляется право производить у поднадзорныхъ обыски и выемки, но съ тѣмъ, чтобы о каждомъ произведенномъ ею обыскѣ или выемкѣ былъ составленъ протоколъ, съ изло-

женіемъ въ немъ какъ поводовъ къ этимъ дѣйствіямъ, такъ и ихъ послѣдствій.

Положеніе о полицейскомъ надзорѣ устанавливаетъ рядъ ограниченій по отношенію къ занятіямъ поднадзорныхъ. Они не могутъ состоять на государственной или общественной службѣ, но могутъ быть допускаемы къ письменнымъ занятіямъ по найму въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы всякій разъ испрашивалось на то разрѣшеніе у министра внутреннихъ дѣлъ. Поднадзорные не могутъ быть учредителями, предсѣдателями и членами въ частныхъ обществахъ и компаніяхъ, а также предсѣдателями и членами конкурсныхъ управленій. Не могутъ быть они и опекунами и попечителями иначе, какъ съ особаго на то разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ. Кромѣ того, поднадзорнымъ воспрещаются: 1) всякая педагогическая дѣятельность; в) принятіе къ себѣ учениковъ для обученія ихъ искусствамъ и ремесламъ; 3) чтеніе публичныхъ лекцій; 4) участіе въ публичныхъ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ; 5) участіе въ публичныхъ сценическихъ представленіяхъ; 6) вообще, всякаго рода публичная дѣятельность; 7) содержаніе типографій, литографій, фотографій, библіотекъ для чтенія и служба при нихъ въ качествѣ приказчиковъ, конторщиковъ, смотрителей или рабочихъ; 8) торговля книгами и всѣми принадлежностями и произведеніями тисненія; 9) содержаніе трактирныхъ и питейныхъ заведеній, а равно и торговля питіями. Далѣе, лица поднадзорныя не могутъ быть принимаемы въ правительственныя, общественныя и частныя учебныя заведенія иначе, какъ съ особаго на то разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, даваемаго по соглашенію съ учебнымъ начальствомъ. Поднадзорные могутъ ходатайствовать по судебнымъ дѣламъ, относящимся только до нихъ самихъ, ихъ родителей, женъ и дѣтей. Врачебная, акушерская или фармацевтическая практика дозволяется поднадзорнымъ не иначе какъ съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ. Всѣ остальныя, дозволенныя закономъ занятія разрѣшаются поднадзорнымъ, но съ тѣмъ, что отъ мѣстнаго губернатора зависитъ воспретить поднадзорному избранное имъ занятіе, если оно служитъ ему средствомъ осуществленія его предосудитель-

ныхъ замысловъ или по мѣстнымъ условіямъ представляется опаснымъ для общественнаго порядка и спокойствія. О всякомъ такомъ воспрещеніи немедленно доводится до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ, отъ котораго зависитъ отмѣнить это воспрещеніе, если онъ признаетъ то нужнымъ.

Министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ воспрещать поднадзорному непосредственное полученіе имъ почтовой или телеграфной корреспонденціи. Послѣдняя, въ такомъ случаѣ, подлежитъ предварительному просмотру, въ губернскихъ городахъ—мѣстнаго начальника жандармскаго управленія, а въ уѣздныхъ—исправника, которымъ предоставляется задерживать письма и депеши въ случаѣ предосудительнаго ихъ содержанія; съ другой стороны, просмотру названныхъ лицъ подлежитъ и вся отправляемая поднадзорнымъ корреспонденція.

Поднадзорные, признанные заслуживающими своимъ поведеніемъ и образомъ жизни облегченія ихъ положенія, могутъ быть, по представленіямъ мѣстныхъ губернаторовъ и съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, освобождаемы отъ нѣкоторыхъ стѣснительныхъ для нихъ мѣръ надзора и отъ нѣкоторыхъ ограниченій въ отношеніи къ выбору занятій. Мѣстному губернскому начальству принадлежитъ право входить съ представленіями къ министру внутреннихъ дѣлъ объ отмѣнѣ надзора до истеченія срока, когда поднадзорный своимъ образомъ жизни и поведеніемъ представляетъ достаточное ручательство въ своемъ исправленіи.

За неисполненіе изложенныхъ правилъ и неявку къ сроку изъ разрѣшенной отлучки поднадзорные подвергаются аресту при полиціи: по постановленіямъ мѣстнаго начальника уѣздной или городской полиціи—на срокъ до трехъ сутокъ, по распоряженію мѣстнаго губернатора—до семи дней, по предписанію министра внутреннихъ дѣлъ — до одного мѣсяца и въ этомъ послѣднемъ случаѣ арестъ можетъ быть назначенъ при тюрьмѣ, даже если поднадзорный, по правамъ состоянія, подлежитъ аресту при полиціи.

Лица, высланныя подъ надзоръ полиціи, если не имѣютъ собственныхъ средствъ существованія, получаютъ отъ

казны пособіе на прожитіе, а также на одежду, обувь и бѣлье. Пособіе выдается также семействамъ высланныхъ подъ надзоръ, если они послѣдовали за высланными въ мѣста ихъ водворенія. Поднадзорные могутъ быть лишены пособія, если они уклоняются отъ занятій по лѣности, дурному поведенію или привычкѣ къ праздности. Поднадзорные, не имѣющіе средствъ къ существованію, а также ихъ семейства, въ случаѣ болѣзни, призрѣваются въ больницахъ гражданскаго вѣдомства на счетъ казны.—Освобожденное отъ надзора лицо и его семейство, въ случаѣ неимѣнія собственныхъ средствъ для отъѣзда изъ мѣста водворенія, имѣютъ право на пособіе отъ казны, если о способѣ препровожденія ихъ на родину не послѣдуетъ особаго распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ.

„Положеніе (14 августа 1881 г.) о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія“ было издано въ качествѣ временной мѣры, срокомъ на три года. Впослѣдствіи однако оно было оставляемо въ силѣ на новые сроки и фактически оказалось дѣйствующимъ непрерывно съ 1881 года до настоящаго времени. При этомъ площадь примѣненія положенія все болѣе расширялась. Въ результатѣ—чрезвычайнымъ мѣрамъ приданъ былъ несвойственный имъ характеръ постояннаго орудія управленія, при чемъ неизбѣжными явились погубныя послѣдствія такого неосторожнаго пользованія мѣрами исключительными и, по существу, кратковременными.

Пагубными эти послѣдствія оказались и для населенія, и для самой администраціи, расшатывая изо-дня въ день чувство и сознаніе законности, этого необходимѣйшаго регулятора благоустроеннаго общежитія.

Надѣленные обширными полномочіями и часто дискреціонною властью, органы администраціи мало заботились объ удержаніи себя и въ тѣхъ широкихъ предѣлахъ усмотрѣнія, которые намѣчаются исключительными законоположеніями. По свидѣтельству бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, графа Д. А. Толстого (въ 1888 году), полномочія, предоставляемыя этими законоположеніями — „понимаются столь широко, что, основываясь на нихъ, начальствующія лица, *пріостанавливая дѣйствіе постоянныхъ законовъ*, прино-

ровленныхъ къ обыкновеннымъ текущимъ потребностямъ, вводятъ, взамѣнъ упраздняемыхъ ими законовъ, обязательныя правила по части санитарной, медицинской полиціи, строительнаго устава и другимъ предметамъ, не имѣющимъ непосредственной связи съ задачею пресѣченія преступныхъ посягательствъ на законный порядокъ".

Имѣя такіе примѣры произвола въ дѣйствіяхъ высшихъ представителей администраціи, доходившихъ до пріостановленія и упраздненія своею властью законовъ, средніе и низшіе органы управленія проявляли столь же неумѣренное пользованіе своими обширными полномочіями въ области наложенія административныхъ взысканій, производства арестовъ, обысковъ и т. п. Постоянная дѣятельность внѣ предѣловъ и требованій закона подорвала во многихъ чинахъ администраціи всякое представленіе о границахъ ихъ власти и привела ихъ къ грубому произволу, подтачивавшему авторитетъ власти.

Съ другой стороны, въ населеніи, видѣвшемъ во многихъ проявленіяхъ власти господство произвола и безграничнаго усмотрѣнія и испытывавшемъ на себѣ всю тяготу такихъ пріемовъ управленія, постепенно утрачивалось представленіе о правомѣрности. Потребность въ законности, стремленіе къ порядку, основанному на разумномъ сочетаніи его требованій съ законными интересами и запросами развивающейся общественной жизни, оставались безъ удовлетворенія. Съ удлиненіемъ срока дѣйствія чрезвычайныхъ мѣръ и съ расширеніемъ площади ихъ примѣненія множились ряды недовольныхъ, росло и усложнялось броженіе въ умахъ и чувствахъ, создавалась благодарная почва для развитія крайнихъ возрѣній, которыя захватывали все болѣе широкіе круги населенія. Подъ покровомъ внѣшняго спокойствія, которое иногда казалось достигнутымъ политикою крутыхъ мѣръ, накоплялись горькія чувства неудовлетворенности и раздраженія, развилось недовѣріе и даже враждебное отношеніе къ органамъ власти.

Однако въ средѣ правительства не обнаруживалось стремленія вникнуть въ оцѣнку вредныхъ послѣдствій долговременнаго примѣненія чрезвычайныхъ мѣръ: онѣ оказывались только удобнымъ, для высшей администраціи, сред-

ствомъ достигнуть внѣшняго спокойствія. Лишь въ концѣ 1904 года впервые поставленъ былъ вопросъ о необходимости положить извѣстные предѣлы политикѣ исключительныхъ мѣръ. Именнымъ указомъ 12 Декабря 1904 года „о предначертаніяхъ къ усовершенствованію государственнаго порядка“ (въ пунктѣ 5) признано было неотложнымъ—„пересмотрѣть изданныя во времена безпримѣрнаго проявленія преступной дѣятельности враговъ общественнаго порядка исключительныя законоположенія, примѣненіе которыхъ сопряжено съ значительнымъ расширеніемъ усмотрѣнія административныхъ властей, и озаботиться при этомъ какъ возможнымъ ограниченіемъ предѣловъ мѣстностей, на которыя они распространены, такъ и допущеніемъ вызываемыхъ ими стѣсненій правъ частныхъ лицъ только въ случаяхъ, дѣйствительно угрожающихъ государственной безопасности“. При обсужденіи способовъ осуществленія этого пункта Именного указа 12 Декабря 1904 г. въ Комитетѣ министровъ было установлено, что исключительныя мѣры оказались несостоятельными въ области прямой задачи ихъ—„искорененія крамолы“ и что онѣ привели ко многимъ вреднымъ послѣдствіямъ съ точки зрѣнія интересовъ правомѣрнаго управленія.—Коренной пересмотръ нашего законодательства о чрезвычайныхъ мѣрахъ полиціи безопасности составляетъ одну изъ главныхъ очередныхъ задачъ законодательства.

V. САНИТАРНАЯ И МЕДИЦИНСКАЯ ПОЛИЦІЯ [1].

Государственное значеніе санитарныхъ мѣръ.—Развитіе санитаріи.—Санитарныя мѣры въ Англіи и ихъ результаты.—Санитарное дѣло въ Германіи и во Франціи.—Развитіе санитарно-медицинской полиціи въ Россіи.—Древнее время.—Московская Русь.—Привлеченіе иностранныхъ врачей.—Первыя аптеки.—Аптекарскій приказъ.—Первые русскіе врачи.—Медицинская часть при Петрѣ Великомъ.—Современная организація санитарно-медицинской полиціи въ Россіи.—Врачебныя отдѣленія.—Земскія учрежденія.—Городскія общественныя управленія.—Успѣхи земской медицины.—Неудовлетворительность санитарныхъ условій.—Необходимость улучшенія ихъ.

Знаменитый англійскій государственный дѣятель, Дизраэли (лордъ Биконсфильдъ), въ одной изъ своихъ рѣчей высказалъ убѣжденіе въ томъ, что „общественное здравіе есть фундаментъ, на которомъ покоятся благоденствіе народа и могущество государства“, и что „забота о народномъ здравіи есть первый долгъ государственнаго дѣятеля“. Въ этихъ словахъ сказалось то сознаніе важности обезпеченія

[1] Jolly. Gesundheitswesen (Schönberg's Handbuch d. Polit. Oekon. томъ III, стр. 339—394).—L. v. Stein. Das Gesundheitswesen. Stuttg. 1882. Martin. Etude sur l'administration sanitaire à l'étranger et en France. Par. 1885.—Paul Strauss. La croisade sanitaire. Par. 1902.—Emile Duclaux. L'hygiène sociale Par. 1902.—William Blake Odgers. Local Government. Lond. 1899.—М. И. Галанинъ. Санитарная организація въ западно-европейскихъ государствахъ. Часть I (Англія, Австрія, Германская Имперія, Италія и Франція). Спб. 1889.—Сводъ узаконеній и распоряженій правительства по врачебной и санитарной части въ Имперіи. Изданіе Медицинскаго Департамента. Три выпуска. Спб. 1895—1898.—Н. П. Загоскинъ. Врачи и врачебное дѣло въ исторіи Россіи. Каз. 1891.—Н. Новомбергскій. Врачебное строеніе въ до-Петровской Руси.—Томскъ, 1907.

здоровыхъ условій жизни, которое характеризуетъ собою отношеніе современнаго культурнаго государства къ вопросамъ народнаго здравія.

Въ нѣкоторой степени это сознаніе не было чуждо человѣчеству и въ прошлые вѣка. Слѣды извѣстной заботливости объ интересахъ здоровья находятся въ памятникахъ культуры древняго Египта и еще болѣе—древнихъ Евреевъ. Въ законодательствѣ Моисея встрѣчается длинный рядъ предписаній, имѣющій характеръ общественно-гигіеническій—таковы, напр., велѣнія: о воспрещеніи извѣстнаго рода пищи, о регламентаціи чистоты тѣла (въ особенности у женщинъ), соблюденіи чистоты лагерей или стоянокъ (зарываніе нечистотъ въ землю), мѣрахъ относительно прокаженныхъ и т. д. Предписанія эти были проникнуты, какъ и вообще все законодательство той эпохи, религіознымъ духомъ: при этомъ блюстителями исполненія указанныхъ мѣръ явились левиты.

Въ древней Греціи заботы объ охраненіи здоровья гражданъ опираются уже на раціональную основу болѣе правильнаго представленія о болѣзняхъ, развитого благодаря ученію Гиппократа. Въ ученіяхъ Платона и Аристотеля о желательномъ устройствѣ государства выражается сознаніе необходимости особыхъ должностныхъ лицъ, которыя заботились бы о соблюденіи условій, оберегающихъ здоровье гражданъ.

Въ Римѣ здравоохраненіе занимало видное мѣсто въ ряду задачъ управленія. Римъ былъ осушенъ цѣлою сѣтью каналовъ, которые уносили нечистоты города въ cloaca maxima. Еще въ IV вѣкѣ до Р. Х. въ Римѣ былъ устроенъ первый водопроводъ, а въ концѣ перваго столѣтія въ немъ насчитывали уже девять водопроводовъ, доставлявшихъ чистую ключевую воду изъ отдаленной горной мѣстности, отчасти подземнымъ, отчасти надземнымъ путемъ при помощи аквадуковъ въ нѣсколько миль длины. Въ Римѣ организованъ былъ надзоръ за продажею хлѣба и другихъ съѣстныхъ припасовъ. Строительная и санитарная полиція имѣла свои органы въ лицѣ эдиловъ и цензоровъ.

Въ позднѣйшіе вѣка развитіе санитарной полиціи шло медленно, дѣлая большіе или меньшіе успѣхи лишь подъ

вліяніемъ чрезвычайныхъ эпидеміи, получавшихъ сильное распространеніе.

Систематическая дѣятельность въ отношеніи къ обезпеченію здоровыхъ условій жизни представляетъ собою явленіе новаго времени — прошлаго XIX столѣтія, преимущественно второй его половины. Зарожденію системы санитарно-медицинской полиціи въ томъ широкомъ развитіи, какое она получила въ современныхъ культурныхъ государствахъ, содѣйствовали главнымъ образомъ два обстоятельства: 1) успѣхи въ области научной разработки медицины и въ особенности появленіе новой отрасли знаній — общественной гигіены; 2) успѣхи общественно-политическаго развитія западно-европейскихъ государствахъ, въ частности выразившіеся въ болѣе основательномъ пониманіи задачъ управленія, а также и въ болѣе энергическомъ осуществленіи этихъ задачъ, въ соотвѣтствіе съ тѣми потребностями, которыя выдвигались жизнью.

Гигіена, какъ наука, была создана работами многихъ поколѣній ученыхъ, занимавшихся изслѣдованіями болѣзней и способовъ ихъ предупрежденія; но особенно важное значеніе въ дѣлѣ научнаго построенія системы гигіены имѣлъ трудъ французскаго ученаго Мишеля Леви: „Трактатъ объ общественной и частной гигіенѣ“ (Michel Levy — Traité d'hygiène publique et privée), въ 1844 г.

По словамъ проф. М. Я. Капустина, „всеобщее вниманіе ученаго міра, правительственныхъ и общественныхъ учрежденій къ вопросамъ гигіены вызвано было преимущественно общественными бѣдствіями. Холера 30-хъ и 40-хъ годовъ, и затѣмъ Крымская война сдѣлали для гигіены неизмѣримо болѣе, чѣмъ цѣлыя столѣтія заботъ о благѣ и долголѣтіи отдѣльныхъ лицъ. Со времени этихъ бѣдствій и правительства, и врачи Европы отчетливо сознали, что врачеваніе отдѣльныхъ лицъ совершенно недостаточно въ борьбѣ съ общественными бѣдствіями, что нужно изучать условія, способствующія заболѣванію и смертности въ массѣ населенія и прилагать общественныя мѣры для борьбы съ этими бѣдствіями. Мѣры, принятыя въ Англіи къ оздоровленію городовъ, изученіе вліянія нездоровыхъ жилищъ во Франціи и предпринятыя тамъ нововведенія въ больничной

гигіенѣ: наблюденія, сдѣланныя въ Крымскую войну въ арміяхъ русской и союзниковъ, а рядомъ съ этимъ крупные успѣхи естествознанія и медицины, труды Либиха, Вирхова, Клодъ-Бернара и другихъ корифеевъ естествознанія и медицины—все это, вмѣстѣ взятое, показало значеніе гигіены и постепенно придало ей то развитіе, въ которомъ она находится въ настоящее время. Гигіена сдѣлалась въ то же время, благодаря, въ особенности, иниціативѣ и трудамъ Петтенкофера, профессора въ Мюнхенѣ, наукой экспериментальной и заняла почетное и своеобразное положеніе на рубежѣ между медициной, общественными науками и техническими знаніями. Новѣйшіе успѣхи бактеріологіи, связанные съ ученіемъ о заразныхъ болѣзняхъ, уяснили смыслъ многихъ эмпирическихъ данныхъ гигіены".

Въ числѣ факторовъ развитія санитарной полиціи едва ли не важнѣйшимъ долженъ быть признанъ ростъ городовъ, представляющій собою характернѣйшее явленіе культуры XIX вѣка. Въ началѣ вѣка во всей Европѣ насчитывалось 175 милліоновъ чел., при чемъ лишь въ 21 городѣ населеніе превышало 100 тысячъ; всѣ большіе города, вмѣстѣ взятые, насчитывали $4^1/_2$ милліона душъ, такъ что изъ 1.000 европейцевъ только 16 жили въ большихъ городахъ. Въ настоящее время населеніе одного Лондона превышаетъ $5^1/_2$ милліоновъ жит. Въ Англіи и Уэльсѣ за десятилѣтіе 1881—1891 гг. городское населеніе возросло на $15,_3\%$, сельское—только на $3_4\%$; въ городскихъ санитарныхъ округахъ Англіи живетъ въ настоящее время $71,_7\%$ всего населенія страны, въ сельскихъ—только $28_3\%$. Во Франціи, несмотря на общій слабый ростъ населенія, въ городахъ число жителей съ 1846 по 1896 г. почти удвоилось, тогда какъ сельское населеніе абсолютно уменьшилось (съ $26^3/_4$ на $23^1/_2$ милліоновъ). Въ Германіи, со времени франко-прусской войны, городское населеніе возросло въ размѣрѣ 20% въ десятилѣтіе, между тѣмъ, какъ сельское населеніе оставалось неподвижно. То же явленіе замѣчается и въ другихъ странахъ.

Ростъ городовъ, сосредоточеніе въ нихъ большого количества людей вызвали къ существованію, такъ сказать, новую отрасль знанія—искусство управленія городами съ весьма разнообразными и сложными задачами, въ ряду которыхъ

одно изъ первыхъ мѣстъ заняло обезпеченіе здоровыхъ условій жизни.

Для того, чтобы иллюстрировать значеніе мѣропріятій, принимаемыхъ въ этомъ отношеніи, достаточно указать на примѣръ Англіи, въ которой дѣло развитія санитарныхъ улучшеній достигло особенно значительныхъ размѣровъ.

Въ 1837 году, вскорѣ по восшествіи на престолъ королевы Викторіи, вступилъ въ дѣйствіе актъ о точной регистраціи смертныхъ случаевъ съ указаніемъ причинъ ихъ. Эта регистрація и послужила главнымъ основаніемъ для выясненія санитарныхъ условій. Данныя ея были регулярно публикуемы во всеобщее свѣдѣніе, обнаруживая, въ какихъ мѣстностяхъ смертность была особенно значительна, какія болѣзни захватывали наибольшее количество жертвъ, показывая, наконецъ, съ полною очевидностью, что большая или меньшая смертность находится въ прямомъ соотношеніи съ наличностью или отсутствіемъ здоровыхъ условій жизни.

Въ 1840 и 1843 г.г. Палатою Общинъ были назначены коммисіи для подробнаго изученія санитарныхъ условій въ различныхъ мѣстностяхъ страны, преимущественно въ городахъ. Доклады этихъ коммисій послужили основаніемъ для первой важной законодательной мѣры въ этой области— „акта объ общественномъ здравіи“ 1848 года. Въ силу его было создано особое управленіе — General Board of Health, которое должно было направлять дѣятельность мѣстныхъ органовъ по оздоровленію, при чемъ особое вниманіе обращалось на водоснабженіе, удаленіе нечистотъ, надзоръ за постройками, за продажею различныхъ припасовъ и т. д.

Въ послѣдующіе годы парламентомъ издано было еще значительное количество отдѣльныхъ законовъ по санитарной части, которые въ 1875 году были пересмотрѣны, дополнены и консолидированы въ обширномъ актѣ—Public Health Act 1875, являющемся какъ бы кодексомъ санитарнаго законодательства, предусматривающимъ и регулирующимъ всевозможныя детали. Центральнымъ органомъ, объединяющимъ управленіе санитарною частью, съ 1871 года служитъ Local Government Board—министерство мѣстнаго управленія, вѣдающее, кромѣ того, администрацію общественнаго призрѣнія.

О томъ, въ какихъ размѣрахъ и съ какою энергіею производятся въ Англіи санитарныя улучшенія, можно судить по слѣдующимъ цифровымъ даннымъ. Въ докладѣ, читанномъ на международной санитарной конференціи въ Римѣ въ 1885 году, д-ръ Торнъ-Торнъ сообщилъ, что размѣръ займовъ, заключенныхъ въ Англіи и Уэльсѣ (исключая Лондона, для производства различныхъ санитарныхъ улучшеній въ теченіе девяти лѣтъ, съ 1876 до 1884 г., превышаетъ въ среднемъ 6,250,000 фун. ст. въ годъ. Кромѣ того, обыкновенные ежегодные расходы на санитарную часть превышаютъ за тотъ же періодъ 2,500,000 ф. ст. въ годъ, при чемъ въ эту цифру не входятъ ни вознагражденіе санитарнаго персонала, ни проценты по займамъ. Такимъ образомъ, за девятилѣтній періодъ 1876—1884 г. въ Англіи на санитарныя улучшенія была израсходована огромная сумма въ 80 милл. ф. ст. (около 800 милліон. рублей).

Въ настоящее время могутъ быть съ полною наглядностью констатированы благіе результаты многолѣтнихъ усилій, направленныхъ на улучшеніе санитарныхъ условій: смертность населенія уменьшилась весьма значительно. Въ 1837—60 гг. въ Англіи на каждую тысячу жителей приходилось въ годъ 22,$_5$ смертныхъ случая; въ 1871—80 гг.—21,^{3} и въ 1891—1895 гг. всего 18,$_8$. Значеніе этихъ цифръ съ наглядностью выступаетъ изъ слѣдующаго разсчета, показывающаго, сколько жизней сберегается въ настоящее время, благодаря произведеннымъ санитарнымъ улучшеніямъ. Въ 1895 году въ Соединенномъ Королевствѣ умерло 735,000 чел. Если предположить прежній процентъ смертности (22$^1/_2$ на 1,000), то число умершихъ въ 1895 г. было бы 881,000 чел. Такимъ образомъ, благодаря санитарнымъ улучшеніямъ, въ названномъ году страна сберегла 146,000 чел., или 400 чел. ежедневно.

Съ улучшеніемъ санитарныхъ условій уменьшилась заболѣваемость населенія, что также имѣетъ важное значеніе, какъ видно изъ слѣдующаго разсчета. По мнѣнію д-ра Фарра, одного изъ авторитетныхъ дѣятелей въ области санитарнаго управленія, число больныхъ въ каждый данный день года, при нормальныхъ условіяхъ, равняется удвоенному числу смертныхъ случаевъ за годъ. Такимъ образомъ,

число больныхъ въ Соединенномъ Королевствѣ, примѣнительно къ даннымъ о смертности въ 1895 г., можетъ быть опредѣлено въ 1,470,000; между тѣмъ, при прежнихъ санитарныхъ условіяхъ оно составляло бы 1,762,000 и, слѣдовательно, теперь больныхъ въ среднемъ на 292,000 чел. меньше. Полагаютъ, что каждый больной составляетъ для страны потерю въ 2 шилл. въ день. Такимъ образомъ, благодаря санитарнымъ улучшеніямъ, сократившимъ заболѣваемость, страна сберегаетъ 29,000 ф. ст. ежедневно, или $10^1/_2$ милліоновъ ф. ст. въ годъ.

Отсюда видно, что, помимо иныхъ соображеній, даже съ экономической точки зрѣнія, результаты санитарныхъ улучшеній съ избыткомъ окупаютъ огромные расходы на нихъ.

Значеніе санитарныхъ улучшеній, произведенныхъ за рядъ десятилѣтій въ Англіи, особенно рельефно выступаетъ изъ статистики заразныхъ болѣзней, которыя уже не встрѣчаютъ въ ней особенно благопріятныхъ условій для своего распространенія. Такъ, развитіе таберкулоза въ различныхъ формахъ за время съ 1851 г. по 1897 г. упало на 45%; тогда какъ въ С.-Петербургѣ умираетъ отъ туберкулоза на 10,000 жит. 44,10, въ Москвѣ—45,68, въ Вѣнѣ—42,72, въ Лондонѣ—всего 17,68. То же явленіе замѣчается въ отношеніи скарлатины и тифа: смертность отъ скарлатины въ Англіи, составлявшая въ 1860—1869 гг. 1,078 на милліонъ жителей, въ 1890—1899 г. упала до 200; смертность отъ тифа за то же время понизилась съ 895 до 146.

Не въ одной Англіи заботы о созданіи здоровыхъ условій жизни составляютъ предметъ вниманія въ системѣ внутренняго управленія. Во Франціи и въ Германіи въ послѣднія десятилѣтія это дѣло также получило широкое развитіе, особенно со времени созданія высшихъ установленій, призванныхъ направлять дѣятельность государственныхъ и общественныхъ учрежденій въ области санитарной полиціи. Въ Германіи такимъ высшимъ установленіемъ является созданное въ 1876 г. общеимперское Германское санитарное управленіе (Kaiserliches Gesundheitsamt), при чемъ, однако, отдѣльныя союзныя государства имѣютъ свою самостоятельную организацію санитарно-медицинскихъ учрежденій. Во Франціи высшее завѣдываніе этимъ дѣломъ сосредото-

чивается въ такъ наз. Direction de l'assistance et de l'hygiène publique (управленіе общественнымъ призрѣніемъ и общественною гигіеною), входящемъ въ составъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Во Франціи знаменательнымъ моментомъ въ развитіи санитаріи является изданіе закона 19 февраля 1902 года „объ охраненіи народнаго здравія". Этотъ законъ создаетъ систему мѣръ, направленныхъ къ обезпеченію санитарныхъ улучшеній на всей площади Франціи. Важнѣйшія постановленія закона состоятъ въ слѣдующемъ.

Въ каждой коммунѣ долженъ быть изданъ санитарный регламентъ, предусматривающій, во 1-хъ, мѣры въ видахъ предупрежденія и пресѣченія передаваемыхъ болѣзней, въ особенности мѣры дезинфекціи или даже уничтоженія предметовъ, находившихся въ пользованіи больныхъ или запачканныхъ ими, и вообще всякихъ предметовъ, могущихъ служить къ распространенію заразы; во 2-хъ, мѣры къ обезпеченію здороваго состоянія домовъ и ихъ принадлежностей, вообще всякихъ жилыхъ помѣщеній, въ особенности же мѣры обезпеченія водою, годною для питья, и удаленія нечистотъ. — Законъ 1902 г. устанавливаетъ обязательность предохранительнаго оспопрививанія въ теченіе перваго года жизни и обязательность ревакцинаціи въ теченіе одиннадцатаго и двадцать перваго года жизни.—Если въ теченіе трехъ лѣтъ сряду число смертныхъ случаевъ въ коммунѣ превышаетъ цифру средней смертности во Франціи, префектъ обязанъ поручить департаментскому гигіеническому совѣту произвести разслѣдованіе о санитарныхъ условіяхъ коммуны. Если такое разслѣдованіе установитъ, что санитарное положеніе коммуны вызываетъ необходимость заботъ по оздоровленію мѣстности, а именно, что она не обезпечена годною для питья водою хорошаго качества и въ достаточномъ количествѣ, или что, за отсутствіемъ стока для жидкихъ нечистотъ, послѣднія образуютъ скопленія, префектъ, по предъявленіи коммунѣ требованія, если послѣднее окажется недѣйствительнымъ, предлагаетъ департаментскому гигіеническому совѣту обсудить полезность и характеръ работъ, представляющихся необходимыми. Если департаментскій гигіеническій совѣтъ выскажетъ заключеніе про-

тивъ осуществленія работъ или если со стороны коммуны послѣдуетъ возраженіе, префектъ представляетъ постановленіе совѣта министру внутреннихъ дѣлъ, который, если признаетъ это нужнымъ, передаетъ вопросъ на обсужденіе совѣщательнаго комитета общественной гигіены. Послѣдній производитъ разслѣдованіе, результаты котораго оглашаются въ общее свѣдѣніе въ подлежащей коммунѣ. На основаніи заключеній департаментскаго гигіеническаго совѣта и совѣщательнаго комитета общественной гигіены, префектъ предлагаетъ коммунѣ составить проектъ работъ и приступить къ нимъ. Если въ мѣсячный срокъ по предъявленіи этого требованія муниципальный совѣтъ не обяжется исполнить его или если, въ трехмѣсячный срокъ, онъ не приметъ никакихъ мѣръ къ осуществленію работъ, особый декретъ президента республики, издаваемый по обсужденіи вопроса въ государственномъ совѣтѣ, предписываетъ произвести работы на указываемыхъ въ немъ условіяхъ. Расходы по нимъ могутъ быть возложены на коммуну не иначе, какъ въ силу особаго закона.—Изъ другихъ постановленій закона 1902 г. важное значеніе имѣютъ мѣры обезпеченія здоровыхъ условій жилыхъ помѣщеній, а также мѣры въ отношеніи къ обезпеченію надлежащей санитарной организаціи. Въ городахъ съ населеніемъ въ 20.000 и болѣе жит. учреждаются „санитарныя бюро“ (bureau d'hygiène), въ качествѣ муниципальнаго органа; департаменты дѣлятся на санитарные округа съ „санитарною коммисіею“ въ каждомъ изъ нихъ, а въ главномъ городѣ департамента существуетъ „департаментскій гигіеническій совѣтъ“. Высшимъ совѣщательнымъ органомъ санитарнаго управленія является „совѣщательный комитетъ общественной гигіены“.

Развитіе санитарно-медицинской полиціи въ Россіи.

Въ Россіи эта отрасль внутренняго управленія еще не достигла того развитія, какое характеризуетъ наиболѣе культурныя государства западной Европы. Болѣе значительные успѣхи въ этомъ отношеніи сдѣланы были лишь въ послѣднія десятилѣтія благодаря, главнымъ образомъ,

дѣятельности органовъ земскаго и городского самоуправленія. Зачатки стремленій обезпечить медицинскую помощь усматриваются однако уже въ древнюю эпоху.

Появленіе врачебнаго искусства въ старой Руси было однимъ изъ послѣдствій принятія христіанства. По словамъ проф. Н. П. Загоскина [1]), появившись въ нашемъ отечествѣ, христіанство приняло дѣло врачеванія подъ свое непосредственное покровительство. Церковный уставъ св. Владиміра объявляетъ больницы—церковнымъ учрежденіемъ, а самихъ „лечцовъ", т. е. врачей—людьми церковными, богадѣльными, подвѣдомственными епископу.

Христіанство было перенесено къ намъ изъ Византіи. Изъ Византіи же перешло въ Русь и воззрѣніе на врачебное дѣло, какъ на предметъ ближайшаго вѣдѣнія и попечительства церкви. Въ Византіи врачебное дѣло, какъ это было въ извѣстную пору жизни и въ западной Европѣ, ютилось, главнымъ образомъ, при монастыряхъ и церквахъ, и монахи считали врачеваніе больныхъ дѣломъ своего подвижническаго призванія. Такой же порядокъ вещей складывается и у насъ послѣ введенія христіанства.

Въ этомъ отношеніи Печерскій монастырь явился послѣдователемъ славнаго греческаго монастыря—Аѳонской Горы, гдѣ, при императорѣ Романѣ, была устроена св. Аѳанасіемъ „больница больныхъ ради". Первые иноки нашего Печерскаго монастыря пришли съ Аѳона и перенесли съ собою оттуда врачебныя знанія, которыя и не преминули насадить въ русской обители.

Больницы заводились духовенствомъ и по другимъ областямъ русскимъ; такъ, Никоновская лѣтопись свидѣтельствуетъ, что въ XI вѣкѣ (1091 г.) митрополитъ Ефремъ поставилъ въ Переяславлѣ „строеніе банное", устроилъ больницы и поставилъ къ нимъ врачей, которые подавали „всѣмъ приходящимъ безвозмездно врачеваніе".

Но уже въ XI вѣкѣ, наряду съ церковно-монастырскою медициною, существовала на Руси и медицина свѣт-

---

[1] Н. П Загоскинъ. Врачи и врачебное дѣло въ исторіи Россіи. Каз. 1891 г. Изъ этой работы заимствованы нами данныя о развитіи медицинскаго дѣла въ Россіи до начала XVIII в.

ская, мірская, отграничивавшаяся какъ отъ монастырской медицины, такъ и отъ языческаго кудесничества, знахарства, которое строго и упорно преслѣдовалось и церковью, и княжескою властью. Это, до извѣстной степени, уже зачатки будущей научной медицины, имѣющіе въ своей основѣ не суевѣрное поклоненіе таинственнымъ силамъ природы, но болѣе или менѣе сознательное знакомство съ вредными и благопріятными вліяніями природы на человѣческій организмъ, а токже съ извѣстными средствами, способными регулировать эти вліянія.

Несомнѣнно, что въ эпоху великаго князя Ярослава Владиміровича на Руси существовали вольные врачи и вольная врачебная практика—практика „возмездная“, въ противоположность „безмездной“ церковной медицинѣ, ютившейся подъ сѣнью монастырей. Такъ называемая „Краткая Русская Правда“, относящаяся ко второму десятилѣтію XI вѣка, упоминаетъ о такихъ врачахъ: человѣкъ, которому нанесена кѣмъ-либо рана, имѣетъ право требовать съ обидчика 3 гривны пени и, сверхъ того, еще особое вознагражденіе лекарю, который будетъ лечить эту рану („ . . . . . взяти ему за обиду 3 гривны, а летцю мзда“). Позднѣйшіе списки Русской Правды называютъ это вознагражденіе „лечебнымъ“, такъ какъ оно предназначается на излеченіе ранъ, и опредѣляетъ размѣръ его въ одну гривну при трехъ гривнахъ пени, которая взимается за самое преступленіе.

Эти врачи, о которыхъ упоминается въ актахъ XI и XII вѣковъ, появились на Руси, вѣроятно, изъ Византіи.

Вмѣстѣ съ новою религіею, Византія передала намъ свою книжность, свои идеалы, свои традиціи: она не могла не передать намъ и своихъ медицинскихъ знаній въ лицѣ врачей, которые должны были появиться въ Кіевѣ уже въ свитѣ царевны греческой Анны, супруги перваго русскаго христіанскаго князя св. Владиміра. Черезъ посредство Булгарскаго царства могли проникнуть къ намъ и начала арабской медицины: арабскіе врачи славились въ ту пору своимъ искусствомъ врачеванія.

Съ эпохи великаго князя Ярослава I завязываются у насъ сношенія съ западною Европою; извѣстно, что дочь

Ярослава Анна была за-мужемъ за королемъ французскимъ Генрихомъ I. Возможно, что эти сношенія повлекли за собою прибытіе въ Русь иноземныхъ мастеровъ и другихъ знающихъ людей, среди которыхъ могли быть и врачи.

Таковы были зачатки врачебнаго дѣла, положенные въ удѣльно-вѣчевую эпоху русской исторической жизни.

Общественный и умственный регрессъ, характеризующій собою эпоху татарскаго ига, отразился и на постановкѣ врачебнаго дѣла. Развившіеся въ XI—XII вѣкахъ зачатки свѣтской медицины глохнутъ въ эту эпоху: вмѣстѣ съ книжностью медицина всецѣло удаляется въ монастыри.

Только со времени великаго князя Іоанна III-го, свергнувшаго татарское иго, начинается возрожденіе многихъ остававшихся въ застоѣ сторонъ внутренней жизни русскаго народа и вмѣстѣ съ тѣмъ возрожденіе у насъ свѣтской медицины. Въ то же время кладется твердое начало нашимъ сношеніямъ съ Западною Европою, откуда начинаютъ проникать къ намъ знанія и различнаго рода искусства.

Весьма важное вліяніе оказалъ въ послѣднемъ отношеніи бракъ Іоанна III-го съ греческою царевною Софіею Палеологъ. За двадцать лѣтъ передъ тѣмъ пала завоеванная турками Византійская Имперія; все, что было въ Греціи интеллигентнаго, эмигрировало изъ Константинополя въ другія страны и, главнымъ образомъ, въ Италію. Весьма естественно, что многимъ изъ этихъ эмигрантовъ представлялось вполнѣ удобнымъ переселиться въ единовѣрную Москву, вслѣдъ за царевною Софіею; и, дѣйствительно, мы имѣемъ лѣтописныя и иныя указанія на то, что при московскомъ дворѣ греческій элементъ дѣлается весьма значительнымъ въ послѣдней трети XV-го вѣка.

Великій князь Іоаннъ III былъ расположенъ пользоваться услугами иноземныхъ мастеровъ вообще. Онъ ихъ дѣятельно привлекалъ на свою службу, и при немъ встрѣчаемъ мы въ Москвѣ иностранныхъ зодчихъ, инженеровъ, артиллеристовъ, литейщиковъ, серебрянниковъ, денежнаго дѣла мастеровъ и, наконецъ, врачей. Въ 1490-мъ году, в. к. Іоаннъ III, отправляя къ австрійскому императору посольство, поручаетъ посламъ просить императора о присылкѣ въ Москву опытнаго и искуснаго врача.

Первое упоминаніе о врачѣ въ царствованіе Іоанна III-го встрѣчается подъ 1483-мъ годомъ. Въ этомъ году прибылъ на службу къ великому князю врачъ, котораго лѣтописи называютъ Антономъ Нѣмчиномъ. Іоаннъ держалъ этого врача въ большой чести, что не избавило его, впрочемъ, отъ весьма печальной участи. Вскорѣ занемогъ находившійся въ Москвѣ татарскій царевичъ Каракача; Антону Нѣмчину велѣно было лечить его. Леченіе было неудачно: царевичъ умеръ. Неизвѣстно, какими мотивами руководствовался въ данномъ случаѣ великій князь, но онъ велѣлъ выдать Антона головою сыну умершаго, татары свели несчастнаго врача на Москву-рѣку и здѣсь подъ мостомъ зарѣзали его. Эта кровавая расправа породила настоящую панику среди московскихъ служилыхъ иностранцевъ. Одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей послѣднихъ, извѣстный зодчій и инженеръ Аристотель Фіоравенти, „боясь,—какъ говоритъ лѣтописецъ,—того же“, сталъ проситься у великаго князя на родину; въ отвѣтъ на эту просьбу Іоаннъ приказалъ конфисковать все имущество несчастнаго итальянца, а самого его посадить подъ стражу.

Участь Антона Нѣмчина не совершенно отбила, однако же, у иноземцевъ охоту нести въ Москву врачебную службу. Въ 1490-мъ году ко двору Іоанна III пріѣзжаетъ новый врачъ—мастеръ Леонъ Жидовинъ изъ Венеціи. Недолго практиковалъ и этотъ новый врачъ. Неудачное леченіе сына великаго князя сопровождалось жестокою расправою: врача посадили въ тюрьму, а по истеченіи сорока дней съ кончины князя Іоанна—свели на Болвановку и отрубили ему голову.

Такова была печальная судьба двухъ первыхъ, послѣ татарщины, иноземныхъ врачей, которымъ суждено было положить начало возрожденію врачебнаго дѣла въ нашемъ отечествѣ. Несмотря на это, дѣло не заглохло.

При сынѣ и преемникѣ Іоанна III, великомъ князѣ Василіи Іоанновичѣ, который, подобно отцу своему, дѣятельно заботился о привлеченіи въ свою службу иностранцевъ,—мы видимъ въ Москвѣ трехъ иноземныхъ врачей.

Въ эпоху Іоанна Грознаго было нѣсколько случаевъ приглашенія на русскую службу иностранныхъ врачей, преимущественно изъ Англіи. Къ тому же царствованію отно-

сится и основаніе въ Москвѣ первой аптеки, первоначально разсчитанной на удовлетвореніе потребностей царскаго двора.

Начало XVII-го столѣтія отмѣчено явленіемъ весьма знаменательнымъ въ исторіи русской медицины, а именно учрежденіемъ Аптекарскаго приказа, т. е. центральнаго правительственнаго установленія, въ которомъ сосредоточилось вѣдѣніе всего врачебнаго дѣла: созданіемъ его внесена была извѣстная система въ сферу попеченія о народномъ здравіи.

Внутренняя организація Аптекарскаго приказа была аналогична организаціи и всѣхъ другихъ приказовъ Московскаго государства. Аптекарскому приказу придавалось весьма важное значеніе, что видно изъ того, что во главѣ этого учрежденія всегда стояли весьма заслуженные бояре, пользовавшіеся особымъ довѣріемъ государей. Ему былъ подвѣдомственъ обширный контингентъ лицъ, прикосновенныхъ къ врачебному дѣлу. Въ составъ этого персонала входили слѣдующія должностныя лица:

1. Доктора. Подъ докторами разумѣлись, собственно, врачи-терапевты, лечившіе внутреннія болѣзни.

2. Лекаря, т. е. хирурги,—какъ они и называются въ иностранныхъ подлинникахъ дѣлъ Аптекарскаго приказа. Лекаря всегда строго отграничивались отъ докторовъ. Такъ, когда въ 1623 году нѣсколько врачей были командированы для освидѣтельствованія внутренней болѣзни бывшей царской невѣсты, дѣвицы Маріи Хлоповой, то лекарь Балсырь, находившійся въ этой коммиссіи, объявилъ,—„что онъ мимо дохтура лечить не умѣетъ: тое болѣзнь знаютъ дохтура, а онъ, лекарь, того не знаетъ“.

3. Аптекаря, завѣдывающіе царскими аптеками. Въ подчиненіи имъ находился низшій фармацевтическій персоналъ, какъ-то: алхимисты, дистиляторы („водочные перепущики“), аптекарскіе ученики и травники, собиравшіе для потребностей царскихъ аптекъ различныя цѣлебныя травы.

4. Окулисты, т. е. глазные врачи и вмѣстѣ съ тѣмъ, по всей вѣроятности,—оптики.

5. Цирульники („барберы“), рудометы (кровопускатели), костоправы и подъ-лекари—составлявшіе низшій врачебный персоналъ.

6. Часовыхъ дѣлъ мастера, которые почему-то также

числились въ вѣдомствѣ Аптекарскаго приказа.—Затѣмъ въ Аптекарскомъ приказѣ вѣдался цѣлый рядъ другихъ лицъ, отправлявшихъ при немъ различныя обязанности, напримѣръ: переводчики, огородники, сторожа и т. п.

Всѣ упомянутыя лица вѣдались всецѣло Аптекарскимъ приказомъ; онъ принималъ ихъ на службу, назначалъ имъ жалованье, распредѣлялъ между ними обязанности, увольнялъ ихъ отъ службы; здѣсь же вѣдались всѣ эти лица судомъ и расправою, такъ что Аптекарскій приказъ принималъ по отношенію къ нимъ характеръ судебнаго установленія.

Аптекарскій приказъ имѣлъ свой собственный бюджетъ доходовъ и расходовъ. Доходы получались изъ средствъ, отчислявшихся для его содержанія отъ другихъ приказовъ, главнымъ образомъ, изъ Приказа Большого Дворца и Приказа Большой Казны, а во второй половинѣ XVII столѣтія, когда была учреждена въ Москвѣ Новая аптека, для продажи изъ нея лекарствъ частнымъ лицамъ, у Аптекарскаго приказа образовался свой собственный и довольно значительный источникъ доходовъ.

Кромѣ врачебнаго и административнаго персонала, въ ближайшемъ подчиненіи Аптекарскому приказу находились двѣ московскія аптеки—Старая и Новая.

Первая изъ нихъ была учреждена въ концѣ XVI-го вѣка, и основаніе ея находится въ связи съ прибытіемъ въ Москву аптекаря Джемса Фрэншама, вмѣстѣ съ докторомъ Робертомъ Якобомъ и другими спеціалистами врачебнаго дѣла. Вторая аптека—Новая—основана была не ранѣе второй половины XVII-го вѣка.

Старая царская аптека была учрежденіемъ съ весьма ограниченнымъ кругомъ дѣйствія: она была основана для потребностей царскаго двора. Только въ началѣ второй половины XVII-го столѣтія стала допускаться продажа изъ этой аптеки лекарствъ частнымъ лицамъ; до этого же времени полученіе ихъ частными лицами было обставлено большими формальностями: для этого требовалось челобитье на имя государя, на каковое могли отваживаться, конечно, лишь служилые люди высшихъ чиновъ. Отпускались изъ царской аптеки лекарственныя вещества и для знатныхъ иностран-

цевъ, пріѣзжавшихъ въ Москву. Такъ, до нашихъ дней сохранилось цѣлое дѣло Аптекарскаго приказа объ отпускѣ снадобій для двора находившагося въ 1644 году въ Москвѣ королевича Вольдемара; эти снадобья отпускались по латинскимъ и нѣмецкимъ рецептамъ, доставлявшимся въ Аптекарскій приказъ за подписью придворнаго маршала высокаго гостя.

Особенно сложною процедурою былъ обставленъ отпускъ изъ аптеки лекарствъ для царя или членовъ семьи. „Отборныя“ врачебныя средства, которыя могли быть „пристойными про великаго государя“—хранились въ аптекѣ въ особой комнатѣ („особенно въ казенкѣ“), находившейся за печатью дьяка Аптекарскаго приказа; безъ этого дьяка никто не имѣлъ сюда доступа, не исключая царскаго доктора и аптекарей; докторамъ же, на которыхъ мало надѣялись, не было сюда доступа вовсе. Самыя врачебныя средства стояли здѣсь въ запечатанныхъ стклянкахъ и ящикахъ. Рецептъ, прописанный докторомъ для царя, поступалъ въ Аптекарскій приказъ при „сказкѣ“, т. е. донесеніи, въ которомъ описывались вошедшія въ лекарство вещества и ихъ дѣйствіе на организмъ. Сказка эта докладывалась царю начальникомъ Аптекарскаго приказа и, если слѣдовала царская резолюція, „то лекарство составя приготовить“,—въ такомъ случаѣ рецептъ поступалъ въ аптеку, гдѣ лекарство составлялось наиболѣе довѣренными докторами и аптекарями въ особо предназначенной для того комнатѣ, куда никому, кромѣ этихъ лицъ и дьяка Аптекарскаго приказа, не было доступа. Самый рецептъ записывался, въ русскомъ переводѣ, въ книги Аптекарскаго приказа; здѣсь же отмѣчались имена составителей лекарства и имя лица, принявшаго его для передачи во дворъ. На случай царскихъ выѣздовъ въ „походы“ или путешествія, въ вѣдомствѣ Аптекарскаго приказа имѣлась еще особая царская походная аптека. Эта аптека состояла изъ ковчежца („шкатула“), раздѣленнаго на 4 ящика, двухъ коробокъ съ настоями („водками“), травами и аптекарскою посудою и „заморскаго ящика съ вѣсками и скрупонами“.

Около 70-хъ годовъ XVII-го столѣтія въ Москвѣ основана была, какъ сказано выше, вторая аптека, называвшаяся, въ противоположность первой,—Новою. Если Старая аптека

была предназначена почти исключительно для потребностей царскаго двора, то эта Новая аптека была предназначена для вольной продажи врачебныхъ средствъ всѣмъ желающимъ, а потому и была учреждена на коммерческихъ основаніяхъ Въ видахъ такого назначенія своего, она была помѣщена въ одномъ изъ самыхъ бойкихъ мѣстъ столицы—на Новомъ гостинномъ дворѣ, тогда какъ Старая аптека помѣщалась въ Кремлѣ. Тѣмъ не менѣе, она была подчинена Старой аптекѣ, составляя какъ бы отдѣленіе ея, и вмѣстѣ съ нею состояла въ вѣдѣніи Аптекарскаго приказа.

До насъ дошло извѣстіе о штатѣ Новой аптеки въ 1677-мъ году. Въ этомъ году состояло въ ней „у пріема и у продажи лекарствъ“ три аптекаря, одинъ алхимистъ, одинъ русскій аптекарскаго дѣла мастеръ.

Аптекари вели подробныя инвентарныя книги ввѣренной имъ аптеки, постоянно отмѣчая въ ней наличность лекарственныхъ веществъ, съ оцѣнкою ихъ. Кромѣ того, при аптекѣ имѣлась еще особая „цѣновная книга“, т. е. такса, по которой должны были продаваться отсюда лекарства „всякаго чину людямъ безъ задержанья“.

Весьма интересна сохранившаяся до нашихъ дней инструкція, данная аптекарямъ Новой аптеки. Они обязаны заботиться о томъ, чтобы аптека была всегда снабжена надлежащимъ ассортиментомъ снадобій, пріобрѣтая ихъ въ выгодное для покупки время года, заботясь о казенномъ интересѣ и прибыли—„помня страхъ Божій и великаго государя крестное цѣлованье“. Дежурные аптекари обязаны лично, „стоя у вѣсовъ“, отпускать лекарства, сдавая дневную выручку цѣловальникамъ, которые записываютъ ее въ „книги сборовъ“, а деньги прячутъ въ особый ящикъ. Эти цѣловальники, по письменнымъ требованіямъ аптекарей, дѣлаютъ изъ находящихся у нихъ на рукахъ сборныхъ денегъ всякаго рода выдачи на потребности аптеки—„на покупки и расходы, и на запасныя лекарства, и на строевые“, а затѣмъ оставшіяся суммы, вмѣстѣ съ мѣсячнымъ отчетомъ, сдаются въ Аптекарскій приказъ.

Годовой доходъ Новой аптеки былъ довольно значителенъ, по условіямъ того времени: онъ простирался до 4000—4500 руб. въ годъ.

Что касается внутренняго благоустройства московскихъ аптекъ, то оно вызывало самые лестные отзывы современниковъ, отличаясь не только полнотою и изобиліемъ своего инвентаря, но даже извѣстною роскошью. Одинъ изъ иностранныхъ авторовъ замѣчаетъ, что онъ „можетъ сказать по истинѣ, что никогда не видывалъ столь превосходной аптеки". Вся аптечная посуда была изъ шлифованнаго хрусталя, съ позолоченными крышками; нѣкоторыя аптечныя принадлежности сдѣланы были изъ чистаго серебра.

Такова была организація московскихъ царскихъ аптекъ XVII столѣтія.

Всѣ лекарственныя вещества, необходимыя для московскихъ царскихъ аптекъ, пріобрѣтались отчасти за границею, а отчасти добывались и въ предѣлахъ русскаго государства, для чего въ вѣдѣніи Аптекарскаго приказа устраивались особые "аптечные огороды" съ цѣлью акклиматизаціи и разведенія лекарственныхъ злаковъ.

Какъ было указано, уже во второй половинѣ XVI-го и въ началѣ XVII-го вѣковъ появляются у насъ научно-образованные врачи. Дѣятельныя мѣры къ привлеченію на свою службу такихъ врачей принимаютъ и первые государи изъ династіи Романовыхъ. Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича было принято на службу 8 докторовъ, 5 лекарей и 4 аптекаря; въ царствованіе Алексѣя Михаиловича—11 докторовъ, 3 лекаря, 6 аптекарей и 1 глазной врачъ; въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича—4 доктора, 9 лекарей и 4 аптекаря; при Петрѣ Алексѣевичѣ (1682—1699 гг.)—11 докторовъ, 87 лекарей [1], 1 глазной врачъ и 9 аптекарей.

Не ограничиваясь приглашеніемъ на свою службу иностранныхъ врачей, Московское правительство принимало также мѣры къ насажденію медицинскихъ знаній въ самой Россіи. Правда, мѣры эти были весьма элементарны, но все-таки кое-что дѣлалось у насъ въ этомъ направленіи и въ XVII вѣкѣ.

---

[1] Это значительное число лекарей объясняется стремленіемъ Петра I положить начало болѣе или менѣе правильно организованному военно-полевому врачебному дѣлу. Съ этою цѣлью было выписано изъ-за границы: въ 1695 г.—25, а въ 1697 г.—50 лекарей.

Уже довольно рано иноземнымъ лекарямъ и аптекарямъ велѣно было брать къ себѣ русскихъ учениковъ для обученія ихъ врачебному дѣлу. Котошихинъ свидѣтельствуетъ, что въ началѣ второй половины XVII вѣка въ вѣдомствѣ Аптекарскаго приказа числилось до 20 человѣкъ русскихъ людей, взятыхъ сюда для обученія. Въ наказѣ „дишпилатору“ Петру Фабриціусу (1681 г.), этому послѣднему вмѣняется въ обязанность обучать „со всякимъ тщаніемъ и ничего отъ нихъ не тая“ русскихъ учениковъ, которые будутъ назначаться къ нему по царскому указу, и радѣть, чтобы эти ученики „наукѣ аптекарской, чему онъ самъ умѣетъ, изучились“.

Въ спискахъ лекарствъ, изготовленныхъ въ 1673 году для вольной продажи изъ царскихъ аптекъ, встрѣчаются препараты, изготовленные русскими людьми. Въ 1678 году въ личномъ составѣ московскаго врачебнаго персонала упоминаются 2 русскихъ аптекарскихъ мастера, 5 русскихъ лекарей и 8 русскихъ лекарскихъ учениковъ. Въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича число русскихъ лекарей возрастаетъ до 58, а въ концѣ XVII вѣка русскіе лекари, подлекари, лекарскіе и аптекарскіе ученики, костоправы, рудометы и цирульники—уже постоянно фигурируютъ въ спискахъ врачебнаго персонала, подвѣдомственнаго Аптекарскому приказу.

Принимались правительствомъ мѣры и къ посылкѣ заграницу, для обученія врачебному дѣлу, какъ сыновей проживавшихъ въ Москвѣ иноземцевъ, такъ и русскихъ молодыхъ людей. Въ 1661 году отправленъ былъ за границу сынъ иноземца русской службы, Томаса Келлермана; прослушавъ курсъ медицинскихъ наукъ въ Лейпцигѣ, Парижѣ и Падуѣ, молодой Келлерманъ возвратился въ Россію съ лестнымъ аттестатомъ и занялъ здѣсь должность доктора Аптекарскаго приказа. Такимъ же образомъ въ 1693 году посланъ былъ за границу для изученія медицины московскій уроженецъ, сынъ мѣстнаго лютеранскаго пастора, Іоганнъ Грегоріусъ.

Посылались въ чужіе края, для изученія медицины, и русскіе молодые люди. Изъ этихъ послѣднихъ особенно выдается Петръ Посниковъ, сынъ дьяка Посольскаго при-

каза, Василія Посникова. Окончивъ курсъ въ славившемся въ ту пору Падуанскомъ университетѣ и получивъ отъ послѣдняго блестящій дипломъ (этотъ дипломъ сохранился до нашихъ дней) на степень доктора медицины и философіи, молодой Посниковъ вернулся въ Россію и съ 1701 года началъ здѣсь свою медицинскую карьеру.

Посниковъ былъ первымъ русскимъ, европейски образованнымъ врачемъ.

Особое вниманіе на медицинскую часть въ Россіи обращаетъ Петръ I. Многихъ молодыхъ людей онъ отправляетъ за границу, въ Италію, для изученія медицины, учреждаетъ военные госпитали и при нихъ хирургическія училища, повелѣваетъ разводить аптекарскіе сады и кладетъ основаніе началу вольныхъ аптекъ въ Россіи, приглашаетъ въ казенную службу иноземныхъ врачей и вызываетъ изъ-за границы повивальныхъ бабокъ; аптекарскій приказъ дѣлается учрежденіемъ коллегіальнымъ, подъ названіемъ Медицинской Канцеляріи, подъ главнымъ начальствомъ Архіатера; при этой канцеляріи впослѣдствіи былъ учрежденъ совѣтъ изъ медиковъ. Петръ хотѣлъ изъ этого учрежденія создать центральную медицинскую коллегію, которая должна была проводить новыя медико-полицейскія мѣры на цѣлую Россію, но онъ встрѣтилъ непреодолимое къ тому препятствіе— недостатокъ врачей.

Хотя въ 1739 году и учреждены были въ Петербургѣ и Москвѣ Физикаты и изданъ около того же времени генеральный регламентъ о госпиталяхъ, но недостатокъ надлежащаго количества врачей дѣлалъ всѣ мѣры до XIX ст. почти неосуществимыми. Императрица Екатерина II, назначивъ по Учрежденію о губерніяхъ во всѣ города, губернскіе и уѣздные, врачей, учредила центральное установленіе— медицинскую коллегію, съ особымъ главноуправляющимъ; плодомъ дѣятельности ея было много весьма полезныхъ медико-полицейскихъ распоряженій, но выполненіе ихъ надолго должно было оставаться формальнымъ, за неимѣніемъ надлежащаго персонала.

Увеличившееся количество врачей въ Россіи, въ результатѣ дѣятельности московской Медицинской академіи, сдѣлавшейся факультетомъ Московскаго университета, также

университета въ Вильнѣ, присоединенной къ Россіи при императрицѣ Екатеринѣ II, и Медицинской академіи въ Петербургѣ, созданной въ концѣ XVIII в.,— дало возможность, при учрежденіи министерствъ, поставить центральное управленіе дѣлами медицинской полиціи на болѣе широкихъ основаніяхъ. Это управленіе ввѣрено министерству внутреннихъ дѣлъ, въ средѣ котораго учреждены медицинскій департаментъ и медицинскій совѣтъ. На основаніи позднѣйшихъ реформъ 1836 и 1842 годовъ, медицинскій департаментъ, директоръ котораго есть генералъ-штабъ-докторъ гражданской части, сосредоточиваетъ въ себѣ центральное управленіе гражданскою медицинскою частью, дѣлами судебной медицины и медицинской полиціи.

Современная организація санитарно-медицинской полиціи въ Россіи. Высшее управленіе санитарно-врачебною частью въ Имперіи сосредоточивается въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Оно вѣдается въ хозяйственномъ отношеніи—отдѣломъ народнаго здравія и общественнаго призрѣнія (Главнаго управленія по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, учрежденнаго закономъ 22 марта 1904 г. вмѣсто прежняго хозяйственнаго департамента). Дѣла же по управленію въ технически-научномъ отношеніи врачебною и санитарною частями въ Имперіи вѣдаетъ Главный врачебный инспекторъ; на немъ лежитъ также завѣдываніе мѣрами по охранѣ Имперіи отъ распространенія заразныхъ заболѣваній и управленіе личнымъ составомъ гражданской медицинской части. Въ составѣ того же министерства находится Медицинскій совѣтъ, высшее въ Имперіи врачебно-ученое установленіе для разсмотрѣнія вопросовъ охраненія народнаго здравія, врачеванія и судебно-медицинской экспертизы.

Мѣстными органами являются: 1) врачебныя отдѣленія губернскихъ правленій; 2) земскія учрежденія и 3) городскія управленія въ городахъ, гдѣ введено Городовое положеніе.

I. *Врачебныя отдѣленія* По Уст. Врач. „главное попеченіе объ охраненіи здравія народнаго, благовременномъ устраненіи всего того, что угрожаетъ ему, и принятіи единообразныхъ мѣръ къ усѣченію болѣзней эпидемическихъ и эпизоотическихъ ввѣряется въ губерніяхъ—губернскому

правленію, а въ уѣздахъ — особо учрежденнымъ съ сею цѣлью уѣзднымъ комитетомъ общественнаго здравія". Врачебное отдѣленіе состоитъ изъ губернскаго врачебнаго инспектора, помощника его и фармацевта. Врачебному инспектору принадлежитъ общій по губерніи надзоръ по врачебной части.

Уѣздный комитетъ общественнаго здравія составляется изъ мѣстныхъ начальниковъ по каждому управленію, а именно: изъ уѣзднаго предводителя дворянства, уѣзднаго исправника, полиціймейстера, уѣзднаго или городового врача, городского головы и старшаго въ городѣ духовнаго лица (кромѣ поименованныхъ здѣсь лицъ, могутъ быть приглашаемы къ участію въ засѣданіяхъ комитета и другія лица, могущія быть полезными общему дѣлу своими познаніями и вліяніемъ, какъ-то: мѣстные владѣльцы, духовные разныхъ исповѣданій, врачи, арендаторы, управляющіе имѣніями и проч.). Комитетъ состоитъ подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, а гдѣ его нѣтъ — старшаго изъ начальниковъ уѣздной или городской полиціи. Въ качествѣ „губернскаго комитета общественнаго здравія" (какъ особое учрежденіе нынѣ не существующаго), дѣйствуютъ губернскія правленія. Они и уѣздные комитеты общественнаго здравія „собираются и имѣютъ засѣданія, по приглашенію предсѣдательствующихъ, въ случаѣ дѣйствительной надобности въ совѣщаніяхъ, для принятія общихъ и единообразныхъ мѣръ, согласно съ назначеніемъ комитетовъ общественнаго здравія". При появленіи эпидемическихъ или эпизоотическихъ болѣзней комитетъ, получивъ свѣдѣніе о томъ черезъ кого-либо изъ своихъ членовъ и не дожидаясь донесенія полиціи, немедленно распоряжается приведеніемъ въ точную извѣстность свойства болѣзни и затѣмъ къ недопущенію ея до дальнѣйшаго распространенія и къ ея прекращенію".

II. *Земскія учрежденія.* Дѣйствующее законодательство о правахъ и обязанностяхъ земскихъ учрежденій по санитарно-врачебному дѣлу представляется въ слѣдующемъ видѣ. Въ числѣ предметовъ вѣдомства земскихъ учрежденій законъ (ст. 2 Полож. о губ. и уѣзд. земск. учр. 1890 г.) указываетъ:—„завѣдываніе земскими лечебными... заведеніями,

попеченіе... о неизлечимыхъ больныхъ и умалишенныхъ, а также... увѣчныхъ (п. 7); „участіе въ мѣропріятіяхъ по охраненію народнаго здравія и предупрежденію и пресѣченію падежей скота, развитію средствъ врачебной помощи населенію и изысканіе способовъ по обезпеченію мѣстности въ санитарномъ отношеніи“ (п. 8).

Дѣятельность земскихъ учрежденій въ санитарно-врачебномъ дѣлѣ выражается, главнымъ образомъ, въ устройствѣ больницъ, амбулаторій и другихъ лечебныхъ заведеній и аптекъ, въ пріисканіи и содержаніи врачебнаго персонала и въ изданіи обязательныхъ постановленій для мѣстныхъ жителей какъ цѣлой губерніи, такъ и отдѣльныхъ ея мѣстностей (не состоящихъ въ вѣдѣніи городского общественнаго управленія). Губернскому земскому собранію предоставляется составлять такого рода „обязательныя постановленія“ въ области-санитарно-медицинскаго дѣла по слѣдующимъ предметамъ (ст. 108): о порядкѣ содержанія въ чистотѣ площадей, улицъ, дорогъ, сточныхъ трубъ, прудовъ, колодцевъ, канавъ, естественныхъ протоковъ, мостовъ и очисткѣ дворовъ; объ устройствѣ и порядкѣ содержанія, въ санитарномъ отношеніи, боенъ, фабричныхъ, заводскихъ и другихъ промышленныхъ заведеній; о мѣрахъ къ соблюденій чистоты въ помѣщеніяхъ для продажи съѣстныхъ припасовъ и къ обезпеченію безвредности оныхъ; о мѣрахъ предосторожности противъ порчи воды; о внутреннемъ распорядкѣ на ярмаркахъ, рынкахъ и базарахъ; объ уборкѣ или уничтоженіи палыхъ животныхъ; о мѣрахъ предупрежденія и прекращенія заразительныхъ, повальныхъ и мѣстныхъ болѣзней. Къ составленію обязательныхъ постановленій губ. земское собраніе приступаетъ: 1) по предложенію губернатора, 2) по собственному усмотрѣнію и 3) по представленіямъ подлежащихъ уѣздныхъ земскихъ и соединенныхъ собраній (это—соединенныя засѣданія уѣздныхъ земскихъ собраній и городскихъ думъ). Проекты постановленій по санитарно-врачебнымъ предметамъ разсматриваются при участіи губернскаго врачебнаго инспектора или его помощника (ст. 110 Пол.).

III. *Городскія общественныя управленія.* Функціи ихъ въ области санитарно-врачебной представляются аналогичными

и даже почти тождественными съ функціями земскихъ учрежденій. По городовому положенію 11 іюня 1892 г. (ст. 2 п. VI) къ предметамъ вѣдомства ихъ принадлежатъ: „участіе въ мѣропріятіяхъ по охраненію народнаго здравія и предупрежденію и пресѣченію падежей скота, развитію средствъ врачебной помощи городскому населенію и изысканіе способовъ къ улучшенію мѣстныхъ условій въ санитарномъ отношеніи"; также (п. V) „устройство... лечебныхъ заведеній и завѣдываніе ими на одинаковыхъ съ земскими учрежденіями основаніяхъ". По разъясненію Правительствующаго Сената, устройство лечебныхъ (а также благотворительныхъ) заведеній составляетъ право, а не обязанность города; такое толкованіе, имѣющее за собою нѣкоторое основаніе въ буквѣ закона (въ виду отсутствія обязательныхъ расходовъ на такія заведенія), едва ли оправдывается духомъ закона и на практикѣ отражается неблагопріятно, тормозя развитіе указанныхъ учрежденій.

Дѣятельность городскихъ общественныхъ управленій въ области санитарно-врачебной состоитъ, какъ и земскихъ, главнымъ образомъ, въ устройствѣ и содержаніи больницъ и др. лечебныхъ заведеній, въ содержаніи врачебнаго и санитарнаго персонала и въ изданіи обязательныхъ постановленій по врачебно-санитарной части. Они составляются по слѣдующимъ предметамъ (ст. 108 Гор. Пол.): о порядкѣ содержанія въ исправности улицъ, площадей, мостовъ, набережныхъ, общественныхъ садовъ, бульваровъ и пр., а также сточныхъ трубъ, каналовъ, прудовъ, колодцевъ, канавъ и естественныхъ протоковъ; „о санитарныхъ мѣрахъ, которыя должны быть соблюдаемы въ помѣщеніяхъ для продажи съѣстныхъ припасовъ и напитковъ для обезпеченія безвредности оныхъ; объ устройствѣ и порядкѣ содержанія, въ санитарномъ отношеніи, фабричныхъ и ремесленныхъ заведеній, бань и боенъ, о чисткѣ дворовъ, устройствѣ и чисткѣ помойныхъ ямъ и отхожихъ мѣстъ; о мѣрахъ противъ порчи воды, о уборкѣ или уничтоженіи палыхъ животныхъ, о предупрежденіи и прекращеніи заразительныхъ и повальныхъ болѣзней, а равно скотскихъ падежей"; о внутреннемъ распорядкѣ на ярмаркахъ, рынкахъ и базарахъ. Къ составленію обязательныхъ постановленій городскія думы

приступаютъ по собственному усмотрѣнію или по заявленію начальника мѣстной полиціи. По указаннымъ предметамъ проекты постановленій (подобно тому, какъ и въ земствахъ) разсматриваются при участіи представителя мѣстнаго врачебнаго управленія или одного изъ мѣстныхъ врачей, по назначенію губернатора (ст. 109 Гор. Пол.).

Въ ходѣ развитія санитарно-медицинской полиціи въ Россіи дѣятельность органовъ земскаго самоуправленія имѣетъ чрезвычайно важное значеніе. За земствомъ навсегда останется заслуга созданія впервые въ Россіи медицинской помощи многомилліонному сельскому населенію, которому до возникновенія земскихъ учрежденій приходилось довольствоваться услугами знахарей и знахарокъ. Важнѣйшими проявленіями заботъ земства въ области народнаго здравія служатъ—обезпеченіе медицинскаго персонала (врачи, фельдшера и фельдшерицы, акушерки) и созданіе лечебныхъ заведеній (больницъ, клиникъ, лечебницъ и пр.) Отъ приказовъ общественнаго призрѣнія земства 34 губерній получили около 350 больницъ съ $11^1/_2$ тысячами кроватей, изъ которыхъ около 1.200 кроватей были назначены для душевнобольныхъ. По даннымъ же послѣдняго времени въ названныхъ губерніяхъ насчитываютъ до 1.300 больницъ съ 30.000 кроватей для больныхъ и съ 10.000 мѣстъ для душевнобольныхъ. О томъ, какъ значительны результаты дѣятельности земскихъ учрежденій въ сферѣ народной медицины, можно судить по сравнительнымъ даннымъ объ обезпеченіи врачебною помощью губерній съ земскими учрежденіями и губерній, въ которыхъ нѣтъ земства. Тогда какъ въ земскихъ губерніяхъ 1 врачъ приходится на 25.100 жителей, въ не-земскихъ губерніяхъ 1 врачъ приходится на 77.000 жит., въ первыхъ 1 больничная кровать приходится на 2.000 чел.; во вторыхъ—на 77.000 чел.; расходы по врачебно-санитарной части въ первыхъ составляютъ 34,6 коп въ годъ на каждаго жителя, во вторыхъ—всего 8,4 коп., т. е. въ четыре раза меньше, чѣмъ въ губерніяхъ земскихъ.

Что касается городовъ, то болѣе значительные успѣхи въ постановкѣ санитарно-медицинскаго дѣла достигнуты въ нѣсколькихъ большихъ городахъ, какъ С.-Петербургъ, Москва, Кіевъ, Одесса, Харьковъ. Въ значительномъ боль-

шинствѣ городскихъ центровъ сколько-нибудь удовлетворительной организаціи санитарно-медицинской части не существуетъ.

Характерныя данныя для опредѣленія степени санитарнаго благоустройства нашихъ городовъ имѣются въ изданіи, подъ заглавіемъ „Города Россіи въ 1904 году", выпущенномъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ на основаніи обслѣдованія 1.084 населенныхъ пунктовъ. Изъ нихъ оказывается, что замощеніе улицъ и площадей въ громадномъ большинствѣ городовъ еще не получило должнаго развитія. Такъ, изъ 1.084 населенныхъ пунктовъ—въ 320 мощеныхъ улицъ нѣтъ совсѣмъ, при чемъ къ числу ихъ относятся 7 губернскихъ и областныхъ городовъ Сибири и Средней Азіи и 117 уѣздныхъ городовъ. Изъ губернскихъ городовъ всѣ улицы замощены только въ Ригѣ и Рязани.— Снабженіе жителей питьевою водою обезпечивается далеко не удовлетворительно. Въ огромномъ большинствѣ городовъ жители пользуются водою прямо изъ рѣкъ и озеръ, а тамъ, гдѣ послѣднихъ нѣтъ, исключительно изъ колодцевъ Водопроводы устроены только въ 192 городахъ и не-городскихъ поселеніяхъ, считая въ томъ числѣ и тѣ города Закавказья, въ которыхъ водопроводовъ въ общепринятомъ значеніи этого слова нѣтъ, а имѣются лишь открытыя канавы. Изъ губернскихъ и областныхъ городовъ не имѣютъ водопроводовъ 23. Весьма неудовлетворительно поставлено въ городахъ и дѣло очистки нечистотъ. Въ большинствѣ городскихъ поселеній все еще примѣняется примитивный способъ—вывозка нечистотъ, при чемъ вообще заботы объ удаленіи нечистотъ предоставляется самимъ жителямъ и лишь въ очень небольшомъ сравнительно числѣ городовъ существуютъ городскіе или частные ассенизаціонные обозы. Что касается канализаціи, то пока она имѣется только въ 38 городахъ, въ томъ числѣ изъ губернскихъ лишь въ 12-ти.

Врачебная помощь также еще не получила достаточнаго развитія и обезпеченія. Изъ общаго числа 1.084 обслѣдованныхъ населенныхъ пунктовъ общихъ больницъ, т. е. предназначенныхъ для всѣхъ жителей, нѣтъ въ 230 (въ томъ числѣ въ 44 уѣздныхъ городахъ); врачей не имѣется въ 78 поселеніяхъ (въ томъ числѣ въ 2 уѣздныхъ городахъ);

аптекъ не имѣется въ 45 поселеніяхъ (въ томъ числѣ въ 12 уѣздныхъ городахъ).

При такихъ условіяхъ неудивительно, что смертность въ Россіи представляется гораздо болѣе значительною, чѣмъ въ другихъ государствахъ. Особенно рѣзко выступаетъ неудовлетворительность санитарныхъ условій въ Россіи изъ данныхъ о смертности вслѣдствіе заразныхъ болѣзней, которыя въ анти-санитарныхъ условіяхъ получаютъ благопріятную почву для развитія. По даннымъ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія въ Россіи умирало отъ оспы, скарлатины, дифтерита и крупа, кори, коклюша, и брюшного тифа на 100.000 жителей—555 чел. въ годъ; соотвѣтственныя цифры въ Англіи—145 чел., въ Швеціи—143 чел., въ Голандіи—125 чел.

Несмотря на очевидную необходимость созданія надлежащей системы мѣръ санитарно-врачебной полиціи, до сихъ поръ въ этомъ отношеніи не сдѣлано ничего существеннаго. Въ 1885 году вопросъ этотъ былъ предметомъ обсужденія въ Обществѣ русскихъ врачей въ С.-Петербургѣ. Выслушавъ докладъ д-ра Экка „по вопросу объ улучшеніи санитарныхъ условій и уменьшеніи смертности въ Россіи“, Общество пришло къ заключенію, что „смертность отъ большинства болѣзней есть смерть насильственная и зависитъ отъ непринятія соотвѣтственныхъ предупредительныхъ мѣръ, указанныхъ наукою, польза которыхъ доказана опытомъ многочисленныхъ городовъ и цѣлыхъ странъ“. Въ 1886 году для изысканія мѣръ къ оздоровленію Россіи была учреждена, при медицинскомъ департаментѣ, спеціальная коммисія подъ предсѣдательствомъ С. П. Боткина. Вызванныя созданіемъ этой коммисіи ожиданія не оправдались, и вскорѣ она прекратила свое существованіе, не выработавъ какихъ-либо опредѣленныхъ предположеній о необходимыхъ мѣрахъ.

Съ тѣхъ поръ вопросъ объ организаціи санитарнаго дѣла не ставился на очередь, хотя потребность въ этомъ не переставала сознаваться особенно подъ впечатлѣніемъ нѣсколькихъ эпидемій, какъ напр. холерная эпидемія 1892 г. и угрожавшія неоднократно въ 90-хъ годахъ чумныя эпидеміи. Впослѣдствіи какъ будто проявилась рѣшимость правительства серьезно заняться упорядоченіемъ санитарнаго дѣла. Въ іюлѣ 1902 года министромъ внутреннихъ

дѣлъ было предложено губернаторамъ войти въ обсужденіе вопроса объ организаціи врачебнаго и санитарнаго дѣла. Какъ видно изъ циркуляра по этому поводу, мотивомъ къ возбужденію этого вопроса послужило сознаніе того, что „существующая въ Имперіи постановка врачебнаго и санитарнаго дѣла, основанная на правилахъ устава врачебнаго и медицинской полиціи, представляется крайней ненормальной, такъ какъ означенныя правила, относящіяся въ большинствѣ случаевъ къ 30-мъ годамъ истекшаго столѣтія, устарѣли и совершенно не соотвѣтствуютъ требованіямъ современной жизни". Однако, за протекшее съ тѣхъ поръ время упорядоченіе санитарнаго дѣла не подвинулось впередъ, и одна изъ первостепенныхъ потребностей внутренняго благоустройства все еще ждетъ удовлетворенія.

VI. ПОЛИЦІЯ НРАВОВЪ [1].

Общественная нравственность и государство.—Характеръ и предѣлы воздѣйствія государства.—Органы полиціи нравовъ и ея главные объекты.

Пьянство и борьба съ нимъ. — Пьянство, какъ общественное бѣдствіе.—Вліяніе пьянства.—Борьба съ пьянствомъ.—Общества трезвости въ Америкѣ и въ Англіи. — Готебургская система. — Возникновеніе ея, существенныя черты ея и значеніе. — Международныя общества трезвости. — Ограниченіе торговли спиртными напитками. — Запретительная система въ нѣкоторыхъ штатахъ Сѣверной Америки.—Надзоръ за очисткою спиртныхъ напитковъ. — Леченіе пьянства. — Мѣры противъ пьянства въ Россіи.—Пьянство въ древней Руси.—Пьянство и фискальные интересы.—Откупа. — Акцизная система. — Мѣры ограниченія пьянства. — Законъ 1885 года.—Казенная продажа вина.—Задачи и основанія реформы.—Попечительства о народной трезвости и ихъ задачи. — Недостатки организаціи попечительствъ.—Дѣятельность ихъ.

Мѣры по отношенію къ проституціи. — Историческія данныя о развитіи проституціи.—Мѣры Людовика IX Св. и Маріи Терезіи.—Терпимость со стороны государства.—Мѣры по отношенію къ проституціи.—Санитарная опасность ея. — Регламентація ея въ Россіи. Врачебно-полицейскій надзоръ въ С.-Петербургѣ. — Съѣздъ сифилидологовъ въ 1897 г. и его заключенія. — Аболиціонизмъ, его развитіе и сущность.—Торговля женщинами въ цѣляхъ разврата и мѣры противъ нея. — Лондонскій конгрессъ 1899 г.—Парижская конференція 1902 г. и ея постановленія.

Въ ученіи о полиціи нравовъ естественно прежде всего остановиться на вопросѣ, въ какомъ отношеніи

---

[1] E. Loening. Sittlichkeitspolizei (III т. Schonberg's Handb. d. polit. Oekon).—A. Baer. Der Alkoholismus, seine Verbreitung und Wirkung auf den individuellen und socialen Organismus. Berl. 1878. — Marius. Der Kampf gegen den Alkoholmissbrauch. Halle 1884. — J. Rowntree and A. Scherwell. The Temperance Problem and social Reform Lon. 1899.—M. Helenius Die Alkoholfrage. Eine soziologisch — statistiche Untersuchung. Jena 1903. — Г. Керръ. Пьянство, его причины, леченіе и юридическое значеніе, перев. съ англ. 1889.—Брандтъ, Борьба съ пьянствомъ за границею и въ Россіи. 1897.

явленія нравственнаго порядка могутъ быть предметомъ заботъ государственнаго управленія. Нравственность можно опредѣлить, какъ совокупность обязательныхъ велѣній, присущихъ совѣсти индивидуума и управляющихъ волею и дѣятельностью его. Наличность и сила этихъ нравственныхъ велѣній покоятся исключительно на свободѣ индивидуума. Нравственныя велѣнія, будучи по существу своему явленіями внутренней, духовной жизни, не могутъ быть ни подчинены внѣшнему принужденію, ни стѣснены имъ [1]. Между тѣмъ, государственное управленіе или полиція (въ широкомъ смыслѣ этого слова) располагаетъ лишь средствами внѣшняго принужденія, которыя не могутъ, конечно, явиться орудіемъ непосредственнаго воздѣйствія на нравственность человѣка. Область нравственныхъ принциповъ есть сокровеннѣйшая область человѣческаго существованія, не допускающая и не терпящая прямого вмѣшательства въ нее государственной власти.

Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы государство должно было относиться къ явленіямъ нравственной области съ полнымъ безучастіемъ. Государство, какъ организованное общежитіе, стремящееся къ осуществленію разностороннихъ задачъ культурнаго развитія, не можетъ и не должно относиться равнодушно къ общественной нравственности, уровень которой служитъ показателемъ большей или меньшей культурности даннаго общества. Государство не въ силахъ оказывать прямое воздѣйствіе на индивидуальную нравственность, почему оно и не можетъ брать на себя задачу

И. Янжулъ, Пьянство, какъ соціальный недугъ („Вѣстн. Евр." 1888 г., № 7 и книга „Въ поискахъ лучшаго будущаго", 1893). — Коровинъ. Общественная борьба съ пьянствомъ, М. 1895. — Коровинъ. Убѣжища для алкоголиковъ, ихъ постановка и дѣятельность въ Англіи, Швейцаріи и Германіи. М. 1901. — Н. Загоскинъ. Пьянство и борьба съ нимъ въ древней Руси („Русск. Богат.", Апрѣль 1893 г.).

В. М. Тарновскій. Проституція и аболиціонизмъ. Спб. 1888. — Врачебно-полицейскій надзоръ за городской проституціей. Изданіе главнаго управленія по дѣламъ мѣстнаго хозяйства. Спб. 1910. — Parent-Duchatelet. De la prostitution dans la Ville de Paris. Par. 1857. — L. Flaux. La police des moeurs en France et dans les principaux pays de l'Europe. Par. 1888. — E. Dolléans La police des moeurs. Par. 1903.

[2] E. Loening. Sittlichkeitspolizei.

нравственнаго воспитанія своихъ гражданъ при помощи принудительныхъ мѣръ. Но оно вполнѣ можетъ оказывать косвенное воздѣйствіе на нравственность, вліяя, съ одной стороны, на ея факторы, съ другой—на внѣшнія проявленія нравственныхъ принциповъ. Нѣтъ сомнѣнія, что однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ нравственнаго развитія индивидуума являются условія его воспитанія и образованія; слѣдовательно, содѣйствуя широкому развитію хорошихъ воспитательныхъ и образовательныхъ учрежденій, государство этимъ самымъ можетъ содѣйствовать нравственному воспитанію народа. Съ другой стороны, внутренніе нравственные принципы выражаются во внѣшнихъ поступкахъ, дѣйствіяхъ, и вотъ эти-то внѣшнія проявленія нравственности или безнравственности вполнѣ доступны воздѣйствію государства.

Задачи государства опредѣляютъ какъ характеръ, такъ и предѣлы этого воздѣйствія. Государство можетъ и должно бороться съ безнравственными дѣйствіями и, по возможности предупреждать ихъ, если эти дѣйствія нарушаютъ блага отдѣльнаго лица или общества — блага, защищаемыя закономъ, или же, если эти дѣйствія представляются настолько опасными, что могутъ произвести нарушеніе этихъ благъ. Различіе по существу между этими двумя категоріями безнравственныхъ дѣйствій обусловливаетъ и различныя мѣры борьбы съ ними государства. Дѣйствія, проистекающія изъ безнравственныхъ взглядовъ и побужденій и нарушающія защищаемыя закономъ блага, влекутъ за собою извѣстныя юридическія послѣдствія, которыя подлежатъ оцѣнкѣ со стороны различныхъ отдѣловъ положительнаго права и, въ особенности, со стороны уголовнаго права. Это, прежде всего, различныя преступленія и проступки. Къ области же полицейскаго права относится изученіе другой категоріи дѣяній безнравственныхъ — именно тѣхъ, которыя, хотя и не нарушаютъ сами по себѣ охраняемыхъ закономъ благъ, но имѣютъ свойство, при своемъ распространеніи, вызывать опасность такого нарушенія. Полиція нравовъ ведетъ борьбу не съ самими безнравственными взглядами и принципами, какъ таковыми, а поскольку они выражаются во внѣшнихъ дѣйствіяхъ, оказывающихъ вредъ интересамъ отдѣльныхъ

лицъ или цѣлаго общества. Органами полиціи нравовъ являются какъ государство въ лицѣ правительственныхъ учрежденій, такъ и само общество въ тѣхъ различныхъ формахъ, какія можетъ принимать общественная самодѣятельность; объектами же полиціи нравовъ являются главнымъ образомъ пьянство и половое распутство или проституція.

Пьянство и борьба съ нимъ.

Употребленіе спиртныхъ напитковъ, встрѣчающееся у всѣхъ народовъ и во всѣ времена, нельзя конечно признать само по себѣ фактомъ безнравственнымъ. Но такое явленіе становится безнравственнымъ тогда, когда оно переходитъ въ злоупотребленіе, которое притомъ влечетъ за собою вредныя послѣдствія. Однако и въ этомъ случаѣ вмѣшательство полиціи нравовъ становится необходимымъ лишь тогда, когда пьянство выступаетъ не въ видѣ отдѣльныхъ случаевъ (государство не можетъ, да и не должно брать на себя опеку надъ своими совершеннолѣтними гражданами, предающимися пьянству подъ собственною своею нравственною отвѣтственностью), но въ видѣ болѣе или менѣе общаго печальнаго явленія во всемъ народѣ или въ отдѣльныхъ классахъ его; это потому, что въ такомъ случаѣ пьянство, не ограничиваясь вредными послѣдствіями для того, кто предается этому пороку, охватываетъ, распространяясь постепенно, большое число лицъ и пагубно отражается на интересахъ семейства, общества и государства.

Вопросъ о вредѣ пьянства изученъ въ послѣднее время съ большою обстоятельностью и съ разныхъ точекъ зрѣній—со стороны вліянія его на здоровье населенія, и на развитіе преступности, и на экономическое благосостояніе. Вотъ вкратцѣ важнѣйшія проявленія этого вреда.

Пьянство весьма пагубно для здоровья. Эта сторона привлекаетъ все большее и большее вниманіе новѣйшихъ изслѣдователей пьянства. Мало-по-малу на самое пьянство начинаютъ смотрѣть, какъ на своего рода болѣзнь. „Привычка пить,—говоритъ д-ръ Керръ [1],—создаетъ въ орга-

[1] Пьянство, его причины, леченіе и юридическое значеніе. Хар. 1889.

низмѣ болѣзненныя условія, которыя мы называемъ пьянствомъ; его можно назвать также неудержимымъ и превышающимъ человѣческія силы побужденіемъ предаваться отравленію (алкоголемъ), несмотря на страшныя его послѣдствія". Пьянство есть болѣзнь, принадлежащая къ группѣ болѣзней нервной системы. „Горькій опытъ,—продолжаетъ Керръ,—показалъ мнѣ, что есть много пьяницъ, для которыхъ выше ихъ силъ быть умѣренными въ употребленіи алкоголя. Обвинять въ безнравственности, порокѣ и грѣховности пьяницу за его физическую неспособность остановиться на одномъ стаканчикѣ такъ же несправедливо, какъ было бы несправедливо обвинять въ безнравственности, порокѣ и грѣхѣ идіота за его идіотизмъ или прирожденнаго эпилептика за его эпилепсію. Есть не мало лицъ, настолько насыщенныхъ наслѣдственными наклонностями, что скорѣе рѣкѣ можно обратить свое теченіе назадъ, нежели остановить ходъ припадковъ алкоголизма, когда уже явилось неудержимое возбужденіе, вслѣдствіе выпитаго, хотя бы малѣйшаго количества отравляющаго вещества". Керръ даетъ слѣдующее опредѣленіе самой болѣзни пьянства: „пьянство есть конституціональная болѣзнь, характеризующаяся крайне выраженнымъ болѣзненнымъ импульсомъ къ употребленію алкоголя и неудержимой жаждой къ нему". Этотъ взглядъ на пьянство, какъ на болѣзнь, успѣлъ уже оказать нѣкоторое вліяніе на направленіе самыхъ мѣръ борьбы съ нимъ.

Особенно сильно дѣйствуетъ оно на психическую сторону человѣка. Наукою вполнѣ доказана непосредственная причинная связь между пьянствомъ и психическимъ разстройствомъ. Извѣстный психіатръ проф. Мержеевскій на первомъ съѣздѣ русскихъ психіатровъ (въ Москвѣ въ 1887 г.) категорически заявилъ, что между ненормальными условіями, благопріятствующими развитію душевныхъ и нервныхъ болѣзней, у насъ злоупотребленіе спиртными напитками занимаетъ первое мѣсто. „Состояніе,—говоритъ онъ,—извѣстное подъ названіемъ хроническаго алкоголизма, представляетъ ту почву, на которой широко произрастаютъ прискорбныя общественныя явленія, находящіяся въ тѣсной связи между собою, а именно—съ одной стороны, пауперизмъ

и преступленіе, съ другой—помѣшательство. Послѣднее обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что алкоголикъ носитъ на себѣ признаки физическаго и психическаго вырожденія въ столь сильной степени, что, подъ вліяніемъ самыхъ незначительныхъ причинъ, у него нарушается регуляторная дѣятельность психическихъ центровъ и возникаютъ психозы, то болѣе острые, то болѣе длительные, и кромѣ того, вырожденіе передается потомству". По словамъ проф. Мержеевскаго, число душевно-больныхъ вслѣдствіе порока пьянства доходитъ у насъ въ больницахъ до 42%. Въ другихъ странахъ этотъ процентъ не такъ великъ, но все же значителенъ: во Франціи число сумасшествій отъ пьянства составляетъ отъ 27% до 38%, въ Америкѣ—до 20% въ Швейцаріи—отъ 15% до 16% въ Англіи—14%. Въ среднемъ же, по вычисленіямъ статистика Мюльгалля, число сумасшествій отъ пьянства въ разныхъ странахъ колеблется между 12% и 28% общаго числа сумасшествій.

Насколько раціональныя мѣры борьбы съ пьянствомъ могутъ способствовать уменьшенію числа случаевъ душевныхъ болѣзней отъ алкоголизма, видно изъ слѣдующихъ данныхъ о Норвегіи. Въ 1865 г. въ этой странѣ алкоголики составляли 14% общаго числа сумасшедшихъ; послѣ двадцатилѣтней практики раціональной системы мѣръ противъ пьянства (такъ наз. „готебургской системы", о которой см. ниже), процентъ этотъ понизился до 4.

Въ тѣсной связи съ указаннымъ характеромъ пьянства стоитъ то наблюденіе, что пьянство является однимъ изъ значительныхъ факторовъ смертности. По свѣдѣніямъ за 1879—1884 г.г. среднее годичное число умершихъ отъ опоя въ Россіи составляло 5.603 случая, или около 2 смертей на 1.000 общей годичной смертности. Въ общемъ количествѣ такъ наз. „случайныхъ смертей" пьянство занимаетъ у насъ первенствующее мѣсто. Особенно замѣтно это въ центральной и восточной полосахъ Россіи: въ центральной на долю пьянства приходится отъ 20% до 34%. а въ восточной—даже до 40% общаго числа случайныхъ смертей.

Помимо случаевъ смерти отъ пьянства, злоупотребленіе спиртными напитками пагубно отражается на продолжительности жизни. Любопытное признаніе этого факта нахо-

димъ въ практикѣ англійскихъ страховыхъ обществъ (страхованія жизнью), которыя, дѣйствуя на коммерческихъ основаніяхъ, нашли даже возможнымъ понизить страховыя преміи лицамъ, принадлежащимъ къ обществамъ воздержанія, т. е. не пьющимъ хмельныхъ напитковъ. Данныя, собранныя этими обществами, вполнѣ подтверждаютъ вѣрность разсчета, что смертность между пьющими несравненно сильнѣе, нежели между непьющими. Въ Англіи и Америкѣ возникли даже спеціальныя общества для страхованія жизни лицъ непьющихъ по весьма льготному тарифу: а въ обществахъ, принимающихъ страхованіе всѣхъ безъ различія, для членовъ непьющихъ дѣлается скидка въ тарифѣ. Въ одномъ изъ такихъ обществъ за 15 лѣтъ (съ 1864 по 1879 г.) въ отдѣленіи общаго страхованія по теоріи вѣроятности ожидалось 3.450 смертей, и въ дѣйствительности ихъ оказалось почти столько—3.444 смерти. Между тѣмъ, въ отдѣленіи членовъ воздержанія отъ крѣпкихъ напитковъ ожидалось смертей 2.002, въ дѣйствительности же случилось только 1.433. Еще болѣе наглядно указанное явленіе представляется изъ слѣдующихъ статистическихъ вычисленій: ожидаемая продолжительность жизни лица, пьющаго въ возрастѣ 20 лѣтъ, составляетъ не болѣе 15,6 лѣтъ, между тѣмъ какъ для непьющаго она составляетъ 44,2 года; въ 30-лѣтнемъ возрастѣ для пьющаго—13,8, а для непьющаго—36,5.

Пьянство дѣйствуетъ пагубно не только на здоровье самихъ пьяницъ, но и на организмъ происходящаго отъ нихъ потомства. Оно весьма сильно способствуетъ вырожденію потомства. Дѣти пьяницъ родятся хилыми и съ задатками грядущихъ болѣзней. Это явленіе еще недостаточно изучено для того, чтобы можно было установить его съ помощью точныхъ цифровыхъ данныхъ. Но оно уже подмѣчено, и можно съ увѣренностью сказать, что пьянство оказываетъ огромный вредъ на будущее подростающихъ поколѣній. Такъ, извѣстный французскій психіатръ, д-ръ Маньянъ, указываетъ слѣдующія любопытныя наблюденія. „Изъ 1000 дѣтей, происходящихъ отъ алкоголиковъ, 200 умираютъ въ первомъ же году своей жизни, около 100 исчезаютъ въ первые годы дѣтства, а среди $^2/_3$ остальныхъ есть множество идіотовъ, эпилептиковъ и значительное число выро-

дившихся, лишенныхъ всякихъ нравственныхъ понятій, съ развращенными инстинктами и чувствами, субъектовъ ненормальныхъ, находящихся въ постоянной враждѣ съ обществомъ, которое ими тяготится и которому они угрожаютъ постоянными опасностями".

Несомнѣнна также связь между пьянствомъ и самоубійствомъ. Частью опьяненіе, какъ ненормальное психическое состояніе, непосредственно приводитъ къ самоубійству; частью же самоубійство является послѣдствіемъ обѣдненія, обусловленнаго пьянствомъ. По даннымъ, приводимымъ проф. Александромъ фонъ Эттингеномъ (Moral Statistik), 12,6% всѣхъ самоубійствъ—изъ значительнаго числа разсмотрѣнныхъ имъ для четырехъ странъ случаевъ—являются послѣдствіемъ пьянства. Въ Парижѣ $^1/_8$ часть всѣхъ самоубійцъ кончаютъ жизнь подъ вліяніемъ пьянства.

Не подлежитъ, далѣе, сомнѣнію тѣсная связь между пьянствомъ и преступностью. Съ особенною увѣренностью убѣжденіе это высказывается лицами, которыя имѣли возможность близко наблюдать жизнь преступниковъ. Въ Англіи судьи и начальники тюремъ и полицейскихъ учрежденій высказали, что отъ $^3/_4$ до $^4/_5$ всѣхъ преступленій совершены въ нетрезвомъ видѣ. Въ 1877 году въ парламентской комиссіи начальники тюремъ и духовенство показали, что изъ числа заключенныхъ въ тюрьмѣ—отъ 60% до 90% были жертвою пьянства. Въ Пруссіи, по словамъ д-ра Бэра, отъ 50% до 60% всѣхъ преступленій совершаются подъ вліяніемъ алкоголя; въ нѣкоторыхъ же отдѣльныхъ категоріяхъ преступленій этотъ процентъ еще значительнѣе; такъ, изъ всѣхъ случаевъ нанесенія тяжкихъ увѣчій, въ полномъ опьяненіи совершено было 70,4/%; изъ преступленій противъ нравственности—77% приходится на долю пьянства.

Нужно ли говорить, наконецъ, о томъ вредѣ, какой оказываетъ пьянство въ имущественныхъ интересахъ, какъ часто оно служитъ главнымъ факторомъ нищеты? „Мы пьянствуемъ,—отвѣчали мазуры одному изслѣдователю,—потому что мы бѣдны; но мы бѣдны потому, что пьянствуемъ". Помимо расходовъ на свою пагубную страсть, привычный пьяница прежде всего плохой работникъ, какъ бы ловокъ онъ ни былъ отъ природы; онъ, конечно, ничего не

сбережетъ про черный день И отъ этой его страсти терпятъ и онъ самъ, и его семья. Ни заработокъ семьи, ни помощь, оказываемая общественнымъ призрѣніемъ, неспособны помочь ему, ибо большая часть изъ этого уходитъ въ кабакъ. По разсчету одного англичанина, изъ каждыхъ 100 фун. стерл. раздаваемыхъ въ Англіи пособій 30 фунт. въ тотъ же день уходятъ въ кабаки. Другой примѣръ: въ 1874 г. санитарный совѣтъ въ Массачузетсѣ разослалъ циркуляръ къ лицамъ, завѣдующимъ домами для бѣдныхъ, съ просьбою дать отвѣтъ на два вопроса: 1) сколько бѣдняковъ, содержащихся въ этихъ домахъ или получавшихъ пособія, попало въ это положеніе вслѣдствіе пьянства; 2) сколько дѣтей принято въ богадѣльни вслѣдствіе пьянства ихъ родителей. Отъ 51 города получено въ отвѣтъ, что 35% всѣхъ мужчинъ попали въ эти дома вслѣдствіе пьянства; отъ 35 городовъ—40% и отъ 57—41%. По второму вопросу оказалось, что въ 27 городахъ всѣ дѣти въ богадѣльняхъ содержатся вслѣдствіе пьянства родителей [1].

Изъ приведенныхъ данныхъ и соображеній съ достаточною ясностью выступаетъ вредъ, порождаемый пьянствомъ, какъ соціальнымъ зломъ. Въ сознаніи этого вреда и лежитъ главный стимулъ борьбы съ этимъ зломъ, задачи которой падаютъ на государство и общество. Сознаніе необходимости этой борьбы встрѣчается уже давно; но въ теченіе долгаго времени попытки ея являлись случайными, разрозненными и не имѣли замѣтныхъ результатовъ. Болѣе серьезное значеніе и большую послѣдовательность мѣры борьбы съ пьянствомъ получили лишь въ теченіе XIX столѣтія. Оно вообще характеризуется болѣе внимательнымъ отношеніемъ къ нуждамъ низшихъ слоевъ населенія, а именно они являются жертвами пьянства въ наибольшей степени. Слѣдуетъ замѣтить также и то, что главнымъ иниціаторомъ въ этой борьбѣ въ большинствѣ странъ оказалось не государство, а общество.

Ранѣе другихъ за борьбу съ пьянствомъ принялась та страна, гдѣ ранѣе водворился демократическій строй: Соединенные Штаты Сѣверной Америки. Честь первой по-

[1] И. И. Янжулъ. Пьянство какъ соціальный недугъ (Вѣст. Евр. 1888 г., № 7).

пытки противопоставить оплотъ развивающемуся пьянству принадлежитъ американскому врачу Решъ, который въ 1804 г. опубликовалъ свои изысканія о вліяніи крѣпкихъ напитковъ на тѣло и умъ человѣка. Подъ вліяніемъ его, нѣсколько лѣтъ спустя, образовалось первое американское общество трезвости (въ Бостонѣ). Общество это пропагандировало не совершенное воздержаніе отъ крѣпкихъ напитковъ, но только умѣренное ихъ употребленіе. Общество это не имѣло успѣха, и въ средѣ его дѣятелей возникло убѣжденіе, что для массы народа, особенно для необразованныхъ классовъ дѣйствительнымъ средствомъ избѣжать злоупотребленія спиртными напитками можетъ служить только абсолютное воздержаніе отъ нихъ. Въ результатѣ этого убѣжденія, въ 1827 г. въ Бостонѣ было учреждено новое общество трезвости (Temperance Society), члены котораго обязывались подъ присягою совершенно не употреблять крѣпкихъ напитковъ, за исключеніемъ лекарствъ, и кромѣ того не предлагать ихъ никому и употреблять все свое вліяніе для уничтоженія причинъ и послѣдствій пьянства. Успѣхъ на этотъ разъ былъ чрезвычайный: быстро стали возникать новыя такія же ассоціаціи, и въ 1835 г. насчитывали до 8.000 обществъ трезвости съ $1^1/_2$ милліонами членовъ. Благодаря этому, 4.000 винокуренныхъ заводовъ прекратили работу и болѣе 80.000 торговцевъ закрыли свои заведенія, гдѣ продавались спиртные напитки.

Въ дальнѣйшемъ развитіи борьбы съ алкоголизмомъ въ Америкѣ, подъ вліяніемъ событій междоусобной войны 1861—1865 гг., произошла задержка. Въ арміи злоупотребленіе крѣпкими напитками приняло широкіе размѣры, такъ что этому обстоятельству приписывали весьма важные военные промахи, а въ народѣ вообще, въ эти годы возбужденнаго состоянія страны и ненормальнаго теченія государственной и общественной жизни, обнаружилось увеличеніе пьянства и ослабленіе энергіи въ дѣлѣ борьбы съ нимъ. Съ возстановленіемъ спокойствія въ странѣ, снова оживилось движеніе съ цѣлью пропаганды идей трезвости. Этому въ значительной степени содѣйствовалъ такъ называемый „женскій крестовый походъ“ (Women's Crusade) противъ пьянства—агитація, предпринятая американскими жен-

щинами въ 1874 году. Агитація эта велась съ большою энергіею во многихъ штатахъ, выражаясь въ экзальтированной проповѣди о вредѣ пьянства и въ горячемъ призывѣ къ воздержанію. Въ результатѣ этого движенія явилось образованіе многихъ новыхъ обществъ трезвости и оживленіе дѣятельности старыхъ. Особенное значеніе получилъ обширный національный союзъ трезвости „National Temperance Society", образовавшійся еще въ 1865 году въ цѣляхъ объединенія усилій отдѣльныхъ обществъ трезвости (къ этому союзу примкнуло болѣе 300 обществъ). Союзъ этотъ поставилъ себѣ задачей противодѣйствовать не только потребленію крѣпкихъ напитковъ, но и производству ихъ и торговлѣ ими, посредствомъ проведенія законодательнымъ путемъ разныхъ ограничительныхъ и запретительныхъ мѣръ. Во главѣ союза находится комитетъ изъ 36 лицъ, принадлежащихъ къ разнымъ политическимъ партіямъ и вѣроисповѣданіямъ; подъ руководствомъ этого комитета на мѣстахъ дѣйствуютъ агенты союза, имѣющіеся почти въ каждой общинѣ. На дѣло пропаганды идей трезвости союзъ истратилъ въ 1865—1891 гг. болѣе 1 милліона долларовъ. Въ нѣкоторыхъ штатахъ, подъ вліяніемъ пропаганды этого союза и другихъ большихъ обществъ трезвости приняты законодательныя мѣры относительно воспрещенія производства и торговли спиртными напитками.

Изъ Америки движеніе въ пользу организаціи обществъ трезвости проникло въ Европу и развилось прежде всего въ Англіи, гдѣ первое такое общество возникло въ 1829 г. въ Глазго. И въ Англіи была на первыхъ же порахъ допущена ошибка, сдѣланная въ Америкѣ и тормозившая успѣшную дѣятельность обществъ трезвости: они возставали не противъ употребленія спиртныхъ напитковъ вообще, а только противъ злоупотребленія ими; кромѣ того, усилія ихъ были направлены, главнымъ образомъ, противъ потребленія водки, а между тѣмъ, подъ вліяніемъ закона 1830 г. о производствѣ и продажѣ пива, пьянство въ пивныхъ приняло не менѣе обширные размѣры, чѣмъ пьянство въ кабакахъ [1]. Сознаніе неуспѣшности стараній обществъ въ

[1] Брандтъ. Борьба съ пьянствомъ за границей и въ Россіи К. 1898, стр. 46.

борьбѣ съ злоупотребленіемъ вызвало стремленіе положить въ основу ихъ дѣятельности начало полнаго воздержанія, так. наз. Teetotalism. Въ дѣлѣ пропаганды этого начала чрезвычайную энергію проявилъ ирландскій католическій патеръ Мэтью, прозванный „апостоломъ воздержанія". Своею энергическою и воодушевленною проповѣдью (съ 1838 г.) въ Ирландіи, Англіи и Америкѣ онъ, по расчетамъ современниковъ, обратилъ къ трезвости болѣе 5 милліоновъ людей. Въ Ирландіи, подъ его вліяніемъ, движеніе противъ пьянства приняло національный характеръ, и его пропаганда дала ирландскому союзу воздержанія (Irish total abstinence Association) около 1.800.000 членовъ. Потребленіе водки, составлявшее въ Ирландіи въ 1838 г. $12^1/_4$ милл. галлоновъ, упало въ 1841 году до $6^1/_2$ милл. галлоновъ.

Въ дальнѣйшемъ развитіи обществъ трезвости въ Англіи выработались типическія черты ихъ организаціи, ихъ задачи и пріемы дѣятельности. Важнѣйшими изъ нихъ являются: устная и печатная пропаганда идей трезвости, для чего широко организуются публичныя чтенія, проповѣди и пр. и издаются и энергично распространяются газеты, журналы, брошюры и воззванія; устройство музеевъ, читаленъ, клубовъ; организація различныхъ разумныхъ развлеченій для народа; устройство лечебницъ для привычныхъ пьяницъ; воздѣйствіе на законодательство въ смыслѣ упорядоченія торговли виномъ, улучшенія его качества и пр.

Изъ многочисленныхъ англійскихъ обществъ трезвости особенно значительными по размѣрамъ своей дѣятельности являются: 1) старѣйшее изъ нихъ—„Британская лига воздержанія" (British Temperance League),—основанное въ 1835 г., распространяющее свою дѣятельность на сѣверную и центральную части Англіи; 2) основанная въ 1856 г. „Національная лига воздержанія" (National Temperance League), поставившая главною своею цѣлью борьбу съ пьянствомъ въ арміи и флотѣ; 3) „Католическая крестовая лига полнаго воздержанія" (Catholic Total League of the Cross), основанная въ 1872 г. съ цѣлью „соединить католиковъ какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, для священной борьбы съ неумѣренностью, въ видахъ поднятія уровня религіозной, соціальной и семейной жизни католическаго населенія, особенно рабо-

чаго". Во главѣ этого общества, насчитывавшаго уже въ 1880 г. до 200.000 членовъ, стоялъ знаменитый кардиналъ Маннингъ; 4) „Протестантскіи союзъ воздержанія" (Church of England Protestant Temperance Alliance), поставившіи себѣ такія же задачи въ отношеніи къ протестантамъ. Кромѣ этихъ главныхъ ассоціацій, по всей странѣ разсѣяны общества трезвости, раздѣляющія между собою трудъ пропаганды идей трезвости въ разныхъ слояхъ населенія. Существуютъ, напр., спеціальный союзъ воздержанія среди желѣзнодорожныхъ служащихъ; союзъ воздержанія среди учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ, множество женскихъ ассоціацій и т. д. Особую группу образуютъ общества, поставившія своею задачею—воздѣйствіе на законодательство съ цѣлью добиться уничтоженія или возможнаго ограниченія продажи спиртныхъ напитковъ. Въ числѣ ихъ большимъ политическимъ значеніемъ пользуется „Союзъ для упраздненія торговли напитками" (United Kingdom Alliance for suppression of the Liquor Traffic). Въ послѣдніе годы общее число абстинентовъ въ Англіи доходило до 7 милліоновъ.

Не имѣя возможности прослѣдить исторію и значеніе обществъ трезвости во всѣхъ странахъ, замѣтимъ лишь, что значеніе это всюду было велико и особенно въ томъ смыслѣ, что оно развило въ обществѣ большой интересъ и участіе къ дѣлу борьбы съ пьянствомъ, которая подъ вліяніемъ этого вступила на путь серьезнаго и плодотворнаго развитія.

Хорошую иллюстрацію этого положенія даютъ Швеція и Норвегія. Въ нихъ общества трезвости не только подготовили надлежащую почву для борбы съ порокомъ, оказавъ огромное воспитательное вліяніе на народъ, но и выработали совершенно новыя формы борьбы съ пьянствомъ,—столь знаменитую нынѣ Готебургскую систему.

Въ 1835 г., по примѣру американскихъ обществъ трезвости, въ Швеціи впервые было положено основаніе общества воздержанія. Общество это имѣло успѣхъ и вызвало къ существованію рядъ другихъ ему подобныхъ. Потребность въ борьбѣ съ пьянствомъ была велика: размѣрами своего пьянства Швеція славилась по всей Европѣ, и еще

въ XVIII в. недаромъ среди нѣмцевъ вошла въ поговорку фраза—"пьянъ, какъ шведъ„. Благодаря полной свободѣ винокуренія и питейной торговли (установленной при Густавѣ III, въ 1788 г.), имѣвшей цѣлью поощреніе сельскохозяйственнаго винокуренія, вся Швеція покрылась винокуренными заводами; въ 1824 г. ихъ насчитывали на небольшомъ пространствѣ этой страны до 170.000. Пьянство было страшно развито. Понятно, поэтому, какое значеніе должны были получить тамъ общества пропаганды трезвости. Мало-по-малу въ результатѣ явилась коренная реформа самаго законодательства; въ 1855 г. изданъ новый законъ въ смыслѣ развитія трезвости—уничтожены мелкія винокурни; установленъ строгій контроль за винокуреніемъ; торговля напитками сильно ограничена. Въ интересахъ развитія воздержанія, новый законъ постановилъ также, что въ питейныхъ заведеніяхъ должны всегда продаваться кушанья и разные съѣстные припасы; извѣстно, что на сытый желудокъ спиртуозы дѣйствуютъ слабѣе, и ихъ выпиваютъ вообще меньше; запрещено было также отпускать вино подъ залогъ вещей. Кромѣ того, законъ 1855 г. опредѣлилъ, что, если въ городахъ составятся компаніи, готовыя взять въ свое исключительное вѣдѣніе всѣ мѣста питейной торговли или даже нѣкоторыя, то городское управленіе, удостовѣрившись въ благонадежности такой компаніи, можетъ отдать ей это право въ аренду.

Вотъ это-то положеніе закона 1855 г. и дало толчекъ развитію „Готебургской системы". Весьма скоро обнаружилось на практикѣ, что старанія закона обратить кабаки въ съѣстныя лавочки и столовыя для народа остались на бумагѣ. Въ дѣйствительности все шло по старому; для обхода же закона въ каждомъ кабакѣ держалось какое-нибудь блюдо съ картофелемъ, никогда не потребляемое, а стремленія кабатчиковъ увеличить свои барыши не могли удержать ихъ отъ риска отпускать водку въ долгъ или подъ залогъ вещей. И вотъ, въ 60-хъ годахъ въ Готебургѣ пасторъ Визельгренъ, горячій филантропъ и приверженецъ идей трезвости, рѣшился воспользоваться указаніями закона и началъ хлопотать передъ городскимъ управленіемъ объ ограниченіяхъ питейной торговли и объ отдачѣ ея имѣю-

щему образоваться для того обществу. Первоначально эта попытка не удалась: интересы 136 кабатчиковъ оказались слишкомъ сильными, и городское управленіе отвѣтило, что оно не считаетъ возможнымъ вмѣшиваться въ это дѣло. Когда же въ 1863 г. вопросъ былъ снова поставленъ на очередь, то городское управленіе (обновленное въ своемъ составѣ, благодаря новому закону о производствѣ городскихъ выборовъ) отнеслось къ нему съ большимъ вниманіемъ и рѣшило назначить особую комиссію для изслѣдованія причинъ обѣдненія рабочихъ классовъ населенія. Въ результатѣ изысканій этой комиссіи установлено было, что пьянство является одною изъ главныхъ причинъ бѣдственнаго положенія этихъ классовъ, какъ въ экономическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніяхъ. Комиссія остановилась также и на вопросѣ о томъ, какими средствами можно было бы предотвратить дальнѣйшее развитіе зла. По ея мнѣнію, наиболѣе цѣлесообразною мѣрою должно быть признано коренное измѣненіе системы продажи спиртныхъ напитковъ, а именно—передача ея всецѣло въ руки акціонерной компаніи, которая не преслѣдовала бы цѣлей извлеченія возможно большаго дохода отъ продажи питей, а имѣла въ виду исключительно благо населенія. По заключенію комиссіи, компанія должна ограничиваться полученіемъ небольшого процента (5%) на затрачиваемый ею капиталъ, а весь остальной доходъ долженъ поступать въ городскую казну и идти на дѣло улучшенія быта рабочаго класса. Въ самой организаціи питейной торговли должны быть приняты мѣры къ тому, чтобы лица, производящія ее, не были заинтересованы въ продажѣ питей; они должны получать опредѣленное содержаніе за свой трудъ, получая сверхъ того лишь доходъ отъ продажи ими всякаго рода кушаньевъ, съѣстныхъ припасовъ и неспиртныхъ напитковъ. Вотъ тѣ основанія, которыя были выработаны городскою комиссіею, одобрены городскимъ управленіемъ и которыя составили собою важнѣйшія отличительныя черты „Готебургской системы“. За осуществленіе ея принялась (съ 1 октября 1865 г.) „Готебургская акціонерная питейная компанія“, образовавшаяся изъ промышленныхъ фирмъ и частныхъ лицъ.

Сущность Готебургской системы заключается, такимъ образомъ, въ томъ, что на продажу спиртныхъ напитковъ устанавливается монополія, которая, принадлежа городу, фактически передается въ руки акціонерной компаніи, дѣйствующей на началахъ отчасти коммерческихъ, отчасти филантропическихъ [1]. Начало коммерческое выражается въ томъ, что компанія получаетъ обычный процентъ на вкладываемый ею въ дѣло капиталъ, благодаря чему не можетъ быть недостатка въ лицахъ, которыхъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Начало филантропическое выражается въ томъ, что акціонеры отказываются отъ всякаго барыша, превышающаго 5%, предназначая весь излишекъ на общественныя надобности. При такихъ условіяхъ оказывается устраненнымъ, въ дѣлѣ питейной торговли, всякій личный интересъ, служащій непреоборимымъ тормозомъ къ достиженію моральныхъ цѣлей системы свободной продажи крѣпкихъ напитковъ. Сосредоточеніе этой продажи въ рукахъ компаніи, дѣлая невозможною конкуренцію, позволяетъ ей принимать всѣ мѣры къ сокращенію числа мѣстъ продажи, а также и времени производства ея. Въ частности, важнымъ условіемъ для цѣлей уменьшенія пьянства является требованіе, чтобы въ питейныхъ заведеніяхъ продавались кушанья, главнымъ образомъ, горячія, такъ какъ они значительно ослабляютъ позывъ къ водкѣ и смягчаютъ вліяніе алкоголя на организмъ. Вліяніе этой стороны дѣла обезпечивается предоставленіемъ выручки отъ продажи кушаньевъ въ пользу агентовъ компаніи по производству самой продажи. Въ цѣляхъ пріученія населенія къ трезвости, готебургская система обращаетъ особенное вниманіе на развитіе такихъ учрежденій, какъ дешевыя столовыя и читальни, которыя обезпечиваютъ простолюдину возможность провести часы отдыха въ общеніи съ другими, не подвергаясь соблазнамъ вина. Но и самыя питейныя заведенія по готебургской системѣ носятъ скорѣе характеръ столовыхъ, чѣмъ кабаковъ въ обычномъ смыслѣ слова, при чемъ всегда обращается вниманіе на то, чтобы помѣщенія были просторныя, опрятныя, гигіеничныя.

Примѣненіе изложенной системы на практикѣ дало

[1] Брандъ. Борьба съ пьянствомъ. Стр. 75.

весьма удовлетворительные результаты. Въ Готебургѣ до введенія новой системы городское управленіе сдавало съ торговъ 72 мѣста продажи питей. Компанія же нашла возможнымъ на первыхъ же порахъ своей дѣятельности ограничиться 36 мѣстами, а въ послѣдующіе годы постепенно сократило ихъ число до 19—въ 1893 г., несмотря на то, что населеніе города увеличилось болѣе, чѣмъ вдвое (въ 1865 г. оно составляло 45.750, а въ 1893 г. — 106.300). Компанія устроила 4 столовыхъ (въ нихъ ежедневно отпускалось въ 1893 г. около 700 порцій) и 5 читаленъ, снабженныхъ книгами, журналами и газетами; въ 1893 г. число посѣщеній доходило до 217.000). По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ продажа спиртныхъ напитковъ въ помѣщеніяхъ компаніи не производится вовсе, за исключеніемъ рюмки передъ обѣдомъ. Въ будніе дни компанія также нашла возможнымъ сократить время производства торговли: тогда какъ законъ запрещаетъ продажу питей въ будни лишь послѣ 10 часовъ, питейные дома компаніи закрываются осенью и зимою въ 7 час. веч., а въ остальное время года—въ 8 час. веч. Съ другой стороны, компанія пошла дальше закона и въ дѣлѣ ограниченія продажи спиртныхъ напитковъ несовершеннолѣтнимъ: законъ запрещаетъ продажу недостигшимъ 15 лѣтъ, компанія распространила это запрещеніе на молодыхъ людей до 18-тилѣтняго возраста.

О сокращеніи пьянства въ Готебургѣ подъ вліяніемъ новой системы свидѣтельствуютъ слѣдующія цифры. Въ 1875 году потребленіе водки въ мѣстахъ распивочной продажи составляло на каждаго жителя $11_{,3}$ кварты въ годъ, а въ 1892 г. — $5_{,1}$ кв.; съ другой стороны, отпускъ вина изъ мѣстъ торговли на выносъ понизился съ $15_{,3}$ кварты на жителя въ 1875 г. до $8_{,1}$ квар. въ 1892 г. Общее же количество потребленія, разсчитанное на 1 жителя, сократилось за тотъ же періодъ времени съ 29 до $14_{,3}$ кварты.

Зародившись въ Готебургѣ, новая система продажи крѣпкихъ напитковъ быстро распространилась и въ другихъ мѣстностяхъ Швеціи, а также и въ Норвегіи (и въ Финляндіи). Въ Швеціи въ половинѣ 90-хъ годовъ существовало уже 88 компаній для продажи питей по готебургской системѣ; только въ 13 небольшихъ городахъ сохранилась

еще старая система продажи съ публичныхъ торговъ патентовъ на торговлю спиртными напитками. Общее потребленіе этихъ напитковъ въ Швеціи значительно сократилось за время дѣйствія новой системы: въ 1861—1865 г. на каждаго жителя приходилось въ среднемъ $11,_3$ квартъ, а въ 1886—1890 гг. — $7,_4$ кварты.

Въ Норвегіи замѣчается еще большее уменьшеніе потребленія спиртныхъ напитковъ, въ полномъ соотвѣтствіи съ постепеннымъ расширеніемъ примѣненія готебургской системы. Такъ, въ 1876 г., когда по этой системѣ продавали $8,_3\%$ всего количества вина, потребляемаго страною, среднее потребленіе каждаго жителя составляло 7 квартъ; въ 1893 г., когда по готебургской системѣ продавалась почти половина ($49,_1\%$) всего вина, потребленіе каждаго жителя составляло уже только $3,_3$ кварты.

Въ 1894 г. въ Норвегіи изданъ законъ, который составляетъ дальнѣйшій шагъ въ борьбѣ съ пьянствомъ и отъ примѣненія котораго ожидаются очень значительные результаты. Этимъ закономъ совершенно воспрещается продажа водки внѣ городовъ. Кромѣ того, предѣльный размѣръ розничной продажи повышается съ 40 литровъ (3,2 ведра) до 250 литровъ (20 ведеръ). Эта послѣдняя мѣра должна значительно повліять на сокращеніе потребленія, такъ какъ розничная торговля находится въ рукахъ компаніи, приказчики которой не заинтересованы въ продажѣ. Изъ дальнѣйшихъ постановленій закона 1894 г. заслуживаютъ вниманія слѣдующія. 1) Отдача права на содержаніе питейныхъ заведеній въ городахъ предоставляется не городскому совѣту, какъ прежде, а всему городскому населенію, старше 25-лѣтняго возраста, не исключая женщинъ, при чемъ рѣшеніе постановляется простымъ большинствомъ голосовъ и сохраняетъ силу въ теченіе пяти лѣтъ. При этомъ прежде городу предоставлялся выборъ между отдачей питейной торговли частному лицу или акціонерному обществу; по закону же 1894 г. городъ можетъ совершенно воспретить питейную торговлю, при разрѣшеніи же ея онъ обязанъ предоставить ее акціонерному обществу. 2) Прибыль, выручаемая акціонерными обществами, за удержаніемъ 5%, распредѣляется слѣдующимъ образомъ: 65% вносятся въ государственное казна-

чейство и образуютъ пенсіонный капиталъ для рабочихъ, 15% поступаютъ въ кассы тѣхъ общинъ какъ сельскихъ, такъ и городскихъ, въ которыхъ питейной торговли не производится, и только 20% поступаютъ въ пользу городовъ, изъ которыхъ эта прибыль поступила. 3) Поступающіе въ пользу городовъ и сельскихъ общинъ 15% и 20% прибылей должны быть употребляемы исключительно на борьбу съ пьянствомъ, напр., на пособіе обществамъ трезвости, на открытіе общеполезныхъ учрежденій и пр. [1].

Таковы главныя основанія готебургской системы, ея организація и нѣкоторые результаты. Было бы преувеличеніемъ считать эту систему панацеею въ борьбѣ съ пьянствомъ, видѣть въ ней средство къ окончательному искорененію его, тѣмъ болѣе, что въ примѣненіи ея изслѣдователями констатированы были нѣкоторые недочеты, особенно въ Швеціи, гдѣ, напр., параллельно съ несомнѣннымъ сокращеніемъ потребленія вина очень значительно возросло потребленіе пива. Но во всякомъ случаѣ нельзя не видѣть въ этой системѣ одного изъ наиболѣе удовлетворительныхъ пріемовъ въ борьбѣ съ пьянствомъ, выработанныхъ подъ вліяніемъ того движенія, которое велось въ разныхъ странахъ обществами трезвости.

Въ заключеніе обзора развитія обществъ трезвости нельзя не упомянуть о нѣсколькихъ *международныхъ* обществахъ, преслѣдующихъ задачи борьбы съ пьянствомъ и пропаганды идей трезвости.

Наиболѣе распространеннымъ изъ нихъ является „Орденъ Добрыхъ Храмовниковъ“, организованный на подобіе массонскихъ ложъ. Онъ былъ основанъ въ 1851 г. въ штатѣ Нью-Іоркъ, а въ слѣдующіе годы распространился въ другихъ мѣстностяхъ Америки и за ея предѣлами. Изъ европейскихъ странъ онъ проявляетъ особенно энергичную дѣятельность въ Англіи (гдѣ въ 1887 г. было 285.000 членовъ, раздѣленныхъ на 7746 ложъ), Швейцаріи, Германіи, Швеціи, Норвегіи и Даніи. Вступающіе въ члены ордена даютъ обѣтъ полнаго воздержанія отъ спиртныхъ напитковъ; кромѣ

[1] Труды комиссіи по вопросу объ алкоголизмѣ. Вып. I (Спб. 1898 г.), докладъ И. Р. Минцлова о монополіи торговли спиртными напитками, стр. 63.

того, они не должны заниматься винокуреніемъ, продавать ячмень пивоварамъ или отдавать свой домъ въ наемъ подъ питейныя или трактирныя заведенія. Требованіе одной умѣренности орденъ считаетъ опаснымъ, такъ какъ этимъ только поощряется злоупотребленіе напитками. Наибольшее вниманіе въ дѣятельности ордена обращается на поддержаніе постояннаго общенія между членами его, устройство собраній, которыя замѣняли бы собою трактиръ. Въ послѣдніе годы число членовъ ордена въ разныхъ странахъ превышало $1^1/_2$ милліона.

„Орденъ Голубой ленты“ (Blue Ribbon Army), съ болѣе простою организаціею, преслѣдуетъ менѣе широкія задачи. Члены его обязываются только не потреблять спиртныхъ напитковъ; что же касается производства и продажи напитковъ, то пока государство допускаетъ ихъ, они считаютъ это необходимымъ зломъ, противъ котораго нечего бороться, вслѣдствіе чего орденъ держится вдали отъ положительной агитаціи. Онъ распространенъ особенно въ Америкѣ и Англіи, а въ послѣднее время и въ Скандинавскихъ государствахъ.

„Орденъ Голубого Креста“ (La Croix Bleue) основанъ въ Женевѣ въ 1877 г.; кромѣ Швейцаріи, распространенъ во Франціи, Бельгіи и Германіи. Это общество предъявляетъ къ своимъ участникамъ умѣренныя требованія. Члены его раздѣляются на соревнователей, принимающихъ на себя обязанность воздержанія на короткое время,—„дѣйствительныхъ“, которые, исполнивъ обѣтъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, возобновляютъ его по крайней мѣрѣ на одинъ годъ,—и „друзей“, которые, не обязываясь лично къ воздержанію, желаютъ содѣйствовать цѣлямъ общества другими путями. Союзъ имѣетъ свой органъ „Kalender des Blauen Kreuzes“, издаваемый съ 1883 г. на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ; онъ издаетъ также нѣсколько ежемѣсячныхъ журналовъ, посвященныхъ борьбѣ съ пьянствомъ.

Въ Швейцаріи же въ 1887 г. возникло еще „Международное общество борьбы съ алкоголизмомъ (International Verein zur Bekämpfung des Alkoholismus). Толчекъ къ образованію этого общества данъ былъ собравшимся въ Цюрихѣ въ томъ же году „Международнымъ конгрессомъ противъ

злоупотребленія спиртными напитками". Главную роль въ созданіи общества игралъ извѣстный проф. Форель, дѣятельный поборникъ идеи борьбы съ алкоголизмомъ. Отъ членовъ общества требуется полное воздержаніе. Дѣятельность его направлена на борьбу съ пьянствомъ въ Швейцаріи, а съ другой стороны она имѣетъ международный характеръ. Общество заботится о веденіи международной статистики пьянства, организуетъ свои отдѣленія въ другихъ странахъ, издаетъ международный органъ трезвости, устраиваетъ международные конгрессы по вопросамъ борьбы съ алкоголизмомъ и т. д Общество съ 1891 г. издаетъ ежемѣсячный журналъ—„Internationale Monatsschrift zur Bekampfung der Trinksitten".

Наконецъ, въ 1906 году учрежденъ „Международный Союзъ для борьбы съ злоупотребленіями крѣпкими напитками", уставъ котораго былъ разработанъ на состоявшемся въ Берлинѣ собраніи представителей нѣсколькихъ государствъ. Какъ видно изъ этого устава, Международный Союзъ учрежденъ для объединенія на почвѣ совмѣстной дѣятельности организацій (союзовъ, обществъ, корпорацій) и отдѣльныхъ лицъ изъ различныхъ странъ для оказанія содѣйствія общественнымъ и частнымъ мѣрамъ борьбы съ злоупотребленіемъ крѣпкими напитками. Союзъ въ своей дѣятельности признаетъ относительную цѣнность какъ умѣренности, такъ и воздержанія. Союзъ имѣетъ въ виду осуществленіе своихъ задачъ слѣдующими путями: привлеченіемъ членовъ и образованіемъ мѣстныхъ комитетовъ; постояннымъ безплатнымъ обмѣномъ сообщеніями своихъ членовъ по вопросу объ алкоголизмѣ; взаимнымъ оповѣщеніемъ о касающихся этого вопроса законахъ, распоряженіяхъ и иныхъ мѣропріятіяхъ государствъ и органовъ самоуправленія; путемъ соотвѣтственныхъ обращеній къ законодательнымъ органамъ и административнымъ учрежденіямъ; раздачей соотвѣтственныхъ изданій; устройствомъ регулярныхъ съѣздовъ своихъ представителей въ различныхъ мѣстахъ; участіемъ въ международныхъ анти-алкогольныхъ конгрессахъ; созданіемъ нейтральнаго справочнаго бюро научнаго характера въ видѣ международнаго анти-алкогольнаго бюро. На обязанности этого бюро лежитъ изданіе журнала по во-

просамъ алкоголизма, выходящаго на нѣмецкомъ, англійскомъ и французскомъ языкахъ.

Въ разсмотрѣнныхъ предпріятіяхъ противъ пьянства выступаетъ частная инціатива, дѣятельность отдѣльныхъ лицъ и обществъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи имѣются въ виду преимущественно мѣры, принимаемыя государствомъ частью въ цѣляхъ сокращенія размѣровъ пьянства, частью съ цѣлью уменьшенія и ослабленія вредныхъ послѣдствій его.

Одною изъ наиболѣе обычныхъ мѣръ является ограниченіе права продажи спиртныхъ напитковъ и тщательный надзоръ за распивочными заведеніями и мелкою торговлею спиртными напитками.

Опытъ показываетъ, что соблазнъ къ пьянству усиливается тѣмъ болѣе, чѣмъ чаще, удобнѣе и дешевле представляется случай къ удовлетворенію потребности въ спиртныхъ напиткахъ. Тамъ, гдѣ торговля спиртными напитками признается свободною, число питейныхъ заведеній растетъ не сообразно естественной потребности въ нихъ, а сообразно силѣ сопротивленія, какую можетъ оказать населеніе соблазну пьянства. Чѣмъ слабѣе сила этого сопротивленія, тѣмъ скорѣе ростетъ число питейныхъ заведеній и тѣмъ больше, слѣдовательно, распространяется пьянство. Поэтому во всѣхъ государствахъ открытіе питейныхъ заведеній подлежитъ болѣе или менѣе значительнымъ ограниченіямъ. Открытіе ихъ можетъ имѣть мѣсто не иначе, какъ въ силу особаго разрѣшенія подлежащихъ административныхъ властей. При выдачѣ этого разрѣшенія во многихъ государствахъ принимаются во вниманіе нравственныя качества содержателей такихъ заведеній. Такъ, напр., въ Германіи промысловый уставъ 1869 года предусматриваетъ возможность отказа въ разрѣшеніи открыть питейное заведеніе, если противъ лица, желающаго заняться этимъ промысломъ, будутъ представлены факты, дающіе поводъ предполагать, что оно будетъ злоупотреблять этимъ промысломъ ради споспѣшествованія пьянству, запрещеннымъ играмъ, притонодержательству или безнравственности. Позднѣе Имперскій законъ 23 іюня 1879 г. создалъ мѣру также весьма существенную, съ цѣлью ограниченія питейныхъ заведеній, именно: онъ предоставилъ союзнымъ правительствамъ право

признавать выдачу разрѣшенія на открытіе питейныхъ заведеній зависимою отъ представленія доказательствъ въ ихъ потребности.

Въ связи съ этимъ обычнымъ средствомъ борьбы противъ распространенія пьянства является ограниченіе самой продажи спиртныхъ напитковъ опредѣленнымъ временемъ. Торговля ими дозволяется лишь до наступленія такъ называемаго „полицейскаго часа“. Эта мѣра обычная во всѣхъ государствахъ.

Иногда съ цѣлью борьбы съ пьянствомъ принимаются и еще гораздо болѣе рѣшительныя мѣры. Особенно энергичныя мѣры приняты были въ нѣкоторыхъ штатахъ Сѣверной Америки. Подъ вліяніемъ пропаганды обществъ трезвости, въ штатѣ Мэнъ въ 1851 г. изданъ былъ строгій запретительный законъ (Maine Liquor Law). Сущность его заключается въ томъ, что онъ всецѣло запрещаетъ производство и продажу спиртныхъ напитковъ (за исключеніемъ сидра и туземнаго вина); исключеніе допущено лишь для медицинскихъ или мануфактурныхъ цѣлей, такъ что спиртные напитки можно получать тамъ не иначе, какъ по рецепту врача или съ особаго разрѣшенія муниципальныхъ властей, которыми и производится продажа. Виновный въ нарушеніи закона подвергается тюремному заключенію до 2-хъ мѣсяцевъ и уплатѣ штрафа 1.000 долларовъ. Даже лицо, найденное пьянымъ въ собственномъ домѣ, подлежитъ заключенію до 30 дней, а родственники пьянаго имѣютъ право иска по отношенію къ лицу, продавшему ему напитокъ. Подобные же законы были приняты и въ нѣкоторыхъ другихъ штатахъ. Въ общемъ, однако, эти безусловно запретительныя мѣры не нашли себѣ широкаго распространенія. Въ настоящее время онѣ существуютъ лишь въ шести штатахъ — Мэнѣ, Канзасѣ, Айовѣ, Сѣверной Дакотѣ, Нью Гемпширѣ и Вермонтѣ, и въ территоріи Аляски.

Я упомянулъ о штрафѣ, которому угрожаетъ законъ Мэна лицу напившемуся. Это средство въ тѣхъ или другихъ формахъ и размѣрахъ практикуется во многихъ государствахъ. Такъ, въ Германіи имперскій уголовный кодексъ угрожаетъ арестомъ тѣмъ лицамъ, которыя предаются пьянству въ такой сильной степени, что впадаютъ въ ни-

щету и потому бываютъ принуждены прибѣгать къ чужой помощи при посредствѣ учрежденій, чтобы прокормить себя и тѣхъ, кого они сами обязаны содержать. На основаніи судебнаго приговора мѣстныя полицейскія власти уполномочены заключить въ рабочій домъ срокомъ до 2-хъ лѣтъ осужденнаго пьяницу, по отбытіи имъ наказанія, или же отправить его на общественныя работы. Въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ (Швеціи, Англіи, Франціи, Австріи и друг.) штрафъ грозитъ тѣмъ лицамъ, которыя будутъ найдены въ питейныхъ заведеніяхъ, на улицахъ и въ другихъ публичныхъ мѣстахъ въ состояніи явнаго опьянѣнія или въ состояніи, нарушающемъ общественную благопристойность.

Аналогичныя мѣры встрѣчаемъ мы и въ нашемъ законодательствѣ. Такъ, въ уставѣ о наказаніяхъ, налаг. мировыми судьями, статья 42 гласитъ: „За появленіе въ публичномъ мѣстѣ пьянымъ до безпамятства или въ безобразномъ отъ опьяненія видѣ, виновные подвергаются—аресту не свыше 7 дней или денежному взысканію не свыше 25 рублей“. Въ связи съ этимъ укажемъ и на слѣдующее предписаніе „устава о предупрежденіи о пресѣченіи преступленій“. Ст. 154 (т. XIV, изд. 1890 г.) гласитъ [1]: „на обязанность полиціи возлагается смотрѣть, чтобы по улицамъ и переулкамъ пьяныхъ не было и чтобы тѣ, которые по улицамъ и переулкамъ кричатъ и пѣсни поютъ, ночью въ неуказанные часы ходятъ и въ пьяномъ видѣ шатаются, были забираемы и отсылаемы подъ стражу“. Рядомъ съ этой статьею находимъ и общее предписаніе [2] о пьянствѣ (болѣе платоническаго свойства): „Запрещается всѣмъ и каждому пьянство“ (ст. 153).

Въ интересахъ уменьшенія вреда отъ пьянства большое значеніе придается слѣдующему обстоятельству. Замѣчено, что на усиленіе или ослабленіе пьянства имѣютъ прямое вліяніе родъ напитка и качество его. Цѣлый рядъ данныхъ свидѣтельствуетъ о томъ, что вредныя послѣдствія пьянства возрастаютъ пропорціонально количеству алкоголя

---

[1] Это предписаніе помѣчено гг. 1722, 1738 и 1837.

[2] Помѣчено гг. 1782, 1839 и 1845.

или водки, выпиваемой сравнительно съ другими напитками. Такъ, изъ двухъ странъ, Баваріи и Пруссіи, въ первой потребляется пива въ 4 раза больше, нежели во второй, и почти настолько же меньше водки; между тѣмъ въ Пруссіи алкоголиковъ въ 4 раза больше, чѣмъ въ Баваріи. Понятно отсюда, какую огромную разницу въ смыслѣ пьянства дѣлаетъ въ странѣ потребленіе тѣхъ напитковъ, которые наиболѣе содержатъ алкоголя. Всѣ особенно пагубныя послѣдствія для организма человѣка отъ злоупотребленія спиртными напитками проистекаютъ преимущественно при употребленіи водки. „Опытъ учитъ,—говоритъ проф. Розенталь, что собственно болѣзни пьяницъ случаются чаще тамъ, гдѣ пьютъ водку въ большомъ количествѣ; что, напротивъ, въ странахъ виноградиаго вина и пива эти болѣзни сравнительно рѣдки и проявляются въ легкихъ формахъ".

Въ виду этого, одною изъ мѣръ (правда, палліативныхъ) къ ослабленію вреда отъ пьянства признается возможно большая замѣна напитковъ крѣпкихъ, съ большимъ содержимымъ алкоголя, напитками болѣе слабыми.

Весьма важенъ также тщательный контроль за приготовленіемъ и очисткой спиртныхъ напитковъ. На парижскомъ международномъ конгрессѣ 1878 г. было высказано, между прочимъ, слѣдующее положеніе: „правительства обязаны не только противодѣйствовать злоупотребленію алкогольными напитками съ помощью законодательныхъ мѣропріятій и стараться ихъ подавить, но и употреблять также всѣ усилія къ тому, чтобы водка, предназначенная для потребленія, была по возможности лучше очищена и ректификована". Въ этомъ отношеніи, впрочемъ, до сихъ поръ сдѣлано очень мало. Какъ на одну изъ мѣръ въ этой области, можно указать на законъ 1887 г. въ Финляндіи, по которому продажная водка „не только не должна заключать какихъ-либо вредныхъ примѣсей, не должна быть очищена отъ сивушныхъ маслъ" (именно присутствію въ большихъ дозахъ этого сивушнаго масла приписываютъ болѣзни хроническаго алкоголизма, delirium tremens). Съ введеніемъ у насъ казенной продажи на ректификацію также обращено большое вниманіе.

Въ послѣднее время все сильнѣе устанавливается воззрѣніе на пьянство не столько какъ на порокъ, сколько на болѣзнь. Вотъ это-то воззрѣніе и служитъ источникомъ новаго средства борьбы съ пьянствомъ—его леченія Съ этою цѣлью устраиваются особые пріюты и лечебницы для алкоголиковъ.

Починъ въ дѣлѣ развитія такихъ учрежденій принадлежитъ Америкѣ, гдѣ, какъ было указано, впервые зародились и общества трезвости. Первая лечебница для алкоголиковъ была основана въ началѣ 1850-хъ годовъ въ штатѣ Нью-Іоркъ на частныя средства съ правительственной субсидіей. Въ 1865 году изданъ былъ законъ, который уполномочиваетъ общественныя власти „обязательно помѣщать въ это убѣжище на время, не превышающее одного года, всякаго хроническаго пьяницу, если имѣется письменное свидѣтельство двухъ врачей и двухъ гражданъ-собственниковъ, что пьяница этотъ потерялъ контроль надъ собою, неспособенъ вслѣдствіе невоздержанности блюсти свои дѣла и находится въ такомъ состояніи, что представляется опаснымъ оставлять его на свободѣ“. Подобныя же мѣры были приняты и въ другихъ штатахъ. Въ половинѣ 90 годовъ въ Соединенныхъ штатахъ было около 50 лечебныхъ заведеній для алкоголиковъ. Успѣшность ихъ дѣятельности, какъ показываетъ опытъ, находится въ прямой зависимости отъ количества времени, въ теченіе котораго алкоголики находятся на излеченіи. Въ среднемъ, около 37% всѣхъ больныхъ, послѣ содержанія въ теченіе одного года, выходятъ изъ лечебницы вполнѣ излеченными.

Изъ европейскихъ странъ къ устройству лечебницъ для алкоголиковъ ранѣе другихъ приступила Англія, въ которой въ теченіе послѣднихъ 25—30 лѣтъ было основано 24 такихъ заведенія. Но успѣхъ ихъ дѣятельности въ значительной степени тормозился отсутствіемъ закона объ обязательномъ помѣщеніи алкоголиковъ въ лечебницы. Въ 1895 г. изданъ законъ, дозволяющій въ нѣкоторыхъ случаяхъ принудительное помѣщеніе.

Болѣе раціонально поставлено это дѣло въ Швейцаріи. Въ силу швейцарской конституціи, съ правомъ кантоновъ на полученіе доходовъ отъ винной монополіи сопряжена

обязанность—„изъ полученныхъ доходовъ по крайней мѣрѣ 10% затрачивать на борьбу какъ съ причинами, такъ и съ послѣдствіями алкоголизма“. Обыкновенно извѣстная часть этихъ средствъ и идетъ на содержаніе или субсидированіе лечебницъ для алкоголиковъ. Съ другой стороны, въ Швейцаріи получаетъ примѣненіе и принципъ принудительнаго помѣщенія алкоголиковъ Такъ, въ кантонѣ Сенъ-Галленъ въ 1894 г. изданъ законъ, по которому помѣщеніе алкоголиковъ въ лечебницы можетъ производиться не только съ согласія или по желанію паціентовъ, но и противъ ихъ воли, по постановленію муниципальнаго совѣта, на основаніи медицинскаго свидѣтельства, что данное лицо страдаетъ алкоголизмомъ и нуждается въ леченіи. Продолжительность пребыванія въ лечебницѣ опредѣляется отъ 9 до 18 мѣсяцевъ и въ случаяхъ рецидива можетъ быть еще увеличена. Содержаніе несостоятельныхъ больныхъ производится на средства кассы для бѣдныхъ, а иногда и на счетъ правительства. Изъ существующихъ въ Швейцаріи лечебницъ для алкоголиковъ (въ 1906 году ихъ было 13) образцовою считается лечебница въ Элликонѣ, въ Цюрихскомъ кантонѣ. Практика Швейцарскихъ лечебницъ съ особою убѣдительностью указываетъ, что успѣшность леченія зависитъ отъ продолжительности его: тогда какъ для лицъ, пробывшихъ въ лечебницѣ не болѣе 4 мѣсяцевъ, случаи излеченія составляютъ 33%, они возвышаются до 71% для пробывшихъ въ лечебницѣ отъ 4 до 12 мѣсяцевъ.

Мѣры противъ пьянства въ Россіи.

Въ послѣдніе годы борьба съ пьянствомъ заняла видное мѣсто въ ряду тѣхъ вопросовъ, которые привлекаютъ къ себѣ особенное вниманіе со стороны правительства и общества. Съ 1894 г. въ финансовомъ управленіи началась работа по постепенному введенію у насъ коренной реформы питейнаго дѣла—установленію казенной продажи вина. При этомъ особое вниманіе при разработкѣ этой реформы, касающейся прежде всего интересовъ фискальныхъ, удѣлено было и вопросамъ о способахъ уменьшенія пьянства и обезпече-

нія населенія отъ вредныхъ послѣдствій его. Съ другой стороны, въ печати, выразительницѣ общественныхъ интересовъ, никогда до сихъ поръ борьба съ пьянствомъ не привлекала къ себѣ такого дѣятельнаго вниманія, какъ въ послѣдніе годы. Эта борьба получаетъ значеніе одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ внутренняго управленія современной Россіи. Но прежде, чѣмъ остановиться на разсмотрѣнія тѣхъ мѣръ, которыя принимаются въ этой области новѣйшимъ законодательствомъ, необходимо ознакомиться, хотя бы вкратцѣ, съ положеніемъ этого вопроса въ прежнее время.

Пьянство составляетъ исконное зло русскаго народа. Памятники древне-русской письменности свидѣтельствуютъ о широкомъ распространеніи его уже въ отдаленнѣйшія эпохи исторіи Россіи. „Руси веселіе есть пити—не можемъ безъ того быти"—таковъ, по словамъ лѣтописца, былъ одинъ изъ мотивовъ, побудившихъ великаго князя Владиміра отвѣтить отказомъ отъ принятія мусульманскаго закона, неблагопріятно относящагося къ потребленію крѣпкихъ напитковъ. „Хотя представляется болѣе, нежели вѣроятнымъ, что такихъ словъ князь Владиміръ никогда не высказывалъ, что эти слова, какъ и всѣ повѣствованія о выборѣ имъ религіи, являются однимъ изъ легендарныхъ измышленій, которыми такъ богата наша начальная лѣтопись, тѣмъ не менѣе,—замѣчаетъ проф. Загоскинъ [1], — уже тотъ фактъ, что древній лѣтописецъ кіевскій влагаетъ такія слова въ уста просвѣтителя Россіи, представляется характернымъ въ дѣлѣ сужденія объ исконной приверженности нашихъ предковъ къ крѣпкимъ напиткамъ". Объ этой приверженности сохранились и болѣе достовѣрныя свидѣтельства. О ней говорятъ и разсказы лѣтописей о древнихъ тризнахъ, сопровождавшихся обильными попойками, и повѣствованія былинъ нашего героическаго эпоса, въ которыхъ идеализируется пьяный разгулъ, изображаемый въ самыхъ яркихъ краскахъ, и въ особенности старанія духовенства отвратить свою паству отъ злоупотребленія напитками. Такъ, одинъ изъ подвижниковъ древней русской церкви, Ѳеодосій Пе-

[1] Н. Загоскинъ. Пьянство и борьба съ нимъ въ древней Россіи (Русск. Богат., апрѣль 1893 г.).

черскій, учитъ въ своемъ „Словѣ о пьянствѣ“, что—„пить можно, но въ законъ, во время и въ славу Божію“. Такого рода пастырскія увѣщанія представляютъ собою и наиболѣе ранній способъ борьбы съ пьянствомъ, съ цѣлью воздѣйствія на религіозно-нравственную сторону человѣка.

Въ послѣдующіе вѣка пьянство не умѣньшается, принимаетъ хроническій характеръ, становится кореннымъ народнымъ порокомъ. Особенно поражаются имъ иностранцы, посѣщавшіе Россію въ XVI и XVII в. „Несчастные работники и ремесленники,—пишетъ въ своихъ запискахъ англичанинъ Флетчеръ,—часто истрачиваютъ въ кабакахъ все то, что должны были бы принести своимъ женамъ и дѣтямъ; часто можно видѣть, какъ они пропиваютъ даже одежду и остаются совершенно голыми“. А вотъ что говоритъ Олеарій, саксонскій ученый, посѣтившій Россію въ первой половинѣ XVII в. и тщательно изучившій русскіе нравы того времени: „русскіе преданы пьянству болѣе всякаго другого народа въ мірѣ. Когда они не въ мѣру напьются, то, какъ необузданные звѣри, неистово предаются всему, къ чему побуждаютъ ихъ страстныя желанія. Порокъ пьянства,—продолжаетъ Олеарій,—одинаково распространенъ въ русскомъ народѣ во всѣхъ сословіяхъ, между мужчинами и женщинами, старыми и малыми, духовными и свѣтскими, высшими и низшими, до такой степени, что видъ валяющагося въ грязи пьянаго человѣка—здѣсь явленіе самое обыкновенное“.

Едва ли можно заподозрѣть въ невѣрности или преувеличенности эти показанія иностранцевъ. Съ ними вполнѣ согласуются и свидѣтельства отечественныя, показанія такихъ лицъ, у которыхъ нѣтъ повода предполагать пристрастное отношеніе. Вотъ что, напр., говоритъ Юрій Крижаничъ, при всѣхъ своихъ симпатіяхъ къ русскому народу, съ которымъ онъ, по происхожденію хорватъ, сроднился долгою жизнью въ Москвѣ, куда онъ былъ вызванъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ: „преимущественно же передъ всѣми народами свойственно намъ пьянство. Можно обойти весь свѣтъ и нигдѣ не найти такого мерзкаго, гнуснаго и страшнаго пьянства, какъ здѣсь, на Руси“. Съ другой стороны, о томъ же явленіи говорятъ и оффиціальные документы.

Такъ, въ актахъ Стоглаваго собора полов. XVI в.), рисующихъ неприглядную картину нравственнаго положенія общества того времени, мы видимъ упоминаніе о широкомъ развитіи пьянства въ частности среди духовенства. Постановленія собора ополчаются противъ пьянства чернаго духовенства и, съ цѣлью парализовать его развитіе, разрѣшаютъ держать въ монастыряхъ только квасы и фряжскія вина, но отнюдь не хмѣльныя питія, а тѣмъ менѣе „горячее вино", ибо, говоритъ Стоглавъ, „пьянство—начало и конецъ всѣмъ злымъ дѣламъ". Соборомъ приняты мѣры и по отношенію къ членамъ бѣлаго духовенства, которые „учнутъ жити въ слабости и пьянствѣ и въ прочихъ неподобныхъ дѣлахъ".

Такими отдѣльными мѣропріятіями и поученіями противъ пьянства съ церковной кафедры и ограничиваются проявленія борьбы съ народнымъ порокомъ въ теченіе многихъ вѣковъ нашей исторіи. Непреодолимымъ препятствіемъ въ этой борьбѣ являлось фискальное значеніе питейнаго дѣла. Доходъ отъ него составлялъ издавна одну изъ вѣрнѣйшихъ статей бюджета, и правительство проявляло постоянную заботливость о возможно болѣе выгодной постановкѣ питейнаго дѣла, и, когда сталкивались интересы казны и интересы огражденія населенія отъ чрезмѣрнаго пьянства, этимъ послѣднимъ интересамъ приходилось поступаться. Отъ конца XVI и XVII ст. сохранилось немало донесеній областныхъ воеводъ о томъ, что кабаки разоряютъ народъ; но въ отвѣтъ на эти донесенія московское правительство внушало имъ, что они „пишутъ не дѣломъ и плохо радѣютъ о государевой прибыли". Приведу одинъ характерный образецъ распоряженія Московскаго правительства въ области питейнаго дѣла, сообщаемый проф. Дитятинымъ въ его работѣ „Царскій кабакъ Московскаго государства„ [1]. „Докладываютъ въ Москву воеводы, что на ихъ кабакѣ всѣ пропились, одолжали, обнищали; доходамъ кабацкимъ грозитъ огромный „недоборъ"; что, по ихъ мнѣнію, кабакъ нужно бы закрыть, чтобы вдостоль все не разорить; по крайней мѣрѣ нужно бы „отъ кабацкаго питья унимать", но что безъ

[1] И. И. Дитятинъ. Статья по исторіи русскаго права. Спб. 1898. Стр. 486.

царскаго указу они „унимать не смѣютъ“. Ждутъ этого указа. Онъ не замедлилъ получиться, но съ отвѣтомъ для челобитчиковъ совсѣмъ неожиданнымъ: „и вы пишете къ намъ—говорится отъ имени царя—не радѣя о нашемъ дѣлѣ, что кабакъ хотите оставить... Передъ васъ многіе на Верхотурѣ воеводы бывали, а о томъ кабакѣ къ намъ не писывали... и вы, дѣлая лѣностью своею и нехотя намъ служить, пишите къ намъ не дѣломъ“. За этимъ выговоромъ слѣдуетъ такое предписаніе: „и вы-бъ велѣли учинить законъ крѣпкій, чтобъ на кабакѣ.. не пропивалися... и сами бы есте къ тому призирали почасту, чтобъ... кабацкихъ денежныхъ доходовъ передъ прежними годы собрати съ прибылью... чтобъ кабацкій сборъ былъ больше прежнихъ годовъ, чтобъ нашей казнѣ была прибыль“. Такимъ образомъ указъ этотъ ставилъ передъ воеводами дилемму неразрѣшимую—кабакъ долженъ процвѣтать и приносить все большую прибыль, а вмѣстѣ съ тѣмъ и народъ не долженъ пропиваться. Естественно при такихъ условіяхъ, что органы питейнаго управленія—кабацкіе головы и цѣловальники, которымъ приходилось нести и личную отвѣтственность за недоборы казны, предпочитали все свое вниманіе сосредоточивать на процвѣтаніи кабака, хотя бы и въ явный ущербъ нравственнымъ и матеріальнымъ интересамъ населенія.

При такой постановкѣ питейнаго дѣла, разумѣется, не могло быть рѣчи о сколько-нибудь рѣшительныхъ и систематическихъ мѣрахъ борьбы съ пьянствомъ. Въ этой области все сводилось къ однимъ палліативамъ, которыми имѣлось въ виду обезпечить лишь внѣшнее благочиніе. И такое отношеніе къ пьянству составляетъ характерную черту государственной политики въ теченіе всей исторіи питейнаго дѣла у насъ, каковы бы ни были финансовыя системы управленія этимъ дѣломъ.

Къ сравнительно недавнему прошлому относится любопытный примѣръ той же коллизіи интересовъ казны и интересовъ отрезвленія народа. Въ 50-хъ годахъ XIX-го столѣтія, когда дѣйствовала откупная система, породившая массу злоупотребленій, во многихъ мѣстностяхъ въ народѣ обнаружилось движеніе противъ пьянства. Въ губерніяхъ, находящихся въ разныхъ полосахъ Россіи, стали возникать

общества трезвости; такія общества были образованы въ губерніяхъ Ковенской, Виленской, Саратовской, Курской, Тульской, Пензенской, Владимірской, Екатеринославской, Тверской. Движеніе это встрѣтило сочувствіе и нашло себѣ поддержку главнымъ образомъ въ средѣ духовенства. Въ 1859 г. отъ Святѣйшаго Синода послѣдовало циркулярное приглашеніе священно-служителямъ „содѣйствовать возникновенію въ городскихъ и сельскихъ сословіяхъ благой рѣшимости воздержанія отъ употребленія вина". Однако, движеніе это на первыхъ же порахъ своего развитія встрѣтилось съ тѣмъ же непреодолимымъ препятствіемъ—интересами фиска. Отъ министра финансовъ послѣдовало сообщеніе оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода, „что совершенное запрещеніе горячаго вина посредствомъ сильно дѣйствующихъ на умы простого народа религіозныхъ угрозъ и клятвенныхъ обѣщаній не должно быть допускаемо, какъ противное не только общему понятію о пользѣ умѣреннаго употребленія вина, но и тѣмъ постановленіямъ, на основаніи которыхъ правительство отдало питейные сборы въ откупное содержаніе". А черезъ нѣсколько времени послѣ того министромъ финансовъ сдѣлано было распоряженіе, „чтобы приговоры городскихъ и сельскихъ обществъ о воздержаніи уничтожить, и впредь городскихъ собраній и сельскихъ сходовъ для сей цѣли нигдѣ не допускать".

Такимъ образомъ, народное движеніе противъ пьянства было сразу пресѣчено, и съ того времени образованіе обществъ трезвости у насъ надолго сдѣлалось невозможнымъ.

Интересамъ трезвости мало помогла и та коренная реформа питейнаго дѣла, которая была предпринята въ 1861 году—замѣна откупной системы системою акцизною. Реформа эта преслѣдовала прежде всего финансовыя цѣли: „откупная система—говорится въ журналѣ Государственнаго Совѣта—не можетъ быть допускаема даже и съ финансовой точки зрѣнія, ибо при ней правительство не получаетъ далеко тѣхъ огромныхъ суммъ, которыя платитъ народъ, и питейный налогъ, изъ косвеннаго обратившись въ окладной, влечетъ за собою недоборы". Но рядомъ съ соображеніями фискальнаго характера къ уничтоженію откупной системы побуждали

и мотивы иного свойства. „Для фискальныхъ цѣлей,—полагалъ Государственный Совѣтъ,—еслибы онѣ даже и были достижимы, правительство не можетъ и не должно упускать изъ вида дѣйствія откупной системы на нравственный и экономическій бытъ народа. Всѣмъ извѣстно, что откупная система разоряетъ и развращаетъ народъ, держитъ на откупу мѣстную администрацію, сдѣлавъ черезъ то безсильными всѣ мѣры къ водворенію въ ней честности и правоты, и мало-по-малу привела правительство къ тяжкой необходимости не только покровительствовать порожденнымъ сею системою нарушеніямъ законовъ и вопіющимъ злоупотребленіямъ, безъ которыхъ она существовать не можетъ, но даже противодѣйствовать возникающимъ нравственнымъ побужденіямъ къ сохраненію трезвости. Такимъ образомъ, правительство выставляетъ себя какъ бы явнымъ поборникомъ неуваженія къ закону, поддержанія злоупотребленій и распространенія въ народѣ порочныхъ наклонностей".

Замѣнившая откупъ акцизная система введена была съ 1 января 1863 г. По существу своему она представляетъ совершенную противоположность прежнимъ способамъ извлеченія питейнаго дохода. Прежде какъ при казенномъ управленіи питейнымъ дѣломъ, такъ и при откупахъ, ближайшимъ источникомъ питейнаго дохода служила торговля крѣпкими напитками, которая и являлась объектомъ обложенія. При акцизной же системѣ, наоборотъ, ближайшимъ источникомъ дохода и объектомъ обложенія является непосредственно самый предметъ потребленія. Сущность этой системы сводится къ тому, что вино и спиртъ, выдѣлываемые на винокуренныхъ заводахъ, облагаются особымъ налогомъ, акцизомъ, въ размѣрѣ извѣстной, опредѣленной суммы съ каждаго даннаго количества готоваго продукта; такимъ количествомъ былъ принятъ градусъ алкоголя или одна сотая часть ведра безводнаго спирта. Независимо отъ акциза съ вина, винокуренные заводы обложены еще особымъ патентнымъ сборомъ, размѣръ котораго исчисляется соотвѣтственно совокупной емкости квасильныхъ чановъ. Что же касается собственно торговли спиртными напитками, то со времени введенія акцизной системы продажа этихъ напитковъ, какъ оптовая, такъ и раздробительная, объявлена

предметомъ вольнаго промысла. При этомъ ни опредѣленной цѣны напитковъ, ни числа мѣстъ продажи ихъ въ законѣ не установлено. Всякій желающій могъ открывать трактиръ или иное питейное заведеніе, лишь при условіи уплаты установленнаго патентнаго сбора за право производства раздробительной торговли.

Вотъ эти-то условія, въ которыя была поставлена торговля крѣпкими напитками, и явились корнемъ зла, выросшаго на почвѣ акцизной системы. Въ законѣ, ее устанавливавшемъ, не были предусмотрѣны мѣры противъ возможныхъ злоупотребленій, а также и естественныхъ вредныхъ послѣдствій вольной продажи вина. Между тѣмъ эти послѣдствія и злоупотребленія стали обнаруживаться очень скоро по введеніи реформы. Питейныя заведенія сдѣлались мѣстами ничѣмъ не сдерживаемаго пьянаго разгула, притонами разврата, чему въ значительной степени содѣйствовало то, что водка, благодаря ничтожному размѣру акциза, сильно подешевѣла сравнительно съ эпохою откуповъ. Усиленіе пьянства въ народѣ и порожденныя имъ послѣдствія для нравственной и экономической стороны его жизни составили предметъ особаго вниманія со стороны земскихъ учрежденій, созданныхъ въ 1864 г. На первыхъ же порахъ своей дѣятельности многія земства обратились (въ 1865 г.) къ правительству съ ходатайствами о мѣрахъ, съ цѣлью противодѣйствовать развивающемуся пьянству. Таковы ходатайства: о необходимости ограничить число кабаковъ, возвысить плату за патенты на питейныя заведенія, увеличить акцизъ на вино, содѣйствовать распространенію пивныхъ, чайныхъ и т. под. учрежденій, могущихъ отвлечь народъ отъ кабаковъ.

Правительство не оставалось равнодушнымъ къ такого рода ходатайствамъ и вообще къ сознанію необходимости мѣропріятій съ цѣлью ограниченія пьянства. Но въ этихъ мѣрахъ оно чувствовало себя связаннымъ тѣми предѣлами, далѣе которыхъ не позволяло идти опасеніе уменьшенія питейныхъ доходовъ, продолжавшихъ быть однимъ изъ наиболѣе существенныхъ основаній финансовой системы. Съ половины 60-хъ годовъ изданъ былъ рядъ отдѣльныхъ узаконеній й распоряженій, направленныхъ къ устраненію

тѣхъ условій, въ который усматривался особенный вредъ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: въ 1864 г. воспрещена торговля спиртными напитками въ мелочныхъ, фруктовыхъ, и т. п. лавкахъ; въ 1866 г. воспрещена продажа крѣпкихъ напитковъ на народныхъ гуляньяхъ во время сырной и святой недѣль; въ 1866 г. изданъ законъ, по которому сидѣльцами въ питейныхъ заведеніяхъ могутъ быть только лица, получившія одобрительные приговоры какъ отъ общества, къ которому они принадлежатъ, такъ и отъ общества, на территоріи котораго они желаютъ торговать; въ силу того же закона содержателями питейныхъ заведеній не могутъ быть должностныя лица сельскихъ управленій; въ 1873 г. возвышенъ патентный сборъ съ водочныхъ заводовъ и заведеній для продажи крѣпкихъ напитковъ, въ питейныхъ заведеніяхъ воспрещено держать сидѣльцевъ и прислугу моложе 21 года, воспрещено впускать въ эти заведенія нижнихъ чиновъ, воспитанниковъ учебныхъ заведеній и вообще малолѣтнихъ и т. под. Не отрицая извѣстнаго значенія за многими изъ указанныхъ мѣръ, нельзя однако не видѣть въ нихъ лишь палліативовъ, которые не могли устранить зла въ его корнѣ. Примѣненіе ихъ на практикѣ изобличало недостаточность ихъ и порождало въ правительствѣ и обществѣ сознаніе необходимости болѣе рѣшительныхъ способовъ воздѣйствія на условія, благопріятствующія развитію пьянства.

Любопытнымъ проявленіемъ этого сознанія служитъ законъ 14 мая 1885 г., въ которомъ авторы его видѣли рѣшительную мѣру къ ограниченію пьянства. Въ циркулярѣ министра финансовъ (покойнаго Н. Х. Бунге), сопровождавшемъ опубликованіе этого закона, говорится: „въ основѣ этого закона лежитъ мысль *совершенно уничтожить* тотъ видъ питейнаго заведенія, который по справедливости признается наиболѣе вреднымъ, т. е. питейный домъ или кабакъ, гдѣ вино предлагается для употребленія на мѣстѣ, безъ возможности пользоваться при этомъ пищей; поэтому новый законъ устанавливаетъ, что распивочная торговля хлѣбнымъ виномъ можетъ быть производима только въ такихъ заведеніяхъ, гдѣ совмѣстно съ виномъ продается и пища, т. е. въ трактирныхъ заведеніяхъ разныхъ наименованій, а также въ постоялыхъ дворахъ или корчмахъ...

Такимъ образомъ, говоритъ циркуляръ,—съ 1 января 1886 г. закроется свыше 80.000 питейныхъ домовъ, служившихъ наибольшимъ соблазномъ для населенія и нерѣдко дѣлавшихся притонами разврата, пороковъ и преступленій". Безъ сомнѣнія, исчезновеніе такого огромнаго количества притоновъ могло бы явиться довольно рѣшительною мѣрою противодѣйствія пьянству. Но фактически ожидаемаго закрытія не произошло. Взамѣнъ подлежавшихъ закрытію кабаковъ законъ дѣйствительно создавалъ новый типъ питейнаго заведенія—„винную лавку"; въ ней продажа могла производиться только на выносъ и поэтому она не могла представлять соблазна для развитія пьянства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ законъ допускалъ возможность существованія множества такихъ питейныхъ заведеній, въ которыхъ принципъ исключительной продажи на выносъ уничтожался, такъ что винная лавка совершенно ступевалась, потерявъ свой главный смыслъ, и только умножала собою число разныхъ типовъ питейныхъ заведеній. Въ дѣйствительности, подлежавшія закрытію десятки тысячъ кабаковъ вскорѣ же возродились подъ видомъ трактировъ разныхъ наименованій, постоялыхъ дворовъ и пр.

Мало дѣйствительными оказались и другія постановленія закона 1885 г., имѣвшія въ виду регламентировать внутренній распорядокъ торговли въ питейныхъ заведеніяхъ: соблюденіе чистоты и опрятности, недопущеніе въ питейныя заведенія распутныхъ женщинъ, недозволенныхъ игръ, безчинствъ, недопущеніе посѣтителей, напившихся до безпамятства.

Главную причину неудачи закона 1885 г. благія намѣренія котораго не осуществились, усматриваютъ въ томъ, что этимъ закономъ, какъ и ранѣе изданными мѣрами, не устранялся корень зла—*личный интересъ* содержателей питейныхъ заведеній, который побуждаетъ спаивать народъ и который является достаточно сильнымъ для того, чтобы изыскивать, хотя бы и съ рискомъ, разные способы не выполнять ограничительныхъ требованій закона.

Сознаніе важнаго значенія личнаго интереса въ дѣлѣ виноторговли, какъ главнаго тормоза въ борьбѣ съ пьянствомъ, положено въ основу новѣйшаго законодательнаго

акта—закона о казенной продажѣ вина. По заключенію министра финансовъ, реформа эта „предпринята для разрѣшенія одной изъ самыхъ трудныхъ и важныхъ задачъ по улучшенію народнаго быта — для огражденія народной нравственности и народнаго здравія отъ растлѣвающихъ вліяній нынѣшняго питейнаго заведенія, причиняющихъ вмѣстѣ съ тѣмъ народу неисчислимый матеріальный вредъ, подтачивая съ самомъ корнѣ его благополучіе“ (Циркуляръ 22 дек. 1894 г.).

Въ виду такого значенія реформы и непосредственнаго соотношенія ея съ вопросомъ о борьбѣ съ пьянствомъ, необходимо остановиться подробнѣе на разсмотрѣніи плана ея и тѣхъ мотивовъ, которые были положены въ ея основаніе и сгруппированы въ представленіи министерства финансовъ объ установленіи казенной продажи вина.

Въ этихъ мотивахъ особое вниманіе обращено на условія торговли крѣпкими напитками. Торговля эта до настоящаго времени находилась всецѣло въ рукахъ частныхъ лицъ, которыя, эксплоатируя въ свою личную пользу слабость населенія къ вину, являлись нерѣдко такимъ элементомъ, который разными способами поддерживалъ эту слабость. Едва ли возможно сомнѣваться въ томъ, что главнымъ источникомъ казеннаго дохода съ питей является не то ненормальное или даже, можно сказать, безобразное потребленіе вина, которое имѣетъ своимъ послѣдствіемъ разореніе хозяйства отдѣльныхъ мѣстностей или цѣлыхъ крестьянскихъ обществъ, но то правильное и постоянное его потребленіе, которое обусловливается климатическими условіями сѣверной природы и доступно болѣе зажиточному и просвѣщенному населенію. Правильное потребленіе всегда даетъ и большее душевое потребленіе и большій душевой доходъ казнѣ и не только не вредно, но, быть можетъ, даже полезно въ гигіеническомъ отношеніи. Поэтому нельзя не желать достиженія по возможности такого положенія виноторговли, при которомъ было бы облегчаемо такое правильное потребленіе напитковъ и затруднялось бы пьянство. Разсматривая ближе явленія пьянства, какъ они проявляются среди нашего народа, нельзя не придти къ заключенію, что оно проявляется или въ видѣ болѣзненнаго состоянія организма – это пьянство отдѣльныхъ лицъ, пропойцъ, или пьянства бытового, общественнаго. Пьянство перваго рода, быть можетъ, въ значительной степени поддерживается недоброкачественностью обращающагося въ торговлѣ вина, такъ какъ, по свидѣтельству медицинскихъ авторитетовъ, такъ называемый алкоголизмъ развивается при употребленіи неочищеннаго вина Пьянство второго рода обусловливается бытовою стороною жизни нашего народа, сложившеюся исторически и подвергающеюся лишь медленному измѣненію подъ вліяніемъ просвѣщенія и нравственнаго вліянія общественныхъ условій или отдѣльныхъ личностей. Второй родъ пьянства можетъ во

многихъ случаяхъ служитъ источникомъ перваго, ибо, подчиняясь обычаю, отдѣльные члены общества, съ организмами болѣе воспріимчивыми къ вредному вліянію вина, особенно неочищеннаго, прибѣгая вначалѣ къ потребленію такого вина въ силу обычая, пріобрѣтаютъ мало-по-малу неодолимую привычку къ вину или даже органическую потребность въ немъ и впадаютъ въ пьянство впослѣдствіи. Оба рода пьянства, независимо отъ связи ихъ одного съ другимъ, поддерживаются до нѣкоторой степени тѣмъ классомъ населенія, который созданъ акцизной системой взиманія казеннаго дохода съ питей—виноторговцами, личный интересъ которыхъ слишкомъ тѣсно связанъ съ размѣрами потребленія населеніемъ вина, при чемъ классъ этотъ не брезгаетъ никакими способами къ навязыванію населенію вина и къ поддержанію и даже развитію въ немъ пьянства. Наблюдая жизнь нашего сельскаго или городского обывателя низшаго класса, нельзя не замѣтить вообще вліянія на складъ жизни, на этику народную, соприкасающагося съ нимъ того болѣе развитого элемента, какимъ обыкновенно является торговецъ вообще и особенно виноторговецъ. Этотъ элементъ, можно сказать, руководитъ массами и устанавливаетъ складъ обычаевъ особенно въ отношеніи общественной жизни, дѣйствуя на тщеславіе и предписывая извѣстное соревнованіе въ количествѣ употребляемаго для угощенія въ разныхъ случаяхъ вина. Въ то же время виноторговецъ, въ видахъ наибольшаго сбыта вина, охотно ссужаетъ населенію таковое подъ закладъ всевозможныхъ предметовъ, подъ будущій урожай и даже подъ будущій заработокъ, несмотря на существующее въ законѣ воспрещеніе отпуска вина въ кредитъ. Преслѣдовать этого рода нарушенія постановленій о питейномъ сборѣ представляется крайне затруднительнымъ. Между тѣмъ легкая возможность, даже при отсутствіи наличныхъ средствъ, имѣть вино для лицъ, приверженныхъ къ его неумѣренному употребленію, является вѣрнымъ соблазномъ и приводитъ къ полному разоренію. Случаи крайней задолженности населенія по этой именно причинѣ представляютъ обычное явленіе; нерѣдки также случаи пропиванія ссуды, выдаваемой въ видѣ зерна правительствомъ или земствомъ для обсѣмененія полей или для продовольствія по случаю неурожаевъ, и случаи эти обусловливаются тою же неподдающеюся карѣ закона наклонностью виноторговцевъ къ навязыванію населенію вина въ долгъ. Нельзя упускать изъ вида также и того обстоятельства, что виноторговецъ является обыкновенно посредникомъ по сбыту всевозможныхъ сельскихъ произведеній и, привлекая съ себѣ соблазнительнымъ для малопросвѣщеннаго населенія виннымъ кредитомъ продавцевъ этихъ произведеній — сельское крестьянское населеніе,—держитъ его въ полной кабалѣ. Стремленіе нашего законодательства къ ограниченію числа виноторговцевъ и къ привлеченію къ занятію виннымъ промысломъ болѣе благонадежнаго элемента не принесло ощутительныхъ результатовъ.

Личный интересъ частнаго лица, извлекающаго свои доходы отъ продажи питей, при чемъ эти доходы стоятъ въ прямой зависимости отъ количества выпитаго населеніемъ вина, не допускаютъ возможности осуществленія предположенія о томъ, чтобы частный виноторговецъ принималъ какія-либо мѣры къ сокращенію пьянства или чтобы въ число виноторговцевъ желалъ попасть кто-либо, задающійся цѣлью ограждать населеніе отъ

неумѣреннаго употребленія напитковъ. Что же касается сокращенія числа виноторговцевъ, то эта мѣра также не могла бы принести пользы, ибо непосредственнымъ результатомъ ея явилась бы тайная виноторговля. Извѣстно между тѣмъ, что бороться съ тайною продажею питей не представляется почти никакой возможности, если только у самого населенія нѣтъ дѣйствительнаго стремленія къ воздержанію отъ пьянства. Тайные же шинки во всемъ, что касается дурного вліянія частной виноторговли, нисколько не уступаютъ явнымъ мѣстамъ торговли питіями и, быть можетъ, даже превосходятъ ихъ, такъ какъ совершенно ускользаютъ отъ какого бы то ни было контроля властей. Въ то же время, съ уменьшеніемъ числа лицъ, имѣющихъ право на виноторговлю, остальныя, сохранившія за собою это право, становятся въ особо привилегированное положеніе, и пользуясь имъ, а слѣдовательно и отсутствіемъ конкуренціи, имѣютъ возможность проявить съ полною силой свое монопольное право на эксплоатацію слабости населенія къ вину. При такомъ положеніи дѣла, т. е. при оставленіи виноторговли всецѣло въ рукахъ частныхъ лицъ и монополизаціи ея въ этихъ рукахъ вино достается населенію по чрезмѣрно дорогой цѣнѣ, особенно если принять во вниманіе дороговизну предоставляемаго ему виннаго кредита, а также вредное вліяніе пьянства на народное хозяйство.

Въ виду всѣхъ указанныхъ неблагопріятныхъ условій частной виноторговли, какъ она сложилась у насъ, нельзя, по мнѣнію министерства финансовъ, не придти къ заключенію, что затраты населенія на вино далеко не соотвѣтствуютъ извлекаемому нынѣ казною доходу съ питей, почему и въ финансовомъ отношеніи нельзя считать удовлетворительнымъ существующій способъ извлеченія этого дохода при значительномъ участіи въ этомъ дѣлѣ частныхъ лицъ, преслѣдующихъ, конечно, исключительно свои выгоды. Полагая, что главнѣйшая причина неумѣреннаго и даже безобразнаго употребленія напитковъ, т. е. причина пьянства, коренится въ весьма слабомъ еще просвѣщеніи нашего народа, для котораго, какъ и для многихъ мало цивилизованныхъ народовъ, вино представляетъ такой соблазнъ, которымъ легко пользоваться для всевозможной эксплоатаціи населенія и находя, что оставленіе попрежнему этого орудія эксплоатаціи въ рукахъ частныхъ лицъ едва ли соотвѣтствовало бы интересамъ государства, министръ финансовъ считалъ возможнымъ взять, если не всецѣло, то въ значительной мѣрѣ, въ руки правительства торговлю виномъ Только этимъ путемъ возможно, по крайней мѣрѣ временно, до той поры, когда нашъ народъ достигнетъ той степени просвѣщенія, при которой не потребуется эта мѣра, оградить его отъ развращающаго вліянія частной виноторговли.

Питейное дѣло имѣетъ настолько важное государственное значеніе, что надлежащая постановка этого дѣла, по убѣжденію министерства финансовъ, можетъ быть достигнута лишь при условіи, если оно будетъ подчинено полному и всестороннему вліянію правительства, и если послѣднее, независимо отъ контроля за производствомъ и потребленіемъ напитковъ, получитъ возможность дать тому и другому направленіе, сообразно своимъ цѣлямъ, имѣющимъ въ виду обще-государственную пользу. Для этого же необходимо, во-первыхъ, освободить винокуренное производство отъ давленія со стороны крупныхъ виноторговцевъ и, во-вторыхъ, поставить потребленіе крѣпкихъ

напитковъ по возможности въ такое положеніе, которое соотвѣтствовало бы дѣйствительной потребности въ винѣ, сообразно съ условіями нашего климата и жизни большей части населенія страны. Объ эти задачи какъ бы исключаютъ всякую зависимость при ихъ разрѣшеніи вмѣшательства въ дѣло частныхъ своекорыстныхъ интересовъ и требуютъ, чтобы оно было взято исключительно въ руки правительства, которое одно только и можетъ разрѣшить поставленныя задачи, преслѣдуя при этомъ исключительно только общее благо страны. Для постановки питейнаго дѣла въ болѣе правильное положеніе въ настоящее время слѣдуетъ, не останавливаясь болѣе на частныхъ измѣненіяхъ акцизной системы, приступить постепенно къ коренному ея преобразованію и къ замѣнѣ такимъ способомъ извлеченія питейнаго дохода, въ которомъ принципъ свободной конкуренціи былъ бы если не вполнѣ исключенъ, то ограниченъ до послѣдней степени. Едва ли не единственнымъ средствомъ для этого является сосредоточеніе торговли виномъ въ рукахъ казны, т. е. установленіе казенной продажи вина. При установленіи такой продажи вина должны будутъ прекратиться практикующееся нынѣ въ обширныхъ размѣрахъ систематическое спаиваніе населенія кабатчиками и разныя соединенныя съ этимъ злоупотребленія по питейной торговлѣ, такъ какъ лица, которымъ будетъ поручена таковая продажа, могутъ быть назначаемы съ выборомъ, и, кромѣ того, они не будутъ заинтересованы въ привлеченіи къ себѣ возможно большаго числа покупателей, въ продажѣ вина въ формахъ особенно вредныхъ для населенія, въ долгъ, въ обмѣнъ на вещи или подъ закладъ ихъ, въ счетъ будущаго урожая и т. п. Затѣмъ, при казенной продажѣ, качество, достоинство и степень очистки продаваемой водки несравненно улучшатся; лучшая же очистка уже сама по себѣ составляетъ нѣкоторое противодѣйствіе дурнымъ результатамъ потребленія вина. При теперешнемъ положеніи дѣла кабатчики не только продаютъ народу вино, плохо очищенное, но часто, чтобы замаскировать разбавленіе водою, сдабриваютъ его разными вредными примѣсями. При обращеніи же повсюду въ продажѣ водки очищенной, не разбавленной и не подмѣшанной, потребленіе ея не будетъ имѣть тѣхъ дурныхъ послѣдствій, съ какими оно соединено нынѣ. Наконецъ, самый соблазнъ къ употребленію крѣпкихъ напитковъ при казенной продажѣ будетъ гораздо меньшій, вслѣдствіе сокращенія числа мѣстъ продажи вина. Хотя и въ настоящее время *число явныхъ питейныхъ заведеній* довольно ограничено, но наряду съ ними существуетъ громадное количество тайныхъ шинковъ, бороться съ которыми представляется рѣшительно невозможнымъ. Съ сосредоточеніемъ же питейной торговли въ рукахъ казны представится болѣе средствъ къ предупрежденію ихъ возникновенія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ пользующееся нынѣ значительнымъ вліяніемъ въ сельской жизни сословіе кабатчиковъ, какъ мірская, общественная сила, перестанетъ существовать и, такимъ образомъ, населеніе не только освободится отъ разъѣдающаго народную жизнь вліянія собственно кабака, но получитъ также значительное облегченіе отъ того ярма, которое наложено на него вообще кулачествомъ, ибо послѣднее въ настоящее время тѣсно связано съ кабакомъ, и сельскій кулакъ обыкновенно есть въ то же время и кабатчикъ, и наоборотъ. Въ отношеніи вліянія на улучшеніе сельскаго

хозяйства отъ введенія казенной продажи вина также слѣдуетъ ожидать вполнѣ удовлетворительныхъ результатовъ. Цѣны за вино, назначаемыя казною, будутъ находиться въ соотвѣтствіи со стоимостью его производства и скорѣе окажутся даже выше ея, чѣмъ ниже. Кромѣ того, заводчики будутъ имѣть вѣрный и вполнѣ обезпеченный сбытъ для выкуреннаго вина и притомъ всегда за наличныя деньги. Поэтому занятіе винокуреніемъ сдѣлается выгоднымъ промысломъ, почему число винокуренныхъ заводовъ должно будетъ увеличиться. При этомъ, однако, отнюдь не послѣдуетъ перепроизводство вина, ибо таковое можетъ быть предупреждено порядкомъ пріобрѣтенія спирта въ казну отъ заводовъ, такъ что увеличеніе числа заводовъ будетъ имѣть мѣсто только въ отношеніи заводовъ мелкихъ, имѣющихъ сельско-хозяйственное значеніе, и притомъ только въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ въ этомъ представится дѣйствительная надобность, и гдѣ винокуреніе можетъ получить дальнѣйшее развитіе безъ всякаго вреда для винокуреннаго производства въ прочихъ частяхъ Имперіи. Независимо отъ благопріятнаго по указаннымъ причинамъ вліянія казенной продажи вина на улучшеніе благосостоянія страны, при введеніи ея можно надѣяться также и на достиженіе, можетъ быть, столь же благопріятныхъ послѣдствій и собственно въ финансовомъ отношеніи. Взявъ въ свои руки продажу вина, казна естественно можетъ воспользоваться и всѣми доходами, которыми пользуются нынѣ отъ этой продажи частныя лица—виноторговцы, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ выгодъ, какія пріобрѣтаются ими при посредствѣ злоупотребленій.

Таковы тѣ соображенія, которыя были положены въ основу при выработкѣ новѣйшей реформы въ области питейнаго дѣла. Одною изъ главныхъ задачъ ея было поставлено огражденіе нравственности, здоровья и благосостоянія народа отъ растлѣвающаго вліянія сложившагося годами типа питейнаго заведенія. Первымъ шагомъ въ борьбѣ съ этимъ вліяніемъ должно явиться устраненіе того эгоистическаго начала, которое являлось источникомъ зла, способствуя распространенію въ народѣ пьянства. Установленіе казенной продажи вина, при которой изъ области питейной торговли устраняется частный интересъ, должно положить предѣлъ вліянію этого интереса. Но одновременно съ этимъ для обезпеченія успѣха реформы признано было необходимымъ вступить непосредственно къ борьбу съ укоренившеюся уже въ населеніи привычкой, въ борьбу съ пьянствомъ.

Съ этою цѣлью въ мѣстахъ казенной продажи вина признано нужнымъ создать такъ называемыя „попечительства о народной трезвости“. Образованіе этихъ попечительствъ было вызвано сознаніемъ, что въ дѣлѣ искорене-

нія пьянства на ряду съ правительственными органами пожелаютъ принять участіе представители мѣстнаго общества, которые, будучи хорошо знакомы съ бытомъ, нравами и привычками населенія, могутъ оказать существенное содѣйствіе. Согласно уставу попечительствъ, 20 декабря 1894 г., задачи ихъ—огражденіе населенія отъ злоупотребленія крѣпкими напитками, попеченіе объ излеченіи страдающихъ запоемъ устройствомъ особыхъ для сего пріютовъ и нравственное воздѣйствіе на населеніе, путемъ выясненія вреда отъ неумѣреннаго потребленія вина и пріученія къ болѣе облагороживающему пользованію своимъ досугомъ въ спеціально устраиваемыхъ для сего читальняхъ, народныхъ чтеніяхъ, собесѣдованіяхъ и проч. Попечительствамъ предоставляется также надзоръ за производствомъ торговли, согласно правиламъ, установленнымъ для огражденія населенія отъ вреднаго вліянія этой торговли. Съ этою цѣлью на членовъ попечительствъ возлагается ближайшее наблюденіе за ходомъ торговли въ соотвѣтствующихъ раіонахъ, съ предоставленіемъ имъ правъ, которыми пользуются въ этихъ видахъ чины акцизнаго надзора. Въ составъ попечительствъ привлекаются представители духовенства, административной и судебной власти, общественныхъ учрежденій и частныя лица. Попечительствамъ выдаются отъ казны денежныя пособія для осуществленія ими задачъ по устройству полезныхъ учрежденій, противодѣйствующихъ пьянству.

Казенная продажа питей была первоначально введена (съ 1 января 1895 г.) лишь въ видѣ опыта въ четырехъ восточныхъ губерніяхъ (Пермской, Уфимской, Оренбургской и Самарской).

Въ виду обнаружившихся вскорѣ хорошихъ результатовъ этого опыта, уже въ маѣ 1895 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о немедленномъ приступѣ къ подготовительнымъ работамъ по введенію казенной продажи вина въ губерніяхъ съ еврейскимъ населеніемъ. Вслѣдствіе этого новая система была введена: съ 1 іюля 1896 г. въ 9 южныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ, а именно: въ Бессарабской, Волынской, Екатеринославской, Кіевской, Подольской, Полтавской, Херсонской, Черниговской и Таврической; съ 1 іюля

1897 г. въ 6 сѣверо-западныхъ губерніяхъ: Виленской, Витебской, Гродненской, Ковенской, Минской, Могилевской, а также въ Смоленской; съ 1 января 1898 г. въ губерніяхъ Привислинскихъ. Съ того же срока введена была казенная продажа питей въ губерніяхъ С.-Петербургской, Псковской, Новгородской, Олонецкой, а также въ Харьковской. Въ остальныхъ губерніяхъ Европейской Россіи реформа была введена въ теченіе 1900 года.

Принятію послѣдняго рѣшенія предшествовало ознакомленіе съ результатами, обнаруженными практикою казенной продажи въ 14 губерніяхъ. Средствомъ этого ознакомленія, помимо личныхъ поѣздокъ министра финансовъ и другихъ чиновъ вѣдомства, явилось обращеніе съ запросомъ къ начальникамъ губерній и другимъ представителямъ мѣстной власти монопольныхъ губерній о томъ, насколько полученные результаты отвѣчаютъ цѣли предпринятой реформы. Присланные отзывы были систематизированы и опубликованы въ особомъ изданіи.

Въ большинствѣ отзывовъ послѣдствія реформы выставляются въ очень благопріятномъ свѣтѣ. Сущность ихъ сводится къ слѣдующему: огульнаго пьянства, какъ прежде, не замѣчается; потребленіе водки сократилось, а вмѣстѣ съ тѣмъ сократились буйства, ссоры, драки; происходившіе прежде изъ за пьянства семейные раздоры уменьшились; установился болѣе правильный порядокъ въ образѣ жизни и въ занятіяхъ.

Но рядомъ съ такими отзывами, проникнутыми извѣстнымъ пристрастіемъ и во всякомъ случаѣ большимъ оптимизмомъ, встрѣчаются отзывы гораздо болѣе сдержанные, осторожные. Указываютъ на то, что сокращенія пьянства пока не усматривается, что существеннаго вліянія на нравственность пока не замѣтно, что дурныя стороны неумѣреннаго потребленія вина только измѣнились, а не исчезли, что судить о вліяніи реформы на нравственность и экономическое положеніе населенія еще нельзя по кратковременности дѣйствія новой системы.

Что касается непосредственныхъ орудій новой реформы въ дѣлѣ собственно борьбы съ пьянствомъ—попечительствъ о народной трезвости, то по отношенію къ нимъ и ихъ роли

приходится дать особенно осторожный отзывъ. Они не проявили еще такой замѣтной дѣятельности, которая позволяла бы видѣть въ нихъ рѣшительный факторъ въ борьбѣ съ алкоголизмомъ. Причины этого, какъ показалъ опытъ, лежатъ, съ одной стороны, въ ихъ организаціи, а съ другой—въ самой постановкѣ ихъ задачъ.

По дѣйствующему закону, главными распорядительными органами въ системѣ попечительствъ являются губернскіе и уѣздные комитеты. По ст. 6 устава попечительствъ о народной трезвости, „губернскіе комитеты образуются подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ первенствующаго члена—епархіальнаго архіерея и членовъ: депутата отъ духовнаго вѣдомства, по назначенію мѣстнаго епархіальнаго начальства, губернскаго предводителя дворянства, предсѣдателя и прокурора окружнаго суда, вице-губернатора, управляющихъ: казенною палатою, государственными имуществами, контрольною палатою, акцизными сборами и удѣльнымъ округомъ, директора народныхъ училищъ и одного изъ директоровъ среднихъ учебныхъ заведеній, по назначенію попечителя учебнаго округа, предсѣдателя отдѣленія крестьянскаго поземельнаго банка, начальника губернскаго жандармскаго управленія, уѣзднаго воинскаго начальника, врачебнаго инспектора, предсѣдателя губернской земской управы, двухъ членовъ отъ губернскаго земскаго собранія, по его избранію, и городского головы губернскаго города“.

По этому же типу организованы и уѣздные комитеты, въ составѣ соотвѣтственныхъ представителей власти въ уѣздахъ.

Кромѣ того въ составѣ комитетовъ могутъ быть почетные члены,—избираемые губернскими комитетами, а въ составѣ уѣздныхъ—и члены соревнователи, избираемые ими и утверждаемые губернскими комитетами „изъ лицъ, изъявившихъ желаніе принимать участіе въ дѣлахъ попечительства“ (ст. 10 Устава). Въ роли этихъ членовъ-соревнователей и могутъ явиться представители мѣстнаго общества, мѣстные жители, не принадлежащіе къ составу администраціи. Но имъ уставъ попечительствъ предоставляетъ лишь *совѣщательный* голосъ (ст. 13), что ставитъ ихъ въ неравноправное по отношенію къ другимъ членамъ положеніе. А

такое положеніе не можетъ обезпечивать привлеченіе въ составъ соревнователей такихъ лицъ, которыя дорожатъ правомъ активнаго, дѣятельнаго участія въ дѣлѣ, ихъ интересующемъ. Теряясь въ массѣ чиновниковъ, въ большинствѣ случаевъ обремененныхъ прямыми своими служебными обязанностями и не имѣющими часто прямого отношенія къ мѣстной жизни, почетные члены и члены-соревнователи не имѣютъ и не могутъ имѣть вліянія на дѣятельность комитетовъ.

Съ другой стороны, какъ уставъ попечительствъ, такъ и руководящія указанія, данныя для ихъ дѣятельности министерствомъ финансовъ, ставятъ ввѣряемую имъ задачу *борьбы съ пьянствомъ* въ довольно тѣсные предѣлы. Попечительства призываются къ „огражденію населенія отъ *злоупотребленія* крѣпкими напитками“. По словамъ „руководящихъ указаній“ (одобренныхъ министромъ финансовъ 28 янв. 1897 г.), „только ограничиваясь указанною въ уставѣ цѣлью—ограждать населеніе лишь отъ *злоупотребленія* крѣпкими напитками—попечительства въ состояніи будутъ дѣйствовать на народную массу съ увѣренностью на успѣхъ и привлечь къ этому дѣлу достаточное число сотрудниковъ изъ состава общества, которые, не чувствуя себя способными сами выдержать искусъ полнаго воздержанія, весьма вѣроятно воздержались бы принять участіе въ дѣятельности попечительствъ, если бы на знамени ихъ выставлено было требованіе безусловной трезвости... Независимо отъ этихъ соображеній, побуждающихъ даже многія общества трезвости не предъявлять къ своимъ членамъ требованія о совершенномъ воздержаніи отъ крѣпкихъ напитковъ, надлежитъ имѣть въ виду то, что попечительства о народной трезвости являются правительственными органами; въ качествѣ же таковыхъ, они, конечно, не задаваясь никакими утопическими цѣлями, должны предъявлять требованія, исполненія которыхъ можно ожидать отъ каждаго средняго человѣка, тѣмъ болѣе что съ государственной точки зрѣнія важно именно только оградить народъ отъ *неумѣреннаго* потребленія напитковъ, какъ разстраивающаго здоровье и благосостояніе населенія и развращающаго его въ нравственномъ отношеніи“. Дальнѣйшія указанія подчеркиваютъ,

что „дѣятельность попечительствъ должна ограничиваться чисто *отрицательною* стороною—ограждать населеніе отъ злоупотребленій крѣпкими напитками, и разъ въ настоящее время злоупотребленія эти сводятся къ неумѣренному потребленію вина собственно въ праздничные дни и по случаю разныхъ семейныхъ и иныхъ торжествъ, то противъ этихъ именно злоупотребленій и должна быть направлена дѣятельность попечительствъ".

Изложенныя указанія, безъ сомнѣнія, значительно суживаютъ задачи борьбы съ пьянствомъ, сравнительно съ тѣмъ, что, казалось бы, имѣлось въ виду при первоначальной постановкѣ этого дѣла. Въ этихъ указаніяхъ чувствуется и значительное несоотвѣтствіе квалификаціи „неумѣреннаго потребленія вина собственно въ праздничные дни" и пр. сравнительно съ тою картиною распространенія порока пьянства, которая нарисована была въ мотивахъ реформы.

Борьба съ пьянствомъ, какъ показываетъ опытъ иностранныхъ государствъ, можетъ быть успѣшною только тогда, когда она становится на рѣшительную почву борьбы съ потребленіемъ крѣпкими напитками и не ставится въ растяжимыя рамки устраненія лишь злоупотребленія ими. Надо, однако, замѣтить, что задачи такой борьбы едва ли, впрочемъ, и могли бы быть положены въ основу дѣятельности попечительствъ, какъ органовъ финансоваго управленія. Послѣднее не можетъ быть склонно къ рѣшительной борьбѣ съ потребленіемъ спиртныхъ напитковъ, разъ налоги съ этихъ напитковъ представляютъ главную основу финансоваго хозяйства. Какъ органы финансоваго вѣдомства, попечительства о народной трезвости не могутъ явиться рѣшительнымъ факторомъ въ системѣ мѣръ борьбы съ пьянствомъ. Для успѣха ея нужно, чтобы къ участію въ ней были привлечены учрежденія, не заинтересованныя въ увеличеніи и уменьшеніи доходовъ казны отъ питейныхъ налоговъ, и чтобы въ этой борьбѣ получали надлежащее выраженіе единственно заботы объ интересахъ населенія, сохраненіи его душевныхъ и физическихъ силъ и трудовой способности, какъ залога экономическаго благосостоянія.

Считая, въ виду высказанныхъ соображеній, преждевременнымъ давать окончательное заключеніе о значеніи

новѣйшей реформы съ точки зрѣнія интересовъ борьбы съ пьянствомъ, нельзя однако сомнѣваться въ томъ, что эта реформа займетъ видное мѣсто въ исторіи развитія мѣръ противъ пьянства въ Россіи. Такое мѣсто обезпечиваетъ за нею уже одно признаніе крайней необходимости борьбы съ вѣковымъ явленіемъ—признаніе, никогда до сихъ поръ не выражавшееся въ правительственныхъ мѣрахъ съ такою рѣшительностью. Съ другой стороны, реформою, начавшеюся съ 1894 года, данъ сильный толчекъ развитію общественнаго вниманія къ дѣлу борьбы съ пьянствомъ. Какъ бы ни была неудовлетворительно поставлена дѣятельность попечительствъ о народной трезвости, важно то, что оффиціально признана необходимость участія общества въ этой борьбѣ. Однако сколько-нибудь широкое развитіе этого участія тормозится бюрократическимъ характеромъ попечительствъ, въ составъ которыхъ общественный элементъ входитъ лишь въ лицѣ немногочисленныхъ участковыхъ попечителей; что же касается членовъ соревнователей, несущихъ наиболѣе активную работу по осуществленію на мѣстахъ цѣлей, преслѣдуемыхъ попечительствами, то они не пользуются правомъ голоса въ комитетахъ.

Въ послѣднее время неудовлетворительность организаціи попечительствъ, уже съ самаго начала отмѣченная въ печати, признается и министерствомъ финансовъ. По словамъ одного оффиціальнаго сообщенія [1], установленный „порядокъ комплектованія попечительствъ о народной трезвости мало соотвѣтствовалъ тому живому дѣлу, которое поручено было попечительствамъ и вскорѣ сознана была необходимость организовать составъ комитетовъ попечительствъ о народной трезвости такимъ образомъ, чтобы къ участію въ дѣлахъ комитета привлекались лишь такія лица, которыя по самому роду своихъ занятій не могутъ не интересоваться дѣятельностью попечительствъ о народной трезвости (представители мѣстной администраціи и органовъ самоуправленія, также депутаты вѣдомствъ акцизнаго, духовнаго и учебнаго), прочіе же члены входили бы въ со-

[1] „Попечительства о народной трезвости за первое пятилѣтіе 1895—1899 г.“. См. „Вѣстникъ Финансовъ“, №№ 15 и 16 за 1902 г.

ставъ комитетовъ не иначе, какъ по собственному ихъ желанію принять на себя званіе члена комитета. Этотъ взглядъ на дѣло не нашелъ себѣ еще полнаго выраженія, но въ значительной мѣрѣ отразился уже въ рядѣ узаконеній, изданныхъ за послѣднее время въ развитіе постановленій устава попечительствъ по вопросу о порядкѣ завѣдыванія на мѣстахъ дѣлами попечительства о народной трезвости".

Такъ, предсѣдателямъ губернскихъ и особыхъ комитетовъ предоставляется право приглашать въ составъ комитетовъ извѣстное число лицъ сверхъ обязательныхъ членовъ комитетовъ (въ губернскихъ и особыхъ комитетахъ не больше пяти лицъ, въ уѣздныхъ—трехъ). Изданнымъ въ 1902 году циркуляромъ указывается на желательность использованія означеннаго права „въ такомъ направленіи, которое возможно болѣе содѣйствовало бы оживленію дѣятельности комитетовъ попечительствъ". Въ качествѣ необязательныхъ членовъ рекомендуется привлекать въ комитеты лицъ уже поработавшихъ въ роли членовъ-соревнователей. Характерною чертою новѣйшихъ указаній является также то, что въ нихъ особенное значеніе придается усиленію въ комитетахъ попечительствъ земскаго элемента: присутствіе послѣдняго „не только обезпечило бы, по словамъ циркуляра, привлеченіе къ дѣятельности по попечительствамъ лицъ, близко знакомыхъ съ бытомъ, нравами и привычками мѣстнаго населенія, но находило бы себѣ оправданіе и въ томъ, что многія мѣры, къ которымъ прибѣгаютъ попечительства о народной трезвости (читальни, библіотеки, книжные склады, народныя чтенія, воскресныя школы), нерѣдко занимаютъ видное мѣсто въ дѣятельности мѣстныхъ земствъ".

Съ другой стороны, нѣкоторыя начинанія въ области развитія въ населеніи трезвости встрѣчали тормозы и затрудненія въ сложномъ порядкѣ разрѣшенія такихъ предпріятій, какъ народныя чтенія или устройство библіотекъ и читаленъ (на полученіе разрѣшенія нерѣдко уходило нѣсколько мѣсяцевъ и даже цѣлые годы). Наконецъ, въ 1901 году выработаны были болѣе упрощенныя правила относительно народныхъ чтеній, а въ 1902 г. утверждены новыя правила для устройства попечительствами безплатныхъ библіотекъ-читаленъ, которыя теперь могутъ быть открываемы

собственнымъ распоряженіемъ попечительствъ, безъ испрашиванія особыхъ разрѣшеній.

Изъ другихъ мѣръ, предпринятыхъ съ цѣлью оживить дѣятельность комитетовъ, слѣдуетъ упомянуть о созданіи въ 1899 г. должности непремѣнныхъ членовъ комитетовъ для ближайшаго завѣдыванія дѣлами попечительствъ о народной трезвости и для наблюденія за ихъ дѣлопроизводствомъ. Въ интересахъ большей успѣшности дѣятельности непремѣнныхъ членовъ въ 1902 году рѣшено на эти должности привлекать лицъ не связанныхъ другими занятіями, и предоставить имъ вознагражденіе (не свыше 1.800 руб. въ годъ). Получая при такихъ условіяхъ возможность посвящать свое время заботамъ по развитію предпріятій попечительства, непремѣнные члены должны явиться дѣятельными органами надзора со стороны губернскихъ комитетовъ за мѣстными учрежденіями. Для осуществленія этого надзора должны быть предпринимаемы періодическія и экстренныя командировки непремѣнныхъ членовъ въ отдѣльные уѣзды (съ этою цѣлью сумма, ассигнуемая на разъѣзды, увеличена съ 300 руб. до 1.000 руб. въ годъ).

Благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ дѣятельность попечительствъ о народной трезвости можетъ получить дальнѣйшее развитіе, успѣшность котораго будетъ находиться въ прямомъ соотношеніи со степенью того сочувствія и той поддержки, какія они сумѣютъ вызвать въ средѣ мѣстнаго общества.

Несмотря на многія неудовлетворительныя стороны въ организаціи попечительствъ въ первые годы ихъ дѣятельности, ими достигнуты въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ значительные результаты.

Она выразилась въ довольно разнообразныхъ формахъ, объединенныхъ стремленіемъ доставить населенію различныя удобства и разумныя развлеченія и внести въ его среду нѣкоторыя просвѣтительныя учрежденія. Главнымъ типомъ учрежденій, насаждаемыхъ попечительствами о народной трезвости, являются народныя чайныя. Въ нихъ усматриваютъ наиболѣе дѣйствительный способъ доставить народу удобное помѣщеніе, гдѣ онъ могъ бы собираться въ свободное отъ работъ время. Чайныя призваны замѣнить

прежніе кабаки и шинки, въ роли народныхъ клубовъ, при чемъ онѣ могутъ явиться орудіями воздѣйствія на населеніе въ нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ. Въ этихъ видахъ при многихъ чайныхъ устраиваются такія просвѣтительныя учрежденія, какъ библіотеки, книжные склады, аудиторіи для народныхъ чтеній и т. п. Хотя чайныя представляютъ собою наиболѣе распространенныя учрежденія попечительствъ, число ихъ, однако, не особенно значительно.

Изъ другихъ учрежденій сравнительно болѣе распространенными являются читальни, библіотеки и книжные склады. Во многихъ мѣстностяхъ въ связи съ читальнями устроены библіотеки съ выдачею книгъ для чтенія на домъ. И тѣ, и другія учрежденія пользуются огромнымъ успѣхомъ среди крестьянъ; въ отношеніи къ библіотекамъ отчетъ неоднократно подчеркиваетъ, что крестьяне замѣчательно аккуратно обращаются съ книгами, возвращая ихъ въ чистомъ видѣ и въ срокъ. Книжные склады также мѣстами получили нѣкоторое развитіе.

Народныя чтенія были устраиваемы почти всѣми комитетами, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ проявили особую энергію въ этомъ дѣлѣ.

Изъ другихъ начинаній комитетовъ можно отмѣтить: театральныя представленія (правильное устройство они получили въ 20 населенныхъ пунктахъ), народныя гулянья (получили особенно широкое развитіе въ городахъ С.-Петербургѣ, Варшавѣ, Уфѣ): въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сдѣланы были опыты устройства воскресныхъ школъ, вечернихъ классовъ.

Успѣшная и широкая дѣятельность нѣкоторыхъ попечительствъ свидѣтельствуетъ о томъ, что въ бѣдной культурными интересами деревнѣ эти учрежденія могутъ явиться очень цѣнными и благодѣтельными факторами просвѣщенія народныхъ массъ.

Мѣры по отношенію къ проституціи.

Подъ именемъ „проституція“, въ широкомъ смыслѣ, разумѣются вообще всякаго рода внѣ-брачныя половыя отношенія, при чемъ въ это понятіе войдутъ также и такъ назыв. противоестественныя отношенія, какъ-то мужеложство (или педерастія) и скотоложство. Это опредѣленіе обнимаетъ собою явленіе полового разврата въ обширномъ смыслѣ. Въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, подъ проституціей разумѣется половой развратъ, принимающій характеръ регулярной профессіи—постояннаго занятія, которое, въ качествѣ такового, выдѣляетъ предающихся ему женщинъ въ особую общественную группу. Полицейское право имѣетъ дѣло именно съ этимъ явленіемъ профессіональнаго разврата проститутокъ.

Исторія различныхъ народовъ свидѣтельствуетъ о томъ, что уже съ первыми зачатками культурнаго развитія всюду устанавливался взглядъ на проституцію, какъ на явленіе безнравственное, заслуживающее кары. Свидѣтельства объ этихъ карахъ, о стремленіи уничтожить проституцію, мы находимъ, напр., въ памятникахъ древне-еврейскаго законодательства Моисея. И несмотря на это, порокъ развивался и укоренялся настолько, что, напр., въ книгѣ Царей упоминается о томъ, что возлѣ самаго храма Іерусалимскаго находились хижины, гдѣ еврейскія дѣвушки предавались проституціи за деньги. Сознаніе безнравственности профессіональной проституціи рано вызываетъ со стороны государства стремленіе регламентировать ее съ цѣлью удалить или, по крайней мѣрѣ, уменьшить соблазнъ отъ этого. Такъ, у древнихъ Грековъ проституція принимаетъ легальную форму; занятіе ею считается предосудительнымъ и предоставляется только рабынямъ, такъ что если проституціи предается свободная женщина, то она, въ силу этого, становится рабынею. Солонъ устроилъ публичный домъ (диктеріонъ), какъ государственное учрежденіе, покупалъ для него на государственныя средства рабынь изъ чужихъ земель и регулировалъ внутренній порядокъ въ этомъ диктеріонѣ. Въ Аѳинахъ различались три сорта профес-

сіональныхъ проституткъ—диктеріады (женщины публичнаго дома), аулетриды (арфистки, или, точнѣе, игральщицы на флейтѣ) и гетеры. Въ Римѣ надзоръ за проституціей возлагался на эдиловъ, которые имѣли ближайшее наблюденіе за публичными домами (lupanarium).

Не касаясь подробностей исторіи проституціи, замѣтимъ, что въ общемъ она, считаясь занятіемъ предосудительнымъ, продолжала быть терпимой. Въ разное время въ различныхъ странахъ дѣлались, правда, попытки радикально искоренить проституцію, но онѣ вскорѣ оказывались безплодными. Такъ, во Франціи Людовикъ IX Святой, по возвращеніи изъ крестоваго похода, былъ пораженъ упадкомъ нравственности въ своемъ государствѣ и издалъ въ 1254 г. повелѣніе объ изгнаніи публичныхъ женщинъ (expellantur autem publicae meretrices tam de campis quam de villis) и о воспрещеніи всѣмъ лицамъ отдавать имъ помѣщенія въ своихъ домахъ, подъ страхомъ конфискаціи этихъ домовъ. Этотъ ордонансъ Людовика IX былъ приведенъ въ исполненіе со всею его суровостью. „Сначала—говоритъ Деламаръ, историкъ полиціи во Франціи,—ордонансъ произвелъ столь благіе результаты, что нѣкоторыя изъ развратныхъ женщинъ обратились и удалились въ Maison des Filles Pénitentes. Людовикъ Св. выдалъ имъ вспомоществованіе. Но и въ Парижѣ, и въ другихъ городахъ королевства оставалось еще большое число развратныхъ женщинъ: онѣ либо скрывались, либо принимали обликъ честныхъ женщинъ и подъ этимъ обликомъ безнаказанно продолжали свое „гнусное ремесло“. Вслѣдствіе этого, „рѣшено было терпѣть этихъ несчастныхъ жертвъ безнравственности, но въ то же время сдѣлать ихъ извѣстными публикѣ и, такъ сказать, указать на нихъ перстомъ (de les montrer pour ainsi dire au doigt). Опредѣлены были извѣстныя улицы и мѣста для ихъ жительства, одѣянія, какія онѣ могли носить, и часы ихъ удаленія (heures de leur retraite). Именно съ этого времени—прибавляетъ Деламаръ—ихъ начали обозначать на нашемъ языкѣ особыми презрительными именами, которыя изобличали гнусность ихъ разврата. Очевидно, имѣлось въ виду, что, при такомъ публичномъ оглашеніи ихъ, присущій ихъ полу стыдъ придетъ на

помощь законамъ и что мужчины сами будутъ совѣститься посѣщать эти мѣста и эти созданія, отмѣченныя такимъ безчестіемъ. Ордонансъ въ этомъ смыслѣ былъ изданъ въ томъ же 1254 г".

Это терпимое отношеніе къ проституціи и ея притонамъ (публичнымъ домамъ) сдѣлалось характеристическою чертою государственной политики въ области полиціи нравовъ. Распутныя женщины были не только терпимы, но публичные дома признавались даже прямо необходимыми для города учрежденіями. Такіе дома часто составляли собственность территоріальнаго государя или города, которые ради выгоды сдавали ихъ въ аренду женщинамъ или же сами управляли ими хозяйственнымъ образомъ. Частные публичные дома могли устраиваться по полученіи концессіи и находились подъ правительственной защитой. Они платили также налоги. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напр., въ Вѣнѣ и Ульмѣ, содержательницы домовъ терпимости подлежали спеціальной юрисдикціи.

По временамъ это терпимое отношеніе къ проституціи, какъ къ неизбѣжному злу, уступало свое мѣсто иному отношенію—стремленію искоренить зло. О попыткѣ въ этомъ смыслѣ въ XIII в. уже упомянуто выше. Въ болѣе новое время любопытный въ этомъ отношеніи примѣръ видимъ въ Австріи, въ царствованіе Императрицы Маріи-Терезіи [1].

Согласно уголовному кодексу, изданному Маріею-Терезіею, „Терезіана" (Constitutio criminalis Theresiana, 1769), преслѣдовались не только распутство въ формѣ проституціи, но и конкубинатъ, равно всякая любовная связь внѣ брака. Послѣдняя влекла за собою денежный штрафъ и арестъ. Конкубинатъ наказывался тѣлесно; если же и затѣмъ сожительство продолжалось, то виновные подвергались еще болѣе строгому публичному наказанію и ссылкѣ.

Проституція женщинъ каралась жестокими тѣлесными истязаніями и ссылкою, при чемъ усугубляющимъ вину обстоятельствомъ было возведеніе распутства въ ремесло, съ цѣлью добыванія денегъ.

---

[1] В. М. Тарновскій. Проституція и аболиціонизмъ. Спб. 1888, стр. 48.

Согласно своду наказаній „Терезіаны“, обычное наказаніе проститутки состояло въ сѣченіи плетьми. Если же проститутка кого-нибудь заражала или совершала кражу, то съ нею поступали еще строже и она подвергалась пыткѣ.

Приговоръ произносился судьею низшаго разряда и приводился въ исполненіе въ самомъ скоромъ времени. Женщину раздѣвали до рубашки и вели босикомъ въ церковь, гдѣ сажали ее въ мѣшокъ, который завязывали у подбородка. Затѣмъ палачъ стригъ ей волосы и сбривалъ ихъ потомъ до самаго корня. Голый черепъ намазывали дегтемъ и сажею, и виновная выставлялась на поруганіе черни, бросавшей въ нее грязью и всякими нечистотами. Завязанная въ мѣшокъ проститутка выставлялась въ воскресенье во время божественной литургіи. Затѣмъ, когда служба оканчивалась и молельщики расходились по-домамъ, проститутку вынимали изъ мѣшка, привязывали къ скамьѣ, и палачъ наказывалъ ее розгами по голому тѣлу. Потомъ ее бросали въ тачку вмѣстѣ съ другими проститутками, такъ какъ наказаніе всегда производилось заразъ надъ нѣсколькими женщинами, и ихъ вывозили за городъ, до первой окраины. Тутъ палачъ въ послѣдній разъ посылалъ ей ударъ ногою, а толпа—градъ камней и грязи. Эта процедура производилась какъ въ Вѣнѣ, такъ и въ другихъ городахъ Австріи до 20-хъ годовъ XIX-го столѣтія.

Сводничество, согласно уложенію Маріи-Терезіи, также наказывалось розгами и ссылкою. Усиливающими вину обстоятельствами считалось, если родители способствовали разврату своихъ дѣтей, или мужъ—жены, или братъ—сестры, или опекунъ—питомца. Въ такихъ случаяхъ виновные были обезглавливаемы. Если же грѣхъ совершался съ духовнымъ лицомъ или вѣрующей съ невѣрующимъ, то послѣ обезглавливанія трупъ сводни еще вдобавокъ сжигался.

Съ 1751 по 1769 г. всѣ проститутки высылались въ Банатъ, въ Темесваръ на опредѣленное число лѣтъ, съ запрещеніемъ возвращаться въ Вѣну. Два раза въ годъ отправлялись по Дунаю суда, нагруженныя проститутками и всякаго рода бродягами, приговоренными къ рабочему дому. Каждый транспортъ заключалъ до 300 человѣкъ. Кромѣ

того, публичныхъ женщинъ сажали въ крѣпость Karrenitz для наказанія и принудительныхъ работъ.

Въ то же время правительство преслѣдовало и мужчинъ, предававшихся распутству: ихъ сначала подвергали аресту въ „Rumorhaus"; при повтореніи проступка—тѣлесному наказанію и, наконецъ, заключенію въ смирительномъ домѣ.

Въ правленіе Маріи-Терезіи принимались вообще всѣ мѣры, чтобы уничтожить, по тогдашнимъ понятіямъ, самыя причины возникновенія проституціи. Такъ, кромѣ строгаго преслѣдованія уличной проституціи, закрытія публичныхъ домовъ и тайныхъ притоновъ, кромѣ мѣръ противъ своденъ, въ 1745 г изданъ законъ, воспрещавшій открывать биллiардныя, кофейни и рестораны въ нижнемъ этажѣ, если окна квартиры не выходили на улицу и не было дверей, прямо сообщавшихся съ улицею. Цѣль этого постановленія была облегчить полиціи наблюденіе за нравами, такъ какъ подобныя заведенія имѣли женскую прислугу и были притонами тайной проституціи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Марія-Терезія заботилась объ увеличеніи числа браковъ. Если соблазнитель беременной дѣвушки отказывался на ней жениться, а она вела себя честно и добропорядочно, то ей выдавался дипломъ, который возстановлялъ ея честь и, такимъ образомъ, предостерегалъ отъ дальнѣйшаго разврата.

Наконецъ, для очищенія нравовъ, установлена была „комиссія цѣломудрія", особенно процвѣтавшая между 1751 и 1768 годами. Коммисія розыскивала всевозможными путями виновныхъ въ прелюбодѣяніи и проституціи и приговаривала ихъ ко всѣмъ вышеупомянутымъ тѣлеснымъ наказаніямъ, смирительному дому и ссылкѣ.

Къ этому времени всѣ смирительные дома были переполнены проститутками, независимо отъ того, что публичныхъ женщинъ полными грузами на судахъ ссылали въ Темесваръ. Комиссія эта считала для дѣвушки простительнѣе отравить своего любовника, чѣмъ отдаться ему.

Какіе же результаты имѣли всѣ эти мѣры?

Появились agents provocateurs, развился шантажъ, усилилось шпіонство, какъ послѣдствіе означенныхъ строгостей. Что же касается собственно проституціи, то она только измѣ

нила свою форму. Вмѣсто уличной проституціи и обитательницъ публичныхъ домовъ, явился новый классъ женской прислуги, которая, прикрываясь житьемъ въ услуженіи, собственно занималась развратомъ. Вѣнскія горничныя (Stubenmädchen) того времени, нарядныя, котетливыя и всѣмъ доступныя, составляли приманку для иностранцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, значительно увеличилось число нарушеній супружеской вѣрности. Несмотря на всѣ принятыя мѣры, число проститутокъ въ Вѣнѣ въ тогдашнее время, по словамъ I. Schrank'a, простиралось до 10000 заурядныхъ и 4000 болѣе утонченныхъ.

Во все время правленія Маріи-Терезіи не осталось ни единаго средства, которое не было бы испробовано, не жалѣли ничего, лишь бы искоренить проституцію. Тѣмъ не менѣе, результатомъ всего этого было то, что она воспрянула сильнѣе, чѣмъ прежде, а сифилисъ достигъ такихъ размѣровъ, что всѣ тогдашнія мѣры уменьшить его распространеніе оставались безсильными, и въ 1776 г. Марія-Терезія озаботилась учрежденіемъ въ Вѣнѣ больницы для венерическихъ больныхъ.

Что касается отношенія современныхъ государствъ къ проституціи, то здѣсь можно, прежде всего, усмотрѣть слѣдующее явленіе. Современное государство, повидимому, рѣшительно отказалось отъ той задачи, которую государство прежде иногда ставило себѣ—задачи искоренить проституцію. Очевидно, подъ вліяніемъ опыта прошлыхъ вѣковъ сложилось убѣжденіе въ безплодности какихъ либо попытокъ съ корнемъ вырвать это зло изъ общественной жизни. Установился взглядъ какъ бы на неизбѣжность этого зла, съ существованіемъ котораго приходится мириться. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, государство считаетъ своимъ призваніемъ употреблять мѣры къ сокращенію этого зла и къ возможному предупрежденію вредныхъ послѣдствій его. Сообразно съ характеромъ самаго зла и грозящихъ отъ него послѣдствій, полиція нравовъ въ области проституціи преслѣдуетъ двѣ главныя цѣли: устраненіе нравственной опасности отъ проституціи и удаленіе пагубныхъ послѣдствій ея для народнаго здравія въ виду того, что проституція является однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ развитія въ

обществѣ страшной заразной болѣзни—сифилиса. Относящіяся сюда мѣры тѣсно переплетаются съ мѣропріятіями нравственнаго характера.

Въ этой области на первомъ планѣ выступаютъ мѣры государства къ охраненію нравственности малолѣтнихъ и подростковъ. Такъ, русское уложеніе о наказаніяхъ (ст. 993) угрожаетъ уголовною карою (тюремнымъ заключеніемъ отъ 2-хъ до 4-хъ мѣсяцевъ) тѣмъ лицамъ, которыя, имѣя надзоръ за малолѣтними или несовершеннолѣтними или находясь въ услуженіи родителей ихъ, опекуновъ или родственниковъ, „будутъ благопріятствовать склонности силъ малолѣтнихъ или несовершеннолѣтнихъ къ непотребству и другимъ порокамъ, или же побуждать ихъ къ тому своими внушеніями или обольщеніями“. Еще болѣе значительныя кары угрожаютъ за сводничество — отцомъ или матерью своихъ дѣтей (ст. 998), мужьями своихъ женъ (ст. 999), опекунами или наставниками своихъ питомцевъ (ст. 1000); за такія преступленія грозитъ лишеніе всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и ссылка на житье въ Сибирь или отдача въ исправительныя арестантскія отдѣленія.

Государство, далѣе, заботится о томъ, чтобы чувство нравственности населенія и публичная благопристойность не нарушалась какими-либо безнравственными дѣйствіями. По 43 ст. уст. о нак., нал. мир. суд., „безстыдныя или соединенныя съ соблазномъ для другихъ дѣйствія въ публичномъ мѣстѣ караются арестомъ до 1 мѣсяца или денежнымъ штрафомъ до 100 руб.“. Обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы не производилось публичнаго соблазна отъ проституціи, лежитъ на общихъ органахъ исполнительной (наружной) полиціи и на спеціальныхъ врачебно-полицейскихъ комитетахъ. Изъ отдѣльныхъ законоположеній по этому предмету образовалась особая глава въ уставѣ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій (разд. III, гл. 4-я) — „О непотребствѣ“. Въ послѣднемъ изданіи этого устава, 1890 г., находимъ слѣдующія четыре статьи въ этой главѣ. Ст. 155 „воспрещается открывать днемъ и ночью домъ свой или наемный для непотребства, входить въ оный и непотребствомъ своимъ или непотребствомъ иныхъ снискивать себѣ

пропитаніе". (Эта статья, однако, стоитъ въ видимомъ противорѣчіи съ допускаемой дѣйствительностію: по ея смыслу дома терпимости ею запрещаются; между тѣмъ они, какъ извѣстно, существуютъ, подчиняясь лишь извѣстному контролю). Ст. 156: „Полиція ни въ какомъ случаѣ не дозволяетъ возникать непотребнымъ и соблазнительнымъ сборищамъ и повсемѣстно искореняетъ оныя, подъ какимъ бы видомъ и названіемъ они ни существовали". Ст. 157: „Запрещается мужскому полу старѣе семи лѣтъ входить въ торговую баню женскаго пола, а женскому полу въ баню мужескаго пола, когда въ оныхъ другой полъ парится". Ст. 158: „Пользующихся отъ заразительныхъ болѣзней въ госпиталяхъ допрашивать, отъ кого заразились, и по показанію буде заразившія ихъ женщины дѣйствительно окажутся виновными въ непотребствѣ и суть бродящія, подлыя и подозрительныя дѣвки, таковыхъ брать и лечить отъ заразительной болѣзни въ госпиталяхъ, а по вылеченіи, поступать съ ними, какъ о бродягахъ постановлено. Тѣ изъ непотребныхъ женщинъ и дѣвокъ, которыя имѣютъ происходящую отъ ихъ образа жизни заразительную болѣзнь (lues venera), должны открывать о томъ врачу при самомъ началѣ болѣзни".

Эта послѣдняя статья относится уже собственно къ другой сторонѣ полиціи—общественно-врачебной.

Въ этомъ отношеніи главную задачу полиціи проституціи составляетъ борьба съ сифилисомъ. Эта болѣзнь принадлежитъ къ числу особенно страшныхъ по своимъ проявленіямъ и послѣдствіямъ. Вредъ ея усугубляется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что эта болѣзнь не только личная, но вмѣстѣ съ тѣмъ и наслѣдственная, чрезъ что она, главнымъ образомъ, и получаетъ значеніе общественное. Она, помимо непосредственныхъ своихъ проявленій, составляетъ нерѣдко причину другихъ болѣзней. Значительное число пораженій головного и спинного мозга, глазъ, сочлененій, сердца, печени, почекъ, сосудовъ,—причина которыхъ прежде не была выяснена,—въ послѣднее время объясняются именно сифилисомъ. Всего 20—30 лѣтъ назадъ сифилисъ мозга принимался врачами за явленіе рѣдкое, исключительное: теперь же это составляетъ обыденное наблюденіе, встрѣ-

чаемое каждый день. Масса сифилитиковъ гибнетъ отъ локализаціи болѣзни въ мозгу, и едва ли не въ большей части всѣхъ нервныхъ пораженій находятъ сифилисъ, какъ главный этіологическій моментъ. Значеніе сифилиса, какъ болѣзни наслѣдственной, еще болѣе ужасно. Не менѣе 71% беременныхъ женщинъ, страдающихъ сифилисомъ, производятъ на свѣтъ мертвые плоды или дѣтей, погибающихъ въ теченіе перваго года жизни. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ этотъ процентъ достигаетъ 86, т. е. на 100 рожденій только 14 плодовъ остаются жить, остальные же 86 или родятся мертвыми, или погибаютъ въ первое время по рожденіи. Да и у тѣхъ, которые остаются жить, здоровье представляется поколебленнымъ. У дѣтей сифилитиковъ обыкновенно уже въ теченіе перваго года развиваются явленія наслѣдственаго сифилиса, которыя въ продолженіе долгаго ряда лѣтъ то возобновляются, то проходятъ при соотвѣтственномъ леченіи, то вновь ухудшаются. Несчастный, больной отъ рожденія, всю свою недолгую жизнь проведетъ въ упорной борьбѣ съ болѣзнью, которая въ концѣ концовъ преждевременно унесетъ его въ могилу. „Сифилисъ родителей имѣетъ огромное значеніе, какъ существенный этіологическій моментъ для появленія на свѣтъ всевозможныхъ вырождающихся типовъ, начиная съ первично помѣшанныхъ и постепенно восходя до кретиновъ, идіотовъ, слабоумныхъ, людей, порочно развитыхъ отъ рожденія, и, далѣе, кончая неврастениками всѣхъ видовъ и оттѣнковъ, составляющими несчастіе семей и нерѣдко цѣлыхъ обществъ. Длинная вереница разнообразныхъ врожденныхъ болѣзненныхъ отклоненій, которыми сифилитикъ награждаетъ общество—вотъ главное общественное зло, приносимое сифилисомъ“.

Такое значеніе болѣзни, распространяемой, главнымъ образомъ, путемъ проституціи, и лежитъ въ основѣ государственной политики по отношенію къ проституціи. По мнѣнію одного изъ лучшихъ спеціалистовъ-сифилидологовъ проф. Тарновскаго, „мѣры къ огражденію распространенія венерическихъ болѣзней и сифилиса путемъ проституціи должны быть направлены: во 1-хъ, къ уменьшенію заболѣваемости самихъ проститутокъ; во 2-хъ, къ охраненію общества отъ передачи болѣзни уже зараженными проститут-

ками, и, въ 3-хъ, къ доставленію наиболѣе удобнаго способа пользованія больныхъ проститутокъ". Таковы тѣ главныя санитарныя задачи, которыя ложатся на государство и общество въ отношеніи къ проституціи.

Господствующимъ способомъ осуществленія этихъ задачъ является такъ назыв. *регламентація* проституціи, подъ которою разумѣется система мѣропріятій, обезпечивающихъ путемъ дѣятельнаго контроля и надзора наличность извѣстныхъ санитарныхъ условій, которыми обставляется профессіональная проституція въ интересахъ возможнаго предупрежденія грозящихъ отъ нея опасностей. Эта санитарная регламентація проституціи представляетъ собою явленіе сравнительно новое: начало ея относится обыкновенно къ концу XVIII вѣка, когда во Франціи (именно въ Парижѣ въ 1778 г.) впервые былъ установленъ санитарный надзоръ по отношенію къ проституціи. Изъ Франціи регламентація была перенесена въ другія страны, въ томъ числѣ и въ Россію.

Основы дѣйствующей у насъ системы регламентаціи скопированы съ французскаго образца. Онѣ установлены были впервые съ образованіемъ въ 1843 г. особыхъ врачебно-полицейскихъ комитетовъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Вильнѣ, Ригѣ и Нижнемъ Новгородѣ во время ярмарки. Для того, чтобы дать болѣе отчетливое представленіе о подробностяхъ регламентаціи проституціи, мы приведемъ сначала нѣкоторыя общія положенія дѣйствующаго законодательства по этому предмету, а затѣмъ болѣе детально остановимся на системѣ регламентаціи проституціи въ Петербургѣ.

По дѣйствующимъ правиламъ, къ предохраненію отъ сифилиса предписываются слѣдующія мѣры. Во всѣхъ городахъ должны составляться полные и вѣрные списки публичнымъ женщинамъ. Составленіе списковъ лежитъ на обязанности полиціи, которая, кромѣ того, въ случаѣ выбытія публичной женщины изъ города, увѣдомляетъ о томъ полицейское начальство того мѣста, куда она отправляется. Списки публичныхъ женщинъ хранятся: въ губернскихъ городахъ—во врачебномъ управленіи, въ уѣздныхъ—въ городской больницѣ у врача. Значащіяся въ спискахъ жен-

щины должны подвергаться періодическому освидѣтельство ванію. Оно должно быть производимо не менѣе одного раза въ недѣлю: въ больницахъ—состоящими при нихъ врачами, въ губернскихъ городахъ—подъ непосредственнымъ надзоромъ губернскаго врачебнаго инспектора или члена врачебнаго управленія. Женщины, которыя по свидѣтельству окажутся зараженными, должны быть оставляемы въ больницѣ для излеченія. Отъ поступающихъ въ больницы лицъ мужскаго пола, одержимыхъ болѣзнью, должны отбираться показанія о томъ, отъ кого они заразились. Свѣдѣнія эти сообщаются полиціи и должны служить указаніемъ на открытіе женщинъ, тайно промышляющихъ развратомъ. Фабрики, заводы и другія многолюдныя заведенія должны имѣть, по возможности, своихъ врачей для періодическаго свидѣтельствованія рабочихъ мужчинъ; женщинъ же не иначе, какъ въ случаѣ сильныхъ сомнѣній на счетъ ихъ здоровья. Врачебному свидѣтельствованію должны быть подвергаемы всѣ лица низшаго класса обоего пола, забираемыя полиціею за проступки противъ благочинія. Эти мѣры, а равно и другія, принимаемыя въ тѣхъ же видахъ администраціею, имѣютъ свою санкцію въ уголовномъ законѣ. Такъ, „за неисполненіе распоряженій правительства, относящихся къ предупрежденію непотребства и пресѣченію вредныхъ отъ онаго послѣдствій“, уст. о нак., нал. мир. суд. (ст. 44) караетъ виновныхъ арестомъ до 1 мѣсяца или денежнымъ штрафомъ до 100 руб. Карается также и заражеиіе сифилисомъ: ст. 103 уст. о нак. гласитъ—„за сообщеніе другимъ происходящей отъ непотребства заразительной болѣзни виновные подвергаются аресту не свыше 2-хъ мѣсяцевъ или денежному взысканію не свыше 200 руб“.

Посмотримъ теперь на систему регламентаціи проституціи, какою она является въ Петербургѣ. Воспользуемся для этого данными, сообщаемыми д-ромъ А. И. Федоровымъ, инспекторомъ мѣстнаго врачебно-полицейскаго Комитета [1]. Комитетъ этотъ состоитъ, подъ предсѣдательствомъ помощника градоначальника, изъ членовъ—инспектора сто-

[1] Вѣстникъ обществ. гигіены судебн. и практич. медицины 1892 г. январь.

личнаго врачебнаго управленія, инспектора врачебно-полицейскаго комитета и члена-распорядителя того же комитета. Врачебный персоналъ комитета составляютъ: инспекторъ его, восемь участковыхъ врачей и три повивальныя бабки. При комитетѣ состоятъ по вольному найму 20 человѣкъ агентовъ или смотрителей. Обязанности инспектора комитета состоятъ: въ общемъ наблюденіи за правильностью медицинскихъ осмотровъ по всѣмъ отдѣленіямъ, въ административныхъ сношеніяхъ съ больницами, въ провѣркѣ явокъ зарегистрированныхъ въ списки комитета женщинъ, въ періодическихъ ревизіяхъ санитарнаго благоустройства домовъ терпимости и тайныхъ притоновъ и въ веденіи медицинской отчетности съ обращеніемъ особаго вниманія на контингентъ сифилитокъ. Участковые врачи несутъ на себѣ смотровыя дежурства каждый по три дня въ недѣлю. Весь Петербургъ раздѣленъ комитетомъ на 8 врачебныхъ участковъ, и каждый участковый врачъ обязанъ не менѣе раза въ мѣсяцъ осмотрѣть санитарное состояніе всѣхъ домовъ терпимости своего участка. При этомъ онъ долженъ обращать вниманіе: на общія гигіеническія условія всего помѣщенія, на исполненіе гигіеническихъ правилъ женщинами, на удовлетворительность питанія ихъ и т. д. Агенты, или смотрители комитета, являются дѣятельными органами ближайшаго надзора за проститутками. Каждому изъ нихъ назначается извѣстный районъ Петербурга, гдѣ онъ долженъ наблюдать за домами терпимости въ отношеніи исполненія ими правилъ комитета, за своевременной явкой къ медицинскому осмотру одиночекъ, которыхъ въ иномъ районѣ живетъ до 200, и за женщинами, допускающими подозрѣвать ихъ въ промыслѣ проституціей. Кромѣ того, смотрители назначаются ежедневно для занятій по регистраціи женщинъ, во время ихъ явки къ осмотру, и для вечернихъ дежурствъ на большихъ улицахъ и у подъѣздовъ увеселительныхъ собраній низшаго сорта. На нихъ, такимъ образомъ, лежитъ ближайшее наблюденіе за женщинами, занимающимися уличной провокаціей. Заподозрѣвъ женщину въ промыслѣ проституціей, смотритель слѣдитъ за дальнѣйшимъ поведеніемъ этой женщины, узнаетъ мѣсто ея жительства, осторожно спрашиваетъ о ней дворника и, въ

случаѣ собранія достаточныхъ фактовъ, доводитъ до свѣдѣнія комитета. Въ комитетѣ отдаютъ приказаніе смотрителю или секретно пригласить къ медицинскому осмотру указанную имъ женщину, если налицо имѣются достаточно вѣскіе факты, или же оставляютъ ее подъ дальнѣйшимъ секретнымъ наблюденіемъ. Въ первомъ случаѣ, женщина большею частью является въ комитетъ безъ принужденія и, въ виду представленныхъ ей собранныхъ смотрителемъ свѣдѣній, добровольно подчиняется правиламъ медицинскихъ осмотровъ, въ чемъ и даетъ подписку; въ рѣдкихъ же случаяхъ женщина отказывается являться въ комитетъ и тогда объ ней дѣлается докладъ въ засѣданіи комитета. Здѣсь вторично разсматриваются свѣдѣнія, добытыя смотрителемъ, и если они не оставляютъ сомнѣнія относительно приписываемой ей профессіи, то женщину подчиняютъ надзору журнальнымъ постановленіемъ, послѣ чего ее приглашаютъ уже черезъ полицейскій участокъ. Если послѣ состоявшагося постановленія комитета о привлеченіи женщины, какъ проститутки, къ санитарнымъ осмотрамъ послѣдняя все таки не является, то ее привлекаютъ къ взысканію черезъ мирового судью [1], по ст. 44 уст. о наказ. Такимъ же образомъ комитетъ поступаетъ и съ женщинами, уже состоящими подъ надзоромъ, но самовольно прекращающими явку къ санитарнымъ осмотрамъ.

Врачебно-полицейскій комитетъ имѣетъ наблюденіе надъ двумя главными категоріями проституткъ—обитательницъ публичныхъ домовъ и такъ назыв. одиночекъ. Надзоръ за публичными домами выражается въ слѣдующемъ: слѣдитъ, не допускаются ли къ промыслу въ какомъ-либо публичномъ домѣ постороннія, не состоящія подъ надзоромъ женщины, не производится ли запрещенная въ публичныхъ домахъ

---

[1] Здѣсь авторъ высказываетъ сожалѣніе по поводу того, что мировые судьи черезчуръ снисходительно относятся къ этимъ проступкамъ. Сознанія обязательности и пользы медицинскихъ осмотровъ у проститутокъ нѣтъ; только одинъ нѣмецкій элементъ отличается необыкновенной точностью въ своихъ явкахъ, и бываютъ такія изъ нихъ, которыя являются пять разъ въ мѣсяцъ. Многія же проститутки своимъ постояннымъ уклоненіемъ отъ медицинскихъ осмотровъ ставятъ комитетъ, особенно смотрителей, въ трудное положеніе.

продажа спиртныхъ напитковъ, чисто ли и питательно ли содержитъ хозяйка своихъ женщинъ, не изнуряютъ ли ихъ промысломъ, не спаиваютъ ли виномъ и правильно ли женщины являются къ медицинскому осмотру, а равно, исполняютъ ли онѣ правила гигіены въ смыслѣ обмываній и оставляютъ ли промыселъ на время менструацій. Эти наблюденія ведутъ смотрители комитета и врачи.

Вторая категорія проститутокъ, гораздо болѣе многочисленная, это—проститутки одиночки, т. е. живущія каждая порознь, иногда вдвоемъ. Онѣ составляютъ главную заботу комитета въ дѣлѣ санитарнаго надзора за ними. Хотя при подчиненіи каждой проститутки надзору ей внушается единственная ея обязанность—являться разъ въ недѣлю къ медицинскому осмотру, въ какой ей угодно день,—хотя объ этой обязанности и упомянуто въ выдаваемомъ ей бланкѣ, но немногія добросовѣстно выполняютъ ее. Добросовѣстностью относительно явки къ осмотру отличаются нѣмки и тѣ изъ русскихъ, которыя по матеріальному своему положенію составляютъ среднюю ступень.

Кромѣ двухъ упомянутыхъ категорій въ комитетѣ существуетъ рубрика „комиссіонныхъ женщинъ“. Это такія женщины, которыя доставляются изъ полицейскихъ участковъ, какъ подозрѣваемыя въ развратной жизни или же завѣдомыя проститутки, но взятыя въ ночное время на улицахъ. Всѣхъ такихъ женщинъ опрашиваютъ, производятъ надъ ними медицинскій осмотръ, уже состоявшимъ подъ надзоромъ дѣлаютъ внушеніе избѣгать улицъ вообще и особенно въ ночное время; изъ числа подозрѣваемыхъ нѣкоторыя подчиняются медицинскому надзору добровольно, другія же отпускаются безъ подчиненія, но остаются подъ полицейскимъ надзоромъ.

По правиламъ С.-Петербургскаго врачебно-полицейскаго комитета, проститутки должны являться для медицинскаго осмотра: изъ домовъ терпимости—два раза въ недѣлю, со своихъ квартиръ (одиночки)—одинъ разъ въ недѣлю. Что касается степени точности въ выполненіи требованія объ осмотрѣ, то по даннымъ за три года (1888—1890) видно, что число осмотровъ за эти годы шло, постепенно увеличиваясь

при одномъ и томъ же числѣ проституткъ (въ 1888 г. было 86.121 осмотровъ, въ 1890 г.—103.904).

Для медицинскаго осмотра проституткъ въ Петербургѣ устроены особыя помѣщенія при полицейскихъ домахъ, въ трехъ крайнихъ пунктахъ (въ послѣдніе годы всѣ публичные дома Петербурга сосредоточены по окраинамъ города).

Говоря о регламентаціи проституціи, любопытно отмѣтить фактъ постепеннаго уменьшенія числа публичныхъ домовъ. Это явленіе замѣчено и въ Петербургѣ и въ Парижѣ. Такъ, въ Петербургѣ за 20-ти лѣтній періодъ съ 1872 г. высшая цифра публичныхъ домовъ приходится на 1879 г., когда ихъ было 206 (съ 1528 женщ.); съ тѣхъ поръ она падала постепенно и въ 1891 г. дошла до 69 съ 608 женщ. Съ другой стороны, въ Парижѣ видимъ то же: въ 1843 г. тамъ было 235 домовъ терпимости; въ 1860 г.—194; въ 1870 г.—125; въ 1883 г.—101; въ 1889 г. всего только 66 (съ 726 женщ.). При этомъ, однако, замѣчается и такое явленіе: тогда какъ въ Петербургѣ число регламентированныхъ проституткъ хотя и медленно, но постепенно растетъ (въ 1872 г. ихъ было 2532; въ 1883 г. 4700; затѣмъ, однако, идетъ паденіе—въ 1890 г. ихъ было всего до 3000), въ Парижѣ число регламентированныхъ проституткъ падаетъ съ 4.159 .въ 1846 г. до 2.833 въ 1883 и 1.730 въ 1889 г. Причину сокращенія числа публичныхъ домовъ, быть можетъ, не безъ основанія, видятъ въ возрастающемъ развитіи различнаго рода заведеній, содѣйствующихъ разврату, безъ неприглядныхъ сторонъ публичныхъ домовъ, въ родѣ établissements en garnis, débits de bouisson и т. под. Д-ръ Федоровъ объясняетъ сокращеніе въ Петербургѣ домовъ терпимости запрещеніемъ продавать въ нихъ спиртные напитки и постепеннымъ выселеніемъ публичныхъ домовъ на окраины столицы. Въ Москвѣ же, прибавляетъ онъ, дома терпимости расположены въ центральныхъ частяхъ города, торговля спиртными напитками въ нихъ процвѣтаетъ, поэтому и публичныхъ домовъ тамъ вдвое больше противъ Петербурга.

Въ заключеніе очерка полиціи проституціи въ Россіи необходимо упомянуть о работахъ „Съѣзда по обсужденію мѣръ противъ сифилиса въ Россіи“. Съѣздъ этотъ состоялся въ Петербургѣ въ началѣ 1897 года (онъ засѣдалъ съ 15

по 22 января). Онъ былъ посвященъ всестороннему обсужденію вопроса о распространенности сифилиса въ Россіи, о причинахъ большого развитія его, а также о наиболѣе цѣлесообразныхъ мѣрахъ борьбы съ этою и другими венерическими болѣзнями. Въ частности, въ работахъ съѣзда значительное вниманіе было удѣлено и вопросу о проституціи и мѣрахъ по отношенію къ ней [1]).

Съѣздъ призналъ, что „проституція является главнѣйшимъ и самымъ могучимъ агентомъ распространенія сифилиса и венерическихъ болѣзней въ городахъ". Съ другой стороны, съѣздъ нашелъ возможнымъ формулировать положеніе о томъ, что „проституція—трудно искоренимый элементъ соціальнаго строя" и что „развитію ея способствуютъ, главнымъ образомъ, неблагопріятныя экономическія условія, упадокъ общественной нравственности, умственное недоразвитіе, стремленіе къ быстрой и легкой наживѣ и, наконецъ, врожденныя порочныя наклонности, какъ послѣдствія вырожденія". Борьба съ этими факторами можетъ быть тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ шире развивается забота государства и общества въ отношеніи къ развитію условій экономическаго благосостоянія и духовно-нравственнаго прогресса. Но рядомъ съ этимъ необходимо тщательно заботиться о тѣхъ мѣрахъ, которыя могутъ по возможности ослабить вредныя послѣдствія и проявленія проституціи при наличномъ положеніи дѣла.

Работы съѣзда обнаружили, что настоящее положеніе надзора за проституціей представляется далеко неудовлетворительнымъ.

Города, гдѣ за проституціей имѣется надзоръ, могутъ быть подраздѣлены, несмотря на разнообразіе въ деталяхъ, на три группы. Къ первой относятся города, гдѣ имѣются врачебно-полицейскіе комитеты (Петербургъ, Москва, Варшава, Одесса, Рига, Нижній-Новгородъ); ко второй группѣ относятся города, гдѣ надзоромъ вѣдаютъ городскіе санитарные комитеты или другія учрежденія, дѣйствующія самостоятельно и не составляющія органа полиціи. Къ

[1] Вѣстникъ общественной гигіены, судебной и практической медицины, Февраль 1897 года (Отд. IX, стр. 17 и сл.).

третьей, наиболѣе многочисленной группѣ принадлежатъ города, въ которыхъ фактическій надзоръ всецѣло находится въ единичномъ вѣдѣніи чиновъ общей полиціи. Въ нѣкоторыхъ городахъ этой категоріи имѣются при полицейскихъ управленіяхъ комитеты, характеръ которыхъ чисто совѣщательный. Такіе комитеты, за малыми исключеніями, не имѣютъ никакого фактическаго значенія. Въ очень многихъ городахъ рѣшительно никакого надзора за проституціей не существуетъ. Въ нѣкоторыхъ даже большихъ городахъ (напр. Харьковъ) надзоръ распространяется только на женщинъ домовъ терпимости, а одиночки остаются внѣ всякаго контроля. Повсемѣстно дѣятельность врачебно-полицейскихъ комитетовъ парализуется недостаткомъ числа агентовъ, которымъ порученъ розыскъ тайныхъ проститутокъ и наблюденіе за ними. Многія изъ предписываемыхъ закономъ и административными распоряженіями правилъ не выполняются. Такъ, несмотря на существующее узаконеніе, во многихъ городахъ проститутки, заболѣвшія сифилисомъ, не пользуются безплатнымъ леченіемъ.

Съ другой стороны, привлеченіе къ надзору нигдѣ не обставлено достаточными гарантіями, исключающими возможность произвола. Особенно прискорбные въ этомъ отношеніи случаи бываютъ въ городахъ, гдѣ нѣтъ врачебно-полицейскихъ комитетовъ и подобныхъ имъ учрежденій. Въ частности, при отбираніи подписки въ добровольномъ согласіи подчиниться надзору, нерѣдко злоупотребляютъ непониманіемъ и безграмотностью женщинъ.

Съѣздъ въ своихъ работахъ остановился на подробномъ разсмотрѣніи того, что должно быть сдѣлано для упорядоченія системы надзора за проституціею. По его заключенію, слѣдуетъ установить общія руководящія начала надзора за проституціей и противодѣйствія ея развитію, обязательныя для всей Имперіи. Дѣло надзора должно находиться въ рукахъ особаго коллегіальнаго учрежденія, которому слѣдуетъ подчинить какъ врачебную, такъ и распорядительную часть надзора. По мнѣнію съѣзда, дѣло это повсемѣстно должно быть передано въ вѣдѣніе городскихъ общественныхъ управленій или замѣняющихъ ихъ учрежденій. Необходимо веденіе точной статистики проституціи,

для чего нужно установить форму, общую и обязательную для всѣхъ городовъ Имперіи. Въ настоящее время трудность надзора за явкою къ осмотрамъ одиночекъ въ большихъ городахъ обусловливается недостаточнымъ числомъ и качествомъ предназначенныхъ для того агентовъ. Порученіе этого дѣла чинамъ общей полиціи возможно только въ малыхъ городахъ. Въ среднихъ и большихъ городахъ необходима спеціально предназначенная для надзора за проститутками агентура.

Больничное леченіе сифилиса и венерическихъ болѣзней должно быть обязательнымъ и безплатнымъ для проститутокъ всѣхъ категорій. При этомъ съѣздъ счелъ нужнымъ отмѣтить въ своихъ постановленіяхъ необходимость позаботиться о нравственномъ воздѣйствіи на проститутокъ. „Пребываніе ихъ въ больницахъ должно быть обставлено такимъ образомъ, чтобы время не проходило въ праздности и тоскѣ о прерванной профессіи. Время это, наиболѣе удобное для нравственнаго воздѣйствія на нихъ цѣлесообразнымъ трудомъ по вкусу каждой, чтеніемъ, посѣщеніемъ церкви и различными развлеченіями въ стѣнахъ больницы, должно быть временемъ тѣлеснаго и душевнаго отдыха отъ атмосферы разврата и пьянства. Администрація больницъ и частныя общества могутъ обнаружить здѣсь широкую дѣятельность на пользу несчастныхъ женщинъ“.

Дома терпимости съѣздъ принципіально призналъ нежелательными, но при условіи существующаго надзора они могутъ быть терпимы впредь до улучшенія надзора за проституціей вообще. Въ этихъ домахъ на санитарныя условія слѣдуетъ обращать большее вниманіе, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ; необходимо было бы установить извѣстную обязательную норму санитарныхъ требованій. Гдѣ возможно, осмотръ проститутокъ слѣдуетъ поручать женщинамъ-врачамъ.

Въ интересахъ общественной нравственности слѣдуетъ принять мѣры къ возможному ограниченію уличной провокаціи со стороны проститутокъ. Всѣ формы вербовки женщинъ, извѣстныя подъ именемъ „торговли живымъ товаромъ“, должны быть строго преслѣдуемы. Необходимо, по мнѣнію съѣзда, больше заботиться объ охранѣ несовершенно-

лѣтнихъ: „опекуны должны быть назначаемы не только для охраны имущества, но, главнымъ образомъ, и для охраны личности сиротъ“. Слѣдуетъ установить минимальный возрастъ въ 16 лѣтъ для одиночекъ и въ 18 лѣтъ для домовъ терпимости; только съ достиженіемъ этого возраста проститутка можетъ быть зарегистрована. Проститутокъ моложе 16 лѣтъ, которыя не могутъ быть отданы на попеченіе родителей или опекуновъ, слѣдуетъ помѣщать въ благотворительныя учрежденія до достиженія 16-лѣтняго возраста, но не оставлять на свободѣ.

Сосредоточивъ свое вниманіе, главнымъ образомъ, на мѣрахъ по отношенію къ проституціи въ городахъ, съѣздъ коснулся также и вопроса о проституціи среди сельскаго населенія. Сельская проституція существуетъ, главнымъ образомъ, въ видѣ тайной проституціи; профессіональный характеръ она принимаетъ въ селеніяхъ торгово-промышленныхъ, фабрично-заводскихъ, въ мѣстахъ расположенія войскъ и вообще тамъ, гдѣ условія жизни приближаются къ условіямъ городскихъ пунктовъ. Въ селахъ и деревняхъ съ незначительнымъ пришлымъ населеніемъ, жители которыхъ занимаются, главнымъ образомъ, земледѣліемъ или кустарными промыслами, профессіональная проституція почти вполнѣ отсутствуетъ. Сельская проституція представляетъ значительную опасность, особенно въ виду почти полной безконтрольности ея. Вліяніе сельской проституціи на распространеніе сифилиса подтверждается не только указаніями на зараженія отъ сельскихъ проститутокъ, но и повышеніемъ процента половыхъ зараженій сифилисомъ среди сельскаго населенія. Сельская проституція, какъ явленіе сравнительно новое, мало изучена, имѣющіяся о ней свѣдѣнія скудны и отрывочны; поэтому прежде всего необходимо изученіе ея. Въ отношеніи къ сельской проституціи важнѣйшими мѣрами должны быть: а) установленіе постояннаго правильнаго надзора въ селеніяхъ, гдѣ она развита; б) установленіе временнаго надзора въ мѣстахъ временнаго скопленія людей и в) обезпеченіе больничнаго леченія заболѣвшихъ сифилисомъ проститутокъ. Въ мѣстахъ расположенія войскъ, гдѣ не имѣется земскихъ или сельскихъ врачей, осмотры проститутокъ должны быть возло-

жены на военныхъ врачей и на вольнопрактикующихъ за плату отъ учрежденій, вѣдающихъ народное здравіе. Количество врачей и больницъ въ селахъ, деревняхъ, посадахъ, мѣстечкахъ и пр. должно быть увеличено вообще, а въ особенности въ губерніяхъ, въ которыхъ нѣтъ земскихъ учрежденій.

Вотъ наиболѣе существенные изъ результатовъ занятій съѣзда по обсужденію мѣръ противъ сифилиса, поскольку развитіе этой болѣзни имѣетъ соотношеніе съ проституціей.

Врачебно-полицейская регламентація проституціи составляетъ господствующую форму политики государства по отношенію къ проституціи. Въ послѣднія десятилѣтія, однако, противъ регламентаціи возникло въ разныхъ странахъ болѣе или менѣе сильное движеніе, извѣстное подъ именемъ „аболиціонизма“. Движеніе это впервые возникло въ 60-хъ гг. въ Англіи въ формѣ протеста противъ изданныхъ (въ 1864—1869 гг.) законовъ о регламентаціи проституціи (The Contagious deseases prevention Act), бывшей до того времени совершенно свободною. Сущность этихъ законовъ заключалась въ томъ, что если полиція укажетъ мировому судьѣ на женщину, занимающуюся развратомъ, то судья можетъ вытребовать ее и приказать подвергать ее періодическимъ врачебнымъ осмотрамъ. Если женщина окажется больною, то ее немедленно отсылаютъ въ спеціальный госпиталь. Если же она не исполняетъ этихъ требованій, то можетъ быть подвергнута заключенію въ тюрьмѣ до 1 мѣсяца. Вскорѣ по введеніи въ дѣйствіе этого законодательства въ Англіи стали образовываться различныя ассоціаціи, съ цѣлью протеста противъ регламентаціи проституціи. Особенную энергію въ дѣлѣ этой пропаганды проявила мистрисъ Бутлеръ (Josephine Butler). Не ограничиваясь пропагандою своихъ идей въ Англіи, она въ половинѣ 70-хъ гг. совершила поѣздку по Европѣ и во многихъ пунктахъ читала публичныя лекціи о необходимости борьбы противъ регламентаціи проституціи. Усиліями ея и ея единомышленниковъ была организована даже международная

ассоціація, получившая названіе „Fédération britannique continentale et générale pour l'abolition de la police des moeurs", которая устроила въ 1877 г. въ Женевѣ первый конгрессъ аболиціонистовъ. „Цѣль федераціи,—говорилъ президентъ этого конгресса,—есть борьба съ регламентаціею проституціи и обязательнымъ осмотромъ женщинъ. Эти мѣры оскорбляютъ нравственное чувство, несовмѣстимы съ истинными понятіями о свободѣ и не достигаютъ врачебныхъ цѣлей. Задача конгресса—доказать справедливость этихъ пожеланій и указать средства къ борьбѣ съ проституціей, чего до сихъ поръ не сдѣлала ни одна изъ регламентаціонныхъ системъ". Впослѣдствіи федерація имѣла еще нѣсколько конгрессовъ (въ 1880 г. въ Генуѣ, въ 1883 г.—въ Гагѣ, въ 1886 г.—въ Лондонѣ). По отношенію къ Англіи агитація аболиціонистовъ оказалась успѣшной: въ 1886 г. дѣйствительно были отмѣнены акты о надзорѣ за проституціею. Въ другихъ мѣстахъ движеніе аболиціонизма еще не привело къ значительнымъ практическимъ результатамъ, но оно развивается все болѣе и болѣе; особенно горячихъ адептовъ, кромѣ Англіи, оно имѣетъ во Франціи, Бельгіи и Швейцаріи. Въ Россію движеніе аболиціонизма также проникло: впервые въ Финляндіи, въ 1879 г., была образована секція федераціи; въ 1885 г. пріѣзжала въ Финляндію и Петербургъ изъ Стокгольма г-жа Андерсонъ и въ рядѣ публичныхъ чтеній пропагандировала идеи аболиціонизма. Во внутренней Россіи онѣ также имѣютъ уже нѣсколько горячихъ адептовъ, главнымъ образомъ, среди врачей, которые уже дѣлали опыты распространенія своихъ взглядовъ на съѣздахъ врачей и въ разныхъ ученыхъ обществахъ.

Основныя положенія ученія аболиціонистовъ представляются въ слѣдующемъ видѣ. Въ борьбѣ противъ регламентаціи они исходятъ изъ принципа полнаго равноправія между мужчинами и женщинами, которыя не должны быть подвергаемы унизительному и оскорбительному осмотру, тѣмъ болѣе, что этотъ осмотръ, по ихъ убѣжденію, представляетъ собою ложную гарантію здоровья, гигіеническую ошибку. Государство не должно благопріятствовать злу, а тѣмъ болѣе входить въ сдѣлку съ порокомъ. Оно должно запрещать всякую коллективную организацію проституціи

и преслѣдовать проксенетизмъ во всѣхъ его видахъ и всѣхъ его соучастниковъ; оно должно подавлять порокъ, а не регламентировать его. Регламентація проституціи служитъ огромнымъ препятствіемъ къ обращенію проститутокъ, потому что внесеніе въ списки и медицинскій осмотръ идутъ въ разрѣзъ съ чувствомъ стыдливости, безусловно не чуждымъ ни одной женщинѣ, и затрудняютъ возможное и желательное возвращеніе на честный путь женщины, какъ бы низко она ни пала. По убѣжденію аболиціонистовъ, не объ упорядоченіи проституціи слѣдуетъ заботиться обществу, а объ ея совершенномъ прекращеніи, для чего нужно уничтожить публичные дома, искоренить всѣ виды проксенетизма, строго преслѣдовать уличную проституцію во всѣхъ ея проявленіяхъ. Рядомъ съ этимъ, помощью распространенія нравственныхъ понятій, повышенія общаго благосостоянія и укрѣпленія семейныхъ началъ, слѣдуетъ уничтожить самую потребность въ проституціи, сдѣлать ее невозможною и ненужною.

Ученіе аболиціонистовъ, проникнутое гуманными началами равноправія, свободы и ставящее себѣ привлекательныя цѣли, способно вызвать къ себѣ большое сочувствіе. Этимъ и слѣдуетъ объяснить растущій успѣхъ его. Но это ученіе, по убѣжденію многихъ выдающихся спеціалистовъ въ области санитарно-медицинскаго значенія проституціи, опирается на ложное представленіе о многихъ сторонахъ проституціи. Примѣненіе этого ученія на практикѣ грозитъ, по ихъ мнѣнію, еще болѣе ужасными послѣдствіями для общественнаго здравія, чѣмъ тѣ, какія замѣчаются при регламентаціи. Регламентацію въ томъ видѣ, въ какомъ она практикуется въ настоящее время, даже сторонники ея считаютъ неудовлетворительною. Въ ней необходимы коренныя реформы на основаніи указаній опыта и науки, но самый принципъ регламентаціи долженъ быть сохраненъ, такъ какъ при наличныхъ условіяхъ общежитія и воспитанія она представляетъ собою единственный способъ предупрежденія еще большаго вреда отъ проституціи.

Въ связи съ движеніемъ аболиціонизма и въ значительной степени подъ его вліяніемъ въ послѣдніе годы въ европейскихъ государствахъ былъ выдвинутъ вопросъ о

мѣрахъ борьбы съ вербовкою женщинъ или торговлею женщинами въ цѣляхъ разврата (traite des blanches). Явленіе это, характеризующееся систематическимъ совращеніемъ и вовлеченіемъ молодыхъ женщинъ на путь разврата, главнымъ образомъ къ поступленію въ дома терпимости, уже давно было извѣстно; но оно получило особенно сильное развитіе во второй половинѣ XIX стол., при чемъ, благодаря усовершенствованнымъ путямъ сообщенія и средствамъ сношеній, оно пріобрѣло характеръ международнаго торга. Въ частности, обнаружено было, что большое количество европейскихъ женщинъ изъ разныхъ государствъ вывозятся въ Южно-Американскія государства, преимущественно въ Аргентинскую республику, при чемъ вывозятся онѣ большею частью путемъ обмана, соблазна выгодными мѣстами, вмѣсто которыхъ легкомысленныя жертвы обмана попадаютъ въ дома терпимости.

Иниціатива широкой борьбы съ вербовкою женщинъ принадлежитъ Лондонскому филантропическому обществу „National Vigilance Association.“ Возникшее въ 1885 г. съ цѣлью борьбы съ противонравственными явленіями, это общество въ своей дѣятельности удѣлило большую долю вниманія попеченію о дѣвушкахъ и женщинахъ, впавшихъ въ развратъ или находящихся въ опасности быть вовлеченными въ развратную жизнь. Въ частности оно неоднократно сталкивалось со случаями международной агентуры по совращенію молодыхъ женщинъ, путемъ обмана, насилія и иныхъ способовъ эксплоатаціи. Широкое развитіе торговли женщинами, принявшей въ различныхъ странахъ размѣры организованнаго промысла, въ связи съ отсутствіемъ въ дѣйствующихъ законодательствахъ мѣръ успѣшнаго преслѣдованія виновныхъ и сознаніемъ, что въ данномъ случаѣ отдѣльнымъ государствамъ надлежитъ сплотиться въ интересахъ борьбы съ постыднымъ промысломъ, привело дѣятелей National Vigilance Association къ убѣжденію въ желательности созыва международнаго конгресса по этому предмету. Благодаря энергіи ихъ и особенно секретаря названной ассоціаціи, г. Александра Кутъ (A. Coote), въ іюнѣ 1899 года въ Лондонѣ состоялся первый „Международный конгрессъ по вопросу о торговлѣ женщинами для цѣлей разврата“—

конгрессъ, въ которомъ приняли участіе многіе выдающіеся общественные дѣятели разныхъ странъ, въ качествѣ делегатовъ отъ благотворительныхъ обществъ и отъ особыхъ комитетовъ. Кромѣ Англіи, на конгрессѣ были представлены Австрія, Бельгія, Германія, Голландія, Данія, Норвегія, Россія, Соединенные Штаты Сѣверной Америки, Швейцарія и Швеція. Доложенныя конгрессу сообщенія подтвердили фактъ широкаго развитія въ разныхъ странахъ гнуснаго промысла торговли женщинами. При этомъ выяснилась затруднительность и часто полная невозможность судебнаго преслѣдованія виновныхъ, вслѣдствіе отсутствія въ законодательствахъ соотвѣтственныхъ нормъ по репрессіи преступленій, различные акты которыхъ совершаются въ различныхъ странахъ. Конгрессъ пришелъ къ заключенію о необходимости организовать повсемѣстно энергическую борьбу съ торгомъ женщинами путемъ созданія особыхъ ассоціацій и тѣснаго взаимодѣйствія ихъ съ различными благотворительными обществами защиты женщинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ конгрессъ призналъ желательнымъ соглашеніе между правительствами объ установленіи во всѣхъ уголовныхъ кодексахъ наказанія за побужденіе,—посредствомъ насилія, обмана, злоупотребленія властью или всякихъ другихъ способовъ принужденія,—женщинъ или дѣвушекъ предаваться развратной жизни или оставаться въ ней, необходимымъ было признано и обезпеченіе надлежащихъ способовъ разслѣдованія и преслѣдованія обнаруживаемыхъ случаевъ.

Ближайшимъ практическимъ послѣдствіемъ Лондонскаго конгресса было образованіе въ странахъ, имѣвшихъ въ немъ своихъ представителей (а также и въ нѣкоторыхъ другихъ), національныхъ комитетовъ и обществъ, занявшихся осуществленіемъ пожеланій конгресса. Въ Россіи съ января 1900 г. возникло „Россійское общество защиты женщинъ“, поставившее цѣлью содѣйствовать предохраненію дѣвушекъ и женщинъ отъ опасности быть вовлеченными въ развратъ и возвращенію уже падшихъ женщинъ къ честной жизни.

Дѣятелямъ какъ русскаго, такъ и заграничныхъ обществъ пришлось на первыхъ же порахъ убѣдиться, что ихъ стараніе вести борьбу съ торговлею женщинами, путемъ преслѣдованія агентовъ этого промысла, будетъ пара-

лизоваться отсутствіемъ въ существующихъ законодательствахъ различныхъ странъ соотвѣтствующихъ нормъ, которыя признавали бы преступными дѣйствія и происки агентовъ и обезпечивали бы возможность уголовнаго преслѣдованія ихъ за акты, совершаемые въ разныхъ государствахъ. Выраженное еще на Лондонскомъ конгрессѣ сознаніе необходимости выработать международныя законодательныя мѣры борьбы съ торговлею женщинами привело къ рѣшенію возбудить вопросъ о созваніи оффиціальной конференціи представителей государства. Инициативу созыва ея рѣшило принять на себя французское правительство, чему особенно содѣйствовалъ извѣстный сенаторъ Р. Беранже, авторъ многихъ гуманитарныхъ актовъ новѣйшаго французскаго законодательства. Конференція состоялась въ іюлѣ 1902 года въ Парижѣ (Conférence internationale pour la répression de la traite des blanches), при участіи оффиціальныхъ делегатовъ отъ правительствъ 15 европейскихъ и 1 Южно-Американскаго государствъ (Австріи, Бельгіи, Великобританіи, Венгріи, Германіи, Голландіи, Даніи, Испаніи, Италіи, Норвегіи, Португаліи, Россіи, Франціи, Швейцаріи, Швеціи и Бразиліи).

Заключенія конференціи были формулированы въ проектѣ конвенціи по основнымъ законодательнымъ вопросамъ и въ проектѣ соглашенія по различнымъ административнымъ мѣрамъ.

Важнѣйшими постановленіями конференціи являются статьи, въ которыхъ дана общая формулировка караемыхъ преступныхъ дѣяній:

Ст. 1.—Подлежитъ наказанію всякій, кто для удовлетворенія похоти другого, склонилъ, вовлекъ или совратилъ въ развратъ несовершеннолѣтнюю женщину или дѣвушку, хотя бы и съ согласія ея и хотя бы отдѣльныя дѣйствія, входящія въ составъ преступленія, совершены были въ различныхъ странахъ.

Ст. 2.—Подлежитъ наказанію также всякій, кто, для удовлетворенія похоти другого, посредствомъ обмана, насилія, угрозъ, злоупотребленія властью, или всякаго иного способа принужденія, склонилъ, вовлекъ или совратилъ въ развратъ совершеннолѣтнюю женщину или дѣвушку, хотя

бы отдѣльныя дѣйствія, входящія въ составъ преступленія совершены были въ различныхъ странахъ.

Принимая эти постановленія, Парижская конференція не только полностью удовлетворила желаніе, выраженное Лондонскимъ конгрессомъ 1899 г., но и значительно улучшила данную послѣднимъ формулу. Въ самомъ дѣлѣ, Лондонскій конгрессъ призналъ желательнымъ соглашеніе между правительствами „объ установленіи во всѣхъ уголовныхъ кодексахъ наказанія, по возможности, одинаковой степени, за побужденіе—посредствомъ насилія, обмана, злоупотребленія властью или всякихъ другихъ способовъ принужденія — женщинъ или дѣвушекъ предаваться развратной жизни или оставаться въ ней". Въ этой формулѣ не предусматривается различіе между дѣвушками и женщинами совершеннолѣтними и не достигшими совершеннолѣтія, такъ что при такихъ условіяхъ фактъ совращенія несовершеннолѣтней и даже малолѣтней становится преступнымъ лишь при наличности примѣненія указанныхъ способовъ принужденія. Между тѣмъ, формула, установленная Парижскою конференціею, дѣлаетъ преступнымъ совращеніе несовершеннолѣтней и при отсутствіи какихъ либо обманныхъ, насильственныхъ и пр. способовъ принужденія, и даже болѣе — при наличности ея согласія. Рекомендуемая конференціею квалификація обезпечиваетъ, безъ сомнѣнія, болѣе дѣйствительныя средства защиты несовершеннолѣтнихъ.

При этомъ конференція признала нужнымъ оговорить, что приведенныя постановленія должны быть разсматриваемы какъ minimum, и что договаривающіяся государства, само собою разумѣется, сохраняютъ безусловную свободу карать и другія аналогичныя нарушенія, какъ, напр., склоненіе въ развратъ совершеннолѣтнихъ, хотя бы и при отсутствіи обмана или принужденія.

Въ силу ст. 3 проекта конвенціи, тѣ договаривающіяся государства, „въ которыхъ дѣйствующее законодательство представляется недостаточнымъ для репрессіи преступленій, предусматриваемыхъ двумя предшествующими статьями, обязуются принять или предложить соотвѣтственнымъ законодательнымъ органамъ мѣры, необходимыя для того, чтобы эти преступленія были караемы сообразно ихъ важности".

Дальнѣйшія статьи проекта конвенціи говорятъ о взаимномъ сообщеніи государствами законовъ ихъ въ отношеніи къ предмету настоящей конвенціи, о международныхъ мѣрахъ въ цѣляхъ надлежащей репрессіи преступленій, совершаемыхъ на пространствѣ нѣсколькихъ территорій (регулированіе выдачи преступниковъ, упрощеніе и ускореніе сношеній между судебными органами различныхъ государствъ), наконецъ, о сообщеніи государствами другъ другу свѣдѣній о судебныхъ приговорахъ по дѣламъ о преступленіяхъ, когда дѣйствія, входящія въ составъ преступленія, совершены въ различныхъ государствахъ.

Второй изъ вышеназванныхъ документовъ, проектъ соглашенія, заключаетъ въ себѣ перечень тѣхъ административныхъ мѣръ, которыя могли бы быть приняты правительствами до вступленія въ силу конвенціи. Мѣры эти, при дѣятельномъ проведеніи ихъ въ жизни, могли бы оказать весьма рѣшительное воздѣйствіе въ борьбѣ съ постыднымъ промысломъ.

Въ силу ст. 1, „каждое изъ договаривающихся государствъ обязуется установить или опредѣлить органъ, на который возложено было бы сосредоточеніе всѣхъ свѣдѣній о склоненіи женщинъ и дѣвушекъ къ разврату за границею: этому органу предоставляется сноситься непосредственно съ подобными же органами, установленными въ каждомъ изъ другихъ договаривающихся государствъ".

За постановленіями ст. 2 должно быть признано особенно важное практическое значеніе. Задача ихъ — по возможности предупредить завершеніе преступныхъ происковъ торговцевъ живымъ товаромъ. Вотъ текстъ ихъ:

„Каждое изъ правительствъ обязуется установить наблюденіе въ видахъ обнаруженія, особенно на вокзалахъ и въ пути, проводниковъ женщинъ и дѣвушекъ, предназначаемыхъ для разврата. Съ этою цѣлью должностнымъ и всякимъ другимъ лицамъ, для сего подходящимъ, будутъ даваемы инструкціи для того, чтобы обезпечить полученіе, въ предѣлахъ закона, всѣхъ свѣдѣній, могущихъ навести на слѣдъ преступнаго промысла.

„О прибытіи лицъ, очевидно являющихся главными виновниками, соучастниками или жертвами такого промысла,

будетъ сообщаемо, въ подлежащихъ случаяхъ, или властямъ мѣста назначенія, или соотвѣтственнымъ дипломатическимъ или консульскимъ агентамъ, или всѣмъ прочимъ компетентнымъ властямъ".

Для установленія мѣръ помощи жертвамъ постыднаго промысла большое значеніе имѣютъ постановленія статьи 3:

„Правительства обязываются испрашивать, въ случаѣ надобности и въ законныхъ предѣлахъ, объясненія отъ женщинъ или дѣвушекъ иностраннаго происхожденія, предающихся проституціи, съ цѣлью установленія ихъ самоличности и гражданскаго состоянія, а также выясненія, кто склонилъ ихъ оставить родную страну. Собранныя свѣдѣнія будутъ сообщаемы властямъ родной страны названныхъ женщинъ или дѣвушекъ, въ видахъ могущаго послѣдовать водворенія ихъ.

„Правительства обязываются, въ законныхъ предѣлахъ и поскольку это возможно, поручать на время и въ виду могущаго послѣдовать водворенія жертвы преступнаго промысла, когда онѣ не имѣютъ своихъ средствъ, учрежденіямъ общественнаго призрѣнія или частной благотворительности, или же представляющимъ необходимыя гарантіи частнымъ лицамъ.

„Правительства обязываются также, въ законныхъ предѣлахъ и по мѣрѣ возможности, отправлять на родину тѣхъ изъ этихъ женщинъ или дѣвушекъ, которыя будутъ просить о ихъ водвореніи или которыхъ востребуютъ лица, имѣющія власть надъ ними. Водвореніе будетъ имѣть мѣсто не прежде того, какъ будутъ установлены ихъ самоличность и національность, а также мѣсто и время прибытія на границу.— Каждая изъ договаривающихся странъ будетъ облегчать транзитъ черезъ свою территорію.

„Переписка касательно водвореній будетъ совершаться, поскольку это возможно, прямымъ путемъ".

Въ статьѣ 4 устанавливается порядокъ возмѣщенія расходовъ по водворенію въ тѣхъ случаяхъ, когда у водворяемой нѣтъ средствъ или когда у нея нѣтъ ни мужа, ни родителей, ни опекуна, которые могли бы заплатить за нее: расходы по переѣзду водворяемой до ближайшей станціи ея родной страны или до порта въ направленіи къ этой

странѣ подлежатъ оплатѣ той страны, на которой находилась водворяемая, расходы же по остающейся части пути падаютъ на родину водворяемой.

Фактомъ подписанія проектируемаго соглашенія существующія уже конвенціи не подвергаются, въ силу ст. 5, измѣненію въ отношеніи къ вопросу о расходахъ, какъ и по другимъ вопросамъ касательно водворенія.

Постановленіе ст. 6 вызвано сознаніемъ того важнаго значенія, какое имѣетъ надлежащее функціонированіе посредническихъ по пріисканію мѣстъ бюро, которыя, какъ извѣстно, нерѣдко допускаютъ въ своей дѣятельности злоупотребленія и подчасъ являются своего рода агентами по торговлѣ женщинами. Въ силу ст. 6-й, „договаривающіяся правительства обязываются, въ законныхъ предѣлахъ, проявлять, по мѣрѣ возможности, надзоръ за бюро и агентствами, которыя занимаются пріисканіемъ женщинамъ или дѣвушкамъ мѣстъ за границею".

Таковы результаты работъ Парижской конференціи 1902 г., за которыми нельзя не признать большого значенія, какъ за первымъ актомъ предпринятой борьбы съ торговлею женщинами. Проекты, выработанные конференціею, стали съ тѣхъ поръ международными актами. Въ 1904 году уполномоченными нѣсколькихъ государствъ (въ томъ числѣ и Россіи) подписанъ былъ проектъ *соглашенія* объ административныхъ мѣрахъ для пресѣченія торга женщинами, каковое соглашеніе вступило въ силу въ іюлѣ 1905 года. Что касается проекта *конвенціи*, то онъ былъ подписанъ представителями державъ (въ томъ числѣ и Россіи) на второй международной конференціи по борьбѣ съ торгомъ женщинами, состоявшейся въ Парижѣ въ апрѣлѣ 1910 года.

Такимъ образомъ мѣры, намѣченныя въ 1902 году, получаютъ примѣненіе на дѣлѣ. Считать ихъ достаточными ранѣе чѣмъ онѣ выдержатъ испытаніе жизни, было бы преждевременно. Но, разумѣется, еще болѣе преждевременно было бы объявлять ихъ слабыми палліативами, предрекать ихъ неудачу въ дѣлѣ подавленія широко раскинувшагося по всему свѣту торга женщинами.

Это явленіе, въ связи съ другими сторонами разврата, представляется такимъ сложнымъ въ своихъ причинахъ и

въ своихъ развѣтвленіяхъ, оно соприкасается съ такими разнообразными факторами экономической и соціальной жизни, съ условіями воспитанія домашняго и общественнаго, что легкомысленно было бы считать возможнымъ искоренить его быстро, путемъ хотя бы самаго энергичнаго проведенія какой-либо одной категоріи мѣръ. Здѣсь нужна послѣдовательная и упорная работа въ разныхъ направленіяхъ, работа, быть можетъ, длиннаго ряда поколѣній.

Однако предложенныя Парижскою конференціею мѣры расчищаютъ путь и намѣчаютъ первые шаги въ дѣлѣ воздѣйствія государства и общества на наиболѣе грубыя проявленія зла. И, чѣмъ дѣятельнѣе будетъ примѣненіе этихъ мѣръ, тѣмъ съ большею отчетливостью выступитъ самое зло, благодаря чему возможно будетъ не только подавлять и предотвращать отдѣльныя проявленія его, но и сдѣлать его предметомъ тщательнаго выясненія, изучить его ближе и, въ результатѣ, прійти къ установленію новыхъ мѣръ, болѣе разносторонникъ, болѣе глубокихъ и быть можетъ еще болѣе дѣйствительныхъ.

VII. НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ [1].

Учебныя заведенія.

Общеобразовательныя учебныя заведенія.

Начальныя школы.—Ихъ развитіе.—Школы министерства народнаго просвѣщенія и школы духовнаго вѣдомства.—Прочіе виды начальныхъ школъ.—Данныя о современной постановкѣ начальнаго образованія (число школъ и учащихся; показатели образованія; средства на содержаніе школъ, успѣхи начальнаго образованія въ послѣднее время).

Среднія учебныя заведенія.—Гимназіи, ихъ развитіе. Системы средняго образованія.—Классическія гимназіи и прогимназіи.—Реальныя училища.

Высшія учебныя заведенія.—Университеты, ихъ развитіе.—Уставы 1804 г., 1835 г., 1863 г. и 1884 г.—Именной указъ 27 августа 1905 года.—Прочія высшія учебныя заведенія, Лицеи и Институты.

Женскія учебныя заведенія. Низшія, среднія и высшія женскія учебныя заведенія.—Гимназіи и институты.—Высшіе женскіе курсы.—Женскій медицинскій институтъ.

Духовныя учебныя заведенія.—Духовныя училища.—Духовныя семинаріи.—Духовныя академіи.—Женскія духовно-учебныя заведенія.

Спеціальныя учебныя заведенія.—I. Техническія и ремесленныя.—II Земледѣльческія, лѣсныя и сельско-хозяйственныя.—III. Межевыя и топографическія.—IV. Коммерческія.—V. Медицинскія.—VI. Художественныя и музыкальныя.—VII. Военныя и морскія.

Ученыя учрежденія.

Академія наукъ.—Ученыя общества.—Съѣзды ученыхъ.—Публичныя библіотеки.—Музеи.

„Народъ, имѣющій наилучшія школы, является первымъ народомъ или вскорѣ сдѣлается таковымъ“. Въ этомъ изреченіи, принадлежащемъ извѣстному французскому пи-

---

[1] Jolly, Unterrichtswesen (въ III томѣ Schönberg's Handbuch d. Polit Oekon).—Э. Левассеръ, Народное образованіе въ цивилизованныхъ странахъ. Пер. съ франц. Спб. 1898.—Владимірскій-Будановъ.

сателю, Жюлю Симону, выступаетъ характерное признаніе того огромнаго значенія, какое имѣетъ народное образованіе. Нѣтъ такой области въ общественной, политической, экономической или духовной жизни народа, въ которой успѣшное развитіе не находилось бы въ прямомъ соотношеніи со степенью распространенія народнаго образованія. Францію въ 1870 г., въ войнѣ ея съ Пруссіею, побѣдилъ „школьный учитель", — часто говорили по окончаніи войны, имѣя въ виду выразить этимъ сознаніе того важнаго значенія, какое имѣетъ уровень образованія въ данной странѣ, обезпечивающій за ея войсками лучшія качества. Новѣйшіе успѣхи Германіи въ области промышленнаго развитія, позволяющіе ей удачно конкурировать съ другими странами, также находятъ себѣ объясненіе въ томъ высокомъ уровнѣ, какого достигло въ ней народное образованіе вообще и въ частности — техническое и профессіональное.

Неудивительно поэтому, что народное образованіе всюду составляетъ предметъ особенныхъ заботъ и государства и общества, стремящихся обезпечить за населеніемъ достаточное количество школъ, надлежащій учительскій персоналъ и проч. для того, чтобы вести успѣшную борьбу съ невѣжествомъ. И многими странами достигнуты въ этомъ отношеніи значительные результаты. Такъ, по новѣйшимъ даннымъ, на 100 жителей приходится грамотныхъ, т. е. умѣющихъ читать и писать:

Въ Германіи 98
„ Швеціи и Норвегіи 97

Государство и народное образованіе въ Россіи съ XVII в. до учрежденія министерствъ. Яросл. 1873. — М. Сухомлиновъ. Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи въ царствованіе Александра I. Спб. 1866. — П. Н. Милюковъ, Очерки по исторіи русской культуры (2-я часть). — К. И. Арсеньевъ, Историко-статистическій очеркъ народной образованности въ Россіи до конца XVIII ст. Спб. 1854. — Е. Шмидтъ, Исторія среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи. Спб. 1878. — В. Иконниковъ. Русскіе университеты въ связи съ ходомъ общественнаго образованія („Вѣстникъ Европы" 1876 г., №№ 9, 10, 11). — Ферлюдинъ, Историческій обзоръ мѣръ по высшему образованію въ Россіи. Сар. 1893. — Е. І. Лихачева, Матеріалы по исторіи женскаго образованія въ Россіи. Спб. 1890—1901— С. В. Рождественскій. Историческій обзоръ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія (1802—1902). Спб. 1902.

Въ Швейцаріи 95
„ Соединенныхъ Штатахъ 92
„ Англіи. 90
„ Франціи 85
„ Бельгіи 77

Въ Россіи на 100 жителей грамотныхъ, по даннымъ конца 80-хъ годовъ, приходилось только 16. Процентъ этотъ нѣсколько поднялся, какъ видно изъ данныхъ переписи 1897 года. Въ С.-Петербургѣ послѣднею обнаружено 62,6% грамотныхъ и 37,4% неграмотныхъ; безъ сомнѣнія, въ столицѣ процентъ грамотныхъ значительно выше средняго процента во всей Имперіи.

Изъ сопоставленія этихъ цифръ видно, какъ отстала Россія въ дѣлѣ развитія народнаго образованія отъ другихъ странъ. Сознаніе этой отсталости чувствуется все болѣе и болѣе, особенно въ послѣдніе годы, и по многимъ признакамъ можно думать, что на народное образованіе будетъ обращено должное вниманіе. Впрочемъ, изъ дальнѣйшаго изложенія видно будетъ, что сравнительно съ недавнимъ прошлымъ Россіею достигнуты довольно замѣтные результаты, которые служатъ ручательствомъ еще большихъ успѣховъ въ будущемъ.

Народное образованіе въ Россіи находится въ завѣдываніи особаго министерства народнаго просвѣщенія, которое для управленія учебною частью имѣетъ свои мѣстные органы. Важнѣйшими изъ нихъ являются попечители учебныхъ округовъ. Всѣхъ учебныхъ округовъ — двѣнадцать; къ каждому изъ нихъ пріурочено по нѣсколько смежныхъ губерній. Въ Восточной Сибири, Приамурскомъ генералъ-губернаторствѣ и Туркестанскомъ краѣ высшее наблюденіе за народнымъ образованіемъ возложено на генералъ-губернаторовъ. Ближайшее завѣдываніе учебными заведеніями принадлежитъ начальникамъ ихъ и, во многихъ изъ нихъ, — коллегіальнымъ учрежденіямъ (въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ—директору и педагогическому совѣту, въ университетахъ — ректору, правленію и совѣту). Завѣдываніе низшими учебными заведеніями возложено на директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ.

Подъ вѣдѣніемъ министерства народнаго просвѣщенія находится большинство учебныхъ заведеній Имперіи. Но и всѣ другія министерства и высшія управленія имѣютъ въ своемъ завѣдываніи значительное число учебныхъ заведеній. Такъ, большое число низшихъ народныхъ школъ (церковно-приходскія и школы грамоты) находятся въ вѣдѣніи Святѣйшаго Правительствующаго Синода; особую группу начальныхъ школъ составляютъ низшія учебныя заведенія военнаго вѣдомства; значительное число женскихъ учебныхъ заведеній находятся въ вѣдѣніи Собственной Его Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи; большинство техническихъ и другихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній находятся въ вѣдомствѣ министерствъ: финансовъ, военнаго, земледѣлія и государственныхъ имуществъ, внутреннихъ дѣлъ, путей сообщенія, Императорскаго двора и др.

Въ нижеслѣдующемъ обзорѣ современнаго положенія народнаго образованія принято дѣленіе учебныхъ заведеній на двѣ большія группы—общеобразовательныя и спеціальныя, при чемъ въ каждой группѣ разсматриваются учебныя заведенія трехъ категорій: начальнаго, средняго и высшаго образованія. Въ отдѣлѣ общеобразовательныхъ заведеній особо выдѣлены женскія учебныя заведенія и учебныя заведенія духовнаго вѣдомства. Въ концѣ обзора изложены данныя о различныхъ ученыхъ установленіяхъ, имѣющихъ важное значеніе въ дѣлѣ развитія народнаго образованія.

УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

Общеобразовательныя учебныя заведенія.

Начальныя школы. Начальныя или народныя школы имѣютъ своею задачею сообщеніе основныхъ первоначальныхъ знаній, необходимымъ каждому, какъ человѣку и члену общежитія. „Народными“ такія школы называются потому, что онѣ имѣютъ въ виду удовлетвореніе потребностей всего народа.

До Петра Великаго заботы о народномъ образованіи всецѣло лежали на церкви и духовенствѣ. Въ эпоху Петра Великаго правительство впервые начинаетъ заботиться объ устройствѣ школъ, но развитіе ихъ шло весьма медленно. Въ царствованіе Екатерины II, особенно со времени образованія въ 1782 г. „Комиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ", многіе города были обезпечены школами: въ губернскихъ городахъ созданы были такъ называемыя главныя четырехклассныя народныя училища, и въ уѣздныхъ— малыя двухклассныя. Въ селеніяхъ же только въ первой половинѣ настоящаго столѣтія начали устраивать народныя школы, и прежде всего въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ, стараніями министерства государственныхъ имуществъ.

Знаменательную эпоху въ развитіи начальной школы составляетъ царствованіе Александра II. Важнѣйшая изъ реформъ этого царствованія, упраздненіе крѣпостного права въ 1861 г., дала особенно сильный толчекъ развитію начальнаго образованія, потребность въ которомъ стала все болѣе и болѣе отчетливо сознаваться и самимъ крестьянскимъ населеніемъ, и образованными классами общества. Удовлетворенію этой потребности въ весьма значительной степени содѣйствовали земскія учрежденія, созданныя въ 1864 г., и городскія управленія послѣ реформы ихъ въ 1870 г. Въ царствованіе Александра II создана была совершенно новая организація всего дѣла начальнаго народнаго образованія, въ основу которой легло положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ 1864 г. (существенныя черты его сохранены и въ позднѣе изданномъ Положеніи 1874 г., дѣйствующемъ и въ настоящее время). О ростѣ начальныхъ школъ въ эпоху Александра II даютъ понятіе слѣдующія цифры. Въ 1856 г., по произведенному подсчету начальныхъ народныхъ училищъ, во всей Имперіи ихъ оказалось 8.227 съ 450.000 учащимися (при чемъ въ 3 прибалтійскихъ губерніяхъ было 1753 школы). Въ концѣ же царствованія Александра II, а именно въ 1880 г., по даннымъ произведеннаго тогда перваго спеціальнаго статистическаго изслѣдованія школьнаго дѣла, сельскихъ начальныхъ училищъ всѣхъ вѣдомствъ и наименованій въ 60 губ. Европейской Россіи

оказалось 22.770 съ 1.140.915 учащимися. По размѣрамъ расходовъ на содержаніе училищъ первое мѣсто занимали земства (въ земскихъ губерніяхъ они покрывали 53,2% всей суммы расходовъ), затѣмъ—сельскія общества (они несли 33,7% расходовъ во всѣхъ губерніяхъ); на долю государственнаго казначейства приходилось только 12,1% всѣхъ расходовъ (а въ земскихъ губерніяхъ только 9%). По времени своего основанія училища распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: училищъ, открытыхъ до 1861 г., было всего 4.622 (или 22%), съ 1861 по 1863 г.—1.984 (или 9,4%) и съ 1864 г.—14.466 (или 68,6%).

Переходя къ обзору современнаго состоянія начальнаго образованія, слѣдуетъ замѣтить, что главное завѣдываніе имъ сосредоточено, съ одной стороны, *въ министерствѣ народнаго просвѣщенія*, въ вѣдѣніе котораго постепенно были переданы отъ другихъ вѣдомствъ начальныя школы, и съ другой—въ вѣдомствѣ *Св. Сѵнода* съ его органами, которымъ принадлежитъ завѣдываніе церковно-приходскими школами и школами грамоты.

Мѣстными органами министерства народнаго просвѣщенія по завѣдыванію *начальными школами* являются попечители учебныхъ округовъ, директора и инспектора народныхъ училищъ. Губернаторамъ также принадлежитъ общее наблюденіе за ходомъ и направленіемъ первоначальнаго обученія въ губерніи, при чемъ они имѣютъ право сообщать министерству народнаго просвѣщенія свои замѣчанія и соображенія. Въ зависимости отъ различій въ административномъ устройствѣ отдѣльныхъ мѣстностей Имперіи, порядокъ завѣдыванія начальными школами не вездѣ одинаковъ. Основною и преобладающею является организація, существующая въ 34 губерніяхъ, въ которыхъ введены земскія учрежденія и въ которыхъ начальное народное образованіе регулируется Положеніемъ о начальныхъ народныхъ училищахъ 1874 г. По этому положенію, начальныя народныя училища учреждаются земствами, городскими управленіями, сельскими обществами и частными лицами. Кромѣ директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ, учебною и административною частью въ нихъ, по положенію 1874 г., завѣдуютъ губернскіе и уѣздные училищные со-

вѣты. Въ составъ уѣзднаго училищнаго совѣта, находящагося подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, входятъ: инспекторъ народныхъ училищъ, по одному представителю отъ министерствъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ и отъ епархіальнаго вѣдомства, два члена отъ уѣзднаго земскаго собранія и одинъ членъ отъ городского общества, если городъ даетъ средства на школы; кромѣ того, въ уѣздномъ училищномъ совѣтѣ могутъ участвовать мѣстные земскіе начальники при разсмотрѣніи дѣлъ, касающихся ихъ участковъ, а также земскіе врачи по вопросамъ санитарно-гигіеническимъ. Губернскій училищный совѣтъ находится подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства и состоитъ изъ директора народныхъ училищъ, по одному представителю отъ министерствъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ и отъ епархіальнаго вѣдомства и двухъ членовъ отъ губернскаго земскаго собранія. Для учрежденія училища необходимо предварительное разрѣшеніе инспектора и согласіе предсѣдателя уѣзднаго училищнаго совѣта. Учредителямъ училищъ предоставляется избирать для завѣдыванія ими особыхъ попечителей, утверждаемыхъ губернскимъ училищнымъ совѣтомъ. Пріисканіе кандидатовъ на мѣста учителей, которыми могутъ быть и духовныя, и свѣтскія лица, принадлежитъ учредителямъ или содержателямъ училищъ, а утвержденіе въ должности—уѣзднымъ училищнымъ совѣтамъ. Послѣднимъ принадлежитъ также право увольненія учителей отъ должности и закрытія училищъ; временное же устраненіе учителей и временное закрытіе училища, въ случаѣ обнаруженія какихъ-либо безпорядковъ, можетъ послѣдовать по соглашенію инспектора народныхъ училищъ съ предсѣдателемъ училищнаго совѣта. Предметами учебнаго курса въ начальныхъ народныхъ училищахъ являются: Законъ Божій (краткій катехизисъ и священная исторія), чтеніе по книгамъ гражданской и церковной печати, письмо, первыя четыре дѣйствія ариѳметики и церковное пѣніе. Кромѣ этихъ обязательныхъ предметовъ, въ училищахъ могутъ быть преподаваемы ремесла и рукодѣлія. Въ губерніяхъ Царства Польскаго надзоръ за начальными народными училищами принадлежитъ начальникамъ учебныхъ дирекцій и

инспектору училищъ Варшавы. Хозяйственною частью завѣдуютъ гминные и сельскіе сходы. Въ губерніяхъ Прибалтійскихъ завѣдываніе начальными народными училищами находится подъ общимъ наблюденіемъ директоровъ народныхъ училищъ въ рукахъ высшихъ и уѣздныхъ комитетовъ и мѣстныхъ правленій школъ. На Кавказѣ и въ другихъ мѣстностяхъ преобладаетъ единоличный порядокъ управленія начальными народными училищами — директорами и инспекторами ихъ.

Значительное число начальныхъ народныхъ училищъ, какъ сказано выше, находится въ вѣдѣніи Святѣйшаго Синода. Это—*церковно-приходскіе школы и школы грамоты.* Церковно-приходскія школы начали устраиваться уже давно, но особенное вниманіе на ихъ развитіе было обращено въ 80-хъ годахъ. Въ 1884 г. издано было Положеніе о церковно-приходскихъ школахъ, по которому эти школы устраиваются приходскими священниками или другими членами причта на средства прихода, съ пособіемъ отъ сельскихъ обществъ, казны или частныхъ лицъ. Школы эти имѣютъ цѣлью „утверждать въ народѣ православное ученіе вѣры и нравственности христіанской и сообщать первоначальныя полезныя знанія“. Онѣ могутъ быть одноклассными съ двухлѣтнимъ курсомъ и двухклассными съ четырехлѣтнимъ. Въ нихъ преподаются—Законъ Божій, церковное пѣніе, чтеніе церковной и гражданской печати и письмо, начальныя ариѳметическія свѣдѣнія, а въ двухклассныхъ, кромѣ того, начальныя свѣдѣнія изъ исторіи церкви и отечества. Въ 1886 г. при Святѣйшемъ Синодѣ учрежденъ совѣтъ для надзора за этими школами, а въ 1888 г. были изданы правила объ уѣздныхъ отдѣленіяхъ епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ для церковно-приходскихъ школъ.

Вѣдѣнію духовенства подлежатъ также школы грамоты, имѣющія своею задачею сообщеніе первоначальныхъ свѣдѣній. Въ нихъ преподаются, въ меньшемъ объемѣ, чѣмъ въ церковно-приходскихъ школахъ, Законъ Божій, чтеніе церковно-славянское и русское, письмо, начальное счисленіе и церковное пѣніе съ голоса. Обучаютъ въ школахъ грамоты члены причтовъ и свѣтскіе учителя православнаго исповѣданія, назначаемые по соглашенію учредителей школы съ

приходскимъ священникомъ. Окончаніе курса въ школѣ грамоты даетъ льготу по воинской повинности только при условіи выдержанія особаго испытанія въ экзаменаціонной коммиссіи духовнаго вѣдомства наравнѣ съ учениками церковно-приходскихъ школъ.

Въ постановкѣ церковно-приходскихъ школъ въ послѣдующіе годы произошла значительная перемѣна, получившая законодательное выраженіе въ новомъ „Положеніи о церковныхъ школахъ вѣдомства православнаго исповѣданія", изданномъ въ 1902 году. При первоначальномъ развитіи церковныхъ школъ ихъ сторонники указывали, что желательность и цѣлесообразность ихъ устройства опираются на рядъ обязанностей и преимуществъ, ими представляемыхъ. Указывалось, что церковныя школы дешевле свѣтскихъ, такъ какъ онѣ пользуются даровымъ трудомъ духовенства, членовъ церковнаго причта; онѣ не преслѣдуютъ тѣхъ сложныхъ задачъ, которыми задаются начальныя свѣтскія школы, а ограничиваются самымъ необходимымъ запасомъ свѣдѣній, отчего курсъ въ нихъ короче и онѣ опять-таки стоятъ дешевле, а вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ больше подходятъ къ требованіямъ сельскаго населенія. Онѣ дешевле и потому еще, что при несложномъ курсѣ и при надзорѣ со стороны мѣстнаго священника онѣ могутъ довольствоваться учителями съ меньшею подготовкою и съ меньшимъ жалованьемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ церковныя школы находятся въ вѣдѣніи мѣстнаго духовенства, то не требуется сложной и дорогой организаціи для надзора за ними.

Между тѣмъ всѣ эти соображенія сторонниковъ церковной школы вскорѣ были опровергнуты требованіями дѣйствительности. Прежде всего выяснилась потребность особой организаціи надзора за церковными школами, учреждены были платныя должности епархіальныхъ и уѣздныхъ наблюдателей. Выяснилась также необходимость поднятія низкихъ нормъ вознагражденія учителей, а также увеличенія продолжительности курса. Вначалѣ даже двухлѣтній курсъ считался слишкомъ продолжительнымъ, и усиленныя заботы были направлены на развитіе школъ грамоты. Послѣднія однако оказались малополезными, и за послѣднее время число ихъ стало медленнѣе увеличиваться, чѣмъ

прежде, и большее вниманіе удѣлено было устройству церковно-приходскихъ школъ, при чемъ въ нихъ двухлѣтній курсъ былъ замѣненъ трехлѣтнимъ, а по новому Положенію рекомендуется устройство церковно-приходскихъ школъ съ четырехлѣтнимъ и даже пятилѣтнимъ курсомъ. Эти мѣры естественно вызываютъ и необходимость увеличенія требованій образовательнаго ценза учителей. Такимъ образомъ по своей постановкѣ церковныя школы все болѣе приближаются къ школамъ свѣтскимъ, и отъ дальнѣйшаго развитія этого процесса конечно могутъ только выиграть потребности народнаго образованія.

Къ начальнымъ школамъ относятся также такъ называемыя *городскія училища и уѣздныя училища.* Организація городскихъ училищъ регулируется изданнымъ въ 1872 году особымъ положеніемъ о нихъ, и съ тѣхъ поръ наряду съ вновь создаваемыми городскими училищами, многія уѣздныя училища были преобразованы въ нихъ. Городскія училища представляютъ собою низшія школы съ нѣсколько болѣе широкою программою преподаванія, чѣмъ обыкновенныя начальныя и церковно-приходскія школы. Въ нихъ преподаются:—Законъ Божій, чтеніе и письмо, церковно-славянскій языкъ, ариѳметика, начальныя основанія геометріи, географія и исторія (главнымъ образомъ, русская), свѣдѣнія изъ естественной исторіи, физики, черченіе и рисованіе, пѣніе и гимнастика. Городскія училища бываютъ 2-хъ, 3-хъ, 4-хъ и даже 6-ти классныя. Городскія и уѣздныя училища содержатся преимущественно на счетъ казны и управляются непосредственно органами министерства народнаго просвѣщенія; земства и города, дающіе средства на ихъ содержаніе, имѣютъ своихъ представителей въ школьныхъ совѣтахъ этихъ училищъ.

Особую группу начальныхъ школъ составляютъ *иновѣрческія конфессіональныя училища* и *инородческія школы.* Эти школы распространены въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ преобладаетъ иновѣрческое населеніе, какъ-то: въ Прибалтійскихъ губ. и поволжскихъ колоніяхъ съ лютеранскимъ населеніемъ, въ южныхъ, восточныхъ и юго-восточныхъ губ. и на Кавказѣ и въ Туркестанѣ съ магометанскимъ населеніемъ и въ губерніяхъ еврейской осѣдлости.

Наконецъ, къ начальнымъ школамъ относятся *воскресныя и вечернія школы.* Впервые воскресныя школы возникли въ концѣ 50-хъ годовъ и получили довольно широкое развитіе особенно въ большихъ городахъ. Затѣмъ въ 70-хъ гг. ихъ развитіе пріостановилось, и лишь въ половинѣ 80-хъ годовъ снова начали устраиваться такія школы. Воскресныя и вечернія школы бываютъ мужскія, женскія и рѣдко смѣшанныя. Онѣ устраиваются преимущественно частными лицами съ разрѣшенія или инспектора народныхъ училищъ, или епархіальнаго начальства, смотря по тому, въ чьемъ вѣдомствѣ онѣ состоятъ. Обученіе въ этихъ школахъ всегда безплатно. Составъ учащихся въ нихъ крайне разнообразенъ, начиная съ малолѣтнихъ и кончая взрослыми и пожилыми. Въ виду этого различія въ подготовкѣ, воскресныя школы имѣютъ обыкновенно нѣсколько подраздѣленій. Въ нѣкоторыхъ воскресныхъ школахъ число учащихся весьма значительно.

О современной постановкѣ начальнаго образованія въ Россіи интересныя и поучительныя данныя сообщены въ третьемъ выпускѣ „Статистическихъ свѣдѣній по начальному образованію въ Россійской Имперіи", издаваемыхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія [1].

По этимъ даннымъ общее число начальныхъ училищъ общеобразовательнаго характера по всей Имперіи составляло къ 1 января 1899 г. 78,799 при 4,203,246 учащихся. Училища эти состояли въ вѣдѣніи десяти министерствъ и главныхъ управленій. Наибольшее число училищъ сосредоточивалось въ двухъ вѣдомствахъ — народнаго просвѣщенія и духовномъ. Эти два вѣдомства имѣли вмѣстѣ 87,074 училища или 98% общаго ихъ числа, при 4,126,182 учащихся, что составляло 98,1% всего числа учившихся въ начальныхъ училищахъ. Всѣ остальныя вѣдомства имѣли вмѣстѣ 1,625 училищъ или 2% общаго ихъ числа и 77,064 учившихся, что составляетъ 1,9% общаго ихъ количества.

---

[1] *Статистическія свѣдѣнія по начальному образованію въ Россійской Имперіи.* Вып. III Опытъ сравнительнаго обозрѣнія успѣховъ начальнаго образованія въ разныхъ мѣстностяхъ Россійской Имперіи. Редакція В. И. Фармаковскаго. Спб., 1902 г.

Министерство народнаго просвѣщенія завѣдывало 37,046 училищами или 47,1% всего числа училищъ, въ которыхъ было 2,650,058 учащихся или 63% общаго ихъ числа. Духовное вѣдомство считало 40.028 училищъ или 50,9% общаго числа и 1,476,124 учащихся или 35.1% всего ихъ числа. Такимъ образомъ министерство народнаго просвѣщенія имѣло на 4% меньше училищъ, чѣмъ духовное вѣдомство, но въ этихъ училищахъ воспитывалось большее на 28% число учащихся.

По позднѣйшимъ даннымъ къ 1 января 1905 года начальныхъ школъ всѣхъ вѣдомствъ и наименованій было 90,727; учащихся въ нихъ было 5,515,185. Въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія къ 1 января 1905 г. было 44,570 начальныхъ школъ съ 3,364,892 учащимися; въ вѣдомствѣ православнаго исповѣданія было 41,814 школъ съ 1,842,414 учащимися. Изъ этихъ данныхъ видно, что въ послѣдніе годы увеличеніе числа школъ (и числа учащихся) въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія идетъ значительно быстрѣе, чѣмъ въ духовномъ вѣдомствѣ. Къ 1 января 1907 года въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія было уже 49,038 начальныхъ школъ съ 3,596,586 учащимися [1].

Названное выше статистическое изданіе даетъ интересный матеріалъ для выясненія, какой степени достигло современное состояніе дѣла народнаго образованія. Съ этой точки зрѣнія важны цифры, показывающія отношеніе числа училищъ къ пространству и населенію. Оказывается, что по всей Имперіи, въ среднемъ, 1 училище приходится на 243 квадр. версты и на 1,676 душъ населенія. Особенно характернымъ представляется отношеніе числа училищъ къ числу населенія. Если принять во вниманіе общее число населенія и въ составѣ его число дѣтей школьнаго возраста, а также господствующій теперь типъ начальной школы, то для того, чтобы все дѣтское населеніе могло

[1] За отступленіемъ детальной разработки позднѣйшихъ свѣдѣній о различныхъ сторонахъ школьнаго дѣла, въ дальнѣйшемъ изложеніи даются существенные результаты упомянутой работы г. Фармаковскаго о школьномъ дѣлѣ къ 1 января 1899 г.

быть принято въ школы, нужно, чтобы одна школа приходилась по меньшей мѣрѣ на 700 душъ; въ дѣйствительности же въ настоящее время 1 школа приходится на 1,676 душъ. Такимъ образомъ школъ у насъ болѣе чѣмъ въ два раза меньше, чѣмъ нужно для удовлетворенія школьной потребности дѣтскаго населенія. По отдѣльнымъ же мѣстностямъ указанное отношеніе представляется особенно неблагопріятнымъ: даже въ Московской губерніи одно училище приходится на 1.538 душъ, въ Кіевской — на 1,778 душъ; въ Сибири же есть области, гдѣ (въ Якутской) 1 училище приходится на 3,537 душъ, а въ областяхъ Средней Азіи указанное отношеніе колеблется между 1:3,596 (Тургайская) и 1:97,526 (Ферганская).

Другимъ также очень характернымъ показателемъ современнаго состоянія начальнаго образованія является отношеніе учившихся и неучившихся дѣтей школьнаго возраста. Примѣнительно къ даннымъ переписи 1897 года число дѣтей школьнаго возраста въ 1898 г. можетъ быть опредѣлено въ 11,600,668. Числилось учившихся дѣтей 4,114,201 и слѣдовательно 7,486,467 дѣтей оставались безъ обученія Учившіяся дѣти составляли 35,5%, а неучившіяся 64,5% общаго числа дѣтей школьнаго возраста. Число учившихся къ общему числу всего населенія относилось какъ 1 : 31 или, другими словами, учившіеся составляли въ общемъ 3,2% общаго населенія Имперіи. Этотъ показатель образованія служитъ весьма наглядньмъ выраженіемъ слабаго развитія у насъ народнаго образованія, особенно при сравненіи его съ показателемъ образованія въ другихъ странахъ. Въ половинѣ 90-хъ годовъ показатель образованія составлялъ:

Въ Соед. Шт. Сѣв. Амер.	22,36	Въ Норвегіи	14,03
„ Швейцаріи	19,0	„ Австріи	13,10
„ Германіи	18,8	„ Испаніи	8,44
„ Англіи	16,5	„ Японіи	7,57
„ Франціи	14,7	„ Италіи	7,10
„ Швеціи	14,43	„ Болгаріи	5,44

Показатели образованія у насъ были неодинаковы для мужскаго и женскаго населенія: 1 учившійся приходился на 20 душъ общаго мужскаго населенія, 1 учившаяся приходилась на 63 души общаго женскаго населенія.

Въ названномъ сборникѣ находимъ, далѣе, свѣдѣнія о средствахъ на содержаніе школъ. Изъ нихъ видно, что на содержаніе начальныхъ училищъ Имперіи въ 1898 г. было израсходовано 40,612,872 руб. Сумма эта поступила изъ слѣдующихъ источниковъ и въ слѣдующемъ размѣрѣ: изъ государственнаго казначейства 8,681,934 руб. или 21,4%, отъ земствъ и изъ земскихъ сборовъ 8,940,200 руб. или 22%, отъ сельскихъ обществъ 7,290,111 руб. или 17,9%, отъ городскихъ обществъ 5,446,472 руб. или 13,4%, пожертвованій частныхъ лицъ и обществъ 5,062,692 руб. или 12,5%, плата за ученье 2.764,564 руб. или 6,8% и прочихъ источниковъ 2,426,899 руб. или 6%.—Расходъ по содержанію училищъ падаетъ въ среднемъ по Имперіи въ размѣрѣ 32,1 коп. на 1 душу общаго населенія.

Заслуживаютъ, наконецъ, вниманія данныя объ успѣхахъ начальнаго народнаго образованія за послѣднее время. Изъ сравненія данныхъ 1885 г. и 1898 г. обнаруживается, что въ 1885 г. начальныхъ училищъ всѣхъ вѣдомствъ было 40,010, такъ что, при населеніи въ 106,610,814 душъ, 1 училище приходилось на 2,665 жит.; въ 1898 г. было 76,914 училищъ при населеніи въ 126,368,827 душъ, или 1 училище приходилось на 1,676 жит. Такимъ образомъ, въ то время, какъ населеніе увеличилось на 19%, число школъ увеличилось на 92%, т. е. ростъ школъ почти въ пять разъ превысилъ ростъ населенія.

О степени успѣховъ въ области развитія начальнаго образованія можно также судить по количеству грамотныхъ въ средѣ призываемыхъ къ отбыванію воинской повинности. Оказывается, что по всей Имперіи въ составѣ новобранцевъ грамотныхъ было въ 1885 г. 27%, а въ 1892 г. — 45%. По нѣкоторымъ губерніямъ возрастаніе процента грамотныхъ новобранцевъ представляется весьма значительнымъ:

Въ губерніяхъ:	процентъ грамотныхъ въ 1885 г.	въ 1898 г.
Кіевской . .	15	38
Харьковской	19	38
Могилевской .	19	43
Полтавской . .	19	47
Смоленской . . .	29	59
Нижегородской . .	32	61

Приведенныя данныя свидѣтельствуютъ объ очень значительныхъ успѣхахъ въ развитіи начальнаго образованія, хотя, какъ указано, въ Россіи много еще нужно сдѣлать для того, чтобы потребность въ образованіи получила полное удовлетвореніе.

Весьма важнымъ условіемъ успѣшнаго развитія народнаго образованія является обезпеченіе достаточнаго контингента хорошо подготовленныхъ учителей. Для этой цѣли у насъ существуютъ спеціальныя учебныя заведенія: *учительскіе институты*, которыхъ имѣется въ различныхъ учебныхъ округахъ 11, и *учительскія семинаріи и школы*, число которыхъ 61. Большинство этихъ заведеній основано въ 70-хъ годахъ. Учительскіе институты имѣютъ цѣлью подготовлять учителей городскихъ училищъ, учительскія семинаріи—учителей начальныхъ народныхъ училищъ. И въ тѣхъ и въ другихъ заведеніяхъ курсъ обученія—трехлѣтній. Въ учительскихъ институтахъ преподаются: Законъ Божій, педагогика, русскій языкъ и церковно-славянское чтеніе, ариѳметика, начальная алгебра, геометрія, исторія русская и всеобщая, географія русская и всеобщая, естественная исторія и физика, черченіе и рисованіе, чистописаніе, пѣніе и гимнастика. Программа учительскихъ семинарій нѣсколько уже. Въ обоего рода заведеніяхъ преподаются также различныя ремесла. Для практическихъ занятій съ цѣлью подготовки воспитанниковъ къ будущей ихъ дѣятельности, при учительскихъ институтахъ существуютъ городскія училища, при учительскихъ семинаріяхъ—начальныя народныя училища. Эти заведенія содержатся на казенный счетъ; на содержаніе нѣкоторыхъ семинарій отпускаются пособія отъ земства или изъ другихъ мѣстныхъ источниковъ.

Среднія учебныя заведенія. Среднія общеобразовательныя учебныя заведенія имѣютъ своею задачею дать учащимся въ нихъ такое образованіе, которое, являясь само по себѣ достаточно законченнымъ, служило бы основательною подготовкою къ усвоенію высшихъ знаній общаго или спеціальнаго характера. Въ Россіи средне-учебными заведеніями являются *гимназіи, прогимназіи* и *реальныя училища*. По опредѣленію Положенія 1871 г. о гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ, „гимназіи имѣютъ цѣлью доставлять воспиты-

вающемуся въ нихъ юношеству общее образованіе и вмѣстѣ съ тѣмъ служить приготовительными заведеніями для поступленія въ университетъ и другія высшія спеціальныя училища": „реальныя училища имѣютъ цѣлью доставлять учащемуся въ нихъ юношеству образованіе, приспособленное къ практическимъ потребностямъ и къ пріобрѣтенію техническихъ познаній".

Начало развитія у насъ средне-учебныхъ заведеній относится къ первымъ годамъ XIX столѣтія. До этого времени имѣли мѣсто лишь отдѣльныя попытки устройства ихъ. Первая гимназія была основана въ 1726 г. при Академіи Наукъ. Развитіе ея шло малоуспѣшно; въ ней было очень мало учащихся, что объясняется отчасти слабымъ еще въ то время сознаніемъ важности образованія, отчасти тѣмъ, что преподаваніе въ ней велось въ значительной степени на иностранныхъ языкахъ; съ другой стороны, составъ преподавателей былъ очень неудовлетворителенъ. Для привлеченія воспитанниковъ учреждены были стипендіи, пансіонъ, но всѣ эти мѣры оказались недостаточными для обезпеченія успѣшнаго развитія академической гимназіи. Въ 1805 г. она была закрыта.—Второю по времени русскою гимназіею была основанная въ 1755 году при Московскомъ университетѣ гимназія съ двумя отдѣленіями, одно—для дворянъ, другое—для разночинцевъ. Цѣлью ея было подготовлять къ слушанію университетскихъ лекцій. Во главѣ ея стоялъ, въ качествѣ инспектора, одинъ изъ профессоровъ университета; преподавателями ея были, большею частью, студенты университета. Несмотря на неудовлетворительный составъ преподавателей, на отсутствіе хорошихъ пособій, гимназія эта подготовила немалое количество университетскихъ дѣятелей и образованныхъ, по тому времени, людей. Въ 1812 г. гимназія сгорѣла и съ тѣхъ поръ не возобновлялась.—Въ 1758 г., по образцу Московской университетской гимназіи, въ Казани основана была гимназія, находившаяся до 1786 г. въ вѣдѣніи Московскаго университета; эта гимназія, подвергшаяся многимъ преобразованіямъ, существуетъ и въ настоящее время (1-я Казанская гимназія).

Въ началѣ царствованія Александра I учреждено было министерство народнаго просвѣщенія, образованы учебные

округа, созданъ былъ планъ устройства учебныхъ заведеній въ томъ числѣ гимназій, по всей Россіи. По этому плану, во всѣхъ губернскихъ городахъ должны быть открыты гимназіи или губернскія училища. Въ концѣ 1804 г. изданъ былъ „Уставъ учебныхъ заведеній", подвѣдомыхъ университету и попечителямъ учебныхъ округовъ. По этому уставу, гимназіи представляютъ собою всесословныя учебныя заведенія, раздѣленныя на 4 годичныхъ курса. Онѣ имѣютъ цѣлью: 1) приготовлять къ слушанію университетскихъ наукъ; 2) преподавать свѣдѣнія необходимыя для благовоспитаннаго человѣка; 3) приготовлять желающихъ къ учительскому званію въ уѣздныхъ, приходскихъ и другихъ низшихъ училищахъ. Гимназическое образованіе имѣло въ своемъ основаніи реальный характеръ; вслѣдствіе многопредметности и плохого состава преподавателей, гимназіи плохо достигали поставленныя имъ задачи. Въ 1828 г., благодаря главнымъ образомъ гр. Уварову, совершилось коренное преобразованіе гимназій, главною цѣлью которыхъ гр. Уваровъ ставилъ приготовленіе къ университетамъ. По новому уставу, въ гимназіяхъ положено 7 классовъ, а въ основу образованія въ нихъ положено изученіе древнихъ языковъ, главнымъ образомъ, латинскаго, отчасти греческаго. Въ 1849 г. послѣдовало новое измѣненіе гимназическаго курса, съ цѣлью приспособить обученіе къ практической жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшить приливъ молодыхъ людей въ университеты (эта мѣра была вызвана опасеніемъ передъ движеніемъ, волновавшимъ тогда западноевропейскія государства). Преподаваніе въ гимназіяхъ было раздѣлено на общее—въ трехъ низшихъ, и спеціальное—въ остальныхъ классахъ. Всѣ гимназіи распадались на три категоріи: 1) такія, въ которыхъ преподавались естественныя науки и законовѣдѣніе (ихъ было 36); 2) такія, въ которыхъ преподавалось, кромѣ элементарныхъ предметовъ, одно законовѣдѣніе (29), и 3) такія, въ которыхъ преподавались латинскій и греческій языки (12). Основанія этой системы были шатки и неопредѣленны; гимназіи перестали быть общеобразовательными заведеніями, но не сдѣлались и спеціальными. Это вызвало потребность новыхъ реформъ, которыя и выразились въ уставѣ 1864 г. По этому уставу,

гимназіи раздѣлялись на классическія и реальныя, первыя—съ древними языками,—вторыя—съ усиленнымъ преподаваніемъ новыхъ языковъ и математики. Кромѣ гимназій (съ 7-класснымъ курсомъ) созданы были прогимназіи (въ составѣ 4 классовъ). Основными положеніями новаго строя гимназій были два: 1) возстановленіе изученія древнихъ языковъ въ прежней силѣ, съ признаніемъ греческаго языка обязательнымъ предметомъ, и 2) постановленіе, что только окончаніе курса классической гимназіи открываетъ доступъ въ университетъ.

Преимущественное положеніе классицизма, какъ основы средне-учебныхъ заведеній, было укрѣплено еще болѣе реформою 1871 г., съ которою связано имя гр. Д. А. Толстого. По уставу 1871 г., гимназіями признаются только *классическія*, съ двумя древними языками; реальныя гимназіи переименованы въ реальныя *училища*, чѣмъ какъ бы подчеркивалось низшее ихъ положеніе. По новымъ учебнымъ планамъ курсъ гимназіи—8-милѣтній; главное значеніе въ программѣ признано за древними языками, для преподаванія которыхъ назначено усиленное число часовъ; преподаваніе естественной исторіи было прекращено; уменьшено число уроковъ по исторіи и нѣкоторымъ другимъ предметамъ. Окончившіе курсъ гимназій получаютъ „аттестатъ зрѣлости“, открывающій доступъ во всѣ высшія учебныя заведенія и дающій право на поступленіе въ государственную службу предпочтительно передъ другими. По уставу 1871 г. прогимназіи представляютъ собою также классическія учебныя заведенія и могутъ состоять изъ 6-ти классовъ. Реальныя училища, по реформѣ 1871 г. и позднѣйшимъ узаконеніямъ, имѣютъ 6-ть классовъ, изъ которыхъ въ 4-хъ низшихъ дается общее образованіе, а во 2-хъ высшихъ—спеціальное, для чего эти классы раздѣляются на два отдѣленія—основное и коммерческое. Кромѣ того, при основномъ отдѣленіи въ нѣкоторыхъ реальныхъ училищахъ существуетъ высшій дополнительный классъ, предназначенный для подготовленія учащихся къ вступленію въ высшія спеціальныя учебныя заведенія, въ которыхъ ученики реальныхъ училищъ подвергаются повѣрочному испытанію; этотъ дополни-

тельный классъ распадается на три отдѣленія: общее, механико-техническое и химико-механическое.

Къ 1 января 1907 года въ Россіи правительственныхъ среднихъ учебныхъ заведеній (мужскихъ) было 399; изъ нихъ гимназій — 230, прогимназій — 26 и реальныхъ училищъ—143. Частныхъ средне-учебныхъ заведеній было 147; изъ нихъ гимназій—62; прогимназій—29 и реальныхъ училищъ—56.

Высшія учебныя заведенія. Центрами и разсадниками высшаго общаго образованія являются университеты, какъ учрежденія, имѣющія своими задачами изученіе, разработку и распространеніе научныхъ знаній. Разнообразность и сложность человѣческихъ знаній, распадающихся на отдѣльныя группы, составляющія предметъ изученія различныхъ наукъ, вызываютъ необходимость дѣленія университетовъ на факультеты, на которыхъ изучаются отдѣльныя группы наукъ, при чемъ однако всѣ факультеты составляютъ одно цѣлое, ибо они, изучая извѣстную спеціальную отрасль, связаны другъ съ другомъ единствомъ общихъ научныхъ цѣлей и стремленій.

Университеты въ Россіи возникли по образцу западноевропейскихъ, но значительно позднѣе: тогда какъ нѣкоторые университеты въ западной Европѣ возникли еще въ XII ст. (въ Болоньѣ, Салерно) и XIII ст. (Парижскій), у насъ первый университетъ былъ основанъ въ 1755 г., въ царствованіе Елизаветы Петровны. Онъ былъ созданъ въ Москвѣ стараніями главнымъ образомъ двухъ лицъ—Ломоносова и гр. И. И. Шувалова. Ученыя силы Московскаго университета первоначально были очень скудны. Онъ раздѣлялся на 3 факультета: философскій съ 4-мя каѳедрами, юридическій и медицинскій съ 3-мя каѳедрами на каждомъ. Первыми профессорами были выписанные изъ-за границы иностранцы, за исключеніемъ двухъ русскихъ, бывшихъ воспитанниковъ Академіи наукъ. Нѣкоторыя каѳедры долгое время не были замѣщены вовсе. Студентовъ было весьма ограниченное число и приходилось принимать различныя мѣры для привлеченія учащихся въ университетъ. Въ царствованіе Екатерины II Московскій университетъ начинаетъ пополняться русскими профессорами (въ 1767 г. въ немъ

было 5 русскихъ молодыхъ ученыхъ изъ лицъ, отправленныхъ Шуваловымъ въ заграничные университеты). Вмѣстѣ съ тѣмъ учрежденная при университетѣ гимназія подготовляла значительный контингентъ слушателей университета.

При Екатеринѣ II имѣлось въ виду устройство еще нѣсколькихъ университетовъ: въ указѣ 1786 г., данномъ „Коммисіи объ учрежденіи училищъ", шла рѣчь о постепенномъ созданіи университетовъ въ Псковѣ, Черниговѣ и Пензѣ. Но составленный вслѣдствіе этого планъ устройства университетовъ не былъ приведенъ въ осуществленіе при Екатеринѣ II. Къ нему вернулись уже при Александрѣ I.

Въ 1802 г. открытъ былъ возобновленный Дерптскій университетъ (первоначально онъ былъ основанъ еще въ XVII в., въ эпоху владычества Швеціи въ Остзейскомъ краѣ, при Густавѣ-Адольфѣ и просуществовалъ до начала XVIII в.). Въ 1804 г. открыты были два новые университета, въ Казани и Харьковѣ, при чемъ для нихъ и для Московскаго университета былъ въ томъ же году изданъ университетскій уставъ. На основаніяхъ этого устава въ 1819 г. созданъ былъ Петербургскій университетъ, преобразованный изъ Главнаго педагогическаго института.

Уставъ 1804 года представлялъ университетамъ корпоративное устройство на началахъ автономіи, при чемъ университету предоставленъ былъ собственный судъ по отношенію ко всѣмъ служащимъ и учащимся въ университетѣ, какъ уголовный по проступкамъ и оскорбленіямъ, такъ и гражданскій по дѣламъ, не касающимся недвижимыхъ имѣній. Управленіе университетомъ сосредоточивалось въ рукахъ коллегій: 1) въ совѣтѣ, составлявшемся изъ всѣхъ ординарныхъ и экстра-ординарныхъ профессоровъ, подъ предсѣдательствомъ избиравшагося имъ изъ среды ординарныхъ профессоровъ на одинъ годъ ректора; 2) въ четырехъ факультетскихъ собраніяхъ изъ профессоровъ отдѣльныхъ факультетовъ, подъ предсѣдательствомъ избиравшихся совѣтомъ деканов, и 3) въ правленіи, составлявшемся, подъ предсѣдательствомъ ректора, изъ деканов, для завѣдыванія, во-первыхъ, хозяйственною частью и, во-вторыхъ, университетскимъ судомъ. Университеты распадались на четыре факультета—нравственныхъ и политическихъ наукъ,

физико-математическій, медицинскій и словесныхъ наукъ. Университеты, по уставу 1804 г., являлись не только учеными и учебными, но и административными учрежденіями, такъ какъ ихъ вѣдѣнію поручены были гимназіи и низшія школы университетскаго округа.

Въ царствованіе Николая I исторія университетовъ ознаменовывается созданіемъ одного новаго университета Св. Владиміра въ Кіевѣ (въ 1833 г.) и изданіемъ новаго устава 1835 г. Этотъ уставъ освободилъ университеты отъ завѣдыванія средними и низшими учебными заведеніями округа и, съ другой стороны, значительно ограничилъ самостоятельность университетскаго управленія, поставивъ университеты подъ опеку попечителей учебныхъ округовъ. Позднѣйшія дополненія къ уставу, особенно послѣ 1849 г., когда ограничено было число студентовъ, уничтожено было право совѣта избирать ректора и измѣненъ характеръ должности выборныхъ деканов, которые превратились скорѣе въ отвѣтственныхъ чиновниковъ, еще болѣе стѣснили университеты въ ихъ свободномъ развитіи. Уже въ самомъ началѣ царствованія Александра II сознана была потребность реформы университетовъ въ духѣ большей ихъ самостоятельности. Сначала были изданы отдѣльныя узаконенія (въ 1861 г. возстановлено право совѣта избирать ректора и деканов), а затѣмъ въ 1863 г. опубликованъ новый общій уставъ россійскихъ университетовъ.

Характерною чертою этого устава является предоставленіе университетамъ права самоуправленія. Важнѣйшими выраженіями его были: избраніе совѣтомъ ректора (на 4 года) изъ ординарныхъ профессоровъ, избраніе факультетскими собраніями деканов на 3 года, избраніе профессоровъ на вакантныя каѳедры, избраніе изъ состава профессоровъ проректора для наблюденія за исполненіемъ установляемыхъ университетами правилъ относительно студентовъ и вольнослушателей, разбирательство проступковъ студентовъ особымъ университетскимъ судомъ въ составѣ трехъ судей, ежегодно избираемыхъ совѣтомъ изъ профессоровъ. Уставомъ 1863 г. возвышено, сравнительно съ уставомъ 1835 г., содержаніе профессоровъ; увеличены средства, отпускаемыя на содержаніе университетовъ; увеличено число каѳедръ;

въ 1864 г. изданы новыя правила объ испытаніяхъ на ученыя степени кандидата, магистра и доктора—правила, обезпечивавшія возможность лучшей подготовки будущихъ дѣятелей науки. Благодаря указаннымъ и другимъ достоинствамъ устава 1863 г., университеты, подъ дѣйствіемъ его, стали успѣшно развиваться, выдѣляя все большее количество даровитыхъ ученыхъ силъ и поставивъ университетское преподаваніе на значительную высоту.

Уставъ 1863 г. просуществовалъ 20 лѣтъ, не успѣвъ дать всѣ тѣ результаты, которыхъ можно было ожидать отъ него. Уже въ половинѣ 70-хъ годовъ началась въ средѣ противниковъ университетской автономіи агитація противъ устава 1863 г., нашедшая благопріятную для себя почву въ нѣкоторыхъ печальныхъ проявленіяхъ нашей общественной жизни, которыя неосновательно, но усердно ставились на счетъ университетскихъ порядковъ. Образованная для пересмотра университетскаго устава комиссія выработала проектъ новаго устава, который и былъ утвержденъ въ августѣ 1884 года.

По этому уставу выборное начало по отношенію къ избранію ректора, деканов и профессоровъ отмѣняется. Они не избираются болѣе совѣтомъ а назначаются министерствомъ народнаго просвѣщенія. Функціи совѣта значительно ограничены. Ректору, назначаемому на 4 года, ввѣряется непосредственное завѣдываніе всѣми частями управленія университетомъ; ближайшимъ образомъ онъ подчиненъ попечителю учебнаго округа, на которомъ лежитъ обязанность высшаго руководительства во всѣхъ распоряженіяхъ по охраненію порядка и дисциплины въ университетѣ. Завѣдываніе дисциплинарной частью и надзора за студентами ввѣряется инспектору, назначаемому министромъ.

Каждый факультетъ составляетъ одинъ или нѣсколько учебныхъ плановъ, въ которыхъ обозначаются какъ науки, подлежащія изученію студентами даннаго факультета, такъ и нормальный порядокъ ихъ изученія. Одинъ изъ этихъ плановъ студентъ обязанъ принять къ руководству, при чемъ отступленія отъ избраннаго плана допускаются не иначе, какъ съ разрѣшенія декана факультета. Если какой-либо предметъ преподается нѣсколькими преподавателями, то сту-

денту предоставляется слушать лекціи у того изъ нихъ, у кого онъ пожелаетъ.

Уставъ 1884 г. внесъ значительныя измѣненія въ порядокъ испытаній или экзаменовъ. Взамѣнъ прежнихъ переводныхъ испытаній при переходѣ съ одного курса на другой установлены такъ называемыя полукурсовыя испытанія за два и четыре семестра или полугодія. Окончательныя испытанія производятся въ особо назначаемыхъ для того при университетахъ комиссіяхъ для каждаго факультета. Первоначально имѣлось въ виду въ составъ этихъ комиссій назначать лицъ, не принадлежащихъ къ профессорскому персоналу даннаго университета и сдѣлать экзамены „государственными“, но фактически только предсѣдателями комиссіи являлись лица, постороннія университету, членами же ихъ назначаются профессора. Къ этимъ испытаніямъ допускаются только тѣ студенты, которымъ по опредѣленію ихъ факультетовъ зачтено установленное для окончанія курса число семестровъ или полугодій, о чемъ имъ выдается выпускное свидѣтельство, которое они должны представить въ комиссію. Степень кандидата, которая давалась по уставу 1863 г. лучшимъ изъ окончившихъ курсъ и которая являлась первою ученою степенью, была упразднена. Выдержавшимъ въ комиссіи окончательное испытаніе выдаются дипломы 1-й и 2-й степени, открывающіе обладателямъ ихъ права по государственной службѣ (право производства въ чины X—XII классовъ).

Нововведеніемъ устава 1884 г. является система гонорара, получаемаго профессорами сверхъ жалованья. Каждый студентъ и постороній слушатель вносятъ по 1 рублю за недѣльный часъ въ полугодіе въ пользу отдѣльныхъ преподавателей, лекціями, и практическими занятіями которыхъ они желаютъ пользоваться. Примѣненіе системы гонорара имѣло своимъ результатомъ крайне неравномѣрное вознагражденіе профессоровъ, въ зависимости отъ числа студентовъ на факультетахъ: тогда какъ на малолюдныхъ факультетахъ (на физико-математическомъ и особенно на историко-филологическомъ) цифры получаемаго профессорами гонорара крайне ничтожны, сумма гонорара, получаемаго профессорами юридическихъ и медицинскихъ факультетовъ,

особенно по тѣмъ предметамъ, которые преподаются въ теченіе большого числа часовъ, достигаютъ очень значительныхъ размѣровъ, иногда вдвое и болѣе противъ штатнаго содержанія.

Со времени изданія устава 1884 г. отдѣльными мѣрами устранены были нѣкоторыя неудобства новой системы, а въ 1901 г. поставленъ на очередь вопросъ о коренномъ пересмотрѣ этой системы.

Однако осуществленіе этого пересмотра затянулось, выработанные проекты новаго университетскаго устава не получили движенія въ законодательномъ порядкѣ. Между тѣмъ потребность въ измѣненіи началъ управленія по уставу 1884 г. выступала все съ большею настоятельностью. Правительство рѣшило хотя частью удовлетворить эту потребность, что и составило задачу Именного Высочайшаго Указа 27 августа 1905 года. Этою мѣрою возстановлено было выборное начало въ отношеніи къ замѣщенію должностей ректора и деканов и расширена компетенція совѣта университета. Предоставлено было совѣту и факультетамъ избрать: первому—ректора и его помощника, гдѣ таковая должность установлена закономъ, вторымъ—деканов и секретарей факультетовъ. Ректоръ и его помощникъ избираются изъ числа ординарныхъ профессоровъ; деканы и секретари—изъ всѣхъ профессоровъ соотвѣтственнаго факультета. Избранныя совѣтомъ и факультетами лица представляются въ установленномъ порядкѣ на утвержденіе. Заботы о поддержаніи правильнаго хода учебной жизни въ университетѣ возлагаются на обязанность и отвѣтственность совѣта. Въ этихъ видахъ: а) совѣту предоставляется принимать соотвѣтственныя мѣры, дѣйствуя въ полномъ составѣ или черезъ избранную для сей цѣли комиссію; б) въ томъ случаѣ, если, несмотря на принятыя совѣтомъ мѣры, въ университетѣ произойдутъ нарушающіе правильное теченіе академической жизни безпорядки, совѣту предоставляется ходатайствовать о пріостановленіи занятій вполнѣ или частью на болѣе или менѣе продолжительный срокъ; в) начальство надъ инспекціею ввѣряется ректору, который о поддержаніи въ университетѣ порядка и о надлежащихъ въ семъ смыслѣ указаніяхъ инспектору предлагаетъ, если сочтетъ это не-

обходимымъ, на обсужденіе совѣта или избранной послѣднимъ коммиссіи; г) разбирательство по студенческимъ дѣламъ ввѣряется профессорскому дисциплинарному суду.— Позднѣе, указомъ 14 сентября 1906 г должность инспектора студентовъ упразднена, при чемъ учреждена должность проректора, избираемаго совѣтомъ изъ среды профессоровъ, съ утвержденія министра народнаго просвѣщенія. На проректора указомъ возлагается ближайшее наблюденіе въ университетскихъ зданіяхъ за соблюденіемъ какъ студентами, такъ и посторонними слушателями, установленныхъ правилъ.

Въ настоящее время въ Россіи существуетъ *десять* университетовъ (не считая Александровскаго въ Гельсингфорсѣ): кромѣ упомянутыхъ выше Московскаго, С.-Петербургскаго, Казанскаго, Харьковскаго, Кіевскаго и Дерптскаго (съ 1893 г. переименованнаго въ Юрьевскій), въ 1864 г. основанъ Новороссійскій (въ Одессѣ), въ 1869 г.—Варшавскій, въ 1888 г. Томскій и въ 1909 г — Саратовскій. Университеты состоятъ изъ четырехъ факультетовъ: историко-филологическаго, юридическаго, физико-математическаго и медицинскаго. Отступленія находимъ въ С.-Петербургскомъ, въ которомъ есть факультетъ восточныхъ языковъ, но нѣтъ медицинскаго (основаніе его представлялось излишнимъ, въ виду существованія въ С.-Петербургѣ Военно-Медицинской Академіи); въ Томскомъ университетѣ существуютъ лишь два факультета — медицинскій и юридическій (учрежденъ въ 1898 г.); въ Юрьевскомъуниверситетѣ, кромѣ обычныхъ четырехъ, существуетъ пятый факультетъ — лютеранскаго богословія. Въ Новороссійскомъ университетѣ медицинскій факультетъ учрежденъ только въ 1896 году.

Къ 1 января 1907 года во всѣхъ девяти университетахъ Имперіи было 32.278 студентовъ. Цифра эта представляется чрезвычайною, что обусловливается значительными перерывами и даже полною пріостановкою академической жизни въ 1905—1906 гг., вслѣдствіе чего задержался нормальный выпускъ студентовъ, между тѣмъ какъ пріемъ въ число студентовъ не пріостанавливался. За этою оговоркою, слѣдуетъ однако констатировать послѣдовательный и довольно быстрый ростъ числа студентовъ за прошлые годы. Такъ, въ 1873 г. во всѣхъ университетахъ было 6.145 студ., въ

1880 г.—8.193 студ., въ 1885 г.—12 939, въ 1893 г.—13.944 и въ 1899 г.—16.497 студ.

Кромѣ университетовъ, къ числу высшихъ общеобразовательныхъ заведеній надо отнести рядъ учебныхъ заведеній, которыя по характеру даваемаго ими образованія болѣе или менѣе соотвѣтствуютъ отдѣльнымъ факультетамъ

Таковы, во-первыхъ, Императорскій Александровскій (бывшій Царскосельскій) Лицей, Ярославскій Демидовскій Лицей и Императорское Училище Правовѣдѣнія,—соотвѣтствующіе юридическимъ факультетамъ.

Императорскій Александровскій Лицей открытъ былъ въ 1811 году въ Царскомъ Селѣ. Цѣль этого заведенія, по его уставу, образовывать лицъ, способныхъ для разныхъ частей государственной службы. Принятый подъ непосредственное покровительство Императора, лицей былъ сначала отданъ въ вѣдѣніе министра народнаго просвѣщенія, а въ 1822 г. переданъ въ управленіе военно-учебныхъ заведеній. Въ 1843 г. онъ сравненъ съ другими гражданскими заведеніями, въ 1849 г. переведенъ въ С.-Петербургъ, названъ Александровскимъ и переданъ въ вѣдѣніе IV отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи (нынѣ вѣдомство учрежденій Императрицы Маріи). Въ Лицеѣ, представляющемъ собою закрытое заведеніе, кромѣ приготовительнаго класса (состоящаго изъ двухъ отдѣленій), имѣется шесть классовъ; изъ нихъ три младшихъ среднеобразовательныхъ класса и три старшихъ съ курсомъ юридическихъ и политическихъ наукъ. Окончившіе курсъ, сообразно съ успѣхами, получаютъ чины XII—IX классовъ.

Ярославскій Демидовскій Лицей возникъ благодаря сдѣланному въ 1803 г. Демидовымъ пожертвованію на Ярославскую гимназію (деревни въ 4.000 душъ и капитала 700.000 руб.) съ просьбою дать гимназіи права университета. Гимназія была преобразована въ „Ярославское училище высшихъ наукъ“, названное въ 1805 г. Демидовскимъ. По уставу 1833 г. оно было переименовано въ Демидовскій Лицей съ общеобразовательнымъ курсомъ. Въ 1868 г. новый уставъ лицея придалъ ему характеръ спеціальной юридической школы, каковою онъ является и въ настоящее время, соотвѣтствуя

по программѣ преподаваемыхъ въ немъ предметовъ юридическимъ факультетамъ университетовъ.

Императорское Училище Правовѣдѣнія учреждено въ 1835 г. для подготовленія свѣдующихъ въ юридическихъ наукахъ чиновниковъ для службы въ вѣдомствѣ министерства юстиціи. Училище состоитъ изъ приготовительнаго и семи общихъ классовъ—четырехъ общеобразовательныхъ гимназическихъ и трехъ спеціальныхъ, соотвѣтствующихъ курсу юридическихъ факультетовъ. Училище находится въ вѣдомствѣ министерства юстиціи, по которому и должны были служить окончившіе въ училищѣ курсъ. Въ 1897 г. имъ предоставлено право поступать на службу и по другимъ вѣдомствамъ.—Училище—закрытое заведеніе. Оканчивающіе въ немъ курсъ получаютъ чины XII—IX классовъ.

Далѣе существуютъ два учрежденія, приближающіяся къ историко-филологическимъ факультетамъ: С.-Петербургскій историко-филологическій институтъ и историко-филологическій институтъ князя Безбородко въ Нѣжинѣ.

Историко-Филологическій Институтъ въ С.-Петербургѣ основанъ въ 1867 г. для подготовленія учителей гимназій и вообще средне-учебныхъ заведеній преимущественно по древнимъ языкамъ. Институтъ состоитъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія. Въ немъ положено 100 штатныхъ воспитанниковъ, живущихъ въ зданіи института на полномъ содержаніи; кромѣ того, допускаются стипендіаты другихъ вѣдомствъ. Оканчивающимъ курсъ предоставляется званіе учителя гимназіи съ тѣми же правами, какія имѣютъ окончившіе историко-филологическіе факультеты.

Историко-Филологическій Институтъ Кн. Безбородко въ Нѣжинѣ образованъ былъ въ 1875 г. изъ лицея кн. Безбородко, который былъ устроенъ въ 1820 г. (подъ названіемъ „Гимназія высшихъ наукъ“) на средства, пожертвованныя кн. Безбородко въ 1805 г. Характеръ и программы этого учрежденія неоднократно измѣнялись: по уставу 1825 г. цѣлью его было доставлять филологическое образованіе, въ 1832 г.—физико-математическое, въ 1840 г. по новому уставу онъ долженъ былъ служить къ распространенію юридическихъ познаній. Наконецъ, въ 1875 г. онъ былъ преобразо-

ванъ въ историко-филологическій институтъ съ тѣми же задачами, какъ и С.-Петербургскій.

Въ связи съ названными учрежденіями необходимо упомянуть объ *Археологическомъ Институтѣ* въ С.-Петербургѣ. Это учрежденіе основано въ 1878 г. по иниціативѣ и стараніями Н. В. Калачова для приготовленія спеціалистовъ въ области археологіи и архивовѣдѣнія. Слушателями института являются обыкновенно лица, окончившія курсъ въ какомъ либо высшемъ учебномъ заведеніи и желающія ознакомиться спеціально съ археологіей и архивнымъ дѣломъ Курсъ ученія—двухгодичный. Слушаніе лекцій—безплатное

Факультету восточныхъ языковъ соотвѣтствуетъ находящійся въ Москвѣ *Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ.* Это учрежденіе было основано въ 1815 г. на средства, пожертвованныя армяниномъ Лазаревымъ подъ названіемъ „Лазаревское училище для воспитанія дѣтей армянскаго происхожденія“, какъ частное учебное заведеніе, въ которомъ преподавались какъ общіе предметы, такъ и восточные языки. Въ 1848 г., по новому уставу, оно было преобразовано въ Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ, при чемъ курсъ преподаванія былъ расширенъ. Отдѣленіе преподаванія восточныхъ языковъ отъ общихъ предметовъ послѣдовало по нынѣ дѣйствующему уставу 1872 г. Институтъ состоитъ изъ двухъ отдѣленій: гимназическаго, съ 8-ю основными классами и приготовительнымъ, и спеціальнаго для изученія восточныхъ языковъ, раздѣленнаго на три года.

Наконецъ, существуютъ еще *курсы восточныхъ языковъ при учебномъ отдѣленіи Азіатскаго департамента,* готовящіе драгомановъ для министерства иностранныхъ дѣлъ. На немъ преподаются языки: арабскій, турецкій, персидскій и татарскій. Курсъ 3-хъ лѣтній. Въ числѣ обучающихся военное министерство содержитъ 15 офицеровъ.

Женскія учебныя заведенія. Женскія учебныя заведенія, подобно мужскимъ, также распадаются на три категоріи—низшія, среднія и высшія.

Начальное образованіе дѣвочкамъ дается совмѣстно съ мальчиками въ начальныхъ народныхъ школахъ и другихъ подобныхъ заведеніяхъ: сравнительно рѣдко, преимуще-

ственно въ городахъ, устраиваются школы для дѣвочекъ особо отъ мальчиковъ. По даннымъ упомянутаго выше сборника статистическихъ свѣдѣній, въ 1898 г. въ начальныхъ училищахъ Имперіи училось 1.023,609 дѣвочекъ, что составитъ 25% общаго числа учащихся въ начальныхъ школахъ. Въ городахъ учившіяся въ начальныхъ школахъ дѣвочки составляли 36, 2% всего числа учащихся.

Среднія учебныя заведенія для женщинъ возникаютъ у насъ въ царствованіе Екатерины II, учредившей въ 1764 г., по плану Бецкаго, „Воспитательное заведеніе для благородныхъ дѣвицъ“. По образцу этого заведенія уже въ XVIII столѣтіи было открыто нѣсколько учрежденій сначала въ столицахъ, а затѣмъ и въ другихъ городахъ. Эти учебныя заведенія, большею частью закрытыя, получили названіе „институтовъ“; развитію ихъ въ сильной степени содѣйствовало теплое участіе и покровительство Императрицы Маріи Ѳеодоровны, супруги Павла I. Управленіе ими, послѣ смерти ея, было передано въ 1828 г. въ особое IV отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, впослѣдствіи переименованное въ Собственную Его Императорскаго Величества Канцелярію по учрежденіямъ Императрицы Маріи.

До половины XIX стол. институты, доступъ въ которые былъ открытъ только для дѣвицъ дворянскаго происхожденія, являлись единственными среднеучебными заведеніями для женщинъ. Лишь въ концѣ 50-хъ годовъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія поставленъ былъ на очередь вопросъ объ устройствѣ женскихъ учебныхъ заведеній на другихъ основаніяхъ, а именно открытыхъ и съ допущеніемъ дѣвицъ всѣхъ сословій. Въ 1858 г. издано было особое Положеніе о женскихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Къ 1870 г. въ разныхъ городахъ устроены были, въ значительной степени на средства или при содѣйствіи городскихъ общественныхъ управленій, до 150 женскихъ училищъ вѣдомства народнаго просвѣщенія, преобразованныхъ въ гимназіи на основахъ изданнаго въ этомъ году новаго „Положенія о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія“. По этому положенію женскія гим-

назіи состоятъ изъ 7-ми годичныхъ курсовъ, при чемъ для приготовленія ученицъ къ педагогической дѣятельности можетъ быть учрежденъ 8-й дополнительный классъ; женскія прогимназіи состоятъ изъ 3 классовъ. Окончившимъ полный курсъ 8-ми классовъ и награжденнымъ медалями дается званіе „домашнихъ наставницъ“, не получившимъ медалей, но удостоеннымъ атестатами—званіе „домашнихъ учительницъ“; окончившія только 7 классовъ получаютъ право на званіе „первоначальныхъ учительницъ, учительницъ народныхъ училищъ“.

Вслѣдъ за созданіемъ первыхъ открытыхъ женскихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, IV отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи нашло необходимымъ открыть въ своемъ вѣдомствѣ подобныя же женскія гимназіи для приходящихъ учениць всѣхъ сословій и вѣроисповѣданій: въ 1862 г. изданъ былъ особый уставъ, регулирующій устройство и программы этихъ заведеній.

Такимъ образомъ, въ настоящее время женскія среднія учебныя заведенія распадаются на три группы:

I. Женскія гимназіи и прогимназіи вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Къ 1 янв. 1907 г. гимназій было 314 и прогимназій 134. Кромѣ того частныхъ гимназій—218 и прогимназій—150.—II. Институты. Ихъ всего 32, изъ которыхъ 10 въ С.-Петербургѣ, 4 въ Москвѣ и 18 въ провинціи.—III. Женскія гимназіи вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. Ихъ 30 (изъ нихъ 10 въ С.-Петербургѣ, 5 въ Москвѣ и 15 въ провинціи).

Высшія женскія учебныя заведенія возникаютъ въ Россіи по иниціативѣ частныхъ лицъ. Въ 1872 г. учреждены были высшіе женскіе курсы въ С.-Петербургѣ проф. К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ и въ Москвѣ профессоромъ В. И. Герье. Въ послѣдующіе годы открыты были такіе же курсы въ Кіевѣ и Казани. Въ программу курсовъ введены были преимущественно историко-филологическія и физико-математическія науки. На курсы принимались окончившія среднія женскія учебныя заведенія — гимназіи и институты. Допускались также и вольнослушательницы. Учебный курсъ продолжался 3 года на С.-Петербургскихъ и 2 года на Москов-

скихъ курсахъ. Курсы развивались весьма успѣшно; число слушательницъ постоянно возрастало; къ преподаванію были привлечены лучшія ученыя силы мѣстныхъ университетовъ. Въ началѣ 80-хъ годовъ произошла перемѣна въ отношеніяхъ администраціи къ высшему женскому образованію Въ 1886 г. былъ закрытъ пріемъ на С.-Петербургскіе курсы; Московскіе курсы въ 1888 г. совершенно закрыты. С.-Петербургскіе курсы въ 1889 г. возстановлены съ существенными измѣненіями какъ въ научно-учебномъ, такъ и въ административномъ отношеніяхъ. По временному положенію 1889 г. высшіе женскіе курсы въ С.-Петербургѣ считаются частнымъ учебнымъ заведеніемъ, при чемъ однако директоръ курсовъ, а также инспектриса, руководящая воспитательною частью, назначаются министерствомъ народнаго просвѣщенія. Курсы раздѣлены на два отдѣленія: словесное и физико-математическое; учебные планы обоихъ отдѣленій утверждаются министерствомъ. Хозяйственною частью завѣдуетъ попечительный совѣтъ. Число слушательницъ ограничено было комплектомъ въ 400 чел., но желающихъ обучаться на нихъ оказалось такъ много, что министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ въ 1896 г. увеличить комплектъ до 600. Впослѣдствіи число слушательницъ еще увеличилось.—Съ 1900 года возобновлены и высшіе женскіе курсы въ Москвѣ, а въ послѣдніе годы они учреждены были и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ.

Педагогическіе курсы существуютъ съ 1859 г. и состоятъ изъ словеснаго и математическаго отдѣленій. Курсъ трехлѣтній; первые 2 года читаются общеобразовательные предметы. Для упражненія слушательницъ, готовящихся въ домашнія наставницы, при курсахъ имѣется прогимназія.

Женскій медицинскій институтъ. Въ 1872 году, также по иниціативѣ частныхъ лицъ, въ С.-Петербургѣ возникли женскіе „врачебно-акушерскіе курсы“. Они были устроены при Военно-Медицинской Академіи, при чемъ однако занятія женщинъ-курсистокъ происходили совершенно отдѣльно отъ студентовъ Академіи. Цѣлью курсовъ было поставлено приготовленіе ученыхъ акушерокъ. Преподаваніе производилось профессорами Академіи. Курсами завѣдывала конференція Академіи подъ предсѣдательствомъ ея началь-

ника; непосредственное же начальство слушательницъ составляли почетная инспектриса и ея помощницы. Слушательницами принимались окончившія курсъ среднихъ учебныхъ заведеній съ повѣрочнымъ испытаніемъ при пріемѣ. Занятія были расчитаны на четырехгодичный курсъ. По окончаніи его производился выпускной экзаменъ примѣнительно къ экзамену на званіе врача. Въ 1876—1877 г. курсы были отдѣлены отъ Военно-Медицинской Академіи и переведены въ Николаевскій военный госпиталь, образовавъ самостоятельное учрежденіе, при чемъ съ тѣхъ поръ они получили названіе „Женскихъ врачебныхъ курсовъ". Завѣдываніе ими, независимо отъ надзора инспектрисы и ея помощницъ, возложено на главнаго врача госпиталя. Срокъ обученія вмѣсто 4 лѣтъ былъ установленъ пятилѣтній. Въ 1876 г. оканчивающимъ курсъ предоставлено право практики по женскимъ и дѣтскимъ болѣзнямъ.

Развитіе курсовъ шло весьма успѣшно, что между прочимъ, доказалъ опытъ практическаго примѣненія знаній курсистокъ на войнѣ 1877 г., когда онѣ исполняли ординаторскія обязанности и своею энергіею, знаніями и самоотверженностью заслужили общее одобреніе профессоровъ, дѣйствовавшихъ на театрѣ войны. По ходатайству Медицинскаго Совѣта, въ виду заслугъ женщинъ-врачей, имъ былъ дарованъ нагрудный знакъ „Ж. В." (женщина-врачъ), дававшій право самостоятельной врачебной практики, а въ 1879 г. министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено разрѣшать выдержавшимъ испытаніе слушательницамъ право врачебной службы въ городскихъ, земскихъ и другихъ общественныхъ учрежденіяхъ.

Подъ вліяніемъ реакціи въ отношеніи къ женскому образованію въ судьбѣ врачебныхъ женскихъ курсовъ наступилъ кризисъ: въ 1882 г. пріемъ на курсы былъ пріостановленъ, и они были постепенно закрыты. Съ тѣхъ поръ въ теченіе 15 лѣтъ женское врачебное образованіе заглохло, но сознаніе важности его не изгладилось, и въ печати и въ общественныхъ учрежденіяхъ не переставали раздаваться голоса, доказывавшіе необходимость возстановленія женскихъ врачебныхъ курсовъ. Лишь въ 1892 г. выработанъ былъ проектъ положенія о новомъ учрежденіи для высшаго медицинскаго

образованія женщинъ—„Женскаго Медицинскаго Института". Разсмотрѣніе этого проекта въ Государственномъ Совѣтѣ было, однако, отложено впредь до того времени, когда изъ частныхъ пожертвованій образуется сумма, достаточная для покрытія расходовъ по содержанію института. Упомянутый проектъ былъ, наконецъ, разсмотрѣнъ въ 1895 г., и вопросъ объ открытіи Женскаго Медицинскаго Института рѣшенъ окончательно. Открытіе-его состоялось въ сентябрѣ 1897 года. По уставу, институтъ имѣетъ цѣлью доставить лицамъ женскаго пола медицинское образованіе, преимущественно приспособленное къ леченію женскихъ и дѣтскихъ болѣзней и къ акушерской дѣятельности. Средства института составляются, главнымъ образомъ, изъ частныхъ пожертвованій, пособій отъ городовъ и земствъ и платы за ученіе. Непосредственное управленіе имъ и состоящимъ при немъ интернатомъ ввѣряется директору, назначаемому министерствомъ народнаго просвѣщенія; директору въ работахъ по управленію помогаютъ совѣтъ преподавателей, правленіе изъ 4 профессоровъ и инспектора и попечительный комитетъ, назначаемый министромъ изъ лицъ, могущихъ содѣйствовать удовлетворенію хозяйственныхъ нуждъ института и увеличенію средствъ его. Курсъ ученія — 5-лѣтній; зачетъ полугодій, полукурсовыя и окончательныя испытанія производятся примѣнительно къ правиламъ, установленнымъ для медицинскихъ факультетовъ. Окончившимъ курсъ дается дипломъ на званіе „женщины-врача" съ правомъ повсемѣстной свободной практики. Въ 1898 г. изданъ законъ, предоставляющій женщинамъ-врачамъ права и преимущества государственной службы въ отношеніи пенсій. Этимъ актомъ увѣнчивается признаніе важности женскаго медицинскаго образованія.

Духовныя учебныя заведенія. Исторія духовно-учебныхъ заведеній въ значеніи разсадниковъ для приготовленія образованныхъ пастырей церкви долгое время сливается съ исторіей общаго народнаго образованія въ Россіи. Изъ школъ перковно-приходскихъ и монастырскихъ, бывшихъ главными центрами народнаго образованія, выходили и служители церкви. Въ концѣ XVI в. въ юго-западной Россіи впервые создаются церковными братствами духовныя

школы. Изъ нихъ особенное значеніе пріобрѣло училище при Кіевскомъ Богоявленскомъ братствѣ, получившее въ XVII в. названіе духовной коллегіи, а впослѣдствіи славяно-греко-латинской академіи.

Съ эпохи Петра Великаго начинается государственная регламентація духовно-учебныхъ заведеній; основываются первыя духовныя семинаріи въ Петербургѣ и Москвѣ; къ концу XVIII ст. семинаріи были основаны и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ Европейской Россіи, а также въ Иркутскѣ и Тобольскѣ. Въ 1808 г. учреждена была „Комиссія духовныхъ училищъ", которая составила первый уставъ духовно-учебныхъ заведеній, по которому они распадаются на три группы: низшія—духовныя училища (уѣздныя и приходскія), среднія—духовныя семинаріи и высшія—духовныя академія. Духовныя училища и семинаріи предназначались для потребностей мѣстныхъ епархій, а духовнымъ академіямъ поставлены задачи обще-церковнаго характера—доставлять высшее богословское образованіе въ духѣ православія для просвѣщеннаго служенія церкви на пастырскомъ, духовно-учебномъ и другихъ поприщахъ дѣятельности. Въ послѣдующія десятилѣтія духовно-учебныя заведенія какъ по своему административному устройству, такъ и по программамъ подвергались преобразованіямъ, но самый строй ихъ сохраняется и до настоящаго времени. Послѣднія узаконенія, регулирующія духовно-учебныя заведенія, относятся къ 1884 году. Согласно имъ, духовно-учебныя заведенія представляются въ настоящее время въ слѣдующемъ видѣ.

Духовныя училища предназначены „для первоначальнаго образованія и подготовленія дѣтей къ служенію православной церкви". Какъ учрежденія подготовительныя для лицъ, имѣющихъ поступить въ семинаріи, училища находятся „въ живой и нераздѣльной связи съ семинаріями". Они содержатся на средства, изыскиваемыя духовенствомъ каждой епархіи, и находятся въ вѣдѣніи епархіальнаго архіерея, подъ главнымъ управленіемъ Св. Синода. Ближайшее попеченіе о нихъ ввѣряется мѣстному духовенству. Учебно-воспитательная часть состоитъ подъ руководствомъ мѣстныхъ семинарскихъ правленій, а непосредственное управленіе ввѣряется смотрителю (и его помощнику) и правленію

(въ составѣ смотрителя и учителей), вѣдающему дѣла по учебной, нравственной и хозяйственной частямъ. Число духовныхъ училищъ въ каждой епархіи зависитъ отъ средствъ ея и потребностей мѣстнаго духовенства. Въ училища принимаются дѣти православныхъ духовныхъ лицъ безплатно, а изъ другихъ сословій—съ платою. Училища имѣютъ 4 класса, программа которыхъ приближается къ программѣ четырехъ классовъ гимназій. Въ настоящее время существуетъ 185 духовныхъ училищъ.

Духовныя семинаріи, по опредѣленію устава 1884 г., представляютъ собою „учебно-воспитательныя заведенія для приготовленія юношества къ служенію православной церкви". Семинаріи, находясь подъ главнымъ управленіемъ Св. Сѵнода, состоятъ въ ближайшемъ вѣдѣніи епархіальныхъ архіереевъ, имѣющихъ высшее наблюденіе за направленіемъ преподаванія, за воспитаніемъ учащихся и вообще за выполненіемъ правилъ устава. Семинаріи содержатся на средства Св. Сѵнода и на пособія, отпускаемыя изъ государственнаго казначейства. Непосредственное управленіе семинаріею принадлежитъ ректору, инспектору и правленію, имѣющему собранія педагогическія и распорядительныя. Въ семинаріи принимаются молодые люди православнаго исповѣданія изъ всѣхъ сословій. Преобладающее значеніе въ учебномъ курсѣ ихъ занимаютъ богословскія науки, но въ значительномъ объемѣ преподаются и науки общеобразовательныя, входящія въ курсъ классическихъ гимназій. До конца 70-хъ годовъ окончившіе курсъ семинарій имѣли свободной доступъ въ высшія учебныя заведенія, наравнѣ съ гимназистами. Затѣмъ доступъ этотъ былъ закрытъ, но въ послѣднее время лучшимъ изъ окончившихъ курсъ семинарій было дозволено поступать въ Томскій и Юрьевскій университеты; съ 1906 г. семинаристамъ открытъ доступъ во всѣ университеты. Обученіе въ семинаріяхъ безплатное, причемъ сироты и дѣти бѣдныхъ родителей принимаются на казенное содержаніе. Лучшіе воспитанники семинарій, по окончаніи курса, поступаютъ въ духовныя академіи; большая часть воспитанниковъ опредѣляются епархіальнымъ начальствомъ на мѣста священно- и церковнослужителей или же на должности учителей и надзирателей въ духовно-учебныя заве-

денія. Въ настоящее время существуетъ 55 духовныхъ семинарій.

Духовныхъ академій—четыре: Кіевская (возникновеніе которой относится еще къ XVII ст.), Московская (образованная изъ старой славяно-греко-латинской академіи, зачатки которой также относятся къ XVII в.), С.-Петербургская (основана въ 1797 г.) и Казанская (основана въ 1842 г.). Въ настоящее время духовныя академіи управляются на основаніи устава 1884 г. Согласно опредѣленію этого устава, духовныя академіи имѣютъ цѣлью доставлять высшее богословское образованіе, въ духѣ православія, для просвѣщеннаго служенія церкви на пастырскомъ, духовно-учебномъ и другихъ поприщахъ дѣятельности. Находясь въ главномъ завѣдываніи Св. Сѵнода, академіи состоятъ подъ начальственнымъ попеченіемъ мѣстныхъ епархіальныхъ архіереевъ. Ближайшее управленіе академіями находится въ рукахъ ректора, совѣта и правленія академіи. Совѣтъ, въ составъ котораго входятъ ректоръ (предсѣдатель), инспекторъ и всѣ ординарные и экстраординарные профессора, вѣдаетъ главнымъ образомъ учебную часть; дѣла хозяйственныя и дисциплины надъ студентами сосредоточены въ правленіи, которое состоитъ, подъ предсѣдательствомъ ректора, изъ инспектора и трехъ ординарныхъ профессоровъ. Изъ наукъ, преподаваемыхъ въ академіяхъ, однѣ, а именно различныя отрасли богословія, философія, логика (всего 14), изучаются обязательно всѣми студентами, а другія, раздѣленныя на группы, предоставляются выбору студентовъ. Въ академіи принимаются окончившіе курсъ семинарій или классическихъ гимназій, послѣ повѣрочнаго испытанія. Полный академическій курсъ 4-лѣтній. Лучшіе изъ оканчивающихъ курсъ воспитанниковъ получаютъ степени кандидата богословія, а по представленіи печатной работы и ея защитѣ—степень магистра богословія. Степень доктора богословія пріобрѣтается отличными научными трудами или представленіемъ отдѣльнаго печатнаго изслѣдованія въ области богословской науки.

Женскія духовно-учебныя заведенія. Начало устройству женскихъ духовно-учебныхъ заведеній положено было въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія, когда при женскихъ мо-

настыряхъ разныхъ епархій было открыто нѣсколько *школъ-пріютовъ* для дѣвочекъ-сиротъ духовнаго званія. Въ этихъ школахъ преподавались первоначальныя основы грамотности и законъ Божій.

Значительный толчекъ развитію женскихъ духовно-учебныхъ заведеній данъ былъ учрежденіемъ въ 1842 году, при содѣйствіи и подъ покровительствомъ Великой Княжны Ольги Николаевны (впослѣдствіи королевы Виртембергской), „Образцоваго училища для дѣвицъ духовнаго званія“ въ Царскомъ Селѣ. Въ учебный курсъ его, раздѣленный на 3 двухгодичныхъ класса, введены были различные общеобразовательные предметы (въ томъ числѣ географія и исторія всеобщая и русская, ариѳметика), а также разныя рукодѣлія и обученіе садовому, огородному и домашнему хозяйству. По образцу Царскосельскаго устроено было еще 12 такихъ училищъ. Всѣ они впослѣдствіи были переименованы въ *женскія училища духовнаго вѣдомства*; они состоятъ подъ покровительствомъ Государыни Императрицы, находятся въ вѣдѣніи Св. Синода и содержатся на его средства.

Въ 60-хъ годахъ, съ учрежденіемъ епархіальныхъ съѣздовъ духовенства, возбуждены были изъ разныхъ мѣстъ ходатайства объ открытіи *епархіальныхъ женскихъ училищъ*. Ходатайства эти получили удовлетвореніе и мало-по-малу во многихъ епархіяхъ были открыты такія училища (къ концу 60-хъ годовъ ихъ было около 30). Въ 1868 году изданъ былъ нормальный уставъ епархіальныхъ женскихъ училищъ, сохраняющій свою силу и до настоящаго времени. Эти училища назначаются для образованія дочерей членовъ православнаго духовенства, при чемъ дозволяется принимать и дѣвицъ другихъ сословій. Училища эти (ихъ 49) содержатся на мѣстныя средства, изыскиваемыя епархіальнымъ духовенствомъ. Курсъ наукъ въ нихъ распредѣляется на 6 классовъ и обнимаетъ программу женскихъ гимназій. Въ большей части училищъ существуетъ дополнительный спеціально педагогическій классъ, также имѣются образцовыя начальныя школы для практическихъ занятій воспитанницъ. Окончившія полный курсъ епархіальныхъ училищъ получаютъ званіе домашнихъ учительницъ.

Примѣнительно къ уставу епархіальныхъ училищъ по-

степенно было преобразованы и упомянутыя выше 12 женскихъ училищъ духовнаго вѣдомства.

По дѣйствующимъ правиламъ, въ церковно-приходскія школы учительницами назначаются преимущественно получившія образованіе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ

Спеціальныя учебныя заведенія.

Подъ спеціальными учебными заведеніями въ широкомъ смыслѣ слова разумѣются учебныя заведенія, имѣющія своею задачею сообщать учащимся въ нихъ тѣ особенныя познанія, которыя требуются характеромъ и условіями той или другой отрасли дѣятельности. При производствѣ въ 1880 году статистическаго обслѣдованія учебныхъ заведеній въ Россіи принято было дѣленіе спеціальныхъ учебныхъ заведеній на слѣдующія 12 группъ: I) духовныя, II) педагогическія, III) медицинскія, IV) юридическія, V) военныя, VI) морскія, VII) межевыя и топографическія, VIII) земледѣльческія, лѣсныя и сельско-хозяйственныя, IX) техническія и ремесленныя, X) коммерческія, XI) для изученія восточныхъ языковъ и XII) художественныя.

I. Техническія и ремесленныя учебныя заведенія, подобно общеобразовательнымъ, распадаются также на три категоріи—высшихъ, среднихъ и низшихъ.

а) Высшія техническія учебныя заведенія имѣютъ своею задачею готовить опытныхъ инженеровъ—руководителей въ техническихъ и промышленныхъ предпріятіяхъ, сооруженіяхъ и учрежденіяхъ. Въ настоящее время существуетъ 13 высшихъ техническихъ учебныхъ заведеній:

1) *С.-Петербургскій практическій технологическій институтъ Императора Николая I* является старѣйшимъ изъ технологическихъ учебныхъ заведеній. Онъ основанъ въ 1828 г. по мысли министра финансовъ гр. Канкрина и открытъ въ 1831 г. Онъ раздѣляется на два одѣленія—механическое и химическое. Курсъ ученія—5-лѣтній.

2) *Харьковскій практическій технологическій институтъ Императора Александра III* основанъ въ 1885 г. въ Харьковѣ, какъ центрѣ промышленности юго-восточной Россіи.

Въ немъ также 5-лѣтній курсъ съ двумя отдѣленіями — механическимъ и химическимъ.

3) *Императорское Московское техническое училище* основано въ 1868 г. (было преобразовано изъ учрежденнаго въ 1830 г. „Ремесленнаго учебнаго заведенія питомцевъ Московскаго воспитательнаго дома"). По новому уставу 1894 г., оно функціонируетъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и С.-Петербургскій технологическій институтъ. Оно также состоитъ изъ двухъ отдѣленій — механическаго и химическаго, съ 5-лѣтнимъ курсомъ.

4) *Рижскій политехническій институтъ* учрежденъ въ 1862 г. на средства Рижскаго городского общества и сословій Прибалтійскихъ губерній, вслѣдствіе желанія мѣстнаго общества замѣнить иноземныхъ техниковъ своими, къ чему побуждало все большее развитіе промышленности, и открыть юношеству обширное поприще полезной дѣятельности путемъ утилизаціи мѣстныхъ природныхъ богатствъ. Институтъ имѣетъ шесть отдѣленій: сельско-хозяйственное, химическое, инженерное, механическое, строительное и коммерческое.

Всѣ четыре перечисленнные института находятся въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія.

5) *Институтъ гражданскихъ инженеровъ Императора Николая I* въ С.-Петербургѣ имѣетъ цѣлью образованіе инженеровъ по гражданской, строительной и дорожной частямъ. Институтъ основанъ въ 1842 г., подъ названіемъ Строительнаго училища, преобразованнаго изъ Архитекторскаго училища (учрежденнаго въ 1830 г.), путемъ сліянія его съ существовавшимъ училищемъ гражданскихъ инженеровъ. Въ 1877 г. ему дарованы были права высшаго учебнаго заведенія, а въ 1882 г. оно переименовано въ Институтъ гражданскихъ инженеровъ. Курсъ ученія 5-лѣтній. Институтъ находится въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ.

6) *Институтъ инженеровъ путей сообщенія Императора Александра I* въ С.-Петербургѣ основанъ въ 1810 г., одновременно съ учрежденіемъ особаго управленія путями сообщенія, съ цѣлью приготовленія инженеровъ. Первоначально это заведеніе носило военный характеръ, и лишь въ 60-хъ го-

дахъ оно было преобразовано въ гражданское учебное заведеніе. Въ 1877 г., по случаю празднованія столѣтія рожденія Александра I, институту присвоено настоящее его наименованіе. Курсъ ученія 5-лѣтній. Онъ находится въ вѣдомствѣ министерства путей сообщенія.

7) *Горный институтъ Императрицы Екатерины II* въ С.-Петербургѣ имѣетъ цѣлью образованіе горныхъ инженеровъ для дѣятельности по добывающей и обработывающей горной промышленности. Онъ основанъ въ 1773 г въ царствованіе Екатерины II (въ честь которой ему дано настоящее названіе въ 1896 г., по случаю чествованія столѣтней годовщины смерти Императрицы) въ видѣ горнаго училища, которое затѣмъ постепенно развивалось. Курсъ ученія 5-лѣтній. Институтъ состоитъ въ вѣдѣніи главнаго управленія землеустройства и земледѣлія.

8) *Екатеринославское высшее горное училище*, открытое въ 1899 году, имѣетъ два отдѣленія—горное и металлургическое. Находится въ вѣдѣніи главнаго управленія землеустройства и земледѣлія.

9) *Императорское Московское инженерное училище* основано въ 1895 г. Состоитъ въ вѣдѣніи министерства путей сообщенія, предназначено для тѣхъ же цѣлей и имѣетъ туже организацію, какъ и Институтъ инженеровъ путей сообщенія.

10) *Кіевскій политехническій институтъ Александра II* основанъ въ іюнѣ 1898 г. съ цѣлью подготовлять свѣдущихъ техниковъ-инженеровъ по различнымъ спеціальностямъ. Въ немъ четыре отдѣленія: химическое, механическое, инженерное и сельско-хозяйственное.

11) *Варшавскій политехническій институтъ Императора Николая II* основанъ также въ іюнѣ 1898 г. съ тѣми же задачами, но въ составѣ лишь трехъ отдѣленій: химическаго механическаго и инженерно-строительнаго. Устройство сельскохозяйственнаго отдѣленія представлялось излишнимъ, такъ какъ мѣстная потребность въ образованныхъ агрономахъ удовлетворяется Институтомъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи. Курсъ ученья—4 года. Институтъ учрежденъ почти всецѣло на добровольныя пожертвованія мѣстнаго общества; расходы же по ежегодному

содержанію покрываются изъ суммъ государственнаго казначейства.

12) *С.-Петербургскій политехническій институтъ* (близъ С.-Петербурга, въ Лѣсномъ), открытый въ октябрѣ 1902 года, съ отдѣленіями: металлургическимъ, электротехническимъ, судостроительнымъ и экономическимъ.

Послѣдніе три института находятся въ вѣдѣніи Министерства торговли.

13) *Электротехническій институтъ Императора Александра III*, состоящій въ вѣдѣніи главнаго управленія почтъ и телеграфовъ министерства внутреннихъ дѣлъ, готовитъ инженеровъ-электротехниковъ для нуждъ промышленности и правительственной телеграфной и телефонной службы. Курсъ 5-лѣтній.

б) *Среднія* техническія учебныя заведенія имѣютъ задачею подготовку техниковъ, которые могли бы служить помощниками инженеровъ для различныхъ отраслей промышленности. Важнѣйшія изъ нихъ: Красноуфимское промышленное училище готовитъ техниковъ по сельскохозяйственной и горнозаводской спеціальностямъ (число учащихся въ немъ около 300); Коммиссаровское техническое училище въ Москвѣ даетъ среднее техническое образованіе по механическому дѣлу (учащихся около 600 человѣкъ); Казанское промышленное училище съ отдѣленіями химико и механико-техническими; Лодзинское мануфактурное промышленное училище подготовляетъ техниковъ преимущественно по красильному и ткацкому дѣлу, Иркутское промышленное училище и Костромское среднее механико-техническое училище.

Низшія техническія учебныя заведенія подготовляютъ опытныхъ мастеровъ и рабочихъ по различнымъ спеціальностямъ.

II. Земледѣльческія, лѣсныя и сельскохозяйственныя учебныя заведенія имѣютъ своею задачею приготовленіе свѣдущихъ агрономовъ, лѣсничихъ и вообще лицъ, спеціально знакомыхъ съ различными отраслями земледѣлія.

а) Высшихъ сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеній 4: 1) *Московскій сельскохозяйственный институтъ*, учрежденный въ 1894 г. (взамѣнъ и на мѣстѣ существовавшей

ранѣе Петровской земледѣльческой и лѣсной академіи), подраздѣляется на два отдѣленія—сельскохозяйственное и сельскохозяйственно-инженерное. Теоретическій курсъ продолжается въ томъ и другомъ отдѣленіи 4 года.—2) *Лѣсной институтъ* въ С.-Петербургѣ (съ которымъ въ 1863 г. соединенъ Горыгорецкій земледѣльческій институтъ) —3) *Институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи*, Люблинской губ. (открытъ въ 1869 г.).—4) *Высшіе курсы по винодѣлію* при Императорскомъ Никитскомъ саду, въ Крыму (учреждены въ 1894 г. съ цѣлью подготовлять образованныхъ спеціалистовъ по винодѣлію, которые могли бы занимать должности учителей въ винодѣльныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а также управлять значительными винодѣльными хозяйствами); учебный курсъ продолжается 2 года; обученіе безплатно.

Эти заведенія находятся въ вѣдѣніи главнаго управленія землеустройства и земледѣлія, кромѣ Института въ Новой Александріи, состоящаго въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія.

б) Среднія сельскохозяйственныя учебныя заведенія. Въ числѣ ихъ 7 общихъ сельскохозяйственныхъ или земледѣльческихъ училищъ, имѣющихъ цѣлью доставлять учащимся теоретическое и практическое образованіе, потребное для правильнаго веденія сельскаго хозяйства; полный курсъ 6-лѣтній. Далѣе—училище винодѣлія (въ Бессарабіи), землемѣрно-таксаторскіе классы (въ г. Горкахъ), отдѣленіе для приготовленія овцеводовъ-бонитеровъ при Харьковскомъ земледѣльческомъ училищѣ и педагогическіе курсы (при томъ же училищѣ) для подготовленія учителей низшихъ сельскохозяйственныхъ школъ.

в) Низшія сельскохозяйственныя учебныя заведенія, раздѣляются по своимъ спеціальнымъ задачамъ на слѣдующія группы: а) общія сельскохозяйственныя школы; б) по садоводству и огородничеству, в) по молочному хозяйству; г) сельскохозяйственно-ремесленное заведеніе; д) школа овчаровъ; е) женскія школы сельскаго хозяйства и домоводства; ж) практическія школы для обученія рабочихъ. Кромѣ того, при лѣсничествахъ имѣются низшія лѣсныя школы для образованія кондукторовъ и съемщиковъ.

III. Межевыя и топографическія учебныя заведенія имѣютъ своею задачею подготовлять спеціалистовъ по межеванію земли и производству различныхъ работъ по съемкамъ, составленію плановъ и проч. Высшимъ учебнымъ заведеніемъ по этой спеціальности является Константиновскій межевой институтъ въ Москвѣ. Среднее образованіе сообщается въ землемѣрныхъ училищахъ, существующихъ въ количествѣ 5. Всѣ эти заведенія состоятъ въ вѣдомствѣ министерства юстиціи, въ завѣдываніи управленія межевою частью.

IV. Коммерческія учебныя заведенія сосредоточиваются главнымъ образомъ въ министерствѣ финансовъ (съ 1906 г.— въ министерствѣ торговли). По закону 1894 года всѣ вновь учреждаемыя коммерческія учебныя заведенія состоятъ въ вѣдѣніи этого министерства. 15 апрѣля 1896 года было издано нормальное положеніе о коммерческихъ учебныхъ заведеніяхъ, которое предусматриваетъ четыре типа подобныхъ заведеній: коммерческія училища, торговыя школы, торговые классы и курсы коммерческихъ знаній. Коммерческія училища раздѣляются на семиклассныя, дающія общее и коммерческое образованіе, и трехклассныя, дающія только коммерческое образованіе. Коммерческія училища принадлежатъ къ разряду среднихъ учебныхъ заведеній и имѣютъ цѣлью подготовлять дѣятелей на болѣе отвѣтственныя должности въ крупныхъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ. Торговыя школы, одноклассныя съ годичнымъ курсомъ и трехклассныя съ трехлѣтнимъ курсомъ, подготовляютъ низшихъ служащихъ въ торгово-промышленныхъ учрежденіяхъ. Торговые классы и курсы коммерческихъ знаній ставятъ себѣ задачею сообщать лицамъ всѣхъ возрастовъ, не моложе однако 12 лѣтъ, преимущественно изъ состоящихъ на службѣ въ торгово-промышленныхъ учрежденіяхъ, познанія по различнымъ предметамъ коммерческой спеціальности, необходимыя въ торговомъ дѣлѣ. Въ зависимости отъ того, на чьи средства содержатся коммерческія учебныя заведенія, послѣднія дѣлятся на общественныя и частныя. Общее завѣдываніе дѣлами общественнаго коммерческаго учебнаго заведенія возлагается на попечительный совѣтъ, состоящій изъ представителей тѣхъ учрежденій

(земствъ, городовъ, сословій, мѣстныхъ обществъ), которыя даютъ средства на содержаніе учебнаго заведенія.

V. Медицинскія учебныя заведенія. Къ нимъ относятся, кромѣ Военно-Медицинской академіи и медицинскихъ факультетовъ, учрежденные для врачей въ Петербургѣ Императорскій Клиническій институтъ Великой Княгини Елены Павловны и въ Москвѣ Бактеріологическій и Гинекологическій институты, ветеринарные институты съ 4-лѣтнимъ курсомъ въ Харьковѣ, Казани, Юрьевѣ и Варшавѣ, 6 гражданскихъ фельдшерскихъ школъ и для женщинъ 4 повивальныхъ института (1 въ Москвѣ) и школы для образованія повивальныхъ бабокъ и фельдшерицъ.

VI. Художественныя и музыкальныя учебныя заведенія съ характеромъ профессіональныхъ заведеній. Важнѣйшія изъ нихъ: 1) Высшее художественное училище въ С.-Петербургѣ при Императорской Академіи Художествъ (осн. въ 1757 г.) съ двумя отдѣленіями: а) живописи и скульптуры и б) архитектуры; при Академіи имѣются педагогическіе курсы для приготовленія учителей рисованія. 2) Училище живописи, ваянія и зодчества въ Москвѣ. 3) Строгановское училище техническаго рисованія въ Москвѣ (осн. въ 1825 г.). 4) Центральное училище техническаго рисованія Бар. Штиглица въ С.-Петербургѣ съ нормальною школою и съ рисовальными классами. 5) Рисовальная школа Императорскаго Общества поощренія художествъ въ С.-Петербургѣ (осн. въ 1839 г.). 6) Художественно-промышленная школа имени Н. В. Гоголя съ отдѣломъ керамическихъ производствъ. Существуютъ также 10 художественныхъ и рисовальныхъ школъ въ различныхъ провинціальныхъ городахъ—въ Одессѣ, Воронежѣ, Пензѣ, Вильнѣ, Саратовѣ, Харьковѣ, Кіевѣ 2, Казани и Иваново-Вознесенскѣ. Въ послѣдней подготовляются рисовальщики для ситценабивныхъ и ситценечатныхъ фабрикъ. Въ селѣ Красномъ на Волгѣ, центрѣ значительнаго кустарнаго производства издѣлій изъ серебра, съ 1897 г. учрежденъ рисовальный классъ, который постепенно преобразованъ въ школу серебрянаго дѣла. Большинство этихъ училищъ открыто въ послѣдніе годы. Низшую степень художественно-учебныхъ заведеній составляютъ вечерніе и воскресные классы, посѣщаемые преимущественно ремеслен-

никами. Они существуютъ въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Томскѣ и др. городахъ и селеніяхъ.

Музыкальное образованіе дается въ слѣдующихъ заведеніяхъ: въ С.-Петербургской и Московской консерваторіяхъ, Варшавскомъ музыкальномъ институтѣ, Придворной пѣвческой капеллѣ, Синодальномъ училищѣ церковнаго пѣнія въ Москвѣ, въ музыкальныхъ училищахъ Императорскаго Русскаго музыкальнаго общества (въ Одессѣ, Кіевѣ, Харьковѣ и Тифлисѣ) и цѣломъ рядѣ частныхъ музыкальныхъ школъ и курсовъ.

VII. Военныя и морскія учебныя заведенія. Для высшаго военнаго образованія служатъ военныя академіи: Николаевская академія генеральнаго штаба, Михайловская артиллерійская академія, Николаевская инженерная академія и Александровская военно-юридическая академія. Затѣмъ слѣдуютъ военныя училища: 4 пѣхотныхъ, одно кавалерійское, одно инженерное и два артиллерійскихъ. — Средними военными учебными заведеніями являются кадетскіе корпуса (ихъ 23) и юнкерскія училища (7 пѣхотныхъ, 2 кавалерійскихъ и 2 казачьихъ).

Высшее морское образованіе даетъ Николаевская морская академія съ четырьмя отдѣленіями (гидрографическое, механическое, кораблестроительное и военно-морское), и Морское инженерное училище въ Кронштадтѣ съ двумя отдѣленіями — кораблестроительнымъ и техническимъ. Существуютъ еще офицерскіе классы — минный и артиллерійскій. Среднимъ учебнымъ заведеніемъ, подготовляющимъ офицеровъ флота, является Морской кадетскій корпусъ, представляющій собою закрытое заведеніе съ тремя общеобразовательными и тремя спеціальными классами.

Для нуждъ торговаго флота учреждаются такъ называемые мореходные классы для приготовленія на званіе шкиперовъ дальняго и каботажнаго плаванія и штурмановъ дальняго и каботажнаго плаванія. Сверхъ того, для подготовленія на званіе шкипера дальняго плаванія на судахъ торговаго флота открыты классы торговаго мореплаванія съ трехлѣтнимъ курсомъ при Одесскомъ коммерческомъ училищѣ и Архангельское торгово-мореходное училище (на мореходномъ отдѣленіи 5-тилѣтній курсъ), а также шкиперскіе курсы

въ городахъ Архангельскѣ и Кеми—по два пятимѣсячныхъ зимнихъ курса.

Ученыя учрежденія.

Подъ названіемъ „ученыхъ учрежденій“ разумѣются такія установленія, которыя имѣютъ своими задачами или спеціальную разработку тѣхъ или другихъ отраслей науки (академіи наукъ, ученыя общества, съѣзды ученыхъ), или содѣйствіе развитію наукъ и образованію путемъ предоставленія занимающимся и интересующимся ими необходимыхъ пособій, матеріаловъ и коллекцій (публичныя библіотеки, музеи).

Академія наукъ. Высшимъ ученымъ установленіемъ въ Россіи является Императорская Академія наукъ. Она учреждена была по мысли Петра Великаго въ 1724 г., а открыта уже послѣ его смерти Екатериною I въ 1725 г. Первоначально Академія предназначалась быть не только ученою корпораціею, но и учебнымъ заведеніемъ (при Академіи учреждена была гимназія). Въ настоящее время Академія наукъ состоитъ изъ трехъ отдѣленій: физико-математическихъ наукъ, русскаго языка и словесности и историческихъ наукъ и филологіи. Въ составъ Академіи входятъ ординарные и экстраординарные академики, адъюнкты, почетные члены и члены-корреспонденты. Академики первыхъ трехъ категорій избираются изъ среды наиболѣе выдающихся русскихъ ученыхъ на соотвѣтственныя каѳедры, къ которымъ пріурочены та или другая спеціальность. Во главѣ Академіи находятся Президентъ и Вице-президентъ, назначаемые Высочайшею властью. Для завѣдыванія различными отраслями управленія Академіи, веденія сношеній Академіи съ правительственными установленіями, иностранными и русскими учеными учрежденіями и лицами и т. д., состоитъ непремѣнный секретарь, избираемый изъ среды академиковъ. При Академіи имѣются: библіотека, музеи: зоологическій, ботаническій, минералогическій, антропологическій, этнографическій и азіатскій, мюнцъ-кабинетъ, физическая и химическая лабораторіи. Музеи Академіи наукъ являются не

только ученою принадлежностью ея, но и публичными учрежденіями, открытыми какъ для обозрѣнія публики, такъ и для занятій ученыхъ, не находящихся въ составѣ Академіи и желающихъ пользоваться собранными въ нихъ коллекціями. Въ непосредственномъ вѣдѣніи Академіи находится главная астрономическая обсерваторія въ Пулковѣ. Кромѣ научныхъ занятій каждаго по своей спеціальности, на обязанности академиковъ лежитъ разсмотрѣніе и оцѣнка сочиненій, представляемыхъ въ Академію на конкурсы по присужденію почетныхъ отзывовъ и премій, учреждаемыхъ государственными и общественными учрежденіями и частными лицами, въ цѣляхъ поощренія научныхъ и литературныхъ работъ по разнымъ отдѣламъ знаній (важнѣйшія изъ премій—Уваровская, Макаріевская, Пушкинская, Петра Великаго).

Ученыя общества, группирующія въ своемъ составѣ представителей той или другой спеціальности, являются однимъ изъ главныхъ факторовъ разработки наукъ и распространенія научныхъ знаній. Первое ученое общество въ Россіи было основано еще въ XVIII ст. при Московскомъ университетѣ, подъ названіемъ „Вольное Россійское Собраніе“, съ цѣлью разработки русскаго языка и отечественной исторіи. Въ началѣ XIX ст. возникаютъ при томъ же университетѣ существующія до сихъ поръ—Общество исторіи и древностей россійскихъ (въ 1804 г.), Общество испытателей природы (1805 г.). Общество любителей россійской словесности (1811 г.). Особенно успѣшно стали развиваться ученыя общества послѣ изданія университетскаго устава 1863 г., который предоставилъ университетамъ право учреждать, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, ученыя общества. Университеты широко воспользовались этимъ правомъ, и при каждомъ изъ нихъ въ послѣдующіе годы возникли ученыя общества по разнымъ спеціальностямъ (физическія, химическія, минерологическія, историческія, юридическія, медицинскія и др.). Изъ числа ученыхъ обществъ, не состоящихъ при университетахъ, особенно успѣшное и плодотворное развитіе получили Императорское Русское Географическое Общество (сущ. съ 1845 г.), Императорское Техническое Общество, Императорское Историческое Общество

(съ 1873 г.); послѣднимъ издано большое количество очень цѣнныхъ матеріаловъ по исторіи Россіи.

Съѣзды ученыхъ. Въ тѣсной связи съ учеными обществами стоятъ съѣзды ученыхъ, устраиваемые періодически въ различныхъ научныхъ центрахъ, съ цѣлью дать представителямъ извѣстной отрасли знаній возможность непосредственнаго обмѣна мыслей и установленія болѣе тѣснаго общенія между собою. Инціатива устройства въ Россіи перваго съѣзда ученыхъ принадлежитъ профессорамъ-натуралистамъ Кіевскаго университета; первый съѣздъ естествоиспытателей состоялся въ Кіевѣ 1861 г., но въ очень ограниченныхъ размѣрахъ. Въ 1867 г. издано было положеніе комитета министровъ объ устройствѣ въ университетскихъ городахъ періодическихъ съѣздовъ естествоиспытателей при содѣйствіи министерства народнаго просвѣщенія. Первый такой съѣздъ состоялся въ С.-Петербургѣ въ 1867—68 гг. Въ послѣдніе годы организуются періодическіе съѣзды археологовъ, а также русскихъ врачей въ память знаменитаго хирурга проф. Н. И. Пирогова. Въ 1875 году въ Москвѣ состоялся первый съѣздъ русскихъ юристовъ; до сихъ поръ онъ остается пока и единственнымъ, такъ какъ попытки организаціи второго такого съѣзда не получали разрѣшенія администраціи.

Публичныя библіотеки, какъ доступныя всѣмъ желающимъ собранія большого количества книгъ и другихъ печатныхъ, а нерѣдко и рукописныхъ матеріаловъ, являются однимъ изъ важныхъ научныхъ и образовательныхъ учрежденій. Первое мѣсто въ ряду такихъ учрежденій въ Россіи занимаетъ Императорская Публичная Библіотека въ С.-Петербургѣ. Она открыта для публики въ 1810 г., при чемъ основаніемъ для нея послужила взятая въ 1794 г., въ качествѣ военной добычи въ Варшавѣ, библіотека (въ количествѣ до 300.000 томовъ), основанная граф. Залусскимъ. Въ 1812 г., вслѣдствіе ожидавшагося нашествія на Петербургъ французскихъ войскъ, библіотека была поспѣшно увезена въ Олонецкую губернію, при чемъ многія книги были потеряны и расхищены. По возвращеніи библіотеки въ Петербургъ, она снова въ 1814 году сдѣлана публичною, но въ теченіе долгаго времени не представляла достаточныхъ удобствъ.

Съ 1850 г., благодаря энергіи новаго директора, графа М. А. Корфа, Публичная библіотека вступаетъ въ блестящій періодъ своего развитія и мало-по-малу дѣлается однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ учрежденій этого рода въ Европѣ, какъ по богатству своихъ собраній, такъ и по удобствамъ, предоставляемымъ занимающимися въ ней. Въ настоящее время число печатныхъ книгъ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ превышаетъ 1.500.000 томовъ. Особенно богатъ отдѣлъ русскихъ книгъ, что обезпечивается обязательнымъ по закону доставленіемъ въ публичную библіотеку всѣхъ печатающихся въ Россіи изданій. Весьма цѣннымъ является также отдѣлъ рукописей, постоянно пополняющійся новыми пріобрѣтеніями и пожертвованіями. Въ 1897 г. увеличены средства, отпускаемыя на библіотеку, какъ по пріобрѣтенію новыхъ книгъ, рукописей и пр., такъ и по вознагражденію служащихъ въ ней.

Богатая библіотека Академіи наукъ также должна быть отнесена къ числу публичныхъ. Затѣмъ слѣдуетъ весьма богатая библіотека бывшаго II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, а нынѣ—Государственной Канцеляріи. Въ ней особенною полнотою отличаются отдѣлы по законодательству русскому и иностранному, а также по разнымъ отраслямъ юридическихъ и политическихъ наукъ. Къ числу публичныхъ библіотекъ Петербурга можетъ быть отнесена также библіотека Главнаго штаба, открытая съ 1875 г. для пользованія всѣхъ военнослужащихъ и лицъ, занимающихся учеными трудами.

Въ Москвѣ наиболѣе богатою публичною библіотекою является библіотека Румянцевскаго музея (перевезенная въ Москву въ 1861 г.), образовавшаяся изъ библіотеки государственнаго канцлера графа Н. П. Румянцева, пожертвовавшаго ее съ тѣмъ, чтобы она была сдѣлана публичною. Въ ней весьма богаты отдѣлы рукописей и русскихъ книгъ (послѣднія обязательно доставляются въ библіотеку).

Съ 1830-хъ годовъ возникаютъ публичныя библіотеки въ провинціальныхъ городахъ, главнымъ образомъ при губернскихъ статистическихъ комитетахъ. Въ послѣднія десятилѣтія, во многихъ крупныхъ городахъ возникли городскія общественныя библіотеки, изъ которыхъ нѣкоторыя

(напр. въ Харьковѣ, Одессѣ) достигли весьма значительнаго развитія.

Музеи. Аналогичное съ публичными библіотеками значеніе для научнаго развитія и для распространенія народнаго образованія имѣютъ публичные музеи или открытыя для публики коллекціи замѣчательныхъ предметовъ по различнымъ отраслямъ наукъ и искусствъ. Важнѣйшими изъ нихъ являются въ С.-Петербургѣ: — Императорскій Эрмитажъ, музей при Академіи художествъ, музей Императора Александра III (открытый въ 1898 г. и представляющій богатое собраніе произведеній русскаго искусства), Сельскохозяйственный музей, Педагогическій музей военно-учебныхъ заведеній, упомянутые выше музеи при Академіи наукъ; въ Москвѣ Румянцевскій публичный музей. Императорскій Историческій музей (имѣющій цѣлью служить наглядною исторіею главныхъ эпохъ русскаго государства и содѣйствовать распространенію свѣдѣній по русской исторіи), Политехническій музей прикладныхъ знаній, Художественно-Промышленный музей.

Въ провинціальныхъ городахъ въ послѣднія десятилѣтія возникло значительное число музеевъ, представляющихъ собою болѣе или менѣе цѣнныя собранія мѣстныхъ древностей.

VIII. ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРИЗРѢНІЕ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ [1].

Очеркъ развитія призрѣнія бѣдныхъ. — Право на помощь. — Роль государства въ области призрѣнія бѣдныхъ. — Частная благотворительность. — Мѣры государства. — Эпоха репрессивно-полицейскихъ мѣръ.—Зарожденіе общественнаго призрѣнія въ Англіи и во Франціи. — Основныя черты современнаго положенія общественнаго призрѣнія.—Обязательное и факультативное призрѣніе.

Эльберфельдская система.—Ея сущность, организація и результаты — Рабочія колоніи и продовольственныя станціи въ Германіи. — Ихъ цѣль, устройство и значеніе. — Объединеніе частной благотворительности и ея взаимодѣйствіе съ общественнымъ призрѣніемъ.—Charity Organisation Society — Office central des oeuvres charitables. — Der deutscher Verein fur Armenpflege.

Историческій очеркъ призрѣнія бѣдныхъ въ Россіи.—Древній періодъ. — Указъ царя Ѳеодора Алексѣевича.—Эпоха Петра Великаго. — Регламенты Главному Магистрату и Духовной Коллегіи. — Мѣры противъ нищенства. — Эпоха Екатерины II. — Воспитательные дома. — Приказы общественнаго призрѣнія. — Ихъ задачи, организація и дѣятельность.— Земство и общественное призрѣніе. — Пересмотръ законодательства объ общественномъ призрѣніи. — Призрѣніе бѣдныхъ у крестьянъ.—Современное состояніе его, его нужды. — Городскія попечительства о бѣдныхъ въ Москвѣ.—Организація ихъ и дѣятельность; значеніе попечительствъ.

Развитіе частной благотворительности въ Россіи. — Благотворительныя вѣдомства — Вѣдомство учрежденій Императрицы Маріи. — Попечительство о слѣпыхъ. — Императорское Человѣколюбивое Общество. — Россійское Общество Краснаго Креста. — Попечительство о трудовой помощи.

Очеркъ развитія призрѣнія бѣдныхъ.—Вопросъ о раціональномъ устройствѣ призрѣнія бѣдныхъ принадлежитъ къ числу труднѣйшихъ вопросовъ общественной жизни и

---

[1] E. Loening. Armenwesen (Schönberg's Handbuch der politischen Oekonomie, 4 Aufl., Tub. 1899, т. III, стр. 394—470).—П. Ашротъ. При-

управленія. Длинный рядъ законодательныхъ предписаній и литературныхъ памятниковъ различныхъ эпохъ и разныхъ народовъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о тѣхъ усиліяхъ, которыя были направляемы къ отысканію лучшихъ способовъ борьбы съ бѣдностью.

Призрѣніе бѣдныхъ составляетъ, въ сущности, лишь часть общаго соціальнаго вопроса. Тогда какъ въ область этого послѣдняго входятъ основные вопросы самой общественной организаціи, подъ призрѣніемъ бѣдныхъ разумѣютъ обыкновенно систему мѣръ, имѣющихъ своею задачею организовать возможно лучшую помощь бѣднымъ при наличности данныхъ общественныхъ и экономическихъ условій. Но и въ этой болѣе простой формѣ вопросъ о мѣрахъ помощи бѣднымъ вызываетъ до сихъ поръ довольно сильныя разногласія. Что неимущіе заслуживаютъ помощи и что она должна быть оказываема, въ этомъ согласны болѣе или менѣе всѣ. Даже Мальтусъ, который такъ сильно нападалъ на законы о бѣдныхъ въ Англіи и выражалъ убѣжденіе, что если бы этихъ законовъ не было вовсе, то „средній уровень народнаго благосостоянія въ Англіи былъ бы значительно выше“,—даже онъ находилъ все-таки, что, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, „гуманность и истинная политика повелительно требуютъ, чтобы бѣдные получили

зрѣніе бѣдныхъ въ Англіи. Пер. съ нѣм. Спб. 1901.—Т. Фаулъ. Призрѣніе бѣдныхъ въ Англіи. Пер. съ англ. Спб. 1899.—E. Munsterberg. Die deutsche Armengesetzgebung. Lpzg. 1887.—F. Reitzenstein Armengesetzgebung Frankreichs Lpzg. 1884.—Gory, Dérouin et Worms. Traité théorique et pratique d'assistance publique. Par. 1900 (два тома).—В. Рошеръ. Система призрѣнія бѣдныхъ и мѣропріятій противъ бѣдности. Пер. съ нѣм. Черкасы. 1899—Э. Мюнстербергъ. Призрѣніе бѣдныхъ. Пер. съ нѣм. Спб. 1900.—П. И. Георгіевскій. Призрѣніе бѣдныхъ и благотворительность. Спб. 1894.—В. А. Гагенъ. Право бѣднаго на призрѣніе. Томъ I. Исторія и современное положеніе законодательства объ обязательномъ призрѣніи бѣдныхъ въ Германіи, Франціи и Англіи Спб. 1907.—П. Ганзенъ. Трудовая помощь въ Скандинавскихъ государствахъ. Спб. 1899.—Поліанъ. Нищенствующій Парижъ. Спб. 1898—Ульгорнъ. Христіанская благотворительность въ древней церкви. Перl съ нѣм. Спб. 1899.—А. Горовцовъ Трудовая помощь, какъ средство призрѣнія бѣдныхъ. Спб. 1901.—Общественное и частное призрѣніе въ Россіи. Изданіе Главнаго управленія по дѣламъ мѣстнаго хозяйства Спб. 1907.

всю ту помощь, какую природа вещей позволяетъ имъ дать". Вообще же это право бѣдняка на помощь признается болѣе категорически. Вотъ, напр., какъ формулируетъ его Д. С. Милль: „Независимо отъ всякихъ метафизическихъ взглядовъ на сущность нравственности или общественнаго союза, каждый согласится, что люди должны помогать другъ другу, что обязанность эта тѣмъ сильнѣе, чѣмъ настоятельнѣе нужда; а никому помощь не нужна такъ настоятельно, какъ умирающему съ голода. Поэтому право на пособіе, проистекающее изъ крайней бѣдности, есть одно изъ сильнѣйшихъ правъ, какія только могутъ существовать, и вотъ почему для людей, столь сильно нуждающихся въ помощи, долженъ быть устроенъ самый вѣрный способъ полученія ея, какой только можетъ быть созданъ общественными мѣрами".

Но если право бѣдняка на помощь не вызываетъ особыхъ разногласій, то далеко нельзя сказать того же относительно способовъ оказанія этой помощи. Главный предметъ споровъ и пререканій въ этомъ отношеніи составляетъ роль государства въ области призрѣнія бѣдныхъ,—вопросъ о томъ, должно ли государство вмѣшиваться въ это дѣло и регулировать его, или же оно должно всецѣло предоставить его заботамъ частной иниціативы, частной благотворительности? Противники вмѣшательства государства отрицаютъ за нимъ способность, а слѣдовательно и право брать на себя регулированіе этихъ мѣръ. По ихъ убѣжденію, государственная система обязательнаго призрѣнія, развивая въ людяхъ увѣренность въ полученіи помощи, вмѣстѣ съ тѣмъ парализируетъ энергію труда и стремленіе къ самостоятельности, развиваетъ непредусмотрительность. Въ виду этого они признаютъ систему обязательнаго призрѣнія пагубною и находятъ, что заботы о бѣдныхъ должны быть предоставлены исключительно свободной дѣятельности частныхъ лицъ и церкви.

Однако, этимъ соображеніямъ основательно противопоставляютъ указаніе на то, что недостатки системы обязательнаго призрѣнія большею частью не присущи ей, какъ таковой, и говорятъ не противъ самаго принципа, а лишь противъ извѣстныхъ способовъ его примѣненія. Они могутъ

быть устранены лучшей организаціей дѣла, при которой разумно и вовремя оказанное пособіе можетъ не усыпить, а наоборотъ, возбудить энергію, укрѣпить ее. а не ослабить. Безнадежность часто бываетъ гибельнѣе для человѣка, чѣмъ расчетъ на вѣрную помощь въ трудную минуту Къ тому же указаніе на частную и церковную благотворительность, какъ на единственно раціональную систему вспомоществованія бѣднымъ, находится въ явномъ противорѣчіи съ убѣдительными данными прошлой исторіи призрѣнія, которая свидѣтельствуетъ именно о недостаточности и неудовлетворительности исключительнаго господства системы частной благотворительности.

Въ теченіе многихъ вѣковъ и повсемѣстно дѣло призрѣнія бѣдныхъ всецѣло находилось въ рукахъ частной инициативы и, главнымъ образомъ, церкви, духовенства, на помощь которому охотно приходило общество. Безъ малѣйшаго желанія умалить заслуги церкви въ этомъ дѣлѣ, нельзя—въ виду несомнѣнныхъ данныхъ исторіи — не признать того факта, что она оказалась безсильною въ борьбѣ съ нищетою. Мало того, средневѣковая церковная система призрѣнія, покоясь исключительно на религіозно-нравственныхъ началахъ и не принимая въ соображеніе общественнаго значенія многихъ условій, нерѣдко доводила до крайности практику безусловнаго милосердія и сама распложала нищенство путемъ поощренія разныхъ формъ праздности и тунеядства. Опираясь болѣе на букву, чѣмъ на внутренній смыслъ евангельскихъ предписаній о милосердіи, духовенство, а подъ его вліяніемъ и свѣтское общество того времени, были убѣждены, что существованіе бѣдности и нищеты на землѣ прямо даже входитъ въ планы Провидѣнія для того, чтобы доставить людямъ возможность смягчать гнѣвъ Божій добровольнымъ подаяніямъ. Нищенство въ теченіе долгаго времени считалось какъ бы соціальною не обходимостью, и видъ бродящихъ по улицамъ и дорогамъ калѣкъ, слѣпыхъ, просящихъ подаяніе, ни въ комъ не вызывалъ смущенія. При желаніи они легко находили себѣ пріютъ въ массѣ монастырей, госпиталей и богадѣленъ, созданныхъ въ эпоху наибольшаго религіознаго одушевленія. Эта терпимость, въ связи съ легкостью пройти всюду

въ костюмѣ нищаго, останавливаясь для ночлега въ богадѣльняхъ и монастыряхъ, въ концѣ концовъ породила массу злоупотребленій. Мало-по-малу начало создаваться профессіональное нищенство, явился какъ бы особый классъ людей, предававшихся праздности и дѣлавшихъ нищенство регулярнымъ занятіемъ, подъ прикрытіемъ всевозможныхъ хитростей и уловокъ. Одни притворялись калѣками, употребляя различныя снадобья, вызывавшія у нихъ признаки мнимыхъ болѣзней; другіе скитались въ качествѣ несчастныхъ паломниковъ, шедшихъ къ какому-нибудь святому для исцѣленія отъ какой-либо неизлечимой болѣзни; третьи подъ мантіей пилигрима скрывали свою лѣнь и бродили цѣлыми бандами, нагло требуя себѣ подаянія. Такимъ образомъ, частная благотворительность въ этой формѣ безразборчиваго милосердія сама являлась факторомъ развитія нищенства и бродяжничества. Въ этомъ признаются даже такіе изслѣдователи, которыхъ никакъ нельзя заподозрить въ пристрастномъ отношеніи къ роли церкви. Такъ, напр., англійскій писатель XVII в. Фуллеръ (Church History, 1656 г.), описавъ гостепріимство и милосердіе средневѣковыхъ аббатствъ, говоритъ: „Нѣкоторые замѣтятъ, что это гостепріимство было ложнымъ милосердіемъ, давая помощь безъ разбора тѣмъ, кто въ ней не нуждается, и тѣмъ, кто ея не заслуживаетъ. Да, эти аббатства дѣйствительно кормили тѣхъ бѣдныхъ, которыхъ они сами же создавали. И мы можемъ замѣтить, что именно тѣ мѣста, гдѣ расположены были большіе монастыри, были наиболѣе переполнены бѣднымъ людомъ, какъ будто нищенство есть неотъемлемая ихъ принадлежность“.

Крайности указанной системы призрѣнія вызвали противъ нея реакцію, выразителемъ которой явилось государство въ лицѣ правительства, а также и свѣтское общество въ лицѣ городскихъ общинъ. Они мало-по-малу сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ дѣло призрѣнія неимущихъ, которое становится понемногу однимъ изъ необходимыхъ предметовъ управленія. Но прежде чѣмъ правительства и городскія корпораціи выступаютъ съ положительными мѣрами призрѣнія, проходитъ значительный періодъ времени, характеризующійся преобладаніемъ и даже исключительнымъ господствомъ мѣръ отрицательныхъ. Это—эпоха борьбы

съ нищенствомъ пріемами полицейско-репрессивными, — эпоха, которую западно-европейскія государства пережили въ XIV—XVI вѣкахъ. Если мы обратимся, напримѣръ, къ Франціи и Англіи того времени, то увидимъ большое сходство въ пріемахъ борьбы въ той и другой странѣ. Во Франціи наиболѣе раннимъ распоряженіемъ правительственной власти противъ нищихъ считаются мѣры, изложенныя въ ордонансѣ 1350 года. Нищимъ и бродягамъ, шатающимся по Парижу, этотъ ордонансъ предписываетъ въ теченіе трехъ дней найти себѣ какое-нибудь занятіе или же оставить городъ и его окрестности; тѣмъ, которые, по прошествіи этого срока, снова будутъ найдены безъ дѣла и просящими милостыню, угрожаетъ четырехдневное заключеніе въ тюрьмѣ; въ случаѣ вторичнаго неповиновенія предписаніямъ виновные выставляются къ позорному столбу; уличеннымъ въ третій разъ выжигаютъ на лбу клеймо раскаленнымъ желѣзомъ и затѣмъ подвергаютъ ихъ изгнанію. Около того же времени начинаются и въ Англіи мѣры борьбы съ нищенствомъ путемъ жестокаго преслѣдованія нищихъ тюремнымъ заключеніемъ, суровыми наказаніями, изгнаніемъ... Мало-по-малу, въ обѣихъ странахъ составилось обширное законодательство по преслѣдованію нищенства, но опытъ все болѣе убѣждалъ въ непригодности однѣхъ респрессивныхъ мѣръ и въ необходимости выступить съ мѣрами положительнаго характера.

Начало новой политики въ дѣлѣ призрѣнія слѣдуетъ отнести къ половинѣ XVI вѣка. Наиболѣе рѣшительно она сказалась въ Англіи, гдѣ уже къ началу XVII вѣка заложены были прочныя основы государственной системы призрѣнія бѣдныхъ. Первымъ шагомъ на этомъ пути было стремленіе регулировать нищенство съ установленіемъ строгаго различія между дѣйствительно нуждающимися въ помощи и ея незаслуживающими. Такъ, статутъ Генриха VIII 1531 г., возобновляя суровыя мѣры преслѣдованія бродягъ и нищихъ, способныхъ къ труду, съ другой стороны, даетъ шерифамъ и мировымъ судьямъ предписаніе—старательно розыскивать всѣхъ престарѣлыхъ и больныхъ бѣдныхъ, живущихъ милостынею, и выдавать имъ позволеніе просить милостыню въ опредѣленныхъ мѣстахъ, на основаніи осо-

баго удостовѣренія. Далѣе, статутъ 1563 г. уже прямо возлагаетъ на приходы отвѣтственность за содержаніе ихъ бѣдныхъ и предписываетъ имъ наблюдать, чтобы неспособные къ труду получали изъ добровольныхъ подаяній достаточное вспомоществованіе и не были вынуждены жить бродяжничествомъ и прошеніемъ милостыни; съ другой стороны, приходъ обязанъ наблюдать, чтобы способные къ труду получали работу настолько достаточную, чтобы они могли жить своимъ трудомъ. Приходъ, не исполняющій этихъ предписаній, подвергается денежному штрафу. Этотъ же статутъ дѣлаетъ попытку упорядочить поступленіе „добровольныхъ подаяній". Мѣстныя власти, а также церковные старосты, должны ходить съ кружками каждое воскресеніе и каждый праздникъ и собирать подаянія отъ жителей; священники же должны уговаривать прихожанъ быть щедрыми въ своихъ приношеніяхъ. Этотъ же статутъ воспрещаетъ также подаяніе милостыни нищимъ подъ угрозою штрафа въ размѣрѣ въ 10 разъ больше противъ поданнаго

Указанныя постановленія акта 1536 г. заключаютъ въ себѣ зародыши основныхъ элементовъ будущей системы призрѣнія, окончательно сложившейся подъ дѣйствіемъ знаменитаго акта Елизаветы 1601 года. Въ промежуткѣ между этими двумя датами изданъ былъ рядъ новыхъ актовъ. обезпечившихъ, послѣдовательное развитіе указанныхъ зародышей. Не вдаваясь въ детали, отмѣтимъ однако весьма любопытный процессъ постепеннаго превращенія „добровольныхъ подаяній" (актъ 1536 г.) въ налогъ въ пользу бѣдныхъ, установленный въ 1601 году. Заботясь объ усиленіи приходскаго фонда, законодательство (въ 1551 г.) повелѣваетъ назначить въ каждомъ приходѣ двухъ или болѣе сборщиковъ подаяній. На ихъ обязанность, кромѣ веденія записей приношеній и списковъ бѣдныхъ, возлагается— „учтиво побуждать и увѣщевать прихожанъ дѣлать взносы, смотря по ихъ средствамъ"; въ случаѣ же, если эти увѣщанія останутся безъ дѣйствія, сборщики подаяній должны обратиться къ мѣстному епископу, чтобы онъ оказалъ вліяніе на упрямцевъ, отказывающихся вносить свою лепту. Черезъ нѣсколько лѣтъ новая законодательная мѣра (1563 г.) предписываетъ, въ случаѣ безуспѣшности увѣщаній епископа,

приглашать лицъ, „упорно отказывающихся дѣлать взносы“, къ мировымъ судьямъ, которые, опять-таки послѣ „учтиваго убѣжденія“, опредѣляютъ, по своему усмотрѣнію, сумму, которую эти лица обязаны вносить въ приходскій фондъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ является новый законъ (1572 г.), который устраняетъ вмѣшательство епископа и даетъ мировымъ судьямъ непосредственно право назначать размѣръ еженедѣльныхъ взносовъ для лицъ, отказывающихся дѣлать „добровольныя приношенія“. Послѣ этого оставалось сдѣлать еще новый шагъ на томъ же пути, и взамѣнъ „добровольныхъ подаяній“ и принудительныхъ взносовъ появляется общеобязательный налогъ въ пользу бѣдныхъ, впервые установленный актомъ 1601 года. Такую же послѣдовательность можно было бы установить и по другимъ элементамъ будущей системы призрѣнія—относительно органовъ призрѣнія, запасовъ, необходимыхъ для работъ, и пр.

Актъ 1601 г. окончательно создалъ въ Англіи систему организованнаго государственнаго призрѣнія, установивъ главныя ея основы: органы призрѣнія; средства, въ видѣ налога, идущаго на покрытіе расходовъ по призрѣнію; самые способы или мѣры призрѣнія. Послѣдующіе десятилѣтія и вѣка внесли много новаго въ англійское законодательство о бѣдныхъ, но въ основѣ его до сихъ поръ продолжаютъ лежать коренные принципы акта 1601 года.

Историки общественнаго быта Англіи съ большою убѣдительностью показали, что на такое развитіе ея законодательства о бѣдныхъ сильно повліяла реформація и, въ частности, секуляризація монастырскихъ имуществъ при Генрихѣ VIII: лишивъ церковь возможности продолжать свою дѣятельность въ области призрѣнія бѣдныхъ, государство силою вещей было вынуждено принять на себя заботы о нихъ. Это, конечно, вполнѣ основательное соображеніе, но не этимъ однимъ слѣдуетъ объяснять принятіе государствомъ болѣе дѣятельной роли въ области призрѣнія. Во Франціи реформація не получила торжества, католическая церковь сохранила свою силу и богатыя имущества ея не были конфискованы. Тѣмъ не менѣе, мы и тамъ видимъ переломъ въ строѣ призрѣнія, выразившійся въ замѣнѣ системы церковной системою свѣтскою и въ заботахъ госу-

дарства о положительныхъ мѣрахъ призрѣнія, хотя онѣ и получили иное направленіе, чѣмъ въ Англіи, вслѣдствіе глубокихъ различій въ учрежденіяхъ и нравахъ той и другой страны.

Въ теченіе XVI вѣка и во Франціи въ дѣло призрѣнія все болѣе проникаетъ элементъ свѣтскій. Въ разныхъ мѣстахъ ея за это дѣло энергически принимаются органы городского управленія. Они издаютъ свои регламенты въ интересахъ борьбы съ нищенствомъ и создаютъ въ средѣ своей, при участіи городского населенія, особыя учрежденія, ставящія себѣ задачею болѣе или менѣе правильную организацію помощи бѣднымъ. Чуть не повсемѣстно органы городского управленія вступаютъ въ конфликты съ духовенствомъ и нерѣдко принимаютъ отъ него въ свои руки всю администрацію различныхъ благотворительныхъ учрежденій. Въ этомъ отношеніи рука объ руку съ городскими управленіями дѣйствуетъ и королевское правительство. Уже въ первой половинѣ XVI вѣка длинный рядъ эдиктовъ и ордонансовъ Франциска I имѣетъ въ виду произвести коренную реформу въ управленіи госпиталями, богадѣльнями и другими видами благотворительныхъ заведеній. Необходимость ея вызывалась злоупотребленіями духовенства въ безконтрольномъ завѣдываніи этими заведеніями; и вотъ королевская власть устанавливаетъ тщательный контроль, который ввѣряется свѣтскимъ лицамъ — представителямъ центральнаго правительства и мѣстныхъ органовъ городского управленія. Любопытно, что одновременно съ Англіей во Франціи также дѣлаются попытки къ устройству приходскаго призрѣнія и даже принимаются мѣры къ установленію регулярныхъ сборовъ въ пользу бѣдныхъ (эдикты 1533, 1544 и 1551 г.). Но эти мѣры не привились во Франціи, что объясняется болѣе слабымъ развитіемъ въ ней зачатковъ мѣстнаго самоуправленія. Какъ-бы то ни было, съ XVI вѣка и во Франціи дѣло призрѣнія бѣдныхъ сосредоточивается въ рукахъ государства и становится одною изъ важныхъ отраслей управленія, особенно въ эпоху наибольшаго усиленія центральной власти при Людовикѣ XIV.

Съ тѣхъ поръ участіе государства сдѣлалось характерною чертою въ устройствѣ призрѣнія почти во всѣхъ за-

падно-европейскихъ странахъ. Предѣлы и формы этого участія подвергались съ теченіемъ времени различнымъ модификаціямъ, болѣе или менѣе существеннымъ, въ зависимости отъ измѣнявшихся воззрѣній на задачи правительства и отъ успѣховъ въ изученіи и пониманіи общественныхъ явленій.

Общею характеристическою особенностью современнаго положенія общественнаго призрѣнія по сравненію съ предшествующими эпохами является преобладаніе болѣе ограниченнаго и болѣе опредѣленнаго взгляда на задачи общественнаго призрѣнія. Прежде въ мѣрахъ призрѣнія нерѣдко видѣли средство искоренить самое явленіе бѣдности; теперь же въ нихъ никто не усматриваетъ панацеи противъ нищеты, борьба съ которою возможна лишь при посредствѣ сложной системы мѣропріятій экономической политики, направленныхъ къ общему подъему матеріальнаго благосостоянія народа. Мѣры призрѣнія могутъ имѣть значеніе лишь палліатива въ сферѣ соціальныхъ невзгодъ. Отъ этого однако нимало не уменьшается ихъ необходимость, которая оказывается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ медленнѣе идетъ процессъ поднятія общаго экономическаго уровня. Д-ръ Мюнстербергъ, одинъ изъ наиболѣе авторитетныхъ писателей по вопросамъ общественнаго призрѣнія и видный практическій дѣятель въ этой сферѣ (онъ стоитъ во главѣ управленія призрѣніемъ въ Берлинѣ, а раньше управлялъ этимъ дѣломъ въ Гамбургѣ), говоря о соотношеніи между общественнымъ призрѣніемъ и общими мѣрами поднятія благостоянія, замѣчаетъ: „призрѣніе бѣдныхъ между мѣрами попеченія о благосостояніи населенія занимаетъ безусловно послѣднее мѣсто, и этого не слѣдуетъ ни на минуту упускать изъ вида. Оно должно заниматься лишь тѣми, кого попечительныя мѣропріятія общаго характера не могли спасти отъ впаденія въ нужду и кто ни собственными силами, ни съ помощью семьи и другихъ близкихъ, обязанныхъ ему помочь лицъ, не можетъ предотвратить грозящую ему нищету. Само собою разумѣется, что мы въ настоящее время не можемъ даже предвидѣть наступленія того момента, когда призрѣніе стало бы излишнимъ. Поэтому-то во всѣхъ культурныхъ странахъ создалась цѣлая, болѣе или менѣе

обширная система мѣръ по призрѣнію бѣдныхъ, при чемъ характернымъ для этого призрѣнія является въ настоящее время то, что оно не опирается исключительно только на частную благотворительность, но привлекаетъ всѣ общественныя корпораціи, государство и общину".

Въ отношеніи къ устройству призрѣнія бѣдныхъ большинство культурныхъ государствъ могутъ быть раздѣлены на двѣ группы. Въ германскихъ и англо-саксонскихъ странахъ, въ Англіи, Соединенныхъ Штатахъ, въ Германіи, въ Скандинавскихъ государствахъ и въ нѣмецкихъ кантонахъ Швейцаріи призрѣніе бѣдныхъ носитъ характеръ обязательный; въ основѣ лежитъ обязанность общинныхъ учрежденій предоставлять нуждающимся жителямъ необходимую помощь и поддержку. Въ противоположность этому въ романскихъ странахъ, во Франціи, въ Италіи, Бельгіи, въ большей части французской Швейцаріи и Эльзасѣ и Лотарингіи господствуетъ система такъ называемаго факультативнаго призрѣнія. Въ этихъ странахъ призрѣніе не составляетъ обязанности ни государства, ни общинъ, но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ послѣднее время и государство, и общины начали принимать все большее участіе въ осуществленіи задачъ призрѣнія. Такъ, во Франціи уже признается обязательность призрѣнія въ отношеніи къ нѣкоторымъ категоріямъ нуждающихся—дѣтямъ, душевно-больнымъ, призрѣніе которыхъ составляетъ обязанность департаментовъ, а законъ 1893 года возложилъ и медицинское призрѣніе на общины, сдѣлавъ обязательною даровую медицинскую помощь нуждающимся больнымъ. Наконецъ, особенно важное значеніе должно быть признано за закономъ 14 іюля 1905 года „объ обязательномъ призрѣніи престарѣлыхъ, немощныхъ и неизлѣчимыхъ, не имѣющихъ средствъ къ существованію". Устраняя понятіе *права* на призрѣніе, онъ однако провозглашаетъ *обязательность* призрѣнія для государства, департаментовъ и коммунъ, создавая систему нормъ, обезпечивающихъ осуществленіе обязательнаго призрѣнія органами коммунальнаго, департаментскаго и государственнаго управленія [1].—Съ другой стороны, въ Бельгіи

[1] Основное положеніе закона 1905 года выражено слѣдующимъ образомъ въ 1-й статьѣ его: „Каждый французъ, не имѣющій средствъ къ жизни,

по закону 1891 г., на помощь благотворительнымъ учрежденіямъ и госпиталямъ, при недостаточности ихъ средствъ, должна приходить община; при этомъ въ Бельгіи для цѣлей призрѣнія созданъ особый фондъ (fond commun), который пополняется взносами государства и отдѣльныхъ провинцій.

Преобладающею чертою устройства призрѣнія бѣдныхъ является широкое примѣненіе принципа децентрализаціи. Главная дѣятельная роль принадлежитъ органамъ мѣстнаго управленія, коммунальнымъ учрежденіямъ, при чемъ однако все болѣе развивается сознаніе важности обезпечить средства наблюденія, контроля и руководительства надъ управленіемъ призрѣнія. Наиболѣе законченное и планомѣрное развитіе заботы о центральномъ управленіи призрѣнія получили въ Англіи. Первоначально органъ такого управленія былъ созданъ на-время, со спеціальною задачею озаботиться проведеніемъ въ жизнь реформы 1834 года въ области общественнаго призрѣнія. Назначенные для этого особые коммиссары („Poor Law Commissioners“) превратились однако, въ 1847 г., въ настоящее центральное управленіе, которое въ 1867 году сдѣлалось постояннымъ государственнымъ учрежденіемъ подъ названіемъ „Poor Law Board“. Послѣднее въ 1871 году было преобразовано въ обширное вѣдомство мѣстнаго управленія (Local Government Board), въ которомъ сосредоточено также высшее завѣдываніе санитарною и медицинскою полиціей, строительнымъ и дорожнымъ дѣломъ и другими отраслями мѣстнаго управленія. Это вѣдомство организовано [1] бюрократически и имѣетъ во главѣ президента, состоящаго на правахъ министра; помощниками ему служатъ нѣсколько секретарей, но наиболѣе важными чиновниками управленія являются инспекторы и

неспособный собственнымъ трудомъ удовлетворять нужды своего существованія и имѣющій болѣе семидесяти лѣтъ или постигнутый немощью или болѣзнью, признанной неизлечимою, получаетъ призрѣніе, установленное настоящимъ закономъ“. Русскій переводъ этого закона см. въ „Журналѣ Министерства Юстиціи“ (Январь 1907 года). См. также статью В. А. Гагена въ журналѣ „Трудовая Помощь“ (№№ 9 и 10 за 1905 г.).

[1] Э. Мюнстербергъ. Задачи и организація призрѣнія бѣдныхъ. „Трудовая помощь“ 1899 г., Декабрь, стр. 427.

чиновники для контроля по смѣтной части: они являются соединительнымъ звеномъ между центральнымъ управленіемъ и мѣстными организаціями. Инспектора должны удостовѣряться въ томъ, что въ предѣлахъ подвѣдомственнаго имъ округа управленіе призрѣніемъ ведется согласно дѣйствующимъ законамъ и административнымъ предписаніямъ, издаваемымъ вѣдомствомъ мѣстнаго управленія; они должны въ извѣстные промежутки времени участвовать въ засѣданіяхъ мѣстнаго управленія призрѣніемъ, котролировать дѣятельность мѣстныхъ благотворительныхъ учрежденіи и управленій призрѣніемъ и докладывать ежегодно о результатахъ произведенной ими ревизіи центральному управленію. Обязанностью второго органа — инспекторовъ-счетоводовъ является ревизія счетоводства мѣстныхъ управленіи и удостовѣреніе въ томъ, что всѣ произведенные этими управленіями расходы согласны съ законами и размѣрами своими не превосходятъ положеннаго предѣла. Эта задача предполагаетъ совершенно единообразное веденіе книгъ всѣми мѣстными управленіями, что̀ въ дѣйствительности и установлено закономъ по отношенію ко всѣмъ органамъ мѣстнаго управленія въ Англіи. Благодаря этимъ личнымъ сношеніямъ инспекторовъ съ мѣстными управленіями и благодаря постоянному контролю надъ ихъ расходами и счетоводствомъ, центральное управленіе можетъ создать себѣ полное и ясное представленіе о положеніи призрѣнія во всемъ его объемѣ и принять цѣлесообразныя мѣры какъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, такъ и вообще. Такой организаціи англійская система призрѣнія обязана не только своею законченностью и единствомъ, но главнымъ образомъ тѣмъ, что она всегда доступна оплодотворенію новыми идеями, которое, конечно, можетъ исходить только отъ какого-либо органа центральнаго управленія.

Во Франціи въ 1886 году образовано, въ составѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, особое управленіе общественнаго призрѣнія (Direction de l'assistance publique et de l'hygiène publique), а въ 1888 году созданъ, кромѣ того, въ качествѣ высшаго совѣщательнаго органа, Conseil supérieur de l'assistance publique. Въ составъ управленія общественнымъ призрѣніемъ и во Франціи входятъ инспекторы для

осуществленія надзора на мѣстахъ; для надзора же за призрѣніемъ дѣтей имѣются въ каждомъ департаментѣ спеціальные органы, inspecteurs des enfants.

Кромѣ указанныхъ чертъ характернымъ въ современномъ положеніи общественнаго призрѣнія является стремленіе обезпечить особыя средства на покрытіе расходовъ по призрѣнію. Въ нѣкоторыхъ государствахъ существуютъ спеціальные налоги въ пользу бѣдныхъ; такъ, въ Англіи такой налогъ созданъ еще статутомъ 1601 г., при чемъ въ дальнѣйшемъ развитіи онъ явился основаніемъ всей системы коммунальныхъ налоговъ въ этой странѣ; налогъ въ пользу бѣдныхъ существуетъ въ нѣкоторыхъ контонахъ Швейцаріи. Въ большинствѣ государствъ необходимыя для общественнаго призрѣнія средства отчисляются изъ общаго бюджета государственныхъ или коммунальныхъ учрежденій.

Въ ряду особенностей современной постановки попеченія о бѣдныхъ широкое развитіе получили принципъ объединенія дѣятельности частныхъ благотворительныхъ учрежденій и начало взаимодѣйствія органовъ частной благотворительности и учрежденій общественнаго призрѣнія. Наиболѣе характерною въ отношеніи къ этимъ стремленіямъ представляется дѣятельность англійскихъ обществъ организаціи благотворительности (Charity Organisation Societies), о которыхъ въ дальнѣйшемъ изложеніи даются подробныя свѣдѣнія.

Въ области современной разработки вопросовъ общественнаго призрѣнія и благотворительности можно отмѣтить важное явленіе—международные конгрессы, созываемые для обсужденія этихъ вопросовъ. Первый такой конгрессъ былъ созванъ въ Парижѣ въ 1889 году; второй происходилъ въ Женевѣ; третій состоялся въ Парижѣ въ 1900 году, во время послѣдней всемірной выставки [1]; четвертый состоялся въ Миланѣ, въ 1906 году; наконецъ пятый—въ Копенгагенѣ, въ 1910 году.

[1]) Работы третьяго конгресса по количеству представленныхъ делегатами разныхъ странъ свѣдѣній, по разнообразію затронутыхъ и выясненныхъ на немъ вопросовъ имѣютъ весьма важное значеніе (труды конгресса изданы въ шести томахъ подъ заглавіемъ «Recueil des travaux du Congrès international d'assistance publique et de bienfaisance privée, tenu du 30 juillet au 5 août 1900. Paris, 1900)».

На почвѣ указанныхъ общихъ началъ въ разныхъ странахъ возникли весьма разнообразные способы призрѣнія. О нѣкоторыхъ изъ нихъ ниже сообщаются подробныя свѣдѣнія.

Эльберфельдская система. Названіе свое эта система, нынѣ столь популярная, получила отъ города Эльберфельда, въ Пруссіи, въ Дюссельдорфскомъ округѣ Рейнской провинціи. Это—одинъ изъ наиболѣе значительныхъ промышленныхъ центровъ, выросшій въ теченіе прошлаго столѣтія. Въ 1800 г. въ немъ было 12,000 жителей; въ 1850 г.—50,000, а въ 1888—1889 гг. уже около 120,000; собственно рабочее населеніе многочисленныхъ фабрикъ и заводовъ Эльберфельда превышаетъ 35,000 человѣкъ.

Попытки организовать цѣлесообразную систему призрѣнія бѣдныхъ въ Эльберфельдѣ начинаются съ 1800 года, но въ теченіе долгаго времени онѣ не имѣли желательнаго успѣха. Современная организація призрѣнія создана въ 1852 году, когда былъ выработанъ и понынѣ дѣйствующій регламентъ, подвергшійся несущественнымъ измѣненіямъ и дополненіямъ въ 1861 и 1876 гг.

Въ основѣ эльберфельдской системы лежатъ принципы, отличающіеся чрезвычайною простотою и практичностью и стремящіеся къ индивидуализаціи дѣла общественнаго призрѣнія. Исходнымъ пунктомъ въ ея организаціи служитъ то соображеніе, что каждый неимущій, терпящій нужду и обращающійся за помощью, долженъ быть разсматриваемъ и изслѣдуемъ по отношенію къ его индивидуальнымъ особенностямъ. При этомъ изслѣдованіи тщательное вниманіе обращается на выясненіе какъ характера, причины и степени нужды, такъ индивидуальныхъ особенностей нуждающагося—степени физическаго и нравственнаго развитія его, занятій, образа жизни, привычекъ и склонностей и т. д. Оказываемая въ каждомъ данномъ случаѣ помощь должна соотвѣтствовать тѣмъ условіямъ, совокупность которыхъ составляетъ индивидуальность этого случая.

Какъ видно изъ этой основной черты разсматриваемой системы, практическое примѣненіе ея предполагаетъ участіе большого количества лицъ, которыя могли бы взять на себя

трудъ собиранія необходимыхъ свѣдѣній о людяхъ, обращающихся за пособіемъ, объ ихъ жизни, занятіяхъ и т. д. Существо самой системы требуетъ широкаго участія общества въ устройствѣ призрѣнія.

Въ самомъ Эльберфельдѣ современное устройство ея представляется въ слѣдующемъ видѣ. Во главѣ организаціи находится центральный комитетъ подъ названіемъ „городское управленіе призрѣніемъ бѣдныхъ“ (Städtische Armen-Verwaltung). Онъ состоитъ изъ девяти лицъ: предсѣдателя, которымъ является оберъ-бургомистръ или его замѣститель, 4-хъ городскихъ гласныхъ и 4-хъ имѣющихъ право голоса гражданъ. И тѣ, и другіе избираются городскою думою на три года, при чемъ выходящіе члены могутъ быть избраны на новый срокъ. Какъ эти лица, такъ и другіе члены администраціи призрѣнія не могутъ уклоняться отъ принятія возлагаемыхъ на нихъ обязанностей иначе, какъ при наличности уважительныхъ причинъ (болѣзни, преклоннаго возраста, занятій, требующихъ частыхъ и продолжительныхъ отлучекъ изъ города, и т. п.). „Городскому управленію призрѣніемъ бѣдныхъ“ принадлежитъ общее наблюденіе какъ за органами, завѣдующими призрѣніемъ на дому, такъ и за администраціею закрытыхъ заведеній для призрѣнія, сосредоточенной въ рукахъ особой депутаціи, также избираемой думою. Въ частности на обязанность центральнаго комитета возлагается: 1) изслѣдованіе положенія бѣднѣйшихъ классовъ населенія и причинъ обѣднѣнія, изысканіе и выработка мѣръ, необходимыхъ къ удаленію этихъ причинъ; 2) представленіе городской думѣ ежегоднаго бюджета общественнаго призрѣнія; 3) завѣдываніе и употребленіе денежныхъ фондовъ, назначаемыхъ на дѣло призрѣнія; 4) предварительное разсмотрѣніе годовыхъ отчетовъ по приходу и расходу суммъ призрѣнія; 5) представленіе думѣ въ концѣ каждаго года отчета въ своемъ управленіи.

Ближайшее завѣдываніе дѣлами призрѣнія сосредоточивается въ 26-ти участковыхъ комиссіяхъ или попечительствахъ, по числу 26-ти округовъ, на которые раздѣленъ городъ въ отношеніи къ администраціи призрѣнія. Во главѣ каждаго округа находится „окружный старшина“ (Bezirks-Vorsteher), который представляетъ собою связующее звено

между высшимъ центральнымъ управленіемъ и низшими исполнительными органами—„попечителями бѣдныхъ“ (Armenpfleger). Въ каждомъ округѣ—14 попечителей. Какъ старшины, такъ и попечители избираются думою, по представленію „городского управленія призрѣніемъ“, на три года, каждый годъ треть ихъ выбываетъ, при чемъ выходящіе могутъ быть избраны вновь.

Вотъ эти-то старшины и особенно попечители, избираемые изъ мѣстныхъ обывателей, самыхъ разнообразныхъ профессій и состояній, являются главными дѣятельными органами эльберфельдской системы призрѣнія. Въ вѣдѣніе каждаго попечителя предоставляется извѣстный районъ (Quartier) въ предѣлахъ даннаго округа,—районъ, обыкновенно очень небольшой по своимъ размѣрамъ, чтобы попечители не были обременены работою и могли съ полною тщательностью выполнять свои обязанности. По § 13-му инструкціи [1] для окружныхъ старшинъ и попечителей, въ видѣ общаго правила, каждый попечитель долженъ имѣть въ своемъ вѣдѣніи не болѣе *четырехъ* бѣдныхъ (одинокихъ или имѣющихъ при себѣ семью). „Въ видахъ возможно лучшаго соблюденія этого важнаго положенія“, инструкція рекомендуетъ, въ случаѣ переполненія какого-либо района бѣдными, часть ихъ причислять къ другимъ, менѣе обремененнымъ районамъ. Отступленія отъ этихъ общихъ правилъ допускаются лишь въ случаяхъ крайней нужды или по особымъ исключительнымъ обстоятельствамъ.

Всякій, обращающійся за пособіемъ, долженъ заявить объ этомъ непосредственно попечителю подлежащаго района. Попечитель же обязанъ немедленно собрать возможно полныя свѣдѣнія о положеніи просителя какъ путемъ опроса его, такъ и посредствомъ личнаго посѣщенія и осмотра его жилища, а также и при помощи другихъ подходящихъ средствъ. Справки эти касаются, главнымъ образомъ, слѣдующихъ вопросовъ: — дѣйствительно ли проситель находится въ

---

[1] Администрація призрѣнія въ Эльберфельдѣ регламентирована „Уставомъ о бѣдныхъ“ (**Armenordnung**) 9-го іюля 1852 г. (пересмотрѣннымъ 4-го янв. 1861 г. и 22 ноября 1876 г.) и указанной „Инструкціей“ 4-го янв. 1861 г. (пересмотрѣнной 21-го ноября 1876 г.).

нуждѣ; семейный ли онъ, каковъ составъ его семьи, какія средства проситель и члены его семьи имѣютъ отъ своего труда или изъ другихъ источниковъ; нѣтъ ли лицъ, на которыхъ лежитъ юридическая, закономъ или договоромъ предусмотрѣнная обязанность оказывать помощь просителю, т. е. родители или взрослыя дѣти, супруги или ближайшіе родственники, или же не состоитъ ли онъ членомъ какой-нибудь кассы или иной ассоціаціи, обязанной по статутамъ своимъ помогать своимъ членамъ.

Если въ результатѣ такого разслѣдованія попечитель убѣждается въ томъ, что пособіе не представляется необходимымъ, то онъ отказываетъ въ немъ, но объ этомъ отказѣ и основаніяхъ его онъ долженъ сообщить въ ближайшемъ очередномъ собраніи попечителей. Если же, напротивъ, онъ приходитъ къ убѣжденію, что просьба о пособіи должна быть удовлетворена и что при этомъ помощь требуется неотлагательно, то онъ немедленно распоряжается объ оказаніи необходимаго вспомоществованія или выдаетъ его самъ. Въ качествѣ же общаго правила, онъ представляетъ просьбу просителя и свое заключеніе о предполагаемомъ пособіи на разсмотрѣніе ближайшаго окружного собранія. Эти собранія, въ составъ которыхъ входятъ всѣ попечители даннаго округа, подъ предсѣдательствомъ окружного старшины, происходятъ регулярно разъ въ двѣ недѣли (могутъ быть созываемы, въ случаѣ необходимости, и экстраординарныя собранія). Главной задачей этихъ собраній и является рѣшеніе вопросовъ о выдачѣ пособій по представленіямъ попечителей. Они же опредѣляютъ, въ какой формѣ должно быть выдано пособіе—деньгами, платьемъ, бѣльемъ или съѣстными припасами. Въ видѣ общаго правила (§ 37 инструкціи) пособія выдаются не долѣе, какъ на 14 дней, а для продленія ихъ требуется новое постановленіе собранія на основаніи доклада подлежащихъ попечителей. Пособія выдаются обыкновенно деньгами (§ 39), при чемъ единовременно на руки бѣдному дается сумма по расчету на одну недѣлю, во избѣжаніе злоупотребленій; въ тѣхъ случаяхъ, когда извѣстно или есть основаніе предполагать, что денежное пособіе не получитъ требуемаго назначенія, помощь оказывается натурою—вещами или припасами.

Попечитель обязанъ, по возможности, часто и никакъ не рѣже одного раза въ двѣ недѣли, посѣщать находящихся въ его районѣ бѣдныхъ и всѣ могущія произойти перемѣны въ положеніи каждаго бѣднаго и его семьи отмѣчать на особомъ бланкѣ, который заводится для каждаго получающаго пособіе. Окружному старшинѣ также предписывается, въ цѣляхъ надзора за точнымъ соблюденіемъ требованій закона и инструкціи, обходить бѣдныхъ своего округа (одному или вмѣстѣ съ попечителями) такъ часто, насколько это представляется возможнымъ, и лично освѣдомляться о положеніи призрѣваемыхъ.

Таковы важнѣйшія черты эльберфельдской системы призрѣнія по отношенію къ такъ называемому открытому или наружному призрѣнію (offene Armenpflege) Организація его представляетъ важнѣйшую и наиболѣе любопытную особенность разсматриваемой системы. Что же касается до закрытаго призрѣнія (geschlossene Armenpflege), то оно не отличается какими-либо рѣзкими особенностями. Но и оно поставлено значительно лучше, чѣмъ во многихъ другихъ мѣстахъ, благодаря тому живому участію, какое городское управленіе принимаетъ въ дѣлѣ устройства и содержанія различныхъ заведеній. Заведенія эти слѣдующія: богадѣльня, сиротскій домъ, пріютъ для покинутыхъ дѣтей, больница, домъ умалишенныхъ и особое заведеніе на случай эпидемическихъ болѣзней.

Практика эльберфельдской системы дала весьма удовлетворительные результаты и послужила образцомъ для устройства призрѣнія на тѣхъ же началахъ въ большинствѣ крупныхъ городовъ Германіи и, частью, Австріи. Въ большинствѣ центровъ, гдѣ она примѣняется, уличное нищенство совершенно неизвѣстно. Благодаря условіямъ самой организаціи, оказывается возможнымъ суммы, собираемыя частью путемъ налоговъ, частью изъ другихъ источниковъ, назначенныхъ на дѣло призрѣнія, тратить съ большею осмотрительностью и продуктивностью. Хорошіе результаты системы видны хотя бы изъ слѣдующихъ цифръ, касающихся Эльберфельда. Число призрѣваемыхъ значительно уменьшилось за время дѣйствія системы, установленной въ 1852 году: тогда какъ въ началѣ, а именно въ 1855 году,

число призрѣваемыхъ на дому составляло 17,6 на каждую 1000 жителей, въ 1888—1889 году оно упало до 7,1, а въ 1873 году оно составляло даже 5,6. Съ другой стороны, расходы по призрѣнію, хотя и увеличиваются съ годами, но въ гораздо меньшей степени, чѣмъ ростъ населенія Такъ, въ 1856 году, при 51000 населенія, городскіе налоги на призрѣніе достигали 166,600 марокъ; черезъ тридцать лѣтъ, въ 1886—1887 гг. населеніе удвоилось, дойдя до 110,000 жителей, между тѣмъ общая сумма налоговъ поднялась лишь до 234,556 марокъ. По сравненію съ 1856 годомъ, налоги на призрѣніе, падающіе на каждаго жителя, понизились съ 3,23 до 2,14 марокъ въ 1886—1887 гг. Любопытно, однако, что вмѣстѣ съ тѣмъ средняя величина самыхъ пособій бѣднымъ поднялась съ 35 мар. 37 пф. до 54 мар. 49 пф. Интересенъ также слѣдующій расчетъ: при дѣйствіи старой системы (до 1852 года), городъ за 1853—1886 гг. израсходовалъ бы 8½ милл марокъ; между тѣмъ, благодаря новой системѣ, израсходовано за этотъ періодъ немногимъ больше 4-хъ милл., такъ что примѣненіе новой системы дало городу за 1853—1886 гг. огромную экономію, почти въ 4½ милл.

Эльберфельдская система обратила на себя вниманіе и въ Россіи. Существеннѣйшія начала ея были примѣнены при выработкѣ новой организаціи общественнаго призрѣнія въ Москвѣ, гдѣ съ 1894 года дѣйствуютъ „Городскія попечительства о бѣдныхъ“, послужившія образцомъ для устройства призрѣнія и въ нѣсколькихъ другихъ городахъ Россіи.

Рабочія колоніи и продовольственныя станціи въ Германіи представляютъ собою учрежденія, возникшія въ послѣднее время въ Германіи въ интересахъ раціональной борьбы съ нищенствомъ и бродяжничествомъ.

Задача рабочихъ колоній (Arbeiter-Kolonien) состоитъ въ томъ, чтобы дать пріютъ и работу такимъ людямъ, которые, будучи способны къ труду и желая трудиться, не имѣютъ однако занятій и заработка, вслѣдствіе чего вынуждены искать себѣ пропитанія въ прошеніи милостыни и бродяжничествѣ. Давая имъ пріютъ и работу, колоніи стремятся оказать на нихъ и нравственное вліяніе, пріучить ихъ къ добропорядочной и трудовой жизни и по возможности от-

учить отъ праздныхъ и бродяжническихъ склонностей. Въ настоящемъ своемъ видѣ колоніи представляютъ собою проявленія частной иниціативы, частной благотворительной дѣятельности, однако нерѣдко съ весьма существенной поддержкою правительственныхъ и коммунальныхъ учрежденій.

Первая такая колонія „Вильгельмсдорфъ" въ Германіи была открыта 17-го августа 1882 года, по иниціативѣ пастора фонъ-Бодельшвинга, въ прусской провинціи Вестфаліи, близъ Билефельда. Мысль объ устройствѣ колоніи для нуждающихся въ работѣ лицъ встрѣтила сочувствіе, и Бодельшвингу удалось собрать по частной подпискѣ значительныя средства, къ которымъ присоединилась сумма въ 40.000 марокъ, данная провинціальнымъ собраніемъ въ видѣ безпроцентнаго займа. На эти средства организаціонный комитетъ пріобрѣлъ участокъ земли съ нѣсколькими постройками, на которомъ и открыта была первая земледѣльческая рабочая колонія. Она тотчасъ же начала привлекать къ себѣ искавшихъ работы, дѣла ея пошли хорошо, и примѣръ ея вскорѣ же вызвалъ подражаніе. Въ теченіе 1883 года въ разныхъ мѣстностяхъ Германіи было открыто 5 новыхъ колоній; въ 1884 году—также 5; въ 1885 году—2; въ 1886 году—3; въ 1888 г.—4; въ 1889 г.—2; въ 1891 г.—тоже 2. Такимъ образомъ, къ началу 1892 года (т. е. въ десятилѣтній періодъ) создано было всего 24 рабочихъ колоніи. Въ 1905 году общее число рабочихъ колоній составляло 33.

Всѣ эти колоніи [1] въ совокупности своей представляютъ единый союзъ (Verband), во главѣ котораго стоитъ „Центральное управленіе германскихъ рабочихъ колоній" (Central-Vorstand deutsher Abreiterkolonien), находящееся въ Берлинѣ. Завѣдываніе отдѣльными колоніями сосредоточивается въ рукахъ мѣстныхъ комитетовъ, подъ вѣдѣніемъ которыхъ управляютъ колоніями особыя довѣренныя лица. Представители колоній періодически съѣзжаются на совѣщанія, устраи-

[1] Идея рабочихъ колоній не нова: такъ, въ Голландіи уже съ начала XIX ст. сдѣланы были опыты устройства ихъ, но современныя нѣмецкія колоніи шли въ своемъ развитіи самостоятельнымъ путемъ и представляютъ не мало своеобразныхъ особенностей.

ваемыя при центральномъ управленіи [1] съ цѣлью обсужденія и рѣшенія вопросовъ, касающихся общихъ интересовъ колоній. До 1891 г. такіе съѣзды устраивались ежегодно, но въ 1891 году рѣшено собирать ихъ одинъ разъ въ два года.

Въ основѣ управленія колоніями лежатъ общія имъ всѣмъ руководящія начала. Важнѣйшимъ изъ нихъ является добровольный характеръ поступленія въ колонію и выхода изъ нея. Принимаются въ колонію всѣ желающіе, за исключеніемъ лишь больныхъ заразительными болѣзнями и лицъ, прибывающихъ изъ мѣстностей, гдѣ свирѣпствуетъ какая-нибудь эпидемія. Такъ, § 2 статутовъ общества берлинской колоніи говоритъ: „Цѣль общества—дать пріютъ несчастнымъ рабочимъ, пока не найдется имъ занятій въ другомъ мѣстѣ. Въ нее принимаются всѣ, безъ различія возраста и религіи. Желаніе общества—улучшить ихъ положеніе и поднять ихъ нравственность предоставленіемъ имъ временнаго занятія". Аналогичныя этому постановленія встрѣчаемъ въ регламентѣ колоніи Фридрихсвилле: § 1—„Цѣль—противодѣйствовать бродяжничеству и дать временное содержаніе и работу лицамъ, не имѣющимъ занятія, но могущимъ и желающимъ трудиться". § 2—„Принимаются всѣ являющіеся, безъ различія положеній и вѣроисповѣданій; преимущество дается уроженцамъ провинціи Бранденбурга или Берлина"; далѣе указывается на ограниченіе по отношенію къ больнымъ.

По даннымъ о дѣятельности колоній видно, что число обращающихся къ нимъ весьма значительно. Такъ, съ открытія первой колоніи и до 1906 года въ нихъ принято было свыше 170,000 чел. Наличное число рабочихъ колоніи видимо еще недостаточно для того, чтобы удовлетворить потребности въ нихъ: нерѣдко администраціи ихъ приходится отказывать въ пріемѣ за неимѣніемъ свободнаго мѣста, при чемъ и безъ того принимается лицъ гораздо больше количества штатныхъ мѣстъ.

Насколько свободенъ доступъ въ колоніи, настолько

---

[1]) При центральномъ управленіи издается специальный періодическій органъ „Die Arbeiterkolonie" (съ 1883 года), переименованный съ 1897 г. въ „Der Wanderer".

же свободенъ и выходъ изъ нихъ. Обыкновенно лишь требуется, чтобы о желаніи оставить колонію было заявлено заблаговременно. Какъ видно изъ вышеприведенныхъ указаній, колоніи и не имѣютъ въ виду давать постоянный пріютъ, а ставятъ себѣ главною задачею оказывать временную поддержку неимѣющимъ заработка, съ цѣлью помочь имъ въ трудную минуту оправиться и стать на ноги. Время пребыванія въ колоніяхъ значительно варьируется.

Интересны свѣдѣнія о мотивахъ выхода изъ колоніи. По даннымъ за 1905 г., наибольшее число случаевъ оставленія колоніи (55_2%) вызвано собственнымъ желаніемъ колонистовъ: слѣдующее мѣсто занимаетъ уходъ вслѣдствіе пріисканія какого-нибудь занятія (19%). Рядомъ съ этою послѣднею цифрою, свидѣтельствующею о томъ, что колоніи еще слабо достигаютъ одной изъ своихъ естественныхъ цѣлей—устройства своихъ кліентовъ на какой-нибудь работѣ, любопытно отмѣтить весьма ничтожный процентъ случаевъ увольненія за дурное поведеніе и пьянство; за первое уволено около 3%, за второе—только 1%.

Что касается до состава обитателей колоній по возрасту ихъ, то наибольшая доля ихъ приходится на возрастъ отъ 30—50 лѣтъ (52%); наименьшее число представителей даютъ возрастныя категоріи свыше 60 лѣтъ (5_{13}%) и моложе 20 лѣтъ (5,%).

Необходимо отмѣтить также еще слѣдующій фактъ, констатируемый данными о дѣятельности колоній: весьма значительный контингентъ ихъ обитателей приходится на долю людей, подвергавшихся обвинительнымъ судебнымъ приговорамъ. Такъ, изъ 10,403 лицъ, принятыхъ въ колоніи только 2,318 чел., или $23_{,1}$% не подвергались уголовнымъ карамъ, тогда какъ $76_{,9}$% приходится на долю лицъ, испытавшихъ какое-нибудь уголовное наказаніе, большею частью арестъ.

Но за то въ несомнѣнной связи съ этимъ явленіемъ стоитъ фактъ отрадный, который обыкновенно указывается, какъ одно изъ доказательствъ пользы рабочихъ колоній, а именно, что въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ онѣ устроены, число преступленій и проступковъ уменьшилось на 25 и даже на 30%. Это наблюденіе можетъ быть причислено къ числу

доказательствъ той истины, которая сдѣлалась уже почти банальной, но которая отъ этого нимало не теряетъ въ своемъ вѣрномъ значеніи,—что одно изъ лучшихъ средствъ борьбы съ преступленіемъ состоитъ въ матеріальномъ обезпеченіи наиболѣе нуждающихся классовъ.

Въ заключеніе этого краткаго очерка нѣмецкихъ рабочихъ колоній отмѣтимъ, что огромное большинство ихъ представляютъ собою колоніи земледѣльческія; только въ берлинской колоніи (помѣщающейся въ одномъ изъ предмѣстій Берлина) кліенты ея занимаются трудомъ промышленнымъ; есть одна колонія (магдебургская) смѣшаннаго характера; въ ней комбинируются занятія различными ремеслами съ занятіями садоводствомъ и огородничествомъ. Въ первое время по вступленіи въ колонію (обыкновенно, двѣ недѣли, иногда мѣсяцъ) рабочіе не получаютъ никакого вознагражденія за свой трудъ. По прошествіи же этого срока имъ удѣляется часть заработка (40 пфен. лѣтомъ и 30 пфен. зимою въ день), которая однако не выдается имъ тотчасъ на руки изъ опасенія непроизводительной траты его, а накопляется до времени ихъ выхода изъ колоніи; изъ этой суммы дѣлается вычетъ за платье и обувь, которыя колонія даетъ рабочему.

Таковы важнѣйшія черты устройства нѣмецкихъ рабочихъ колоній. О дѣятельности ихъ преждевременно было бы дѣлать окончательное и вполнѣ опредѣленное сужденіе. Но и имѣющагося опыта достаточно, чтобы признать основную мысль ихъ разумною, а задачи, которыя онѣ ставятъ себѣ, заслуживающими полнаго сочувствія. Устройствомъ колоній далеко не разрѣшается вопросъ о мѣрахъ предупрежденія нищенства и помощи нуждающемуся населенію. Но не подлежитъ сомнѣнію, что въ ряду другихъ мѣропріятій болѣе общаго характера онѣ могутъ имѣть значеніе, какъ вспомогательныя средства общественнаго призрѣнія. Въ литературѣ о колоніяхъ была высказываема, между прочимъ, надежда на то, что современемъ каммунальныя учрежденія примутъ ихъ въ свои руки. Отъ этого дѣло, конечно, можетъ получить болѣе широкое развитіе, и тогда колоніи, сдѣлавшись болѣе многочисленными, въ состояніи

будутъ полнѣе удовлетворить существующей въ нихъ потребности.

Въ тѣсной связи съ рабочими колоніями находятся такъ называемыя продовольственныя станціи или, точнѣе—„станціи для вспомоществованія натурою“ (Naturalverpflegungsstation). По задачамъ своимъ эти учрежденія составляютъ необходимую основу въ борьбѣ съ бродяжничествомъ. Онѣ устраиваются для того, чтобы дать пріютъ и пищу тѣмъ людямъ, которые находятся въ пути, перебираясь изъ одной мѣстности въ другую въ поискахъ за заработкомъ. Весьма часто бѣднымъ людямъ, находящимся въ такомъ положеніи, нѣтъ другого средства перебиться въ пути, какъ обратившись къ нищенству, а кровомъ для нихъ служитъ открытое небо. На помощь имъ приходятъ упомянутыя станціи.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ устроены онѣ, у входа въ предѣлы общины выставляются предупредительныя объявленія о томъ, что здѣсь нищенство строго воспрещается, но что лица нуждающіеся могутъ обратиться за вспоможеніемъ на станцію, которая находится въ такомъ-то мѣстѣ. Принятіе путника совершается безъ всякихъ затрудненій (не принимаютъ только пьяныхъ), и ему дается ночлегъ и пропитаніе—завтракъ, обѣдъ или ужинъ, большею частью лишь подъ условіемъ исполненія имъ какой-нибудь работы, обыкновенно простой (наколоть дровъ, вымести улицу и т. п.). Пребываніе на станціи ограничивается чаще всего очень короткимъ срокомъ, послѣ чего путникъ продолжаетъ свой путь въ увѣренности, что и далѣе онъ найдетъ себѣ кровъ и пропитаніе.

Мысль объ устройствѣ такихъ учрежденій возникла еще въ 40-хъ годахъ и первоначально выразилась въ организаціи (различными благотворительными обществами) дешевыхъ филантропическихъ пріютовъ или постоялыхъ дворовъ, которые получили названіе „Herberge zur Heimath“. Но они всетаки оплачивались, хотя и не дорого, такъ что были недоступны людямъ, не имѣющимъ ничего. Въ виду этого около 1865 года начали устраивать такіе пункты, въ которыхъ кровъ и пропитаніе давались бы даромъ, лишь подъ условіемъ извѣстной работы. Цѣлесообразность такихъ

станцій вызвала вскорѣ успѣшное развитіе ихъ; вслѣдъ за частными иниціаторами за дѣло устройства принялись и коммунальныя учрежденія, такъ что число ихъ стало быстро увеличиваться.

Въ 1900 г. въ Германіи насчитывали 1,957 продовольственныхъ станцій, разсѣянныхъ почти по всей площади Имперіи; въ нихъ ночлегомъ воспользовались въ теченіе года 1,936,091 человѣкъ; содержаніе станцій обошлось въ 1,317,072 марки, изъ которыхъ только незначительная доля (67,610 мар.) была покрыта работою. При многихъ станціяхъ имѣются конторы для пріисканія занятій.

Объединеніе частной благотворительности и ея взаимодѣйствіе съ общественнымъ призрѣніемъ.—Существованіе организованной системы общественнаго призрѣнія ничуть не исключаетъ ни возможности, ни желательности широкаго развитія частной благотворительности. Опытъ показываетъ, что какъ бы ни была хорошо организована помощь бѣднымъ со стороны государственныхъ и общественныхъ учрежденій, они не въ силахъ удовлетворить вполнѣ той потребности, какая существуетъ въ этой помощи. Для частной благотворительности, во всякомъ случаѣ, остается широкое поле дѣятельности. Въ этомъ убѣждаетъ въ особенности примѣръ Англіи.

Несмотря на то, что въ этой странѣ ранѣе, чѣмъ гдѣ либо, развилась государственная система обязательнаго призрѣнія, получившая очень широкую организацію, частная благотворительность развита въ ней ничуть не менѣе, чѣмъ въ другихъ государствахъ [1]. Она является тамъ естествен-

[1] Широкое и постоянно прогрессирующее развитіе частной благотворительности въ Англіи служитъ лучшимъ аргументомъ противъ утвержденія противниковъ обязательнаго призрѣнія, что оно парализуетъ усилія добровольныхъ дѣятелей на пользу бѣднымъ и подрываетъ притокъ пожертвованій со стороны частныхъ благотворителей. Въ этомъ отношеніи интересны также цифры, приведенные Анри Моно на конгрессѣ 1900 г. Оказывается, что развитіе общественнаго призрѣнія во Франціи въ послѣднія десятилѣтія не только не сопровождалось уменьшеніемъ частныхъ пожертвованій въ пользу богадѣленъ, больницъ, благотворительныхъ бюро и въ коммунальныя управленія, но ознаменовалось увеличеніемъ этихъ пожертвованій. Съ 1800 по 1878 г. средняя годовая цифра ихъ составляла около 5½ милліоновъ франковъ. Въ 1878—1889 гг. эта цифра поднялась до 14½

нымъ дополненіемъ, а иногда и весьма полезнымъ коррективомъ государственной системы призрѣнія. Эти двѣ формы вспомоществованія нуждающимся не мѣшаютъ, а напротивъ, помогаютъ одна другой, служа одна общей цѣли, хотя и нѣсколько различными средствами Различіе это вызывается нѣкоторою разницею въ исходныхъ точкахъ зрѣнія обѣихъ формъ призрѣнія Въ устройствѣ государственнаго призрѣнія болѣе преобладаетъ точка зрѣнія государственныхъ интересовъ, отношеніе къ нуждѣ, какъ явленію общественному; въ частной благотворительной дѣятельности на первый планъ выступаютъ индивидуальныя особенности каждаго нуждающагося. Въ основѣ государственнаго призрѣнія лежитъ принципъ его обязательности для всѣхъ случаевъ, подходящихъ подъ установленные признаки нужды; въ основѣ же частной благотворительной дѣятельности лежитъ начало факультативности, открывающей возможность направлять помощь туда, гдѣ она признается почему-либо болѣе необходимой или цѣлесообразной. Одностороннее преслѣдованіе той или другой формы сопряжено съ неизбѣжными недочетами; параллельное же ихъ существованіе и гармоническая дѣятельность одной рядомъ съ другой способны обезпечить болѣе полное достиженіе общей цѣли, болѣе дѣйствительную помощь въ нуждѣ. Наличность государственнаго обязательнаго призрѣнія въ Англіи порождаетъ въ обществѣ увѣренность, что неотложная и безусловно необходимая помощь обезпечена за всякимъ нуждающимся, и, вслѣдствіе этого, частная благотворительность получаетъ возможность направлять свою дѣятельность туда, гдѣ желательна помощь сверхъ того minimum'а, который обезпечивается государствомъ, и гдѣ благодаря этому можетъ быть достигнуто не только устраненіе нужды въ настоящемъ, но и возможное предупрежденіе ея въ будущемъ.

Эти замѣчанія вовсе не имѣютъ въ виду признать, что помощь бѣднымъ въ Англіи стоитъ на высотѣ совершенства. На дѣлѣ она оставляетъ желать еще очень многаго. Но принципіальныя основы ея устройства представляются

милл. фр., а въ 1889—1899 г. она составляла болѣе 16 милл. фр. Recueil des travaux du Congrès international d'assistance publique (Par. 1900). стр. 21.

вполнѣ разумными, благодаря комбинированію двухъ началъ—государственнаго обязательнаго призрѣнія и частной благотворительной дѣятельности. Вѣрность этихъ принципіальныхъ основъ служитъ порукою въ томъ, что развитіе мѣръ призрѣнія стоитъ въ Англіи на правильномъ пути и обѣщаетъ въ будущемъ весьма благотворные результаты.

Достиженію ихъ много поможетъ развитіе того направленія въ области частной благотворительности, которое обнаружилось въ Англіи въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій. Характерною чертою этого направленія является сознаніе необходимости *организаціи* благотворительной дѣятельности,—сознаніе, порожденное долгимъ опытомъ, убѣдившимъ, что тѣ обширныя средства, которыми располагаютъ всевозможныя филантропическія общества, могутъ быть расходуемы съ гораздо большею пользою для дѣла, если въ него будетъ внесена извѣстная планомѣрность и общества эти будутъ дѣйствовать на основаніи твердыхъ руководящихъ началъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, признано было желательнымъ установить извѣстное взаимодѣйствіе между частною благотворительностью и государственными органами призрѣнія. Практическое осуществленіе этихъ идей началось сравнительно недавно, въ 1869 году, когда основано было „Общество для организаціи благотворительности“ (Charity Organisation Society), открывшее свои дѣйствія въ 1870 году.

Главными задачами этого общества поставлены были слѣдующія: 1) развитіе взаимодѣйствія между частными благотворительными предпріятіями другъ съ другомъ, съ одной стороны, и между ними и государственнымъ призрѣніемъ, съ другой; 2) обезпеченіе тщательнаго изслѣдованія всѣхъ случаевъ призрѣнія и принятіе въ каждомъ изъ нихъ наиболѣе цѣлесообразныхъ мѣръ; 3) пресѣченіе обмановъ и нищенства. Новое общество встрѣтило большое сочувствіе и поддержку и стало съ успѣхомъ развивать свою дѣятельность. По примѣру лондонскаго, такія же общества образовались и въ другихъ городахъ, такъ что въ послѣднее время въ Англіи и Шотландіи насчитывали 68 „Charity Organisation Societies“ и, кромѣ того, нѣсколько такихъ же Обществъ въ Аделаидѣ, Мельбурнѣ и Сиднеѣ.

Устройство главнаго лондонскаго общества, находяща-

гося въ постоянныхъ сношеніяхъ съ провинціальными и колоніальными обществами, представляется въ слѣдующемъ видѣ. Во главѣ его стоитъ совѣтъ (Council), въ качествѣ центральнаго учрежденія, которому принадлежитъ руководительство всею дѣятельностью общества. Въ составъ совѣта входятъ представители „окружныхъ комитетовъ" (District Committees); ихъ въ Лондонѣ 40, а районъ ихъ дѣятельности по большей части совпадаетъ съ административными дѣленіями государственнаго призрѣнія (Poor Law Unions or Parishes). Окружные комитеты дѣйствуютъ самостоятельно на основаніи, однако, общихъ началъ и единообразныхъ инструкцій, одобренныхъ совѣтомъ. Въ большинствѣ окружныхъ комитетовъ участвуютъ по одному или по нѣсколько членовъ бюро попечителей (главные органы государственнаго призрѣнія). При совѣтѣ имѣется особый исполнительный органъ — „административный комитетъ", избираемый совѣтомъ изъ представителей, посылаемыхъ окружными комитетами.

Что касается собственно дѣятельности общества, то оно, прежде всего, стремится образовать собою центральное мѣсто для существующихъ благотворительныхъ учрежденій. Въ этихъ видахъ оно ведетъ, подъ названіемъ „Charities Register and Digest", періодически публикуемый подробный списокъ лондонскихъ благотворительныхъ учрежденій. Въ этомъ спискѣ, составляемомъ по извѣстной системѣ, приводятся свѣдѣнія о томъ, какого рода пособія оказываются тѣмъ или другимъ учрежденіемъ, каковы его средства и какое число воспользовалось его помощью въ теченіе предшествующаго года. Благодаря этому, каждый имѣетъ возможность получить указаніе, куда слѣдуетъ обратиться въ томъ или другомъ случаѣ. Кромѣ того, общество вступаетъ, въ случаѣ необходимости, въ интересахъ просителя, въ переписку съ подлежащимъ благотворительнымъ учрежденіемъ и стремится оказать содѣйствіе въ полученіи желаемаго пособія. Далѣе, общество тщательно слѣдитъ за возникновеніемъ всякаго рода новыхъ филантропическихъ предпріятій и, въ случаѣ признанія ихъ полезными, оказываетъ имъ поддержку при посредствѣ своего ежемѣсячнаго органа „Charity Organisation Review".

Важнѣйшею своею задачею общество считаетъ устраненіе всякой случайности въ оказаніи благотворительной помощи и замѣну безразборчивой помощи тщательнымъ взвѣшиваніемъ каждаго случая. Въ этихъ видахъ на первый планъ выдвигается опредѣленіе характера нужды, степени ея и отысканіе наиболѣе подходящей для каждаго даннаго случая формы вспомоществованія. Въ этомъ отношеніи стремленія лондонскаго общества напоминаютъ нѣкоторыя черты эльберфельдской системы. Для того чтобы полнѣе осуществить эту идею организаціи благотворительности, общество старается возможно тѣснѣе связать свою дѣятельность съ органами государственнаго призрѣнія. Благодаря присутствію попечителей въ составѣ окружныхъ комитетовъ, это въ значительной степени достигается, такъ какъ при ихъ посредствѣ оказывается возможнымъ своевременно узнавать о тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ, по ихъ свойствамъ, особенно желательно участіе частной благотворительности, благодаря этому общенію съ органами призрѣнія, возможно и предупрежденіе случаевъ обмана со стороны лицъ, которыя уже получаютъ вспомоществованіе.

Таковы важнѣйшія черты устройства и дѣятельности лондонскаго общества организаціи благотворительности. Оно успѣло уже оказать значительное вліяніе, какъ непосредственно своею дѣятельностью, такъ и тѣмъ оживленіемъ вопроса о лучшихъ способахъ оказанія помощи бѣднымъ, которое возникло со времени созданія этого общества.

Интересное учрежденіе въ томъ же родѣ, но съ значительно болѣе широкими задачами, возникло въ Парижѣ въ концѣ 1890 года—Office central des oeuvres charitables. По опредѣленію Лефебюра, организатора и руководителя этого учрежденія, оно имѣетъ слѣдующія задачи [1]. Центральное бюро должно являться связующимъ звеномъ между благотворительными обществами, должно объединять ихъ, не нарушая при этомъ ихъ самостоятельности. Оно должно вносить извѣстный порядокъ въ дѣятельность отдѣльныхъ благотворителей и знакомить съ нею нуждающихся; давать

[1] Léon Lefébure. L'organisation de la charité privée en France-Histoire d'une oeuvre. Paris 1900.

свѣдѣнія и справки благотворителямъ и бѣднякамъ,—первымъ о бѣднякахъ, которые просятъ помощи, вторымъ о тѣхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, въ которыя имъ нужно получить доступъ, при чемъ оно должно само содѣйствовать тѣмъ, которые по той или другой причинѣ не могутъ получить доступъ въ эти учрежденія. Оно должно собирать и группировать статистическія данныя какъ относительно благотворительныхъ обществъ и учрежденій, такъ и относительно бѣдныхъ; оно должно заставлять дѣйствовать, смотря по особенностямъ каждаго отдѣльнаго случая, благотворительное общество, созданное для удовлетворенія нужды того или другого рода. Оно должно облегчать бѣднымъ какъ пользованіе благотворительными средствами, находящимися въ различныхъ мѣстностяхъ страны, такъ и доступъ къ учрежденіямъ, находящимися въ распоряженіи органовъ общественнаго призрѣнія. Оно должно стараться вывести нуждающагося изъ состоянія бѣдности вмѣсто того, чтобы держать его въ этомъ состояніи, оказывая недостаточную помощь; направлять трудоспособнаго рабочаго, оставшагося безъ работы, туда, гдѣ есть работа; отсылать на родину тѣхъ бѣдняковъ, которые легкомысленно покинули ее, тогда какъ они могли бы жить тамъ не бѣдствуя.

За первыя десять лѣтъ Центральному бюро удалось проявить разнообразную и полезную дѣятельность. Благодаря ему изданы были два прекрасныхъ справочныхъ изданія по благотворительности: одно—La France charitable et prévoyante—даетъ полную картину положенія благотворительности во Франціи, другое—Paris charitable et prévoyant—заключаетъ въ себѣ описаніе всѣхъ благотворительныхъ учрежденій Парижа. За десятилѣтній періодъ въ распоряженіе Office central поступило на цѣли благотворенія около 2.350.000 франк.; израсходовано было на эти цѣли болѣе 2.200.000 франковъ. Услугами бюро воспользовались болѣе 135.000 чел. Непосредственно отъ него получили помощь 43.148 чел., а 43.276 челов. получили ее благодаря посредничеству бюро. Болѣе 4.000 сиротъ были помѣщены въ пріюты, 2.535 стариковъ—въ богадѣльни, а 10.348 чел. были отправлены на родину.

Учрежденія, подобныя лондонскому и парижскому,

возникаютъ и въ другихъ странахъ Западной Европы; широкое развитіе получили они и въ Америкѣ, гдѣ существуетъ болѣе 90 организаціонныхъ обществъ, подобныхъ лондонскому.

Съ точки зрѣнія развитія планомѣрности и системы въ благотворительной дѣятельности важное значеніе должно быть признано за ассоціаціями въ родѣ „Германскаго союза для призрѣнія бѣдныхъ и благотворительности“ (Der deutscher Verein für Armenpflege und Wohlthatigkeit). Союзъ этотъ основанъ въ 1880 г., при чемъ задачи его были выражены слѣдующимъ образомъ: объединеніе разрозненныхъ стремленій къ реформамъ въ области призрѣнія и благотворительности и установленіе постояннаго обмѣна мнѣній между лицами, работающими на этомъ поприщѣ. Главнымъ средствомъ для достиженія этой цѣли служатъ ежегодныя публичныя собранія Союза для обсужденія болѣе важныхъ и очередныхъ вопросовъ благотворительности. Богатымъ матеріаломъ для выясненія ихъ являются многочисленные выпуски изданія этого Союза (Schriften des deutsch Ver. für Armenpfl. und Wohlthat.).

Заслуживаетъ вниманія также образовавшееся въ 1898 г. въ Берлинѣ при „Центральномъ бюро учрежденій съ цѣлью улучшить положеніе трудящихся“ (Centrastelle für Arbeiter—Wohlfahrtseinrichtungen)—особое отдѣленіе для общественнаго призрѣнія и благотворительности. Это отдѣленіе имѣетъ своею задачею давать справки различнымъ частнымъ благотворительнымъ обществамъ и учрежденіямъ и въ связи съ этимъ—сосредоточить въ одномъ мѣстѣ свѣдѣнія и данныя, касающіяся различныхъ вопросовъ благотворительности и заключающіяся въ печатныхъ отчетахъ, докладахъ, уставахъ и т. д, Весь огромный матеріалъ по этимъ вопросамъ отдѣленіе подвергаетъ систематизаціи по извѣстному плану, обнимающему слѣдующія рубрики: Общая часть—I. А. Призрѣніе бѣдныхъ вообще; Б. Призрѣніе бѣдныхъ въ отдѣльныхъ странахъ. II. А. Общественное призрѣніе бѣдныхъ; Б. Частная благотворительность.—Особенная часть: III. Призрѣніе взрослыхъ бѣдныхъ (оказаніе помощи на дому, оказаніе помощи въ закрытыхъ заведеніяхъ, нищенство и бродяжество, попеченіе объ отдѣльныхъ классахъ населенія).

IV. Попеченіе о больныхъ. V. Попеченіе объ увѣчныхъ. VI. Попеченіе о дѣтяхъ. VII. Попеченіе о подросткахъ. VIII. Мѣры предупредительнаго характера.

Историческій очеркъ призрѣнія бѣдныхъ въ Россіи.

Исторія призрѣнія бѣдныхъ въ Россіи показываетъ, что, несмотря на свои племенныя, религіозныя и политическія особенности, русскій народъ пережилъ въ этомъ отношеніи много общаго съ западно-европейскими народами. Наибольшее сходство выступаетъ на болѣе раннихъ стадіяхъ нашей государственной и общественной жизни.

Въ древней Руси, какъ и повсемѣстно, призрѣніе бѣдныхъ всецѣло покоилось на началахъ нравственно-религіозныхъ, которыя и опредѣляли отношеніе общества къ бѣднымъ и нищимъ, порождая въ немъ взгляды на нищихъ, вполнѣ аналогичные господствовавшимъ въ западной Европѣ. Существо ихъ весьма удачно отмѣчено въ статьѣ проф. В. О. Ключевскаго: „Добрые люди древней Руси“. „Древнерусское общество—говоритъ онъ—подъ руководствомъ церкви въ продолженіе вѣковъ прилежно училось понимать и исполнять заповѣдь о любви къ ближнему. При общественной безурядицѣ, при недостаткѣ безопасности для слабаго и защиты для обижаемаго, практика этой заповѣди направлялась, преимущественно, въ одну сторону: любовь къ ближнему полагали, прежде всего, въ подвигѣ состраданія къ страждущему, ея первымъ требованіемъ признавали личную милостыню. Идея этой милостыни полагалась въ основаніе практическаго нравоученія, потребность въ этомъ подвигѣ воспитывалась всѣми тогдашними средствами духовно-нравственной педагогики. Любить ближняго—это, прежде всего, накормить голоднаго, напоить жаждущаго, посѣтить заключеннаго въ темницѣ. Человѣколюбіе на дѣлѣ значило—*нищелюбіе*. Благотворительность была не столько вспомогательнымъ средствомъ общественнаго благоустройства, сколько необходимымъ условіемъ личнаго нравственнаго здоровья: она больше нужна была самому нищелюбцу, чѣмъ нищему... Древне-русскій благотворитель, „христолюбецъ“, менѣе по-

мышлялъ о томъ, чтобы добрымъ дѣломъ поднять уровень общественнаго благосостоянія, чѣмъ о томъ, чтобы возвысить уровень собственнаго духовнаго совершенствованія... Нищій былъ для благотворителя лучшій богомолецъ, молитвенный ходатай, душевный благодѣтель. „Въ рай входятъ святой милостыней,—говорили въ старину,—нищій богатымъ питается, а богатый нищаго молитвою спасается"... Въ силу того же взгляда на значеніе благотворительнаго дѣла, нищенство считалось въ древней Руси не экономическимъ бременемъ для народа, не язвой общественнаго порядка, а однимъ изъ главныхъ средствъ нравственнаго воспитанія народа, состоящимъ при церкви практическимъ институтомъ общественнаго благонравія".

„Трудно сказать,—прибавляетъ послѣ этихъ замѣчаній г. Ключевскій, — въ какой степени такой взглядъ на благотворительность содѣйствовалъ улучшенію древне-русскаго общежитія". Въ нравственно-воспитательномъ отношеніи онъ, можетъ быть, и имѣлъ нѣкоторое благотворное вліяніе на тогдашнее общество, но съ точки зрѣнія интересовъ государственнаго порядка онъ, какъ и въ другихъ странахъ, оказался, въ связи съ другими причинами [1], факторомъ развитія печальнаго явленія—профессіональнаго нищенства. Съ теченіемъ времени оно приняло размѣры настоящаго бѣдствія, съ которымъ находила нужнымъ бороться все болѣе усиливавшаяся правительственная власть. Англичанинъ Флетчеръ, посѣтившій Москву въ концѣ XVI в., заноситъ въ свои записки, что нищихъ въ это время было „несчетное множество", что „отъ этого множества бродягъ и нищихъ, неотступно просившихъ милостыни, говоря: *дай мнѣ или убей меня,* по ночамъ происходили воровства и грабежи,

[1] Ихъ отмѣчаетъ Н. И. Костомаровъ, говоря объ эпохѣ XVII в. въ слѣдующихъ словахъ. „Всѣ обстоятельства тогдашней жизни такъ слагались, чтобы плодить нищую братію: ихъ плодили и воеводы, и дьяки, и приказчики, и помѣщики, и ратные люди, и татары. Какъ набѣжитъ ногайская орда изъ степей, да пожгетъ хлѣбъ на поляхъ, а въ селеніяхъ избы, жители, успѣвъ спастись отъ татарскаго аркана въ болотахъ и лѣсахъ и очутившись безъ крова и хлѣба, расходились по Руси просить милостыню. Христовы слова „нищіе всегда имате" запечатлѣлись надъ всею исторіею Россіи".

и осторожные не выходили по вечерамъ изъ домовъ своихъ". О широкомъ развитіи нищенства въ XVI в. говорится и въ актахъ Стоглаваго Собора (1551 г.), при чемъ указывается на отсутствіе надлежащихъ мѣръ призрѣнія: „а нищіи и клосные, и гнилые, и престарѣвшіеся въ убожествѣ, гладъ, и мразъ, и зной, и наготу, и всякую скорбь терпятъ, и не имѣютъ, гдѣ главы подклонити; по міру скитаются, вездѣ ихъ гнушаются, отъ глада и отъ мраза въ недозорѣ умираютъ и безъ покаянія, и безъ причастія, никѣмъ не брегомы". По этому поводу Соборъ рекомендуетъ принять слѣдующія мѣры: „да повелитъ благочестивый царь всѣхъ прокаженныхъ и престарѣвшихся описати по всѣмъ градомъ опрочѣ здравыхъ строевъ, да въ коемъ жде градѣ устроити богадѣльни мужскія и женскія, и тѣхъ прокаженныхъ и престарѣвшихся, не могущихъ нигдѣ же главы подклонити, устроити въ богадѣльняхъ пищею и одеждою"; это—для больныхъ и дряхлыхъ, а что касается „здравыхъ", то они „питались бы по дворомъ ходячи отъ боголюбцевъ, якоже и поднесь, а которые возмогутъ работати и они бы страды подлежали".

Въ какой мѣрѣ эти совѣты были примѣнены на практикѣ, судить трудно за неимѣніемъ достаточныхъ для этого данныхъ. Важно отмѣтить хотя бы тотъ фактъ, что уже въ половинѣ XVI вѣка высказывалось сознаніе необходимости государственныхъ мѣръ по отношенію къ призрѣнію.

Въ теченіе слѣдующаго столѣтія мы не встрѣчаемъ ничего существеннаго въ области мѣръ противъ нищенства и съ цѣлью призрѣнія бѣдныхъ; даже Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, коснувшееся многихъ сторонъ нашей жизни, не содержитъ въ себѣ никакихъ постановленій относительно нищихъ и бѣдныхъ. Но въ концѣ XVII в. появляется очень интересный законодательный актъ—указъ царя Ѳеодора Алексѣевича 1682 г., изданный, какъ думаютъ, подъ вліяніемъ занятій Земскаго Собора 1681 г., на которомъ, между прочимъ, разсуждали о нищенствѣ. Въ этомъ указѣ предписывается произвести разборку московскихъ нищихъ: дѣйствительно безпомощныхъ помѣстить въ „двухъ шпитальняхъ или богадѣльняхъ", которыя велѣно построить въ Москвѣ, а здоровымъ лѣнтяямъ — дать работу, „чтобы

впредь по улицамъ бродящихъ и лежащихъ нищихъ (межъ которыми многіе притворные воры и всѣмъ здоровы и работать могутъ) не было". Любопытно, что на этомъ указѣ сильно отражается вліяніе западно-европейскаго законодательства. Въ немъ неоднократно упоминается объ „Европскихъ странахъ" и указывается, что „въ государствахъ и во градѣхъ, гдѣ такіе домы нищимъ построены, великая отъ того польза".

Въ виду большого интереса этого указа приводимъ ту часть его, въ которой говорится о мотивахъ предписаній и предполагаемыхъ результатахъ ихъ: „А когда такіе увѣчные люди будутъ отъ бродящихъ притворныхъ нищихъ разобраны и ходить имъ по улицамъ возбранится, тогда тѣ здоровые нищіе, также и дѣти ихъ, которыхъ множество великое по улицамъ бродятъ, и ничему ихъ не учатъ, а возрастя, кромѣ воровства отъ такихъ бродящихъ людей невозможно быти, принуждены будутъ хлѣбъ свой заживать работою или какимъ ремесломъ къ общенародной пользѣ. Потому что всякая праздность не приводитъ человѣка ко иному, точію къ злымъ дѣламъ и воровству. Когда такимъ людямъ по улицамъ возбранено будетъ ходити и подъ окнами милостыни просить, тогда и воровства такова не будетъ. Для того, что такіе воры, по дворамъ ходя, только примѣчаютъ, кто какъ живетъ, и какъ его домъ, какъ бы исплоша, гдѣ малолюдство, ково днемъ, или ночью покрасть. А иные такіе же воры, какъ о томъ повѣствуется, малыхъ ребятъ съ улицъ крадутъ, и руки и ноги имъ ломаютъ и на улицы ихъ кладутъ, чтобы на нихъ люди смотря умилились и больше имъ милостыны давали. Еще же многіе отъ такихъ нищихъ, которые странными болѣзнями и прилипчивыми одержимы, какъ-то: франками, ракомъ, волкомъ на лицѣ и по рукамъ, и тѣ садятся просить во многонародныхъ мѣстѣхъ. И такова нищего, когда-бъ жена чревата усмотря, испужалась, могла бы такова-жъ поврежденнаго младенца родити. И для такой причины во всѣхъ странахъ Европскихъ такимъ людемъ отнюдь не позволяютъ по улицамъ ходить не токмо что въ многонародныхъ мѣстѣхъ сидѣть; а взявъ ихъ лѣчатъ, буде исцѣльны; а буде не исцѣльны

и конечно скудны, поятъ и кормятъ по смерть въ особыхъ отдѣленныхъ мѣстѣхъ".

Составители указа 1682 г. посмотрѣли на свою задачу довольно широко и нашли нужнымъ упомянуть въ немъ и о мѣрахъ предупредительныхъ. По примѣру того, что дѣлается „въ иныхъ государствахъ", указъ говоритъ о необходимости созданія такихъ школъ и заведеній, гдѣ бы подростки („нищенскія дѣти, робята и дѣвки") могли обучаться разнымъ наукамъ и ремесламъ. Благодаря такимъ мѣрамъ, расчитываетъ указъ, „многія тысячи людей могли бъ хлѣбъ свой тѣмъ заживать, которые нынѣ по улицамъ бродятъ, ничего не вымышляютъ, какъ бы и что своровать? И тѣ бы статьи, которыя нынѣ привозятъ изъ иныхъ государствъ, учали-бъ дѣлать въ Московскомъ государствѣ И отъ того-бъ родилось, что за московскіе товары учали-бъ платить вмѣсто товаровъ иноземныхъ золотомъ и серебромъ. И такъ бы богатство множилось". Вообще указъ этотъ проникнутъ большимъ оптимизмомъ: составители его твердо вѣрятъ, что, благодаря его мѣрамъ—„такимъ поведеніемъ учинится, что не токмо на Москвѣ, но и въ городѣхъ всего Московскаго государства никакого нищаго, по улицамъ бродящаго не будетъ".

Ѳедоръ Алексѣевичъ умеръ въ годъ изданія этого указа, и едва ли онъ былъ приведенъ въ исполненіе, хотя есть основаніе утверждать, что „шпитальня" дѣйствительно была учреждена въ Москвѣ на средства аптекарскаго приказа. Что же касается до общихъ идей, выраженныхъ въ указѣ 1682 г., то онѣ получили дальнѣйшее свое развитіе и практическое приложеніе въ царствованіе Петра Великаго.

Въ петровскомъ законодательствѣ вопросъ о нищенствѣ и мѣрахъ призрѣнія занимаетъ очень видное мѣсто. Съ нимъ исторія этого дѣла вступаетъ въ новый періодъ, отличающійся большею энергіей, разносторонностью и послѣдовательностью мѣропріятій. По отношенію къ нищимъ они, правда, характеризуются чрезвычайною суровостью, чѣмъ близко напоминаютъ политику репрессіи нищенства въ Англіи и Франціи XIV и XV вѣковъ. Но рядомъ съ ними видны заботы о созданіи положительныхъ мѣръ призрѣнія. Наиболѣе существенныя законодательныя предписа-

нія въ этой области относятся ко второй половинѣ царствованія Петра; но уже и въ то время, когда онъ еще раздѣлялъ царскую власть съ братомъ своимъ Іоанномъ, мы видимъ рѣшительныя мѣры по отношенію къ нищимъ. Таковъ указъ 30-го ноября 1691 г. „Извѣстно имъ Великимъ Государямъ,— читаемъ въ этомъ указѣ, — что на Москвѣ гулящіе люди, подвязавъ руки, такъ же и ноги, а иные глаза завѣся и зажмуря, будто слѣпы и хромы, притворнымъ лукавствомъ просятъ на Христово имя милостыни, а по осмотру они всѣ здоровы". Въ виду этого, указъ предписываетъ—„тѣхъ людей имать и распрашивать... и по распроснымъ рѣчамъ ссылать посадскихъ людей въ тѣ жь посады, изъ коихъ они пришли, а дворцовыхъ крестьянъ въ дворцовыя волости, а помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ отдавать помѣщикамъ и вотчинникамъ, а буде тѣ люди съ сего Великихъ Государей указу впредь объявятся на Москвѣ, въ томъ же нищенскомъ образѣ и въ притворномъ лукавствѣ, и тѣмъ за то притворное лукавство учинить жестокое наказаніе, бить кнутомъ и ссылать въ ссылку въ дальніе сибирскіе города". Мѣры эти оказались однако недѣйствительными, и менѣе чѣмъ черезъ три года (указомъ 14-го марта 1694 г.) нашли нужнымъ снова подтвердить ихъ, при чемъ онѣ были распространены и на лицъ духовныхъ: „безмѣстныхъ чернцовъ и черницъ, поповъ и дьяконовъ", бродившихъ по Москвѣ, также велѣно „имать и приводить ихъ въ Стрѣлецкій приказъ, а изъ Стрѣлецкаго приказа отсылать въ Патріаршъ приказъ, чтобы отнюдь черницы и черницы и безмѣстные попы и дьяконы по улицамъ нигдѣ не бродили и по кабакамъ не водились"...

За этими мѣрами, существо которыхъ сводится къ репрессіи, слѣдуетъ (уже черезъ значительный промежутокъ времени) рядъ любопытныхъ распоряженій, проникнутыхъ стремленіемъ отчасти—дать дѣйствительное призрѣніе нуждающимся, отчасти—предупредить и устранить самую возможность нищенства. Нищихъ, способныхъ къ труду, стремятся привлечь къ работѣ; больнымъ и увѣчнымъ предписывается давать пріютъ въ богадѣльняхъ. Вотъ наприм., что гласитъ указъ 20-го іюня 1718 г.: „Нынѣ Его Величеству учинилось извѣстно, что нищихъ паки умножилось: и для того симъ Его Царскаго Величества указомъ паки подтвер-

ждается, дабы такихъ нищихъ, которые въ богадѣльни не записаны, а паче которые неувѣчные и не старые, имать за караулъ—и допрося, чьи они и откуда и какой ради причины помимо указа по міру бродятъ? и ежели которыя впервые будетъ пойманъ, такихъ бить нещадно батожьемъ и отдавать или отсылать по прежнему указу въ прежнія ихъ мѣста, гдѣ они жили... А буде такіе въ другой разъ или въ третій пойманы будутъ, и такихъ, бивъ на площади кнутомъ, посылать въ каторжную работу, а бабъ въ шпингаусъ, а ребятъ бивъ батоги посылать на суконный дворъ и къ прочимъ мануфактурамъ; а на помѣщикахъ и на хозяевахъ и властяхъ, также на старостахъ и прикащикахъ брать штрафу за каждаго человѣка за неусмотрѣніе по пяти рублей".

Къ тому же году относится и совершенно новая у насъ мѣра о запрещеніи по улицамъ и въ церквахъ подавать милостыню. Въ Англіи къ этой мѣрѣ пробовали прибѣгать уже въ XVI ст., во Франціи она была установлена при Людовикѣ XIV, и весьма вѣроятно, что именно французское законодательство по этому предмету навѣяло на Петра мысль о запрещеніи подавать милостыню. Мотивомъ этого было убѣжденіе, что безразборчивая подача милостыни способна только развивать нищенство, обращая его въ легкій и подчасъ доходный промыселъ. Указъ 25-го февраля 1718 г. велитъ монаховъ и нищихъ, которые являются въ Москвѣ и ходятъ по рядамъ и по улицамъ и сидятъ на перекресткахъ, забирать и приводить въ Монастырскій приказъ, а „милостыни отнюдь имъ не давать", подъ страхомъ штрафа въ первый разъ въ 5, а во второй въ 10 рублей, при чемъ для присмотра за этимъ приказывается опредѣлить „нарочныхъ поимщиковъ". Лицамъ, желающимъ подать милостыню, рекомендуется отсылать ее въ богадѣльню. Впослѣдствіи это запрещеніе милостыни было снова подтверждено [1].

---

[1] Указы Петра Великаго о воспрещеніи подавать милостыню вызвали рѣзкое осужденіе со стороны Ивана Посошкова, автора книги „О скудости и богатствѣ". „А и нынѣшній указъ о нищихъ учиненъ не весьма здраво потому: велѣно штрафовать тѣхъ, кои милостыню подаютъ. И тѣмъ никогда не унять, да не возможно унять, и то положеніе и Богу не безъ противности. Богъ положилъ предѣлъ, что давать милостыни, а судьи наши за то штрафуютъ; а имъ штрафовать давальцовъ не надлежитъ". Съ своей

До сихъ поръ это были все болѣе или менѣе частичныя мѣры, отдѣльныя распоряженія, не обнимавшія вопроса о нищенствѣ и призрѣніи въ его цѣломъ. Онѣ однако подготовили почву для болѣе общихъ мѣропріятій, въ которыхъ выступаетъ уже извѣстная система, цѣльная организація призрѣнія. Систему эту стремились создать два важные акта петровскаго царствованія, изданные одинъ вслѣдъ за другимъ на разстояніи нѣсколькихъ дней: регламентъ Главному Магистрату (16-го января 1721 г.) и регламентъ Духовной Коллегіи (25-го янв. 1721 г.). Въ первомъ имѣются въ виду мѣры призрѣнія со стороны органовъ свѣтской власти, во второмъ—духовной власти

Въ качествѣ общаго положенія, призрѣніе бѣдныхъ было поставлено въ числѣ главныхъ задачъ полиціи: въ перечнѣ функцій полиціи въ регламентѣ Главному Магистрату между прочимъ сказано, что она „призираетъ нищихъ, бѣдныхъ, больныхъ, увѣчныхъ и прочихъ неимущихъ, защищаетъ вдовицъ, сирыхъ“. Въ томъ же регламентѣ изложены и подробности мѣръ, предписываемыхъ въ области призрѣнія. Должны быть созданы троякаго рода заведенія, предназначаемыя для призрѣнія различныхъ категорій нуждающихся. Во 1-хъ, *Смирительные домы* — для „здоровыхъ нищихъ и гулякъ“; въ перечнѣ лицъ, для которыхъ создаются такіе дома, упомянуты „еще же лѣнивые здоровые нищіе и гуляки, которые нехотя трудится о своемъ пропитаніи, ѣдятъ хлѣбъ вотще, и прочіе симъ

стороны Посошковъ рекомендуетъ слѣдующія мѣры. „И сію статью правильнѣе-бы такъ учинить: кои хворы и увѣчны и престарѣлые, тѣмъ бы учинить покой, а кои ходятъ здоровые крестьяне и крестьянки и дѣти ихъ и тѣхъ если повелѣно будетъ, всякого чина людямъ хватать хотя въ городахъ, хотя въ деревнѣ; какой человѣкъ не увидитъ нищаго здороваго, то хватя бы его привелъ въ приказную палату, и записалъ, гдѣ его взялъ, и записавъ, отдалъ бы ихъ изъ приказу тому, кто его привелъ. А буде онъ не возьметъ, то кто его востребуетъ, отдавалъ бы вовсе, чей бы онъ ни былъ, А буде никто не возьметъ, то отсылалъ бы ихъ къ каковымъ дѣламъ Государевымъ. То дворяне лище заслышутъ, часу не будутъ мѣшкать — заберутъ къ себѣ, и по міру ходить уже не будутъ пускать. И такимъ способомъ однимъ годомъ или меньше нищіе бродить не будутъ, и по улицамъ ходить не станутъ“ — Сочиненія Ивана Посошкова, изд. М. Погодинымъ. М. 1842 г. Стр. 103—104.

подобные; таковыхъ всѣхъ надлежитъ сажать въ смирительные домы... и посылать ихъ на работу, чѣмъ бы они могли пропитаніе свое заработать, чтобъ никогда праздны не были". Во 2-хъ, *Предильные домы*—для женщинъ: „для непотребнаго-жъ и неистоваго женскаго пола, которыхъ должно наказывать такимъ же образомъ" (т. е. забирать и, сажая въ эти дома, принуждать къ работѣ). Наконецъ, въ 3-хъ, *Госпитали*: имъ „быть ради призрѣнія сирыхъ, убогихъ, больныхъ и увѣчныхъ и для самыхъ престарѣлыхъ людей обоего пола".

Такія заведенія регламентъ предписываетъ „построить магистратамъ земскимъ иждивеніемъ, впредь со временемъ сыскавъ къ тому такожъ и на пропитаніе оныхъ людей средство и по состоянію мѣста, чтобы гражданамъ было безобидно" (т. е. не обременительно). Желательность этихъ мѣръ регламентъ подкрѣпляетъ ссылкою на примѣръ западно-европейскихъ странъ: „понеже въ другихъ государствахъ такіе дома не токмо въ большихъ, но и въ малыхъ городахъ обрѣтаются и имѣютъ первое свое начало отъ фундаціи земскаго начальства, такожде и отъ подаянія такихъ людей, которые во имѣніи суть свободны"; „еще-жъ и кромѣ гошпиталей есть въ тамошнихъ большихъ и знатныхъ городахъ особливо сиротскіе домы, въ которыхъ опредѣленное число убогихъ и послѣ родителей оставшія дѣти содержатся и воспитаны бываютъ, такожде и другіе есть домы, въ которыхъ болѣзней бѣдныхъ людей лечатъ и въ призрѣніи имѣютъ, и всѣ такіе домы градскимъ тщаніемъ съ потребными покоями каменные строятся, и для того Главному Магистрату имѣть въ томъ стараніе, чтобъ оное исправить со временемъ безъ отягченія народнаго".

Эти задачи въ области призрѣнія, возложенныя на свѣтскую власть, черезъ три года были снова подтверждены въ инструкціи Городовымъ Магистратамъ (1724 г.). Одинъ изъ пунктовъ ея говоритъ: „весьма потребно есть призрѣніе бѣдныхъ: того ради стараться, чтобъ обѣднѣлые, а наипаче престарѣлые и дряхлые граждане какъ мужеска, такъ и женска полу, которые пропитанія себѣ не имѣютъ и работать не могутъ, въ богадѣльни были пристроены и пропитаніемъ отъ гражданъ съ прилежнымъ присмотромъ оста-

влены не были". Другой пунктъ той же инструкціи подтверждаетъ необходимость преслѣдовать профессіональное нищенство понужденіемъ къ труду: „понеже извѣстно, что многіе люди, не имѣя и не желая никакихъ промысловъ, отчего пропитаніе себѣ могли имѣть, подати платить, и того ради нѣкоторые въ самой бѣдности пребываютъ, нѣкоторые же или наибольшее число въ гулякахъ обрѣтаются, отчего не другое, что лучше отъ нихъ быть можетъ, токмо пьянство и всякія непотребности, а потомъ воровство и разбои: того ради этакихъ весьма усматривать и какимъ возможно художествамъ и ремесламъ или работамъ понуждать, а ремесла или художества умножить, и чтобы такіе гуляки подъ именемъ нищихъ весьма не шатались и праздны не были".

Считая призрѣніе бѣдныхъ и мѣры противъ нищенства задачами свѣтскаго управленія, Петръ признавалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ осуществленіи ихъ съ нимъ должна гармонировать и дѣятельность духовнаго управленія, поскольку оно касается этихъ вопросовъ. Создавая регламентъ, долженствующій руководить дѣятельностью Духовной Коллегіи, законодатель и въ немъ трактуетъ о вопросахъ призрѣнія, удѣляя особый пунктъ пространнымъ замѣчаніямъ „о подаяніи милостыни". „О подаяніи милостыни,—говоритъ регламентъ,—должно коллегіумъ духовное сочинить наставленіе, ибо въ семъ не мало погрѣшаемъ". Какъ на главное погрѣшеніе, опять-таки указывается на сильное развитіе профессіональнаго нищенства, „что есть Богопротивное и всему отечеству вредное". Приведя тексты Священнаго Писанія о томъ, что „повелѣваетъ намъ Богъ отъ пота лица нашего, сіе есть отъ промысловъ праведныхъ и разумныхъ трудовъ, ясти хлѣбъ", регламентъ заключаетъ: „и потому здравіи, а лѣнивіи прошаки Богу противны суть". Богопротивное дѣло совершаютъ не только просящіе милостыню лѣнтяи, но и дающіе ее такимъ людямъ: „и аще кто снабдѣваетъ оныхъ, и той есть яко помощникъ, тако и участникъ оныхъ же грѣха, и что-либо на таковую суетную милостыню издерживаетъ, все то вотще ему, а не въ пользу духовную". Далѣе подробно исчисляется тотъ „великій вредъ", который „изъ таковой дурной милостыни отечеству

дѣется". „Отъ сего бо въ первыхъ скудость и дорогъ бываетъ хлѣбъ. Разсуди всякъ благоразумный,—восклицаетъ регламентъ,—сколько тысящъ въ Россіи обрѣтаются лѣнивыхъ таковыхъ прошаковъ, толикожъ тысящъ не дѣлаютъ хлѣба, и потому нѣтъ отъ нихъ приходу хлѣбнаго, а обаче нахальствомъ и лукавымъ смиреніемъ чуждые труды поядаютъ, и потому великій хлѣба расходъ вотще. Хватать бы таковыхъ всюду и къ дѣламъ общимъ приставлять". Указавъ далѣе на то, что эти „прошаки" отнимаютъ хлѣбъ отъ дѣйствительно нуждающихся „убогихъ истинныхъ", тѣмъ болѣе, что „бездѣльники оные, понеже здравы суть, скоро до милостыни прибѣгаютъ, когда немощные нищіе остаются, иныи же полумертвы почитай на улицахъ лежатъ и при своей болѣзни и гладомъ истаеваютъ", регламентъ спрашиваетъ: „и кто вкратцѣ исчислитъ вреды, отъ таковыхъ бездѣльниковъ дѣемыя? По дорогамъ, гдѣ угодно водятъ, разбиваютъ; зажигатели суть; на шпіонство отъ бунтовщиковъ и измѣнниковъ подряжаются; клевещутъ на властей высокихъ, и самую власть верховную злѣ обносятъ, и простой народъ къ презорству властей преклоняютъ. Сами никіихъ же христіанскихъ должностей касаются; въ церковь входить не свое дѣло быти помышляютъ, только бъ имъ предъ церковью непрестанно вопить. И что еще вѣру превосходитъ безсовѣствіе и безчеловѣчіе оныхъ: младенцамъ своимъ очи ослѣпляютъ, руки скорчиваютъ и иные члены развращаютъ, чтобъ были прямые нищіе и милосердія достойные. Во-истину нѣтъ беззаконнѣйшаго чина людей".— Такъ заключаетъ регламентъ мрачную картину нищенства, питаемаго неразборчивымъ подаяніемъ милостыни. Въ виду этого Духовной Коллегіи рекомендуется обратить на это серьезное вниманіе и придумать мѣры къ искорененію зла. „Надлежитъ убо великая должность духовному коллегіумъ прилежно о семъ думать и совѣтовать, каковымъ бы лучшимъ способомъ зло сіе искоренить и добрый чинъ милостыни опредѣлить. А опредѣливъ просить Царскаго Величества, дабы изволилъ указомъ своимъ Монаршимъ утвердить".

Къ 1724 г. относится новая интересная мѣра—изданъ указъ о производствѣ единовременно повсемѣстной переписи нищихъ въ тѣхъ видахъ, чтобы затѣмъ росписать ихъ

по монастырямъ. Вотъ что читаемъ мы въ сенатскомъ указѣ 3 іюня 1724 г.: „Всѣхъ губерній и провинцій, кромѣ Сибирской, въ городахъ, гдѣ есть старые, больные, и увѣчные нищіе и сироты какъ мужска, такъ и женска полу, которые были въ богадѣльняхъ, гошпиталяхъ, и сверхъ тѣхъ, которые явятся такіе же больные и увѣчные, которые работами себя пропитать не могутъ, а ни къ кому не приписаны и въ подушный окладъ не положены, переписать губернаторамъ и воеводамъ, а гдѣ воеводы нѣтъ, въ тѣхъ мѣстахъ управителямъ, и для того написать указы во всѣ города разные, и запечатавъ послать ихъ къ нимъ губернаторамъ и воеводамъ и прочимъ управителямъ при особливыхъ указахъ, въ которыхъ указать, дабы они тѣ запечатанные указы разослали во всѣ города, и тѣ бъ управители оные указы распечатали во всѣхъ мѣстахъ, въ одинъ день публично, а именно октября 1 числа 1724 года, а до того числа отнюдь подъ жестокимъ штрафомъ тѣхъ указовъ не распечатывать, а при комъ тѣ указы распечатаны будутъ, о томъ съ подписаніемъ рапортовать; а переписывать бы начали всѣ вдругъ, а переписавъ прислать имъ тѣ вѣдомости въ Сенатъ, конечно, къ ноябрю мѣсяцу, дабы зная число ихъ и число доходовъ, можно было росписать ихъ по монастырямъ“. Относительно результатовъ этого распоряженія свѣдѣній, къ сожалѣнію, не имѣется.

Таковы важнѣйшія изъ мѣръ, принимавшихся въ отношеніи къ призрѣнію петровскимъ законодательствомъ. Оно стало на вѣрный путь, обѣщавшій при неуклонномъ слѣдованіи ему сдѣлать многое для упорядоченія или, вѣрнѣе, созданія болѣе или менѣе цѣльной системы общественнаго призрѣнія. Къ сожалѣнію, однако, большинство изъ плановъ Петра въ этомъ дѣлѣ не получило осуществленія при его жизни; даже Духовная Коллегія такъ и не сочинила порученнаго ей наставленія. А послѣ смерти Петра наступилъ періодъ, мало благопріятствовавшій какимъ-либо творческимъ законодательнымъ актамъ. При его ближайшихъ преемникахъ дѣло ограничивалось повтореніемъ петровскихъ указовъ о преслѣдованіи нищенства, при чемъ нерѣдко прибавлялись слова: „паки нищихъ умножилось, а паче при церквахъ и въ рядахъ“.

Новый періодъ законодательныхъ мѣръ въ области призрѣнія открывается лишь съ царствованіемъ Екатерины II.

Царствованіе Екатерины II оставило замѣтный слѣдъ въ исторіи общественнаго призрѣнія въ Россіи. На первыхъ порахъ особенное вниманіе было обращено на мѣры призрѣнія младенцевъ, преимущественно незаконнорожденныхъ. Уже и прежде предпринимались нѣкоторыя мѣры въ этомъ отношеніи: такъ, первый въ Россіи пріютъ незаконнорожденныхъ (или, какъ ихъ называли тогда „зазорныхъ") младенцевъ основанъ былъ въ 1706 г. близъ Новгорода митрополитомъ Іовомъ, при чемъ на содержаніе его Петръ опредѣлилъ доходы съ нѣкоторыхъ монастырскихъ вотчинъ. Затѣмъ, въ 1715 г. Петръ приказалъ въ Москвѣ и въ другихъ городахъ устроить подлѣ церковныхъ оградъ госпитали (въ Москвѣ каменные, а въ другихъ городахъ деревянные) и „объявить указъ, чтобы зазорныхъ младенцевъ въ непристойныя мѣста не отметывали, но приносили бы къ вышеозначеннымъ гошпиталямъ и клали тайно въ окно чрезъ какое закрытіе, дабы приносимыхъ лицъ не было видно". Но эти мѣры не дали ожидавшихся отъ нихъ результатовъ, и положеніе незаконнорожденныхъ дѣтей было предоставлено всецѣло на произволъ судьбы. Въ самомъ началѣ царствованія Екатерины II вопросъ объ этомъ былъ серьезно разработанъ, подъ руководствомъ извѣстнаго филантропа И. И. Бецкаго, и въ результатѣ основанъ былъ Воспитательный домъ въ Москвѣ въ 1763 г.; съ 1770 г. открыто было такое же учрежденіе и въ Петербургѣ, сначала въ качествѣ отдѣленія московскаго дома, а съ 1780 г.—въ качествѣ самостоятельнаго учрежденія. Созданіе этихъ домовъ впервые поставило на прочную почву призрѣніе незаконнорожденныхъ дѣтей, по крайней мѣрѣ, для обѣихъ столицъ, и ближайшихъ губерній.

Въ области общихъ мѣръ призрѣнія эпоха Екатерины II ознаменовалась изданіемъ многихъ законодательныхъ актовъ и административныхъ распоряженій. Сначала это были все частныя мѣры—относительно устройства въ 26 епархіяхъ 26 богадѣленъ, о воспрещеніи уличнаго нищенства въ Москвѣ, объ устроеніи при монастыряхъ особенныхъ до-

мовъ для безумныхъ и сумасшедшихъ и т. п. Новой характерной чертой этихъ мѣропріятій является болѣе гуманное отношеніе къ нищимъ, въ которыхъ перестаютъ видѣть одинъ преступный элементъ и въ которыхъ начинаютъ усматривать несчастныя жертвы неблагопріятныхъ условій жизни.

За этими частными мѣрами послѣдовала мѣра болѣе общаго характера, любопытная въ томъ отношеніи, что это была первая у насъ серьезная попытка создать извѣстную систему, организацію общественнаго призрѣнія. Она выразилась въ устройствѣ цѣлой сѣти спеціальныхъ учрежденій, подъ названіемъ „Приказовъ общественнаго призрѣнія“, созданныхъ „Учрежденіемъ о губерніяхъ“ 1775 года. Эти приказы повелѣно учредить повсемѣстно, въ каждой губерніи по одному. На нихъ возложены были многочисленныя и довольно разнообразныя задачи. „Приказу общественнаго призрѣнія,—гласитъ ст. 380 Учрежденія о губерніяхъ,—поручается попеченіе и надзираніе о установленіи и прочномъ основаніи: 1) *народныхъ школъ*, 2) установленіе и надзираніе *сиротскихъ домовъ* для призрѣнія и воспитанія сиротъ мужескаго и женскаго пола, оставшихся послѣ родителей безъ пропитанія, 3) установленіе и надзираніе *госпиталей*, или больницъ для излеченія больныхъ, 4) установленіе и надзираніе *богадѣленъ* для мужескаго и женскаго пола убогихъ, увѣчныхъ и престарѣлыхъ, кои пропитанія не имѣютъ, 5) установленіе и надзираніе особаго *дома для неизлечимо больныхъ*, кои пропитанія не имѣютъ, 6) установленіе и надзираніе *работныхъ домовъ* для обоего пола; 8) установленіе и надзираніе *смирительныхъ домовъ* для обоего же пола людей“. По отношенію къ „работнымъ домамъ“ слѣдуетъ замѣтить, что цѣль ихъ устройства состояла въ слѣдующемъ (ст. 390), „дабы работою доставить прокормленіе неимущимъ, какою же работою, сіе отдается на усмотрѣніе приказа общественнаго призрѣнія (ибо не вездѣ одинакія удобности бываютъ, въ Москвѣ каменья пилить, въ другихъ мѣстахъ приготовлять ленъ или прясть, и тому подобное) и понеже въ работныхъ домахъ всякій кормится своею работою, то и принимаютъ во оные совершенно убогихъ (т. е. бѣдныхъ) обоего пола людей, кои работатать могутъ и сами добровольно туда приходятъ (и кои не привязаны къ иной работѣ). Во оныхъ

домахъ даютъ имъ работу, а по мѣрѣ работы пищу, покровъ, одежду, или деньги, или же въ работные дома принимаютъ пристанища не имѣющихъ, кои присланы будутъ на время, или навсегда изъ какого нибудь мѣста, на то власть имѣющаго въ той губерніи".

Въ составъ приказа входили, подъ предсѣдательствомъ губернатора, два засѣдателя верхняго земскаго суда, два засѣдателя губернскаго магистрата и два засѣдателя верхней расправы; при этомъ приказу предоставлялось приглашать въ свои засѣданія, „буде случится надобность для свѣдѣнія подробнаго или мѣстнаго", предводителя дворянства и городского голову.

Вопросъ о матеріальныхъ средствахъ для выполненія задачъ приказа былъ рѣшенъ слѣдующимъ образомъ. Каждому приказу предписано было (ст. 382) отпустить 15.000 р. изъ доходовъ данной губерніи. Эта сумма являлась какъ бы основнымъ капиталомъ новаго учрежденія, которому при этомъ дозволено было деньги эти отдавать за узаконенные проценты на вѣрные заклады съ тѣмъ условіемъ, чтобы заложенныя имѣнія находились дѣйствительно въ той губерніи.

Таковы, въ краткихъ чертахъ, устройство и функціи приказовъ общественнаго призрѣнія, созданныхъ въ 1775 г. Учрежденія эти надолго сдѣлались главнымъ органомъ общественнаго призрѣнія. До введенія Положенія о земскихъ учрежденіяхъ они существовали во всѣхъ губерніяхъ, но съ введеніемъ его они были упразднены въ земскихъ губерніяхъ; въ губерніяхъ же не-земскихъ они продолжаютъ существовать и понынѣ. Правда, съ теченіемъ времени они подвергались болѣе или менѣе значительнымъ измѣненіямъ въ личномъ составѣ ихъ, но въ существенныхъ чертахъ они сохраняли свою физіономію.

Оцѣнивая дѣятельность приказовъ за большой періодъ времени, нельзя не прійти къ заключенію, что итоги ея оказались весьма незначительными. Такъ, по даннымъ 1816 г., слѣдовательно, уже по прошествіи 40-лѣтняго періода, общее число заведеній приказовъ (57) составляло только 331 съ 43.023 призрѣваемыхъ. Затѣмъ, черезъ 25 лѣтъ а именно по даннымъ 1842 г. число заведеній составляло

793 съ 156,744 призрѣваемыхъ. Наконецъ, въ 1862 г. насчитывали заведеній еще меньше, всего 768, но съ нѣсколько большимъ числомъ призрѣваемыхъ—181,553 человѣка. Нѣтъ сомнѣнія, что это число обнимаетъ лишь весьма незначительную долю тѣхъ лицъ, которыя дѣйствительно нуждались въ призрѣніи. Изъ указаннаго числа заведеній наибольшая часть приходилась на долю больницъ: ихъ было всего 524 въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ; затѣмъ 111 богадѣленъ, въ томъ числѣ 7 инвалидныхъ домовъ, и 39 домовъ для умалишенныхъ. Что касается работныхъ домовъ, которые, казалось, должны были сосредоточить на себѣ большое вниманіе, какъ средство помощи людямъ неимущимъ и способнымъ къ труду, то они не получили надлежащаго развитія. Въ примѣчаніи къ ст. 690 Устава общественнаго призрѣнія (Свод. Зак. т. XIII, изд. 1857 г.) читаемъ: „въ настоящее время (въ 1857 г.), существуетъ только одинъ работный домъ въ Москвѣ, состоящій, впрочемъ, въ вѣдѣніи не московскаго приказа, а тамошняго попечительнаго совѣта заведеній общественнаго призрѣнія. Прежде существовали подобныя заведенія еще въ Иркутскѣ и Красноярскѣ, но оба сіи заведенія закрыты въ 1853 году".

Дѣятельность приказовъ свидѣтельствуетъ о томъ, что этотъ опытъ устройства у насъ общественнаго призрѣнія оказался неудачнымъ. Причины этого чрезвычайно сложны. Ихъ слѣдуетъ искать и въ общихъ условіяхъ нашего административнаго быта въ ту эпоху, когда возникли и начали дѣйствовать приказы, и въ тѣхъ частныхъ условіяхъ, въ какія они были поставлены своею организаціею. Она, прежде всего, отличалась бюрократическимъ характеромъ, при которомъ не было мѣста проявленіямъ иниціативы и участію общества въ заботахъ объ общественномъ призрѣніи. Кромѣ того, личныя силы приказовъ были весьма недостаточны; они состояли изъ людей, занятыхъ совершенно другимъ дѣломъ и естественно смотрѣвшихъ на свою дѣятельность въ приказахъ, какъ на занятіе побочное, второстепенное. Этому не мало содѣйствовало и то, что по самому закону дѣятельность приказовъ не была постоянною: по ст. 393 Учр. о губ., приказъ общественнаго призрѣнія засѣдаетъ

лишь отъ 8-го января до страстной недѣли, т. е. менѣе трехъ мѣсяцевъ въ году.

Дѣло общественнаго призрѣнія не могло не страдать и вслѣдствіе того, что на приказы возложены были слишкомъ широкія и къ этому дѣлу не совсѣмъ подходящія задачи. Такъ, въ числѣ ихъ находимъ попеченіе о народныхъ школахъ. Заботы объ устройствѣ ихъ, конечно, заслуживали въ то время большого сочувствія, но по существу онѣ едва ли должны были быть возложены на приказы. Опытъ, впрочемъ, и показалъ, что приказы не могли сдѣлать здѣсь что нибудь существенное; въ концѣ концовъ дѣло свелось къ содержанію приказами нѣсколькихъ училищъ дѣтей канцелярскихъ служителей (въ 1842 г. такихъ училищъ было 16 съ 640 воспитанниками). Столь же далеко отъ ближайшихъ задачъ общественнаго призрѣнія стоитъ порученное приказамъ устройство смирительныхъ домовъ, которые должны „ограждать общество отъ многихъ продерзостей, добронравіе повреждающихъ“ и куда должны быть помѣщаемы люди „непотребнаго и невоздржнаго житія, какъ-то: 1) сыновья или дочери, кои родителямъ своимъ не послушны, или пребываютъ злаго житія, или ни къ чему доброму не склонны, 2) люди, которые впадутъ въ непотребное житіе, начнутъ расточать имѣніе, долги накоплять вдвое противъ имѣнія, домъ разорять и чинить непотребности, противныя чести, 3) люди, которые начнутъ безъ стыда и зазора имѣть явное поведеніе добронравію и благочинію противное, 4) рабы непотребные, которыхъ никто въ службу не принимаетъ, 5) рабы лѣнивые и гуляки, кои все пропиваютъ или проматываютъ, 6) люди, которые, не хотя трудиться для своего пропитанія, ѣдятъ хлѣбъ вотще, и симъ подобные, 7) непотребнаго, неистоваго и соблазнительнаго житія женскаго пола“. Большая часть перечисленныхъ категорій ничего общаго съ областью собственно общественнаго призрѣнія не имѣетъ, такъ что заботы о нихъ неизбѣжно должны были отражаться невыгодно на выполненіи другихъ задачъ приказовъ.

Успѣшность дѣятельности приказовъ не могла также не пострадать отъ того оригинальнаго полномочія, какое они получили по отношенію къ своимъ капиталамъ. Разрѣ-

шеніе пускать эти капиталы въ оборотъ имѣло благую цѣль — увеличить матеріальныя средства на дѣло общественнаго призрѣнія; но оно, въ значительной степени достигая этой цѣли, не могло не породить и другого послѣдствія, для дѣла неблагопріятнаго. Мало-по-малу приказы сдѣлались гораздо болѣе кредитными установленіями, чѣмъ органами общественнаго призрѣнія. Право приказовъ производить кредитныя операціи уничтожено лишь въ 1860 г., и взамѣнъ доходовъ по этой статьѣ имъ стали отпускать изъ государственнаго казначейства 850.000 руб. въ годъ.

Таковы ближайшія причины, по которымъ устройство приказовъ общественнаго призрѣнія не привело къ желательному рѣшенію вопроса о цѣлесообразной организаціи этого дѣла. Вопросъ этотъ остается открытымъ и до сихъ поръ, несмотря на тѣ законодательныя мѣры въ отношеніи къ призрѣнію, которыя были предприняты въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій.

Въ ряду этихъ мѣръ важнѣйшія состоятъ въ предоставленіи обязанностей по общественному призрѣнію органамъ земскихъ учрежденій и городского управленія. Въ законодательствѣ находимъ, между прочимъ, такую формулировку этого положенія: „тамъ, гдѣ введены земскія учрежденія и городское общественное управленіе на основаніи Городового Положенія 1870 г., мѣры общественнаго призрѣнія и способы прекращенія нищенства подлежатъ вѣдѣнію сихъ общественныхъ учрежденій“ (прим. къ ст. 162 Уст. о предупр. и прес. преступ., изд. 1890 г.). Но на практикѣ мы нигдѣ не встрѣчаемъ сколько-нибудь полнаго осуществленія этого требованія закона. Объясняется это, главнымъ образомъ, тѣмъ, что ни Земское Положеніе, ни Городовое Положеніе не пошли дальше общей формулировки этого требованія и не указали даже на источники, изъ которыхъ эти учрежденія могли бы брать средства на дѣло общественнаго призрѣнія. Умолчаніе же объ этомъ въ перечнѣ обязательныхъ для города расходовъ дало поводъ Сенату истолковать, что устройство заведеній общественнаго призрѣнія составляетъ лишь право, но не обязанность городского общественнаго управленія. Такое толкованіе и послужило основаніемъ къ тому, что наши городскія упра-

вленія признаютъ для себя необязательнымъ принимать какія-либо мѣры общественнаго призрѣнія. Что касается до земствъ, то и по отношенію къ нимъ отсутствіе въ законѣ какихъ-либо точныхъ указаній объ обязанностяхъ по призрѣнію привело къ тому результату, что эти учрежденія не считали для себя обязательнымъ попеченіе о нуждахъ общественнаго призрѣнія. Рядомъ съ этимъ недостатокъ заботъ земства въ этомъ отношеніи слѣдуетъ объяснить обремененностью земскихъ бюджетовъ массою другихъ обязанностей.

Однако, несмотря на неблагопріятныя условія, нашими земствами сдѣлано очень многое въ области общественнаго призрѣнія.

По оффиціальнымъ даннымъ [1], земства 34-хъ губерній израсходовали въ 1890 году на общественное призрѣніе около 2.800,000 р.—сумму, составляющую свыше 9,78% всего необязательнаго бюджета. Этою цифрою не исчерпываются всѣ денежныя жертвы земства на нужды призрѣнія: къ ней слѣдовало бы прибавить расходы по нѣкоторымъ предметамъ, отнесеннымъ къ другимъ категоріямъ смѣтныхъ расходовъ, но по существу своему принадлежащимъ къ сферѣ общественнаго призрѣнія, какъ, напр., пособія пенсіоннымъ и эмеритальнымъ кассамъ, помощь переселенцамъ, выдачи стипендій, содержаніе пріютовъ и колоній для заброшенныхъ и преступныхъ дѣтей, пособія пострадавшимъ отъ наводненія и т. под. Съ другой стороны, къ сферѣ общественнаго призрѣнія должна быть отнесена значительная часть расходовъ на медицинскую помощь населенію, постановка которой находится въ самой тѣсной связи съ заботами собственно о призрѣніи. Если же взять обѣ эти области вмѣстѣ и принять во вниманіе, что расходъ земствъ на народное здравіе составлялъ въ 1890 г. свыше 10 милліоновъ руб. (или 36,3% необязательныхъ расходовъ), то окажется, что по этимъ двумъ предметамъ земства 34-хъ губерній израсходовали свыше 13 мил. руб., что составляетъ около 46% всего необязательнаго бюджета.

---

[1] Они приведены и разработаны въ статьѣ г. Е. Максимова „Очеркъ земской дѣятельности въ области общественнаго призрѣнія“ (въ „Журналѣ С.-Петербургскаго Юридическаго Общества“ за 1895 годъ).

Изъ данныхъ за двадцатилѣтній періодъ, съ 1871 по 1890 годъ, видно, что въ земскихъ учрежденіяхъ послѣдовательно крѣпло и росло сознаніе необходимости развитія дѣла общественнаго призрѣнія. Въ 1871 году земствами 31 губ. израсходовано было на общественное призрѣніе 484.995 руб., въ 1876 г. въ 33-хъ губ. — 1.215.565 руб., въ 1886 году въ 34-хъ губ. — 2.221.440 руб. и въ 1890 году — 2.786.982 руб.

Съ передачею въ руки земства завѣдыванія общественнымъ призрѣніемъ, принадлежавшаго прежде приказамъ общественнаго призрѣнія, къ земскимъ учрежденіямъ перешли и капиталы приказовъ. Въ распоряженіи этими капиталами земства проявили большую осмотрительность и заботливость и не только не уменьшили ихъ, но напротивъ,— пріумножили ихъ. Въ 1869 г. земствамъ 28-ми губерній было выдано до 6.500.000 рублей, а въ 1890 году благотворительные капиталы въ этихъ губерніяхъ составляли болѣе 8.500.000 руб., при чемъ нигдѣ не замѣчалось уменьшенія ихъ. Въ нѣкоторыхъ же губерніяхъ капиталы эти значительно возрасли за указанный періодъ времени: тверское земство довело свой капиталъ съ 210.000 руб. до 397.000 руб., тамбовское — съ 470.000 руб. до 607.000 руб., вологодское — съ 30.000 руб. до 134.000 руб. и т. п. Если же принять во вниманіе образованіе земствами важныхъ для интересовъ общественнаго призрѣнія капиталовъ пенсіоннаго и эмеритальнаго, то окажется, что земства увеличили постоянныя средства общественнаго призрѣнія почти на 4 милліона рублей.

Не менѣе рельефно выступаетъ благотворная роль земскихъ (и городскихъ) учрежденій въ сферѣ общественнаго призрѣнія, если принять во вниманіе число заведеній для призрѣнія различныхъ категорій нуждающихся и количество лицъ, въ нихъ призрѣваемыхъ. Со времени созданія земства число такихъ учрежденій значительно возросло: въ шестидесятыхъ годахъ ихъ было (вмѣстѣ съ больницами и другими медицинскими заведеніями, въ значительной степени служащими дѣлу призрѣнія) — 784 въ 55 губерніяхъ, а по даннымъ 1891 года число ихъ возросло до 4.500 и притомъ не во всѣхъ 55, а только въ 44 губерніяхъ. Очень

наглядно выступаетъ роль земства при сравненіи числа заведеній и особенно числа призрѣваемыхъ въ губерніяхъ земскихъ и не-земскихъ, въ которыхъ дѣйствуютъ приказы общественнаго призрѣнія. Оказывается, что въ 28 земскихъ губерніяхъ въ 1891 году было 1090 установленій собственно для призрѣнія (безъ медицинскихъ заведеній), въ которыхъ получали призрѣніе 1.072.146 чел., а въ 16 не-земскихъ губерніяхъ было 817 заведеній, въ которыхъ призрѣвалось только 60.522 чел. Хотя, такимъ образомъ, по числу заведеній не-земскія губерніи даютъ лучшій результатъ (въ земскихъ губ. на 1 губернію приходится 39 заведеній, а въ не-земскихъ — 54,5), но по количеству призрѣваемыхъ земскія губерніи стоятъ много выше не-земскихъ (на 1 земскую губ. приходится 38.291 призрѣваемыхъ, а на 1 не-земскую — только 4.034). Численный перевѣсъ установленій въ не-земскихъ губерніяхъ даютъ приходскія попечительства, которыхъ насчитывалось въ нихъ до 536.

Въ виду такихъ результатовъ земской дѣятельности въ области общественнаго призрѣнія не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что и дальнѣйшее развитіе этого дѣла должно быть ввѣрено органамъ самоуправленія, земству и городскимъ общественнымъ учрежденіямъ, которыя въ достаточной степени доказали свою способность къ созданію различныхъ условій благоустройства. И есть основаніе думать, что давно ожидаемая реформа нашего законодательства о призрѣніи бѣдныхъ будетъ построена именно на началѣ сосредоточенія общественнаго призрѣнія въ рукахъ органовъ самоуправленія — земскихъ учрежденій и городскихъ управленій.

Не входя въ подробности развитія вопроса о пересмотрѣ законовъ о призрѣніи, нельзя однако не упомянуть о послѣднихъ по времени проявленіяхъ въ разработкѣ этого вопроса. Въ концѣ 1892 г., по Высочайшему повелѣнію, была учреждена, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря К. К. Грота, особая комиссія, на которую возложены были пересмотръ нынѣ дѣйствующихъ законовъ о призрѣніи бѣдныхъ и „составленіе проекта законодательныхъ мѣръ, обнимающихъ дѣло призрѣнія во всѣхъ его частностяхъ“. Въ теченіе $4^1/_2$ лѣтъ существованія этой комиссіи ею собраны

были многочисленные и важные матеріалы о современномъ положеніи призрѣнія бѣдныхъ и благотворительности въ Россіи, при чемъ особою подкомиссіею и затѣмъ нѣкоторыми членами комиссіи выработано было нѣсколько проектовъ положенія объ общественномъ призрѣніи. Проекты эти не могли быть, однако, подвергнуты окончательному обсужденію, такъ какъ, вслѣдствіе болѣзни предсѣдателя комиссіи, послѣдняя была закрыта въ мартѣ 1897 г. При этомъ всѣ матеріалы ея были переданы, для дальнѣйшаго производства и направленія въ хозяйственный департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ 1898 г. этимъ учрежденіемъ былъ изготовленъ проектъ измѣненій и дополненій дѣйствующихъ законовъ объ общественномъ призрѣніи и благотворительности.

Сущность этого законопроекта заключается въ слѣдующемъ. Общее наблюденіе за общественнымъ призрѣніемъ во всемъ его объемѣ возлагается на губернскія земскія собранія, завѣдываніе же мѣрами призрѣнія и принятіе ихъ по отношенію къ лицамъ, проживающимъ въ уѣздахъ, вмѣняется въ обязанность уѣздныхъ земскихъ собраній, а по отношенію къ лицамъ, проживающимъ въ предѣлахъ городскихъ поселеній,—городскихъ думъ. При этомъ исполнительная часть по принятію мѣръ призрѣнія возлагается на земскія и городскія управы. Ближайшимъ образомъ на обязанность земскихъ и городскихъ учрежденій возлагаются: а) оказаніе всякаго рода помощи всѣмъ дѣйствительно нуждающимися; б) учрежденіе, содержаніе и управленіе благотворительныхъ заведеній и завѣдываніе ими; в) сосредоточеніе всѣхъ свѣдѣній, относящихся къ населенію, нуждающемуся въ призрѣніи, къ мѣрамъ послѣдняго и къ дѣлопроизводству по нимъ, и г) управленіе имуществами и капиталами, предназначенными на призрѣніе.

Призрѣніе лицъ крестьянскаго сословія отнесено къ обязанностямъ сельскихъ и волостныхъ общественныхъ управленій, при чемъ въ губерніяхъ, имѣющихъ земскія учрежденія, крестьянскія общества освобождаются отъ призрѣнія, во-первыхъ, тѣхъ нуждающихся членовъ своихъ, которые требуютъ спеціальнаго попеченія въ лечебныхъ, воспитательныхъ, исправительныхъ и т. п. заведеніяхъ, во вторыхъ, тѣхъ, которые въ теченіе десяти лѣтъ пребываютъ въ иномъ мѣстѣ, внѣ предѣловъ ихъ сословнаго общества, и въ-третьихъ, тѣхъ которые приписаны къ обществамъ безъ пріемныхъ приговоровъ. Такія же обязанности и съ тѣми же исключеніями возлагаются на сословныя общества мѣщанъ и ремесленниковъ, если они имѣютъ свои сословныя учрежденія; если же таковыя не учреждены, то тѣ же обязанности переходятъ къ городскимъ общественнымъ управленіямъ. Призрѣніе же лицъ, не принадлежащихъ къ означеннымъ выше сословіямъ, а равно хотя и принадлежащихъ къ нимъ, но не пользующихся, согласно изложеннымъ правиламъ, призрѣніемъ отъ нихъ, относится къ обязанности земскихъ и городскихъ учрежденій по принадлежности. При этомъ всѣ издержки по

призрѣнію, содержанію въ больницахъ и т. п. взыскиваются съ родственниковъ призрѣваемыхъ, если они состоятельны къ уплатѣ издержекъ.

Для большаго успѣха дѣла земскимъ собраніемъ и городскимъ думамъ предоставляется, въ помощь управамъ, учреждать особые коллегіальные совѣты или комитеты или же возлагать обязанности по призрѣнію на отдѣльное избираемое для этого лицо, которому въ такихъ случаяхъ предоставляется право голоса въ засѣданіяхъ управы по дѣламъ, относящимся къ общественному призрѣнію. Затѣмъ, для приведенія въ исполненіе законовъ о призрѣніи на мѣстахъ, а равно для принятія непосредственныхъ мѣръ помощи, уѣздныя земскія собранія и городскія думы учреждаютъ, въ качествѣ мѣстныхъ органовъ призрѣнія, участковыя попечительства по призрѣнію или участковыхъ попечителей, раздѣляя для этого уѣздъ и городъ на территоріальные участки. Обязанность попечительствъ заключается въ своевременномъ оказаніи помощи нуждающимся въ ней лицамъ и семьямъ, соотвѣтственно чему они должны: а) обнаруживать всѣ случаи нужды и принимать всѣ письменныя и устныя заявленія о помощи, немедленно производить по нимъ разслѣдованія, устанавливать размѣръ и родъ помощи, б) оказывать содѣйствіе, чтобы лица, имѣющія право на призрѣніе отъ сословныхъ обществъ, получали таковое и чтобы указанные закономъ родственники нуждающихся принимали на себя издержки по призрѣнію ихъ, если имѣютъ къ тому средства; в) содѣйствовать административнымъ властямъ въ наблюденіи за тѣмъ, чтобы нищенство не происходило, и доводить до свѣдѣнія ихъ о всѣхъ извѣстныхъ попечительствамъ случаяхъ нищенства; г) наблюдать за употребленіемъ нуждающимися выданныхъ имъ пособій; д) стараться умножать денежныя и другія средства попечительства путемъ сбора пожертвованій, подписокъ, устройства, съ надлежащаго разрѣшенія, чтеній, зрѣлищъ, увеселеній и другими способами, разрѣшаемыми частнымъ благотворительнымъ обществамъ; е) вести дѣлопроизводство и счетоводство попечительствъ, составлять и представлять управамъ отчеты по нимъ и ж) вступать въ сношеніе съ другими попечительствами своего уѣзда или города по дѣламъ призрѣнія.

Существенное значеніе для упорядоченія дѣла призрѣнія имѣютъ постановленія проекта о мѣстѣ призрѣнія. По этому предмету въ проектѣ постановлено, что впавшій въ крайнюю нужду подлежитъ призрѣнію того земства или городского управленія, въ предѣлахъ территоріи которыхъ его настигла нужда. Но это призрѣніе оказывается ему лишь предварительно, если у него иное мѣстопризрѣніе, т. е. если онъ подлежитъ призрѣнію другого земскаго, городского или сословнаго управленія. Мѣстопризрѣніе опредѣляется на слѣдующихъ основаніяхъ: мѣстомъ призрѣнія лицъ, принадлежащихъ къ крестьянскимъ, мѣщанскимъ, ремесленнымъ обществамъ, служатъ эти общества. Крестьяне, мѣщане и ремесленники, пребывающіе внѣ предѣловъ своего общества десять и болѣе лѣтъ, пріобрѣтаютъ мѣстопризрѣніе тамъ, гдѣ прожили два года; мѣстопризрѣніе прочихъ лицъ опредѣляется непрерывнымъ двухлѣтнимъ пребываніемъ ихъ въ предѣлахъ уѣзда или города. Мѣстопризрѣніе, пріобрѣтенное двухлѣтнею давностью, распространяется на женъ и дѣтей въ томъ случаѣ, если жена и дѣти жили при мужѣ или отцѣ и содержались его заработкомъ. Пріобрѣтенное такимъ спо-

собомъ мѣстопризрѣніе продолжается для дѣтей до 16 лѣтъ, а въ томъ случаѣ, когда они по состоянію своего здоровья къ работѣ неспособны, пожизненно. Незамужнія женщины или жены, не живущія при мужьяхъ и содержащія себя и дѣтей своихъ самостоятельнымъ трудомъ, пріобрѣтаютъ самостоятельно мѣстопризрѣніе на общихъ основаніяхъ. Жены, покинутыя мужьями или получившія разводъ, или мужья которыхъ находятся въ заключеніи или сосланы, сохраняютъ для себя и для своихъ дѣтей прежнее мѣстопризрѣніе мужа. Теченіе двухлѣтней давности не прерывается временными отлучками и выѣздами по дѣламъ, а теченіе десятилѣтней давности не прекращается временными и непродолжительными пребываніями на мѣстѣ родины или приписки.

Призрѣніе лицъ, для которыхъ не можетъ быть установлено мѣстопризрѣніе, возлагается на тѣ городскія общественныя или уѣздныя земскія управленія, въ предѣлахъ территоріи которыхъ ихъ настигла нужда. Если земскія и городскія управленія, оказывающія предварительное призрѣніе, желаютъ, чтобы имъ были возмѣщаемы подлежащими управленіями расходы за время призрѣнія лица, имѣющаго другое мѣстопризрѣніе, то они должны извѣстить объ этомъ въ теченіе мѣсяца съ начала призрѣнія то управленіе, за счетъ котораго они призрѣваютъ. Требованія о возмѣщеніи расходовъ на призрѣніе, произведенныхъ за счетъ другихъ управленій, направляются для удовлетворенія ихъ въ городскія и уѣздныя управы, которыя, удовлетворивъ эти требованія, взыскиваютъ ихъ, по своему усмотрѣнію, съ тѣхъ лицъ и учрежденій, которыя обязаны содержать призрѣваемаго. Расходы на призрѣніе высчитываются по особому тарифу, утверждаемому министромъ внутреннихъ дѣлъ. Земскія и городскія учрежденія, за счетъ которыхъ производится призрѣніе въ другихъ учрежденіяхъ, могутъ потребовать возвращенія призрѣваемаго по его мѣстопризрѣнію, если онъ способенъ перенести переходъ или переѣздъ безъ вреда для себя и находящагося при немъ ребенка. Издержки на переѣздъ падаютъ на учрежденія, вызывающія къ себѣ призрѣваемаго. Земскія и городскія учрежденія, призрѣвающія кого-либо вмѣсто другихъ учрежденій, могутъ также потребовать водворенія призрѣваемаго по мѣстопризрѣнію.

Изложенный проектъ ввѣряетъ дѣло общественнаго призрѣнія земскимъ учрежденіямъ и городскимъ управленіямъ, при чемъ регулируетъ ихъ функціи въ этой сферѣ съ гораздо большею опредѣленностью, чѣмъ нынѣ дѣйствующій законъ. И въ этомъ заключается наиболѣе сильная сторона проекта, въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ не отвѣчающаго дѣйствительнымъ потребностямъ реформы. Особенно слабыми сторонами проекта слѣдуетъ признать, во 1-хъ, сохраненіе въ системѣ призрѣнія сословныхъ началъ, утратившихъ въ жизни свое значеніе и способныхъ лишь усложнить, затруднить и сдѣлать неравномѣрнымъ оказаніе помощи бѣднымъ, и во 2-хъ, умолчаніе объ источникахъ средствъ на покрытіе

расходовъ по призрѣнію. Послѣднее представляется весьма существеннымъ, такъ какъ изъ обычнаго своего бюджета земства и города не въ состояніи были бы отчислять средства, достаточныя для широкой и успѣшной постановки дѣла призрѣнія, развитіе котораго и до сихъ поръ шло медленно въ значительной степени именно вслѣдствіе недостатка средствъ.

Проектъ не обратился въ законъ и даже не сдѣлался предметомъ обсужденія въ Государственномъ Совѣтѣ. Такимъ образомъ реформа законодательства объ общественномъ призрѣніи осталась незавершенною, и потребность въ этой реформѣ, быть можетъ еще многіе годы, не получитъ надлежащаго удовлетворенія. А между тѣмъ указанная потребность достаточно выяснена. Въ частности она особенно опредѣленно выступаетъ въ отношеніи къ общественному призрѣнію у крестьянъ.

Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ принято было рѣшеніе приступить къ пересмотру законодательства о крестьянахъ, повсемѣстно образованы были особыя „губернскія совѣщанія". Эти совѣщанія призваны были высказать свои соображенія и заключенія по всѣмъ существеннымъ вопросамъ крестьянскаго законодательства. Въ программу вопросовъ, предложенную министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, внесено было и нѣсколько вопросовъ объ общественномъ призрѣніи у крестьянъ. Какъ видно изъ редакціи этихъ вопросовъ, постановкою ихъ имѣлось въ виду выяснить существенныя стороны названной отрасли и получить отъ представителей мѣстной администраціи свѣдѣнія, во-первыхъ, о томъ, въ какомъ положеніи находится въ настоящее время общественное призрѣніе въ селеніяхъ, и, во-вторыхъ, о томъ, какія измѣненія и дополненія желательно было-бы внести въ дѣйствующія законодательныя постановленія по этому предмету. Изложенныя въ заключеніяхъ совѣщаній данныя и соображенія [1] позволяютъ съ достаточною опредѣлительностью установить, въ чемъ состоитъ дѣйствующій порядокъ призрѣнія у крестьянъ и

[1] Сводъ заключеній губернскихъ совѣщаній по вопросамъ, относящимся къ пересмотру законодательства о крестьянахъ. Изданіе Земскаго Отдѣла Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Спб. 1897. 3 тома.

въ чемъ заключаются наиболѣе слабыя стороны существующихъ законодательныхъ постановленій по этому предмету.

Постановленія эти заключаются главнымъ образомъ въ нѣсколькихъ статьяхъ (ст. 580—584) устава объ общественномъ призрѣніи (изд. 1893 г.), объединеннымъ заголовкомъ: „О мірскомъ призрѣніи въ селеніяхъ вообще". Въ силу этихъ статей, „престарѣлые, дряхлые и увѣчные члены сельскихъ обществъ, не могущіе трудомъ пріобрѣтать пропитанія, содержатся родственниками"; тѣ изъ нихъ, у которыхъ нѣтъ родственниковъ или же у которыхъ и сами родственники бѣдны, призрѣваются на счетъ крестьянскихъ обществъ". При этомъ призрѣніе такихъ лицъ, а равно круглыхъ сиротъ, „составляетъ обязательную повинность крестьянскихъ обществъ". Въ дополненіе къ этимъ постановленіямъ, вошедшимъ въ уст. общ. призр. изъ общаго положенія о крестьянахъ (ст. 179, п 6), можно указать въ этомъ послѣднемъ еще нѣкоторыя статьи, имѣющія отношеніе къ дѣлу общественнаго призрѣнія. Въ перечнѣ предметовъ вѣдѣнія сельскаго схода ст. 51 общаго положенія указываетъ—„совѣщанія и ходатайства... о призрѣніи" (п. 8), а также „назначеніе... всякаго рода вспомоществованій (п. 16); по ст. 78, вѣдѣнію волостного схода подлежатъ „мѣры общественнаго призрѣнія" (п. 3). Кромѣ того изъ общихъ указаній закона относительно мірскихъ повинностей слѣдуетъ имѣть въ виду указаніе на то, что мірскія повинности (а слѣдовательно и общественное призрѣніе), смотря по свойству ихъ и усмотрѣнію общества, могутъ быть отправляемы или посредствомъ денежныхъ сборовъ, или натурою (ст. 180) съ другой стороны, „мірскія повинности отправляются тѣмъ волостнымъ или сельскимъ обществомъ, къ нуждамъ котораго принадлежитъ предметъ повинности" (ст. 181). Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть о постановленіи, въ силу котораго „за пользованіе въ больницахъ неимущихъ больныхъ, принадлежащихъ къ... сельскимъ обществамъ, взыскивается плата съ означенныхъ... обществъ, вѣдѣнію коихъ принадлежатъ призрѣваемые" (ст. 200 уст. общ. призр.).

Таковы тѣ законодательныя нормы, которыми должно регулироваться общественное призрѣніе у крестьянъ и которыя слѣдуетъ имѣть въ виду для уясненія значенія

отвѣтовъ, сообщенныхъ губернскими совѣщаніями на предложенные имъ вопросы. Первый изъ нихъ былъ формулированъ слѣдующимъ образомъ; „Какъ выполняются сельскими обществами лежащія на нихъ обязанности общественнаго призрѣнія и какъ распредѣляются онѣ между сельскими и волостными обществами? Бываютъ ли случаи перенесенія обязанности призрѣнія на всю волость по отношенію къ членамъ сельскихъ обществъ? Не существуетъ ли опредѣленной организаціи (сельской и волостной) въ отношеніи сиротъ, больныхъ, дряхлыхъ и неимущихъ членовъ, и если существуетъ, то въ чемъ она выражается?"

Въ отвѣтахъ на эти вопросы большинство совѣщаній удостовѣряютъ, что обязанности общественнаго призрѣнія крестьянскими обществами не выполняются или выполняются совершенно неудовлетворительно. Нѣкоторые отвѣты, не ограничиваясь этимъ утвержденіемъ, указываютъ и на причины отмѣченнаго явленія. Послѣднія усматриваются отчасти въ неопредѣленности и неполнотѣ закона, отчасти въ бѣдности, необезпеченности большинства населенія.

По словамъ виленскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, „призрѣніе въ отношеніи сиротъ, больныхъ, дряхлыхъ и неимущихъ членовъ не получило опредѣленной организаціи ни сельской, ни волостной за отсутствіемъ правилъ, точно опредѣляющихъ обязанности призрѣнія у крестьянъ". По замѣчанію воронежскаго губернскаго совѣщанія, „дѣло призрѣнія не организовано какъ бы слѣдовало, и не всегда соблюдается п. 6 ст. 179 общ. пол., потому что нѣтъ закона, карающаго за неисполненіе этого правила". „Отсутствіе регламентаціи закономъ и инструкціями общественнаго призрѣнія немало способствовало неудовлетворительному положенію этого дѣла" (заключеніе екатеринославскаго совѣщанія). „Хотя законъ, — говоритъ подольское губернское совѣщаніе,—относитъ къ предметамъ вѣдѣнія крестьянскихъ обществъ и волостей призрѣніе бѣдныхъ и убогихъ, но исполненіе этой обязанности ничѣмъ не обезпечено".

Съ другой стороны, изъ разныхъ мѣстъ идутъ указанія на общую бѣдность населенія, какъ на главную причину неудовлетворительной постановки дѣла призрѣнія у кре-

стьянъ. Вологодское совѣщаніе указываетъ на „общую необезпеченность крестьянскаго населенія“. Казанское совѣщаніе говоритъ: „Такая постановка дѣла призрѣнія, по объясненію земскихъ начальниковъ, зависитъ отъ общей бѣдности населенія... Только одинъ земскій начальникъ отсутствіе какихъ-либо опредѣленныхъ мѣръ со стороны крестьянства въ дѣлѣ призрѣнія объясняетъ въ значительной степени неясностью и неопредѣленностью существующихъ въ этомъ отношеніи требованій закона (ст. 179 общ. пол.)“. По заключенію самарскаго совѣщанія, главнымъ препятствіемъ къ удовлетворительной постановкѣ призрѣнія въ селеніяхъ является „крайняя недостаточность матеріальныхъ средствъ значительнаго большинства сельскихъ обществъ. Съ трудомъ собираютъ теперь деньги на уплату податей, на расходы по содержанію церквей и школъ, волостнаго и сельскаго управленія, ремонтъ общественныхъ зданій и проч. Отчислять что-либо на потребности общественнаго призрѣнія почти совершенно невозможно“. Въ томъ же смыслѣ высказались и многія другія совѣщанія.

Въ законѣ нѣтъ прямыхъ указаній на возможность распредѣленія обязанностей по призрѣнію между сельскими обществами и волостными обществами. Но можно было предполагать, что практика выработаетъ ту или иную форму этого распредѣленія обязанностей, что волость, располагая бо́льшими средствами, можетъ приходить на помощь менѣе состоятельнымъ сельскимъ обществамъ и что по отношенію къ членамъ этихъ послѣднихъ обязанности призрѣнія могутъ быть переносимы на всю волость. Изъ отвѣтовъ губернскихъ совѣщаній обнаруживается однако, что никакого распредѣленія обязанностей по призрѣнію между сельскими и волостными обществами не существуетъ; огромное большинство отвѣтовъ констатируетъ также, что случаевъ перенесенія обязанности призрѣнія на всю волость по отношенію къ членамъ сельскихъ обществъ не бываетъ. Лишь въ видѣ исключенія въ немногихъ мѣстностяхъ въ волостяхъ принимаются нѣкоторыя мѣры призрѣнія.

При такихъ условіяхъ совершенно естественнымъ представляется, что на упомянутый выше вопросъ—о существованіи опредѣленной организаціи призрѣнія—губернскія со-

вѣщанія дали безусловно отрицательный отвѣтъ: „общественное призрѣніе въ селахъ правильно не организовано“, „опредѣленной организаціи общественнаго призрѣнія вовсе не существуетъ“,—эти заявленія повторяются отовсюду.

Но изъ указаннаго отсутствія опредѣленной организаціи призрѣнія было бы рискованнымъ выводить заключеніе, что въ нашихъ деревняхъ бѣдняки, нуждающіеся въ помощи, остаются совершенно безъ нея. Они получаютъ поддержку въ нуждѣ, поскольку эта поддержка можетъ быть оказываема тѣмъ, кто самъ едва перебивается. И это нашли нужнымъ особенно подчеркнуть нѣкоторыя совѣщанія. Упомянувъ о томъ, что „за весьма рѣдкими исключеніями общественное призрѣніе въ сельскихъ обществахъ Самарской губерніи совсѣмъ не организовано“, мѣстное совѣщаніе прибавляетъ: „но это не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что общества совсѣмъ не призрѣваютъ своихъ сиротъ, убогихъ и престарѣлыхъ Напротивъ, быть можетъ, нигдѣ существованіе неспособныхъ къ труду членовъ общества не обезпечено въ такой мѣрѣ, какъ въ нашей крестьянской средѣ“. „До сихъ поръ,—читаемъ мы въ заключеніи саратовскаго совѣщанія, — неизвѣстенъ ни одинъ случай, когда бы дѣйствительно нуждающійся членъ общества не пользовался въ крайности участіемъ и содѣйствіемъ своего общества“.

Участіе къ бѣднымъ односельчанамъ выражается въ крестьянскихъ обществахъ разнообразными способами. Наиболѣе распространенною формою его является поочередное кормленіе по домамъ. Объ этомъ способѣ призрѣнія говорятъ почти всѣ совѣщанія: „призрѣваемый проводитъ сутки на полномъ содержаніи домохозяина, переходя ежедневно изъ хаты въ хату“ (бессарабское совѣщаніе): „лежащая на сельскихъ обществахъ обязанность общественнаго призрѣнія выполняется... кормленіемъ неспособныхъ къ труду поочередно въ каждомъ дворѣ опредѣленное приговорами сельскихъ сходовъ время“ (виленское); „призрѣваемые, по установившемуся обычаю, переходятъ изъ дома въ домъ и продовольствуются отдѣльными членами общества понедѣльно„ (витебское); въ Вятской губерніи призрѣваемыхъ „кормятъ всѣ домохозяева поочередно, поденно или понедѣльно“;

въ Казанской губерніи „чаще призрѣваемыя лица получаютъ содержаніе и пособіе натурой отъ всего общества, переходя поочереди и кормясь у всѣхъ жителей селенія“; въ Минской губерніи „первымъ правиломъ, которымъ руководствуются деревни въ подобнаго рода случаяхъ, является поочередное кормленіе нуждающихся каждымъ отдѣльнымъ домохозяиномъ, съ временнымъ принятіемъ въ домъ на жительство“; въ Смоленской губерніи призрѣніе также „выражалось въ поочередномъ кормленіи ихъ, по приговорамъ общества, съ переходомъ изъ двора во дворъ ежедневно или еженедѣльно“; тверское совѣщаніе также говоритъ о „доставленіи нуждающимся односельцами пріюта съ пропитаніемъ въ своихъ домахъ (проживъ день, два, недѣлю, призрѣваемый переходитъ изъ двора въ другой, и такъ, пока не обойдетъ все селеніе или общество)“, прибавляя—„эта форма обезпеченія наиболѣе принята“.

Однообразіе этихъ почти тожественныхъ заявленій изъ различныхъ мѣстностей служитъ лучшимъ доказательствомъ широкаго распространенія этой первичной формы общественной помощи нуждающимся—поочереднаго кормленія. Въ связи съ нею, можно отмѣтить менѣе распространенный, но упоминаемый во многихъ отвѣтахъ способъ призрѣнія, а именно—отдачу призрѣваемаго на полное содержаніе одного изъ членовъ общества либо за извѣстную плату отъ общества, либо съ освобожденіемъ призрѣвающаго отъ уплаты мірскихъ повинностей, а иногда и отъ всѣхъ натуральныхъ повинностей, а также за отводъ части мірской земли или за надѣлъ неимущихъ.

Значительное распространеніе, въ числѣ способовъ вспомоществованія бѣднымъ, имѣетъ выдача пособій хлѣбомъ изъ сельскихъ запасныхъ магазиновъ, а иногда и выдача нуждающимся денежныхъ пособій. Въ большинствѣ отвѣтовъ нѣтъ опредѣленныхъ данныхъ о размѣрѣ этихъ пособій, а изъ тѣхъ свѣдѣній, которыя приводятся объ этомъ нѣкоторыми совѣщаніями, видно, что размѣры денежныхъ пособій вообще очень незначительны. Только въ одной Астраханской губ. встрѣчаются пособія въ размѣрѣ до 5 р. въ мѣсяцъ; въ Саратовской губ. они выдаются въ размѣрѣ до 2 р. въ мѣсяцъ, въ Пензенской—$1^1/_2$ р., Калужской—до 1 р. въ мѣсяцъ,

въ Минской губ.—10 р въ годъ, въ Тамбовской—отъ 5 до 20 р. въ годъ или по 50 к. въ мѣсяцъ. Большинство совѣщаній прибавляетъ, что денежныя пособія оказываются въ рѣдкихъ случаяхъ.

Самою распространенною формою помощи бѣднымъ является простая подача милостыни. Не всѣ совѣщанія упоминаютъ о ней, но, разумѣется, не потому, что въ той или другой мѣстности не существуетъ нищенства, а потому, что оно представляется слишкомъ обычнымъ явленіемъ, наличность котораго сама собою предполагается при указаніяхъ, повторяющихся во всѣхъ сообщеніяхъ, относительно отсутствія какой-либо организаціи призрѣнія. Вотъ нѣкоторые изъ отвѣтовъ совѣщаній по этому предмету, свидѣтельствующіе о томъ, какую роль прошеніе милостыни играетъ какъ обычный способъ удовлетворенія потребностей нуждающихся. „Сирые, дряхлые и неимущіе ходятъ по дворамъ и собираютъ милостыню, при чемъ почти ни въ одномъ домѣ имъ не отказываютъ“ (архангельское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе). Упомянувъ о поочередномъ кормленіи призрѣваемыхъ, витебское совѣщаніе прибавляетъ: „большинство изъ нихъ находитъ для себя болѣе удобнымъ, если позволяютъ физическія силы, снискивать пропитаніе путемъ подаянія, т. е. нищенствовать, нежели обращаться къ обществу съ ходатайствомъ о призрѣніи“. „Относительно призрѣнія увѣчныхъ, немощныхъ и сиротъ,—читаемъ въ заключеніи вятскаго совѣщанія,—со стороны крестьянскихъ обществъ почти ничего не сдѣлано, и такія лица перебиваются лишь нищенствомъ“, „Нуждающіеся въ призрѣніи почти всегда нищенствуютъ“ (курское совѣщаніе). „Неимущіе и неспособные къ работѣ кормятся подаяніемъ“ (нижегородское совѣщаніе). „Неимущіе, неспособные къ работѣ и сироты ходятъ по-міру“ (рязанское совѣщаніе). „Неимущіе и калѣки питаются большею частію подаяніемъ“ (симбирское совѣщаніе).

Любопытно заключеніе одного изъ совѣщаній, а именно—самарскаго. Въ немъ не только констатируется тотъ фактъ, что подаяніе милостыни является самымъ распространеннымъ способомъ призрѣнія, но и указывается, чѣмъ оно обусловливается и какое значеніе оно имѣетъ въ жизни нашего крестьянскаго населенія. „Народъ,—читаемъ въ на-

званномъ заключеніи,—не считаетъ нищенство за позорное занятіе, и не дать просящему кусокъ хлѣба считается тяжкимъ грѣхомъ. Не будь этого вѣками освященнаго взгляда народа на обязательность помощи,—въ тяжелый 1891—92 г. сотни и тысячи народа умерли бы голодною смертью. Члены совѣщаній были очевидцами такихъ явленій, что въ избу большой семьи, доѣдавшей свои послѣдніе караваи испеченнаго съ мякиной и лебедой хлѣба, съ утра до ночи входили нищіе односельцы, и ни одного изъ нихъ не отпускали, не отрѣзавъ ему куска хлѣба".

Чтобы дополнить картину положенія общественнаго призрѣнія въ селеніяхъ, остается коснуться сообщеній объ особыхъ заведеніяхъ для призрѣваемыхъ, какъ, напримѣръ, богадѣльняхъ, домахъ призрѣнія, пріютахъ для дѣтей. Такихъ сообщеній немного: изъ 44-хъ совѣщаній только 12 упоминаютъ о названныхъ заведеніяхъ, число которыхъ при томъ крайне ограничено. Въ Вятской губерніи совѣщаніе насчитываетъ 17 богадѣленъ (въ каждой призрѣвается до 4-хъ, до 3-хъ чел.), въ Смоленской губ. — 9 богадѣленъ, способныхъ вмѣстить около 600 лицъ; въ другихъ же мѣстностяхъ число богадѣленъ значительно меньше: въ Костромской губ. указывается 1 богадѣльня на 8 чел., въ Нижегородской губ.—2, въ Тульской губ.—1, въ Харьковской—2. Пріютовъ для дѣтей встрѣчается еще меньше; о нихъ упоминаютъ только три совѣщанія: въ Казанской губ.—1 пріютъ на 25 дѣтей; въ Тульской—1 пріютъ для сиротъ, въ Саратовской—4 пріюта, при чемъ совѣщаніе прибавляетъ—„организація этихъ пріютовъ на практикѣ не выдерживаетъ критики".

Въ отношеніи къ заведеніямъ для призрѣваемыхъ въ заключеніяхъ многихъ совѣщаній указывается на крайнюю непопулярность такихъ учрежденій среди крестьянъ. Въ разныхъ мѣстностяхъ замѣчено, что крестьяне неохотно поступаютъ въ нихъ, и нерѣдко богадѣльни и пріюты остаются пустыми, а нуждающіеся предпочитаютъ либо жить у родственниковъ и постороннихъ, либо побираться христовымъ именемъ.

Отвѣты губернскихъ совѣщаній, констатируя отсутствіе какой-либо организаціи общественнаго призрѣнія сельскаго

населенія, единодушно признали желательность такихъ измѣненій и дополненій дѣйствующаго законодательства, которыя могли бы обезпечить удовлетворительную постановку этого дѣла. Однако возможность созданія системы сельскаго призрѣнія, при наличности настоящихъ условій, подвергается нѣкоторыми совѣщаніями сильному сомнѣнію и даже прямо отрицается. Препятствіемъ въ данномъ случаѣ являются крайне неблагопріятныя условія матеріальнаго положенія населенія, при которыхъ нѣтъ возможности изыскать потребныя для этого значительныя средства. Но и тѣ совѣщанія, которыя признали возможность упорядочить общественное призрѣніе у крестьянъ, находятъ, что заботы о немъ не могутъ быть возлагаемы на сельскія общества, а должны быть перенесены на волости или еще болѣе крупныя административныя единицы.

Высказываясь въ пользу перенесенія обязанности общественнаго призрѣнія съ сельскихъ обществъ на волости, значительное число совѣщаній говорятъ и о необходимости образовать *особые органы призрѣнія*. Такими органами, по мнѣнію большинства совѣщаній, должны быть мѣстныя или волостныя попечительства, состоящія изъ нѣсколькихъ лицъ, избираемыхъ волостнымъ сходомъ, подъ предсѣдательствомъ волостного старшины или, по мнѣнію другихъ, земскаго начальника: на эти попечительства должны быть возложены всѣ заботы по призрѣнію нуждающихся въ немъ.

Большинство совѣщаній высказались также и въ пользу необходимости обезпечить средства для постановки дѣла призрѣнія, рекомендуя для этого образованіе особыхъ „волостныхъ капиталовъ“. Многія совѣщанія (23 изъ 44-хъ) признаютъ возможнымъ установить особые обязательные денежные сборы на нужды призрѣнія, такъ сказать,—спеціальный налогъ въ пользу бѣдныхъ. Большинство не указываетъ ни характера, ни размѣровъ такихъ сборовъ, ограничиваясь лишь замѣчаніемъ, что они должны быть незначительны; по мнѣнію нѣкоторыхъ, такіе сборы могли бы выразиться во взиманіи 2% съ доходности земли, или 2 к. съ ревизской души, или 1 к. съ душевого надѣла. Кромѣ спеціальныхъ сборовъ на нужды призрѣнія совѣщанія указываютъ и на другіе источники для образованія капиталовъ.

Чаще всего въ отвѣтахъ упоминаются, въ качествѣ такихъ источниковъ, штрафы, налагаемые на крестьянъ какъ путемъ административнымъ (сельскими старостами, волостными старшинами и земскими начальниками), такъ и судебнымъ (по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ); по словамъ вятскаго совѣщанія, штрафныя суммы по губерніи достигаютъ довольно солидной цифры: такъ, въ 1894 г. онѣ составили сумму въ 23,811 р. 11 к.

Ближайшихъ указаній по вопросу о томъ, какъ слѣдуетъ поставить дѣло общественнаго призрѣнія у крестьянъ, совѣщанія не даютъ, ограничиваясь лишь самыми общими соображеніями.

Въ вопросныхъ пунктахъ, предложенныхъ на обсужденіе губернскихъ совѣщаній, особо выдѣленъ былъ вопросъ о призрѣніи отсутствующихъ членовъ общества: „Какія мѣры возможно было бы принять для облегченія лежащихъ на обществахъ обязанностей по призрѣнію (и по уплатѣ издержекъ за леченіе) отсутствующихъ членовъ общества?“

Изъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ съ полною убѣдительностью обнаруживается чрезвычайная обременительность требованія закона (ст. 200 уст. общ. призр.), въ силу котораго съ сельскихъ обществъ взыскивается плата за пользованіе въ больницахъ неимущихъ больныхъ, принадлежащихъ къ этимъ обществамъ. Эту обременительность удостовѣряютъ почти всѣ совѣщанія, а многіе изъ нихъ, не ограничиваясь общимъ указаніемъ ея, приводятъ весьма знаменательные примѣры. По словамъ бессарабскаго совѣщанія, въ практикѣ бывали случаи, когда за леченіе одного больнаго обществу приходилось платить 100—200 и болѣе рублей. Въ Витебской губерніи указанная повинность вызываетъ для нѣкоторыхъ обществъ расходъ до 1,000 руб. Въ Воронежской губерніи бывали случаи, когда больничная недоимка ложилась на каждый дворъ въ суммѣ болѣе 20 р. По словамъ курскаго совѣщанія, „одно изъ сельскихъ обществъ, очень малочисленное и бѣдное, было побуждаемо къ уплатѣ 120 р. за леченіе проститутки отъ сифилиса въ больницѣ одного изъ южныхъ городовъ только потому, что ушедшій изъ села и 20 лѣтъ невозвращавшійся въ общество крестьянинъ имѣлъ несчастіе незадолго передъ тѣмъ на ней

жениться". Въ Минской губерніи съ одного общества взыскано было болѣе 300 р. за леченіе умалишеннаго крестьянина, котораго въ волости никто не зналъ. Оренбургское совѣщаніе говоритъ о „нерѣдко совершающихся за больничные долги продажахъ имущества всего селенія". Въ Псковской губерніи съ одного общества „взыскано было до 300 р. за леченіе однообщественника, отсутствовавшаго изъ общества около 25-ти лѣтъ, а эта сумма равна почти всему годовому расходу на всѣ общественныя потребности". Саратовское совѣщаніе приводитъ „случай взысканія съ общества 3,000 руб. за леченіе одного изъ его членовъ въ лечебницѣ для душевно-больныхъ".

Изъ этихъ примѣровъ ясно видно, какъ тяжела, и притомъ повсемѣстно, возлагаемая закономъ на сельскія общества обязанность относительно медицинскаго призрѣнія отсутствующихъ членовъ общества. Вполнѣ понятнымъ представляется поэтому категорическое заявленіе совѣщаній о безусловной необходимости освободить сельскія общества отъ этой обязанности, совершенно для нихъ непосильной.

Изложенныя данныя объ общественномъ призрѣніи у крестьянъ выясняютъ многія существенныя стороны этого вопроса. Они вполнѣ убѣдительно показываютъ, что теперешнее положеніе общественнаго призрѣнія у крестьянъ совершенно неудовлетворительно и что невозможно сколько-нибудь улучшить это положеніе при наличности существующаго по этому предмету законодательства. Въ послѣднемъ необходимы рѣшительныя измѣненія, и прежде всего обязанность призрѣнія должна быть снята съ сельскихъ обществъ и перенесена на болѣе крупную единицу, которою, по мнѣнію большинства совѣщаній, можетъ явиться волость. При этомъ въ сообщаемыхъ заключеніями свѣдѣніяхъ содержится обильный матеріалъ для доказательства невозможности поставить общественное призрѣніе на узко-сословныхъ основаніяхъ. Вполнѣ выясненною слѣдуетъ далѣе признать потребность въ особыхъ органахъ призрѣнія—мѣстныхъ попечительствахъ, члены которыхъ дѣлили бы между собою заботы объ устройствѣ призрѣнія. Не менѣе настоятельною рисуется въ заключеніяхъ губернскихъ совѣщаній потребность въ обезпеченіи дѣла общественнаго призрѣнія денеж-

ными средствами.—Выраженное многими совѣщаніями убѣжденіе въ невозможности осуществить организацію призрѣнія у крестьянъ средствами самихъ крестьянскихъ обществъ служитъ лишнимъ доказательствомъ предпочтительности построить эту организацію на началахъ всесословности. Въ пользу этого особенно сильно говорятъ указанія на желательность возложить заботы по леченію отсутствующихъ членовъ обществъ на всесословное учрежденіе—на земство.

Неудача изложенной попытки общаго пересмотра дѣйствующаго законодательства объ общественномъ призрѣніи побуждаетъ съ особымъ вниманіемъ отнестись къ отдѣльнымъ опытамъ обезпечить раціональную организацію помощи нуждающимся, такъ какъ они, при широкомъ развитіи, могутъ намѣтить пути къ общей реформѣ. Наиболѣе значительнымъ изъ такихъ опытовъ является новая организація призрѣнія бѣдныхъ въ Москвѣ, дѣйствующая съ конца 1894 года.

Въ Москвѣ давно уже сознавалась потребность въ созданіи такой системы мѣръ призрѣнія бѣдныхъ, которая давала бы лучшія средства, съ одной стороны, въ оказаніи помощи нуждающимся, съ другой, въ борьбѣ съ профессіональнымъ уличнымъ нищенствомъ, получившимъ очень широкое развитіе. Во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ вопросъ объ организаціи призрѣнія въ столицахъ былъ выдвинутъ на ближайшую очередь. Поводомъ къ этому послужило предложеніе правительства о передачѣ въ вѣдѣніе городского общественнаго управленія обѣихъ столицъ дѣла призрѣнія, находившагося въ рукахъ особыхъ комитетовъ. Эти „Комитеты для разбора и призрѣнія нищихъ“ учреждены были временно, въ видѣ опыта: Петербургскій — въ 1837 г., Московскій — въ 1838 году, при чемъ имъ были даны для руководства временныя же положенія и правила. Эти „временныя“ учрежденія прожили гораздо дольше, чѣмъ многія постоянныя учрежденія, но результаты ихъ дѣятельности оказались весьма ничтожными. Причинъ этого много; лица, изучавшія развитіе общественнаго призрѣнія у насъ, важнѣйшія изъ нихъ видятъ въ слѣдующемъ. Комитеты были слишкомъ бюрократически организо-

ваны, чтобы имѣть въ себѣ духъ живой иниціативы, горячей преданности дѣлу и примѣненія помощи къ лицамъ и обстоятельствамъ, безъ чего немыслимы открытое призрѣніе и предотвращеніе нищенства. Комитеты были снабжены очень незначительными денежными средствами Они были поставлены внѣ всякой связи съ городскимъ управленіемъ. Послѣдовавшія въ царствованіе Александра II реформы, внесшія глубокія измѣненія въ нашъ общественный и административный строй, ни въ чемъ не коснулись старой организаціи Комитетовъ, которые являлись какъ общественный анахронизмъ. Однако, лишь въ 1885 году обращено было вниманіе на ненормальное положеніе этихъ учрежденій. Въ этомъ году Комитетъ Министровъ, при разсмотрѣніи отчетовъ объ ихъ дѣйствіяхъ, нашелъ необходимымъ поднять вопросъ о передачѣ дѣла призрѣнія нищихъ въ Петербургѣ и Москвѣ въ подлежащія городскія управленія. Вотъ это-то положеніе Комитета Министровъ и послужило толчкомъ къ движенію вопроса, завершившемуся въ Москвѣ созданіемъ новой организаціи призрѣнія бѣдныхъ.

Означенное положеніе Комитета Министровъ, удостоившееся 27-го декабря 1885 года Высочайшаго утвержденія, было сообщено для исполненія министру внутреннихъ дѣлъ, по распоряженію котораго было образовано для разработки вопроса особое совѣщаніе изъ представителей какъ Комитетовъ о нищихъ, такъ и столичныхъ городскихъ управленій. Въ концѣ 1886 года это совѣщаніе признало, что никакихъ препятствій къ передачѣ дѣла призрѣнія нищихъ въ вѣдѣніе городскихъ управленій не имѣется; но участвовавшіе въ совѣщаніи представители Комитетовъ заявили, что „Комитеты желали бы предпочтительно продолжать свою дѣятельность, признавая ее возможною, если столичныя общественныя управленія окажутъ Комитетамъ матеріальное пособіе въ соотвѣтствующемъ современнымъ потребностямъ размѣрѣ“. Въ виду такого заявленія министръ внутреннихъ дѣлъ нашелъ необходимымъ предложить столичнымъ думамъ вопросъ о томъ, „что именно признается ими предпочтительнѣе для себя: отпускъ ли указанныхъ Комитетами пособій съ оставленіемъ ихъ существующей дѣятельности или же принятіе въ свое вѣдѣніе всего дѣла призрѣнія

нищихъ?“ Петербургская дума предпочла выдавать Комитету пособіе въ усиленномъ размѣрѣ, отказавшись отъ принятія дѣла призрѣнія въ свое вѣдѣніе [1]. Въ Москвѣ же вопросъ получилъ иное рѣшеніе: дума нашла болѣе удобнымъ взять въ свои руки вѣдѣніе дѣла призрѣнія въ столицѣ.

Поставленный правительствомъ вопросъ Московская дума въ іюнѣ 1887 года передала на разсмотрѣніе комиссіи о пользахъ и нуждахъ общественныхъ, поручивъ ей изготовить по этому предмету особый докладъ. Вопросъ этотъ былъ подвергнутъ тщательному обсужденію въ означенной комиссіи (сначала подъ предсѣдательствомъ И. Н. Мамонтова, а съ начала 1890 года—проф. В. И. Герье), которою и былъ разработанъ проектъ новой организаціи призрѣнія въ Москвѣ. Въ концѣ 1891 года Московская дума постановила выразить согласіе на принятіе въ свое вѣдѣніе дѣла призрѣнія, при чемъ думою были установлены и тѣ основныя условія, на которыхъ предположено создать систему мѣръ съ цѣлью раціональной организаціи помощи бѣднымъ и болѣе дѣятельной борьбы съ нищенствомъ въ столицѣ.

Въ 1893 году былъ упраздненъ Комитетъ по разбору и призрѣнію нищихъ въ Москвѣ и его обязанности возложены на учрежденное при городскомъ управленіи „Городское присутствіе по разбору и призрѣнію нищихъ“, состоящее изъ нѣсколькихъ представителей отъ города и губернскаго земства и одного отъ мѣстной столичной полиціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ отвѣтъ на ходатайство думы положеніемъ Комитета Министровъ, въ томъ же 1893 году, городу предоставлялось право учредить въ Москвѣ участковыя попечительства о бѣдныхъ „для сбора пожертвованій, раздачи пособій и постояннаго наблюденія надъ призрѣваемыми“.

Въ мартѣ 1894 года думою былъ одобренъ планъ организаціи и дѣйствій городскихъ участковыхъ попечительствъ. Въ виду важнаго значенія этого акта въ исторіи развитія

[1] Только въ 1907 году С.-Петербургская Городская Дума, въ вѣдѣніе которой въ 1904 г. были переданы учрежденія Комитета и его функціи, постановила организовать въ С.-Петербургѣ городскія попечительства о бѣдныхъ по образцу московскихъ попечительствъ, о которыхъ говорится въ дальнѣйшемъ изложеніи.

общественнаго призрѣнія у насъ, подробности новой организаціи заслуживаютъ полнаго вниманія.

Городское управленіе учреждаетъ по мѣрѣ возможности и средствъ городскія участковыя попечительства о бѣдныхъ изъ лицъ обоего пола, принявшихъ на себя обязанность опредѣленными ими самими ежегодными денежными взносами или личнымъ трудомъ содѣйствовать дѣлу призрѣнія бѣдныхъ.

Во главѣ каждаго попечительства стоитъ участковый попечитель, избираемый на 4 года городскою думою, по предложенію городского головы; онъ имѣетъ товарища, избираемаго тѣмъ же порядкомъ. Всѣ дѣла попечительства разсматриваются и разрѣшаются совѣтомъ, предсѣдателемъ котораго состоитъ участковый попечитель; члены совѣта, въ числѣ отъ 5 до 10, утверждаются въ своемъ званіи городскою думою по предложенію предсѣдателя попечительства.

Члены попечительства дѣлятся: а) на членовъ, дѣлающихъ ежегодно въ пользу попечительства извѣстное, ими самими опредѣленное, пожертвованіе; б) на сотрудниковъ, которые, кромѣ этого пожертвованія или помимо его, выразили желаніе служить попечительству личнымъ трудомъ въ видѣ сбора пожертвованій, или посѣщенія бѣдныхъ, или ухода за больными, или леченія ихъ (врачи, фельдшерицы и т. п.) и в) почетныхъ членовъ, избираемыхъ попечительствомъ за особо важныя услуги, оказанныя дѣлу благотворительности.

Всѣ члены попечительства періодически созываются попечителемъ въ общія собранія для выслушанія и обсужденія отчета о дѣятельности попечительства, а также для избранія почетныхъ членовъ. Кромѣ того, члены-сотрудники могутъ быть приглашаемы попечителемъ въ текущія засѣданія совѣта съ правомъ голоса по тѣмъ дѣламъ, въ которыхъ проявилось ихъ личное участіе.

Обязанности попечительства состоятъ: а) въ сборѣ членскихъ взносовъ и добровольныхъ пожертвованій на дѣло призрѣнія; б) въ исполненіи порученій городского присутствія по разбору и призрѣнію нищихъ въ дѣлѣ наведенія справокъ о препровождаемыхъ въ присутствіе нищихъ и оказанія имъ помощи; в) въ исполненіи порученій

городской управы по дѣламъ благотворительности и въ завѣдываніи благотворительными учрежденіями, находящимися въ участкѣ попечительства; г) въ оказаніи помощи бѣднымъ какъ непосредственно обратившимся въ попечительство, такъ и направленнымъ къ нему городскою управою, городскимъ присутствіемъ по разбору нищихъ или частными лицами, какъ членами попечительства, такъ и посторонними лицами.

Попечительство оказываетъ помощь временную или постоянную. Временная помощь заключается въ помѣщеніи нуждающагося въ больницу съ платою за него, или въ леченіи его на дому, въ обезпеченіи его квартирою, топливомъ, одеждою и т. под. Постоянная помощь заключается въ заботахъ о малолѣтнихъ, о дряхлыхъ старикахъ и лицахъ, къ работѣ неспособныхъ; имъ могутъ быть назначаемы денежныя пособія или они могутъ быть помѣщаемы въ благотворительныя заведенія.

Каждое лицо, получающее пособіе, находится подъ наблюденіемъ члена совѣта или сотрудника. Во избѣжаніе наплыва неимущихъ въ Москву въ расчетѣ на помощь со стороны попечительствъ, — послѣднимъ, по распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ, предоставлено право выдавать пособія лишь московскимъ уроженцамъ и лицамъ, прожившимъ въ Москвѣ не менѣе двухъ лѣтъ.

При попечительствѣ имѣется канцелярія для пріема прошеній и личныхъ заявленій, для производства различныхъ справокъ и т. п. Заявленія о пособіи заносятся на особые опросные листы, съ обозначеніемъ адреса нуждающагося лица. Сотрудникъ отправляется по указанному адресу, заполняетъ со словъ просителя опросный листъ и лично удостовѣряется въ степени нужды и опредѣляетъ видъ необходимаго пособія. По разсмотрѣніи опроснаго листа совѣтомъ попечительства, на листѣ отмѣчается состоявшееся по нему постановленіе. Въ не терпящихъ отлагательства случаяхъ попечитель имѣетъ право немедленно оказать помощь, не ожидая постановленія совѣта.

Всѣмъ, получающимъ пособіе въ той или другой формѣ, ведется списокъ, который сообщается управѣ и попечительствамъ. Изъ получаемыхъ списковъ городская управа со-

ставляетъ общій сводъ, разсылаемый по всѣмъ попечительствамъ, городскимъ и приходскимъ, и различнымъ благотворительнымъ учрежденіямъ.

Общее завѣдываніе дѣлами всѣхъ участковыхъ попечительствъ о бѣдныхъ сосредоточено въ собраніи попечителей, подъ предсѣдательствомъ городского головы. Засѣданія этого собранія попечителей созываются ежемѣсячно и экстренно, по мѣрѣ надобности.

Средства городскихъ попечительствъ составляются изъ 40,000 руб., ежегодно ассигнуемыхъ городскою думою (по одной тысячѣ рублей на каждое изъ предположенныхъ къ открытію 40 попечительствъ), изъ членскихъ взносовъ и сборовъ, доходовъ съ благотворительныхъ концертовъ и пр.

Изложенная организація была приведена въ дѣйствіе въ концѣ 1894 года, при чемъ территорія Москвы была раздѣлена въ отношеніи къ призрѣнію бѣдныхъ между 24 участковыми попечительствами (въ 1897 году было уже 27 попечительствъ).

Съ начала 1897 года новая организація призрѣнія въ Москвѣ была дополнена созданіемъ двухъ учрежденій—„Городского Благотворительнаго Совѣта“ и „Городского Справочнаго Отдѣленія по дѣламъ благотворительности“. Эти учрежденія служатъ какъ бы естественнымъ продолженіемъ дѣла упорядоченія общественнаго призрѣнія, начало которому положено созданіемъ городскихъ попечительствъ. Оба названныя учрежденія имѣютъ цѣлью привести въ систему и объединить дѣятельность многочисленныхъ благотворительныхъ учрежденій и обществъ въ Москвѣ.

Городской благотворительный совѣтъ учрежденъ при Московскомъ городскомъ управленіи „для объединенія дѣятельности всѣхъ благотворительныхъ учрежденій столицы—сословныхъ, общественныхъ и частныхъ, и для установленія правильнаго и постояннаго взаимодѣйствія между ними и городскимъ управленіемъ, но безъ нарушенія въ чемъ-либо самостоятельности этихъ учрежденій„. Въ составъ совѣта, подъ предсѣдательствомъ городского головы, входятъ представители городского управленія, три городскихъ участковыхъ попечителя, нѣсколько представителей отъ отдѣльныхъ сословій и пяти крупнѣйшихъ благотворительныхъ

обществъ въ Москвѣ, при чемъ и всѣ другія благотворительныя общества, по приглашенію предсѣдателя совѣта, могутъ присылать своихъ представителей для участія въ засѣданіяхъ, касающихся ихъ учрежденій. Важнѣйшія обязанности совѣта составляютъ: разработка и опредѣленіе необходимыхъ мѣръ къ согласованію и объединенію дѣятельности городскихъ попечительствъ съ дѣятельностью всѣхъ благотворительныхъ учрежденій столицы; разработка общихъ вопросовъ, касающихся постановки дѣла благотворенія въ Москвѣ; выясненіе положенія дѣла благотворенія въ Москвѣ, какъ въ отношеніи къ средствамъ для удовлетворенія отдѣльныхъ видовъ помощи, такъ и въ отношеніи къ свойствамъ и характеру потребностей нуждающихся въ помощи; разсмотрѣніе вопросовъ и проектовъ по дѣламъ благотворенія, вносимыхъ въ совѣтъ городскимъ управленіемъ, благотворительными обществами, учрежденіями и частными благотворителями; сношеніе со всѣми вѣдомствами, обществами и учрежденіями по предмету совмѣстныхъ дѣйствій для вспомоществованія нуждающимся и для борьбы съ нищенствомъ; установленіе программы для составленія общаго ежегоднаго отчета по благотворительности въ Москвѣ; составленіе проектовъ инструкцій для городского справочного отдѣленія, разсмотрѣніе его трудовъ и наблюденіе за разработкой собираемаго имъ матеріала, представленіе городскому управленію и другимъ учрежденіямъ и вѣдомствамъ ходатайствъ по дѣламъ, касающимся организаціи и развитія благотворенія въ Москвѣ.

Въ связи съ этимъ, при Московской городской управѣ учреждено особое „Справочное отдѣленіе по дѣламъ благотворительности“. Задача его выражена слѣдующимъ образомъ въ § III положенія: „Въ Справочномъ отдѣленіи сосредоточиваются свѣдѣнія о всѣхъ лицахъ, какъ пользующихся общественнымъ призрѣніемъ, такъ и нуждающихся въ общественномъ призрѣніи, но по какимъ либо обстоятельствамъ имъ не пользующихся, а равно свѣдѣнія о всѣхъ вѣдомствахъ, обществахъ, учрежденіяхъ и заведеніяхъ, оказывающихъ помощь нуждающимся въ какихъ бы то ни было формахъ, видахъ и размѣрахъ“. Въ этихъ цѣляхъ всѣ благотворительныя вѣдомства и учрежденія сообщаютъ Справоч-

ному отдѣленію свои уставы, положенія, правила, инструкціи и отчеты. Отдѣленіе обязано выдавать по имѣющимся въ его распоряженіи свѣдѣніямъ всякія справки всѣмъ благотворительнымъ обществамъ, а съ разрѣшенія городского головы оно можетъ выдавать ихъ и частнымъ лицамъ.

Въ организаціи московскихъ участковыхъ попечительствъ о бѣдныхъ много общихъ чертъ съ эльберфельдской системой, которая служила образцомъ при выработкѣ московской организаціи. Въ основу этой послѣдней также положенъ принципъ индивидуализаціи дѣла общественнаго призрѣнія, вызывающій необходимость тщательнаго обслѣдованія каждаго просителя и затѣмъ дальнѣйшаго наблюденія за лицами, получающими призрѣніе. Опытъ эльберфельдской системы далъ, какъ указано выше, очень хорошіе результаты. Есть основаніе ожидать успѣшнаго развитія и московскихъ попечительствъ. Въ теченіе немногихъ лѣтъ со времени ихъ возникновенія дѣло оказанія помощи бѣднымъ въ Москвѣ значительно упорядочилось и сдѣлалось въ большой степени общественнымъ дѣломъ, привлекающимъ къ себѣ многихъ членовъ мѣстной интеллигенціи (въ качествѣ членовъ попечительствъ и сотрудниковъ въ немъ принимаютъ живое участіе до 2.000 лицъ).

Для характеристики общаго значенія опыта московскихъ городскихъ попечительствъ интересными представляются слѣдующія замѣчанія проф. В. И. Герье, высказанныя имъ въ брошюрѣ о попечительствахъ, изданной по поводу всемірной выставки 1900 г. въ Парижѣ [1]:

Московскія попечительства „являются очень знаменательнымъ соціальнымъ симптомомъ и, въ то же время, первымъ шагомъ на новомъ пути общественнаго призрѣнія. Чрезъ ихъ посредство выражается проявившаяся въ русскомъ обществѣ новая потребность серьезнаго и осмысленнаго отношенія къ новой проблемѣ нужды и способовъ борьбы съ нею. Прошло время, когда можно было въ этомъ отношеніи довольствоваться примитивною формою подачи милостыни. Безразборчивая милостыня въ большинствѣ

[1] Guerrier. Les bureaux de l'assistance communale de la ville de Moscou, M. 1900.

случаевъ порождаетъ лишь зло, не обезпечивая пособіями наиболѣе нуждающихся и развивая профессіональное нищенство. Но въ настоящее время нельзя довольствоваться милостынею не только въ виду формальной неудовлетворительности этого способа помощи: для этого существуетъ мотивъ еще болѣе серьезный, а именно, что на помощь бѣднымъ въ наши дни нельзя уже смотрѣть лишь какъ на индивидуальное дѣло. Развитое культурное общество не можетъ не признавать своей обязанности приходить на помощь нуждающимся собратьямъ, основывающейся на принципѣ общественной солидарности, помимо интересовъ городского благоустройства и соображеній нравственныхъ и гуманитарныхъ. Московскія городскія попечительства являются органами, понимаемымы именно въ такомъ широкомъ значеніи, покоящимися на принципѣ коммунальнаго призрѣнія. Вмѣстѣ съ тѣмъ они становятся органомъ, наиболѣе подходящимъ для этой цѣли по своему составу и способамъ дѣятельности.

„Уже давно, въ виду недостаточности случайной милостыни, стали устраивать обширныя учрежденія для призрѣнія бѣдныхъ, всякаго рода пріюты и богадѣльни. Учрежденія эти управляются бюрократически, что представляетъ большія неудобства въ живомъ дѣлѣ благотворенія и борьбы съ нуждою. Благотворитель не долженъ быть невидимъ для нуждающихся, но долженъ быть среди нихъ и знать ихъ лично. Онъ долженъ оказывать помощь тамъ, гдѣ она нужна, и не дожидаться, пока проситель обратится въ его канцелярію, съ прошеніемъ въ рукѣ. Онъ долженъ оказывать помощь не путемъ писанія резолюцій на кучкѣ прошеній, которыя представитъ ему секретарь, а принимать во вниманіе дѣйствительную нужду и степень ея, руководствоваться мотивами, почерпнутыми изъ самой жизни.

„Попечительства представляютъ въ этомъ отношеніи два очень важныя преимущества. Находясь ближе къ жизни, они не ставятъ бюрократической процедуры выше жизни, и они привлекаютъ къ дѣлу призрѣнія людей, для которыхъ благотворительность не есть служба или карьера, а личное и спеціальное призваніе.

„Московскія городскія попечительства являются пер-

вымъ въ Россіи опытомъ организованной добровольной общественной дѣятельности въ области благотворительности и борьбы съ нуждою,—и опытомъ удавшимся. Вотъ въ чемъ состоитъ ихъ соціальное значеніе. Они показываютъ, до какой степени благотворно и существенно, чтобы общественныя силы принимали въ этой сферѣ непосредственное и дѣятельное участіе. Было время, хотя едва можно повѣрить этому, когда находили возможнымъ лечить людей по теоріи, не изучивъ ихъ болѣзней. Лишь начиная съ XVIII ст. врачи оставили Гиппократа и Галена и принялись изучать свою науку въ операціонныхъ залахъ и въ клиникѣ, у постели больного. Подобная эволюція, только въ болѣе широкихъ размѣрахъ, совершается въ нашъ вѣкъ въ сферѣ соціальной. Врачевать недуги общества, удовлетворять его потребности, вести его впредь по пути благополучія и прогресса — все это сдѣлается возможнымъ только тогда, когда его ближе узнаютъ, а этой цѣли можно достигнуть лишь путемъ постояннаго общенія съ самимъ обществомъ и при условіи, чтобы оно само принимало участіе въ этой великой работѣ".

Подъ вліяніемъ и по примѣру московской организаціи созданы попечительства о бѣдныхъ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ: Харьковѣ, Саратовѣ, Пензѣ, Тулѣ, Ставрополѣ и др. Въ С.-Петербургской городской думѣ также былъ разработанъ вопросъ объ учрежденіи городскихъ попечительствъ о бѣдныхъ, и въ 1898 году изготовленъ былъ проектъ устройства ихъ, но окончательное обсужденіе его затормозилось, и только въ 1907 году Дума постановила создать въ Петербургѣ систему участковыхъ попечительствъ о бѣдныхъ.

Предшествующее изложеніе касается главнымъ образомъ *общественнаго призрѣнія*, какъ проявленія заботъ о неимущихъ со стороны государства и организованныхъ союзовъ общественнаго управленія. Это изложеніе необходимо дополнить данными о *частной благотворительности* въ Россіи.

Частная благотворительность долгое время продолжала сохранять свой первоначальный характеръ, выражаясь въ

формѣ милостыни въ различныхъ ея видахъ. Съ начала XIX ст. впервые проявляется стремленіе объединить разрозненныя усилія отдѣльныхъ благотворителей путемъ образованія союзовъ такихъ лицъ—благотворительныхъ обществъ. Особенное значеніе въ средѣ ихъ получило образованное въ 1802 г. нѣсколькими частными лицами „Филантропическое общество", которое въ 1816 г. получило законченную организацію подъ названіемъ „Императорское Человѣколюбивое общество". Цѣлью его было доставленіе бѣднымъ людямъ пособій всякаго рода какъ въ столицахъ, такъ и въ другихъ мѣстностяхъ. Для этого оно озабочивалось устройствомъ заведеній: „1) для призрѣнія дряхлыхъ, увѣчныхъ, неизлечимыхъ и вообще къ работамъ неспособныхъ; 2) для доставленія неимущимъ, кои въ состояніи работать, приличныхъ упражненій, снабжая ихъ матеріалами, собирая обработанныя ими издѣлія и сбывая оныя въ ихъ пользу, и 3) для воспитанія сиротъ и дѣтей бѣдныхъ родителей". Къ царствованію Александра I относится образованіе еще нѣсколькихъ благотворительныхъ обществъ и отдѣльныхъ учрежденій какъ въ столицахъ, такъ и въ провинціи (въ 1803 г. въ Москвѣ графъ Шереметевъ устроилъ обширный Странноприемный домъ на 100 чел. и при немъ больницу на 50 чел.; въ 1807 г. основано было Виленское человѣколюбивое общество, въ 1812 г.—Харьковское общество благотворенія, въ 1822 г.—Дерптское общество помощи и друг.).

Развитіе частной благотворительности шло однако медленно, будучи обставлено весьма затруднительными условіями. Характерною во многихъ отношеніяхъ представляется судьба „Общества посѣщенія бѣдныхъ въ С.-Петербургѣ". Это общество возникло въ 1846 году, по иниціативѣ графа В. А. Соллогуба и князя В. Ѳ. Одоевскаго, которые руководились стремленіемъ упорядочить благотворительную помощь и по возможности парализовать безразборчивую подачу милостыни. Въ основу дѣятельности общества положено было сознаніе необходимости разслѣдованія нуждающихся для установленія степени и характера нужды, при посредствѣ личнаго посѣщенія бѣдныхъ членами Общества. Успѣхъ Общества далеко превысилъ скромныя ожиданія его иниціаторовъ, которые на первыхъ порахъ задавались лишь

цѣлью сдѣлать общество посредникомъ между благотворителями и нуждающимися. „Общество посѣщенія бѣдныхъ“ очень скоро завоевало себѣ симпатію, выразившуюся въ притокѣ значительныхъ пожертвованій и вступленій въ Общество многихъ дѣятелей изъ разныхъ слоевъ населенія. Расширивъ первоначальныя задачи свои, общество организовало рядъ благотворительныхъ учрежденій, въ томъ числѣ существующую до настоящаго времени „Максимиліановскую лечебницу“ (названную такъ по имени Герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго, принявшаго званіе попечителя Общества). Вскорѣ однако благопріятныя условія смѣнились тягостными затрудненіями, которыя привели къ закрытію Общества. Затрудненія эти явились на почвѣ той реакціи, которую вызвали революціонныя броженія въ западной Европѣ. По словамъ одного изъ дѣятелей Общества, „начались разговоры о томъ, что подъ покровомъ благотворительности во многихъ обществахъ прежде таились политическіе замыслы и заговоры; что трудно повѣрить, чтобы столько людей, большею частью занятыхъ службою или имѣющихъ иныя обязанности, употребляли свое свободное время на отысканіе и посѣщеніе бѣдныхъ по разнымъ трущобамъ, въ отдаленныхъ кварталахъ столицы, или просиживали до глубокой ночи въ душной конторѣ, для распредѣленія и раздачи имъ чужихъ денегъ и пріисканія къ тому средствъ, единственно изъ какой-то человѣколюбивой цѣли, безъ всякой задней мысли: что значительныя средства, коими располагаетъ общество, не имѣя никакихъ основныхъ капиталовъ, представляютъ также что-то загадочное... Многіе видѣли даже что-то угрожающее въ томъ, что Общество имѣло у себя болѣе восьми тысячъ адресовъ бѣдныхъ“ [1]. Общество было заподозрѣно, и уже въ мартѣ 1848 года парализовано было самостоятельное его существованіе, и оно было присоединено къ Императорскому Человѣколюбивому Обществу. Характерные для послѣдняго бюрократизмъ и формальное отношеніе къ дѣлу создали для Общества многочисленныя затрудненія, приведшія мало по малу къ выходу изъ состава его многихъ дѣятелей и къ окончательной ликвидаціи его въ 1855 г.

[1] В. Боцяновскій. Князь В. Ѳ. Одоевскій и Общество посѣщенія бѣдныхъ въ С.-Петербургѣ. „Трудовая Помощь“, Апрѣль—Май 1899 года.

Болѣе успѣшное развитіе частная благотворительность получила съ 60-хъ годовъ Этому въ значительной мѣрѣ содѣйствовало измѣненіе порядка образованія благотворительныхъ обществъ. До 1862 г. для утвержденія ихъ требовалось Высочайшее соизволеніе, что въ сильной степени осложняло порядокъ образованія ихъ. По сознанію самой администраціи, испрошеніе Высочайшаго разрѣшенія черезъ Комитетъ Министровъ, „съ одной стороны, обременяло правительство разсмотрѣніемъ дѣлъ излишнихъ, а съ другой—замедляло открытіе такихъ учрежденій, которыя должны быть всемѣрно поощряемы правительствомъ, такъ какъ цѣль ихъ самая благодѣтельная“. Въ результатѣ этого развитіе частной благотворительности шло медленно, такъ что до 1862 г. въ Россіи существовало и болѣе или менѣе правильно функціонировало только 6 благотворительныхъ обществъ. Въ 1862 г., въ измѣненіе указаннаго порядка, учрежденіе обществъ для взаимнаго вспомоществованія или съ другою благотворительною цѣлью предоставлено министерству внутреннихъ дѣлъ. При этомъ болѣе упрощенномъ порядкѣ частная благотворительность стала развиваться быстрѣе. Это было однимъ изъ многихъ выраженій того оживленія, которое наступило въ нашей общественной жизни въ эпоху Александра II. Въ 1897 г. созданы еще большія удобства для открытія благотворительныхъ обществъ: изданъ нормальный уставъ для Обществъ пособія бѣднымъ, преслѣдующихъ общеблаготворительныя цѣли: общества, принимающія этотъ уставъ, разрѣшаются къ открытію губернаторами. Съ 1906 года въ отношеніи къ образованію благотворительныхъ обществъ дѣйствуетъ новый порядокъ, установленный правилами 4 марта 1906 года объ обществахъ и союзахъ (см. выше, стр. 106).

Благотворительныя общества и учрежденія частной благотворительности находятся въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ. Но и другія вѣдомства, какъ министерство военное, духовное вѣдомство, министерство юстиціи и другія, также имѣютъ въ своемъ вѣдѣніи различныя учрежденія, возникшія въ средѣ подвѣдомственныхъ этимъ органамъ управленій.

Кромѣ того, существуютъ самостоятельныя благотво-

рительныя вѣдомства, имѣющія свою особую организацію и распространяющія свою дѣятельность по всей Россіи.

Важнѣйшимъ изъ нихъ является *Вѣдомство учрежденій Императрицы Маріи*, начало образованія которому было положено въ 1797 г., когда Павелъ I поручилъ супругѣ своей, Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, главное начальство надъ Петербургскимъ и Московскимъ Воспитательными Домами. Благодаря теплому участію Императрицы, дѣятельность этого вѣдомства постоянно расширялась, охвативъ мало-помалу всевозможные виды благотворенія. Въ настоящее время его дѣятельность распадается на слѣдующія отрасли: 1) Призрѣніе младенцевъ. Оба названные выше Воспитательные Дома принимаютъ ежегодно на свое попеченіе болѣе 20.000 незаконнорожденныхъ и до 500 законныхъ младенцевъ и призрѣваютъ въ округахъ до 80.000 питомцевъ, остающихся на попеченіи домовъ до 21-лѣтняго возраста. Для питомцевъ содержится болѣе 100 школъ, и въ послѣдніе годы, въ видахъ децентрализаціи дѣла, въ 10 городахъ учреждены ясли. 2) Призрѣніе бѣдныхъ дѣтей дается въ дѣтскихъ пріютахъ, существующихъ во многихъ городахъ. Въ нихъ призрѣвается до 14.000 дѣтей, при чемъ они обучаются грамотѣ по программамъ начальныхъ школъ и разнымъ мастерствамъ. 3) Призрѣніе глухонѣмыхъ: въ спеціальномъ для нихъ училищѣ воспитывается до 250 дѣтей обоего пола, при чемъ они также обучаются грамотѣ и разнымъ мастерствамъ. 4) Призрѣніе взрослыхъ: въ 36 богодѣльныхъ домахъ (въ томъ числѣ 2 вдовьихъ дома) ежегодно призрѣвается до 4.000 чел. престарѣлыхъ, дряхлыхъ и увѣчныхъ. 5) Подача врачебной помощи: въ 40 больницахъ вѣдомства, съ 4.200 кроватями, пользуются стаціонарно до 24.000 и амбулаторно до 400.000 больныхъ въ годъ.

Изъ отдѣльныхъ учрежденій, принадлежащихъ къ вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи, особеннаго вниманія заслуживаетъ общество, имѣющее своею задачею призрѣніе слѣпыхъ въ Россіи. Это—*Попечительство Императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ*, возникшее стараніями К. К. Грота изъ главнаго попечительства для пособія нуждающимся семействамъ воиновъ, открытаго послѣ войны 1877 г. Въ 1906 г. попечительство имѣло въ разныхъ мѣ-

стахъ Россіи 27 отдѣленій и 6 комитетовъ. Общее число членовъ попечительства—7.034 челов. Попечительство имѣло въ своихъ кассахъ болѣе 4 милліоновъ руб. Дѣятельность его выражается: 1) въ устройствѣ и веденіи училищъ для слѣпыхъ дѣтей; такихъ училищъ было въ 1906 г. 24; 2) въ устройствѣ и содержаніи ремесленныхъ мастерскихъ для взрослыхъ слѣпыхъ (такихъ заведеній; 2) и убѣжищъ для престарѣлыхъ слѣпыхъ (8); 3) въ печатаніи книгъ для слѣпыхъ выпуклымъ шрифтомъ; съ 1898 г. издается также ежемѣсячный журналъ для слѣпыхъ: „Досугъ слѣпыхъ“; 4) въ изданіи спеціальнаго журнала по вопросамъ, касающимся слѣпыхъ, подъ названіемъ „Слѣпецъ“; 5) въ мѣрахъ предупрежденія и леченія слѣпоты: съ 1893 г. попечительство командируетъ ежегодно въ разныя мѣстности глазные отряды для поданія безплатной медицинской помощи больнымъ глазами; попечительство имѣетъ 16 глазныхъ лечебницъ, содержитъ кровати въ лечебницахъ другихъ вѣдомствъ и 70 постоянныхъ пунктовъ для подачи помощи больнымъ глазами. Въ отрядахъ, лечебницахъ и пунктахъ принимается ежегодно до 190.000 больныхъ и производится до 50.000 операцій.—Въ 1899 г. учреждено *Попечительство о глухонѣмыхъ* съ цѣлью организовать повсемѣстную и всестороннюю помощь глухимъ посредствомъ учрежденія въ Имперіи пріютовъ, школъ, мастерскихъ, домовъ призрѣнія и другихъ учрежденій. До 1906 г. Попечительство открыло 13 отдѣловъ въ провинціи. Заботами попечительства въ многихъ мѣстностяхъ учреждены школы для глухонѣмыхъ.

Второе мѣсто въ ряду особыхъ благотворительныхъ вѣдомствъ занимаетъ *Императорское Человѣколюбивое Общество*, о возникновеніи котораго сказано выше. По свѣдѣніямъ за 1905 г. Человѣколюбивое Общество имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи 257 благотворительныхъ заведеній, изъ нихъ: 69 учебно-воспитательныхъ, 73 богадѣльни, 36 заведеній безплатныхъ и дешевыхъ квартиръ, 3 ночлежныхъ пріюта, 9 народныхъ столовыхъ, 4 швейныхъ мастерскихъ, 29 комитетовъ общества и другихъ учрежденій и 27 медицинскихъ учрежденій. На содержаніе всѣхъ благотворительныхъ заведеній Общества, въ которыхъ получаютъ помощь болѣе 200.000 бѣдныхъ, ежегодно расходуется болѣе 1.500.000 р. Къ 1902 г. (въ этомъ

году исполнилось 100 лѣтъ его существованія) Общество располагало средствами въ размѣрѣ до 24 милліоновъ рублей (изъ нихъ болѣе 16 милліон. рублей составляетъ стоимость недвижимыхъ имуществъ Общества). Со времени образованія Совѣта Общества въ 1816 году до 1902 года въ распоряженіе его поступило на дѣла благотворенія, кромѣ недвижимой собственности, до 65.000.000 руб. Израсходовано было на помощь бѣднымъ до 60.000 000 руб., при чемъ благотворительною помощью Общества воспользовалось около 6.000.000 нуждающихся.

Видное и самостоятельное положеніе въ ряду благотворительныхъ обществъ занимаетъ *Россійское Общество Краснаго Креста.* Образованіе этого общества явилось результатомъ международной конвенціи, выработанной на конгрессѣ въ Женевѣ (въ 1864 г.)—конвенціи, въ силу которой больные и раненые воины, къ какой бы національности они ни принадлежали, пользуются покровительствомъ и помощью Краснаго Креста. Въ числѣ примкнувшихъ къ этой конвенціи государствъ была и Россія. Въ маѣ 1867 г. въ Петербургѣ учреждено было Общество попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ, переименованное впослѣдствіи въ общество Краснаго Креста подъ покровительствомъ Императрицы Маріи Александровны. Въ первые года дѣятельность этого общества не выходила изъ рамокъ непосредственныхъ задачъ по оказанію помощи на войнѣ; но затѣмъ, благодаря обильнымъ пожертвованіямъ, общество это расширило свои задачи, внеся въ нихъ и помощь въ общественныхъ бѣдствіяхъ разнаго рода. Много разъ оно приходило на помощь погорѣльцамъ, организовывало въ широкихъ размѣрахъ помощь въ случаяхъ эпидеміи, наводненій, неоднократно оказывало помощь переселенцамъ, пострадавшимъ отъ неурожая и т. д. Особенно значительна была помощь Краснаго Креста въ эпоху голодовъ 1891—92 г.г., въ 1898 г. и въ 1906—7 гг. и холерной эпидеміи въ 1892—93 г. Повсемѣстно въ районѣ пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностей организованы были попечительства, проявившія большую энергію въ дѣлѣ помощи голодающимъ. Общество Краснаго Креста, дѣйствуя подъ руководствомъ Главнаго Управленія, имѣетъ обширную сѣть постоянныхъ мѣстныхъ учрежденій:

6 окружныхъ и 80 мѣстныхъ управленій, 187 мѣстныхъ комитетовъ, 65 общинъ сестеръ милосердія, 2 общежитія для сестеръ, 2 учрежденія для фельдшерицъ, 2 убѣжища для бывшихъ сестеръ милосердія, 2 инвалидныхъ дома, нѣсколько лечебницъ, пріютовъ и т. под. учрежденій. Капиталъ общества составляетъ свыше 9 милліоновъ руб. (въ томъ числѣ около 4½ милл. запаснаго капитала на надобности военнаго времени).

Весьма важнымъ и также самостоятельнымъ благотворительнымъ учрежденіемъ является *Попечительство о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ*, состоящее подъ покровительствомъ Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны. Оно создано Именнымъ указомъ 1-го сентября 1895 года въ цѣляхъ поддержанія и дальнѣйшаго развитія учрежденій трудовой помощи бѣднымъ, какими являются возникшіе въ послѣднія десятилѣтія дома трудолюбія. Въ 1905 г. оно переименовано въ „*Попечительство о трудовой помощи*“.

Главною задачею домовъ трудолюбія является доставленіе возможности людямъ, почему либо не имѣющимъ работы, поддержать свое существованіе какимъ либо трудомъ. Большинство домовъ трудолюбія предоставляютъ своимъ кліентамъ не только работу, но и кровъ въ имѣющихся при нихъ ночлежныхъ пріютахъ. Кромѣ домовъ трудолюбія при содѣйствіи Попечительства возникли Ольгинскіе дѣтскіе пріюты, имѣющіе своею задачею дать трудовую подготовку нуждающимся дѣтямъ, которыхъ обучаютъ въ такихъ пріютахъ грамотѣ и различнымъ ремесламъ. Въ 1899 г. Попечительство сдѣлало первый опытъ примѣненія трудовой помощи населенію, пострадавшему отъ неурожая. Съ этою цѣлью въ приволжскія губерніи были командированы два отряда, организовавшіе на мѣстахъ общественныя работы, оказавшіе помощь кустарямъ и устроившіе во многихъ пунктахъ ясли для дѣтей. Удачный опытъ, получившій довольно широкіе размѣры въ губерніяхъ Казанской, Вятской и Симбирской, былъ повторенъ и въ слѣдующіе годы на югѣ Россіи и особенно въ Сибири (въ 1900—1902 гг.). Наконецъ, особенно широкое примѣненіе трудовая помощь въ неурожайныхъ губерніяхъ получила въ 1905—1907 гг., когда въ распоряженіе Попечительства были предоставлены отъ

правительства значительныя суммы. Съ конца 1905 г. по 1 янв. 1907 г. на общественныя работы въ неурожайныхъ губерніяхъ было израсходовано болѣе 2-хъ милліоновъ рублей. Дѣятельностью Попечительства о трудовой помощи руководитъ Комитетъ изъ десяти членовъ, подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны. Къ 1 октября 1907 г. средства Попечительства составляли болѣе 1.400.000 рублей. Съ конца 1897 г. Попечительство предприняло изданіе журнала „Трудовая Помощь", посвященнаго разработкѣ вопросовъ трудовой помощи бѣднымъ, а также и вообще вопросовъ общественнаго призрѣнія и благотворительности. При попечительствѣ создана и постоянно пополняется библіотека, имѣющая цѣлью собраніе сочиненій и различныхъ изданій на русскомъ и иностранныхъ языкахъ по вопросамъ общественнаго призрѣнія, благотворительности и соприкасающимся съ ними соціальнымъ вопросамъ (мѣры помощи трудящимся, борьба съ алкоголизмомъ и т. д.). Библіотека, представляющая уже теперь очень богатую коллекцію спеціальныхъ работъ, обезпечена и на будущее время щедрымъ пожертвованіемъ капитала (въ 50.000 руб.) Государынею Императрицею Александрою Ѳеодоровною. Августѣйшею Покровительницею Попечительства пожертвованъ также значительный капиталъ (въ 70.000 р.) для выдачи изъ процентовъ съ него премій, имѣющихъ цѣлью поощрить появленіе на русскомъ языкѣ сочиненій „по вопросамъ о призрѣніи бѣдныхъ, о благотворительности и о мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ улучшенію условій труда и быта нуждающихся". Преміи Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны присуждаются Комитетомъ Попечительства черезъ каждые три года (большая премія въ размѣрѣ 2.000 руб. и три малыхъ—одна въ 1.000 руб. и двѣ по 750 руб.). Къ соисканію премій допускаются какъ сочиненія на предложенныя Комитетомъ темы, такъ и на темы, избранныя самими авторами.

Общее количество благотворительныхъ обществъ и учрежденій въ Россіи не поддается точному подсчету за отсутствіемъ полной и регулярной статистической регистраціи. Въ послѣдніе годы предпринята была Вѣдомствомъ учрежденій Императрицы Маріи работа по собранію свѣдѣній

о русской благотворительности. Опубликованный сборникъ насчитываетъ къ началу 1899 г. всего 14.854 благотворительныхъ учрежденій; въ это число входятъ какъ благотворительныя общества (7.349), такъ и благотворительныя заведенія (7.505). Они владѣютъ капиталами въ 405 милліоновъ рублей (около 35% этой суммы вложены въ недвижимыя имущества). Годовой доходъ всѣхъ русскихъ благотворительныхъ учрежденій исчисленъ въ 59 милл. р., а общій итогъ расходовъ въ 1899 г. опредѣленъ въ суммѣ 48½ мил. рублей.

IX. ФАБРИЧНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО [1].

Понятіе фабричнаго законодательства.—Развитіе фабрично-заводской промышленности въ Россіи.—Эпоха Петра Великаго.—Преемники Петра.—Работныя регулы 1741 г. — Эпоха Екатерины II.—Начало XIX вѣка. — Законъ 1835 г.—Позднѣйшія отдѣльныя мѣропріятія.—Начало развитія мѣръ охраны труда.—Законы 1882, 1884, 1885, 1886, 1897, 1899 и 1903 г.г.

Порядокъ и условія найма рабочихъ. — Заключеніе договора, его прекращеніе и расторженіе. — Регулированіе взаимныхъ отношеній фабрикантовъ и рабочихъ. — Правила внутренняго распорядка. — Денежныя взысканія съ рабочихъ и нормы, ихъ регулирующія.

Рабочее время.—Работа малолѣтнихъ, подростковъ, женщинъ, взрослыхъ рабочихъ.—Продолжительность работы.—Ночная работа.—Сверхурочныя работы.

Фабричная инспекція. — Ея обязанности. — Губернскія и Главное присутствія по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ. — Школьное обученіе малолѣтнихъ. — Врачебная помощь рабочимъ.

Законъ 2 іюня 1903 г. о вознагражденіи потерпѣвшихъ отъ несчастныхъ случаевъ. — Положеніе о пенсіонной кассѣ служащихъ на казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ.—Законъ объ учрежденіи старостъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ.

Подъ терминомъ „фабричное законодательство“ въ дальнѣйшемъ изложеніи имѣются въ виду главнымъ образомъ тѣ законодательныя нормы, которыя направлены къ уста-

---

[1] Обстоятельныя свѣдѣнія о развитіи и современномъ положеніи фабричнаго законодательства въ различныхъ государствахъ см. въ рядѣ статей, помѣщенныхъ въ изданіи «Handwörterbuch der Staatswissenschaften» и переведенныхъ на русскій языкъ въ книгѣ: „Законодательная охрана труда“. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей М. Туганъ-Барановскаго. Спб. 1901 г. См. также: А. Федоровъ. Фабричное законодательство цивилизованныхъ государствъ. Спб. 1884. — В. Андреевъ. Работа малолѣтнихъ въ Россіи и Западной Европѣ. Спб. 1884. — Л. Нисселовичъ. Исторія фабрично-заводскаго законодательства Россійской Имперіи Спб.

новленію порядка и благоустройства въ заведеніяхъ крупной промышленности и которыя, ближайшимъ образомъ, регулируютъ взаимныя отношенія предпринимателей и рабочихъ и ограждаютъ интересы послѣднихъ отъ неблагопріятнаго вліянія современныхъ условій крупнаго производства Въ Россіи это законодательство развилось въ послѣднія десятилѣтія подъ воздѣйствіемъ потребностей, обнаруженныхъ развитіемъ крупной промышленности, и по примѣру и подъ вліяніемъ законодательства западно-европейскихъ государствъ. Изъ этихъ государствъ наибольшее развитіе фабричное законодательство получило въ Англіи, гдѣ оно возникло ранѣе другихъ странъ (первый законъ о работѣ малолѣтнихъ былъ изданъ въ 1802 г.), и въ Германіи, которая создала цѣлую систему соціально-политическихъ мѣръ по охранѣ труда (Arbeiterschutzgesetzgebung). Ограничиваясь, въ настоящее время, въ отношеніи къ западно-европейскому фабричному законодательству указаніемъ на нѣкоторыя литературныя пособія, мы представимъ краткій историческій обзоръ развитія русскаго законодательства по фабричному дѣлу и изложимъ важнѣйшія постановленія дѣйствующихъ законодательныхъ нормъ въ отношеніи къ отмѣченнымъ сторонамъ фабрично-заводской промышленности.

Прочное начало развитію фабрично-заводской промышленности въ Россіи положено было Петромъ Великимъ. Отдѣльные заводы и фабрики устраивались и ранѣе, начиная съ XVI вѣка, но систематическія мѣры къ насажденію крупной промышленности предприняты были Петромъ, къ царствованію котораго относятся и первые зачатки фабричнаго законодательства. Главное содержаніе этого законодательства въ то время составляли разнообразныя мѣры поощренія къ устройству фабрикъ и заводовъ. Первоначально различныя льготы и привилегіи предоставлялись особыми

1883—1884 (двѣ части).—М. Туганъ-Барановскій. Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ. 3-е изд. Спб. 1907.—Е. М. Дементьевъ. Фабрика, что она даетъ населенію и что она у него беретъ. М. 1897.—В. П. Литвиновъ-Фалинскій. Фабричное законодательство и фабричная инспекція въ Россіи. Спб. 1900.—В. П. Литвиновъ-Фалинскій. Новый законъ о вознагражденіи увѣчныхъ рабочихъ Спб. 1903.

указами отдѣльнымъ лицамъ, но затѣмъ онѣ присвоены были всѣмъ вообще учредителямъ новыхъ фабрикъ. Такъ, они, а также ихъ товарищи или „компанейщики“, ихъ дѣти и мастеровые освобождались отъ всякой службы; въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени они освобождались отъ всякихъ податей и избавлялись отъ таможенныхъ пошлинъ какъ при выпискѣ матеріаловъ и инструментовъ, такъ и при продажѣ своихъ издѣлій; имъ, далѣе, выдавались безпроцентныя денежныя ссуды; наконецъ, въ интересахъ обезпеченія фабрикъ рабочими, всѣмъ фабрикантамъ даровано было право, составлявшее прежде привилегію однихъ дворянъ, — покупать къ своимъ фабрикамъ деревни вмѣстѣ съ крестьянами.

Постановленія объ этихъ льготахъ были изложены въ Регламентѣ 1723 года Мануфактуръ-Коллегіи, которая была создана въ качествѣ органа главнаго управленія и надзора за всѣми фабриками, при чемъ на нее были возложены и заботы объ учрежденіи новыхъ фабрикъ, „а особливо такихъ, для которыхъ въ Россійской Имперіи матеріалы найтися могутъ“. Регламентъ предписываетъ Коллегіи принимать и иныя различныя мѣры для обезпеченія успѣшнаго развитія фабрикъ. Взамѣнъ прежняго порядка учрежденія фабрикъ путемъ испрошенія особаго Высочайшаго разрѣшенія устанавливается новый: „дозволяется всѣмъ, какого-бъ чина и достоинства кто ни былъ, во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ за благо обрящетъ, мануфактуры и фабрики заводить“, о чемъ велѣно было публиковать во всеобщее свѣдѣніе, „и кто такіе явятся, о тѣхъ Коллегіи въ началѣ смотрѣть о пожиткахъ и достоинствѣ и потомъ не токмо скорое рѣшеніе учинить, но и всякіе способы показать, коимъ образомъ съ тою мануфактурою наилучше ему поступать, и въ доброе и неубыточное состояніе провести“.

Хотя главною задачею постановленій Регламента было содѣйствіе устроителямъ фабрикъ, но въ немъ встрѣчается и мѣра, проникнутая заботливостью объ интересахъ рабочихъ: Коллегіи предписывается „накрѣпко“ смотрѣть, чтобы фабриканты „порядочно содержали мастеровыхъ и учениковъ и чинили имъ награжденіе по достоинству“.

При ближайшихъ преемникахъ Петра Великаго широ-

кое развитіе получила концессіонная система привилегій и казенныхъ и частныхъ монополій. Льготы, которыя Петръ предоставлялъ фабрикантамъ въ виду новизны дѣла, возведены были въ систему и считались непремѣнною принадлежностью промышленныхъ предпріятій. Съ другой стороны быстро совершался процессъ закрѣпощенія на фабрикахъ крестьянъ, что порождало многочисленныя злоупотребленія. Однимъ изъ наиболѣе характерныхъ законодательныхъ актовъ этой эпохи является „Генеральный указъ о всѣхъ фабрикахъ“ 7 января 1736 года. Этотъ указъ окончательно закрѣпостилъ при фабрикахъ „всѣхъ, которые при фабрикахъ обрѣтались и обучались какому-нибудь мастерству, принадлежащему къ фабрикамъ и мануфактурамъ, а не обрѣтались въ простыхъ работахъ“—„тѣмъ велѣно быть вѣчно при фабрикахъ“; указъ предоставляетъ фабрикантамъ покупать крестьянъ, но безъ земли и не цѣлыми деревнями; кромѣ того повелѣно было отсылать на фабрики „тѣхъ, кои въ ссорахъ или дракахъ или пьяные взяты будутъ“, а также праздношатающихся по городамъ и слободамъ и по уѣздамъ; наконецъ, фабрикантамъ предоставлена была почти неограниченная власть надъ ихъ рабочими „для того, что тѣ мастеровые люди будутъ за ними крѣпостные“.

Къ кратковременному царствованію Іоанна Антоновича, въ правленіе принцессы Анны Леопольдовны, относится весьма интересный законодательный актъ—“Работныя регулы на суконныя и каразейныя фабрики“ 2 сентября 1741 года. Этотъ актъ былъ изданъ съ цѣлью упорядоченія дѣла на суконныхъ фабрикахъ, при чемъ онъ впервые коснулся многихъ сторонъ фабричнаго быта. „Работныя регулы“ устанавливаютъ размѣръ заработной платы, регулируютъ время уплаты, продолжительность рабочаго дня (около 14 часовъ въ сутки), предписываютъ нѣкоторыя правила относительно санитарнаго состоянія фабрикъ. Работа женщинъ (женъ и дочерей рабочихъ) была признана необязательной, а тѣ, которыя сами пожелаютъ работать, должны получать плату наравнѣ съ рабочими-мужчинами. Фабрикантамъ предписано было часть штрафныхъ денегъ употреблять на призрѣніе больныхъ въ госпиталѣ. Съ точки зрѣнія заботъ объ интересахъ рабочихъ, интересны слѣдующія постановленія

„Работныхъ регулъ“: „Такожъ и фабричный содержатель долженъ фабричныхъ людей своихъ, когда по должности своей надлежаще исполняютъ, ни въ чемъ не обижать и не оскорблять: но по всякому христіанскому достоинству добро и хорошо содержать, а особливо имъ заслуженную плату, когда ни въ какую вину не впали, немедленно исправно платить“. „И понеже понынѣ очень срамно было видѣть, что большее число мастеровыхъ и работныхъ людей такъ ободранно и плохо одѣты находятся, что нѣкоторые изъ нихъ насилу и цѣлую рубаху на плечахъ имѣютъ, того ради фабрикантамъ накрѣпко повелѣвается той некрасотѣ народа упредить, и вышеупомянутымъ людямъ всѣхъ суконныхъ фабрикъ, всѣмъ сплошь ровную одежду на извѣстное число годовъ, для различенія отъ другихъ по усмотрѣнію своему скоро сдѣлать: а деньги за оную, во что стало, у нихъ изъ заслуженной платы по малу вычесть“. Право фабрикантовъ наказывать своихъ рабочихъ было ограничено, и размѣръ денежныхъ штрафовъ, которымъ могли подлежать рабочіе, былъ болѣе или менѣе точно опредѣленъ.

Изъ позднѣйшихъ, до Екатерины II, законовъ наиболѣе существеннымъ является указъ Петра III, 28 марта 1762 г., которымъ совершенно запрещена была покупка къ фабрикамъ и заводамъ крестьянъ съ землями и безъ земель; указомъ было, съ другой стороны, предписано „въ заведеніи вновь фабрикъ и заводовъ никому воспрещенія не чинить“.

Эпоха Екатерины II въ отношеніи къ фабричному законодательству распадается на два періода. Въ теченіе перваго проводятся начала свободной конкуренціи, выразившіяся въ уничтоженіи многихъ привилегій, ограниченій и полномъ уничтоженіи частныхъ и казенныхъ монополій. Въ 1775 г. возвѣщена „безпредѣльная свобода“ устройства промышленныхъ заведеній всѣми и каждымъ безъ какого-либо испрошенія на то дозволенія. Но эта свобода въ 1785 г. была сужена грамотами дворянству и городамъ. Право устройства фабрикъ и заводовъ было ограничено. За дворянами право свободнаго открытія ихъ осталось лишь въ деревняхъ; изъ другихъ сословій оно представлялось лишь купцамъ 1-й и 2-й гильдіи. При такихъ условіяхъ фабрично-

заводская промышленность сдѣлалась монополіею дворянъ и крупныхъ капиталистовъ изъ среды городскихъ обывателей.

Въ царствованіе Александра I право устройства фабрикъ было предоставлено крестьянамъ, не исключая и помѣщичьихъ крѣпостныхъ, и мѣщанамъ подъ условіемъ уплаты гильдейскихъ пошлинъ. Для открытія фабрикъ установлено было разрѣшеніе мѣстнаго губернскаго начальства, которое должно доводить о томъ до свѣдѣнія министерства финансовъ Съ образованіемъ министерствъ въ 1802 году дѣла фабрично-заводской промышленности первоначально были сосредоточены въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, въ особой экспедиціи государственнаго хозяйства. Послѣ ряда преобразованій эта отрасль была, наконецъ, въ 1819 г. передана въ вѣдѣніе министерства финансовъ въ департаментъ мануфактуръ и внѣшней торговли.

Значительное развитіе фабрично-заводской дѣятельности, особенно въ столичныхъ губерніяхъ, въ связи съ увеличеніемъ случаевъ взаимнаго неудовольствія между фабрикантами и рабочими, вызвало появленіе въ 1835 году закона, главною задачею котораго было регулированіе договорныхъ отношеній между фабрикантами и рабочими. Этотъ законъ, имѣя въ основѣ своей принципъ обязательности для обѣихъ сторонъ заключеннаго договора до истеченія его срока, въ отдѣльныхъ постановленіяхъ своихъ направленъ былъ главнымъ образомъ на обезпеченіе интересовъ фабрикантовъ. Порядившійся для работы на фабрикѣ не могъ оставить ее безъ согласія хозяина до истеченія договорнаго срока или же просить прибавки заработной платы; хозяинъ же могъ и до истеченія срока найма уволить рабочаго за неисполненіе имъ своихъ обязанностей или за дурное поведеніе, однако съ условіемъ предупрежденія за двѣ недѣли до дня увольненія. Въ огражденіе интересовъ рабочихъ запрещено было произвольно понижать заработную плату и выдавать ее какими либо товарами и припасами вмѣсто денегъ.

Правила 1835 г. изданы были въ видѣ опыта для обѣихъ столицъ и лишь впослѣдствіи были распространяемы на другія мѣстности Россіи, при чемъ многія постановленія

ихъ сохраняли свое дѣйствіе до изданія закона 3 іюня 1886 года о наймѣ рабочихъ на фабрики.

Недостаточность закона 1835 г. обнаружилась въ очень скоромъ времени; жизнь выдвигала все новые вопросы, не находившіе себѣ отвѣта въ нормахъ закона; частыя столкновенія между фабрикантами и рабочими, вызывавшія безпорядки и волненія въ средѣ ихъ, постоянныя жалобы и обращенія рабочихъ къ властямъ обнаруживали потребность въ надлежащемъ регулированіи фабричныхъ отношеній. Но въ теченіе долгаго времени потребность эта получала удовлетвореніе лишь въ мѣрахъ административно-полицейскаго характера и въ изданіи распоряженій для упорядоченія отдѣльныхъ частностей. Такъ, въ виду обнаружившагося неудобства существующаго порядка разбора жалобъ и взаимныхъ претензій между фабрикантами и рабочими большихъ промышленныхъ центровъ, въ 1858 г. въ Петербургѣ при управѣ благочинія была создана особая временная комиссія для разбора дѣлъ между рядчиками или нанимателями и рабочими или мастеровыми; въ слѣдующемъ году такая же комиссія была учреждена въ Москвѣ. Затѣмъ въ 1860 г., вслѣдствіе безпорядковъ среди рабочихъ на одной изъ желѣзныхъ дорогъ были изданы особыя правила о наймѣ рабочихъ для исполненія казенныхъ и общественныхъ работъ. Въ 1866 г. Высочайше утвержденнымъ положеніемъ Комитета Министровъ на содержателей фабрикъ и заводовъ возложена обязанность завести для рабочихъ больницы, по разсчету 1 кровати на 100 рабочихъ. Въ 1869 г. произведены были нѣкоторыя законодательныя измѣненія въ порядкѣ найма и содержанія горнозаводскихъ рабочихъ. Въ 1870 году губернаторамъ предоставлены были особыя полномочія для своевременнаго предупрежденія и прекращенія административными мѣрами стачекъ рабочихъ.

Наряду съ изданіемъ этихъ отдѣльныхъ мѣропріятій дѣлались опыты разработки болѣе общихъ законодательныхъ нормъ по вопросамъ фабричнаго быта. Въ числѣ этихъ опытовъ наибольшее значеніе имѣли проектъ правилъ 1860 г. и проекты комиссіи гр. Игнатьева 1870 г., и коммисіи гр. Валуева 1875 г. Въ проектѣ правилъ 1860 г.,

между прочимъ, были намѣчены нѣкоторыя изъ позднѣе принятыхъ мѣръ, какъ воспрещеніе работы малолѣтнихъ до 12 лѣтъ, ограниченіе работы малолѣтнихъ отъ 12 до 16 лѣтъ, установленіе фабричной инспекціи. Проекты двухъ названныхъ коммисій имѣли въ виду подробное регулированіе договорныхъ отношеній между нанимателями и рабочими. При разсмотрѣніи, въ 1880 г., проекта коммисіи гр. Валуева Государственный Совѣтъ призналъ однако, что изданіе систематическаго законоположенія о наймѣ рабочихъ было бы несвоевременно и что устраненіе существующихъ недостатковъ всего удобнѣе могло бы быть достигнуто путемъ отдѣльнаго разрѣшенія, въ законодательномъ порядкѣ, тѣхъ вопросовъ, которые по указаніямъ практики окажутся имѣющими наиболѣе важное и настоятельное значеніе.

Это рѣшеніе Государственнаго Совѣта опредѣлило направленіе дальнѣйшихъ мѣропріятій въ области фабричнаго законодательства. Въ послѣдующіе годы изданъ былъ рядъ отдѣльныхъ законовъ, внесшихъ весьма существенныя измѣненія и нововведенія въ нормы, регулирующія фабричныя отношенія и фабричный бытъ въ Россіи. Этими законами нормированы были нѣкоторыя изъ наиболѣе существенныхъ сторонъ фабричной жизни, а именно рабочее время различныхъ категорій рабочихъ (малолѣтнихъ, подростковъ, женщинъ и взрослыхъ рабочихъ мужчинъ), порядокъ и условія найма рабочихъ, взаимныя отношенія между хозяевами и рабочими; кромѣ того, установлена система надзора за точнымъ исполненіемъ фабричнаго законодательства. Относящіяся сюда нормы излагаются ниже въ систематическомъ порядкѣ; предварительно же не лишнимъ будетъ слѣдующій хронологическій перечень новѣйшихъ фабричныхъ законовъ.

1) Первымъ изъ нихъ по времени изданія является законъ 1 іюня 1882 года о работѣ малолѣтнихъ рабочихъ. Онъ былъ изданъ по почину министра финансовъ Н. Х. Бунге въ цѣляхъ удовлетворенія давно обнаружившейся потребности оградить здоровье подростающихъ поколѣній отъ вреднаго вліянія условій фабричнаго труда. Этимъ закономъ воспрещена была работа малолѣтнихъ до 12 лѣтъ и

ограничена работа малолѣтнихъ отъ 12-ти до 15-ти лѣтъ. — Для наблюденія за выполненіемъ закона создана была фабричная инспекція.

2) Законъ 12 іюня 1884 г., устанавливавшій нѣкоторыя мѣры въ отношеніи къ школьному обученію малолѣтнихъ и увеличивавшій составъ фабричной инспекціи

3) Законъ 3 іюня 1885 г. о воспрещеніи для женщинъ и подростковъ, не достигшихъ 17-ти лѣтъ, ночныхъ работъ на хлопчато-бумажныхъ, полотняныхъ и шерстяныхъ фабрикахъ.

4) Законы 1882 и 1885 г. были изданы въ качествѣ временныхъ мѣръ. Постановленія ихъ были пересмотрѣны въ 1900 г. и, подвергнутыя нѣкоторымъ измѣненіямъ и дополненіямъ, сдѣланы постоянными въ законѣ 24 апрѣля 1900 г. о работѣ малолѣтнихъ, подростковъ и женщинъ.

4) Законъ 3 іюня 1886 г. о наймѣ рабочихъ и о взаимныхъ отношеніяхъ фабрикантовъ и рабочихъ. Этотъ законъ былъ вызванъ значительными волненіями и безпорядками (въ 1884 и 1885 г.), возникшими въ Московскомъ и Владимірскомъ раіонахъ вслѣдствіе сокращенія производства и пониженія заработной платы. Подъ сильнымъ впечатлѣніемъ отъ этихъ волненій правительство рѣшило проявить энергичное вмѣшательство въ отношенія фабрикантовъ къ рабочимъ. Для характеристики мотивовъ, побудившихъ правительство къ изданію закона 1886 г., большой интересъ представляетъ письмо министра внутреннихъ дѣлъ гр. Д. А. Толстого къ министру финансовъ Н. Х. Бунге (4 февраля 1885 г.). Въ письмѣ этомъ указывалось, „что изслѣдованіе мѣстными властями причинъ означенныхъ стачекъ рабочихъ обнаружило, что онѣ грозили принять размѣры серьезныхъ волненій и произошли главнымъ образомъ вслѣдствіе отсутствія въ нашемъ законодательствѣ общихъ постановленій, на основаніи коихъ могли быть опредѣлены взаимныя отношенія фабрикантовъ и рабочихъ. Такой пробѣлъ въ законодательствѣ открывалъ широкій просторъ произвольнымъ, клонящимся къ ущербу рабочихъ распоряженіямъ фабрикантовъ и ставилъ первыхъ въ крайне тяжелое положеніе: несоразмѣрно высокіе штрафы часто служили въ рукахъ фабрикантовъ способомъ искусственнаго пониженія заработ-

ной платы, высокія цѣны въ фабричныхъ лавкахъ вызывали ропотъ и недовольство рабочихъ, а недостатокъ точности при составленіи условій съ малограмотными людьми порождалъ постоянные споры въ разсчетахъ задѣльной платы. Совокупность всѣхъ изложенныхъ и многихъ другихъ причинъ влекла за собою, какъ показалъ опытъ, возникновеніе безпорядковъ, а необходимость для прекращенія ихъ прибѣгать къ содѣйствію войска въ достаточной степени свидѣтельствуетъ о настоятельности приступить къ составленію такихъ правилъ, которыя, ограничивая въ извѣстной степени произволъ фабрикантовъ, способствовали бы устраненію въ будущемъ прискорбныхъ случаевъ, имѣвшихъ мѣсто въ Московской и Владимірской губеніяхъ".

5) Законъ 2 іюня 1897 г. о нормировкѣ рабочаго времени былъ вызванъ отчасти ходатайствами представителей промышленности Петербургскаго и Лодзинскаго раіоновъ, отчасти соображеніями административно-полицейскаго характера (подъ вліяніемъ безпорядковъ на петербургскихъ фабрикахъ въ 1896 г., на почвѣ недовольства значительною продолжительностью работъ). Закономъ 1897 г. установлена норма продолжительности рабочаго дня въ $11^1/_2$ часовъ; для рабочихъ, занятыхъ хотя бы отчасти ночью, рабочее время уменьшено до 10 часовъ. Законъ проводитъ также росписаніе праздниковъ, въ которые работъ не полагается, и опредѣляетъ понятіе сверхурочной работы.

6) Законъ 7 іюня 1899 г., завершившій организацію фабричнаго надзора, установившій фабричные округа и главное фабричное присутствіе для высшаго руководства дѣятельностью органовъ фабричнаго надзора.

7) Законъ 2 іюня 1903 года о вознагражденіи потерпѣвшихъ вслѣдствіе несчастныхъ случаевъ рабочихъ и служащихъ, а также членовъ ихъ семействъ въ предпріятіяхъ фабрично-заводской и горно-заводской промышленности.

8) Законъ 10 іюня 1903 года объ учрежденіи старостъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ.

Порядокъ и условія найма рабочихъ. Взаимныя отношенія фабрикантовъ и рабочихъ. — Въ основѣ наемныхъ отношеній по дѣйствующему законодательству лежатъ общія начала договорнаго права. При этомъ однако свобода рабочаго договора

въ значительной степени ограничивается главнымъ образомъ въ огражденіе интересовъ рабочихъ.

Договоръ о наймѣ рабочаго заключается выдачею ему разсчетной книжки, въ которой означаются условія найма и отмѣчаются всѣ производимые съ рабочимъ разсчеты и дѣлаемыя съ него денежныя взысканія за прогулъ и неисправную работу. Весьма важнымъ для предупрежденія невыгодныхъ для рабочаго сдѣлокъ постановленіемъ является требованіе закона (ст. 92 уст. о промышл.), въ силу котораго въ договоры, заключаемые между заводскими и фабричными управленіями и рабочими, воспрещается вносить условія, клонящіяся къ ограниченію сторонъ въ пользованіи правомъ судебной защиты. Разсчетная книжка должна быть выдана рабочему не позднѣе семи дней по допущеніи его къ работѣ: она хранится у рабочаго и передается имъ въ контору фабрики или завода для необходимыхъ въ ней записей.

Наемъ рабочихъ производится или: 1) на опредѣленный срокъ, или 2) на срокъ неопредѣленный, или 3) на время исполненія какой либо работы. При наймѣ на неопредѣленный срокъ каждая изъ договаривающихся сторонъ можетъ отказаться отъ договора, предупредивъ другую сторону о своемъ намѣреніи за двѣ недѣли. Прежде окончанія заключеннаго съ рабочими срочнаго договора, или безъ предупрежденія за двѣ недѣли рабочихъ, нанятыхъ на срокъ неопредѣленный, воспрещается понижать заработную ихъ плату установленіемъ новыхъ основаній для ея исчисленія, сокращеніемъ числа рабочихъ дней въ недѣлю, или числа рабочихъ часовъ въ сутки, измѣненіемъ правилъ урочной работы и т. п. Съ другой стороны, и рабочіе не въ правѣ, до окончанія договора, требовать какихъ либо измѣненій въ условіяхъ договора.

Выдача заработной платы рабочимъ должна производиться не рѣже одного раза въ мѣсяцъ, если наемъ заключенъ на срокъ болѣе мѣсяца, и не рѣже двухъ разъ въ мѣсяцъ, при наймѣ на срокъ неопредѣленный. При наймѣ на время исполненія какой либо опредѣленной работы, за исключеніемъ поштучной, плата выдается въ сроки, опредѣленные условіями договора, а если въ немъ нѣтъ никакихъ

объ этомъ условій, то плата производится по окончаніи работы. Счетамъ съ рабочими ведется особая книга.—Рабочій, не получившій въ срокъ причитающейся ему платы, не по собственной винѣ, имѣетъ право требовать судебнымъ порядкомъ расторженія заключеннаго съ нимъ договора

По заявленному на этомъ основаніи, въ теченіе мѣсяца, иску рабочаго, если просьба его будетъ признана уважительною, въ его пользу присуждается, сверхъ должной ему фабрикантомъ суммы, особое вознагражденіе въ размѣрѣ, не превышающемъ: при срочномъ договорѣ—двухмѣсячнаго его заработка, а при договорѣ на срокъ неопредѣленный—двухнедѣльнаго заработка. Расплата съ рабочими, вмѣсто денегъ, купонами, условными знаками, товаромъ и иными предметами воспрещается.

При производствѣ рабочимъ платежей не дозволяется дѣлать вычеты въ уплату ихъ долговъ. Къ числу такихъ долговъ не относятся однако разсчеты, производимые фабричнымъ управленіемъ за выданныя рабочимъ впередъ деньги, за продовольствіе рабочихъ и снабженіе ихъ необходимыми предметами потребленія изъ фабричныхъ лавокъ. Завѣдывающимъ фабриками или заводами воспрещается взимать проценты на деньги, выдаваемыя рабочимъ заимообразно, и вознагражденіе за ручательство по ихъ денежнымъ обязательствамъ. Воспрещается взиманіе съ рабочихъ платы за врачебную помощь, за освѣщеніе мастерскихъ и за пользованіе при работахъ для фабрики орудіями производства.

Договоръ найма рабочаго съ фабричнымъ или заводскимъ управленіемъ прекращается: по взаимному соглашенію сторонъ; по истеченіи срока найма; по окончаніи той работы, исполненіемъ которой былъ обусловленъ срокъ найма; по истеченіи двухъ недѣль со дня заявленія одною изъ сторонъ желанія расторгнуть договоръ, если онъ былъ заключенъ на срокъ неопредѣленный; за высылкою рабочаго, по распоряженію подлежащей власти, изъ мѣста исполненія договора или присужденіемъ его къ заключенію на срокъ, дѣлающій исполненіе договора невозможнымъ; за обязательнымъ поступленіемъ рабочаго въ военную или общественную службу; за отказомъ со стороны установленія, выдаю-

щаго рабочему срочный видъ на жительство, возобновить этотъ видъ; за пріостановленіемъ въ теченіе болѣе семи дней работъ на фабрикѣ или заводѣ, вслѣдствіе пожара, наводненія, взрыва паровика и т. п. случая.

Расторженіе договора завѣдывающимъ фабрикою или заводомъ можетъ имѣть мѣсто: вслѣдствіе неявки рабочаго на работу болѣе трехъ дней сряду или въ сложности болѣе шести дней въ мѣсяцъ, безъ уважительныхъ причинъ; вслѣдствіе неявки рабочаго на работу болѣе двухъ недѣль сряду по уважительнымъ причинамъ; вслѣдствіе привлеченія рабочаго къ слѣдствію и суду по обвиненію въ преступномъ дѣйствіи, влекущемъ за собою наказаніе не ниже заключенія въ тюрьмѣ; вслѣдствіе дерзости или дурного поведенія рабочаго, если оно угрожаетъ имущественнымъ интересамъ фабрики или личной безопасности кого-либо изъ лицъ фабричнаго управленія или наблюдающихъ за работами, и вслѣдствіе обнаруженія у рабочаго заразительной болѣзни. Рабочему, уволенному съ фабрики на основаніи изложеннаго постановленія, предоставляется въ теченіе мѣсяца обжаловать расторженіе договора суду, который, если признаетъ жалобу основательною, постановляетъ о вознагражденіи рабочаго за понесенные убытки.

Рабочему предоставляется требовать расторженія договора (кромѣ упомянутаго случая неполученія въ срокъ причитающейся платы, не по его винѣ): вслѣдствіе побоевъ, тяжкихъ оскорбленій и вообще дурного обращенія со стороны хозяина, его семейства или лицъ, которымъ ввѣренъ надзоръ за рабочими; вслѣдствіе нарушенія условій по снабженію рабочихъ пищею и помѣщеніемъ; вслѣдствіе работы, разрушительно дѣйствующей на его здоровье; вслѣдствіе смерти мужа или жены, а равно другихъ членовъ семейства, если эти послѣдніе доставляли ему средства къ существованію; вслѣдствіе обязательнаго поступленія на военную службу члена его семейства, доставлявшаго послѣднему средства къ существованію.

Въ цѣляхъ урегулированія взаимныхъ отношеній фабрикантовъ и рабочихъ законъ устанавливаетъ детальныя нормы по исполненію хозяевами и ихъ довѣреннымъ всякаго рода разсчетовъ съ рабочими какъ по непосредствен-

ному предмету договорнаго отношенія (работѣ), такъ и по различнымъ отношеніямъ, возникающимъ вслѣдствіе доставленія фабрикою рабочимъ тѣхъ или иныхъ удобствъ (квартиръ, бань, фабричныхъ лавокъ и т. п.).

Въ законѣ изложены правила, на основаніи которыхъ владѣльцы заведеній фабричной промышленности принимаютъ мѣры къ охраненію благоустройства и порядка на фабрикахъ; за предъявленіе къ рабочимъ несогласныхъ съ этими правилами требованій, они подвергаются отвѣтственности.

Заводское или фабричное управленіе составляетъ правила внутренняго распорядка, который долженъ быть соблюдаемъ рабочими на заводѣ или фабрикѣ. Правила эти утверждаются фабричнымъ инспекторомъ и должны быть выставлены во всѣхъ мастерскихъ. Они должны заключать въ себѣ: росписаніе (отдѣльное для взрослыхъ и малолѣтнихъ) часовъ начала и окончанія работъ, количество и продолжительность перерывовъ работъ для отдыха, завтрака и обѣда, а также времени окончанія работъ предъ воскресными и праздничными днями; росписаніе праздниковъ, въ которые не полагается работы; порядокъ и продолжительность отлучекъ съ работъ, а для рабочихъ, живущихъ въ заводскихъ или фабричныхъ помѣщеніяхъ, и изъ этихъ помѣщеній; условія пользованія устроенными для рабочихъ при фабрикѣ квартирами, банями и т. п.; указаніе времени чистки машинъ и аппаратовъ, а также уборки мастерскихъ, если по условіямъ найма эти обязанности лежатъ на рабочихъ; опредѣленіе обязанностей рабочихъ по соблюденію порядка и благочинія на фабрикѣ; требованія предосторожности при обращеніи съ машинами, огнемъ и т. п.

Въ видахъ поддержанія на фабрикахъ должнаго порядка, завѣдывающимъ ими предоставляется налагать на рабочихъ собственною властью денежныя взысканія: 1) за неисправную работу; 2) за прогулъ и 3) за нарушеніе порядка. Никакія взысканія не могутъ быть налагаемы по другимъ поводамъ. Вознагражденіе за убытокъ, причиненный фабриканту, можетъ быть присуждено съ рабочаго лишь въ судебномъ порядкѣ.

Распоряженія завѣдывающаго фабрикою о наложеніи

на рабочихъ взысканій обжалованію не подлежатъ. Въ устраненіе злоупотребленій по этому предмету, имѣвшихъ мѣсто очень часто до изданія закона 3 іюня 1886 г., установлены слѣдующія мѣры. Если при посѣщеніи фабрики чинами фабричной инспекціи будетъ обнаружено изъ заявленій, сдѣланныхъ рабочими, несогласное съ требованіями закона наложеніе на нихъ взысканій, то завѣдывающій привлекается къ отвѣтственности. Только-что упомянутыя требованія закона выражаются прежде всего въ опредѣленіи понятія нарушеній и основаній къ наложенію взысканій, а также въ указаніи размѣра ихъ.

„Неисправною работою“ считается производство рабочимъ, по небрежности, недоброкачественныхъ издѣлій, порча имъ при работѣ матеріаловъ, машинъ и иныхъ орудій производства. Взысканія за неисправную работу опредѣляются соотвѣтственно свойству неисправности.

„Прогуломъ“, въ отличіе отъ несвоевременной явки на работу или самовольной отлучки съ нея, считается неявка на работу въ теченіе не менѣе половины рабочаго дня. Взысканіе за прогулъ налагается соотвѣтственно заработной платѣ рабочаго и количеству прогульнаго времени въ теченіе одного мѣсяца, въ размѣрѣ, не превышающемъ, однако, суммы шестидневнаго его заработка. Сверхъ того, у рабочаго удерживается заработная плата за все прогульное время. Для рабочихъ, получающихъ задѣльную плату, взысканіе за прогулъ опредѣляется въ размѣрѣ не свыше одного рубля за прогульный день и не свыше трехъ рублей въ общей сложности. Взысканіе за прогулъ не налагается, если неявка на работу произошла вслѣдствіе лишенія рабочаго свободы, по внезапному разоренію отъ несчастнаго случая, вслѣдствіе пожара, разлива рѣкъ, болѣзни, лишающей возможности отлучиться изъ дому, и смерти или тяжкой болѣзни родителей, мужа, жены и дѣтей.

„Нарушеніемъ порядка“ признаются: несвоевременная явка на работу или самовольная отлучка съ нея; несоблюденіе въ заводскихъ или фабричныхъ помѣщеніяхъ установленныхъ правилъ осторожности при обращеніи съ огнемъ; несоблюденіе въ этихъ помѣщеніяхъ чистоты и опрятности; нарушеніе тишины при работахъ шумомъ, крикомъ, бранью,

ссорою или дракою; непослушаніе; приходъ на работу въ пьяномъ видѣ; устройство недозволенныхъ игръ на деньги; несоблюденіе правилъ внутренняго на фабрикахъ распорядка. Взысканіе за отдѣльное нарушеніе порядка не можетъ превышать одного рубля.

Взысканія, налагаемыя за неисправную работу, за прогулъ и за нарушеніе порядка, въ общей ихъ сложности, не должны превышать одной трети заработка, дѣйствительно причитающагося рабочему къ установленному сроку. Въ случаѣ превышенія этой нормы завѣдывающему фабрикою предоставляется расторгнуть заключенный съ рабочимъ договоръ найма, при чемъ уволенному на такомъ основаніи рабочему предоставляется въ теченіе одного мѣсяца обжаловать расторженіе договора суду, который, если признаетъ жалобу основательною, постановляетъ о вознагражденіи рабочаго за понесенные имъ убытки.

Взысканія съ рабочихъ обращаются на составленіе особаго при каждой фабрикѣ капитала, состоящаго въ завѣдываніи фабричнаго управленія. Капиталъ этотъ можетъ быть употребляемъ, съ разрѣшенія инспектора, только на удовлетвореніе нуждъ самихъ рабочихъ, согласно правиламъ, издаваемымъ министромъ финансовъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Рабочее время —Дѣти, не достигшія 12 лѣтъ, къ работамъ не допускаются. Малолѣтніе въ возрастѣ отъ 12 до 15 лѣтъ не могутъ быть занимаемы работою болѣе 8-ми часовъ въ сутки, не включая времени, потребнаго на завтракъ, обѣдъ, ужинъ, посѣщеніе школы и на отдыхъ. При этомъ работа не должна продолжаться долѣе 4-хъ часовъ сряду. Въ изъятіе изъ этого общаго правила, законъ 1900 г. допустилъ непрерывную работу малолѣтнихъ до 6 часовъ, когда по роду производства это представляется необходимымъ; при этомъ общая продолжительность работъ въ сутки для малолѣтнихъ не должна превышать 6-ти часовъ. Законъ 1900 г. разрѣшилъ также въ тѣхъ заведеніяхъ, въ которыхъ введена 18-ти часовая непрерывная дневная работа двумя смѣнами, занимать работой малолѣтнихъ въ теченіе 9 часовъ въ сутки, при чемъ работа ихъ не должна продолжаться долѣе $4^1/_2$ часовъ сряду. Ночная работа (отъ 9 час.

вечера до 5 час. утра) воспрещена малолѣтнимъ; въ видѣ изъятія, въ стеклянномъ производствѣ допускается ночная работа малолѣтнихъ до 6 часовъ въ сутки, съ тѣмъ, чтобы въ продолженіе слѣдующаго рабочаго дня малолѣтніи не былъ допускаемъ къ работѣ ранѣе истеченія 12 часовъ со времени освобожденія его отъ работы, производившейся въ ночное время. Малолѣтнихъ воспрещается занимать работою въ воскресенье и высокоторжественные дни (допускается однако изъятіе, съ разрѣшенія инспекціи на тѣхъ фабрикахъ, гдѣ въ названные дни производятся работы взрослыми). Малолѣтнихъ воспрещается допускать къ такимъ производствамъ или отдѣльнымъ работамъ, которыя по свойствамъ своимъ вредны для здоровья малолѣтнихъ или должны быть признаваемы для нихъ изнурительными. Указаніе такихъ производствъ и работъ предоставляется взаимному соглашенію министровъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ; списокъ такихъ заведеній и работъ публикуется во всеобщее свѣдѣніе чрезъ Правительствующій Сенатъ.

Подросткамъ въ возрастѣ отъ 15 до 17 лѣтъ и женщинамъ ночная работа (между 9 час. веч. и 5 час. утра) воспрещена въ производствахъ по обработкѣ волокнистыхъ веществъ. Въ особо уважительныхъ случаяхъ (какъ то: послѣ продолжительной, вызванной несчастіемъ остановки работъ на фабрикѣ или при усиленномъ поступленіи заказовъ передъ ярмарками) можетъ быть разрѣшаема ночная работа подросткамъ и женщинамъ съ тѣмъ, чтобы въ теченіе каждаго слѣдующаго за ночною работою дня они не были допускаемы къ работѣ ранѣе полудня.

По отношенію къ взрослымъ рабочимъ предѣльная продолжительность рабочаго времени была установлена закономъ 2 іюня 1897 г. По опредѣленію этого закона, рабочимъ временемъ или числомъ рабочихъ часовъ въ сутки для каждаго взрослаго рабочаго считается то время, въ теченіе котораго, согласно договору найма, рабочій обязанъ находиться въ промышленномъ заведеніи и въ распоряженіи завѣдывающаго имъ для исполненія работы. При рудничныхъ работахъ время, употребляемое рабочимъ на спускъ въ рудникъ и на подъемъ изъ рудника, считается рабочимъ временемъ. Ночнымъ временемъ считается: при ра-

ботѣ одною смѣною—время между 9 час. веч. и 5 час. у., а при работѣ двумя и болѣе смѣнами—время между 10 час. веч. и 4 час. у. Для рабочихъ, занятыхъ исключительно въ дневное время, рабочее время не должно превышать $11^1/_2$ часовъ въ сутки, а по субботамъ и въ кануны двунадесятыхъ праздниковъ—10-ти часовъ (въ канунъ праздника Рождества Христова работы должны быть окончены не позже полудня). Для рабочихъ, занятыхъ хотя бы отчасти въ ночное время, рабочее время не должно превышать 10-ти часовъ въ сутки. Работа въ воскресные и особо поименованные праздничные дни (такихъ дней 14) воспрещается. По взаимному соглашенію завѣдывающаго промышленнымъ заведеніемъ и рабочихъ, послѣдніе могутъ быть занимаемы работою въ воскресный день взамѣнъ будничнаго. О такомъ соглашеніи должно быть доведено по свѣдѣнія подлежащихъ должностныхъ лицъ, которымъ ввѣренъ надзоръ за исполненіемъ этого закона (т. е. въ большинствѣ случаевъ—чиновъ фабричнаго надзора). Сверхурочною считается работа, производимая рабочимъ въ промышленномъ заведеніи въ такое время, когда, по правиламъ внутренняго распорядка, ему не полагается работы. Сверхурочныя работы допускаютея не иначе, какъ по особому соглашенію завѣдывающаго промышленнымъ заведеніемъ съ рабочимъ. Въ договоръ найма могутъ быть включаемы условія только о такихъ сверхурочныхъ работахъ, которыя оказываются необходимыми по техническимъ условіямъ производства. Подробности примѣненія изложенныхъ положеній законъ предоставляетъ регулировать подлежащимъ министрамъ въ особыхъ правилахъ и инструкціяхъ. Правилами и циркулярами о сверхурочныхъ работахъ примѣненію послѣднихъ предоставленъ широкій просторъ.

Фабричная инспекція. Ближайшій надзоръ за исполненіемъ требованій фабричныхъ законовъ и вообще за всѣмъ внутреннимъ бытомъ на фабрикахъ и заводахъ принадлежитъ чинамъ фабричной инспекціи. По закону 7 іюня 1899 г. составъ послѣдней былъ значительно увеличенъ и доведенъ до 257 инспекторовъ (6 окружныхъ, 61 старшихъ и 190 фабричныхъ инспекторовъ); между тѣмъ по штату 1884 г. полагалось всего 20 инспекторовъ (главный инспекторъ, 9 окружныхъ и 10 помощниковъ ихъ). Въ промежуткѣ

между указанными датами составъ инспекціи постепенно увеличивался по мѣрѣ распространенія на новые раіоны правилъ о надзорѣ за фабриками и о взаимныхъ отношеніяхъ фабрикантовъ и рабочихъ.

Обязанности фабричной инспекціи представляются чрезвычайно многочисленными, сложными и по существу весьма важными. Она наблюдаетъ за исполненіемъ правилъ о работѣ различныхъ категорій рабочихъ; разслѣдуетъ и выясняетъ причины несчастныхъ случаевъ на фабрикахъ и заводахъ; на ней лежитъ наблюденіе за исполненіемъ всѣхъ правилъ о наймѣ рабочихъ и о взаимныхъ отношеніяхъ фабрикантовъ и рабочихъ, а въ случаѣ споровъ и недоразумѣній она озабочивается предупрежденіемъ столкновеній и неудовольствій и, путемъ разслѣдованія на мѣстѣ, принимаетъ мѣры къ приведенію сторонъ къ миролюбивому соглашенію; на инспекціи, далѣе, лежитъ возбужденіе преслѣдованія, а въ подлежащихъ случаяхъ и обвиненіе на судѣ виновныхъ въ нарушеніи различныхъ правилъ. На чиновъ инспекціи возложена также забота объ учрежденіи особыхъ или приспособленіи существующихъ школъ для обученія малолѣтнихъ, наблюденіе за исполненіемъ правилъ о врачебной помощи рабочимъ и обязательныхъ постановленій главнаго и мѣстныхъ присутствій по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ, издаваемыхъ въ огражденіе жизни и здоровья рабочихъ. На инспекціи лежитъ также собираніе, провѣрка и отчасти обработка статистическихъ данныхъ о промышленныхъ заведеніяхъ, надзоръ за исполненіемъ правилъ о паровыхъ котлахъ и производство періодическихъ освидѣтельствованій и испытаній ихъ.

Въ каждой изъ 61 губерній, въ которыхъ организованъ фабричный надзоръ, учреждены присутствія по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ. Они состоятъ, подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ, изъ старшаго фабричнаго инспектора губерніи, окружнаго горнаго инженера и представителей прокурорскаго надзора, полиціи и мѣстныхъ фабрикантовъ и горнопромышленниковъ. Присутствіямъ предоставляется издавать обязательныя постановленія, въ развитіе и примѣненіе къ мѣстнымъ условіямъ или частнымъ случаямъ правилъ, установленныхъ главнымъ по

фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ присутствіемъ. Послѣднее было учреждено по закону 7 іюня 1899 г. при министерствѣ финансовъ „для высшаго наблюденія за правильнымъ примѣненіемъ законоположеній, касающихся соблюденія на фабрикахъ, заводахъ и въ горныхъ промыслахъ должнаго порядка и благоустройства". Оно состоитъ, подъ предсѣдательствомъ министра финансовъ, изъ членовъ отъ министерствъ финансовъ, внутреннихъ дѣлъ, земледѣлія и государственныхъ имуществъ, военнаго и юстиціи и представителей промышленности. Главное присутствіе издаетъ инструкціи, наказы и правила въ развитіе дѣйствующихъ законовъ по обезпеченію порядка и благоустройства въ промышленныхъ заведеніяхъ, разрѣшаетъ жалобы на постановленія мѣстныхъ присутствій, отмѣняетъ постановленія послѣднихъ, несогласныя съ закономъ, разъясняетъ сомнѣнія, встрѣчаемыя мѣстными присутствіями при примѣненіи законовъ и административныхъ распоряженій.

Указомъ 27 октября 1905 г. учреждено особое министерство торговли и промышленности, въ вѣдѣніе котораго переданы изъ министерства финансовъ „всѣ установленія по части торговли и промышленности".

Школьное обученіе малолѣтнихъ [1]. Дѣйствующій законъ не обязываетъ владѣльцевъ промышленныхъ заведеній ни къ устройству школъ для обученія работающихъ у нихъ малолѣтнихъ, ни къ понужденію послѣднихъ посѣщать школы или ихъ родителей—къ посылкѣ дѣтей въ школы. Законъ ограничивается лишь требованіемъ, чтобы тѣмъ изъ малолѣтнихъ, которые не имѣютъ свидѣтельствъ одноклассныхъ народныхъ училищъ, владѣльцы фабрикъ предоставляли возможность посѣщать школу не менѣе 3-хъ часовъ ежедневно или 18 часовъ въ недѣлю.

Врачебная помощь рабочимъ регулируется закономъ 1866 г., обязывающимъ фабрикантовъ устраивать при фабрикахъ больницы для рабочихъ. Фактически это правило выполняется лишь болѣе крупными фабриками, имѣющими болѣе 100 рабочихъ. Какъ показываютъ статистическія дан-

[1] Е. Дементьевъ. Фабричное законодательство (статья въ сборникѣ „Россія въ концѣ XIX вѣка". Спб. 1900 г. стр. 457).

ныя за 1898 г., изъ 19,292 подчиненныхъ надзору инспекціи промышленныхъ заведеній безплатная врачебная помощь оказывалась рабочимъ только на 3,488 фабрикахъ, т. е. лишь на 18% всего ихъ числа; но такъ какъ эти именно наиболѣе крупныя фабрики, то численность рабочихъ, пользующихся этою помощью, достигаетъ 70% общаго числа рабочихъ на фабрикахъ (1,454,000). Въ общей суммѣ всѣ упомянутыя 3,488 фабрикъ израсходовали въ 1898 г. на этотъ предметъ 3,980,000 руб., что составляетъ по 3 руб. 91 к. въ среднемъ на каждаго рабочаго.

Вознагражденіе потерпѣвшихъ отъ несчастныхъ случаевъ.— Въ ряду новѣйшихъ законовъ по охранѣ труда и упорядоченію отношеній между предпринимателями и рабочими важное значеніе должно быть признано за закономъ 2 іюня 1903 года. Это—законъ „о вознагражденіи потерпѣвшихъ вслѣдствіе несчастныхъ случаевъ рабочихъ и служащихъ, а равно членовъ ихъ семействъ въ предпріятіяхъ фабрично-заводской, горной и горно-заводской промышленности".

Этимъ закономъ впервые въ наше фабричное законодательство вносится принципъ отвѣтственности предпринимателя за такъ называемый профессіональный рискъ въ случаяхъ причиненія рабочему смерти или увѣчья при производствѣ работъ или вслѣдствіе такихъ работъ. Принципъ этотъ постепенно былъ усвоенъ западно-европейскими законодательствами и привелъ къ обезпеченію болѣе удовлетворительной постановки сложнаго дѣла отвѣтственности за несчастные случаи съ рабочими. Съ быстрымъ ростомъ фабрично-заводскаго дѣла и у насъ все настоятельнѣе обнаруживалась потребность въ соотвѣтственномъ измѣненіи нашего законодательства по этому предмету.

До закона 2 іюня 1903 г. вознагражденіе при несчастныхъ случаяхъ съ рабочими регулировалось на основѣ общихъ гражданско-правовыхъ нормъ. Присужденіе такого вознагражденія могло имѣть мѣсто лишь тогда, когда потерпѣвшіе были въ состояніи доказать на судѣ, что несчастіе произошло по винѣ предпринимателя или его уполномоченныхъ. Между тѣмъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ

смерть либо увѣчье имѣютъ своими причинами не чью-нибудь вину, а самыя условія и всю обстановку производствъ съ тѣмъ значительнымъ рискомъ, который вызывается существомъ самаго процесса фабрично-заводской работы. При такой постановкѣ института вознагражденія рабочимъ лишь въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ удавалось получить его; при томъ же даже при благопріятномъ исходѣ искового дѣла на расходы по его веденію должна была отпадать значительная часть присужденнаго судомъ вознагражденія. Оффиціальными данными по пяти промышленнымъ губерніямъ было установлено, что за извѣстный періодъ времени изъ 519 исковъ, предъявленныхъ рабочими, только 138 (или 26,5%) были удовлетворены въ судебномъ порядкѣ.

Новымъ закономъ установленъ слѣдующій основной принципъ: на предпринимателѣ лежитъ обязанность вознаградить потерпѣвшаго; свободнымъ отъ выполненія этой обязанности онъ можетъ быть признанъ только въ томъ случаѣ, если онъ докажетъ наличность освобождающихъ его отъ отвѣтственности обстоятельствъ.

„Владѣльцы предпріятій — гласитъ законъ 2 іюня 1903 г. — обязаны вознаградить рабочихъ за утраченную долѣе чѣмъ на три дня трудоспособность отъ тѣлеснаго поврежденія, причиненнаго имъ работами по производству предпріятія или происшедшаго вслѣдствіе таковыхъ работъ. Если послѣдствіемъ несчастнаго случая была смерть рабочаго, то вознагражденіемъ пользуются члены его семейства". Владѣлецъ предпріятія отвѣчаетъ за несчастіе и въ томъ случаѣ, если работы, вызвавшія несчастный случай, были сданы съ подряда третьему лицу. Отъ обязанности вознаградить рабочаго владѣлецъ освобождается, если онъ докажетъ, что „причиною несчастнаго случая былъ злой умыселъ самого потерпѣвшаго или грубая неосторожность его, не оправдываемая условіями и обстановкою производства работъ". Кромѣ того владѣлецъ предпріятія не отвѣчаетъ за дѣйствія третьихъ лицъ, не причастныхъ къ предпріятію, а также за дѣйствія стихійныхъ силъ природы.

Законъ устанавливаетъ два вида вознагражденія потерпѣвшимъ: пособія и пенсіи, при чемъ, кромѣ того, во всѣхъ

случаяхъ утраты трудоспособности владѣлецъ обязанъ возмѣстить потерпѣвшему расходы по леченію.

Пособія назначаются въ случаѣ временной утраты трудоспособности въ размѣрѣ половины дѣйствительнаго заработка потерпѣвшаго. Пенсіи назначаются въ случаѣ постоянной утраты ея, при чемъ размѣръ пенсіи опредѣляется въ зависимости отъ свойства утраты работоспособности:— при полной потерѣ трудоспособности—въ размѣрѣ $^2/_3$ годового содержанія потерпѣвшаго, при неполной—въ меньшемъ размѣрѣ, смотря по степени ослабленія трудоспособности потерпѣвшаго.

Въ случаѣ смерти потерпѣвшаго, если она послѣдуетъ не позднѣе двухъ лѣтъ со дня несчастнаго случая, владѣлецъ предпріятія обязанъ выдать на погребеніе единовременно извѣстную сумму (отъ 15 до 30 руб.) и уплачивать пенсіи указаннымъ въ законѣ членамъ семейства умершаго. Вдовѣ полагается пенсія въ размѣрѣ $^1/_3$ годового содержанія умершаго, дѣтямъ (не только законнымъ, но узаконеннымъ, усыновленнымъ, воспитанникамъ и пріемышамъ) въ слѣдующемъ размѣрѣ: по $^1/_6$ при жизни одного изъ родителей и по $^1/_4$—круглымъ сиротамъ, а всѣмъ прочимъ родственникамъ, указаннымъ въ законѣ, по $^1/_6$. При этомъ, однако, общая совокупность пенсій, подлежащихъ уплатѣ членамъ семейства умершаго, не должна превышать $^2/_3$ годового содержанія умершаго. Пенсіи, по соглашенію сторонъ, могутъ быть замѣнены единовременными выдачами въ размѣрѣ десятикратнаго годового оклада пенсіи, если, конечно, число пенсіонныхъ годовъ не будетъ менѣе 10-ти (что можетъ имѣть мѣсто въ отношеніи къ малолѣтнимъ, за которыми законъ признаетъ право на полученіе пенсіи лишь до достиженія 15-тилѣтняго возраста); въ случаѣ вступленія вдовы въ бракъ назначенная ей пожизненная пенсія замѣняется единовременною выдачею ей трехъ годичныхъ пенсіонныхъ платежей.

Для осуществленія потерпѣвшими принадлежащихъ имъ правъ законъ устанавливаетъ порядокъ добровольнаго соглашенія сторонъ, при участіи фабричнаго инспектора, а при невозможности достигнуть такого соглашенія открываетъ потерпѣвшимъ возможность искать въ судѣ защиты

своихъ интересовъ. Потерпѣвшимъ и членамъ ихъ семействъ предоставляется входить съ владѣльцами предпріятій въ соглашеніе о видѣ и размѣрѣ причитающагося имъ вознагражденія. Если встрѣчается затрудненіе въ установленіи соглашенія, фабричный или горный инспекторъ по просьбѣ одной изъ сторонъ разъясняетъ ихъ права и обязанности и стремится склонить стороны къ соглашенію. Послѣднее свидѣтельствуется инспекторомъ, который однако обязанъ отказать въ засвидѣтельствованіи соглашенія, если признаетъ его явно и существенно нарушающимъ требованія закона. Въ законѣ не установлено обязанности сторонъ свидѣтельствовать соглашеніе, но нѣкоторыя указанія закона разсчитаны на то, чтобы склонить стороны къ засвидѣтельствованію. Владѣлецъ при засвидѣтельствованіи соглашенія получаетъ то преимущество, что на все время исполненія соглашенія незасвидѣтельствованнаго пріостанавливается теченіе двухлѣтней давности,—ему въ такомъ случаѣ во всякое время грозитъ возможность предъявленія иска рабочимъ. Для потерпѣвшихъ засвидѣтельствованіе соглашенія выгодно въ томъ отношеніи, что при непосредственномъ обращеніи ихъ въ судъ, минуя предварительное производство у инспектора, они лишаются права на полученіе съ отвѣтчика судебныхъ и за веденіе дѣла издержекъ. При безуспѣшности стараній прійти къ соглашенію при посредствѣ инспектора законъ открываетъ потерпѣвшимъ возможность обратиться къ суду; при этомъ потерпѣвшимъ предоставляются нѣкоторыя льготы: увѣчные пользуются правомъ бѣдности, производство ведется сокращеннымъ порядкомъ, по искамъ допускается предварительное исполненіе судебнаго рѣшенія.

Хотя законъ 2 іюня 1903 г. и составляетъ значительный шагъ впередъ въ развитіи нашего фабричнаго законодательства, въ отдѣльныхъ его частяхъ нельзя не усмотрѣть нѣкоторыхъ недостатковъ. Идея профессіональнаго риска проведена не вполнѣ: привнесеніе понятія грубой неосторожности рабочаго черезчуръ широко раздвигаетъ предѣлы возможной безотвѣтственности предпринимателя. Съ другой стороны, большимъ недочетомъ является и то, что законъ не распространяется на рабочихъ ремесленной, кустарной,

строительной, сельскохозяйственной, перевозочной промышленности и на рабочихъ казенныхъ предпріятій. Неполная удовлетворительность этого закона по обезпеченію рабочихъ, пострадавшихъ отъ несчастныхъ случаевъ, сознавалась уже при самомъ изданіи его: одновременно съ послѣднимъ министру финансовъ поручено было, въ теченіе пяти лѣтъ со дня введенія въ дѣйствіе закона 2 іюня (срокомъ этого введенія назначено было 1 января 1904 г.), войти въ Государственный Совѣтъ съ представленіемъ объ установленіи обязательнаго страхованія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ. Съ той поры въ нашей государственной жизни произведены весьма существенныя измѣненія, и надо надѣяться, что при новомъ законодательномъ порядкѣ шансы скорѣйшаго введенія у насъ обязательнаго страхованія рабочихъ увеличились.

Одновременно съ разсмотрѣннымъ закономъ было издано, также 2 іюня 1903 г., *Положеніе о пенсіонной кассѣ служащихъ* на казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ. По этому закону, имѣющему жизненное значеніе для очень значительной категоріи трудящихся, обязательными участниками кассы состоятъ всѣ лица обоего пола, находящіяся на службѣ какъ на казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ, такъ и въ управленіи желѣзныхъ дорогъ, въ томъ числѣ и рабочіе, которымъ присвоены постоянные годовые оклады содержанія; кромѣ обязательныхъ допускаются и добровольные участники. Средства кассы составляютъ: капиталы, переданные при учрежденіи кассы (закономъ 2 іюня по активу кассы зачислены долгомъ за казной 10 милліоновъ рублей, погашаемыхъ ежегодными платежами въ 450,000 руб.), а также капиталы, передаваемые на основаніи особыхъ постановленій при переходѣ частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ казну; обязательные вычеты съ участниковъ кассы въ размѣрѣ 6% мѣсячнаго содержанія; пособіе изъ средствъ казны, производимое ежегодно въ размѣрѣ половины обязательныхъ ежемѣсячныхъ 6%-ныхъ вычетовъ изъ содержанія участниковъ кассы; различныя поступленія, какъ-то сборы за содержаніе буфетовъ на станціяхъ, за торговлю на нихъ газетами и книгами и др. Обыкновенныя пенсіи назначаются по выслугѣ, съ участіемъ въ кассѣ не менѣе 15 лѣтъ; усиленныя пенсіи—по выслугѣ,

съ участіемъ въ кассѣ не менѣе 10 лѣтъ, въ случаѣ полной утраты трудоспособности по причинѣ тяжкой неизлѣчимой болѣзни; размѣры пенсій исчисляются по особымъ таблицамъ.

Въ томъ же году, 10 іюня 1903 г., изданъ былъ законъ *объ учрежденіи старостъ* въ промышленныхъ предпріятіяхъ. Для выясненія тѣхъ цѣлей, которыя имѣлись въ виду при изданіи этого закона, надлежитъ обратиться къ тому опредѣленію, какое въ немъ дается наименованію „староста". Институтъ старостъ представляетъ собою учрежденіе не обязательное, а добровольное. Фабричныя, заводскія и промысловыя управленія, съ разрѣшенія мѣстныхъ присутствій, имѣютъ право, по предварительномъ распредѣленіи рабочихъ на разряды, предоставить этимъ разрядамъ избирать изъ своей среды кандидатовъ въ старосты, а изъ этихъ кандидатовъ управленіе утверждаетъ одного старостою. „Староста признается уполномоченнымъ выбравшаго его разряда для заявленія управленію предпріятія, а равно учрежденіямъ и должностнымъ лицамъ, коимъ ввѣренъ мѣстный надзоръ за благоустройствомъ или порядкомъ въ заведеніи или на промыслѣ, о нуждахъ и ходатайствахъ разряда рабочихъ или отдѣльныхъ рабочихъ по дѣламъ, касающимся исполненія условій найма, а также быта рабочихъ въ данномъ заведеніи или промыслѣ". Для обсужденія указанныхъ дѣлъ староста собираетъ свой разрядъ рабочихъ, а для обсужденія дѣлъ, относящихся къ нѣсколькимъ разрядамъ, собираются уже не рабочіе со старостами, но одни старосты.

Созданіе института старостъ представляетъ собою робкую и въ значительной степени наивную попытку пойти на встрѣчу давно выяснившейся потребности извѣстной организаціи въ средѣ рабочихъ, въ сознаніи важности этого для упорядоченія разрѣшенія споровъ и недоразумѣній между рабочими и предпринимателями. Указанная потребность не могла однако получить достаточное удовлетвореніе при изложенной постановкѣ дѣла. Въ самой постановкѣ института старостъ, съ его неопредѣленностью, съ крайнею ограниченностью ихъ функцій, крылась причина того, что эта мѣра оказалась безжизненною затѣею. Возможность

пріобрѣтенія старостами необходимаго довѣрія со стороны рабочихъ и нужной авторитетности подрывалась въ корнѣ дискреціоннымъ правомъ губернатора устранять старостъ до истеченія срока, на который они были избраны, если эти старосты признавались „неудовлетворяющими своему назначенію", конечно, по мнѣнію администраціи.—Законъ о старостахъ утратилъ всякое значеніе съ развитіемъ въ послѣдующіе годы перемѣнъ въ общемъ строѣ нашей государственной жизни. Потребность рабочихъ въ организаціи съ цѣлью защиты ихъ интересовъ по улучшенію условій труда получила болѣе широкое удовлетвореніе въ возможности образованія профессіональныхъ обществъ на основѣ изложеннаго выше закона 4 марта 1906 года.

БИБЛИОТЕКА
Коммунистической
Академии